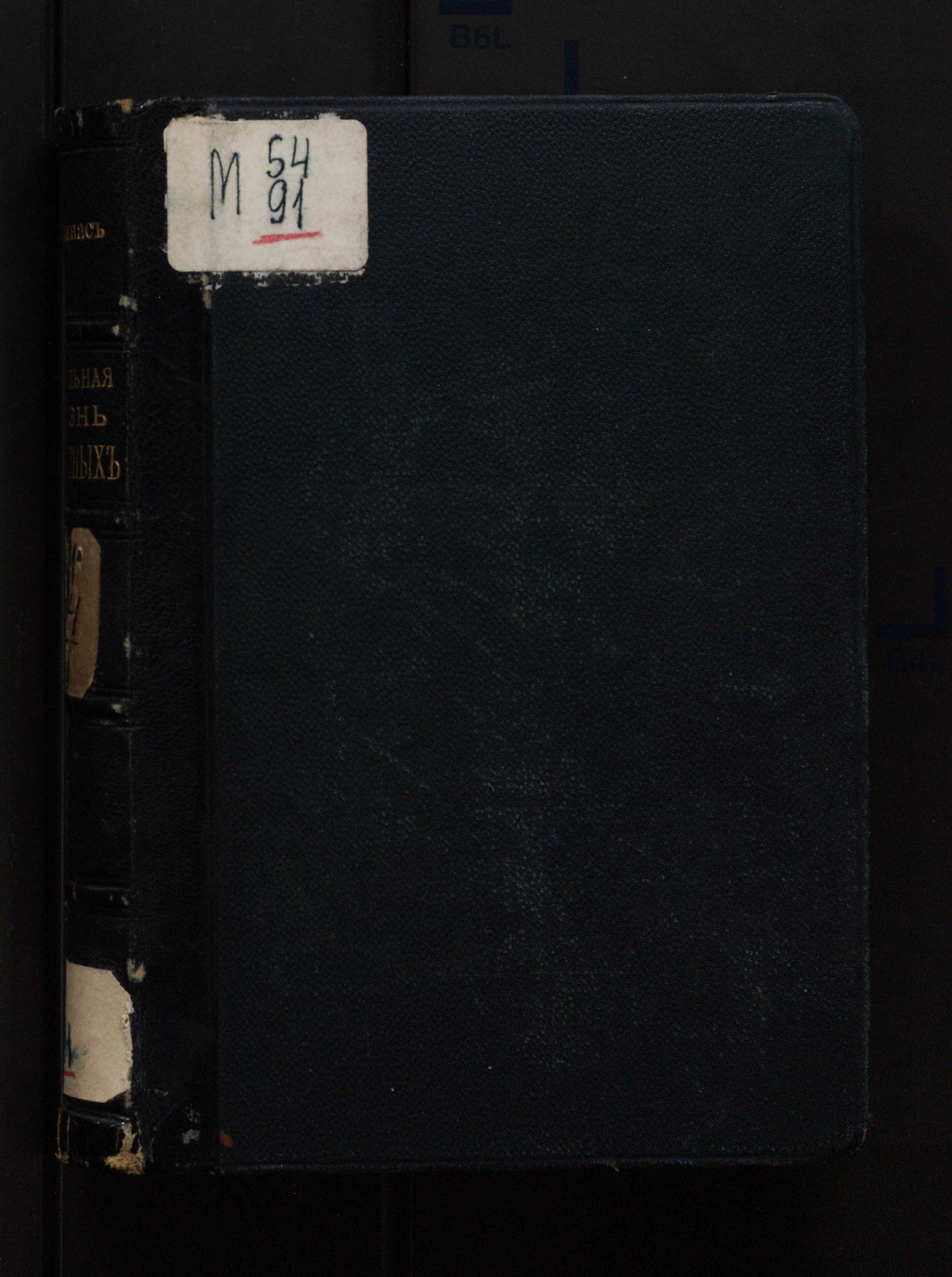
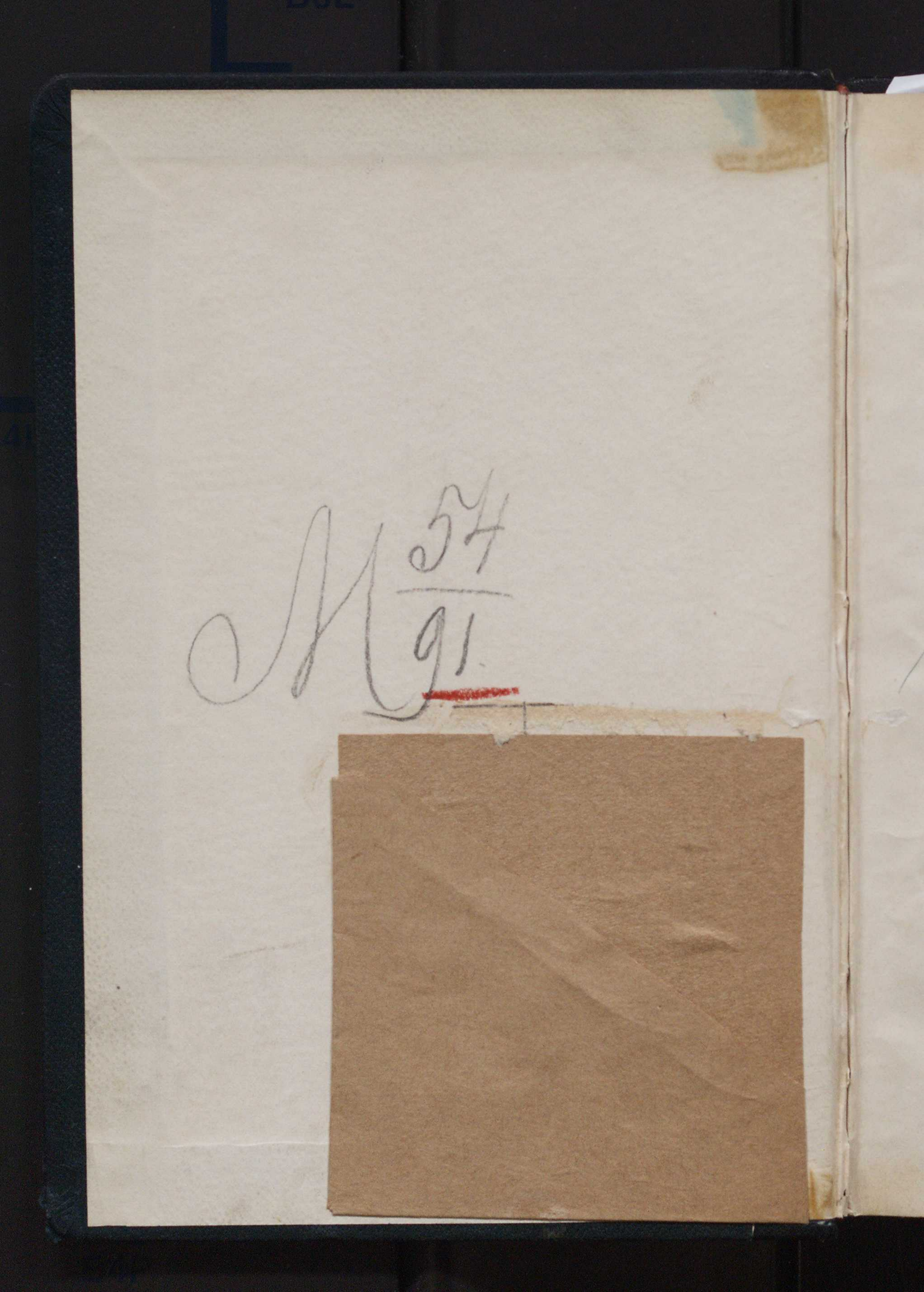
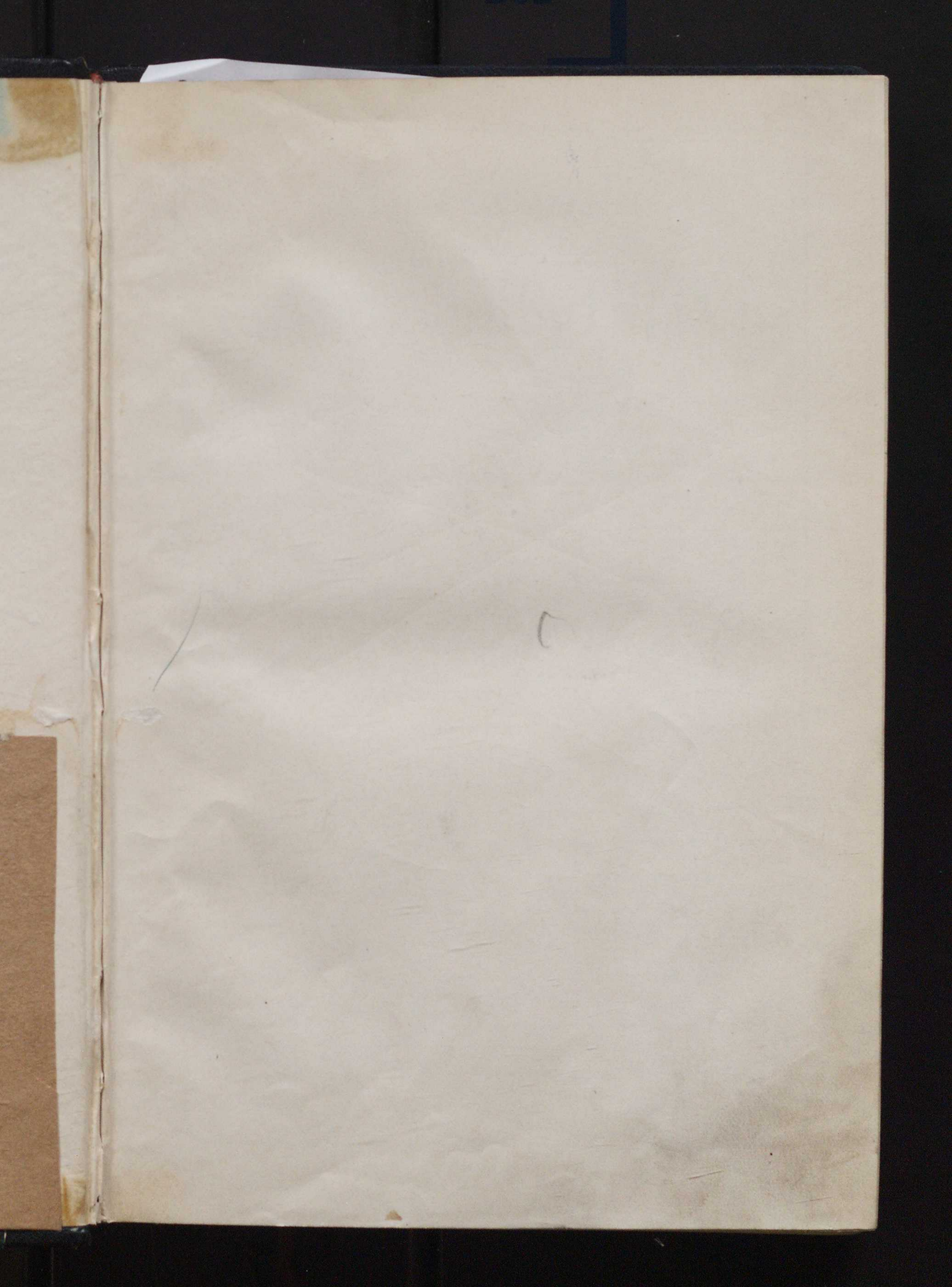
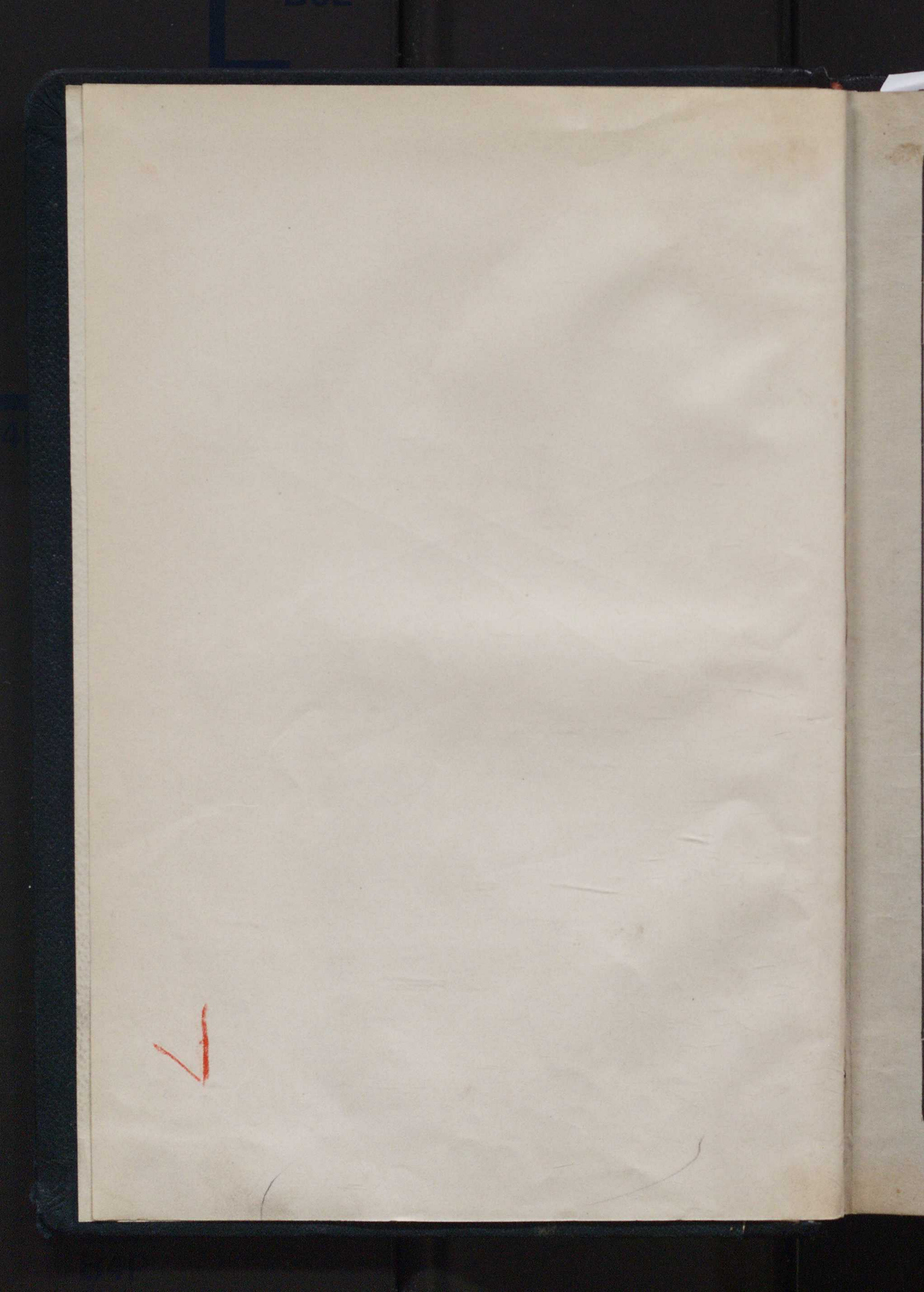

M 54
91

M 54/91

СОЦІАЛЬНАЯ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи.

А. ЭСПИНАСА.

Перевелъ со втораго французскаго изданія

Ф. Павленковъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

СОЦIАЛЬНАЯ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Опытъ сравнительной психологiи съ прибавленiемъ краткой исторiи соцiологiи

А. ЭСПИНАСА.

Перевелъ со второго французскаго изданiя

Ф. Павленковъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Желая избѣжать погрѣшностей въ передачѣ зоологических деталей этой книги, я читалъ свой переводъ частью въ рукописи, частью въ корректурныхъ листахъ—двумъ экспертамъ зоологіи, отъ которыхъ и получилъ, не смотря на разнорѣчіе между ними, не мало полезныхъ указаній относительно научной терминологіи предмета и номенклатуры животныхъ.

Затѣмъ, что касается остальнаго, т. е. самаго существа книги, то съ этой стороны я долженъ принять на себя полную отвѣтственность передъ читателемъ, такъ какъ здѣсь зоологическая экспертиза въ большинствѣ случаевъ не могла меня удовлетворить, а потому, прочитавши съ нею двѣ трети книги, я счелъ лишнимъ продолжать дальнѣйшее повѣрочное чтеніе: это только замедлило бы выходъ русскаго изданія безъ всякой пользы для дѣла.

Ф. Павленковъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ.

Τῶν φύσει ἡ πολίς ἐστί
(Аристотель, Политика, I, i, 9)

I.

Вопросъ: что такое общество животныхъ? У этого вопроса нѣтъ другой исторіи, кромѣ исторіи связаннаго съ нимъ вопроса: что такое общество людей? — Постановка этого вопроса въ Греціи софистами.— Представленныя рѣшенія; теорія Платона: Общество—живое существо, которому мудрецъ предписываетъ законы божественной жизни.—Теорія Аристотеля: общество, разсматриваемое, какъ конкретное существо, составляющее часть природы и изучаемое при помощи экспериментальнаго анализа.—Противоположная теорія Гоббса и Локка: общество, разсматриваемое, какъ дѣло искусства, какъ абстрактное понятіе, подчиненное однимъ законамъ логики и стоящее внѣ природы.—Возвращеніе ко взглядамъ Аристотеля и его методу: Спиноза.—Эти взгляды согласуются съ метафизикой какъ Лейбница, такъ и Спинозы. Они подтверждаются Монтескьё, экономистами и Кондорсэ.

Фактъ существованія животныхъ обществъ извѣстенъ, но не объясненъ. До сихъ поръ онъ не былъ связанъ ни съ какимъ общимъ закономъ природы. Разсужденія о немъ, едва выходящія за предѣлы констатированія явленія, встрѣчаются въ трудахъ натуралистовъ какъ бы случайно: тамъ и сямъ вы найдете у нихъ простыя указанія на извѣстныя агломераціи животныхъ, которыя они называютъ то колоніями, то республиками или государствами. Но названія эти мало способствуютъ уясненію природы животныхъ обществъ, такъ какъ въ свою очередь и политики, желая распредѣлить соціальныя тѣла по свойствамъ, сближающимъ ихъ съ другими существами, и обращая вниманіе одни на ихъ промышленность, другіе — на многолюдство, третьи, наконецъ, на ихъ медленное и самопроиз-

вольное возрастаніе, называютъ эти тѣла—то ульями, то муравейниками, то полипняками и даже деревьями. Такимъ образомъ, въ то время какъ натуралисты, подчиняясь безотчетной необходимости обобщенія, сравнивали животныя общества съ человѣческими, политики, движимые тѣмъ же побужденіемъ, уподобляли человѣческія общества общинамъ животныхъ. Но такъ какъ ни тѣ, ни другіе изъ нихъ не стремились къ уясненію источниковъ и основной сути этого сравненія, то они обоюдно только увеличивали своими уподобленіями общую путаницу вмѣсто того, чтобъ сколько нибудь ее разсѣять.

Нѣтъ науки частнаго. Двѣ указанныя группы фактовъ, обладающія несомнѣнной аналогіей и обозначаемыя однимъ тѣмъ же словомъ, могутъ уясниться для насъ лишь тогда, когда они будутъ сведены къ одному закону, вытекающему изъ ихъ общихъ свойствъ. Тщетны и безплодны всѣ столь часто возобновляемыя попытки открыть законы соціальной жизни въ человѣческомъ обществѣ независимо отъ ея проявленій въ остальной природѣ. Нельзя однако же не замѣтить, что одного простаго сближенія или аналогіи тутъ мало: для точнаго опредѣленія искомыхъ отношеній, какъ необходимое прелиминарное условіе, требуется глубокое изученіе обоихъ предметовъ или, вѣрнѣе, терминовъ сравненія. Вотъ почему мы сосредоточиваемъ теперь все наше вниманіе на соціальной жизни животныхъ, на животныхъ обществахъ. Когда затѣмъ экспериментальное знаніе человѣческихъ обществъ достаточно подвинется впередъ, сравненіе ихъ между собой можетъ сдѣлаться плодотворнымъ и наука съ большимъ шансомъ на успѣхъ будетъ въ состояніи приступить къ обобщеніямъ, имѣющимъ цѣлью подвести оба рода аналогичныхъ фактовъ подъ одинъ законъ.

Ни одно живое существо не бываетъ одинокимъ. Животныя въ особенности поддерживаютъ многочисленныя сношенія съ окружающими ихъ сосуществованіями и не только тѣ, которыя живутъ въ постоянномъ общеніи съ себѣ подобными, но почти всѣ, побуждаемыя біологическими требованіями, вступаютъ хотя иногда и въ кратковременный, но тѣсный союзъ съ другимъ индивидомъ одного съ ними вида. Даже въ областяхъ, гдѣ еще нѣтъ раздѣленія по-

ловъ—и тамъ мы уже находимъ нѣкоторые слѣды соціальной жизни у животныхъ, живущихъ, подобно растеніямъ, прикрѣпленными къ общему корневищу (souche) и у тѣхъ низшихъ существъ, которыя прежде чѣмъ отдѣлиться отъ организма, дающаго имъ жизнь, остаются нѣкоторое время приросшими къ нему и составляютъ одно цѣлое съ его существомъ. Итакъ, совмѣстная жизнь въ животномъ царствѣ не составляетъ случайнаго явленія; она появляется не по прихоти или какому-либо капризу то тамъ, то здѣсь; это совсѣмъ не привиллегія (какъ часто думаютъ) нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ на зоологической лѣстницѣ видовъ, каковы напр. бобры, пчелы и муравьи, а напротивъ—какъ мы надѣемся доказать въ этомъ сочиненіи—нормальный, постоянный и всемірный фактъ. Отъ самыхъ низшихъ ступеней лѣстницы и до самыхъ высшихъ, всѣ животныя въ извѣстный моментъ ихъ существованія входятъ въ составъ какого-нибудь общества: соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни. Это—біологическій законъ, который не безполезно будетъ выяснить какъ можно лучше. Такимъ же общимъ закономъ можно считать постоянное прогрессированіе въ развитіи соціальныхъ привычекъ: каждая зоологическая группа всегда подвигаетъ немного дальше въ томъ или другомъ направленіи усовершенствованіе этихъ привычекъ. Наконецъ, соціальные факты подчинены законамъ, и эти законы одинаковы повсюду, гдѣ только они проявляются, такъ что общественный міръ образуетъ въ природѣ значительную область, имѣющую свое обособленное единство и составляющую одно однородное цѣлое, гармонически связанное во всѣхъ своихъ частяхъ.

Этого вполнѣ достаточно для того, чтобъ къ его изученію прилагался научный методъ. Если все вышесказанное вѣрно, то всякій согласится съ нами, что было бы крайне интересно установить путемъ наблюденія всеобщность факта соціальной жизни, прослѣдить черезъ всю зоологическую лѣстницу все болѣе и болѣе поразительныя ея проявленія и отыскать ея существенные законы. Это именно мы и попытаемся сдѣлать, нисколько не скрывая отъ себя новости, а слѣдовательно и крайней трудности такой задачи.

Но къ этому опытному изысканію примѣшиваются еще самые

деликатные вопросы высокой важности, которые, увеличивая затрудненія, въ то же время удвоиваютъ его интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, переходя послѣдовательно отъ одной соціальной животной группы къ другой, мы скоро замѣтимъ, что въ образованіи ихъ все большую и большую роль играетъ представленіе, т. е. совершенно психологическій мотивъ, и что оно, наконецъ, становится главной побудительной причиной ассоціаціи. Но съ этого момента мы увидимъ, что, подобно тому, какъ составные элементы живаго тѣла своимъ приспособленіемъ къ одной и той же біологической дѣятельности образуютъ одно цѣлое, которое въ многообразіи своихъ частей живетъ одной и той же жизнью, точно также и индивидуальныя животныя, составляющія общество, путемъ обмѣна ихъ представленій и взаимности психологическихъ актовъ, стремятся создать одно общее болѣе или менѣе концентрированное сознаніе, кажущееся на видъ какъ бы индивидуальнымъ. Отсюда является двойная задача, къ разсмотрѣнію которой мы не можемъ приступить теперь же, но рѣшеніе которой будетъ подготовляться нами впродолженіе всей нашей классификаціи обществъ:

1° Каково отношеніе индивидовъ къ психическому центру, съ которымъ связана ихъ дѣятельность и къ группѣ, среди которой они родятся, какъ отдѣльныя тѣла и обособленныя сознанія? Какъ согласить между собой индивидуальности цѣлаго и частей, и если цѣлое составляетъ настоящій индивидъ, то какимъ путемъ образуется въ немъ коллективное сознаніе?

2° Какого рода существо представляетъ собой общество? Есть ли существо, въ собственномъ смыслѣ слова, нѣчто реальное и конкретное или только абстракція, понятіе безъ соотвѣтствующаго ему осязаемаго предмета, простое выраженіе, слово? Короче, есть ли общество такое же живое и реальное существо, какъ индивидъ (даже, пожалуй, болѣе реальное), или же это только единство совокупности, словесное обозначеніе сущности, все содержаніе которой исчерпывается индивидомъ?

Важность этихъ вопросовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе они не были еще ясно поставлены относительно животныхъ обществъ, хотя не разъ поднимались по поводу соціаль-

ной жизни человѣка. Среди этихъ дебатовъ оппоненты нерѣдко указывали вскользь и на фактъ животныхъ обществъ, но онъ служилъ имъ, какъ аргументъ для подкрѣпленія самыхъ противоположныхъ доктринъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію этого факта, намъ необходимо сдѣлать обзоръ главнѣйшихъ системъ общественной философіи, хотя бы только въ ихъ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, съ тѣмъ чтобъ познакомиться съ различными рѣшеніями относительно проблеммы соціальной жизни вообще и съ теоріями, которыя въ частности, хотя бы и мимоходомъ, высказывались до сихъ поръ философами по поводу животныхъ обществъ.

Первые синтетическіе взгляды на человѣческое общество были высказаны въ Греціи софистами. Кому же именно изъ нихъ мы должны приписать честь такого важнаго обобщенія? Древность на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта: нужно думать, что идеи, которыя намъ предстоитъ изложить, принадлежали не столько какому-либо отдѣльному человѣку или даже цѣлой группѣ людей, сколько времени и обществу. Повидимому, онѣ были распространены какъ бы въ воздухѣ Аѳинъ, когда тамъ процвѣтала школа софистовъ и получили отъ нея лишь болѣе рельефную форму и смѣлое развитіе. Правда, ихъ принимали скорѣе люди, склонные къ новшествамъ, но принимая ихъ, они не переставали быть и считать себя «добрыми гражданами». Въ самомъ дѣлѣ, пользуясь съ большимъ рвеніемъ этими идеями для критики старыхъ заблужденій, они не подозрѣвали, что потрясаютъ этимъ путемъ основы и взрываютъ на воздухъ древнее знаніе гражданственности.

Софисты высказывали болѣе или менѣе ясно (по крайней мѣрѣ такъ резюмируетъ ихъ ученіе Платонъ), что міръ дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ подчинена природѣ и ея неизмѣннымъ законамъ, другая управляется свободной волей людей (*Законы*, 880, 6).

Къ первой, громадной по размѣрамъ, принадлежатъ всѣ неодушевленныя и одушевленныя существа и самъ человѣкъ, насколько онъ является продуктомъ природы; ко второй, гораздо менѣе значительной и безплодной,—всѣ человѣческія произведенія, наши орудія, жилища, законы и вѣрованія. Отсюда два рода бытія: естественное (φύσει) и искуственное (θέσει). Спрашивается теперь, не есть ли общество—существо условное, созданное и поддерживаемое искусствомъ человѣка? По ученію софистовъ, это не совсѣмъ такъ, а судя по рѣчи Калликлеса въ *Gorgias*, скорѣе даже обратное. Правда, большая часть нашихъ законовъ произвольна и условна, но есть между ними и такіе, которые, ускользая отъ нашего вниманія, вытекаютъ изъ взаимодѣйствія соціальныхъ силъ, изъ столкновенія интересовъ и страстей, и эти законы—естественные. Напрасно люди старались подчинить естественное право праву условному, договорному; воля болѣе сильнаго легко разбиваетъ эти хрупкія преграды (*Gorgias*, рѣчи Калликлеса). Впрочемъ, доктрина эта способна принимать самое удовлетворительное толкованіе, если признать, что общая воля, откуда выходитъ опредѣленіе добра и зла по гражданскому закону, въ суммѣ всегда сильнѣе индивидуальныхъ капризовъ. Итакъ, мы находимъ здѣсь въ первый разъ выраженіе той идеи, что общественная организація есть явленіе природы, которое совершается самопроизвольно, предшествуя человѣческимъ договорамъ и мѣропріятіямъ и главенствуя надъ ними.

Одно ироническое мѣсто у Аристофана (*Облака*, 1410—1430) показываетъ намъ, что тогдашніе партизаны новыхъ началъ прибѣгали къ сравненію человѣческаго общества съ обществами животныхъ, чтобъ открыть участіе природы въ организаціи семьи и гражданскихъ отношеній. «Не былъ ли такой же человѣкъ, какъ мы, тотъ, кто установилъ законъ, что сынъ не долженъ бить своего отца и заставилъ своихъ современниковъ принять его? Почему же не могъ бы и я издать новый законъ, который позволялъ бы сыновьямъ бить своихъ отцовъ, подобно тому, какъ тѣ бьютъ своихъ дѣтей? Посмотри на пѣтуховъ и другихъ животныхъ: не защищаются ли они противъ своихъ родителей. Между тѣмъ въ чемъ же

и заключается разница между ними и нами, какъ въ не томъ, что они не издаютъ указовъ»?

Съ этой точки зрѣнія, софисты могли бы вывести законность племенной вражды: какъ естественна борьба между двумя семействами или группами животныхъ, такъ же точно имъ казалась натуральной война и взаимное отрицаніе всякихъ правовыхъ отношеній между греками и варварами. Но они особенно поражались искусственнымъ, произвольнымъ характеромъ основныхъ учрежденій греческихъ городскихъ общинъ и осуждали исключеніе иностранцевъ и рабство, какъ совершенно условныя основы общественнаго строя. По крайней мѣрѣ такъ можно судить по весьма извѣстной рѣчи одного софиста въ *Protagoras*: «На всѣхъ васъ, кто здѣсь есть, я смотрю, какъ на родныхъ, друзей и согражданъ, если не по закону, то по природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подобный имѣетъ естественное влеченіе къ подобному; но законъ, этотъ тиранъ людей, часто насилуетъ природу» (*Protagoras*, переводъ на француз. Кузена, стр. 70). На то же самое указываетъ и слѣдующее мѣсто изъ Аристотеля, относящееся, безъ сомнѣнія, къ однимъ и тѣмъ же политическимъ теоріямъ: «Нѣкоторые утверждаютъ, что рабство противно природѣ, такъ какъ различіе между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ есть только юридическая законодательная фикція, природа же не дѣлаетъ между ними никакой разницы. Вотъ почему рабство, будучи основано на насиліи закона надъ природой, болѣе чѣмъ несправедливо» (Аристотель. *Политика*, I, II, 3). Итакъ, мы видимъ, что софисты уже осуждали современное имъ положеніе вещей во имя болѣе совершеннаго естественнаго состоянія, существовавшаго лишь въ ихъ умѣ—дорогая черта реформаторовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Всѣ усилія Сократа и его послѣдователей (которыхъ Цицеронъ называетъ сократистами) были направлены противъ доктрины софистовъ, угрожавшей безпорядками: ученіе это указывало на глубокое противорѣчіе между естественными законами и положительнымъ законодательствомъ государства. Нельзя отрицать—какъ говоритъ Гротъ,—что, съ аѳинской точки зрѣнія, софисты и сократисты были то, что мы называемъ теперь революціонерами и кон-

серваторами *). Сократъ утверждалъ, что общественныя явленія, такъ же какъ и всѣ другія группы явленій, подчинены своимъ особымъ условіямъ, и что эти условія составляютъ предметъ науки, безъ которой *политика* не достойна своего имени. Возмутительно видѣть, что никто не стремится стать лоцманомъ, архитекторомъ или врачемъ, не зная законовъ мореплаванія, построекъ и жизни, между тѣмъ какъ первый пройдоха, лишенный какихъ бы то ни было спеціальныхъ знаній по обществовѣдѣнію, не возбуждая удивленія, претендуетъ на управленіе гражданами. Указавши на такой сомнительный источникъ законодательства, Сократъ въ то же время утверждаетъ, что естественные законы, составляющіе непремѣнное условіе существованія обществъ, тождественны съ тѣми положительными законами и тѣмъ правосудіемъ, ка ія даются кодексами. Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ (*Меморабилія* IV, 4, 12, 13, 19, 25)—писанные законы непроизвольны; они основаны не написанныхъ законахъ, которые сами боги начертали въ сердцѣ человѣка. Иначе, какимъ бы образомъ различные народы совпали между собой въ признаніи наиболѣе общихъ изъ этихъ условій и положили бы ихъ въ основу своихъ кодексовъ? Итакъ, не признавать этихъ законовъ равносильно безбожію и измѣнѣ своему отечеству. Таковы тенденціи всѣхъ сократистовъ и въ частности Платона. Они стоятъ рядомъ съ тѣми мыслителями, которые признаютъ общество за произведеніе природы (τῶν φύσει), но въ то же время смотрятъ на природу, какъ на актъ божественной воли; естественные моральные законы, въ ихъ глазахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сверхъестественные, причемъ религія и религіозная нравственность заинтересованы въ своемъ сохраненіи не менѣе, чѣмъ само государство.

Такимъ образомъ политика Платона можетъ быть раздѣлена на двѣ части: съ одной стороны онъ признаетъ соціальные законы естественными и согласными съ законами, наблюдаемыми въ животныхъ обществахъ; съ другой же—старается доказать, что истинная природа этихъ законовъ заключается въ вѣчной идеѣ справедливости, и что государства находятъ нормальныя условія своего

*) См. Гротъ. Исторія Греціи, томъ XII.

существованія въ ихъ согласіи съ идеаломъ абсолютнаго. Нельзя не замѣтить глубокаго противорѣчія между этими двумя доктринами. Оно такъ глубоко, что Платонъ никогда не могъ его изгладить и примирить въ высшемъ синтезѣ. Какъ теоретическій политикъ, онъ является передъ нами въ одно время и самымъ крайнимъ реалистомъ и самымъ крайнимъ идеалистомъ.

За исключеніемъ Ксенофонта, едва ли не самаго вѣрнаго представителя политическихъ тенденцій Сократа, никто не выказалъ столько отвращенія, какъ Платонъ, къ этимъ «нечестивцамъ», видѣвшимъ въ гражданскихъ и религіозныхъ законахъ дѣло человѣческихъ рукъ. Онъ желалъ бы заставить ихъ замолчать и совѣтуетъ не щадить никакихъ усилій для убѣжденія ихъ въ томъ, что общества съ своими древними учрежденіями есть произведеніе природы, дѣло творческаго провидѣнія. Таковы на самомъ дѣлѣ положенія, составляющія основу политическихъ діалоговъ. Они, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма энергично въ нихъ поддерживались.

По Платону, первымъ двигателемъ общественной жизни является обычай, т. е. совокупность постоянныхъ влеченій, или нравы, изъ которыхъ исходятъ законы. Безъ нравовъ законы не могли бы устоять ни одной минуты; безъ нравовъ они не могли бы даже и создаться, ибо законы въ сущности тѣ же нравы, но только облеченные въ формулы (*Законы*, 793, а). Но нравы въ свою очередь зависятъ отъ мнѣній — не тѣхъ, которыя освѣщаются размышленіемъ и наукой, а тѣхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ бываютъ безсознательными инстинктами народовъ (752, с). Климатъ, пища, всѣ вообще внѣшнія обстоятельства значительно вліяютъ какъ на складъ идей, такъ и на строеніе тѣлъ (747, d). Хорошій или дурной государственный строй, достойное или презрѣнное правительство зависятъ поэтому прежде всего отъ вліянія міровой среды; сама природа или благопріятствуетъ имъ, или создаетъ для нихъ препятствія. (709, а).

Опредѣляющей причиной общественной организаціи является потребность; подъ ея вліяніемъ, населеніе, состоящее вначалѣ изъ сходныхъ индивидовъ, раздѣляется на группы, выполняющія раз-

личныя отправленія, которыя скоро становятся необходимыми одни для другихъ. Этотъ законъ, называемый нами *раздѣленіемъ занятій*, поставленъ и выясненъ Платономъ со всей надлежащей точностью (*Республика*, 379, а), причемъ онъ опредѣляетъ и ея настоящіе мотивы: 1) работа, избираемая согласно съ наклонностями, идетъ болѣе успѣшно; 2) то, что дѣлается постоянно, производится лучше, въ большемъ количествѣ и съ меньшимъ трудомъ; 3) при занятіяхъ, всецѣло посвященныхъ одному и тому же предмету, менѣе теряется времени и различнаго рода благопріятныхъ случайностей *). Такимъ путемъ устанавливается между различными классами тѣсная солидарность, дѣлающая ихъ дорогими другъ для друга.

Кромѣ того, люди одного государства, сыны одной и той же земли, не могутъ не любить другъ друга, какъ братья, если они считаютъ себя дѣтьми одной общей родины (*Республика*, 414, d.). Всѣ члены Платонова государства при тѣсномъ союзѣ связаны между собой еще кровными узами, но такъ, что тамъ, какъ въ стадѣ, отцы не знаютъ своихъ дѣтей и дѣти своихъ отцовъ. Всѣ взрослые одинаково заботятся объ общемъ потомствѣ и, наоборотъ, всѣ члены подростающаго поколѣнія оказываютъ почтеніе старшимъ. Женщины такъ же, какъ самки животныхъ, раздѣляютъ всѣ работы мущинъ. Если наиболѣе красивые представители одного пола соединяются съ наиболѣе красивыми представителями другаго, то племя развивается путемъ половаго подбора, дѣйствіе котораго усиливается еще тѣмъ, что слабыя дѣти уничтожаются. Вообще дѣти походятъ на родителей и наслѣдуютъ отъ нихъ ихъ качества, что должно опредѣлять ихъ вступленіе въ одинъ и тотъ же классъ общества. Къ дѣйствію подбора и наслѣдственности присоединяется еще воспитаніе, вліяющее на человѣка такимъ же могущественнымъ образомъ, какъ на животное и растеніе. Оно прививаетъ къ молодымъ гражданамъ извѣстныя вѣрованія и привычки, безъ которыхъ недѣйствительны никакіе законы.

---

*) Εκ δὴ τούτων πλείωτε ἕκαστα γίγνεται κὰι κάλλιον κὰι ρᾷον, ὅταν εἶς ἓν κατὰ φύσιν κὰι ἐν καιρῷ, σχολὴν πῶν ἄλλων ἄγων, πράττη. (*Респуб.* 370, с.).

Такимъ-то образомъ устанавливается какъ бы само собой единство государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется та стойкость сопротивленія, которую общественныя тѣла противопоставляютъ многочисленнымъ вліяніямъ, стремящимся къ ихъ разрушенію. Государство представляетъ собой живое тѣло, подобное индивиду. Различные его классы соотвѣтствуютъ различнымъ способностямъ отдѣльнаго лица. У него, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя душа, исходящая изъ общаго всеміpнаго духа. Такъ же, какъ человѣкъ, оно родится, развивается и умираетъ и такъ же, какъ онъ, имѣетъ свои болѣзни, происходящія отъ столкновенія между его отправленіями, нарушающаго ихъ согласіе и гармонію. Все это свойства, характеризующія общество, какъ продуктъ природы. Трудно идти далѣе въ натуралистическихъ воззрѣніяхъ на его природу.

Таково ученіе Платона о государствѣ съ его реальной стороны. Но у него есть еще другая совершенно противоположная сторона, которую мы здѣсь и разсмотримъ. Не нужно забывать, что начало всѣхъ наукъ лежитъ въ искусствахъ — всякая наука въ первой фазѣ своего существованія была искусствомъ. Такимъ же точно образомъ и практическая политика разрабатывалась значительно прежде аналитическаго изслѣдованія обществъ. Платона занимаетъ не то, что такое общество, а чѣмъ оно *должно* быть. Поэтому его сочиненія заключаютъ въ себѣ не столько наблюденія надъ соціальными явленіями, сколько правила общественной жизни. Руководящую роль въ его политикѣ играетъ нравственность. Нравственность требуетъ, чтобъ человѣкъ былъ добродѣтельнымъ. Итакъ, вотъ цѣль, къ которой должна стремиться политика. Но въ чемъ состоитъ добродѣтель? Она имѣетъ чисто индивидуальный характеръ. Это—торжество разума надъ органическими наклонностями индивида, побѣда духа надъ плотью. Государство вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію не тогда, когда оно, подобно животному, наслаждается здоровьемъ, изобиліемъ и благосостояніемъ, но когда его общественный строй благопріятствуетъ образованію добродѣтельныхъ гражданъ. Нѣтъ нужды, если оно погибнетъ, лишь бы только его учрежденія достигали этой цѣли, или—вѣрнѣе—необходимо, чтобъ

оно ее достигало, потому что разъ эта цѣль достигнута, государство будетъ неизбѣжно процвѣтать; сама же по себѣ жизнь не имѣетъ никакой цѣны. Никто не опредѣлитъ, что лучше — жизнь или смерть... Но можетъ ли государство достигнуть этой цѣли одними только собственными силами? Конечно нѣтъ, ибо оно, какъ живое тѣло, само состоитъ изъ духа и плоти, да и матерія, входящая въ его составъ, какъ вообще всякая матерія, подвержена неустойчивому хаотическому движенію, не говоря уже о многоразличіи ея частей. Итакъ, измѣняемость и многоразличіе желаній противоположны сущности добродѣтели. Всякая добродѣтель едина и неизмѣнна, потому что *идея добра* сама по себѣ имѣетъ эти свойства, а добродѣтель есть только осуществленіе вышеупомянутой идеи. Итакъ, необходимо, чтобъ государство получило извнѣ отпечатокъ постоянства и единства. Никогда, говоритъ Платонъ, толпа, предоставленная самой себѣ, не выйдетъ изъ сферы революцій и хаоса. Дикое и тупое животное, она не способна къ самоуправленію.

Остается только показать, какимъ образомъ государство воспринимаетъ эти два основныя качества. Живыя существа рождались въ порядкѣ ихъ относительнаго совершенства. Во главѣ происхожденія вещей находится Богъ—это безусловное единство и неизмѣнность; за нимъ слѣдуетъ міровая душа, различные элементы которой соединены въ неисовершеннѣйшихъ отношеніяхъ и совершаютъ круговыя повторяющіяся движенія: она предшествуетъ всѣмъ другимъ душамъ. Затѣмъ явились души небесныхъ свѣтилъ, связанныя съ громадными живыми тѣлами и сообщающія имъ менѣе совершенное единство, которое все же еще вытекаетъ изъ довольно простыхъ отношеній: хотя движеніе ихъ бываетъ весьма разнообразно, тѣмъ не менѣе оно правильно повторяется и остается всегда, насколько это возможно, подобнымъ самому себѣ. Только позднѣе уже являются на свѣтъ демоны Эфира, Воздуха и Водъ, а за ними, наконецъ, и человѣкъ вмѣстѣ съ другими живыми существами, образовавшимися изъ земной персти. Эта іерархія міровой жизни есть также и іерархія обществъ. Въ первой основѣ пребываютъ сущности, образующія между собой совершенное общество, которое неспособно ни къ борьбѣ (opposition), ни къ измѣ-

неніямъ; звѣзды представляютъ образецъ общества, въ совершенствѣ котораго отражается, насколько это позволяетъ входящая въ ихъ составъ матерія, совершенство первой основы. Это тотъ образецъ, который должна осуществлять въ свою очередь общественная душа. Выполняя эту роль, она не удалится отъ природы, потому что природа есть именно то, что въ каждомъ предметѣ едино и неизмѣнно. Сдѣлать человѣческое государство столь же цѣльнымъ и устойчивымъ, какъ государство небесное, изгнать изъ него всякую борьбу, противорѣчія и измѣненія, такъ что бы оно, насколько возможно, напоминало самого Бога, значитъ—приблизить это государство къ его истинной природѣ. Какой болѣе прекрасный удѣлъ и какая еще болѣе высокая цѣль могутъ представляться для политика? Но, что я говорю! Политикомъ тутъ можетъ быть только философъ, потому что только онъ одинъ позналъ Идею добра, которую ему приходится отпечатлѣть на разсѣянной и измѣняющейся матеріи.

Мудрецъ—представитель Бога, рука, посредствомъ которой Богъ воздѣйствуетъ на мятежную матерію: онъ—душа государства, которое передъ нимъ лишь простое инертное тѣло. Мудрецъ пренебрегаетъ реформированіемъ старыхъ государствъ, развращенныхъ несогласіями и любовью къ перемѣнамъ. Онъ беретъ юную колонію и начинаетъ ее заботливо очищать отъ всѣхъ развращающихъ элементовъ; ни ссылка, ни самыя тяжкія уголовныя наказанія не кажутся ему черезчуръ строгими, если онъ можетъ посредствомъ этихъ мѣръ укрѣпить добродѣтель среди остальныхъ гражданъ. Прежде всего онъ устанавливаетъ законы; но лучше, если ему удастся обойтись безъ нихъ. Его вездѣсущая и постоянно бодрствующая воля, будучи одушевлена идеей добра, лучше гарантируетъ нравственные интересы гражданъ, чѣмъ неполные и односторонніе законы. Онъ вводитъ общность имуществъ и самъ производитъ раздѣлъ земель; онъ запрещаетъ своимъ подданнымъ обогащаться, не дозволяетъ производствъ и профессій, ведущихъ къ роскоши и изгоняетъ поэтовъ. Онъ принимаетъ необходимыя мѣры къ тому, чтобы наиболѣе красивые мущины соединялись въ указанное время съ наиболѣе красивыми женщинами и заботится, чтобъ

дѣти оставались неизвѣстными своимъ матерямъ, которыя въ извѣстные часы должны приходить для кормленія всѣхъ грудныхъ дѣтей безразлично. Онъ опредѣляетъ число дѣтей, необходимыхъ для государства и опредѣляетъ для каждаго тотъ классъ, къ которому онъ долженъ принадлежать по его способностямъ. Онъ не позволяетъ никому выходить изъ сферы его профессіи и обязанностей, которыя всегда должны быть одного рода. Каждому свое: рабочимъ—трудъ, солдатамъ—опасность, философамъ—наука. Воспитаніе находится въ рукахъ царя-философа; занятія, игры, пѣсни дѣтей—все до прогулокъ беременныхъ женщинъ и движенія колыбельныхъ нянекъ регламентируется его волей разъ навсегда и затѣмъ уже не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ: его главное усиліе состоитъ въ томъ, чтобъ облечь всѣ дѣйствія гражданъ въ точно установленныя формы. Короче, онъ въ государствѣ то же, что пастухъ въ своемъ стадѣ. Сравненіе это не имѣетъ въ себѣ ничего метафорическаго: какъ человѣкъ, ниспосланный съ небесъ, нѣчто вродѣ «помазанника божія», онъ долженъ стоять выше другихъ людей и принадлежать какъ бы къ высшей ихъ расѣ. Нѣкогда на землѣ существовало небесное правленіе. Въ отдаленныя времена не только сыновья Нептуна царствовали на островѣ Атлантидѣ, но боги удостоивали лично управлять смертными. «Въ тѣ времена богъ управлялъ ими самъ такъ же, какъ въ наши дни люди—эта высшая раса—пасутъ стада низшихъ расъ животныхъ (*Политика*, 271, е.)». На вѣки памятное время! Добродѣтель снова займетъ господствующее мѣсто и человѣчество сдѣлается счастливымъ только тогда, когда философъ вновь перенесетъ этотъ порядокъ съ неба на землю.

Если есть искусственная политика, и такое ученіе, гдѣ общество играетъ роль чистой машины, которая двигается лишь подъ вліяніемъ внѣшней силы—то это, безъ сомнѣнія, политика и ученіе Платона. Она отнимаетъ всякую свободу воли у членовъ общественнаго тѣла за исключеніемъ одного, получающаго вдохновенія свыше. Желая сообщить государству новую жизнь, онъ низводитъ его до роли и инертнаго орудія въ рукахъ философа и, обходясь безъ всякихъ наблюденій, претендуетъ построить соціальную науку на

апріорныхъ началахъ, причемъ общество является у него какимъ-то ворохомъ отвлеченностей, системой пустыхъ абстрактныхъ понятій *). Безвыходное заблужденіе — вотъ общій удѣлъ всѣхъ, придерживающихся апріорнаго метода въ изслѣдованіи общественныхъ вопросовъ. Мы убѣдимся въ этомъ еще не одинъ разъ.

Изъ двухъ частей, на которыя нами была раздѣлена политика Платона, его ученикъ Аристотель принимаетъ лишь первую — реалистическую и, глубоко переработавъ ее, сообщаетъ ей научный характеръ. Что касается второй, то онъ почти совсѣмъ ее отбрасываетъ.

Политика, по его мнѣнію, имѣетъ цѣлью познать то, что есть, а не то, что должно быть. Она не фабрикуетъ человѣческой натуры по своему произволу, но беретъ людей такими, какими ихъ даетъ ей природа и старается воспользоваться по возможности лучшими ихъ сторонами **). Затѣмъ она не зависитъ также и отъ морали; напротивъ, мораль только одна изъ ея частей, такъ какъ гражданское общество заключаетъ въ себѣ условія всякаго блага для индивида: только въ немъ онъ осуществляетъ свою цѣль, достигаетъ полноты своего совершенства и развитія своей природы. Цѣль человѣка есть вполнѣ цѣль общественная (*Этика*, I, 5). Итакъ, правила человѣческой дѣятельности исходятъ изъ знанія законовъ той среды, въ которой она развивается, и политика необходимо предшествуетъ морали. Государство, по ученію Аристотеля, есть продуктъ природы, живое существо, ζῶον которое слѣдуетъ изучать по одному и тому же методу со всѣми одушевленными существами, а именно путемъ экспериментальнаго анализа (Аристотель, *Политика*, I, ι, 3). Подняться отъ его настоящей формы къ первобытной съ тѣмъ, чтобы уловить его образовательный элементъ — вотъ задача, которую онъ себѣ ставитъ и старается разрѣшить. Собственно говоря, образовательный элементъ общества — не индивидъ, а пара, состоящая изъ двухъ существъ, которыя живутъ одной жизнью и

---

*) См. нашу латинскую диссертацію: *De civitate apud Platonem qua fiat una*. G. Baillière 1877.

**) Ἀνθρώπους οὐ ποῖει ἣ πολιτικὴ, ἀλλὰ λαβοῦσα παρὰ τῆς φύσεως, χρῆται αὐτοῖς. (*Политика*, I,ııı, 21.).

составляютъ нераздѣльныя части одного и того же цѣлаго (*Политика*, I, ı, 4), какъ это предугадывалъ Платонъ въ своемъ *Пирѣ*. Семейства, разростаясь, образуетъ общины или поселки (тамъ же, I, ı, 7), которые, въ свою очередь, такимъ же образомъ складываются въ болѣе широкую общину—государство. Такой историческій переходъ отъ первой стадіи къ послѣдней совершается путемъ наслѣдственности и развитія (см. тотъ же параграфъ 7). Органическій законъ, управляющій человѣческимъ обществомъ, тотъ же самый, которымъ управляется всякое живое тѣло и всякая совокупность живыхъ существъ. Въ самомъ дѣлѣ, общественность не составляетъ исключительной принадлежности человѣка; онъ только, благодаря свойственной ему членораздѣльной рѣчи, обладаетъ ею въ болѣе высокой степени, чѣмъ всѣ другія животныя (тамъ же, 9). Правда, образуемыя имъ ассоціаціи, которыя порождаются потребностью и нуждой, по мѣрѣ своего развитія, слишкомъ далеко оставляютъ за собой соотвѣтствующія имъ общества животныхъ. Истинная природа существъ вполнѣ обнаруживается только въ концѣ его развитія и человѣческое общество завершится лишь тогда, когда оно будетъ обосновано на общеніи идей добра и зла, справедливаго и несправедливаго; однимъ словомъ, когда оно сдѣлается нравственнымъ организмомъ (тамъ же, 10). Но хотя такое общество, повидимому, становится какъ бы выше природы, оно, однако, въ сущности нисколько не отдѣляется отъ нея, а только сосредоточиваетъ ее въ себѣ. Таковъ духъ политической философіи Аристотеля; мы ограничиваемся указаніемъ на ея главнѣйшія черты.

1° Такъ какъ общество есть живое существо, то оно подчиняется общему біологическому закону рожденія и смерти, развитія и упадка. Измѣненіе — необходимое условіе его жизни. Было бы чистой химерой пытаться заключить его въ неподвижныя рамки. Различныя по условіямъ времени, общества различаются между собой также и по окружающимъ ихъ средамъ. Никакое государственное устройство не можетъ быть пригоднымъ для всѣхъ народовъ (*Политика*, IV, ı, 3 и 5).

2° Никакое живое существо не состоитъ изъ одинаковыхъ час-

тей. Общество должно состоять изъ частей, отличающихся другъ отъ друга внутренними особенностями. Вотъ почему семейство, этотъ общественный элементъ, само состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ — мужчины, женщины и дѣтей. Это различіе природы между элементами есть существенное условіе ихъ сотрудничества. Въ самомъ дѣлѣ, оно допускаетъ съ одной стороны подчиненіе, съ другой — управленіе, т. е. правительство (тамъ же, I, I, 4; II, 8 и 9). Въ семьѣ единство устанавливается, благодаря господству мущины надъ женщиной, дѣтьми и рабами (тамъ же, I, I, 12; V, 1); въ родѣ семейная власть превращается въ патріархальную и по образцу этой послѣдней въ болѣе обширныхъ ассоціаціяхъ, состоящихъ изъ многихъ родовъ — власть королевскую. Скоро, однако, королевская власть сама измѣняется въ формѣ: изъ абсолютной она становится ограниченной. Право всюду воздвигаетъ вокругъ нея свои невидимые оплоты. Но то воображаемое начало (фикція), въ силу котораго всѣ граждане пользуются одними и тѣми же правами (*Политика*, III, IX, 4), начало, на которомъ держится всякое государство, достойное этого имени, нисколько не измѣняетъ внутренней природы правительства. Оно остается внѣшнимъ выраженіемъ общественнаго организма, соподчинительной связью различныхъ его частей. Способности или заслуги гражданъ образуютъ систему силъ, измѣненіе равновѣсія которыхъ въ немъ находитъ свое выраженіе (тамъ же, III, VI, 15).

Отсюда необходимо слѣдуетъ, что съ измѣненіемъ отношеній между частями выработывается и новый способъ равновѣсія, т. е. измѣняется управленіе. Это происходитъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ элементовъ государства возрастаетъ въ числѣ. Даже болѣе: при значительномъ увеличеніи числа гражданъ, старое устройство не можетъ согласоваться съ ихъ потребностями. Всякому государственному строю соотвѣтствуетъ свое опредѣленное количество населенія (тамъ же, IV (7), IV, 6). Общественная организація древняго государства могла включить въ себѣ около 10,000 гражданъ: или это число поддерживалось, или, съ превышеніемъ его, государство должно было разрушаться. Въ концѣ концовъ, природа общественнаго организма зависитъ не только отъ природы его

элементовъ, но, кромѣ того, отъ численнаго отношенія между ихъ различными группами и, наконецъ, отъ ихъ безусловнаго количества.

3° Не слѣдуетъ думать, что въ обществѣ различіе частей исключаетъ органическое единство. Конечно, неодушевленные предметы, служащіе цѣлямъ соціальной жизни, какъ-то: продукты культуры, орудія, постройки должны приниматься за факторы, стоящіе внѣ живаго коллективнаго тѣла. Но всѣ входящія въ его составъ человѣческія существа, по отношенію къ цѣлому, суть его органы, хотя и различной важности, смотря по большей или меньшей непосредственности ихъ дѣйствія (*Политика* I, II, 4). Рабъ есть органъ семьи, хотя и *отдѣленный* отъ главы *). Мы можемъ извлечь отсюда ту общую истину, что цѣльными организмами могутъ быть не только такія части, которыя взаимно соприкасаются между собой какъ въ индивидуальномъ тѣлѣ, но и такія, гдѣ подобнаго соприкосновенія не существуетъ. Организація основывается не на соприкосновеніи частей—это лишь случайное свойство—а на взаимодѣйствіи жизненныхъ функцій (*Политика*, III, I, 11). Двѣ смежныя народности, потому только, что онѣ соприкасаются между собой, еще не образуютъ государства (тамъ же, III, V, 12).

4° Органической функціей по преимуществу является общеніе мыслей, которое влечетъ за собой объединеніе воль. Масса людей, собравшихся для разсужденія о дѣлахъ государства, должна считаться, какъ нѣчто цѣлое, имѣющее одно сознаніе и одинъ разумъ (тамъ же, III, VI, 4). Коллективное разсужденіе, предшествующее такому же рѣшенію, въ сущности есть не что иное, какъ разсужденіе индивида съ той лишь разницей, что здѣсь коллективный индивидъ пользуется тѣмъ бо́льшимъ количествомъ ума, чѣмъ большимъ числомъ органовъ онъ располагаетъ и руководствуется болѣе широкимъ и разнообразнымъ опытомъ (*id.*).

5° Отдѣльный индивидъ не можетъ служить предѣльнымъ тер-

*) Тамъ же. I, II, 20. Эта теорія *отдѣльнаго* органа имѣетъ въ нашихъ глазахъ весьма высокую важность въ соціологическомъ отношеніи.

миномъ въ наукѣ. Онъ не полонъ самъ по себѣ, и потому не объясняется самимъ собой (*Политика*, I, 1, 12). Онъ не достаточенъ для продолженія вида, а также—по крайней мѣрѣ прочно—для защиты и поддержанія своей жизни, не говоря уже о развитіи идей и нравственныхъ силъ, составляющихъ его истинную природу и высшую цѣль. Уничтожьте нравственный организмъ, созданный обществомъ — и всѣ семейства, входящія въ его составъ, тотчасъ же придутъ во враждебныя столкновенія между собой, затѣмъ разбредутся въ разныя стороны и если не погибнутъ совершенно, то настолько понизятся въ своемъ соціальномъ уровнѣ, что ихъ трудно будетъ отличить отъ семействъ животныхъ. Они будутъ заслуживать имени человѣческихъ обществъ не болѣе, чѣмъ члены, отдѣленные отъ тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, животное семейство способно до нѣкоторой степени самоуправляться и соблюдать извѣстный режимъ (se conduire); оно можетъ даже, соединяясь съ другими семействами, образовать подобіе государства, члены котораго связаны между собой обмѣномъ услугъ и взаимными выраженіями радости или печали (*Histoire des animaux*, I, 10); если ему чего не достаетъ, то это только идеи права и достаточно развитаго языка для ея выраженія. Человѣка никогда не слѣдуетъ изучать внѣ соціальнаго организма, который одинъ только сообщаетъ ему его истинный, настоящій характеръ. Его нельзя отдѣлять отъ общества, какъ отъ цѣлаго, даже мысленно, потому что въ общемъ строѣ науки цѣлое предшествуетъ своимъ частямъ, и общество—гражданину.

Такова въ существенныхъ чертахъ политика Аристотеля. Состоя изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и политика Платона, она, однако же, глубоко отличается отъ нея по своему духу. Правда, Аристотель допускаетъ существованіе чисто индивидуальной созерцательной (contemplative) добродѣтели и счастія (félicité); онъ также ищетъ типъ совершеннаго государства; но съ одной стороны его идеалъ такъ хорошо согласуется съ условіями дѣйствительности въ его время и въ его странѣ, что онъ не болѣе, какъ резюме общихъ законовъ соціальной жизни въ Греціи; съ другой же, созерцательная жизнь, такая, какою онъ ее рисуетъ, возможна лишь

подъ сѣнью справедливыхъ законовъ и заботливаго правительства, т. е. тамъ, гдѣ добродѣтель есть живая сила; наконецъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Аристотель заплатилъ нѣкоторую дань научнымъ предразсудкамъ своихъ современниковъ; для его славы вполнѣ достаточно того, что онъ является основателемъ экспериментальной политики. Онъ первый показалъ, что искусство, путемъ котораго складывается и управляется человѣческое общество, есть ничто иное, какъ простое приложеніе законовъ природы *).

Всякое ученье выясняется отчетливо лишь тогда, когда оно встрѣчается съ противоположными доктринами. Противорѣчіе составляетъ для идеи одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ условій прогресса, а

---

*) Стоики рѣшали этотъ вопросъ такъ: τὸ δὲ δίκαιόν φασι φύσει εἶναι καὶ μὴ θέσει (Stobée, *Ecl*. II, стр. 184). Но въ то время, когда они учили и писали, государство уже умирало. Государство Юпитера, о которомъ говоритъ Маркъ Аврелій, есть отрицаніе всякаго общества. Политическій организмъ древняго государства умиралъ вмѣстѣ съ религіозными вѣрованіями, на которыхъ оно было основано и которыя составляли его душу. Религія императоровъ давала громадному тѣлу имперіи лишь искусственную жизнь. Христіанство же стремилось осуществить слова апостола Павла: „какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло, такъ мы многіе составляемъ одно тѣло о Христѣ, а порознь одинъ для другаго—члены» (Посланіе къ Римл., XII, 4; первое посл. къ Коринф.; XII, 12). Святой Августинъ въ своемъ сочиненіи «*О градѣ Божіемъ*» показалъ, какъ слѣдуетъ понимать эти слова съ точки зрѣнія христіанской теологіи. Жить по законамъ природы, значило бы для общества составлять одно тѣло съ Адамомъ, тѣло преисполненное разстройства и неустойчивости, такъ какъ Адамъ безвозвратно палъ. Образовать же «одно тѣло о Христѣ», значитъ жить жизнью благодати — единственное условіе гармоніи и прочности. Но жизнь благодати есть жизнь духовная, при которой люди повинуются не земнымъ законамъ, а небеснымъ силамъ, служащимъ представителями Бога. Отсюда два различныя государства: человѣческое или свѣтское и божественное или Церковь. Не встрѣчаемся ли мы здѣсь съ политикой Платона? Подобно ему, святой Августинъ сравниваетъ общество съ индивидомъ, имѣющимъ свою юность и зрѣлый возрастъ. Но есть между ними и значительная разница: въ то время какъ Августинъ осуществленіе небеснаго государства относитъ къ будущему, Платонъ помѣщаетъ его въ прошедшее, на возвращеніе котораго онъ лишь слабо надѣется. — Средніе вѣка не имѣли никакихъ общественныхъ теорій, кромѣ ученій апостола Павла и св. Августина.

семнадцатый вѣкъ изобилуетъ политическими доктринами, болѣе или менѣе отрицающими естественный характеръ человѣческаго общества (Гоббсъ, Локкъ, Боссюэтъ) *). Для большей части философовъ этого времени отправнымъ пунктомъ соціальной науки является индивидъ. Общество, въ ихъ глазахъ, не болѣе, какъ искусственный механизмъ, громадное орудіе, фабрикуемое индивидами. Это не живой реальный предметъ, а отвлеченное понятіе, существующее лишь въ нашемъ представленіи. Уже Аристотель весьма ясно понималъ это противопоставленіе; искусственнымъ произведеніемъ онъ считалъ такую вещь, реальность которой создается умомъ человѣка; напротивъ, естественное существо онъ опредѣлялъ, какъ *субстанцію, содержащую въ самой себѣ начало своего движенія* или еще, какъ *субстанцію, носящую въ самой себѣ врожденное стремленіе къ измѣненію*. Итакъ, когда онъ называлъ человѣческое общество произведеніемъ природы, то онъ, конечно, сознательно противополагалъ его произведеніямъ человѣческаго искусства. Но эта антитеза должна была принять совершенно другое значеніе, какъ только она проявилась въ исторіи идей въ формѣ борьбы между многими школами, гдѣ она стала скрытымъ началомъ столкновенія между противоположными системами.

Гоббсъ и Локкъ смотрятъ на общество, какъ на результатъ договора. По мнѣнію перваго, государство образуется только благодаря выраженному или молчаливому соглашенію между индивидами. Пока это не произошло, они живутъ въ положеніи, которое англійскіе философы называютъ естественнымъ состояніемъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что люди, соединяясь вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобъ жить подъ общими законами, выходятъ изъ этого состоянія. Природа даетъ намъ образчики обществъ между животными, каковы напримѣръ: муравьи, пчелы, бобры, но они не имѣютъ никакого сходства съ человѣческимъ обществомъ. Образующія ихъ животныя нисколько не заслуживаютъ названія политическихъ. Сотрудничество, проявляемое ими въ общинѣ, не зависитъ отъ ихъ воли; оно, такъ

*) Bossuet. *De la connaissance de Dieu et de soi-même*, IV, 11. Семейство, какъ естественное цѣлое, враждебно Государству, которое поэтому можетъ быть только искусственнымъ цѣлымъ.

сказать, самопроизвольно; между ними нѣтъ ни соперничества, ни ненависти, ни возмущеній. Въ ихъ республикахъ сохраняется полная гармонія, не смотря на отсутствіе какой бы то ни было центральной власти. Совершенно иное въ человѣческомъ обществѣ. Сказывающіяся внутри его глубокія разногласія требуютъ установленія сильной власти, сообщающей ему сверху, какъ бы механическимъ путемъ, дѣйствіе, къ которому оно неспособно само по себѣ. Но такое учрежденіе представляетъ договоръ, а договоръ противополагается природѣ: «*Согласіе или единодушіе, устанавливающееся само-собой между животными, естественно, тогда какъ между людьми оно обусловлено соглашеніемъ и потому искусственно*» (Hobbes. *L'empire*, т. 3, Paris, 1651, французскій переводъ). Такимъ образомъ человѣческое общество является чѣмъ-то особеннымъ, не имѣющимъ себѣ аналогіи въ остальномъ мірѣ, или, говоря короче, по справедливому выраженію Спинозы, государствомъ въ государствѣ. Дѣйствительно, Левіафанъ Гоббса — какая-то чудовищная машина, гдѣ индивиды, лишенные всякой иниціативы, заимствуютъ свои движенія отъ верховнаго владыки, который одинъ только хранитъ въ себѣ функціи самостоятельной жизни. Если въ этой системѣ индивиды играютъ роль нулей, то и самое государство обладаетъ не большей реальностью, такъ какъ оно поглощается личностью государя: въ сущности здѣсь государство—государь. (Тамъ же, V, 9).

Государственный идеалъ Локка вполнѣ сохраняетъ за индивидами ихъ личность, не въ явный ущербъ государству. Граждане, входящіе въ политическую ассоціацію съ опредѣленными уже правами (неизвѣстно, кѣмъ, гдѣ и когда) и всегда готовые выйти изъ него при малѣйшемъ нарушеніи этихъ правъ, представляютъ собой не болѣе, какъ простую совокупность или номинальную группу, а не государство. Можно даже спросить, имѣетъ ли *такое* государство свой raison d'être, потому что одно изъ двухъ: или индивиды получаютъ свои права при вступленіи въ общество и должны поддерживать его, или же они пользуются этими правами до соединенія въ общество, и тогда оно является для нихъ безполезной роскошью. Такимъ образомъ общественная теорія Локка есть частное приложеніе его философскаго номинализма. Его методъ, какъ и методъ

Гоббса, будучи чисто логическимъ, почти вполнѣ объясняетъ основное сходство ихъ доктринъ. Оба они за исходный пунктъ принимаютъ индивида. Но какого индивида? Нужно думать, что этотъ индивидъ—существо, надѣленное разумомъ, но какъ бы не имѣющее ни пола, ни возраста и достигшее при помощи своихъ единичныхъ силъ, т. е. внѣ семьи и общества, въ таинственный періодъ «естественнаго состоянія», того, чѣмъ необходимо обладать по части культуры и зрѣлости, чтобъ создать вполнѣ стройную политическую систему. Здѣсь не важны практическія послѣдствія, которыя каждый изъ двухъ философовъ, сообразно своимъ личнымъ вкусамъ, выводитъ изъ этой гипотезы. Намъ извѣстно, что, будучи составлено изъ сходныхъ элементовъ, гражданское общество можетъ быть только результатомъ договора и, слѣдовательно, искуственнымъ порожденіемъ. Иначе какимъ образомъ изъ собранія совершенно тождественныхъ отвлеченностей могло бы получиться единство?

Спиноза — какъ вообще полагаютъ — на все смотрѣлъ глазами математика. И однако же его *Политическій трактатъ* начинается восхваленіемъ опытнаго метода. Но онъ во всякомъ случаѣ приходитъ совершенно къ другимъ рельзутатамъ, хотя во многихъ мѣстахъ вы будете находить у него сходство съ Гоббсомъ. Люди, по его мнѣнію, подчиняются вполнѣ своимъ страстямъ и ихъ права, уравновѣшивающія ихъ силы, находятся въ постоянной борьбѣ. Но когда каждый изъ нихъ почувствуетъ, что жить подъ господствомъ разума несравненно удобнѣе, чѣмъ подъ вліяніемъ страстей, они входятъ между собой въ общее соглашеніе, образуютъ договоръ, въ силу котораго то, что составляло ихъ права или власть, передается ими обществу, которое съ этихъ поръ дѣлается ихъ властелиномъ. Но здѣсь Спиноза расходится съ Гоббсомъ. Составленное такимъ образомъ общество нисколько не выступаетъ изъ области природы; оно остается физическимъ цѣлымъ, гдѣ каждый индивидъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своихъ прирожденныхъ стремленій и которое подчиняется, какъ всѣ аггрегаты индивидовъ, составляющихъ внѣшній міръ, законамъ, управляющимъ строеніемъ ихъ частей. Совокупность этихъ законовъ, которыхъ общество ни въ чемъ не измѣняетъ, но, напротивъ, пользуется ими для своихъ выгодъ и

на которыхъ оно основано, называется естественнымъ правомъ. Такимъ образомъ, право это нельзя противополагать гражданскому праву. Общество есть система силъ. Оно имѣетъ власть и реальность какъ разъ настолько, насколько ихъ ввѣряютъ ему индивиды, въ каждый данный моментъ: отнимая отъ индивидовъ ихъ права и власть, оно посягало бы на самого себя. «Общество, спокойствіе котораго основано только на инертности его членовъ, позволяющихъ управлять собой, какъ стадомъ, и пріученныхъ лишь къ рабству—не общество, а пустыня». (*Traité théologico-politique*, édition Sasset, стр. 381). Но, съ другой стороны, индивиды безъ общества—ничто. Соединяясь въ общество, они не только не испытываютъ никакихъ потерь въ своихъ природныхъ правахъ, но, напротивъ, выигрываютъ въ нихъ и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ тѣснѣе ихъ общественныя связи и чѣмъ бо́льшее количество индивидовъ охватывается ими: «*Если два индивида соединяются вмѣстѣ и ассоціируютъ свои силы, они тѣмъ самымъ увеличиваютъ свою власть, а слѣдовательно и свои права*, и чѣмъ больше индивидовъ войдетъ между собой въ общеніе, тѣмъ болѣе всѣ они вмѣстѣ будутъ имѣть правъ». Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ одинъ человѣкъ не въ состояніи охранять себя противъ всѣхъ, то отсюда слѣдуетъ, что естественное право человѣка, по скольку оно опредѣляется силой и властью отдѣльнаго индивида, вытекающими только изъ его личности—ничто. Это скорѣе право мыслимое, чѣмъ реальное, ибо ничто не обезпечиваетъ безпрепятственнаго имъ пользованія. Прибавьте къ этому, что люди безъ взаимной помощи съ трудомъ могли бы поддерживать свою жизнь и развивать свой духъ, и вы убѣдитесь, что естественное право, свойственное человѣческому роду, едва ли можетъ быть мыслимо иначе, какъ тамъ, гдѣ люди пользуются общими правами» (стр. 361), гдѣ они образуютъ всѣ вмѣстѣ какъ бы одно тѣло и одну душу. Короче, индивидуальная независимость и органическое единство государства находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу.

Постараемся теперь опредѣлить, что́ составляетъ для Спинозы внутреннюю сущность соціальнаго тѣла. Во многихъ мѣстахъ своего трактата онъ говоритъ, что когда большое число людей обладаетъ

общими правами, т. е. когда ихъ силы соединены вмѣстѣ, они дѣйствуютъ и направляются *какъ бы одной душой*. Съ другой стороны, изъ того, что онъ говоритъ о союзахъ между двумя государствами, ясно видно, что соціальное тѣло, разсматриваемое въ свою очередь какъ индивидъ, можетъ составлять одну душу съ другими соціальными индивидами, которые вступаютъ съ нимъ въ аггрегацію. Но что такое эта душа, съ точки зрѣнія Спинозы? Отвѣтъ на это мы имѣемъ въ его *Этикѣ*. «Идея, составляющая главную сущность человѣческой души, есть идея тѣла, которое состоитъ изъ многихъ тѣсно сплоченныхъ между собой индивидовъ» *). Итакъ, совокупность многихъ сложныхъ тѣлъ, каждое изъ которыхъ вмѣстѣ съ своими элементами выражается въ одной общей идеѣ (мы бы сказали: въ одномъ общемъ сознаніи) — вотъ въ сущности то, что Спиноза называетъ душой. Душа эта индивидуальна, когда составныя части удовлетворяютъ извѣстному числу условій. Въ то время какъ части безпрерывно измѣняются, индивидъ напротивъ не испытываетъ никакихъ измѣненій въ своемъ существѣ: 1° если число его частей остается одно и то же; 2° если оно измѣняется въ такой пропорціи, что движеніе и покой всѣхъ этихъ частей совершаются въ одномъ и томъ же соотносительномъ порядкѣ; 3) если, съ измѣненіемъ въ направленіи движенія нѣкоторыхъ частей, другія части также измѣняютъ свое направленіе и притомъ такимъ образомъ, что общій обмѣнъ движенія сохраняетъ свои прежнія отношенія; 4) если, при перемѣнѣ направленія всѣхъ частей вмѣстѣ и переходѣ индивида отъ покоя къ движенію или обратно, части сохраняютъ свои импульсы при неизмѣнности отношеній между этими послѣдними. Короче, индивидъ выражается постоянной гармоніей движеній или импульсовъ, производящихъ одно и то же дѣйствіе или, по выраженію Лейбница, направленныхъ къ одной общей цѣли. Не есть ли это организмъ, какимъ его могъ понимать картезіанецъ XVII вѣка? Итакъ, для Спинозы соціальное тѣло есть живой индивидъ, въ свою очередь самъ состоящій изъ идивидовъ, под-

---

*) *Ethique*, часть II, предл. 15. Смотри также *Def.*, VII; предл. 13, Schol; *Lemme*, 7, Schol.

чиненныхъ тѣмъ же законамъ, какъ и другіе индивиды въ остальной природѣ, и душа котораго состоитъ въ общности правъ и согласіи воль. Здѣсь какъ бы снова возрождается теорія Аристотеля, но при новомъ освѣщеніи и съ весьма важнымъ къ ней дополненіемъ. Аристотель не понималъ, что государство можетъ какъ бы перешагнуть черезъ самаго себя и распространиться за предѣлы своихъ границъ. Теорія Спинозы предполагаетъ относительно соціальнаго индивида возможность соединенія съ другими индивидами для образованія, черезъ сліяніе силъ и обобщенность сознаній, новаго индивида, болѣе обширнаго, чѣмъ первый, и такъ далѣе до безконечности. Это открываетъ наукѣ и соціальной жизни самыя обширныя перспективы, упуская изъ вида постепенный ростъ обществъ въ прошедшемъ. Спиноза предчувствуетъ ихъ будущее и не ставитъ никакихъ границъ для ихъ прогрессивнаго развитія.

Мы сочли бы необходимымъ сдѣлать много оговорокъ относительно метафизики Спинозы, еслибы метафизика составляла нашу задачу. Но насъ интересуетъ здѣсь только его замѣчательная теорія участія индивидовъ въ общихъ актахъ движенія и мысли, которая, быть можетъ, въ первый разъ послѣ Аристотеля, сдѣлала возможнымъ доктрину коллективнаго единства; безъ сомнѣнія, и всякая другая метафизика могла бы безъ труда придти къ тому же результату. Поэтому удивительно, что Лейбницъ, столь прозорливый во всѣхъ родахъ наукъ, не подумалъ приложить свою систему монадъ къ животнымъ и человѣческимъ обществамъ. По его ученію, индивидуальное тѣло состоитъ изъ безчисленнаго множества простыхъ энергій, связанныхъ вмѣстѣ какъ бы въ одинъ пучекъ центральной монадой, съ которой всѣ остальныя совсѣмъ не имѣютъ прямаго сообщенія, но которой однако вполнѣ подчиняется ихъ непроизвольное развитіе. Если такимъ образомъ объясняется индивидуальное единство, то почему не можетъ точно также объясняться и единство соціальное? Оно вѣдь тоже есть съ одной стороны равнодѣйствующая, а съ другой—причина и цѣль многочисленныхъ актовъ дѣятельности, развиваемой индивидами. Развѣ сознаніе соціальнаго организма не характеризуется, какъ и наше, въ одно и то же время единствомъ и множествомъ? Многіе метафизики такимъ обра-

зомъ могли одинаково сойтись на доктринѣ органическаго единства соціальной группы. Развѣ самъ Декартъ, не смотря на свое основное положеніе: *Cogito ergo sum* (мыслю, слѣдовательно существую), какъ будто окружающее китайской стѣной каждую индивидуальность, развѣ самъ этотъ философъ, высказывавшій такое предпочтеніе геометрическому методу и относившійся съ презрѣніемъ ко всякому учрежденію, основанному на обычаѣ, не прошедшемъ черезъ критику разума—не проложилъ къ тому пути своимъ послѣдователямъ, показавши имъ съ одной стороны матеріальную непрерывность тѣлъ и безконечную измѣняемость движенія, а съ другой—безличность и универсальность разума? Знаменитая страница, гдѣ Паскаль сравниваетъ человѣчество съ отдѣльнымъ человѣкомъ, была очевидно внушена ему картезіанской метафизикой.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ движеніе продолжается. Монтескьё въ первый разъ выступилъ съ своими очерками по общей физикѣ и естественной исторіи. Эти мысли юности оставили неизгладимый отпечатокъ на его умѣ. Если общество, даже гражданское, подчинено, по его мнѣнію, естественнымъ законамъ, то это потому, что оно составляетъ часть природы, въ которой ничто не ускользаетъ отъ ихъ власти. Въ самомъ дѣлѣ, организація соціальнаго тѣла, прежде чѣмъ обосноваться на идеяхъ, основывается на инстинктивныхъ стремленіяхъ, смутномъ чувствѣ индивидуальной слабости, потребности въ пищѣ, половомъ влеченіи и склонностяхъ симпатіи. Общество складывается въ государство только впослѣдствіи. Но государство, ставши дѣломъ ума, не перестаетъ прикрѣпляться своими корнями къ физической средѣ, изъ которой оно развилось. Оно испытываетъ ея вліянія и отражаетъ ихъ на своемъ строѣ. Этотъ строй выражается въ законахъ, которые формулируютъ существенныя отношенія между различными частями соціальнаго тѣла; они тѣсно связаны другъ съ другомъ; ихъ совокупность образуетъ одно раціональное цѣлое, настолько систематическое, что, зная главныя изъ нихъ, напримѣръ, касающіяся формы правленія (мы назовемъ ихъ органическими), можно вывести изъ нихъ всѣ остальныя, какъ изъ источника. Каждый народъ имѣетъ свои особенности, они существенно индивидуальны; характерныя черты одной націи могутъ не

подходить къ другой и даже нигдѣ не встрѣчаться, кромѣ ея одной. Скажемъ болѣе: то, что годится для одного времени, можетъ не соотвѣтствовать другому, и дѣйствительно, прошлое, если и возвращается, то глубоко измѣненнымъ сообразно новымъ условіямъ жизни. Государства, какъ и живые индивиды, рождаются, ростутъ, приходятъ въ упадокъ и умираютъ; вмѣстѣ съ ними безвозвратно исчезаютъ и ихъ учрежденія.

Съ установленіемъ этихъ началъ оставалось только ихъ развить путемъ экспериментальнаго изслѣдованія общественныхъ явленій и ихъ законовъ. За это и взялись экономисты. «Человѣческое общество, говоритъ Кенэ, есть фактъ вытекающій изъ необходимости и управляемый законами провидѣнія. Назначеніе правительственной власти состоитъ не въ сочиненіи различнаго рода постановленій, а въ согласованіи ихъ съ естественными законами, въ открытомъ признаніи и поддержкѣ этихъ послѣднихъ». Но точное знакомство съ явленіями и опредѣленіе ихъ постоянныхъ отношеній возможны лишь въ томъ случаѣ, когда они допускаютъ измѣреніе. Это объясняетъ намъ почему политическая экономія съ первыхъ же своихъ шаговъ стремится охватить всѣ изслѣдуемые ею факты математическими формулами. Такими именно цѣлями задавались Галлецъ (Hallez) въ 1693 г., Жанъ де Витъ, Вобанъ, Кенэ, Тюрго, Лавуазье, Стюартъ и Смитъ. Первый опыть науки на этомъ поприщѣ проявился въ составленіи таблицъ смертности и истолкованіи ихъ при помощи теоріи вѣроятностей. Затѣмъ тотъ же самый методъ былъ распространенъ на другіе классы явленій, въ особенности на явленія богатства, такъ что вскорѣ развитіе богатства сдѣлалось даже для нѣкоторыхъ исключительнымъ предметомъ политической экономіи. Но философскіе умы XVIII вѣка постоянно противились ограниченію математическаго метода приложеніемъ его только къ однимъ соціальнымъ фактамъ. Къ концу столѣтія этотъ методъ достигъ въ умахъ нѣкоторыхъ мыслителей (и во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь) самой высокой общности и широкаго признанія. Кондорсе, напр., писалъ: «Кто размышлялъ о природѣ нравственныхъ наукъ, тотъ не можетъ не видѣть, что, опираясь, какъ и физическія науки, на наблюденіе фактовъ, онѣ должны слѣдовать одному и тому

же методу, чтобъ выработать себѣ столь же точный языкъ и достигнуть той же степени достовѣрности. Между ними все оказалось бы одинаковымъ для ума, который, не принадлежа къ нашей породѣ, сталъ бы изучать человѣческое общество такъ, какъ мы изучаемъ общества бобровъ и пчелъ. Но при существующихъ условіяхъ наблюдатель самъ составляетъ часть изслѣдуемаго имъ общества и потому искомая истина здѣсь имѣетъ передъ собой или предубѣжденныхъ или пристрастныхъ судей. Поэтому нравственныя науки должны развиваться медленнѣе, чѣмъ науки физическія*)». Позднѣе, въ *Tableau général de la science qui a pour objet l'application du calcul aux sciences politiques et morales* (Общая картина знанія, имѣющаго своимъ предметомъ приложеніе математическаго анализа къ политическимъ и нравственнымъ наукамъ) Кондорсэ замѣчаетъ: «Широта этихъ приложеній позволяетъ смотрѣть на нихъ, какъ на особую науку. Такъ какъ всѣ эти приложенія относятся непосредственно къ общественнымъ интересамъ или къ изслѣдованію операцій человѣческаго ума и такъ какъ, кромѣ того, они имѣютъ своимъ объектомъ человѣка, усовершеннаго обществомъ, то я полагаю, что всего соотвѣтственнѣе было бы назвать эту науку *соціальной математикой*. Такое названіе прямо указывало бы на ея полезность: изъ него видно, что ей не чуждъ никакой изъ нашихъ индивидуальныхъ или общественныхъ интересовъ и что между ними нѣтъ ни одного такого, о которомъ она не даетъ болѣе ясныхъ понятій и точныхъ свѣдѣній; отсюда же дѣлается очевиднымъ и то, насколько способствовала бы эта наука счастью и усовершенствованію человѣческаго рода, если бы она была болѣе разработана и распространена». Кондорсэ не разъ повторяетъ въ упомянутомъ нами сочиненіи, что политика не можетъ управляться какъ слѣдуетъ общими началами права, точно также какъ промышленность руководиться данными популярной физики, что открытія соціальной науки существенно необходимы для обыденной жизни человѣческаго рода и что наконецъ, отношеніе между теоріей и практикой должно быть въ общемъ ходѣ человѣческой дѣятельности такимъ же, какъ

*) Рѣчь въ засѣданіи французской академіи, 1872.

и во всѣхъ другихъ родахъ явленій. Отсюда онъ заключаетъ, что такъ какъ природа представляетъ наукѣ неистощимый источникъ открытій, то нѣтъ границъ для выгодъ, которыя можно извлечь изъ ея прогресса. Усовершенствованіе человѣческаго рода безгранично. Отнынѣ ничто не можетъ остановить человѣчество на его прогрессивномъ пути кромѣ переворота въ самомъ земномъ шарѣ, который служитъ ему подножіемъ. Скорость и направленіе его будущаго движенія могутъ быть даже исчислены по быстротѣ и направленію его прошлыхъ успѣховъ. Резюмируя все сказанное, Кондорсэ признаетъ соціальную науку самой высшей изъ всѣхъ естественныхъ наукъ и ставитъ ея задачей нахожденіе численныхъ отношеній между общественными явленіями, съ тѣмъ чтобъ открыть ихъ законы и, предсказывая на основаніи этихъ законовъ будущія явленія, способствовать цѣлесообразно подобранными комбинаціями возрастанію благосостоянія преуспѣянія человѣческаго рода.

Все это были увлекательныя приложенія метода Аристотеля къ политикѣ. Если забыть на минуту другія доктрины, возникшія втеченіе XVIII вѣка, то можетъ показаться, что съ этого времени ничего не оставалось, какъ безпрепятственно развиваться мирнымъ приложеніямъ этого ученія, столько же благопріятствующаго соціальному прогрессу, сколько благопріятствуемаго имъ самимъ*). Но этому однако не суждено было сбыться. Безъ сомнѣнія, основная мысль задачи была слишкомъ проста и слишкомъ поверхностна. Приходилось подвергнуть ее новой разработкѣ, а, слѣдовательно, и встрѣтиться съ новыми болѣе радикальными противорѣчіями. Какъ бы тамъ ни было, но въ томъ же вѣкѣ явилась идея, которая, взволновавши политическую науку и самое общество, должна была внезапно затормазить какъ теоретическій прогрессъ, такъ и практическія приложенія экспериментальнаго метода и замедлить на полстолѣтія дальнѣйшее движеніе идей, столь счастливо резюмированныхъ Кондорсэ. Это именно—идея абсолютнаго, рельефно выступающая въ первый разъ въ *Общественномъ Договорѣ* Руссо. Она клонится къ картезіанской реформѣ съ ея апріор-

*) *Oeuvres,* II, стр. 33. Извѣстно, что Тюрго былъ другомъ Кондорсэ.

нымъ, чисто геометрическимъ методомъ, съ ея презрѣніемъ къ обычаю и игнорированіемъ скрытыхъ путей, какими разумъ народныхъ массъ совершаетъ свою творческую дѣятельность и даетъ себя знать съ теченіемъ времени. Политическій идеалъ Декарта—если отбросить оговорки и недомолвки, какими онъ его окружаетъ—представляетъ собой такое государственное устройство, гдѣ все необходимо выводится одно изъ другаго, наподобіе ряда теоремъ, устройство, вышедшее разомъ изъ головы одного человѣка и немедленно вводимое въ дѣйствіе.

Общественный договоръ прямо вытекаетъ изъ третьей части разсужденій Декарта о методѣ, которую можно считать его зародышемъ.

II.

Идея абсолютнаго въ политикѣ; Руссо: государство, какъ созданіе искусства, поддерживаемое постоянно дѣятельной волей гражданъ.— Первый опытъ примиренія между двумя противоположными направленіями: Кантъ.—Фихте, возобновляющій Руссо.—Окончательное примиреніе крайностей въ ученіи Гегеля: общество—явленіе природы, организованное существо и въ то же время искусственное осуществленіе идеи: относительный абсолютъ.—Жозефъ де-Местръ, идя по стопамъ Вико, отрицаетъ самопроизвольный естественный характеръ соціальной жизни: «Искусство есть природа человѣка».

Какимъ образомъ ученіе, смотрящее на общество, какъ на часть природы, могло встрѣтить противника въ Руссо, этомъ апостолѣ природы и естественныхъ правъ человѣка? Какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ, но въ сущности тутъ нѣтъ ничего удивительнаго для тѣхъ, кому извѣстенъ чисто платоническій смыслъ, придаваемый слову «природа» *Общественнымъ договоромъ* и другими сочиненіями Руссо *). Подъ природой онъ разумѣетъ совсѣмъ не грубо-примитивное состояніе, отъ котораго человѣкъ путемъ долгихъ усилій поднялся до высоты, занимаемой имъ въ настоящее время; напротивъ, по его мнѣнію, это — совершенное состояніе, характеризующееся развитіемъ всѣхъ способностей человѣка, единственное состояніе, о которомъ можно сказать, что оно его истинный удѣлъ, потому что всякое существо, удаляющееся отъ него, уже вслѣдствіе одного этого, есть существо неполное и идущее назадъ въ своемъ развитіи. Въ этомъ смыслѣ общество, удовлетворяющее требованіямъ природы, есть об-

---

*) Руссо много заимствовалъ у Платона. *Эмиль* и *Общественный договоръ* содержатъ въ себѣ значительное количество идей и правилъ, очевидно взятыхъ изъ его *Республики* и *Законовъ*.

щество не только совершенное, но идеальное. Естественное право есть право безусловное, ограниченное лишь нашимъ разумомъ. Поэтому методъ состоитъ въ выводѣ изъ разъ установленнаго идеала тѣхъ послѣдствій, которыя въ немъ содержатся. Что касается дѣйствительности, то идеалъ не объясняетъ, а судитъ ее. Порожденный разумомъ, онъ не вытекаетъ изъ фактовъ, какъ присущій имъ свѣтъ, но, подобно молніи, освѣщаетъ ихъ внезапно и тѣмъ самымъ произноситъ надъ ними свой приговоръ.

Здѣсь мы снова имѣемъ дѣло съ индивидомъ. По ученію Руссо, индивидъ рождается свободнымъ. Ему принадлежитъ не фактическая свобода, а свобода по праву. Право неизмѣнно, для всѣхъ одинаково, безусловно и неотъемлемо. Такова свобода каждаго отдѣльнаго лица. Составляя свойство человѣка, она неотдѣлима отъ него; легче было бы отдѣлить отъ него часть его собственной природы, чѣмъ его право свободной личности. Противъ всякаго ложнаго права, стремящагося подавить право естественное, всегда остается открытымъ путь сопротивленія и требованія о возвращеніи отнятаго, потому-что человѣкъ самъ въ себѣ никогда не перестаетъ быть свободнымъ. Игра силъ и случайностей ничего не измѣняетъ въ нашей природѣ. Конечно, свобода часто нарушается: она нарушается у дѣтей, которыя, помимо ихъ воли, присоединяются къ неизвѣстному имъ обществу, у притѣсняемыхъ властью народовъ и даже у гражданъ, обладающихъ, повидимому, самымъ правильнымъ государственнымъ устройствомъ: всюду царствуетъ сила и безусловной свободы нѣтъ нигдѣ. Но торжество силы не исключаетъ права; это—факторы различныхъ категорій: сила относится къ области физической, право же къ болѣе высшей сферѣ, а именно—къ нравственности. Съ этой точки зрѣнія каждый человѣкъ составляетъ свой отдѣльный законченный міръ, міръ безусловный и вполнѣ независимый; онъ представляетъ собой ту верховную реальность, которая называется личностью. Свобода личности и ея врожденная автономія, по своему существу, не подчиняются никакой силѣ факта и не могутъ быть ею уничтожены.

Не легко сплотить между собой и организовать, т. е. сопод-

чинить другъ съ другомъ такіе безусловно одинаковые элементы. Тѣмъ не менѣе однако это именно и составляетъ цѣль *общественнаго договора*. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобъ «найти форму ассоціаціи, которая всей своей общей силой защищаетъ личность и покровительствуетъ благамъ каждаго изъ ея членовъ,—форму, при которой каждый членъ, соединяясь со всѣми, повинуется однако же только самому себѣ и остается настолько же свободнымъ, какъ и прежде». Такая ассоціація можетъ образоваться только путемъ соглашенія между ея членами: Эмиль у Руссо самъ выбираетъ то гражданское общество, которое ему приходится болѣе по душѣ. Онъ не родится гражданиномъ опредѣленной страны, но дѣлается имъ по достиженіи совершеннолѣтія. При этомъ онъ остается настолько свободнымъ, что можетъ выйти изъ ассоціаціи, когда ему вздумается. Всякое вновь нарождающееся поколѣніе сохраняетъ за собой то же право. Такимъ образомъ государство остается постоянно какъ бы нерѣшеннымъ вопросомъ и самый фактъ его существованія представляетъ своего рода неопредѣленную проблемму. Съ точки зрѣнія автора, это вполнѣ вѣрно и послѣдовательно: будучи весьма далекимъ отъ посягательства на свободную волю составляющихъ его гражданъ, оно должно представлять собой непрерывный актъ ихъ дѣятельности. «Государственный строй есть дѣло искусства». Отсюда необходимость для каждаго изъ членовъ ассоціаціи принимать непрерывное участіе въ поддержкѣ этого хрупкаго зданія: они должны находиться, такъ сказать, въ постоянномъ совѣщаніи (assemblée), чтобы воля государства всегда была въ непрерывномъ дѣйствіи; безъ этого нѣтъ государства. Граждане не должны поручать кому либо изъ своихъ представителей заботы объ общественныхъ интересахъ; въ особенности, они не должны ввѣрять налоговъ небольшому числу избранныхъ депутатовъ: всякое уполномочіе есть самоотреченіе. Верховная власть такъ же непередаваема, какъ и свобода. «Воля не можетъ имѣть за себя представительства; она или сохраняетъ свою *самость* (если можно такъ выразиться), или же становится другой—между этими двумя крайностями нѣтъ никакой середины. Англичане сильно ошибаются, думая, что они свободный народъ.

Они свободны, пока избираютъ членовъ парламента, но какъ только состоялось избраніе, они становятся рабами, обращаются въ ничто. Итакъ, верховная власть принадлежитъ народу, какъ суммѣ свободныхъ индивидовъ, принадлежитъ во всей ея цѣлости, не исключая того случая, когда народъ можетъ воспользоваться ею для расторженія самаго общественнаго союза. Если каждый изъ индивидовъ имѣетъ право возстановить во всякое время свою естественную свободу, то какимъ же образомъ всѣ индивиды, взятые въ общей ихъ совокупности, могутъ потерять это право въ силу того только, что они составляютъ союзъ? Руссо не отступаетъ передъ самымъ крайнимъ выводомъ изъ установленнаго имъ принципа: «гражданскій союзъ, говоритъ онъ, есть наиболѣе добровольный актъ въ свѣтѣ».

Теорія эта, стройная на видъ, разбивается однако вытекающими изъ нея послѣдствіями. Спрашивается, напримѣръ, какимъ образомъ общество можетъ законно казнить возставшаго противъ него члена? Изъ какого права оно будетъ исходить, убивая одну изъ тѣхъ личностей, покровительствовать которой составляетъ его цѣль и отъ воли которой зависитъ въ дѣйствительности его существованіе? Руссо утверждаетъ, что, карая преступника, общество имѣетъ передъ собой уже не нравственную личность, а врага или «физическаго человѣка» (онъ хочетъ сказать—животное). Но по какому чуду личность теряетъ свой характеръ неотъемлемости и какимъ образомъ общество, никогда не участвовавшее въ надѣленіи индивида его естественными правами, которыя онъ получаетъ отъ природы вмѣстѣ съ рожденіемъ, можетъ законно отнять ихъ у него? Представимъ себѣ другой случай. Мое отечество объявляетъ войну, которую я нахожу несправедливой. Можетъ ли общество, построенное по плану Руссо, сколько-нибудь законно помѣшать мнѣ порвать съ нимъ соціальный договоръ именно въ эту критическую минуту? Конечно, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе Руссо не признаетъ за членами такого права, хотя и безъ всякаго объясненія причинъ. Вывести логически законность наказаній и общественной солидарности изъ его системы невозможно—вотъ почему онъ ихъ устанавливаетъ, такъ сказать, «административнымъ порядкомъ», этимъ исчадіемъ русскаго

правительственнаго нигилизма, отрицающимъ всѣ государственныя основы не на словахъ, а *на дѣлѣ*...

Невозможно никакое государство съ такимъ строемъ. Неудивительно поэтому, что самъ Руссо признаетъ богами людей, живущихъ въ его идеальномъ государствѣ. Вѣчная гермонія вполнѣ свободныхъ и постоянно дѣятельныхъ воль, направленныхъ исключительно на поддержку отвлеченныхъ правъ, кромѣ того, что лишена всякаго raison d'être—такъ какъ, по сознанію Руссо, она наноситъ этимъ правамъ неизбѣжный ущербъ—эта идеальная гармонія стоитъ еще внѣ всякихъ біологическихъ условій, которымъ подчиняется человѣкъ, какъ живое существо съ его рожденіемъ, ростомъ, зрѣлостью, старостью, смертью, нуждами и болѣзнями, существо, которое любитъ и ненавидитъ, заблуждается и забываетъ, которое наконецъ, является продуктомъ вліяній, весьма часто совершенно имъ несознаваемыхъ и полусознательныхъ привычекъ частью личныхъ, частью наслѣдственныхъ. Руссо сдѣлалъ съ общественной душой то же, что Декартъ съ индивидуальной — они уничтожили ихъ непроизвольность, отняли у той и другой почву, которая служитъ ихъ основаніемъ и въ которой развѣтвляются ихъ корни.

Какъ извѣстно, Кантъ тоже принялъ за основное положеніе принципъ абсолютной свободы и сдѣлалъ его краеугольнымъ камнемъ своей метафизики. Но онъ съумѣлъ исправить крайности своими тонкими и широкими воззрѣніями на согласіе природы и высшихъ реальностей. Между міромъ феноменовъ (явленій), управляемыхъ неизмѣнными механическими законами и міромъ нуменовъ, незнающихъ законовъ (такъ какъ это міръ чистой свободы), его *Критика сужденія* указываетъ тонкую связь въ цѣлесообразности. Приступая къ изученію міра, нашъ умъ ожидаетъ встрѣтить въ немъ безурядицу и безсвязность, потому что если механизмъ обусловливаетъ причинность явленій, то нельзя сказать, чтобъ онъ точно такъ же предполагалъ и ихъ стройный гармоническій распорядокъ. Пораженный обратнымъ зрѣлищемъ, видя, что міръ исполненъ во всѣхъ своихъ частяхъ чуднаго согласія, нашъ умъ чувствуетъ при этомъ тѣмъ большее удивленіе, что находитъ въ немъ какъ бы осуществленіе своихъ собственныхъ намѣреній.

Не имѣя возможности доказать это, онъ стремится *увѣровать* въ скрытый субстанціональный порядокъ, какъ бы въ тайное соглашеніе явленій, имѣющее въ виду проявленіе нуменовъ или метафизическія реальности. Но это соглашеніе происходитъ въ самыхъ нѣдрахъ механизма, не нарушая ни въ чемъ непреложности его законовъ. Съ этой точки зрѣнія долженъ уничтожиться разладъ между метафизикой и физикой, между теологіей и наукой. Провидѣніе дѣйствуетъ и развиваетъ свои планы въ самомъ сердцѣ природы. Кантъ самъ постарался приложить свои глубокія воззрѣнія къ развитію (évolution) человѣчества. Онъ сдѣлалъ это съ такой точностью, что никакой анализъ не можетъ замѣнить его подлинныхъ словъ. «Сколько бы ни пыталась метафизика представить волю свободной, говоритъ онъ, всѣ усилія ея останутся напрасными: проявленіе воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ обусловливается, какъ и всякое другое явленіе, общими законами природы. Исторія, занимающаяся изложеніемъ этихъ проявленій, не теряетъ надежды открыть ихъ причинность, какъ бы глубоко не были скрыты ихъ внутреннія пружины; разсматривая en grand (въ широкихъ рамахъ) всю причудливую сѣть разнообразныхъ актовъ, относимыхъ къ области якобы *свободной* воли, она открываетъ въ нихъ правильный характеръ, и то, что въ индивидѣ поражаетъ насъ своей спутанностью и произвольностью, встрѣчается въ *видѣ* напротивъ, какъ непрерывное, хотя и медленное развитіе строго опредѣленныхъ положеній. Такъ напр., браки, рожденія, смерть и т. д. кажутся не подчиненными никакому правилу, которое позволяло бы заранѣе вычислить ихъ количество; однако же годовыя таблицы, составляемыя въ большихъ странахъ, показываютъ совершенно обратное: для нихъ существуютъ такіе же постоянные законы, какъ и для измѣненій атмосферы, изъ которыхъ ни одно въ частности не можетъ быть предсказано для даннаго пункта, но которыя въ общей суммѣ съ замѣчательнымъ однообразіемъ и безъ перерыва служатъ развитію растеній, теченію рѣкъ и всей вообще экономіи природы. *Индивиды и даже цѣлые народы едва догадываются*, что, руководствуясь своимъ собственнымъ разумомъ и часто вступая въ борьбу другъ противъ друга, они сами

того не зная, какъ пчелы и бобры, только слѣдуютъ неизвѣстнымъ для нихъ предначертаніямъ природы и способствуютъ общему развитію, которое не представляло бы для нихъ важности и тогда, если бы они имѣли объ немъ понятіе *)».

Къ сожалѣнію, просвѣщенныя усилія Канта примирить съ одной стороны метафизику и науку, а съ другой свободу и механичность не были поддержаны его непосредственнымъ преемникомъ. Фихте прежде всего признаетъ за человѣческой волей абсолютный характеръ: въ гражданскомъ обществѣ никто не долженъ быть третируемъ, какъ средство относительно другихъ—всѣ составляютъ цѣль для самихъ себя и въ самихъ себѣ, т. е. безусловно. Между такими элементами общества не можетъ быть вопроса о подчиненіи; единственное возможное отношеніе въ подобной средѣ, это—отношеніе координаціи или согласованія. Но свободныя воли, въ основаніи, составляютъ лишь одну волю, такъ какъ ничто ихъ не раздѣляетъ и не отличаетъ другъ отъ друга, кромѣ того, что въ нихъ есть несовершеннаго, т. е. организмъ. «Истинное назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ вступать въ союзъ съ другими людьми, союзъ, который, по своей близости, дѣлался все тѣснѣе, и тѣснѣе, а по пространству все шире и шире... Конечная и высшая цѣль человѣческаго общества будетъ достигнута тогда, когда всѣ возможные его члены сольются въ одно общее цѣлое **)».

Не смотря на поправки, которыя метафизическая точка зрѣнія Фихте позволяла ему внести въ ученіе Руссо, очевидно, что это послѣднее сохранено имъ въ самыхъ существенныхъ его чертахъ. Подобное общество представляетъ собой не столько живое тѣло, сколько накопленіе воль, міръ родственныхъ душъ. Руссо ограничивалъ свое идеальное государство тѣсными предѣлами, думая сдѣлать его такимъ образомъ болѣе осуществимымъ; Фихте же, напротивъ, освобождаетъ его отъ всякихъ границъ и стремится образовать изъ него *универсальное общество*. Онъ правъ. Понимаемое такъ, какъ онъ его себѣ представлялъ, общество въ самомъ дѣлѣ стоитъ внѣ

*) Кантъ. *Идея всемірной исторіи съ точки зрѣнія человѣчества*, 1784.
**) *Destination du savant*, стр. 39 французскаго перевода.

условій времени и пространства и не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительности. Это уже зданіе—не политическое, а скорѣе моральное и въ особенности эстетическое, сходное съ государствомъ Юпитера у стоиковъ. Достигнувъ этой кульминаціонной точки, теорія, ставящая общество выше природы и ничего не заимствующая для своего построенія у опыта, достигла своего крайняго предѣла, а потому должна была скоро распасться въ своемъ противорѣчіи съ фактами.

Самъ Фихте, спустя нѣкоторое время, взялся за оружіе, чтобъ воспротивиться осуществленію того универсальнаго государства, которое пыталась основать французская революція. Съ этихъ поръ противъ его доктрины начинается реакція даже въ самой Германіи: тамъ стремятся установить науку конкретнаго, партикулярнаго (частнаго), вполнѣ реальнаго государства, стараясь принимать въ разсчетъ условія времени и мѣста, расы и темперамента, внѣ которыхъ возможны одни только химеры. Съ другой стороны, не одна только свободная, преднамѣренная воля считается созидающимъ началомъ общества: съ этого же времени въ общественной психологіи получаетъ свои права и на минуту забытое непроизвольное начало. Такимъ образомъ на общество уже не смотрятъ, какъ на чистое произведеніе искусства, независимое отъ природы и носящееся надъ нею въ какихъ-то идеальныхъ надзвѣздныхъ сферахъ; напротивъ, въ немъ видятъ физическое существо, которое можетъ сдѣлаться моральнымъ и возвыситься надъ матеріальнымъ только подъ условіемъ подчиненія его законамъ. Такова точка зрѣнія Гегеля *).

Абсолютное никогда не сходитъ съ языка Гегеля: оно у него встрѣчается вездѣ и во всемъ. Но въ самомъ основаніи его доктрины абсолютнаго нѣтъ нигдѣ. Всѣ существа, по его мнѣнію, проявляютъ абсолютный идеалъ, но такъ какъ ни одно изъ этихъ

---

*) Мы выпускаемъ Гердера изъ этого очерка самостоятельныхъ системъ соціальной философіи. Гердеръ (1744—1803), провозглашая преемственность историческихъ явленій послѣ Монтескье и Канта, не вноситъ въ нее ничего новаго. Его система (если только его смутныя идеи заслуживаютъ этого названія) та же, что и Канта, только болѣе запутанная.

проявленій не исчерпываетъ его, то всѣ они относительны и реальны, т. е. конкретны и подчинены условіямъ пространства и времени. Человѣческое общество—одно изъ такихъ существъ; существованіе его обусловливается всѣми предшествовавшими ему низшими существованіями и всей совокупностью вліяній среды, отъ которыхъ оно постепенно освобождается. Какъ все въ мірѣ, оно подчиняется закону послѣдовательнаго развитія и организаціи частей. Семейство—его зародышъ: гражданское общество представляетъ собой развитое состояніе этого зародыша; но своего завершенія оно достигаетъ только въ государствѣ, стоящемъ выше гражданскаго общества.

Прежде всего индивидъ выходитъ изъ тѣснаго міра своей личности путемъ любви. Въ происходящемъ отсюда союзѣ оба пола получаютъ сознаніе о самихъ себѣ, какъ о частяхъ одного общаго цѣлаго; но это отреченіе отъ своей независимости не только не умаляетъ ихъ, но возвышаетъ, поднимая того и другаго до сознанія въ себѣ вида. И въ самомъ дѣлѣ, видъ или родъ реальнѣе индивида. Бракъ, основанный на половыхъ отношеніяхъ, значительно возвышается надъ чувственной и временной связью своимъ взаимнымъ довѣріемъ, раздѣленіемъ чувствъ, обоюднымъ воспитаніемъ дѣтей и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ высокое общественное значеніе. Но это возможно только при общности имущества и постоянствѣ союза, слѣдовательно при существованіи договора: вотъ почему бракъ предполагаетъ вмѣшательство гражданскаго общества.

Къ этому же приводятъ и соображенія относительно дѣтей, порождаемыхъ семьею. Сначала дѣти составляютъ ближайшую часть семьи. Они представляютъ собой олицетвореніе взаимной любви супруговъ, дѣлающейся изъ субъективной объективной, т. е. реализованной и живущей внѣшнимъ образомъ. Но скоро единство семьи нарушается. Индивидуальность дѣтей отдѣляется отъ индивидуальности родителей и даже становится передъ нею лицомъ къ лицу. Даже болѣе, каждый членъ семьи противополагается всѣмъ остальнымъ и хочетъ жить для себя. Они разсѣялись бы и жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга, если бы ихъ не соединяла

необходимость. Удовлетворенiе самыхъ настоятельныхъ потребностей приводитъ къ умственному прогрессу, а этотъ послѣднiй дѣлаетъ возможнымъ раздѣленiе занятiй, которое твердо устанавливаетъ зависимость индивида отъ общества. Взамѣнъ части утраченной свободы, онъ прiобрѣтаетъ новое значенiе своимъ участiемъ въ болѣе обильномъ производствѣ богатствъ и идей и особенно тѣмъ почтенiемъ и достоинствомъ, которыя сообщаетъ ему его полезная для всѣхъ работа. Обобщенное сознанiе взаимныхъ, отношенiй между этими индивидами создаетъ законъ. Такiе законы имѣются для всѣхъ существъ природы, какъ для животныхъ такъ и для звѣздъ. Но эти законы не извѣстны тѣмъ, кто ими управляется. Напротивъ, для человѣка законъ существуетъ лишь постольку, поскольку онъ ему въ большей или меньшей степени извѣстенъ- Законъ для него существуетъ и какъ идея, и какъ основная форма существованiя.

Однако же, вслѣдствiе самой ихъ общности, законы не могутъ всего предвидѣть: столкновенiе интересовъ требуетъ вмѣшательства высшей коллективной силы; къ тому же интересы всегда эгоистичны; необходимо слѣдовательно, чтобъ болѣе могущественныя чувства заставляли гражданъ забывать о своихъ личныхъ разсчетахъ, въ виду той высшей цѣли, которая ихъ соединяетъ вмѣстѣ, иначе общество, вызванное потребностями, должно распасться. Эту понудительную силу, опредѣляемую взаимнымъ влеченiемъ, и представляетъ собой государство. «Государство есть общественная субстанцiя, достигшая до самосознанiя (*Philosophie de l'esprit*; франц. переводъ Vera, томъ II, стр. 319)». Его задача выше цѣлей гражданскаго общества. Въ этомъ послѣднемъ личность можетъ еще ставить свой интересъ, какъ цѣль общей дѣятельности; откуда слѣдуетъ, что общественныя связи въ немъ произвольны и зависятъ отъ тѣхъ, кто ими соединенъ. Въ государствѣ же союзъ, объединяющiй всѣхъ гражданъ, составляетъ высшую цѣль—цѣль an sich und für sich (сама по себѣ и сама для себя); государство должно охранять семью и поддерживать гражданскiя права общества; но оно также обязано уничтожать сопротивленiе, которое

могли бы противопоставить эти низшія сферы осуществленію его задачъ.

Субъективныя стремленія каждаго отдѣльнаго индивида къ единству осуществляются въ дѣятельности правительства, которое, представляя волю цѣлаго государства, играетъ роль ея кульминаціоннаго пункта, проникаетъ ею всѣ его части и создаетъ въ немъ живое единство. Оно заботится о стройномъ согласіи различныхъ органовъ власти, которые безъ его иниціативы безпрестанно сталкивались бы между собой въ безплодномъ колебаніи. Оно же создаетъ въ области частной дѣятельности дифференцированія, необходимыя для оживленныхъ отправленій организма, и къ нему же сходятся эти различныя дѣятельноети, какъ къ своему высшему результату. Такая дифференцировка, понятно само собой, дѣлаетъ химерой какъ абсолютное равенство, такъ и абсолютную свободу: практическое приложеніе этихъ двухъ началъ способно разрушить самое прочное государственное зданіе. Тѣмъ не менѣе то, чѣмъ пользуются граждане изъ благъ свободы и равенства, они получаютъ отъ государства, потому что ни то, ни другое невозможно безъ закона—этого продукта государственной жизни. Трудно провести общую границу дозволеннаго. Она съуживается или расширяется, смотря по нравамъ, обстоятельствамъ и духу законодательства. Чѣмъ сильнѣе государство, тѣмъ свободнѣе его граждане, и обратно. Въ сущности, никакой законъ нельзя оцѣнивать по одному его буквальному смыслу. Настоящее его значеніе опредѣляется болѣе или менѣе сознательными привычками гражданъ; конституція народа болѣе, чѣмъ всѣ другія группы законовъ, принимаетъ свою реальную окраску отъ этого рода вліяній; она не дѣлается, а создается сама, даже болѣе—она всегда есть. Всякое измѣненіе въ государственномъ строѣ уже предполагаетъ конституцію, такъ какъ каждая подобная реформа—есть коллективный актъ, который государство можетъ совершить лишь въ томъ случаѣ, если оно уже попокоится на извѣстныхъ основахъ. «*Конституціи создавались и создаются имманентнымъ духомъ народовъ и исторіей*». Такимъ же образомъ, совершенно незамѣтно, онѣ и разрушаются,

когда общественный индивидъ, подчиняясь закону всего живущаго, дряхлѣетъ и умираетъ вмѣстѣ со всѣми своими произведеніями.

Національное единство всего рельефнѣе проявляется въ отношеніяхъ народа къ другимъ его собратамъ. Въ этомъ могучемъ столкновеніи опредѣляется индивидуальность государства и утверждается ея безусловный характеръ: поглощая въ себѣ всѣ частныя индивидуальности, оно разбиваетъ внѣшнія препятствія, посягающія на его независимость. Война есть такой моментъ, когда государство достигаетъ своего идеальнаго единства: всѣ другія цѣли и блага—собственность и даже самая жизнь—концентрируются въ этомъ единствѣ и поглощаются имъ (тамъ же, стр. 417).

Но изъ какой идеи общество получаетъ сознаніе о самомъ себѣ, какъ о государствѣ? Здѣсь, очевидно, вновь выступаетъ на сцену понятіе абсолютнаго, только перенесеннаго съ индивида на общину. Коллективная власть, выраженіе общественной воли и общественнаго сознанія, представляетъ одинъ изъ моментовъ проявленія абсолютнаго, по скольку мысль не переходитъ за предѣлы этого момента; и пока неизбѣжно присущія ему противорѣчія не успѣли еще обнаружиться, этотъ моментъ долженъ быть принимаемъ за самый абсолютъ. Отсюда божественный характеръ государства. Оно есть реализація бога. Однако то, что въ немъ есть божественнаго, не относится къ его конкретной организаціи, посредствомъ которой оно совершаетъ свою дѣятельность, но только къ коллективному духу, откуда оно какъ бы вытекаетъ. Прежде чѣмъ проявиться въ формѣ государства, этотъ коллективный духъ получаетъ о себѣ сознаніе, какъ о религіозномъ понятіи. Рѣзкое раздѣленіе, которое хотѣли установить между религіозными чувствами народа и его политической конституціей, основано на чудовищномъ заблужденіи... Онъ не можетъ имѣть двухъ различныхъ сознаній—религіознаго и общественнаго (Тамъ же, стр. 434).—«Идея божества составляетъ основу, на которой держится всякая національность. Изъ религіи вытекаетъ фатально форма государства и его конституція и притомъ до такой степени, что напр. политическая конституція Аѳинъ и Рима возможна только при классическомъ язычествѣ этихъ народовъ. Духъ (génie) народа есть духъ опредѣленный, индивиду-

альный, проявляющій сознаніе своей индивидуальности въ различныхъ сферахъ—въ искусствѣ, религіи, наукѣ». Совершенно такъ же думаетъ на этотъ счетъ и Шеллингъ; можно даже принять предыдущія строки за отголосокъ уже выработаннаго имъ къ этому времени ученія, содержащагося въ его философіи Мифовъ *)

Наиболѣе существенно и вполнѣ оригинально въ соціальной философіи Гегеля—это синтезъ двухъ доктринъ, боровшихся между собой, какъ мы видѣли, въ 17 и 18 столѣтіяхъ. Съ одной стороны на государство смотрѣли, какъ на живой организмъ, подчиненный біологическимъ законамъ, и требовавшій для своего изученія того же самаго метода, какъ и естественныя науки; съ другой же, оно разсматривалось, какъ произведеніе человѣческаго искусства, какъ свободный актъ индивидуальной воли, подчиненный, подобно всякому созданію разума, абсолютнымъ законамъ логики и образующій внѣ природы отдѣльный самостоятельный міръ. Гегель, въ силу своего принципа тождественности идеи и бытія, логики и жизни, даетъ понять весьма ясно, что государство, будучи отвлеченнымъ понятіемъ для всякаго отдѣльнаго ума, въ то же время есть основа дѣятельности и источникъ жизни для согласованныхъ воль, такъ что, строго говоря, индивиды получаютъ въ немъ свою реальность и образуютъ одно органическое цѣлое, имѣющее всѣ свойства какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго (мыслящаго) тѣла. Короче, человѣческое общество представляетъ собой конкретный моральный организмъ. Это—живое сознаніе, существенная основа котораго состоитъ во взаимности наклонностей и потребностей, а высшее развитіе предполагаетъ во всѣхъ его членахъ болѣе или менѣе опредѣленное рѣшеніе преслѣдовать одну и ту же идею. Такимъ образомъ ученіе Гегеля уничтожаетъ то радикальное противорѣчіе, которое, повидимому, существовало между индивидомъ и государствомъ: путемъ возврата къ построеніямъ Аристотеля, оно приводитъ въ одно русло параллельное теченіе двухъ противоположныхъ другъ другу доктринъ.

---

*) См. Шеллингъ. *Чтенія о Философіи и Миѳологіи*, I, стр. 107 нѣмецк. ориг. и Max Muller. *Science des religions*, стр 77 францyз. перевода.

Французская антиреволюціонная школа хотя и держалась совершенно иной метафизики, но въ своей борьбѣ противъ Руссо подчинялась тѣмъ же самымъ тенденціямъ. Самымъ полнымъ ея выраженіемъ можетъ служить Жозефъ-де-Местръ.

Весьма вѣроятно, что онъ заимствовалъ свои идеи у Вико. Вико (1668—1744.—Новая наука вышла въ 1725 г.), предшественникъ Монтескье, но почти неизвѣстный своимъ современникамъ, не имѣетъ права на особое мѣсто въ исторіи общественной философіи: въ то время, когда съ нимъ начали знакомиться, его уже значительно опередила наука; онъ до такой степени теменъ, что основная идея его обыкновенно проходится молчаніемъ и всегда цитируется его теорія круговращеній (акцій и реакцій), т. е. то, что́ у него не самое оригинальное и на чемъ онъ особенно не настаиваетъ. Основной идеей его сочиненія является возстановленіе факта или опыта въ общественной наукѣ, возвращеніе ему того мѣста, которое было у него отнято апріорнымъ методомъ. Въ совершенную противоположность Декарту, онъ стремится замѣнить абстрактныя геометрическія построенія, которыми въ его время были пропитаны юридическія и нравственныя науки, конкретными данными того, что онъ называлъ филологіей, т. е. исторіи. Общество, по его ученію, не есть произведеніе точнаго разума, которому картезіанцы стремятся все подчинить; оно не есть созданіе индивидуальнаго ума, но продуктъ коллективной и безсознательной мудрости, которая проявляется даже въ учрежденіяхъ первобытныхъ народовъ и представляетъ собой только выраженіе соціальныхъ потребностей. Для того, чтобъ существовать, общество должно управляться обычаями, принаровленными къ его положенію; обычаи эти не выдумываются отдѣльными личностями, но создаются провидѣніемъ, т. е. природой, такъ какъ тѣ, кто ихъ практикуетъ, даже и не знаютъ, къ какой они ведутъ цѣли. «Безъ сомнѣнія, общественный міръ создали сами люди, это—основной принципъ новой науки; но міръ этотъ тѣмъ не менѣе вышелъ изъ общаго разума, который нерѣдко отклоняется отъ частныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ людьми, иногда находится въ совершенномъ съ ними противорѣчіи и всегда стоитъ выше ихъ. Эти ограниченныя цѣли служатъ для него лишь сред-

ствами къ достиженію болѣе высшихъ цѣлей, обезпечивающихъ сохраненіе человѣческой расы на земномъ шарѣ» (стр. 384 фр. перевода Мишле). Короче, общество есть произведеніе разума, но не сознательнаго и критическаго, а инстинктивнаго и безотчетнаго; законы же—только запоздалое выраженіе условій его существованія. Такова основная идея Вико. Тѣ же руководящіе принципы встрѣчаются и у Жозефа-де-Местра. Если бы сличеніе ихъ между собой представляло болѣе интереса, то мы бы увидѣли, что доктрины этихъ двухъ авторовъ совпадаютъ другъ съ другомъ до мелочей. Но ученіе де-Местра болѣе ново и гораздо яснѣе какъ по существу, такъ и по формѣ; кромѣ того, оно было значительно распространено въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вотъ почему мы остановимся преимущественно на немъ.

Жозефъ-де-Местръ сильно возставалъ противъ излюбленнаго метода автора *Общественнаго договора*. По его мнѣнію, для политики можетъ быть пригоднымъ только одинъ методъ—экспериментальный (опытный): «всякій вопросъ о природѣ общества долженъ рѣшаться помощью исторіи» (*Euvres inédites*. Vaton frères, éd. Paris 1870).—«Если бы какое-нибудь существо высшаго порядка задумало составить *естественную исторію* человѣка, то оно, безъ сомнѣнія, искало бы для себя указаній въ исторіи фактовъ. Узнавши, что́ такое человѣкъ и чѣмъ онъ былъ, что́ онъ дѣлаетъ, и что́ дѣлалъ постоянно, нашъ предполагаемый авторъ, конечно, все это изложилъ бы, но онъ навѣрно отшатнулся бы, какъ отъ нелѣпости, отъ мысли, что человѣкъ не есть то, чѣмъ онъ долженъ быть, и что его жизнь противорѣчитъ законамъ природы». Быть можетъ, при изученіи политическихъ тѣлъ этотъ методъ болѣе необходимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно вслѣдствіе сложности ихъ строенія и тонкости ихъ органовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если здѣсь идетъ дѣло о зданіи, подчиненномъ, какъ и всѣ другія, законамъ равновѣсія, если физика и мораль имѣютъ одни и тѣ же законы, то все-таки не нужно забывать, что соціальные законы отличаются отъ законовъ другихъ явленій. Въ мірѣ физическомъ мы, несомнѣнно, окружены загадочными явленіями, но дѣйствующія въ нихъ пружины слѣпы и управляющіе ими законы

неизмѣнны. Въ нравственномъ же и политическомъ мірѣ мы поражаемся до обольщенія, замѣчая, что законы этого порядка, будучи *такими же неизмѣнными, какъ и физическіе*, въ то же время обладаютъ гибкостью, позволяющею имъ дружить съ свободной дѣятельностью индивидовъ. Это своего рода часы, всѣ части которыхъ постоянно измѣняются въ своихъ размѣрахъ и силѣ, но которые при всемъ томъ всегда вѣрно показываютъ время».

Вслѣдствіе этой измѣняемости явленій и гибкости законовъ общественной жизни, соціологъ-наблюдатель, желающій получить точные результаты, принужденъ, подобно астроному, довольствоваться *средними* величинами. «Странно, почему при изученіи политики не употребляютъ того же метода разсужденій и общихъ аналогій, которыми руководствуются при изслѣдованіи другихъ наукъ? Всякій разъ, когда при физическихъ изысканіяхъ дѣло идетъ о перемѣнной силѣ, мы приводимъ ее къ средней величинѣ. Въ астрономіи, напримѣръ, постоянно принимается въ разсчетъ среднее разстояніе и среднее время. Чтобъ судить о качествахъ правительства, нужно поступать такимъ же образомъ; тогда мы увидимъ, что политическія тѣла обладаютъ извѣстной средней прочностью, соотвѣтствующей ихъ природѣ, что они родятся, развиваются и умираютъ буквально, какъ живыя тѣла. Болѣе того, они имѣютъ общую душу, въ которой выражается ихъ индивидуальность, и одарены настоящимъ нравственнымъ единствомъ. Но, какъ живое существо не создаетъ оживляющаго его начала, такъ точно и нація не формируетъ себя во всѣхъ своихъ частяхъ путемъ разсужденій и голосованій въ собраіяхъ. Произведеніе природы, т. е. бога, оно почти всегда даетъ ростокъ и развивается такъ же незамѣтно, какъ растеніе, вслѣдствіе взаимодѣйствія безчисленнаго множества условій, которыя мы называемъ случайными».—«*Естественныя* учрежденія націй всегда предшествуютъ *писаннымъ* законамъ и могутъ обойтись безъ нихъ... Всякая такъ называемая конституція есть твореніе въ полномъ смыслѣ этого слова, а твореніе превышаетъ силы человѣка». Но если ей способствовало искусство человѣка,—потому что все, вырабатываемое человѣкомъ есть продуктъ искусства — то вѣдь *искус-*

ство составляетъ природу человѣка (стр. 189)... Человѣкъ со всѣми своими страстями, знаніями, искусствами въ дѣйствительности есть *сынъ природы* и ткань ткача столько же *естественна*, какъ и сѣть паука. «Бобръ, пчела и другія животныя также выказываютъ много искусства въ устройствѣ своихъ жилищъ и добываніи пищи; надо ли поэтому писать книги для отличія того, что́ въ дѣятельности этихъ слѣдуетъ отнести на счетъ божественной воли и что́ на счетъ ихъ искусства? Согласитесь съ разсужденіемъ Руссо, что человѣческая дѣятельность, измѣняя порядокъ явленій, нарушаетъ законы природы—и вы впадаете въ невѣроятные абсурды: не нарушаетъ ли ихъ тотъ, кто варитъ яйцо? Можно ли гдѣ-нибудь остановиться, противополагая человѣческое искусство природѣ? Отъ пещеры дикаря до избы, быть можетъ, такъ же далеко, какъ отъ этой послѣдней до коринфской колонны греческаго портика, и такъ какъ въ человѣкѣ, разсматриваемомъ со стороны его культуры, все до извѣстной степени «искусственно», то отсюда слѣдуетъ, что, отнимая отъ него то, что можно въ какомъ-нибудь смыслѣ отнести къ его «искусству», мы лишимъ его всего».

Итакъ, верховная власть не имѣетъ сверхъестественнаго происхожденія; она составляетъ часть природнаго строя всякихъ обществъ. «Представить себѣ человѣческое общество или народъ безъ главы, такъ же невозможно, какъ улей или рой пчелъ безъ царицы; въ силу вѣчныхъ законовъ природы, пчелиный рой можетъ существовать только въ этой формѣ, но ни въ какой другой». Даже дикари имѣютъ свое управленіе, принаровленное, конечно, къ ихъ развитію: понятно, что какъ ихъ правительство не годилось бы для насъ, такъ и наше для нихъ. Абсолютно хорошаго правительства не существуетъ (стр. 197). Нелѣпо искать наилучшаго правительства вообще безъ соображенія конкретныхъ условій. «Самымъ лучшимъ правительствомъ для данной націи будетъ то, которое на занимаемой имъ территоріи способно доставить наибольшую сумму счастья и силы возможно большему числу людей втеченіе возможно болѣе продолжительнаго времени». Это не значитъ, что нѣтъ дурныхъ правительствъ, но они уничтожаютъ сами себя своими край-

ностями, потому что верховная власть по самому своему существу управляется лишь естественными законами, которые не позволяютъ никакой силѣ переступать свойственныхъ ей границъ, такъ что индивидуальный разумъ, который вздумалъ бы разрушить эти законы, чтобъ взамѣнъ ихъ создать новые, какъ часовщикъ дѣлаетъ часы (стр. 212), долженъ былъ бы постыдно сложить оружіе въ такомъ безумномъ предпріятіи. Жизнь политическаго тѣла основана на предрасположеніяхъ массъ; частный умъ, разбирающій и оспаривающій эти вѣрованія, производитъ одни только разногласія и столкновенія. «Что такое философія въ новѣйшемъ смыслѣ слова? Это замѣна индивидуальнаго разума общественными догматами». Гдѣ господствуетъ индивидуальный разумъ, тамъ не можетъ явиться ничего великаго: скептицизмъ—всеобщій разрушитель... «Если политикъ хочетъ построить что нибудь крупное и долговѣчное, онъ долженъ опираться на широкую и глубокую основу вѣрованій народа». «Вѣра и патріотизмъ—два великіе чудотворца нашего міра, владычествующіе, какъ боги, надъ умами массъ. Не пробуйте говорить имъ о выборѣ, анализѣ, обсужденіи... они отвѣтятъ вамъ, что вы кощунствуете; имъ извѣстны только два слова: *подчиненіе* и *вѣра*; съ помощью этихъ двухъ рычаговъ они ворочаютъ вселенной... Но развѣ ты, незамѣтная песчинка, называющая себя человѣкомъ, можешь возжечь тотъ священный огонь, который одушевляетъ народы? Какъ! Ты можешь слить всѣ разнородныя стремленія въ одну коллективную волю? Дать имъ единство своими законами? Сгруппировать ихъ вокругъ одного общаго центра? Вложить свою мысль въ людей, которые еще не существуютъ? Заставить повиноваться себѣ будущія поколѣнія и создать тѣ почтенные обычаи, тѣ консервативныя настроенія, которыя породили законы и сильнѣе, чѣмъ самъ положительный законъ?—Замолчи!» *) Нужно ли

---

*) Ученіе Жозефа де-Местра, сходное съ доктринами Бональда и Балланша, кромѣ того имѣетъ много общаго съ принципами, высказанными въ книгѣ *Реставрація политической науки* Карла-Людовика Галлера, 1824 г. 3 тома въ 8°.

„Вотъ, говоритъ авторъ, настоящія основы моей теоріи, которую я не затрудняюсь высказать въ нѣсколькихъ словахъ: — пресловутый

доказывать, что теорія, доведенная до такихъ выводовъ, уже сама въ себѣ носитъ противорѣчія? Всякому понятно, что общій разумъ слагается и образуется изъ индивидуальныхъ мыслей, а предрасположенія всегда имѣютъ начало въ какомъ-нибудь предшествующемъ имъ сужденіи. Достаточно одного только взгляда на политическіе

выходъ изъ естественнаго состоянія и составленіе общественнаго договора, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на фактъ, какъ на гипотезу, или какъ на идеалъ,—во всякомъ случаѣ есть ложная, невозможная и противорѣчивая химера.—Напротивъ, природа путемъ неодинаковости естественныхъ потребностей и средствъ вырабатываетъ тѣ разнообразныя общественныя отношенія между людьми, которыя мы наблюдаемъ въ нашей ежедневной практикѣ.—Въ каждомъ изъ этихъ отношеній она какъ бы свидѣтельствуетъ о господствѣ болѣе сильнаго и зависимости или добровольномъ подчиненіи болѣе слабаго, т. е. того, кто нуждается въ помощи.—Это господство, или власть полагаетъ въ основу своей дѣятельности естественный законъ правосудія и любви къ ближнему, т. е. тотъ самый законъ который вложенъ въ сердца всѣхъ людей безъ исключенія.—Природа сама по себѣ обладаетъ достаточнымъ количествомъ средствъ, чтобъ заставить уважать этотъ законъ и воспрепятствовать злоупотребленіямъ власти, насколько это позволяютъ человѣческія условія. —Государственный строй отличается отъ строя другихъ общественныхъ отношеній только большимъ могуществомъ, свободой и независимостью главы государства.—Эта независимость есть *summa fortuna*, высшая степень счастья, до которой способенъ достигнуть человѣкъ; она составляетъ естественный результатъ относительной силы и можетъ принадлежать или отдѣльному лицу или цѣлой корпораціи. Въ первомъ случаѣ (встрѣчающемся наиболѣе часто) мы имѣемъ передъ собой монархію, во второмъ—республику.—Наконецъ, права государей, какъ и права другихъ людей, основаны на ихъ свободѣ или ихъ собственности, а ихъ обязанности на общемъ для всѣхъ долгѣ. Вотъ принципы, составляющіе основу нашей системы. *Они сдѣлаются символомъ вѣры всѣхъ, кто разбиваетъ якобинизмъ оружіемъ науки*... Какъ ни кажутся они простыми и какъ они ни просты на самомъ дѣлѣ, они однако же заключаютъ въ себѣ настоящую *контръ-революцію науки* и не моя вина, если мои изслѣдованія привели меня къ результатамъ діаметрально противоположнымъ революціоннымъ доктринамъ нашихъ дней". (Вступленіе, стр. xlvij).

Людовикъ Галлеръ, внукъ знаменитаго физіолога Галлера, состоявшій во время Реставраціи при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, перешелъ въ католицизмъ (1768—1854). Система его, какъ мы видимъ, во многомъ сходится съ системой Спинозы. Можно даже сказать, что относительно политики это второй Спиноза, но Спиноза—роялистъ и христіанинъ.

выводы, которые дѣлаетъ де-Местръ изъ своей доктрины, чтобъ видѣть, что ему самому можно сдѣлать тѣ же упреки, какіе онъ посылаетъ по адресу Руссо. Если нельзя сказать, что половина его книги посвящена опроверженію другой, то можно смѣло утверждать нѣчто весьма близкое къ этому: ему нерѣдко приходится развивать на одной и той же страницѣ діаметрально противоположныя мысли. Но мы занимаемся здѣсь только общими задачами соціальной философіи. Несомнѣнно, что если только что представленное нами рѣшеніе вопроса не можетъ считаться однимъ изъ самыхъ полныхъ, то его слѣдуетъ признать по крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ глубокихъ между доктринами, предшествовавшими тѣмъ великимъ системамъ, къ разбору которыхъ мы должны перейти въ слѣдующей главѣ. По нашему мнѣнію, согласіе теологической школы съ доктриной, смотрящей на общество, какъ на созданіе природы и требующей, чтобъ къ этому объекту прилагался экспериментальный методъ, составляетъ весьма характерный фактъ. Ничто лучше его не доказываетъ слабость связи, соединяющей какое-либо теоретическое соціальное ученіе съ той или другой метафизической философіей и (пока не организовалась наука) политикой. Но онъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ и то, что эта доктрина, обладавшая всѣмъ, что способно увлекать умы, наиболѣе вѣрные религіознымъ преданіямъ, имѣла большіе шансы почти на всеобщее признаніе. Никто изъ тѣхъ, кто сталъ бы пытаться поднять на нее руку, какъ на ученіе противное нравственнымъ интересамъ человѣчества, не долженъ никогда забывать, что смѣлыя слова:

«Не индивиды создаютъ общество, но общество создаетъ индивидовъ, потому что они существуютъ только въ обществѣ и для общества», были сказаны виконтомъ де-Бональдомъ.

III.

Начиная съ Гегеля, взгляды Аристотеля развиваются тремя путями: путемъ исторіи, политической экономіи и біологіи.—Соціологія по ученію Конта и Спенсера.—Возрастающее проникновеніе двухъ враждебныхъ доктринъ одна другой.—Допускаетъ ли естественный методъ существованіе нравственности?—Она допускается имъ, хотя въ зачаточномъ состояніи, у животныхъ, въ силу самыхъ законовъ общества, а тѣмъ болѣе у человѣка.

Начиная съ этого времени, номиналистическая теорія общества не получала уже болѣе ни одного сколько-нибудь важнаго вклада, способствующаго ея оживленію. Она дѣлается какъ бы владычицей умовъ и несетъ въ области фактовъ свои выгодныя или невыгодныя послѣдствія; но что выигрывается ею въ ширинѣ, то проигрывается въ глубинѣ. Мало по малу въ языкъ незамѣтно проникаютъ выраженія, согласныя съ противной ей теоріей; затѣмъ новое теченіе постепенно опредѣляется и ускоряется: тогда какъ въ предыдущіе вѣка философская мысль достигла той точки, на которой мы ее только что оставили вмѣстѣ съ Гегелемъ, лишь путемъ анализа, расходящагося въ разныя стороны и преодолѣвающаго болѣе или менѣе значительныя препятствія,—въ этомъ вѣкѣ, опа, напротивъ, стремится къ подтвержденію тѣхъ же (теперь все менѣе и менѣе оспариваемыхъ) началъ путемъ синтеза, идущаго одновременно отъ всѣхъ точекъ интеллектуальнаго горизонта.

Лингвистика—первая изъ историческихъ наукъ, которая освѣтила одну изъ сторонъ соціальнаго организма. Она показала, что явленія языка подчинены естественнымъ законамъ, и опредѣлила нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ. Она выяснила способъ образованія языковъ и прослѣдила ихъ развитіе: начиная отъ элементарныхъ всегда простыхъ и неопредѣленныхъ корней, до того

момента, когда они складываются въ обширные аггрегаты сложныхъ и точныхъ словъ. Этотъ безсознательный умственный процессъ филологи уподобляютъ органическому процессу роста. Они съумѣли доказать, что это частное проявленіе народнаго разума связывается со всѣми остальными и можетъ въ нѣкоторомъ родѣ выводиться изъ нихъ, наподобіе того, какъ, имѣя передъ собой данный зоологическій типъ, можно по одному органу опредѣлить всѣ остальные. Исторія литературы и эстетики привела къ тѣмъ же результатамъ. Она показала, что искусство и самая поэзія развиваются среди народа въ силу его племенныхъ свойствъ и вліяній обитаемаго имъ пространства, въ связи съ событіями его жизни, его языкомъ, учрежденіями, нравами и вѣрованіями. Наконецъ, задолго до начала этого вѣка, на тотъ же путь вступила и собственно исторія. Она также прежде всего превозгласила детерминизмъ (причинность) общественныхъ явленій во времени, разумѣя подъ ними тѣ, которыя исходятъ изъ свободной человѣческой воли. «Какъ человѣкъ, въ естественномъ порядкѣ вещей, не происходитъ самъ собою, говорилъ Гердеръ, такъ же точно не могутъ являться сами по себѣ и его интеллектуальныя свойства. Каждая фаза нашего развитія есть результатъ времени, мѣста, окружающихъ условій и всѣхъ обстоятельствъ предшествующей жизни. На этой широкой основѣ воздвигается вся исторія человѣчества. Въ силу ея, исторія человѣческаго рода необходимо составляетъ одно цѣлое, образуя собой непрерывную цѣпь традицій отъ перваго звѣна до послѣдняго». Разъ признанъ детерминизмъ фактовъ, нужно было отыскать его законы. На такую работу и были устремлены усилія историковъ этого вѣка съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Нельзя однако же не сознаться въ недостаточности полученныхъ ими результатовъ, что́, при общей вѣрѣ въ существованіе историческихъ законовъ, приписывается наиболѣе авторитетными умами (Маколей) новости этого рода изслѣдованій и малому числу сопоставленныхъ между собою фактовъ. Изъ всѣхъ законовъ исторіи наименѣе спорнымъ считается законъ прогресса. Начало его довольно давнее. Онъ былъ формулированъ Паскалемъ, потдвержденъ a prioi Лейбницемъ и провѣренъ Кондорсэ путемъ обзора историческихъ фактовъ. Болѣе позд-

нѣйшимъ историкамъ приходилось только помнить объ немъ, не входя, быть можетъ, въ достаточно строгое разсмотрѣніе его обширныхъ послѣдствій. Такъ, *долговѣчность* націй для большинства изъ тѣхъ, кто пишетъ ихъ исторію, есть смѣна состояній, скрытымъ началомъ которыхъ является желаніе лучшаго. Это—движеніе, стремленіе къ идеалу, настоящая жизнь. И если такое стремленіе регулируется, если эта жизнь имѣетъ свои условія, то отсюда еще нельзя заключать, чтобъ законъ мѣшалъ свободѣ или свобода разрушала законъ: Мишле, болѣе всѣхъ французскихъ историковъ проникнутый убѣжденіемъ, что всякое событіе имѣетъ свои причины и что эти причины носятъ на себѣ общій характеръ, во многихъ мѣстахъ своихъ изслѣдованій преклоняется передъ геніемъ Франціи, свобода которой даетъ себя знать черезъ всю сложную сѣть историческихъ событій. Онъ одинаково отвергаетъ какъ историческій фатализмъ, объясняющій все внѣшними вліяніями, такъ и біографическій методъ, строящій исторію изъ самостоятельныхъ побужденій отдѣльныхъ лицъ, какъ будто бы отдѣльный человѣкъ можетъ имѣть величіе, не входя составную частью въ душу своего народа. Греція, Франція и вообще всякое государство представляютъ для него организмъ, одушевленныя существа, коллективныя личности. Жизнь вездѣ и во всѣмъ составляетъ его символъ вѣры и нѣтъ ничего удивительнаго, если, отыскивая ее въ ея наивысшихъ проявленіяхъ, онъ искалъ того же самаго и въ областяхъ стоящимъ ниже—въ мірѣ птицъ и насѣкомыхъ. Этотъ великій историкъ говорилъ о животномъ семействѣ такъ, какъ до него никто не рѣшался о нихъ говорить. Съ нимъ исторія уже, очевидно, клонится къ методу естественныхъ наукъ. Пусть встрѣтится историкъ-философъ—и онъ пойметъ, куда направляются струи исторіи въ нашемъ вѣкѣ: онѣ стремятся, хочу я сказать, къ возвышенному *натурализму*, столько же убѣжденному въ правахъ науки, сколько уважающему человѣческое достоинство. «Государство, скажетъ онъ, такъ же какъ человѣческое тѣло, есть чудно устроенная и уравновѣшенная машина; она создаетъ органы, въ которыхъ нуждается, и если они утрачены, воспроизводитъ ихъ вновь». Оно, прибавитъ намъ историкъ, обладаетъ тонкимъ «темпераментомъ»,

и если чего въ особенности не можетъ вынести, такъ это хотя бы самаго кратковременнаго колебанія основъ своей жизни. Это имѣло бы для него такія же послѣдствія, какія влечетъ за собой закупорка дыхательныхъ путей человѣка—бѣшеныя конвульсіи. Ставить судьбы народа въ зависимость отъ постоянно возобновляемыхъ голосованій столько же безсмысленно, какъ и незаконно. Его однородность, такъ же какъ однородность живаго тѣла, есть продуктъ обычая и наслѣдственности. Для того, чтобъ нація существовала, нужно, чтобъ она незамѣтно оказывала внушающее вліяніе на отдѣльныя воли и господствовала надъ ними, а не взывала къ нимъ о помощи относительно самого вопроса своего существованія. Иначе общество будетъ походить на кучу песку, постоянно переносимаго вѣтромъ съ одного мѣста на другое. Одинъ только близорукій матеріализмъ можетъ понимать общественный договоръ въ формѣ обдуманнаго соглашенія, гдѣ не отведено никакого мѣста дѣйствію времени: «Въ глазахъ просвѣщеннаго философа, общество есть великій провиденціальный фактъ, установленный не человѣкомъ, но самой природой, для того, чтобъ на поверхности нашей планеты совершалась умственная и нравственная жизнь». (Renan, «*Revue des Deux-Mondes*», 1-er nov. 1869).

Итакъ, общество есть организмъ, функціи котораго связаны между собой и порождаются другъ другомъ. Но, что̀ въ немъ играетъ роль *primum movens* (первой причины, перваго двигателя)? Фюстель Куланжъ старается, при помощи фактовъ, установить на этотъ счетъ точку зрѣнія Гегеля: по его мнѣнію, въ соціальномъ тѣлѣ роль перваго импульса или господствующей и такъ сказать творческой (generatrice) функціи принадлежитъ религіозной идеѣ. Онъ заключаетъ свои изслѣдованія о древнемъ государствѣ слѣдующими многозначительными словами: «Мы представили передъ читателемъ исторію вѣрованія. Съ установленіемъ его, образовалось человѣческое общество. Съ его измѣненіемъ, общество проходитъ, черезъ рядъ революцій. Наконецъ, съ его исчезновеніемъ, общество измѣняетъ свою физіономію. Таковъ былъ законъ древнихъ временъ». (*Cité antique*, стр. 431). Мэнъ въ Англіи пришелъ, од-

новременно съ Фюстель Куланжемъ, къ тѣмъ же самымъ выводамъ.

Если въ различныхъ человѣческихъ группахъ вѣрованія разнятся между собой существеннымъ образомъ, то и строй этихъ группъ долженъ представлять такія же глубокія несходства. Каждая изъ нихъ должна организоваться сообразно основному складу понятій ея членовъ, по своему, такъ сказать, спеціальному плану, причемъ однако же число такихъ плановъ не можетъ быть безконечно,—короче, должны быть извѣстные общіе типы, къ которымъ можетъ быть отнесена каждая отдѣльная нація. И дѣйствительно, мы видимъ неоднократныя попытки классификаціи языковъ, расъ, правительствъ и религій. Насколько успѣшны были подобныя классификаціи, это совсѣмъ не входитъ въ предметъ нашего обзора. Мы ограничиваемся только констатированіемъ самаго факта, свидѣтельствующаго въ пользу общаго признанія соціальныхъ типовъ. По крайней мѣрѣ новѣйшая наука обладаетъ на этотъ счетъ неоспоримыми данными, относящимися къ самой тѣсной соціальной группѣ, а именно къ семейству. Были точно опредѣлены различныя послѣдовательныя системы родства, частью въ древнихъ семействахъ, частью же въ зарождающихся (rudimentaires) нынѣшнихъ, и всѣ эти системы привели къ небольшому числу постоянныхъ общихъ типовъ *).

Для исторіи, оставалось такъ сказать, опознать новый духъ своего метода, и она скоро это сдѣлала. Одинъ изъ нашихъ современниковъ, приступая, въ концѣ своей дѣятельности на поприщѣ исторіи, къ изученію природы, былъ крайне удивленъ, когда увидѣлъ, что она въ своемъ развитіи слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ и человѣчество. «Меня осѣняетъ мысль, говоритъ Кине, что если природа освѣщаетъ исторію человѣка, то обратно и исторія человѣка въ свою очередь можетъ также освѣтить исторію природы, потому что въ концѣ концовъ та и другая изъ нихъ со-

*) Bachofen. *Das Mutterrecht*, 1861; Mac-Lennan. *Primitive Marriage* 1865; Morgan. *System of consanguinity* 1871; Giraud-Teulon. *Les Origines de la famille*. 1874; Lubbock. *Les Origines de la Civilisation* (переведено на русскій языкъ).

ставляютъ часть одного и того же общаго цѣлаго. Развитіемъ того и другаго долженъ управлять одинъ и тотъ же законъ». Затѣмъ Кине замѣчаетъ, что если идея закона и типа перешла отъ естественныхъ наукъ къ историческимъ, то въ свою очередь идея прогресса перешла отъ историческихъ наукъ къ естественнымъ. Замѣчательно, что этотъ обмѣнъ произошелъ, какъ бы подпольнымъ путемъ, помимо воли и вѣдома обѣихъ сторонъ. «Съ одной стороны семейство историковъ, съ другой семейство натуралистовъ дѣлали свое дѣло въ одиночку—не зная и не слыша другъ о другѣ, какъ вдругъ оказывается, что трудились надъ одной и той же задачей!.. Натуралисты и историки инстинктивно заимствовали другъ у друга присущій имъ духъ, методъ однихъ сдѣлался методомъ другихъ. Позволимъ себѣ сказать, что эта встрѣча представляетъ собой самое величайшее интеллектуальное событіе нашего времени (*La Création*, томъ I, стр. 73 и 74).

Въ то время, какъ исторія готовилась формулировать эти заключенія,—науки, частный предметъ и отрывочный характеръ которыхъ еще недостаточно опредѣленъ, а именно антропометрія, демографія и политическая экономія,—науки, извѣстныя въ ихъ общей совокупности подъ именемъ общественныхъ, направились къ той же цѣли, но съ значительно большей точностью и смѣлостью. Съ 1835 по 1848 годъ въ Бельгіи появляется цѣлый рядъ изысканій, составляющихъ естественное продолженіе работъ Кондорсэ, а именно—*Опытъ соціальной физики* (Essai de physique sociale, 1835), *Записка о теоріи вѣроятностей въ приложеніи къ нравственнымъ и политическимъ наукамъ* (Lettre sur la théorie de probabilités appliquées aux sciences morales et politiques, 1846) и, наконецъ, трактатъ *О соціальной системѣ и управляющихъ ею законахъ* (Du système social et des lois qui le régissent, 1848). Господствующей идеей ихъ автора Кетле было не приложеніе математики къ соціальнымъ фактамъ (тутъ ничего не оставалось, какъ только слѣдовать примѣру знаменитыхъ предшественниковъ), но изысканіе, при посредствѣ измѣренія, опредѣленнаго порядка и какъ бы геометрической гармоніи между различными группами этихъ явленій. Онъ былъ проникнутъ

убѣжденіемъ, что если всѣ естественныя тѣла имѣютъ свои опредѣленныя отношенія и поддерживаютъ ихъ только въ силу извѣстнаго постояннаго равновѣсія своихъ частей, то и соціальныя тѣла на томъ же основаніи должны не только представлять правильность и гармоничность въ своихъ явленіяхъ, но и обладать извѣстнымъ строеніемъ (constitution), которое сохраняло бы ихъ цѣлость.

Въ этомъ именно духѣ Кетле и приступилъ къ изученію соціальныхъ фактовъ. Ему скоро удалось замѣтить, что они дѣйствительно представляютъ извѣстное постоянство и что выражающія ихъ годовыя числа не мѣняются сколько-нибудь чувствительно, если только они выведены изъ большаго количества наблюденій; короче—они колеблются незамѣтно въ ту и другую сторону около средняго числа. Среднее есть своего рода фикція, но такая, которая позволяетъ нашему уму какъ бы въ эстрактѣ представлять себѣ множество единичныхъ чиселъ, разности между которыми только обременяли бы нашу память безъ всякой пользы для дѣла. Это почти то же самое, что́ общая идея, которая, существуя лишь въ нашемъ сознаніи, охватываетъ собой всѣ частные случаи, стирая съ нихъ индивидуальный отпечатокъ. Но общая идея допускаетъ нѣкоторыя отклоненія въ частныхъ случаяхъ, которые она резюмируетъ, причемъ эти послѣдніе не могутъ быть изъ нея выведены. Нельзя ли, однако, изъ средняго числа получить частныя числа, входящія въ нее, какъ первый основной матеріалъ? Нѣтъ ли, говоря другими словами, между составными элементами средняго числа такого отношенія, которое позволяло бы мысленно развернуть рядъ изъ этого средняго, охватывающаго собой всѣ частныя числа? Кетле нашелъ этотъ чудный законъ. Онъ показалъ, что колебанія въ ту и другую сторону отъ средняго также правильны, что они выражаются геометрической кривой и что ихъ можно вывести a priori безъ всякаго опасенія впасть въ разногласіе съ фактами. Необходимо только одно условіе, а именно, чтобъ элементы, служившіе для опредѣленія средняго числа, были взяты изъ однородной среды, т. е. чтобъ *факты, подлежавшіе измѣренію, относились къ естественному цѣлому*, такъ какъ между фактами,

заимствованными частью отъ одной націи, частью же отъ другой, нельзя ожидать существованія полной гармоніи.

Законъ необыкновенно остроумный. Но мы, согласно съ своей задачей, позволимъ себѣ остановиться предпочтительно на этомъ послѣднемъ условіи.

Между фактами, взятыми случайно, нѣтъ гармоніи. Напротивъ, она становится изумительной при изслѣдованіи фактовъ, относящихся всецѣло къ индивиду, семейству, племени, націи, т. е. такихъ совокупностей, части которыхъ связаны между собой соотношеніемъ ихъ роста и необходимыми условіями ихъ равновѣсія. Вотъ почему при разсмотрѣніи длиннаго ряда чиселъ, оказывается, что среднія не абсолютно постоянны, но постепенно измѣняются съ теченіемъ времени. Фактъ этотъ открываетъ въ изучаемомъ объектѣ силу развитія, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ жизни. Итакъ, Кетле доказалъ, что естественныя соціальныя тѣла—живыя. «Нельзя смотрѣть на народъ, какъ на собраніе людей, не имѣющихъ между собой никакого отношенія; онъ составляетъ стройную совокупность, одно изъ самыхъ совершенныхъ тѣлъ, въ составъ котораго входятъ элементы, обладающіе чудными свойствами и согласованные другъ съ другомъ наилучшимъ образомъ (*Antropométrie*, стр. 413). Жизнь государствъ подобна жизни простаго индивида: она имѣетъ свою юность, свой зрѣлый возрастъ и достигаетъ полнаго развитія своего могущества и богатства въ то самое время, когда въ немъ совершается полный разцвѣтъ искусствъ, наукъ, литературы, которыя вообще служатъ указателемъ его будущаго обновленія».—«Свойства юности, возмужалости и одряхлѣнія сказываются въ этомъ громадномъ тѣлѣ съ такой же силой и рельефностью, какъ и въ отдѣльныхъ членахъ творенія» (*Du système social et des lois que le regissent*. Предисловіе, стр. XII и XIII). Его развитіемъ и направленіемъ его судебъ управляютъ особые спеціальные законы. И однако же этотъ, столь характерный самъ по себѣ объектъ не имѣетъ своей отдѣльной науки! «Политическая экономія ограничивается изученіемъ накопленія, распредѣленія и потребленія богатства. Она разсматриваетъ большинство крупныхъ вопросовъ, касающихся только матеріальной жизни народовъ. Но

до настоящаго времени нѣтъ ни одной науки, которая занималась бы изслѣдованіемъ основъ равновѣсія и движенія и, въ особенности, началъ самоохраненія, присущихъ различнымъ частямъ соціальной системы» (тамъ же).

Но взглядъ Кетле проникалъ далѣе. Онъ зналъ, что всякая причинность предполагаетъ скрытый механизмъ, и потому пытался, но только мимоходомъ и въ формѣ робкой гипотезы, свести соціальныя явленія, гдѣ на авансценѣ выступаетъ воля, къ простымъ приложеніямъ силы. Эта аналогія какъ бы плѣняла его, но онъ удовольствовался однимъ указаніемъ на нее, не обнаруживая большаго стремленія подтвердить ее фактическими доказательствами. Она была развита его преемниками.

Эти смѣлые взгляды должны были, конечно, встрѣтить себѣ возраженія, и Кетле самъ постарался заранѣе ихъ опровергнуть.

Всѣ согласны, что факты физическаго порядка, относящіеся къ соціальному тѣлу, поддаются точному измѣренію. Ничто не мѣшаетъ численному опредѣленію роста человѣка или его вѣса. Но факты, вытекающіе изъ нравственной дѣятельности людей, если и могутъ быть измѣрены сами по себѣ, все-таки ничего не говорятъ намъ о породившей ихъ причинѣ. Между ними и ею нѣтъ никакого прямаго отношенія, способнаго сводиться къ формулѣ. Измѣряя одни, мы не измѣряемъ другой: нравственныя качества ускользаютъ отъ всякаго численнаго опредѣленія.—Кетле и не отрицаетъ этого; но, не задаваясь вопросомъ, какое численное отношеніе соединяетъ нравственныя свойства съ порождаемыми ими движеніями, и увѣренный лишь въ томъ, что между этими двумя данными все-таки должно существовать опредѣленное отношеніе, такъ какъ одно вытекаетъ изъ другаго, онъ стремится получить первое изъ втораго путемъ чисто относительнаго измѣренія. Спрашивается, выходитъ ли онъ тутъ изъ обыкновенныхъ рамокъ науки? Нисколько, онъ только подчиняется въ данномъ случаѣ тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится всякій физикъ. «Мы должны поступать подобно физику, который для электрическихъ явленій также можетъ дать только относительныя числа и вынуждается судить о причинахъ по ихъ дѣйствіямъ. Мы не больше знаемъ о причинѣ, вызывающей нрав-

ственное явленіе, нежели о томъ, что порождаетъ электрическое явленіе. Мы видимъ только самое дѣйствіе и только его стараемся опредѣлить» (*Du système social*, стр. 74).

Но не уничтожаетъ ли подобный методъ свободы, этой существенной черты моральныхъ дѣйствій? Что сдѣлается съ свободной волей, заключенной въ цифры, заранѣе отводящія для нея самыя тѣсныя границы, въ которыхъ она можетъ совершать свои движенія? Изъ статистическихъ таблицъ, напр., извѣстно, что въ данномъ населеніи ежегодно совершается столько-то убійствъ, столько-то самоубійствъ и столько-то кражъ; слѣдуетъ ли считать свободными людей, совершающихъ эти преступленія, когда цифра послѣднихъ въ году остается неизмѣнной и, слѣдовательно, имѣетъ какъ бы роковое значеніе? Кетле даетъ на этотъ вопросъ нѣсколько отвѣтовъ. Сначала, для объясненія свободы, онъ прибѣгаетъ къ тому, что остается *случайнымъ* въ вычисленіяхъ статистики относительно наступающихъ явленій. Частное дѣйствіе отдѣльнаго лица не предугадывается и не можетъ быть предугадано. Въ теченіе цѣлаго ряда партій, игрокъ имѣетъ извѣстные шансы, которые опредѣляются вычисленіемъ. Однако никто не можетъ сказать, садясь за карточный столъ, какой исходъ будетъ имѣть та или другая партія.—Можно возразить, что это доказываетъ не неопредѣленность партіи, но наше незнаніе ея спеціальныхъ условій. То же самое и съ единичными дѣйствіями отдѣльнаго лица въ общей совокупности соціальныхъ фактовъ. Если ихъ нельзя предвидѣть, то это не потому, чтобы они были на самомъ дѣлѣ неопредѣлимы, а потому, что намъ неизвѣстны въ подробности ихъ условія, что мы не можемъ уловить ихъ детерминизмъ.—Желая однако спасти свободу воли, какъ она обыкновенно понимается, Кетле строитъ новую теорію. Свобода, говоритъ онъ, вноситъ въ числа элементъ измѣняемости и неправильности и *«играетъ роль случайной причины»* (*Du système social*, стр. 69). Мы рѣдко пользуемся ею (*Du système social*, стр. 104), такъ что при отвлеченіи актовъ отъ совершающихъ ихъ лицъ и разсматриваніи этихъ актовъ въ общей совокупности, дѣйствія всѣхъ случайныхъ причинъ должны нейтрализоваться и взаимно уничтожаться, уступая господство на-

стоящимъ истиннымъ причинамъ, въ силу которыхъ общество существуетъ и сохраняется». Причины эти въ нѣкоторомъ родѣ инстинктивны. «Человѣкъ прежде всего имѣетъ свою индивидуальность; но онъ въ высокой степени общественъ и его индивидуализмъ, такъ сказать, вливается въ личность громаднаго соціальнаго тѣла, которое имѣетъ свою собственную жизнь и волю». Эта воля производитъ на него тѣмъ бо́льшее давленіе, чѣмъ меньше онъ замѣчаетъ ея дѣйствіе; оно охватываетъ его невидимыми тираническими вліяніями; мельчайшія его дѣйствія—привычки, прогулки, рѣчи, удовольствія, часы отдыха и сна, также какъ и важнѣйшіе шаги въ жизни—время вступленія въ бракъ, выборъ подруги, воспитаніе его дѣтей и проч. регулируются не его единичной волей, но волей народа, къ которому онъ принадлежитъ. Его свобода состоитъ лишь въ пользованіи исключительными случаями помимо этой общей воли.—Эта теорія, ограничивающая свободу тѣмъ, что остается неопредѣленнаго и случайнаго въ общественныхъ движеніяхъ, и представляющая свободу театромъ борьбы съ потокомъ безсознательныхъ силъ, причемъ окончательный результатъ его усилій такъ ничтоженъ, что не оказываетъ никакого вліянія на равнодѣйствующую; эта теорія, говоримъ мы, не могла удовлетворить прежде всего самого Кетле. Не самъ ли онъ показалъ, что эти варіаціи случайной причины «симметрически группируются около средняго числа» и подчиняются закону, который получилъ отъ него названіе закона случайныхъ причинъ? (предисловіе, стр. VIII). И развѣ индивидуальныя особенности, чуждыя какой бы то ни было свободѣ, не встрѣчаются такимъ же образомъ въ средѣ наименѣе произвольныхъ фактовъ, каковы ростъ и вѣсъ тѣла, рожденіе и смерть? Необходимо было отказаться отъ такого толкованія. Истинная и наиболѣе глубокая мысль Кетле состояла въ томъ, что въ дѣйствительности свободная воля относительно своихъ внѣшнихъ дѣйствій подчинена измѣренію и предвидѣнію наравнѣ со всѣми другими силами. «Человѣкъ, по его словамъ, въ своихъ нравственныхъ наклонностяхъ, такъ же какъ и въ физическихъ, подверженъ болѣе или менѣе значительнымъ отклоненіямъ отъ средняго состоянія, причемъ эти послѣднія слѣдуютъ общему закону,

управляющему всѣми колебаніями, которымъ можетъ подвергаться рядъ явленій подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ» (*Système social*, стр. 92). Какъ! по вашему, нѣтъ никакой разницы между дѣйствіемъ воли и другихъ силъ? Есть одна: дѣйствіе воли болѣе правильно. Будучи болѣе раціональной, она сопровождается и болѣе постоянными проявленіями, а потому ея дѣятельность даетъ бо́льшіе шансы для точныхъ вычисленій. Уклоненія въ сторону, пертурбаціи производятся слѣпой силой, потому что она неправильна, не методична. Свободная воля не только не вноситъ пертурбацій въ общую цѣпь явленій, совершающихся съ такой удивительной правильностью, но, напротивъ, мѣшаетъ имъ, съуживая границы, между которыми проявляются особенности нашихъ различныхъ склонностей. Энергія, съ какой свободная воля стремится парализовать случайныя причины, находится въ нѣкоторомъ отношеніи съ силой нашего ума. Въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился истинный философъ, онъ никогда не уклонится далеко отъ того средняго состоянія, въ которомъ считаетъ обязаннымъ себя держать. Только у людей, всецѣло отдающихся порывамъ своихъ страстей, можно видѣть быстрые, крутые переходы—вѣрныя отраженія всѣхъ дѣйствующихъ на нихъ внѣшнихъ причинъ. Итакъ, свободная воля не только не составляетъ помѣхи правильному теченію соціальныхъ явленій, но, напротивъ, благопріятствуетъ ему. Народъ, составленный изъ однихъ только философовъ, представлялъ бы собой изъ года въ годъ самый постоянный кругооборотъ однихъ и тѣхъ же фактовъ. Это можетъ объяснить то, что́ съ перваго взгляда кажется парадоксомъ, а именно, что общественныя явленія, направляемыя свободной волей, совершаются во времени съ большей правильностью, чѣмъ явленія, направляемыя исключительно матеріальными и случайными факторами» (*Système social*; стр. 96 и 97).

Только что указанный нами методъ, посредствомъ котораго Кетле старался открыть гармоническую связь, соединяющую различныя группы фактовъ, такъ сказать, извлеченныхъ изъ соціальнаго организма человѣка, по мнѣнію автора, прилагается также и къ животнымъ обществамъ, которыя должны быть изучаемы съ

той же точки зрѣнія и приводить къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Открытый имъ законъ соотношенія (loi de proportion) допускаетъ весьма широкое распространеніе (*Antropométrie*, стр. 414).

Политическая экономія, вслѣдствіе частнаго характера своего предмета, зачастую упускала эти общія соображенія. Однако же, какъ мы видѣли, одно изъ первыхъ основныхъ ея положеній состояло въ томъ, что экономическое общество организуется наивыгоднѣйшимъ образомъ, не прибѣгая къ вмѣшательству внѣшней политической власти. Принципъ этотъ уже въ самомъ себѣ заключаетъ признаніе естественныхъ законовъ, вытекающихъ изъ извѣстной общности чувствъ и идей, предшествующей всякому систематическому обсужденію, что́, въ свою очередь, привело экономистовъ къ употребленію выраженій, каковы: соціальное тѣло, соціальный организмъ, соціальная физіологія,—выраженій, заключающихъ въ себѣ идею *согласія* тѣмъ болѣе гармоническаго, чѣмъ менѣе въ немъ замѣчается *произвольности*. На этой-то идеѣ и основывается принципъ «*laissez faire*, *laissez passer*», столь далеко проводившійся экономистами. Неудивительно, что естественныя науки встрѣтили въ экономическихъ источникъ важныхъ позаимствованій. Извѣстно, что законъ раздѣленія труда нашелъ въ біологіи плодотворныя приложенія. Извѣстно также, что начало «борьбы за существованіе», на которое такъ часто ссылаются новѣйшіе біологи, обязано своимъ происхожденіемъ одному изъ знаменитѣйшихъ экономистовъ. Съ другой стороны наука живыхъ существъ не замедлила поквитаться съ политической экономіей въ услугахъ, которыя отъ нея получила. Истинные экономисты, наблюдая въ природѣ медленное возрастаніе естественныхъ тѣлъ, всегда умѣли отличать развитіе (эволюцію) отъ переворота (революціи) и, провозглашая необходимость прогресса, настойчиво отвергали рѣзкія внезапныя перемѣны въ условіяхъ соціальной жизни. Наконецъ, многіе, отказываясь отъ преданій своихъ предшественниковъ, признавали политическую экономію въ одно и то же время и естественной и общественной наукой. «Не представляетъ ли, говоритъ Кокленъ, одно изъ интереснѣйшихъ занятій натуралиста, наблюденіе

работъ пчелы внутри улья, изученіе ихъ порядка, послѣдовательности и различнаго рода комбинацій? Но не совершенно ли то же самое дѣлаетъ экономистъ относительно той мыслящей пчелы, которая называется человѣкомъ:* онъ также наблюдаетъ порядокъ, ходъ и комбинацію его труда: *оба рода этихъ изслѣдованій, имѣютъ безусловно одинъ и тотъ же характеръ»* (Coquelin, *Dictionnaire d'Economie politique*). Этотъ взаимный обмѣнъ идей свидѣтельствуетъ о стремленіи политической экономіи смотрѣть на объектъ своего изученія—общество—какъ на живое существо. Но точная теорія о природѣ соціальнаго тѣла могла сложиться только съ появленіемъ науки, которая охватывала бы столь обширный предметъ во всей его цѣлости, съ появленіемъ *Соціологіи.*

Однако же такому рѣшительному прогрессу должно предшествовать возможно болѣе совершенное знакомство съ самой жизнью и живыми существами. Біологія и зоологія, изучающія одна—общія условія жизни и другая—конкретные ряды живыхъ существъ, составляютъ какъ бы ступени, черезъ которыя долженъ перешагнуть человѣческій умъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ окончательно къ опытному изслѣдованію высшихъ соціальныхъ группъ.

Біологія установила три важныхъ положенія, которыя уже сами по себѣ образуютъ въ миніатюрѣ общественную науку, хотя и въ предѣлахъ индивида. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что 1° индивидъ есть общество, т. е. всякое живое существо есть агрегатъ живыхъ же существъ; 2° индивидуальность агрегата не только не исключаетъ индивидуальности составляющихъ его элементовъ, но, напротивъ, предполагаетъ ее и прогрессируетъ вмѣстѣ съ нею; 3° органическая агрегація допускаетъ неопредѣленное число промежуточныхъ ступеней или, лучше, концентрическихъ сферъ.

1° Индивидъ есть общество. Въ самомъ дѣлѣ, всякое живое существо организовано. Понятіе организаціи сводится къ ассоціаціи различныхъ частей, совершающихъ различныя отправленія. Послѣднія изъ этихъ частей, неразложимыя физіологически (но не химически) на болѣе простыя начала, носятъ названіе анатомическихъ элементовъ. Ихъ крайняя малость ничего не отнимаетъ отъ ихъ

индивидуальности. Эти животныя, имѣющія свою особую форму или настоящія инфузоріи, которыхъ помѣщаютъ между животными, развивающимися въ свободномъ состояніи внѣ организма. Ихъ можно видѣть подъ микроскопомъ, и физіологія приписываетъ имъ спеціальныя функціи. Онѣ находятъ въ организмѣ среду, благопріятную для ихъ развитія: «всякій анатомическій элементъ, говоритъ Робенъ, играетъ относительно крови такую же роль, какъ весь организмъ относительно окружающихъ его срединъ, откуда онъ черпаетъ свои составные элементы и куда отлагаетъ свои изверженія. Но они совершаютъ свои функціи также и внѣ этого организма подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ возбужденій. Такъ, изолированное мускульное волокно сокращается подъ вліяніемъ электричества, кровяные шарики отравляются окисью углерода въ пробирномъ цилиндрикѣ, также какъ и въ кровеносныхъ сосудахъ. Въ свѣжемъ трупѣ, пока еще его ткани и жидкости не подверглись разложенію, элементарные органы продолжаютъ нѣкоторое время свои нормальныя отправленія. Такъ, волоса, получая необходимые соки отъ своихъ луковицъ, видимо растутъ, печень вырабатываетъ сахаръ и т. д. Когда смерть послѣдовала отъ холеры, то съ прекращеніемъ напряженія большаго симпатическаго нерва, ткани на нѣсколько мгновеній воспринимаютъ свою прежнюю дѣятельность и трупъ нагрѣвается. Но и это еще не все. Если группу поверхностныхъ анатомическихъ элементовъ отдѣлить отъ ихъ родной среды и, такъ сказать, пересадить въ другую аналогичную съ нею среду, то онѣ не только продолжаютъ свою жизнь, но иногда развиваютъ ее съ еще бо́льшей интенсивностью. Опыты животной прививки слишкомъ хорошо извѣстны, чтобъ намъ приходилось останавливаться на нихъ. Переливаніе крови — явленіе того же порядка, но, быть можетъ, еще болѣе поразительное. Что такое самое зарожденіе у высшихъ животныхъ какъ на актъ, посредствомъ котораго одинъ или нѣсколько анатомическихъ элементовъ, извергаясь изъ своей родной среды, переходятъ изъ одного индивида въ другой и ищутъ новой среды, гдѣ могло бы окончиться ихъ развитіе? Эти послѣдніе элементы нормально переходятъ, говоримъ мы, изъ одного органа въ другой и, слѣдователь-

но, подвижны; но хотя движеніе есть признакъ независимости, одно оно еще не создаетъ ее и она вытекаетъ прежде всего изъ особенности отправленій. Если лейкоциты (лимфатическія тѣльца) и кровяные шарики также движутся въ окружающихъ ихъ жидкостяхъ, то другіе анатомическіе элементы, входящіе въ составъ твердыхъ тканей, остаются неподвижными. Ни одинъ изъ нихъ, однако же, не сливается съ своимъ сосѣдомъ: «соединяясь вмѣстѣ, они сохраняютъ свою индивидуальность, какъ люди, держащіеся за руки» (Кл. Бернаръ). Дѣйствительно, каждый изъ нихъ отвѣчаетъ самостоятельно на возбужденія, получаемыя имъ изъ общей среды. Каждый имѣетъ свою отдѣльную исторію, въ свое время родится и умираетъ. Каждый соединяетъ въ себѣ, въ высокой степени, свойства, характеризующія индивидовъ.

2° Но эта индивидуальность анатомическихъ элементовъ не уничтожаетъ индивидуальности живаго существа, образованнаго ихъ соединеніемъ. Напротивъ, ихъ постоянное и всеобщее согласіе и есть именно то, что производитъ единство жизни. Ихъ независимость достаточно показываетъ, что они работаютъ какъ бы на собственный счетъ и добываютъ изъ самихъ себя для общей дѣятельности силы, необходимыя для ея верховенства. Конечно, высшія функціи управленія и предвидѣнія не составляютъ ихъ принадлежности; но за то болѣе скромныя и самыя интимнѣйшія отправленія, при всей ихъ сложности и многочисленности, выпадаютъ всецѣло на долю элементарныхъ организмовъ, которые, работая самопроизвольно, выполняютъ ихъ съ неподражаемымъ согласіемъ и правильностью (П. Беръ). Между ними нѣтъ ни одного, который бы не нуждался въ содѣйствіи всѣхъ остальныхъ и не могъ, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать на это содѣйствіе. Такъ какъ каждый изъ нихъ выполняетъ отдѣльную функцію, то ихъ общее существованіе основано на самой тѣсной солидарности между собой. Но въ чемъ всего больше проявляется самое полное единство,—это, безъ сомнѣнія, въ строгой соотносительности ихъ различныхъ послѣдовательныхъ процессовъ. Отъ своего рожденія и до смерти цѣльный индивидъ проходитъ множество фазъ какъ видовыхъ, такъ и личныхъ, въ виду кото-

рыхъ элементарные составляющіе организмы развиваются всѣ до извѣстной опредѣленной ступени, причемъ каждый изъ нихъ долженъ въ нѣкоторомъ родѣ представлять себѣ какъ прошедшіе, такъ и будущіе процессы всѣхъ остальныхъ своихъ сотоварищей. И чѣмъ они сложнѣе сами по своему строенію, т. е. чѣмъ рѣзче выражена ихъ индивидуальность, тѣмъ энергичнѣе ихъ согласіе, тѣмъ выше, слѣдовательно, на зоологической лѣстницѣ стоитъ образуемое ихъ соединеніемъ цѣлое существо. «Напротивъ, чѣмъ проще организмъ животнаго, тѣмъ проще также и строеніе анатомическихъ элементовъ, составляющихъ его ткани» (Робенъ), а слѣдовательно, и тѣмъ слабѣе индивидуальность этихъ элементовъ. Другими словами, между индивидуальностью цѣлаго и частей не только нѣтъ никакой противоположности; но органическое единство, раздѣленіе труда и дифференцированіе индивидовъ, во всѣхъ областяхъ жизни, находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу.

3-е Если жизнь есть сложеніе, группировка, ассоціація, то трудно допустить, чтобъ «милліоны милліардовъ незримыхъ организмовъ» (Клодъ Бернаръ), составляющихъ высшее живое существо, были непосредственно подчинены его центральной дѣятельности: необходимо должны существовать промежуточныя ступени между тѣми и другими. На основаніи доктринъ, господствующихъ во Франціи, обыкновенно признается, что *анатомическіе элементы* группируются сначала въ *ткани*, затѣмъ ткани своими, такъ сказать, сплетеніями образуютъ *органы*, формирующіе въ свою очередь *аппараты*, которые, наконецъ, составляютъ и завершаютъ собой *индивидъ*. Правда, органы обладаютъ значительной индивидуальностью. Такъ напр., сердце продолжаетъ сокращаться подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ возбудителей, когда уже общая жизнь кончилась; подобнымъ же образомъ и частныя нервныя системы приходятъ въ дѣйствіе подъ вліяніемъ электричества. Но удовлетворяютъ ли также хорошо ткани тому, что мы соединяемъ съ понятіемъ органичесваго единства, живаго цѣлаго? *) Нѣкоторые

*) Какъ бы ни были велики сложность и раздѣленіе труда, представляемыя аппаратами пищеваренія и кровообращенія у высшихъ животныхъ, они всегда играютъ только роль механизма, назначеннаго

біологи находили возможнымъ разсматривать иначе отношеніе элементарныхъ частей къ цѣлому. По ихъ мнѣнію, способъ строенія, приписываемый до сихъ поръ лишь однимъ безпозвоночнымъ, встрѣчается, хотя гораздо менѣе явственно, и у позвоночныхъ. Какъ извѣстно, нѣкоторыя низшія животныя состоятъ изъ частей, которыя существуютъ болѣе или менѣе независимо и составляютъ каждое само по себѣ, какъ бы отдѣльное животное (метамеру). Это предположеніе не оспаривается никѣмъ. «У кольчатыхъ каждый ганглій (нервный узелъ) соотвѣтствуетъ сегменту тѣла, нерѣдко состоящему изъ нѣсколькихъ колецъ, какъ напримѣръ у піявки, всѣ части которой повторяются черезъ каждыя пять колецъ» *) У низшихъ же кольчатыхъ, по свидѣтельству Грасіоле, напр., у дождеваго червя, отдѣльный нервный узелъ соотвѣтствуетъ каждому новому кольцу. «Такимъ образомъ всякій сегментъ, кромѣ своего нервнаго узла, обладаетъ еще сходственною частью главныхъ аппаратовъ, иногда даже аппаратовъ чувствъ... Мокенъ-Тандонъ (Moquin Tandon) назвалъ эти отдѣльные сегменты—*зоонитами*. Онъ смотритъ на животныхъ этого отдѣла, какъ на составленныхъ изъ нѣсколькихъ элементарныхъ животныхъ, помѣщенныхъ одинъ за другимъ» (Vulpian. *Leçons de phisiologie générale du sistème nerveux*). Нѣкоторые натуралисты-философы пытались распространить тотъ же взглядъ и на высшихъ позвоночныхъ, не смотря на видимое единство ихъ организма. Къ этой доктринѣ склонялся и Грасіоле. «Позвонки, говоритъ онъ, относятся къ скелету такъ же, какъ кольца къ тѣлу кольчатыхъ. Подобно тому, какъ цилиндръ сохраняетъ свои свойства во всѣхъ сѣченіяхъ, па-

---

служить посредникомъ между анатомическими элементами и внѣшней средой,—механизма, отправленія котораго, въ силу самаго его совершенства, дѣлаются необходимыми, но который однако не представляетъ ничего существеннаго въ явленіяхъ жизни: одни только анатомическіе элементы, съ присущими имъ свойствами, составляютъ область этихъ существенныхъ явленій» (C. Bernard. *Revue des cours scientifiques*. 1875, стр. 778).

*) *Дюранъ де Гро* (*Durand de Gros*). Мнѣнія Дюранъ де-Гро о строеніи живыхъ существъ, какъ намъ кажется, имѣютъ весьма высокое значеніе для соціальной науки.

ралельныхъ его основанію, точно также и каждый отдѣльный позвонокъ сохраняетъ въ себѣ типъ всего цѣлаго организма; однимъ словомъ, позвонокъ въ сущности составляетъ по отношенію къ туловищу то же, что единица относительно числа. Итакъ, въ скелетѣ есть сегменты; они есть и въ мускулахъ. Периферическіе нервы въ свою очередь также обнаруживаютъ сегментацію, и наблюденіе доказываетъ, что она одинаково существуетъ и въ центральной нервной системѣ. Но эта часть, этотъ идеальный сегментъ, есть-ли онъ дѣйствительный сегментъ? Обладаетъ ли каждый позвонокъ своимъ особымъ нервнымъ узломъ? Вопросъ этотъ однимъ изъ первыхъ пытался рѣшить Галль. По его словамъ, онъ видѣлъ на уровнѣ каждаго позвонка послѣдовательныя утолщенія. Это предположеніе всего очевиднѣе оправдывается на спинномъ мозгу птицъ. Бленвиль присоединился къ мнѣнію Галля, которому придали еще болѣе силы опыты Легаллуа, Маршаль Галля и Мюллера. Въ самомъ дѣлѣ, если принять идеи этихъ двухъ послѣднихъ физіологовъ о возбудительно-двигательной силѣ спиннаго мозга, то раздѣленіе мозговой оси на отдѣльные сегменты, повидимому, дѣлается совершенно необходимымъ». Но Грасіоле, вполнѣ допуская автоматическую возбудимость различныхъ сегментовъ позвоночнаго столба, отрицалъ ихъ чувствительность и приписывалъ эту послѣднюю функцію головному мозгу, какъ функціи, отъ которой, по его мнѣнію, исключительно зависитъ единство живаго существа. Другіе физіологи пошли еще далѣе. У всѣхъ современныхъ экспериментаторовъ есть замѣтное стремленіе не признавать за центральными органами той или другой функціи, исключительной привиллегіи на ея отправленіе, такъ какъ оно болѣе или менѣе дѣятельно совершается всѣми остальными частями той же системы. Такъ, напр., сердце считалось прежде единственнымъ органомъ кровообращенія. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ артеріями, оказалось, что онѣ, хотя и въ меньшей степени, такъ же сократимы и такъ же, какъ сердце, расширяются и сжимаются подъ вліяніемъ особыхъ нервовъ, а слѣдовательно, играютъ дѣятельную роль въ процессѣ кровообращенія. Это совсѣмъ не «инертныя трубки», куда гонится кровяной потокъ мышечными импульсами сердца. «Общее кровообра-

щеніе не болѣе, какъ источникъ цѣлаго ряда *мѣстныхъ кровообращеній*, которыя гораздо важнѣе знать и несравненно труднѣе изслѣдовать» (CL. BERNARD. *Revue scientifique* 1875, стр. 779). Лавуазье полагалъ, что легкія представляютъ собой единственный источникъ животной теплоты; но болѣе внимательный анализъ показалъ, что въ нѣдрахъ тканей совершаются столь же важныя химическія соединенія, и что теплота, являющаяся ихъ результатомъ, порождается во многихъ пунктахъ организма. Теперь дыханіе не приписывается болѣе однимъ только легкимъ, такъ какъ доказано существованіе кожнаго дыханія, распространеннаго по всей поверхности тѣла въ соприкосновеніи съ окружающимъ его воздухомъ. Почему нельзя было бы приложить къ нервной системѣ этого закона физіологической диффузіи, принятаго всѣми для другихъ системъ органовъ? Тогда стало бы понятнымъ, говорятъ физіологи, придерживающіеся вышеупомянутыхъ тенденцій, какимъ образомъ каждый сегментъ позвоночнаго можетъ имѣть не только свое особое кровообращеніе, но, кромѣ того, свою мѣстную иннервацію и существовать самостоятельно, оставляя только высшія функціи взаимной жизни (vie de relation) на долю конечнаго сегмента, который является руководителемъ или представителемъ всѣхъ другихъ. Это же, повидимому, подтверждаютъ эмбріологія и тератологія (наука объ уродствахъ). «Я могъ убѣдиться, говоритъ одинъ ученый современникъ, давшій тератологіи систематическую форму, въ недостаткѣ солидарности различныхъ частей организма въ первое время его жизни. Кажется, что въ это время каждая изъ частей организма существуетъ независимо и можетъ развиваться отдѣльно, наподобіе различныхъ частей организма растеній *)». Слѣдующія строки изъ доктора Карпентера достаточно

*) DARESTE. *Origine et mode de formation des monstres omphalosites.* (Comptes rendus de l'Académie des sciences, série de l'année 1865). Вотъ примѣръ фактовъ, откуда вытекаютъ эти результаты. Мы много разъ имѣли случай наблюдать уродства вродѣ того, который въ качествѣ образчика былъ представленъ академіи г. Деполемъ. Это — зародышъ (foetus, неимѣющій ни головы, ни верхнихъ конечностей. Грудная и брюшная полости въ зачаточномъ состояніи; мѣсто черепа обозначено на концѣ туловища прядью волосъ - весь волосной покровъ сводится къ

хорошо резюмируютъ выводы изъ этихъ разнородныхъ разсужденій: «Головной и спинной мозгъ человѣка, изъ которыхъ въ послѣднемъ оканчивается большая часть чувствующихъ нервовъ и начинаются почти всѣ двигательные нервы, могутъ разсматриваться, какъ агломерація извѣстнаго числа отдѣльныхъ узловыхъ центровъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ свои собственные аттрибуты и связывается съ соотвѣтствующими ему нервными стволами. Сравнивая спинной мозгъ съ узловой цѣпью суставчатыхъ животныхъ, мы находимъ, что онъ дѣйствительно состоитъ изъ ряда узловъ, расположенныхъ по прямой линіи одинъ за другимъ и каждый изъ которыхъ составляетъ центръ нервнаго района, соотвѣтствующаго всякому позвоночному сегменту туловища *). Если бы эта мысль получила господство, если бы общепринятый взглядъ относительно строенія безпозвоночныхъ былъ хотя съ извѣстными ограниченіями распространенъ и на позвоночныхъ, то наука обладала бы систематической идеей о строеніи всѣхъ вообще живыхъ существъ. Каждый позвоночный сегментъ разсматривался бы тогда, какъ живое существо, тѣсно связанное съ другими, хотя и отдѣльное само по себѣ, вродѣ напр. провинціи въ государствѣ; въ немъ самомъ стали бы видѣть рядъ органовъ, обладающихъ все меньшей и меньшей степенью индивидуальности и автономіи вплоть до органическихъ элементовъ или біологическихъ атомовъ, ниже которыхъ открывается уже область химіи. Такая гипотеза можетъ быть принята учеными только тогда, когда она получитъ санкцію опыта. Но и безъ этой гипотезы современная теорія достаточно оправдываетъ положеніе, съ котораго мы начали и которымъ кончаемъ, а именно, что различныя индивидуальности, составляющія одно органическое цѣлое ни абсолютны, ни ограничены, но какъ бы впадаютъ однѣ въ другія—менѣе обо-

---

этому простому слѣду. Изъ разсмотрѣнія *плаценты* видно, что это безформенное существо было привито къ углу *плаценты* во вторичной полости, безъ сообщенія съ большой полостью околоплоднаго мѣшка, содержавшей нормальный зародышъ, который былъ живъ (Comptes-rendus de l'Académie des sciences, 15 mars 1875).

*) Carpenter. *Manuel of human physiologie*, цитируемое Дюраномъ де-Гро въ его *Origines animales de l'homme*, стр. 10.

собленныя въ болѣе обособленныя—и такъ сказать, образуютъ совокупность концентрическихъ сферъ, сообщающихся между собой широкой сѣтью путей. Разъ установлено такое положеніе, становится понятнымъ, почему для нѣкоторыхъ біологовъ самъ цѣльный индивидъ сдѣлался начальнымъ элементомъ новаго группированія. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ нихъ склонны смотрѣть на видъ, какъ на группу, происшедшую изъ пары, т. е. изъ двойнаго индивида. Но остановимся на этомъ; иначе мы преждевременно вступили бы въ область обществознанія.

Установивши три предыдущія существенныя положенія, біологія положила основаніе настоящей соціальной наукѣ анатомическихъ элементовъ, и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ были открыты эти элементы, она сдѣлалась вѣтвью обществознанія. Ея связь съ соціальной наукой, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствовалась біологами самыхъ различныхъ школъ. Такъ напримѣръ, Геккель писалъ: «Клѣточки, составляющія живой органъ, похожи на гражданъ какого-либо государства, выполняющихъ свою опредѣленную функцію; это раздѣленіе занятій и вытекающее изъ него совершенство организаціи позволяютъ государству выполнять такія дѣла, которыя были бы невозможны для отдѣльныхъ индивидовъ. Всякій живой организмъ, состоящій изъ многихъ клѣточекъ, есть также родъ республики, способной совершать извѣстныя органическія отправленія, которыя невыполнимы для одной животной или растительной клѣточки». Клодъ Бернаръ замѣчаетъ: «Кровеносная система есть ничто иное, какъ совокупность каналовъ, назначенныхъ для проведенія воды, воздуха и пищи къ органическимъ элементамъ нашего тѣла, наподобіе того какъ многочисленныя дороги и улицы служатъ къ подвозу продуктовъ жителямъ обширнато города» *).

Зоологія еще прямѣе участвовала въ созданіи соціальной науки путемъ изученія ассоціацій между индивидами въ животномъ царствѣ. Между зоологами занимавшимися этимъ предметомъ, особенно

*) *Revue des Deux Mondes*, 1-er septembre 1864. Мы могли бы цитировать мѣста, гдѣ Вирховъ и Мильнъ Эдвадрсъ высказываются почти въ такихъ же выраженіяхъ.

выдаются Кювье (Жоржъ и Фридрихъ), Губеры, отецъ и сынъ, Катрфажъ, Мильнъ Эдвардсъ, Лаказъ Дютье, Гузо и Жираръ. Одни изъ нихъ изучали ассоціаціи низшихъ животныхъ въ классѣ лучистыхъ, другіе изслѣдовали общественную организацію насѣкомыхъ, живущихъ въ группахъ; наконецъ, множество натуралистовъ и путешественниковъ занимались собираніемъ фактовъ, въ которыхъ проявляются взаимныя отношенія между собой высшихъ животныхъ,—фактовъ, какими полна замѣчательная книга Брема «Жизнь животныхъ». Мы не могли бы, не забѣгая впередъ, даже бѣгло сообщить о результатахъ подобныхъ изслѣдованій. Ограничимся замѣчаніемъ, что если для біологіи между ассоціаціями анатомическихъ элементовъ, образующихъ индивидъ и животными обществами, состоящими изъ индивидовъ, существуетъ лишь отдаленная аналогія, то зоологія стремится установить между первыми и послѣдними нѣчто болѣе конкретное, чѣмъ сравненіе и, въ виду множества соединяющихъ ихъ переходовъ выказываетъ видимое стремленіе охватить тѣ и другія въ одну стройную систему *).

Такимъ образомъ съ начала нынѣшняго столѣтія три группы наукъ: лингвистика, исторія и палеонтологія съ одной стороны, статистика и политическая экономія—съ другой и, наконецъ, біологія и зоологія съ третьей постоянно стремились, независимо другъ отъ друга, къ одной и той же цѣли. Каждая изъ нихъ, исходя изъ своей точки зрѣнія, оказывала содѣйствіе теоріи Аристотеля, по которой общество представляетъ собой естественный организмъ, подчиненный тѣмъ же законамъ и развивающій тѣ же силы, какъ и другія живыя тѣла. Но прежде чѣмъ эти различныя науки достигли своего современнаго, развитія, явился одинъ французскій философъ, Огюстъ Контъ, задавшійся цѣлью систематизировать эти движенія и дать имъ опредѣленное направленіе. Онъ первый пытался установить систематическимъ образомъ предметъ и методъ

*) См. Iaeger. *Руководство къ зоологіи* и M-me Clémance Royer. *De la Nation dans l'humanité et dans la série organique*. Изъ этихъ двухъ сочиненій послѣднее явилось 1-го ноября 1875 въ *Revue économique*; первое же стало намъ извѣстнымъ только передъ самымъ окончаніемъ нашего труда. (См. приложеніе къ этой книгѣ).

соціальной науки и настолько солидно выполнилъ свою задачу, что всякая дальнѣйшая попытка въ этомъ направленіи за границей всегда начиналась впослѣдствіи съ его капитальнаго сочиненія и даже въ нѣкоторомъ родѣ подъ его флагомъ. Поэтому мы не можемъ обойти этотъ крупный философскій авторитетъ и не коснуться его доктрины.

Огюстъ Контъ сошелъ съ міровой сцены всего только двадцать лѣтъ тому назадъ. Его трудъ принадлежитъ исторіи. «Нерукотворный» памятникъ, оставленный имъ потомству, содержитъ въ себѣ религію, отрицательную метафизику и методологію. Религіозное обоснованіе, къ которому стремился Контъ, было съ его стороны патологическимъ явленіемъ, и этотъ фактъ, быть можетъ, достаточно объясняется невѣроятнымъ интеллектуальнымъ напряженіемъ, исходившимъ изъ его желанія охватить все человѣческое знаніе. Мы не намѣреваемся разбирать здѣсь его отрицательную метафизику— она не болѣе коснется нашего предмета, чѣмъ метафизика Спинозы и Гегеля. Что же касается его методологіи, то намъ придется войти въ ея разсмотрѣніе, особенно съ той ея стороны, которая касается мѣста, отводимаго обществознанію между науками, и принциповъ, на которыхъ онъ его основалъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію его доктрины, укажемъ, изъ какихъ условій она исходила. Контъ связывается съ XVIII вѣкомъ именемъ Сенъ-Симона, который имѣлъ своимъ учителемъ Даламбера. Онъ часто называетъ Кондорсэ своимъ главнымъ предшественникомъ. Въ самомъ началѣ его самолюбіе удовлетворялось задачей «поднять нравственныя науки на уровень физическихъ наукъ». Но скоро его взгляды расширились и онъ понялъ, что наука о человѣчествѣ должна быть концомъ и завершеніемъ всѣхъ другихъ. Мысль его сама собой поднялась на эту высоту; но ей, безъ сомнѣнія, много способствовало въ такомъ повышеніи близкое знакомство Конта съ философомъ, принципы котораго постоянно фигурируютъ въ «*Позитивной политикѣ*»—съ «Несравненнымъ Аристотелемъ».

Человѣкъ, побуждаемый необходимостью, можетъ полезно дѣйствовать на природу только въ такомъ случаѣ, если знаетъ ея за-

коны. Это знаніе, сначала совершенно отрывочное и ограниченное нуждами самыхъ низшихъ искусствъ, постепенно возрастая, пріобрѣтало съ теченіемъ времени все большую и большую независимость по отношенію къ практикѣ и формировалось въ отдѣльныя группы. Въ настоящее время этихъ группъ шесть, соотвѣтственно шести существенно различнымъ родамъ объектовъ природы: математика, изслѣдующая абстрактныя идеи числа и величины, извлеченныя изъ контретныхъ движеній; астрономія, измѣряющая конкретныя движенія звѣздъ; физика, опредѣляющая законы внѣшнихъ измѣненій тѣлъ; химія, изучающая внутреннія измѣненія ихъ частицъ; біологія, наблюдающая то, что есть постояннаго въ явленіяхъ жизни и, наконецъ, соціологія занимающаяся разработкой общихъ условій, при которыхъ поддерживаются и развиваются общественныя тѣла. Никакой переходъ отъ одной изъ этихъ группъ къ другой невозможенъ. Онѣ, такъ сказать, несоизмѣримы между собой. Всякая попытка свести общественныя явленія къ явленіямъ органической жизни, біологическія—къ физико-химическимъ условіямъ или химическія—къ физическимъ, а эти послѣднія—къ элементарнымъ фактамъ механики, было бы безплодной химерой; но нельзя сказать, чтобъ между этими группами несходныхъ между собой явленій не существовало никакого порядка. Начиная съ простаго движенія и заканчивая соціальными фактами, изслѣдователь проходитъ черезъ рядъ міровъ, природа которыхъ постепенно дѣлается все болѣе и болѣе сложной, частной и въ то же время, такъ сказать, болѣе возвышенной, благородной. Наконецъ—и это самое важное—каждый изъ этихъ отдѣловъ возможенъ только послѣ и въ силу развитія непосредственно предшествующей ему отрасли знанія: самая высшая, наиболѣе частная и сложная наука можетъ разрабатываться плодотворно только послѣдней изъ всѣхъ, послѣ того какъ будутъ пройдены всѣ низшія ступени этой длинной лѣстницы. Такая умозрительная послѣдовательность подтверждается какъ исторіей наукъ, такъ и — исторіей міровой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны зарожденіе наукъ происходило въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были нами только что размѣщены; съ другой—тому же самому закону постепенности слѣдовали и самые объ-

екты разгруппированныхъ нами наукъ; такъ, мы видимъ, что существа, болѣе простыя, всегда предшествуютъ болѣе высшимъ, обособленнымъ, сложнымъ и вслѣдствіе того налагаютъ на нихъ свои законы. (*Système de politique positive*. Paris, 1851, стр. 597). Контъ не отрицаетъ того, что высшія субстанціи и соотвѣтствующія имъ науки существовали въ зародышѣ одновременно съ низшими; но онъ настаиваетъ, что полное завершеніе каждой науки, какъ и всякаго существа, происходитъ лишь послѣ формированія предыдущей, обусловливающей ее группы фактовъ и доктринъ.

Если это такъ, то ни для кого не можетъ быть удивительнымъ, что наука соціальныхъ фактовъ, набросанная въ крупныхъ чертахъ пытливой мудростью сѣдой старины, должна была ожидать, до половины XIX вѣка, творческой руки, которая бы окончательно установила ее и опредѣлила ея границы. Въ самомъ дѣлѣ, для этого было необходимо предварительное развитіе біологіи, которая могла бы передать ей свой методъ и существенныя положенія, послужившія для нея фундаментальными основами. Короче, общество не могло быть изучаемо, какъ слѣдуетъ, прежде открытія общихъ законовъ организаціи. Съ другой стороны для того чтобъ наука могла уяснить себѣ соціальное бытіе (l'Etre) во всей его совокупности и отнестись къ нему какъ къ объекту отдѣльнаго изученія, необходимо было, чтобъ человѣческое общество достигло полнаго сознанія своего единства, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе развитыхъ (avancées) своихъ частяхъ. Какимъ образомъ знаніе опередило бы фактъ, къ которому оно непосредственно прилагается?

Но разъ такое неизбѣжное подготовленіе закончилось, соціальная наука появляется какъ бы сама собой во всей своей независимости и превосходствѣ передъ прочими родами знаній. Она имѣетъ своимъ предметомъ тотъ «необъятный организмъ» (тамъ же, стр. 329), то «наиболѣе жизненное изъ всѣхъ извѣстныхъ существъ» (стр. 335), которое состоитъ: 1° изъ всѣхъ живыхъ людей—и 2° изъ людей прошедшаго времени, живущихъ въ мысли своихъ потомковъ, возбуждая въ нихъ воспоминанія. Это существо самое сложное изъ всѣхъ въ томъ смыслѣ, что оно охватываетъ въ своемъ сознаніи какъ прошедшія поколѣнія, такъ

и настоящее, чего не дѣлаетъ никакое другое живое существо. Но оно является самымъ сложнымъ еще и въ томъ смыслѣ, что представляетъ собой соединеніе строго раздѣльныхъ существъ, связанныхъ другъ съ другомъ только узами взаимной любви, тогда какъ всѣ другія сложныя существа состоятъ изъ соединенныхъ между собой матеріальныхъ частей, которыя ни на одно мгновеніе не могутъ диссоціироваться, не разрушая тѣмъ общаго организма. Наконецъ, это существо—вмѣстѣ съ тѣмъ самое обособленное (спеціальное) изъ всѣхъ остальныхъ, потому что, какъ для образованія живыхъ тѣлъ, вступаетъ въ соединеніе лишь небольшое число химическихъ веществъ, такъ и между живыми существами только немногія группируются въ общество: общественный складъ жизни становится возможнымъ только въ такихъ органическихъ рядахъ, которые развились до раздѣленія половъ, и получаетъ свой полный расцвѣтъ тамъ, гдѣ существуетъ членораздѣльная рѣчь. По этимъ основаніямъ человѣческое коллективное существо—самое измѣнчивое, самое разнообразное изъ всѣхъ. Оно отражаетъ на себѣ дѣйствіе цѣлой природы, подчинено, какъ обитатель этой планеты, вліяніямъ механическимъ, астрономическимъ (звѣзднымъ), физическимъ, химическимъ и біологическимъ, но всего болѣе импульсамъ соціальныхъ явленій, развивающихся въ его собственныхъ нѣдрахъ въ силу реакціи всѣмъ остальнымъ и взаимодѣйствія между его собственными органами. Оно также энергичнѣе всѣхъ другихъ существъ можетъ воздѣйствовать на окружающій міръ и дѣйствовать на самого себя. Никто наравнѣ съ нимъ неспособенъ ни къ такому интенсивному, ни къ такому продолжительному прогрессу. Короче говоря, объектъ, составляющій предметъ соціальной науки, существенно отличается отъ тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло біологія, и этого вполнѣ достаточно, чтобъ установить различіе между двумя соотвѣтствующими имъ науками.

Но, быть можетъ, человѣчество составляетъ лишь одно умственное понятіе или идею? Совершенно наоборотъ: въ мысли философовъ, какъ абстракція, существуетъ лишь отдѣльный человѣкъ. «*Въ сущности, нѣтъ ничего реальнѣе человѣчества*». Отнюдь не слѣдуетъ на него смотрѣть, какъ на объектъ, недоступный для опыта. Оно состоитъ изъ группы явленій, не сводящихся ни къ

какой другой; явленія эти имѣютъ свои законы, и этого довольно, чтобъ оно получило реальное существованіе въ глазахъ положительной философіи. Правда, можно возразить—и по видимому резонно—что человѣчество, какъ общая совокупность, быть можетъ, когда-нибудь и будетъ существовать, но пока оно еще не существуетъ. Это возраженіе однако нисколько не мѣшаетъ его существованію—по крайней мѣрѣ въ умѣ тѣхъ, кто считаетъ его уже существующимъ, и не препятствуетъ имъ дѣлать этотъ объектъ предметомъ своихъ стремленій, трудовъ и жертвъ. Какъ бы они ни были малочисленны, они уже образуютъ человѣчество и по солидарности, соединяющей ихъ черезъ пространство, и по традиціямъ, объединяющимъ ихъ во времени. Но этого мало. Необходимо прибавить, что соціальное единство людей давно вышло изъ области мысли съ тѣмъ, чтобъ вступить въ міръ фактовъ и исторіи. Такое воплощеніе идей было испытываемо много разъ, и не безъ успѣха, наиболѣе передовой частью человѣчества, о чемъ намъ могутъ свидѣтельствовать великія усилія среднихъ вѣковъ. Какъ бы то ни было, для существованія соціальной науки нѣтъ необходимости, чтобъ соціальный организмъ достигъ своего единства. Будучи приложена къ одному изъ самыхъ малыхъ центровъ, лишь бы этотъ центръ существовалъ независимо, соціальная наука открываетъ въ немъ тѣ же самые законы равновѣсія и развитія (эволюціи), какъ и въ общественномъ организмѣ, который обнималъ бы собой все человѣчество. Она имѣетъ своимъ предметомъ столько же частныя и временныя общества, сколько общество всемірное, предназначаемое въ концѣ концовъ восторжествовать на землѣ, и если ей отказываютъ въ реальности такого общества, то нельзя, по крайней мѣрѣ, съ ней не согласиться въ его постепенномъ формированіи.

Имѣя свою особую область, соціальная наука заслуживаетъ и своего особаго названія. Контъ предлагаетъ ее называть Соціологіей.—Само по себѣ новое названіе не имѣетъ никакого значенія; но нельзя сказать того же, если это названіе выражаетъ собой новую область. Новымъ терминомъ Контъ отграничилъ занимающую насъ науку отъ тѣхъ, которыя разсматриваютъ тотъ же предметъ съ болѣе ограниченной точки зрѣнія—исторіи, политической

экономіи, статистики и соціальныхъ физики и арифметики. Онъ обособилъ ее также и отъ политики—терминъ, употреблявшійся нѣкогда въ общемъ смыслѣ, а въ позднѣйшее время служащій скорѣе для обозначенія искусства управленія, чѣмъ науки соціальныхъ явленій; къ этому нужно прибавить, что политика прилагается только къ человѣчеству, тогда какъ соціологія охватываетъ собой всѣ общественныя явленія, гдѣ бы они ни совершались. Конечно, новый терминъ не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ со стороны его состава, и самъ Контъ не скрываетъ этого. Но онъ кратокъ, не допускаетъ перифразъ, и потому скоро вошелъ во всеобщее употребленіе.

Остается вопросъ о методѣ. Контъ сначала рѣшилъ его такъ же, какъ и его предшественники, говоря, что соціологія—одна изъ естественныхъ наукъ и потому должна разработываться, подобно имъ, при помощи наблюденія и индукціи. Но впослѣдствіи онъ сталъ высказываться на этотъ счетъ совершенно иначе. Экспериментальная соціологія, основанная на точномъ измѣреніи явленій и опредѣленіи ихъ постоянныхъ отношеній, не можетъ быть даже очерчена однимъ человѣкомъ. Даже самое несовершенное изслѣдованіе главнѣйшихъ законовъ этой науки, въ силу безконечной сложности общественныхъ явленій, требовало соединеннаго усилія многихъ поколѣній наблюдателей. Могъ ли Контъ отказаться отъ мечты своей молодости—установить соціологію хотя бы въ самыхъ главныхъ, наиболѣе существенныхъ ея чертахъ? Могло ли, наконецъ, само человѣчество—для того чтобъ дѣйствовать и жить—ожидать завершенія экспериментальной соціологіи? Контъ понялъ—и это его заслуга, которая не можетъ быть умалена будущими болѣе совершенными работами, — что жизнь націи не основана на ясно выраженныхъ теоріяхъ, облеченныхъ демонстративнымъ характеромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы для этого было нужно? Прежде всего было бы необходимо, чтобъ абстрактная теорія статическаго состоянія и динамическаго подъема обществъ вообще была закончена—работа въ полномъ смыслѣ слова грандіозная. Но все ли это? Ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ, предполагая эту теорію завершенной, слѣдовало бы еще, чтобъ частная теорія каждой группы

обществъ, каждаго общества и затѣмъ каждаго ряда общественныхъ явленій выводилась на основаніи фактовъ изъ общей теоріи. Безъ рѣшенія этихъ задачъ, никакое научное предвидѣніе фактовъ, а слѣдовательно, никакое раціональное дѣйствіе, согласное съ лабораторными процессами, невозможно для соціологіи. Теперь спрашивается, для какого рода фактовъ требуется подобная работа? Для такого, который, по всеобщему признанію, обладаетъ невообразимой сложностью и запутанностью и настолько превосходитъ въ этомъ отношеніи весь циклъ жизненныхъ явленій, насколько этотъ послѣдній стоитъ выше явленій физико-химическихъ. «Шесть родовъ вліяній (математическое, астрономическое, физическое, химическое, біологическое и соціологическое) перекрещиваются между собой такимъ образомъ, что устраненіе одного изъ нихъ или разрушаетъ всю постройку или дѣлаетъ ее недостаточно устойчивою» (Томъ I, стр. 430).

Но располагаетъ ли наука, по крайней мѣрѣ относительно явленій низшаго порядка, тѣми средствами, какія отъ нея требуютъ въ теоріи для успѣшнаго изслѣдованія соціологическихъ явленій? Весьма рѣдко, такъ какъ въ самыхъ простыхъ механическихъ случаяхъ, зависящихъ отъ нашей собственной воли, попытки точнаго вычисленія даютъ обыкновенно весьма жалкіе результаты. «Когда же мы встрѣчаемся съ такими явленіями, какъ стрѣльба изъ орудій, то исчисленія геометровъ встрѣчаютъ передъ собой громадныя затрудненія». Простой здравый смыслъ показываетъ намъ, что мы не должны требовать для самой высшей и самой сложной науки тѣхъ конкретныхъ мѣрокъ, въ которыхъ приходится отказывать наиболѣе низшимъ и простымъ. «Въ настоящее время я смѣло ручаюсь, говоритъ Контъ, что истинно конкретныя науки всегда останутся недоступными нашему слабому уму» (Томъ I, стр. 431).

Итакъ, для соціальной науки еще болѣе, чѣмъ для другихъ, слѣдуетъ ограничиться лишь построеніемъ абстрактной теоріи, которая впрочемъ вполнѣ достаточна для направленія нашей дѣятельности. «Въ сущности, наши теоретическія нужды требуютъ только абстрактной науки, которая только одна намъ доступна (тамъ же)» Въ чемъ же теперь состоитъ отвлеченное умозрѣніе относительно

даннаго предмета? На это отвѣчаютъ намъ механика и физика; мы не знали бы еще динамическихъ законовъ тяжести, если бы не исключили первоначально дѣйствія сопротивленія и колебанія (agitation) срединъ» (Томъ I, стр. 426). Точно также для того чтобы построить абстрактную соціологію, нужно умѣть пренебрегать безконечными усложненіями частныхъ случаевъ и возвышаться до пониманія существенныхъ законовъ, которые управляютъ сотрудничествомъ индивидовъ въ сложныхъ агрегатахъ. Короче, экспериментальному анализу, кропотливой работѣ эрудиціи, почти невозможной и по большей части безплодной, соціологія, особенно при первыхъ своихъ шагахъ, должна предпочесть синтезъ совершенно другаго рода, синтезъ, доступные результаты котораго могутъ направлять дѣйствія обществъ и отдѣльныхъ индивидовъ.

Употребленіе этого метода крайне необходимо. При аналитическомъ методѣ воцаряется анархія не только въ соціологіи, но и во всѣхъ областяхъ науки. Каждый, замыкаясь въ свой любимый родъ занятій, отказывается отъ изученія отношеній, связывающихъ его съ другими. Даже болѣе, кичливая гордость спеціалиста побуждаетъ нерѣдко ученыхъ сводить высшія науки къ низшимъ, составляющимъ ихъ спеціальность—пагубное стремленіе, приводящее къ безвыходному матеріализму. Наконецъ, опьяненіе индивидуальными умозрительными тонкостями побуждаетъ большинство умовъ не признавать соціальной роли науки или забывать о ней. Они полагаютъ, что міръ идей предназначенъ существовать только для нихъ и поддерживаться ими одними; какъ будто бы ихъ мысль не находила своей лучшей пищи въ открытіяхъ ихъ предшественниковъ, какъ будто бы они не были обязаны человѣчеству помощью, которую получали отъ него! Научный партикуляризмъ порождаетъ практическій эгоизмъ: онъ развращаетъ ученаго и въ то же время понижаетъ уровень науки. Поддерживаемый самолюбіемъ и себялюбіемъ, согрѣвающій пламень знанія скоро даже совсѣмъ погасаетъ. Если бы еще мысль, сбитая такимъ образомъ съ надлежащаго пути, ограничивалась саморазрушеніемъ! Но нѣтъ, она, кромѣ того, обращаетъ свои удары и противъ другихъ способностей нашей натуры, разрушая своимъ отрицательнымъ анали-

зомъ все, до чего не прикоснется. Критика настолько же парализуетъ дѣйствіе, насколько очерствляетъ чувство. Нѣтъ силы болѣе разрушительной, чѣмъ сила разума, разъ только онъ возстанетъ противъ сердца. Пусть онъ восторжествуетъ—и единство индивидуальныхъ сознаній, гармонія обществъ уступитъ мѣсто грубому хаосу всевозможныхъ столкновеній.

Если умъ не можетъ найти въ самомъ себѣ регулирующаго начала, то гдѣ же онъ найдетъ его? Здѣсь нашимъ глазамъ представляется замѣчательное зрѣлище: мы видимъ основателя позитивизма, оставляющаго традиціи XVIII вѣка, съ тѣмъ чтобъ сознательно приблизиться къ Паскалю и средневѣковымъ мистикамъ.

Одно сердце имѣетъ свойственный ему источникъ побужденія (source d'impulsion). Одно оно способно приводить къ единству разнообразныя стремленія, составляющія человѣческое существо. «Лишенныя этого возбужденія, мышленіе и дѣйствіе исчерпываются у индивида рядомъ безплодныхъ и безпорядочныхъ попытокъ». Точно также и въ соціальной жизни, независимыя существа, призванныя путемъ ихъ взаимодѣйствія составлять одно цѣлое, никогда не вышли бы изъ своей личной сферы, если бы только они не устремлялись другъ къ другу, въ силу слѣпой, но неопреодолимой симпатіи, предшествующей всякому умозрѣнію, всякому акту сознательной воли (томъ I, стр. 15, 16 и 17). Эта именно сила, представляющая въ дѣйствительности отправной пунктъ, *primum movens* (начальный двигатель) нашей индивидуальности и соціальной связи, и дастъ намъ искомую основу для теоретической систематизаціи. Положимъ въ вершину свода колоссальнаго зданія наукъ всемірную любовь и поставимъ во главѣ іерархіи живыхъ существъ—человѣчество, безчисленные органы котораго скрѣпляются и безпрестанно возобновляются присущей ему видовой любовью. Не будемъ оспаривать, что это было бы скорѣе дѣломъ убѣжденія, чѣмъ анализа (d'intelligence). Но разъ отдается такое предпочтенію сердцу, необходимо разсмотрѣть внимательно, что должно произойти изъ этого въ направленіи мысли и жизни.

Конечно, новый путь не лишенъ своего рода рытвинъ. Укажемъ на главную изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего необходимо

обезопасить себя отъ возобновленія метафизическихъ попытокъ къ отысканію причинъ явленій. Правильно построенный методъ ищетъ только одни законы. Мы легко избѣжимъ этой опасности, если поймемъ, что, подчиняясь сердцу, умъ не отрекается ни отъ одного изъ своихъ существенныхъ правъ. «Умъ долженъ быть всегда орудіемъ сердца, но никогда — его рабомъ».

Наука, принимающая человѣка за отправной пунктъ и могущая въ этомъ смыслѣ называться субъективной, не сталкивается коренннымъ образомъ съ наукой, принимающей, напротивъ, за исходную точку внѣшній міръ и называемой объективной: первая дополняетъ вторую и борется съ ея центробѣжными стремленіями, но не противорѣчитъ ей. Даже напротивъ, она находитъ въ ея аналитическихъ изслѣдованіяхъ основы для поддержанія своихъ синтетическихъ построеній, которыя воздвигаются ею самой. Никакая истина не можетъ быть установлена окончательно прежде чѣмъ она не будетъ доказана путемъ обоихъ методовъ» (томъ I, стр. 449).

Разсмотримъ теперь выгоды, представляемыя употребленіемъ субъективнаго метода. Съ самаго же начала мы видимъ, какъ сердце, взятое за первую основу, управляетъ всѣми способностями нашей природы. Оно всецѣло обращаетъ нашъ умъ на изысканіе средствъ, помощью которыхъ можно служить человѣчеству. Наша воля (action) направляется имъ къ дѣятельному употребленію этихъ самыхъ средствъ. Итакъ, человѣческое существо составляетъ изъ себя одно цѣлое, но которое вполнѣ опредѣляется только тогда, когда связывается съ другими цѣлыми того же рода въ одинъ общій организмъ. Въ первомъ своемъ стремленіи любовь направляется не къ человѣчеству, а къ одной изъ его частей: образуется семейство, откуда солидарность распространяется все далѣе и далѣе до ея крайняго предѣла, представляющаго собой союзъ всѣхъ развѣтвленій человѣчества на земной планетѣ. То, что справедливо относительно простаго индивида, остается вѣрнымъ и въ отношеніи къ сложному индивиду; его дѣятельность должна направляться умомъ къ удовлетворенію чувства: разъ даны условія соціальной среды, общественный разумъ долженъ прилагаться къ ихъ изслѣдованію, никогда не теряя изъ вида, что его единственная цѣль

состоитъ въ томъ, чтобъ благопріятно реагировать на окружащую его среду уже тѣмъ самымъ, что онъ дѣйствуетъ соотвѣтственнымъ образомъ на самого себя. «Выходя первоначально изъ активной жизни, окончательная систематизація возвращается къ ней съ приращеніемъ энергіи». (Томъ I, стр. 322).

Научный партикуляризмъ (особность) тотчасъ же исчезаетъ. Каждый отдѣлъ знаній имѣетъ двѣ стороны: одну, которой онъ обращенъ къ низшей наукѣ и подчиняется объективнымъ условіямъ, переходящимъ къ нему отъ этой послѣдней, и другую, обращенную къ высшей, связывающей его судьбы съ субъективизмомъ, который тотъ изъ нея почерпаетъ. Отсюда ясно видно, что вся область человѣческихъ знаній устремляется къ человѣку и соціальной жизни, какъ къ живому центру притяженія, и образуетъ такимъ образомъ одинъ цѣльный организмъ. Строго говоря, существуетъ только одна наука—наука человѣчества, по отношенію къ которой всѣ другія науки не болѣе, какъ простые прелиминаріи, потому что въ сущности есть только одно высшее искусство—соціальная жизнь, относительно которой всѣ другія искусства играютъ лишь служебную роль. Ограничимся указаніемъ на то, чѣмъ представляется біологія, разсматриваемая съ этой синтетической точки зрѣнія. Если вѣрно, что наивысшія жизненныя способности, мысль и любовь, обусловливаются самыми низшими, если справедливо, что малѣйшее измѣненіе во внѣшнихъ (объективныхъ) условіяхъ должно было бы глубоко измѣнить всю нашу нравственную экономію, покоящуюся на этомъ хрупкомъ фундаментѣ, то можно съ той же увѣренностью утверждать, что умъ имѣетъ природу, отличную отъ его орудій, и выступаетъ изъ условій, посреди которыхъ онъ формируется: «Мы никогда не будемъ знать, почему кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ способны къ органической жизни, между тѣмъ какъ хлоръ, сѣра, іодъ и пр. никогда не проявляютъ ея». Итакъ, умъ или душа представляютъ относительно своихъ тѣлесныхъ органовъ не дѣйствіе, не простую равнодѣйствующую, но скорѣе цѣль, причину ихъ существованія и притомъ единственно достаточную.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ тѣлѣ каждый изъ членовъ соціальнаго организма не обладалъ независимой индивидуальностью,

ихъ органическое взаимодѣйствіе было бы невозможно, такъ какъ существенное его свойство выражалось бы въ раздѣльномъ существованіи его элементовъ. Нѣтъ взаимодѣйствія безъ предшествующей ему независимости—вотъ великій законъ коллективной жизни, установленный нѣкогда *Политикой* Аристотеля. Затѣмъ, если-бы тѣлесная жизнь не облагала, такъ сказать, каждый изъ членовъ смертью, то коллективное существо, состоящее изъ вѣчныхъ элементовъ, не могло бы обновляться, и для него сдѣлался бы немыслимъ прогрессъ. Наконецъ, если бы скоротечный индивидъ не былъ подчиненъ необходимости получать и увѣковѣчивать жизнь путемъ смѣны поколѣней (génération), то къ нему совсѣмъ не прилагались бы законы наслѣдственности, и источникъ исторической непрерывности долженъ былъ бы исчерпываться въ соціальномъ тѣлѣ, такъ что общественный организмъ, производя другой, не могъ бы передавать ему своихъ традицій—цѣпь послѣдовательныхъ состояній постоянно разрывалась бы въ человѣчествѣ. Такимъ образомъ біологія подготовляетъ соціологію, и физіологическая жизнь какъ бы сознательно создаетъ основы для жизни нравственной. Точно также и болѣе конкретная наука животныхъ видовъ, или зоологія, рисуетъ намъ въ зародышѣ соціальную жизнь существъ, стоящихъ ниже человѣка. Прежде всего мы замѣчаемъ, что у наиболѣе высшихъ изъ нихъ большое развитіе питательныхъ аппаратовъ, необходимыхъ для овладѣванія живой добычей, влечетъ за собой соотвѣтственное развитіе умственныхъ способностей (Томъ I, стр. 597), которое въ свою очередь сопровождается все болѣе и болѣе совершеннымъ распознаваніемъ условій среды и примѣненіемъ къ ея требованіямъ «Такимъ образомъ одинокое сначала живое существо мало по малу устанавливаетъ извѣстныя обыденныя отношенія къ тому, что его окружаетъ (томъ I, стр. 598). Но, поднимаясь этимъ путемъ надъ растительной жизнью и принимая участіе во взаимныхъ чувствахъ и движеніяхъ, оно необходимо входитъ въ общеніе съ себѣ подобными, особенно въ тѣ промежутки времени, когда, при ослабленномъ гнетѣ нужды, его жизнь дѣлается менѣе эгоистической. Такое отреченіе отъ крайней индивидуальности становится необходимымъ по преимуществу во время воспроизведенія. «Въ эту эпоху даже самые эгоистиче-

скіе виды какъ бы преображаются вслѣдствіе извѣстнаго удовлетворенія, которое хотя по существу своему и индивидуаьно, предполагаетъ однако съ другой стороны родъ нѣкотораго свободнаго сочувствія». Здѣсь мы видимъ взаимную жизнь (vie de relation), приближающуюся къ общественности (томъ I, стр. 601). Воспитаніе птенцовъ приближаетъ къ ней сожитіе еще болѣе; оно призываетъ сначала одну мать, а потомъ вмѣстѣ съ ней и отца къ постояннымъ заботамъ и обмѣну услугъ между ними и молодымъ потомствомъ, откуда мало по малу выступаетъ, какъ бы въ видѣ эскиза, семейная жизнь. При неизбѣжномъ постоянствѣ семейной жизни, извѣстная предусмотрительность скоро устанавливаетъ связь будущаго съ прошедшимъ, а одновременно съ этимъ общія потребности влекутъ членовъ семьи къ своего рода дисциплинированію, но дисциплинированію въ нѣкоторой степени нравственному, такъ какъ взаимная привязанность дѣлаетъ его иногда добровольнымъ. «Животное, даже самецъ, часто представляетъ удивительные примѣры самаго трогательнаго самоотреченія въ видахъ возможно лучшей охраны своихъ присныхъ» (томъ I, стр. 611). Однако это еще не все. Жизнь въ стадѣ значительно расширяетъ семью то съ цѣлью защиты, какъ у травоядныхъ, то съ цѣлью нападенія, какъ у нѣкоторыхъ видовъ плотоядныхъ. Эти черты представляютъ собой дѣйствіе общественной наклонности въ настоящемъ смыслѣ слова; другіе же слѣдуетъ отнести къ наклонности, которую Жоржъ Леруа, въ отличіе отъ первой, называетъ способностью къ прирученію; одна изъ нихъ чисто индивидуальная и случайная, другая—специфическая и нормальная. Въ этомъ случаѣ участіе принужденія не всегда бываетъ настолько значительно, насколько привыкли о немъ думать; естественно, что животное скорѣе стремится къ сожительству съ существомъ, превосходящимъ его по развитію, чѣмъ съ равными себѣ. Это подчиненіе (по большей части добровольное) животнаго человѣку достигаетъ высшей степени тамъ, гдѣ оно достигается животнымъ при посредствѣ общественности, такъ какъ здѣсь независимость всего лучше примиряется для него съ содѣйствіемъ или сотрудничествомъ. «Всѣ главнѣйшія качества, которыя высокомѣріе и невѣжество считаютъ безусловными привил-

легіями нашего рода, проявляются въ болѣе или менѣе зачаточномъ видѣ у большинства высшихъ животныхъ». Такимъ образомъ зоологія представляетъ намъ, какъ бы эскизъ соціологіи. Но тѣ же самыя явленія были бы для нея загадочными, еслибъ вполнѣ опредѣлившаяся соціологія не давала ей къ этимъ загадкамъ разрѣшающаго ключа. Въ такомъ же положеніи находятся и другія науки, стоящія ниже ея въ указанной нами выше іерархіи. Синтетическій методъ, растространяя на низшія отрасли знанія свѣтъ, заимствуемый имъ отъ науки человѣчества, даетъ этимъ наукамъ необходимое пополненіе и сообщаетъ имъ то единство, къ какому они только способны. Понятно, что при этомъ узкій матеріализмъ, стремящійся всякое знаніе понизить до его условій (rabaisser toute connaissance à ses conditions) и сводящій въ концѣ концовъ всякое существованіе къ числамъ и фигурамъ, становится немыслимымъ ни на одну минуту. Всякій успѣхъ какой либо отрасли человѣческаго знанія связывается съ прогрессомъ этого знанія въ его общемъ цѣломъ и слѣдовательно съ движеніемъ всей цивилизаціи, начиная съ ея отдаленнаго прошлаго. Человѣчество является какъ бы праотцемъ всякой культуры а потому и всякаго благосостоянія, причемъ научное изслѣдованіе не только не пытается внести разрушительной критики въ различные общественные органы, каковы отечество, государство, семейство, но напротивъ, призывается къ ихъ укрѣпленію, къ служенію ихъ интересамъ.

Такимъ образомъ передъ нами вырисовывается вполнѣ нравственное значеніе доктрины, которая, по словамъ ея автора, имѣетъ «своимъ основнымъ принципомъ любовь, фундаментомъ—порядокъ и цѣлью—прогрессъ». Какова бы ни была отправная точка Конта, нельзя отрицать, что онъ съумѣлъ вознести на извѣстную высоту свой «новый спиритуализмъ». Вотъ что онъ говоритъ напримѣръ на стр. 507 перваго тома: «Если бы даже земля должна была скоро разрушиться отъ какого нибудь космическаго удара, все-таки жизнь для другихъ и подчиненіе своихъ личныхъ интересовъ общественнымъ, останутся до конца высшимъ благомъ и долгомъ человѣчества». Что касается политики, вытекающей изъ соціологіи, то она находится въ полномъ разладѣ съ революціонными тенденціями

школы Руссо. Она не только не допускаетъ, подобно Фихте, что роль правительства заключается въ стремленіи сдѣлаться въ концѣ концовъ безполезнымъ, но напротивъ утверждаетъ, что соціальный организмъ можетъ дѣйствовать не иначе, какъ внѣдряясь такъ сказать въ индивидуальную личность; она идетъ даже далѣе, настаивая на томъ, что центральное воздѣйствіе должно возростать соотвѣтственно независимости и жизненности составляющихъ его членовъ. Нація управляется тѣмъ болѣе, чѣмъ она свободнѣе. Этой политикой отводится также значительная роль духу традиціи.

Если Локкъ оказывалъ вліяніе на французскихъ политическихъ мыслителей XVIII вѣка, то Контъ въ настоящемъ столѣтіи, быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ производилъ его на своихъ собратовъ по ту сторону Ламанша. Джонъ Стюартъ Миль, даже при его жизни, обнаруживалъ такое полное съ нимъ согласіе, что мы считаемъ лишнимъ отводить особое мѣсто въ нашемъ очеркѣ этому болѣе точному, чѣмъ оригинальному мыслителю. За нимъ идетъ Спенсеръ, который, вполнѣ отвергая законченность системы, принялъ ее лишь въ основныхъ чертахъ и вывелъ изъ нея стѣны своей обширной постройки *).

Что по нашему мнѣнію всего оригинальнѣе и глубже въ философіи Конта, разсматриваемой во всей ея совокупности—это его попытка соединить два начала обыкновенно стоящія раздѣльно въ другихъ системахъ—мысль и любевь, умъ и сердце, науку и нравственность. Такое умственное теченіе вѣка захватывало всѣхъ ученыхъ, его современниковъ; повсюду можно было слышать, что

---

*) Спенсеръ самъ заявляетъ, что его воззрѣнія вытекаютъ не изъ однихъ только сочиненій Конта и имѣютъ совершенно иное происхожденіе. Онъ допускаетъ, что французскій позитивизмъ, такъ сказать безъ его вѣдома вліялъ на его мысль еще путемъ сопротивленія, которое онъ долженъ былъ ему противопоставлять при его оригинальномъ развитіи. Не трудно понять, что антагонизмъ въ самомъ сердцѣ общей доктрины можетъ сообщать характеръ симметріи и прочности даже самымъ разногласіямъ. Какъ бы то ни было, намъ необходимо здѣсь заявить опредѣленно, что если мы устанавливаемъ связь между доктринами Конта и Спенсера, то тутъ дѣло идетъ о логическомъ отношеніи, а не о происхожденіи (filiation).

нравственныя послѣдствія доктрины не должны приниматься въ разсчетъ при сужденіяхъ, которыя на ней основаны, что умозрѣніе, теорія—одно, а практика—другое, что истинѣ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ желаній и что лишь бы ея дедукціи были точны, а что касается до ея заключеній, то философъ не долженъ ими заниматься, хотя бы изъ нихъ вытекалъ полнѣйшій хаосъ. Эта преданность объективной наукѣ имѣла свою хорошую сторону, потому что наука не должна порабощаться мѣщанскими цѣлями непосредственной пользы; мышленіе должно въ своей сферѣ сохранять относительную независимость. Однако не слѣдуетъ забывать, что наука не можетъ составлять сама для себя цѣли, что рядомъ съ мыслью, наблюдающей міръ такимъ, каковъ онъ есть, въ насъ существуетъ еще воля, которая стремится не только сохранить его, но кромѣ того воздѣйствовать на него такимъ образомъ, чтобы онъ могъ развиваться далѣе и что наконецъ умъ такъ жадно анализируетъ дѣйствительность съ тѣмъ, чтобъ въ концѣ концовъ извлечь изъ нея для человѣка наибольшее количество благъ. Такимъ образомъ спекуляція (умозрѣніе) подчиняется практикѣ и истиннымъ повелителемъ жизни, начиная отъ высшихъ и до самыхъ низшихъ ея проявленій, становится искусство. Нашъ соотечественникъ вмѣстѣ съ Кантомъ, и даже можетъ быть лучше чѣмъ Кантъ, понималъ если не абсолютную обязательность нравственной точки зрѣнія, то самое близкое соотношеніе ея съ научной точкой зрѣнія. Къ сожалѣнію, эти два элемента такъ тѣсно связаны между собой въ его окончательной системѣ, что они по временамъ перепутываются другъ съ другомъ, отъ чего весьма значительно страдаетъ самая ясность. Кромѣ того, пролагая этотъ новый путь, Контъ пользуется имъ лишь въ тѣхъ видахъ, чтобъ вести читателя къ совершенно неожиданнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, которыя онъ провозглашаетъ пророческимъ тономъ, способнымъ только отталкивать отъ себя ученыхъ. Такъ многіе, охотно слѣдовавшіе за нимъ вначалѣ, все болѣе и болѣе отшатывались отъ него по мѣрѣ того, какъ эта вторая фаза его умственнаго развитія подвигалась впередъ и разсѣкала произвольно его систему на двѣ части, отбросивъ ту изъ нихъ, за которую всего болѣе держался ея

авторъ. Это самое сдѣлалъ и Спенсеръ, когда его уже окрѣпшая мысль встрѣтилась съ ученіемъ Конта. Отвергая двойственность позитивной доктрины, онъ принялъ всю ея философскую или вѣрнѣе научную часть; что же касается религіозной части, то англійскій мыслитель совершенно основательно предпочелъ ее игнорировать. Для него нѣтъ никакой разницы между соціологіей и другими науками, по крайней мѣрѣ относительно формы и метода: тотъ фактъ, что мы по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ играемъ двойную роль и актеровъ и зрителей (*Politique positive*, томъ II, стр. 68), не только не помогаетъ намъ къ преодолѣнію трудностей этой науки, но еще увеличиваетъ ихъ до прискорбныхъ размѣровъ. Но мы были бы не правы, если бы сказали, что Спенсеръ исключаетъ изъ своей доктрины нравственную сторону и сохраняетъ въ ней одно только умозрительное начало, такъ какъ онъ вноситъ сюда значительныя измѣненія.

1°. Какъ мы видѣли, Контъ, желая прочнѣе установить тотъ фактъ, что науки могутъ получать свое единство только изъ стоящаго выше ихъ начала, упорно настаиваетъ въ своемъ основномъ сочиненіи на ихъ раздѣльности. По его мнѣнію, каждый родъ бытія существенно отличенъ отъ родовъ предшествующихъ ему и слѣдующихъ за нимъ, такъ что никакой чисто научный синтезъ не въ состояніи охватить эти различныя области знанія. Спенсеръ смѣло разрушаетъ перегородки, построенныя Контомъ. Каждый родъ бытія представляется ему развитіемъ предшествующаго и зародышемъ позднѣйшаго ему рода. Границы времени и мѣста въ различныхъ степеняхъ этого непрерывнаго развитія есть созданіе лишь нашего ума. На всѣхъ ступеняхъ общей совокупности существъ, задача науки ограничивается только одной функціей: отыскать постоянную формулу большаго количества разнообразныхъ фактовъ. Но разъ этотъ первый ея актъ выполненъ, она не останавливается на немъ: ей необходимо вывести изъ извѣстнаго числа формулъ, заключающихъ въ себѣ нѣкоторую видоизмѣняемость, формулу болѣе общую, понятную и постоянную и такъ далѣе, пока, если это возможно, не отыщется одна безусловно точная формула, которая охватывала бы собой всѣ частные

случаи безъ исключенія. Такое облегчающее обобщеніе уже сдѣлано. Всѣ наблюдаемые факты, каковы бы они ни были и къ какому бы порядку не принадлежали, имѣютъ ту общую черту, что подчиняются законамъ движенія, или, говоря другими словами, что они сами въ сущности есть ничто иное, какъ различнаго рода движенія. Итакъ, нужно признать, что существуетъ только одна наука, которая въ своихъ отрасляхъ представляетъ лишь различныя степени усложненія.

Какъ должны комбинироваться движенія, чтобъ произвести тѣ или другія явленія, которыя познаются нашими чувствами по своимъ спеціальнымъ свойствамъ,—это наука относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ сказать уже теперь, а относительно всѣхъ остальныхъ призвана открыть впослѣдствіи, доходя до рѣшенія вопроса послѣдовательнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе явленій темно для насъ лишь потому, что или отдалено отъ нашего наблюденія по времени, или такъ сказать, заключено въ безконечно малыя пространства; но оно, какъ и все остальное, есть только сплетеніе болѣе или менѣе сложныхъ явленій и ничто не мѣшаетъ уловить его формулу, кромѣ временныхъ препятствій.

Итакъ, умственный синтезъ безъ рѣзко обозначенныхъ границъ получаетъ свое первоначальное развитіе вмѣстѣ съ возникновеніемъ науки о вселенной. Онъ стремится безъ устали охватить эту вселенную, начиная отъ самыхъ простыхъ и до самыхъ сложныхъ проявленій ея жизни; онъ выходитъ изъ одной только науки, или, вѣрнѣе, онъ и есть сама наука во всей ея цѣльности, потому что, какъ таковая, она не знаетъ и не можетъ направляться по двумъ путямъ: она одна и та же, начиная отъ своихъ первыхъ низшихъ ступеней до самыхъ высшихъ и широчайшихъ взмаховъ своего полета. Она сводится все къ болѣе и болѣе вырабатывающемуся всемірному механизму—механизму, единство котораго вытекаетъ изъ импульса, послѣдовательно приводящаго въ колебаніе всѣ его части, а не изъ цѣли и назначенія, къ которымъ они клонятся. Человѣческія общества, какъ агрегированныя массы, должны въ будущемъ подчиняться законамъ этого механизма черезъ посредство

біологіи, которая сама есть ничто иное, какъ болѣе сложный частный случай физико-химическихъ движеній.

Аргументація, доказывающая основательность этого воззрѣнія, черезчуръ обширна, чтобъ мы могли развивать ее здѣсь подробно. Мы ограничимся только указаніемъ на его общій духъ. Если всѣ явленія сводятся къ механизму, то то же самое слѣдуетъ сказать и о явленіяхъ мысли. Конечно, они могутъ удовлетворять этому условію не своей субъективной стороной, какъ извѣстныя состоянія сознанія, но должны подходить подъ всемірные законы по стольку, по скольку они представляютъ собой модификаціи (измѣненія) нервной системы, безъ которой невозможна никакая мысль, т. е. по скольку они—объективныя явленія. Такова именно точка зрѣнія, проводимая Спенсеромъ въ его «*Основаніяхъ психологіи*». Онъ доказываетъ въ своей книгѣ, что нервная система дѣйствуетъ, какъ механизмъ, и есть сама частный случай механизма, или другими словами, что она въ своемъ строеніи и функціяхъ есть продуктъ воздѣйствій, производимыхъ средой на живую, слабо организованную матерію. Авторъ въ первый разъ попытался въ этомъ сочиненіи объяснить механически происхожденіе (генезисъ) и отправленіе нервовъ въ организмѣ. Онъ разсуждаетъ такъ. Существенный законъ мысли состоитъ въ стремленіи антецедента (предшествующее) всякаго психическаго измѣненія сопровождаться вызываемымъ имъ послѣдствіемъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще являются комбинированными внѣшніе объекты, по отношенію къ которымъ каждое изъ этихъ измѣненій есть его символъ. Другими словами, постоянство ассоціацій идей находится въ прямомъ отношеніи къ постоянству комбинацій этихъ объектовъ. Разсматривая элементарные организмы, еще лишенные нервной системы, не трудно понять, какимъ образомъ повтореніе однихъ и тѣхъ же механическихъ дѣйствій, производимыхъ средой, одновременно развиваетъ въ нихъ стремленіе реагировать сходнымъ образомъ подъ вліяніемъ сходныхъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, при повтореніи удара въ одну какую-либо точку протоплазмы, составляющей зачаточное животное, частицы ея необходимо должны пропускать идущее черезъ нихъ раздраженіе свободнѣе и легче по одному извѣст-

ному направленію, чѣмъ по другимъ, и въ общей массѣ всегда оказывается такая внѣшняя точка, къ которой токъ молекулярныхъ колебаній устремляется скорѣе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ: абсолютной однородностью строенія частицъ не обладаетъ никакая масса матеріи, а тѣмъ менѣе живая, составленная изъ чрезвычайно неустойчивыхъ органическихъ веществъ. Но это прохожденіе ряда раздраженій черезъ опредѣленныя частицы, хотя бы съ извѣстнаго рода затрудненіями, дѣлаетъ самыя частицы, лежащія на его пути, менѣе способными къ сопротивленію при прохожденіи втораго тока. Итакъ, если послѣдуетъ второй раздражающій импульсъ, то сопротивленіе будетъ слабѣе, и мы получимъ еще болѣе шансовъ къ тому, чтобъ новый токъ слѣдовалъ по прежнему направленію и абутировалъ къ той же точкѣ. Кромѣ того, проводящія частицы по направленію волнъ колебанія будутъ испытывать все болѣе и болѣе характерныя измѣненія, причемъ эти послѣднія превращаютъ ихъ въ резервуары скрытой силы, всегда готовые, при прохожденіи тока, распространять по его направленію импульсы, которые находятся въ нихъ какъ бы въ накопленномъ состояніи. Токъ при своемъ движеніи будетъ возрастать въ объемѣ и скорости, а вышеупомянутыя измѣненія все болѣе и болѣе будутъ благопріятствовать его прохожденію въ обычномъ направленіи и затруднять всякій иной путь; такимъ образомъ конечная его точка незамѣтно превратится въ исходный пунктъ раздраженія съ постепенно возрастающей силой и будетъ передавать наружу всякій начальный импульсъ не только безъ какой-либо потери, но даже съ нѣкоторымъ приращеніемъ. Такимъ образомъ въ массѣ формируется такая система сообщенія, что если одна ея точка получаетъ движеніе, то оно тотчасъ же отражается и въ другой, причемъ связь колебаній въ этихъ двухъ точкахъ, при посредствѣ ряда уже спеціализованныхъ для подобной цѣли частицъ, будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще повторяется внѣшній импульсъ. Вотъ тотъ путь, которымъ устанавливается самое простое сношеніе чувствующаго существа съ внѣшнимъ міромъ: путь этотъ образуется возникновеніемъ рудиментарныхъ нервныхъ нитей (des filaments nerveux). Мы не имѣемъ въ виду слѣдовать за авторомъ въ его подробныхъ

объясненіяхъ относительно постепенныхъ усложненій, превращающихъ эту нить въ систему узловъ съ многочисленными развѣтвленіями и дѣлающихъ ее способной къ сознательной мысли (pensée réfléchie). Но сказанныхъ нами нѣсколькихъ словъ достаточно для уясненія принятаго метода: мысль разсматривается, какъ функція сложной нервной системы, какъ рефлективное дѣйствіе высшаго порядка, развившагося изъ отправленія рудиментарнаго (зачаточнаго) нервнаго элемента, изъ простаго рефлекса, а эти послѣдніе, съ соотвѣтствующей имъ матеріальной структурой, изъ механическихъ дѣйствій, производимыхъ средой на массу протоплазмы. Итакъ, неизмѣнность въ ассоціаціяхъ идей, получающихся такимъ образомъ, есть результатъ постоянства явленій природы. Понятно, что эта связь, соединяющая въ умѣ группы самыхъ общихъ и наиболѣе постоянныхъ опытовъ, не воплощается въ каждомъ отдѣльномъ индивидѣ; свойственная цѣлой расѣ, она есть плодъ наслѣдственности; производимое ею громадное накопленіе восходитъ черезъ длинный рядъ нашихъ первоначальныхъ предковъ даже до организмовъ, менѣе совершенныхъ, чѣмъ тѣ, которые уже получили свое первое наслѣдство отъ низшихъ организмовъ. Но это только подтверждаетъ прежде высказанное заключеніе, что мысль есть продуктъ дѣйствія космической среды, откуда она заимствуетъ свое строеніе и содержаніе. Такимъ образомъ, человѣкъ въ концѣ концовъ есть мыслящая машина. Но если таковъ индивидуальный человѣкъ, элементъ общества, то будетъ ли само общество инымъ, чѣмъ его составные элементы? Ничто не даетъ намъ права допустить это. Всякій агрегатъ элементовъ подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и входящіе въ его составъ элементы. Отвѣсную стѣну выкладываютъ изъ кирпичей, пирамиду—изъ круглыхъ ядеръ, безформенную кучу—изъ продолговатыхъ булыжниковъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ форма сооруженія обусловливается формой ея составныхъ частей. Каждый родъ кристалловъ воспроизводится всегда въ одной и той же неизмѣнной геометрической формѣ, зависящей отъ очертанія его частицъ. Точно также и общество въ своемъ строеніи и функціяхъ зависитъ отъ входящихъ въ его составъ индивидовъ. Поэтому социальныя явленія—чисто механиче-

скія, но только безконечно болѣе сложныя, чѣмъ органическія и психическія явленія, совершающіяся въ индивидуальномъ мірѣ. Соціологія, какъ и всѣ остальные отдѣлы знанія—наука физическая. Она исходитъ изъ наблюденія, вспомоществуемаго математическимъ анализомъ, и всѣ свои усилія направляетъ къ тому, чтобъ свести присущіе ей законы на всемірные законы движенія—идеалъ ея отдаленнаго будущаго. И пусть не говорятъ, что сближеніе между общественными явленіями и явленіями движенія—только сравненіе, аналогія. Эти сближенія должны быть «истолковываемы буквально». Коллективныя психическія явленія, желанія, страсти, чувствованія, такъ же какъ и индивидуальные факты—по самому своему существу, суть явленія механическія, по крайней мѣрѣ съ объективной точки зрѣнія, единственной, съ которой ихъ можно изучать научно. Давленіе, производимое голодомъ, есть настоящая реальная сила. Паскаль возмущался стремленіемъ Декарта свести душевныя движенія (эмоціи) къ механическимъ импульсамъ (chocs) и не могъ убѣдиться, чтобъ удовольствіе было явленіемъ, подобнымъ *удару камня.* Пусть, если хотятъ, удивляются, но Спенсеръ старается возобновить и утвердить именно эту теорію удара камня, этотъ картезіанскій механизмъ.

2° Безцѣльный рядъ хаотическихъ столкновеній не составляетъ міра. Но именно гармонія (consensus) этихъ движеній, ихъ очевидное согласіе между собой, однимъ словомъ стройный космическій порядокъ и удерживалъ Конта отъ принятія механической теоріи, къ которой онъ неоднократно склонялся. Онъ часто возвращается къ принципу постоянства силы, изъ котораго англійскій философъ долженъ былъ создать краеугольный камень своей системы. Привычка, по его мнѣнію, есть только употребленіе. Но, задавшись вывести единство изъ моральнаго источника, онъ сопротивлялся обольщеніямъ механической теоріи и поддерживалъ разрозненность между явленіями различныхъ порядковъ. Такой путь привелъ его къ цѣлесообразности совершенно новаго рода, которую можно было бы назвать цѣлесообразностью безъ бога. Изъ его системы не видно, почему природа употребила столько старанія на архитектонику человѣческаго рода, такъ какъ въ ней не существуетъ Промысла

божія. Спенсеръ, съ такой рѣшительностью провозгласившій безусловную непрерывность явленій, встрѣчаетъ передъ собой то же затрудненіе, но на этотъ разъ совершенно иначе усложнившееся. Въ самомъ дѣлѣ, для него не можетъ быть вопроса относительно цѣлесообразности или стремленія къ усовершенствованію; ни то, ни другое изъ этихъ словъ ни разу не встрѣчается въ самомъ главномъ изъ его сочиненій; это рѣшенія, отъ которыхъ онъ окончательно отказался. Можетъ казаться поэтому, что онъ заградилъ себѣ всякій выходъ. Но помощью совершенно новыхъ пріемовъ авторъ находитъ его въ механизмѣ, сводя къ движенію даже законы гармоніи и влеченія, которые до тѣхъ поръ выводились изъ совершенно иного источника. Великій законъ эволюціи (развитія) объясняетъ происхожденіе всѣхъ конкретныхъ субстанцій (existences), причемъ онъ самъ выводится изъ послѣдней основы всякой натуральной философіи—сохраненія силы. Мы должны отказаться отъ объясненія этого вывода, резюмированнаго въ концѣ «*Основныхъ началъ*»; но намъ слѣдуетъ сказать, по крайней мѣрѣ нѣсколько словъ, о самомъ законѣ эволюціи (развитія). Исторія всякой субстанціи—и органической и неорганической—какъ массы матеріи и соотвѣтствующей ей совокупности движеній, состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда перераспредѣленій вещества и движеній, совершающихся въ ней отъ того момента, когда она дѣлается уловимой, до момента ея смерти. Концентрированіе матеріи дѣлаетъ субстанцію ощутимой (perceptible), вызываетъ ее къ существованію; разсѣяніе вещества, напротивъ, возвращаетъ ее къ небытію. Движеніе слѣдуетъ тому же соотвѣтственному порядку. При концентрированіи матеріи, масса отдѣляетъ движеніе и растетъ съ активной энергіей; при разсѣяніи, матерія получаетъ движенія извнѣ и теряетъ энергію, дѣлаясь все болѣе и болѣе пассивной. Этотъ двойной процесъ микрографируетъ въ себѣ исторію всего существующаго, какъ частей того или другаго цѣлаго, такъ и самаго этого цѣлаго. Посмотримъ на вытекающія изъ него слѣдствія. Въ то время, когда совершается первый процессъ, части массы, сначала однородныя, становятся все болѣе и болѣе разнородными, причемъ однако эта дифференцировка подчиняется извѣстному порядку. Въ самомъ дѣлѣ, части, раз-

нородныя по отношенію къ цѣлому, должны быть необходимо въ извѣстной степени сходными между собой. Все подобное неизбѣжно соединяется подъ вліяніемъ подобныхъ причинъ и неподобное также неизбѣжно раздѣляется. На берегу моря сильныя волны образуютъ полосу изъ крупныхъ голышей, волны меньшей высоты—другую кайму изъ мелкихъ камешковъ и, наконецъ, самыя слабыя изъ нихъ—линію изъ мелкаго песка. То же самое происходитъ и въ каждомъ агрегатѣ. По мѣрѣ того какъ онъ дѣлается болѣе и болѣе разнороднымъ, части его группируются въ болѣе и болѣе отличные конгломераты. Но это распредѣленіе цѣльной массы на отдѣльныя различно комбинированныя группы борется именно противъ разсѣявающихъ дѣйствій возрастающей сложности; оно приводитъ къ усиленію единства и опредѣленности; цѣльность массы дѣлается все болѣе и болѣе рельефной, причемъ эта послѣдняя дѣлится на небольшое число крупныхъ частей, которыя сосредоточиваютъ въ себѣ общія сходства и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе простое взаимное согласованіе. Такимъ образомъ земная поверхность мало по малу раздѣлилась на широкія моря и обширные материки, а материки—на небольшое число огромныхъ бассейновъ, имѣющихъ между собой строго опредѣленныя отношенія. Такимъ же образомъ и въ обществѣ населеніе группируется на классы и выдѣляетъ изъ себя политическія группы, каковы дворянство, духовенство, буржуазія, стоящіе въ опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Итакъ, *рядомъ съ прогрессомъ, идущимъ отъ простаго къ сложному, совершается еще другой прогрессъ, идущій отъ смѣшенія къ группировкѣ (порядку) или отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному.* Все это сопровождается болѣе и болѣе значительными отдѣленіями силъ, все лучше и лучше комбинированныхъ между собой, строгое согласіе которыхъ производитъ постепенно возрастающія воздѣйствія на окружающія массы. Развивающееся существо становится на высшую точку, отграничивающую его отъ всего окружающаго. Его индивидуальность упрочена. Образовательный процессъ достигъ своего апогея. Случайныя силы, дѣйствующія черезъ посредство среды, находятъ себѣ противовѣсъ въ силахъ, исходящихъ изъ агрегирован-

ной массы—наступаетъ равновѣсіе. Эта-то совокупность фазъ, черезъ которыя проходитъ данное существо для достиженія равновѣсія, и называется Спенсеромъ Эволюціей. Но равновѣсіе не можетъ длиться долго даже въ то время, когда части комбинируются въ отдѣльныя группы и стремятся къ опредѣленнымъ отношеніямъ; въ нихъ совершается внутренняя работа. Эта работа, за которой мы не будемъ слѣдить, но несомнѣнное дѣйствіе которой выражается съ одной стороны въ смѣшеніи и дезагрегаціи частей, съ другой въ безпрерывномъ ихъ уменьшеніи, есть въ сущности постепенное истощеніе накопленныхъ силъ, истощеніе, продолжающееся вплоть до того момента, когда съ окончательной утратой равновѣсія, масса будетъ поглощена средой, изъ которой она вышла. Работа эта, какъ мы видимъ, производитъ Разложеніе. Развитіе (эволюція) и разложеніе—вотъ два слова, составляющія формулу, которая охватываетъ собой всѣ конкретныя субстанціи (existences), начиная отъ волны, появляющейся и пропадающей втеченіе одного мгновенія на поверхности воды, до наиболѣе высоко организованнаго общества, ростъ и паденіе котораго занимаютъ цѣлые вѣка, до земли и звѣздныхъ системъ, громадныя фазы которыхъ, соотвѣтствующія ихъ безконечной сложности, превышаютъ границы нашего разума. Обнимая собой всю вселенную, эта формула дѣлаетъ изъ нея одинъ общій Космосъ. Гдѣ же причина этой гармоніи? Въ самой природѣ силы, являющейся универсальнымъ ея орудіемъ. Если цѣлесообразность управляетъ механизмомъ, то это потому, что она сама изъ него исходитъ.

3° Мы можемъ теперь предугадать (безъ предыдущаго изложенія это было бы рѣшительно невозможно), чѣмъ является общество въ глазахъ Спенсера. Общество есть клочекъ Космоса, вездѣ въ одно и то же время *механическаго* и *органическаго*; это эпизодъ всемірнаго развитія, подобный по своей природѣ всѣмъ остальнымъ. Спенсеръ дѣлитъ всѣ субстанціи (existences) на три большихъ группы—субстанціи неорганическія, органическія и надъ-органическія (superorganiques). Послѣднія изъ нихъ характеризуются «фактами, которыхъ не представляетъ никакое организованное тѣло, взятое отдѣльно, но которые вытекаютъ изъ дѣйствій, производимыхъ этими организо-

ванными и агрегированными тѣлами другъ на друга» (Спенсеръ. *Основныя начала*). Но всякій замѣтитъ, насколько условны эти дѣленія, если обратитъ вниманіе на внутреннюю природу разклассифицированныхъ такимъ образомъ субстанцій. Въ глазахъ эволюціонной философіи, кристаллъ и геологическій пластъ имѣютъ, хотя и въ меньшей степени, но такое же количественное право на органичность, какъ дерево, животное и общество. «Будутъ ли составныя части касаться другъ друга или раздѣлены между собой; разъ предметъ состоитъ изъ частей, образующихъ одно цѣлое, — въ немъ наблюдается управленіе и подчиненіе. Это условіе неотдѣлимо отъ самаго строенія живыхъ существъ. Но и самыя неодушевленныя существа представляютъ слѣды ординаціи и какъ бы согласованія (Аристотель. *Политика*, I, 2, 9). Нельзя удержаться отъ того, чтобъ не припомнить этихъ словъ Аристотеля по поводу идеи, которая установилась въ настоящее время въ англійской позитивной школѣ относительно организаціи. Греки имѣли въ своемъ лексиконѣ лишь одно слово для обозначенія какъ вещи, служащей для извѣстной цѣли, такъ и живой субстанціи, самопроизвольно выполняющей эту цѣль: та и другая назывались *органами*. Но съ тѣхъ поръ новѣйшая мысль строго разграничиваетъ понятія орудія и органа. Теорія развитія (эволюціи) стремится снова стереть всякую раздѣлительную черту между этими двумя идеями. Одушевленныя или неодушевленныя, но разъ они состоятъ изъ согласованныхъ между собою частей, предметы относятся къ категоріи организмовъ, но только въ различной степени организованныхъ. Человѣческое общество осуществляетъ это понятіе въ болѣе высокой степени, чѣмъ другія планетныя субстанціи (existences) — вотъ все ихъ отличіе другъ отъ друга. Затѣмъ, что касается управляющихъ ими законовъ, то они тѣ же самые, какими управляется амеба на днѣ моря, столько же простые и прекрасные.

Вкратцѣ, наиболѣе общая точка зрѣнія, которой въ настоящее время придерживается англійская соціальная философія, состоитъ въ слѣдующемъ. Ассоцiированіе или группировка составляютъ общій законъ всякой органической или неорганической субстанціи. Общество — только наиболѣе сложный и высокій частный случай этого универ-

сальнаго закона. Такимъ образомъ соціальное или какое-либо иное существо не есть что-либо абсолютное и недѣлимое, а напротивъ, нѣчто совершенно относительное и многократное (multiple): это—пунктъ приложенія группы согласованныхъ силъ, пунктъ, неустойчивый въ неорганической природѣ и становящійся все болѣе и болѣе устойчивымъ по мѣрѣ повышенія ступеней жизненной лѣстницы, но всегда способный разрѣшиться на рядъ многихъ пунктовъ съ уменьшеніемъ связей или перейти на новые центры, если связь возрастаетъ. Поэтому въ природѣ, собственно говоря, нѣтъ существъ, но лишь одно существо при различныхъ степеняхъ концентраціи. Оно носитъ на себѣ печать относительности даже съ точки зрѣнія сознанія, которое скорѣе выражается въ *мы*, чѣмъ въ *я*. Само по себѣ оно есть агрегатъ, способный, смотря по числу его элементовъ, къ возрастанію и убыванію. Оно можетъ, въ силу своихъ различныхъ настроеній, повышаться до весьма разнообразныхъ степеней напряженія. Въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ сознаніямъ, оно можетъ, выступая изъ присущихъ ему идеальныхъ границъ, соединяться съ ними и образовать такимъ образомъ сознаніе, болѣе ясное, болѣе цѣльное и прочное (durable), отъ котораго оно получаетъ и которому сообщаетъ мысль, подобно тому, какъ звѣзда заимствуетъ и отдаетъ движеніе системѣ, къ которой она принадлежитъ. Вотъ почему весьма трудно установить точныя пограничныя линіи между различными науками и въ особенности между біологіей и соціологіей. Входятъ ли животныя общества въ область соціологіи? Объ этомъ Спенсеръ не говоритъ ничего. На какой степени концентрированія и раздѣленія труда сложное существо дѣлается предметомъ соціологіи — объ этомъ онъ также до сихъ поръ не высказался ни разу. Эти пробѣлы сами по себѣ весьма знаменательны. Они показываютъ, до какой степени этотъ философъ болѣе задается цѣлью соединять, чѣмъ раздѣлять элементы своей системы, въ качествѣ существъ вселенной, желая обнять ихъ всѣхъ однимъ закономъ.

Сухое резюме не можетъ дать полнаго понятія о всей доподтворности идей, которыя Спенсеръ выводитъ изъ этого закона относительно духа человѣка и человѣческихъ обществъ. Авторъ пред-

ставляетъ поразительное количество примѣровъ, которыми и старается наиболѣе наглядно объяснить каждую изъ фазъ соціальнаго развитія. Познакомивши читателя съ основнымъ началомъ доктрины, мы не можемъ слѣдить за всѣми его приложеніями. Укажемъ только на самыя замѣчательныя соціологическія понятія, вытекающія изъ теоріи развитія. А) Прежде всего классификація наукъ, а слѣдовательно и мѣсто соціологіи въ общей системѣ не можетъ быть одно и то же для Спенсера и Конта. Первый изъ нихъ отказывается признать въ ихъ прогрессивномъ движеніи линейный рядъ, положеніе столь дорогое для французскаго философа. Человѣческое знаніе есть организмъ, и его развитіе совершается, какъ и развитіе всѣхъ другихъ организмовъ, начиная съ зародыша, гдѣ все смѣшано, до вполнѣ опредѣленнаго цѣлаго, части котораго, будучи раздѣльными, становятся все болѣе и болѣе взаимно зависимыми (interdependantes). Такимъ образомъ соціологія существовала во всѣ времена, но только въ зачаточномъ состояніи, а никакъ не родилась всецѣло въ мозгу основателя позитивизма. В) Во-вторыхъ, Контъ игнорируетъ одну изъ наукъ, безъ которой невозможна соціологія—опытную психологію. Правда, въ его сочиненіяхъ встрѣчается множество психилогическихъ воззрѣній и иногда весьма глубокихъ; но въ концѣ-концовъ онъ отрицаетъ самостоятельное существованіе психологіи и тѣмъ оставляетъ значительный пробѣлъ въ своей системѣ. Если природа агрегата опредѣляется въ соціологіи такъ же, какъ въ біологіи, природой его составныхъ элементовъ, если общество основывается (repose) на извѣстныхъ комбинированныхъ состояніяхъ сознанія, чувствъ или идей, то изученіе индивидуальнаго человѣка, по скольку онъ способенъ къ представленіямъ, должно составлять дѣло высокой важности: оно является послѣднимъ, непосредственнымъ подготовленіемъ къ изученію соціологіи. С) Эта капитальная ошибка Конта вытекала изъ его убѣжденія, что соціологія можетъ разработываться только путемъ одного синтетическаго метода и что исходнымъ пунктомъ этой науки должно быть разсмотрѣніе человѣчества во всей его совокупности. Кромѣ употребленія гипотезъ, общаго для всѣхъ наукъ, соціологія должна пользоваться экспериментальнымъ анализомъ. Съ этой точки зрѣнія, индиви-

дуальный человѣкъ есть реальное существо, за которымъ слѣдуютъ дѣйствительныя (т. е. существующія) группы индивидовъ: человѣчество не существуетъ, такъ какъ его интегрированіе недостаточно полно. D) Эта доктрина о движущемся человѣчествѣ, которое должно остановиться на извѣстномъ опредѣленномъ пунктѣ (состояніи), какъ только познакомится съ позитивной системой и усвоитъ себѣ новую религію, существенно противоположна закону развитія. Никакое равновѣсіе не абсолютно, а слѣдовательно, и неокончательно. Новыя перераспредѣленія матеріи подготовляются даже въ то время, когда устанавливается опредѣленный строй. Поэтому судьбы человѣчества ограничены, конечны, не смотря на продолжительность времени, втеченіе котораго онѣ будутъ совершаться: человѣчество перестанетъ мыслить, какъ земля перестанетъ вращаться и солнце — испускать лучи. Вѣчность принадлежитъ только вселенной. Если по эволюціонной доктринѣ будущее человѣчества сокращается, то въ замѣнъ того его прошедшее отодвигается назадъ, такъ какъ оно имѣетъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ это полагаетъ французскій позитивизмъ. Дарвинизмъ, отрицаемый въ его основахъ Контомъ, формально принимается Спенсеромъ, какъ вѣтвь его системы. Поэтому когда Спенсеръ въ концѣ своихъ *Основаній психологіи* разсматриваетъ животныя общества, то видитъ въ нихъ не фигуральную аналогію человѣческаго общества, а относится къ нимъ, какъ къ дѣйствительной подготовительной исторической ступени этого общества, причемъ соціальные инстинкты, происхожденіе которыхъ онъ описываетъ, должны передаваться и возрастать путемъ наслѣдственности вплоть до человѣческаго организма—продолжателя длиннаго ряда, теряющагося во мракѣ временъ. E) Наконецъ—и это послѣднее различіе въ нашей параллели—если Контъ является въ политикѣ консерваторомъ, то Спенсеръ доводитъ ту же тенденцію какъ будто бы до неподвижности. Въ громадномъ соціальномъ организмѣ, дѣйствія, обусловливаемыя личной волей, по его мнѣнію, не играютъ почти никакой роли. Развитіе цѣлаго опредѣляется безсознательными привычками, которыя основываются на наслѣдственномъ органическомъ строѣ, необходимо подчиняющемъ себѣ всякаго индивида. Поэтому Спенсеръ весьма далекъ отъ одобренія по-

пытокъ къ быстрымъ реформированіямъ; онъ не обращаетъ своихъ взоровъ, какъ Контъ, къ диктатору, долженствующему управлять обществомъ въ переходный періодъ между анархіей и окончательно опредѣлившимся порядкомъ: всякое единоличное поползновеніе къ перемѣнамъ кажется ему неразумнымъ, и тѣ политическія и религіозныя построенія, которыя его предшественникъ мечталъ осуществить втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, заставляютъ его только нѣсколько разъ улыбаться. Правительство, по его мнѣнію, оказываетъ несравненно менѣе дурнаго и особенно хорошаго вліянія на судьбы общества, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Правда, никакое истинное общество не формируется безъ того, чтобъ между его правящими и управляемыми частями не устанавливалось извѣстнаго разграниченія. Но подобно тому, какъ нервная система дѣйствуетъ насчетъ жидкостей организма, такъ же точно и регулирующіе органы соціальнаго тѣла заимствуютъ свое движеніе и самую жизнь извнутри органовъ, подчиненныхъ ихъ вліянію, и если реагируютъ на нихъ, то только при помощи силъ, которыя отъ нихъ же получаютъ. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ всякаго движенія въ политическомъ тѣлѣ, рѣшителемъ его судебъ всегда является темпераментъ самого населенія, т. е. совокупность безсознательныхъ стремленій и привычекъ, связанныхъ съ его органическимъ строемъ.

Не останавливаясь на обвиненіяхъ Спенсера со стороны Гексли въ якобы *административномъ нигилизмѣ* *), обратимся на минуту къ указываемой авторомъ безсознательной сторонѣ общественнаго организма. Спенсеръ употребляетъ для обозначенія ея слово ростъ (growth), которое такъ же хорошо прилагается и къ произрастанію растеній, а потому какъ бы исключаетъ всякое разсудоч-

*) См. въ *Fortnightly Review* двѣ интересныя статьи: одну Гексли въ ноябрѣ 1871 г. и другую Кернса (Cairnes) въ январѣ 1875 г. Гексли, совершенно отвергая аналогію между живыми тѣлами и обществами, заявляетъ однако же, что, по его мнѣнію, эта аналогія должна благопріятствовать правительственной централизаціи. „Фактъ тотъ, говоритъ онъ, что верховная власть тѣла мыслитъ за физіологическій организмъ, дѣйствуетъ за него и управляетъ его индивидуальными составными частями съ силою желѣзнаго закона“.

ное вмѣшательство индивидовъ въ ихъ коллективную судьбу. Выраженіе это показалось шокирующимъ. Постараемся хорошенько понять самую доктрину. Дѣйствительно, нелѣпо было бы утверждать, что акты, которыми поддерживается соціальная жизнь, вполнѣ безсознательны; это несообразно было бы и тогда, если бы дѣло шло не только о людяхъ, но даже о животныхъ. Взаимная жизнь во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она проявляется, предполагаетъ отношеніе между отдѣльными существами при раздѣляющемъ ихъ разстояніи, причемъ это отношеніе можетъ устанавливаться только путемъ представленія. Такимъ образомъ во всѣхъ актахъ соціальной жизни какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, принимаетъ участіе представленіе, т. е. мысль, а слѣдовательно, по необходимости и сознаніе. Но подъ вліяніемъ привычки это сознаніе способно незамѣтно уменьшаться, доходя иногда какъ бы до полной безсознательности. Частое повтореніе одного и того же акта измѣняетъ мало по малу, путемъ указаннаго нами выше процесса, состояніе нервной системы въ соотвѣтствующемъ пунктѣ, такъ что, съ установленіемъ спеціально функціонирующаго аппарата, всякое сопротивленіе наконецъ исчезаетъ, и предполагаемый актъ не сопровождается болѣе никакимъ колебаніемъ, никакой борьбой различныхъ между собой склонностей. Вмѣсто того, чтобъ осложняться приступами нерѣшительности, требующей предварительнаго обсужденія или нервныхъ разряженій въ различныхъ чувствующихъ органахъ, онъ совершается совершенно изолированно, автоматически или, лучше, рефлективно (въ формѣ рефлекса). Если теперь представить себѣ, что нервный аппаратъ, для котораго этотъ актъ служитъ его нормальной функціей, передается изъ поколѣнія въ поколѣніе живымъ существамъ, все чаще и чаще его употребляющимъ, то не трудно понять, что сознаніе будетъ стираться въ немъ все болѣе и болѣе, тогда какъ въ то же самое время исполненіе даннаго акта станетъ дѣлаться все болѣе и болѣе необходимымъ. Скоро онъ не требуетъ уже никакого посредничества мысли—онъ становится инстинктивнымъ. Есть еще другая причина, по которой соціальные акты могутъ быть названы безсознательными. Одинъ изъ элементовъ яснаго сознанія акта есть представленіе цѣли, къ которой онъ ведетъ,

т. е. его возможныхъ послѣдствій. Но очевидно, что какъ бы отчетливо актъ не сознавался, значительная часть его будущихъ послѣдствій ускользаетъ отъ агента. Одно изъ важнѣйшихъ положеній *Основныхъ Началъ* состоитъ въ томъ, что послѣдствія движенія умножаются безконечно по мѣрѣ ихъ отдаленія отъ первоначальнаго импульса; тѣмъ не менѣе однако же эти слѣдствія входятъ въ понятіе о цѣли и обсужденіе мотивовъ, если только они были извѣстны. Итакъ, актъ всегда сознателенъ въ томъ смыслѣ, что самыя непосредственныя изъ его послѣдствій принимаются въ разсчетъ волей, которая имъ руководитъ; но онъ въ то же время и безсознательный, по скольку эти слѣдствія (безъ сомнѣнія, самыя важныя въ силу принципа ихъ умноженія) ускользаютъ отъ предвидѣнія того, кто его совершаетъ и остаются если не въ оппозиціи съ его волей, то по крайней мѣрѣ внѣ ея намѣреній **). Благодаря этой новой группѣ безсознательныхъ актовъ, т. е. актовъ, сопровождающихся совершенно инымъ результатомъ, чѣмъ тотъ, какого ожидало отъ него дѣйствующее лицо, въ общей совокупности элементовъ можетъ установиться органическое согласованіе (consensus), причемъ каждый изъ элементовъ будетъ какъ будто бы занятъ исключительно осуществленіемъ своихъ собственныхъ цѣлей. Каждый изъ нихъ непосредственно, заботясь только о самомъ себѣ, желаетъ удаленія всѣхъ остальныхъ элементовъ, между тѣмъ какъ косвенно, путемъ сцѣпленія общихъ законовъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, онъ, помимо своего вѣдома, заботится о всей своей группѣ и даже о цѣломъ видѣ. Эти два рода безсознательности сказываются какъ бы въ растительномъ развитіи общественнаго организма. Такъ, помимо вѣдома каждаго животнаго въ стадѣ (horde), въ его организмѣ устанавливается обмѣнъ извѣстныхъ

---

*) См. у Гартмана главу: Безсознательное въ исторіи, т. I *Философіи безсознательнаго*. Читателю извѣстно, что мы принимаемъ слово *безсознательное* не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его авторъ этого сочиненія. Безсознательность, на нашемъ языкѣ, означаетъ послѣднюю низшую степень сознанія. Но тотъ фактъ, что народы часто хотятъ одно, а производятъ другое, доказывается въ этой главѣ весьма обстоятельно.

душевныхъ движеній, жестовъ и криковъ. Этотъ обмѣнъ чисто органическій, то-есть зависящій отъ особеннаго строенія его нервной системы, унаслѣдованной имъ отъ своихъ предковъ. Точно также и въ насъ, помимо нашей воли, устанавливается опредѣленное соотношеніе между извѣстнымъ созерцаніемъ, напр. видомъ акта варварства и чувствомъ болѣзненнаго содроганія и омерзенія, которое онъ вызываетъ. Это соотношеніе тоже органическое. Мы рождаемся съ такимъ нервныхъ строеніемъ, что указанная связь становится для насъ неизбѣжной. Правда, что въ томъ и другомъ случаѣ эти отношенія являются наиболѣе полезными или, просто, выгодными съ одной стороны для существованія стада, съ другой—для жизни человѣческаго общества, такъ какъ потребность произвести предостерегающій крикъ при дѣйствительной или кажущейся опасности обезпечиваетъ безопасность цѣлаго стада, и развитіе симпатіи приводитъ къ тому, что каждый человѣкъ дѣлается святыней для своего ближняго. Но значитъ ли это, что въ томъ и другомъ случаѣ индивидъ сознательно (expressément) заботится объ охраненіи той группы, въ которой онъ играетъ роль части? Никоимъ образомъ: всѣ эффекты, кажущіеся столько же разсудочными, сколько гармоническими, исходятъ изъ общихъ законовъ, игнорируемыхъ индивидомъ, хотя и сказывающихся въ его дѣятельности. Съ этой именно точки зрѣнія Спенсеръ и полагаетъ возможнымъ смотрѣть на жизнь человѣческихъ обществъ, какъ на естественное органическое возрастаніе. Основываясь на такихъ наблюденіяхъ, авторъ отводитъ закону непроизвольности важное мѣсто, на которое онъ имѣетъ неоспоримое право и въ которомъ ему отказывали въ своихъ политическихъ теоріяхъ мыслители XVII и XVIII столѣтій *).

---

*) Прежде чѣмъ заключить этотъ обзоръ различныхъ системъ соціальной философіи, мы должны припомнить ту точку зрѣнія, на которой стоимъ сами. Мы старались показать читателю, какія объясненія представлялись втеченіе историческаго движенія науки о самомъ фактѣ человѣческаго общества; мы хотѣли знать, какъ понималась наиболѣе выдающимися философами природа этого общества; короче, мы задались цѣлью познакомиться съ тѣмъ, какъ отвѣчали мыслящіе умы, начиная съ Аристотеля и до нашихъ дней на вопросъ: что такое

Итакъ, задачу, поставленную болѣе 2,000 лѣтъ тому назадъ софистами, можно считать какъ бы рѣшенной или скорѣе обойденной. Нѣтъ ничего стоящаго внѣ природы: намѣренныя соглашенія и свободные акты, при посредствѣ которыхъ общества организуются, въ сущности представляютъ собой такія же естественныя движенія, какъ и органическіе импульсы, обезпечивающіе жизнь

общество, въ чемъ заключается его сущность? Намъ пришлось при этомъ пройти мимо теорій политическаго строя (ordre), которыя хотя и соприкасаются съ упомянутымъ вопросомъ, но совершенно отличны отъ него. Такъ, напримѣръ, мы даже не упомянули ни о теоріи Аристотеля относительно роли среднихъ классовъ въ государствѣ, ни объ его классификаціи формъ правленія. Точно также, переходя къ новѣйшему времени, мы совсѣмъ не касались важныхъ и замѣчательныхъ работъ, столь сильно содѣйствовавшихъ успѣхамъ политическаго искусства, въ виду того, что они имѣли лишь косвенное вліяніе на развитіе соціальной философіи. Такъ, въ особенности, волновалъ умы вопросъ объ отношеніяхъ личности и государства, причемъ одни отдавали преимущество государству, другіе же, напротивъ, защищали право личной свободы, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить точную границу между компетентностью обоихъ факторовъ, которая могла бы служить регуляторомъ ихъ дѣйствія. Въ этой борьбѣ—мы говоримъ только о самыхъ новѣйшихъ школахъ—фигурируютъ съ одной стороны соціалисты (Сенъ Симонъ, Овенъ, Фурье, Пьеръ Леру и Прудонъ), съ другой—политики, которыхъ можно было бы назвать индивидуалистами (Токвилль, Милль, Бастіа), которые встрѣтили себѣ противника, внѣ рядовъ соціализма, со стороны знаменитаго апологиста централизаціи Дюпона Вайта (White). Но мы не могли бы, не отступая отъ нашего предмета, набросать даже бѣглый очеркъ этого обширнаго движенія, и поневолѣ должны были ограничиться исторіей одного только общаго вопроса: что такое общество *)?

---

*) Мы оставляемъ это Введеніе такимъ, какъ оно было написано нами въ маѣ 1875 года. Съ тѣхъ поръ вышли въ свѣтъ два капитальныхъ сочиненія: *Соціологія* Спенсера и книга—Шефле «Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла» (*Bau und Leben des socialen Kœrpers*, Tubingen 1875). Первое изъ нихъ по части *принциповъ*, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что́ бы ускользнуло отъ нашего анализа. Однако же мы приведемъ изъ него слѣдующія замѣчанія. Между предметомъ біологіи и соціологіи, говоритъ авторъ, существуютъ два отличія: 1) «части животнаго образуютъ одно истинно конкретное или сплошное цѣлое, тогда какъ общество есть цѣлое раздѣльное. Въ первомъ случаѣ составныя единицы связаны между собой, во второмъ же онѣ болѣе или менѣе разсѣяны, свободны и не соприкасаются между собой физически»; 2) «у животнаго сознаніе концентрируется въ *чувствилищѣ* (sensorium), т. е. въ небольшой части агрегата, остальная большая часть совсѣмъ

индивида своимъ взаимодѣйствіемъ. Противоположеніе между этими двумя группами фактовъ не имѣетъ болѣе основанія, такъ какъ теперь признается участіе воли въ наименѣе сознательныхъ общественныхъ явленіяхъ, встрѣчающихся у животныхъ и человѣка, и участіе самопроизвольности, безсознательности въ наиболѣе обдуманныхъ соціальныхъ актахъ, путемъ которыхъ націи организуются и управ-

---

или почти совсѣмъ лишена его; въ обществѣ сознаніе распространено повсемѣстно: всѣ члены его въ одинаковой степени способны наслаждаться счастіемъ и испытывать страданія или мало въ чемъ разнятся между собой въ этомъ отношеніи—оно не имѣетъ спеціализованнаго соціальнаго *чувствилища*». Первое возраженіе, стремящееся поколебать аналогіи между соціальнымъ тѣломъ и организмомъ, было представлено также Гартманомъ въ его *Философіи безсознательнаго*. Гартманъ полагаетъ, что роль пчелъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ условія органическаго единства, исключая одного, а именно сцѣпленія и сплошности составныхъ элементовъ; поэтому ему кажется, что отсутствіе этого условія вполнѣ достаточно для того, чтобъ сдѣлать призрачнымъ всякое сближеніе между органическимъ и соціальнымъ единствомъ: одно индивидуально, другое—нѣтъ. На это возраженіе Спенсеръ отвѣчаетъ, что индивиды, составляющіе общество, тѣсно связаны между собой взаимной жизнью: никто изъ нихъ отдѣльно не можетъ произвести ни одного дѣйствія, которое не почувствовали бы болѣе или менѣе живо другіе на болѣе или менѣе обширной поверхности. Шефле занимался спеціально этимъ вопросомъ и показалъ, что клѣточки въ живомъ тѣлѣ не всегда соприкасаются между собой, что онѣ связаны другъ съ другомъ менѣе развитымъ по своей организаціи веществомъ, которое онъ называетъ междуклѣточнымъ (кровяная сыворотка, нервная мякоть) и что такимъ точно образомъ всѣ матеріальныя приспособленія къ потребностямъ взаимной жизни (дороги, желѣзные пути, телеграфы и вообще продукты культуры народа), устанавливая связь между членами общества, играютъ по отношенію къ нимъ роль междуклѣточнаго вещества. См. въ его Введеніи главу III, § 2, озаглавленный: «Сходство и различія между органами, тканями, клѣточками и междуклѣточными веществами растеній, животныхъ и обществъ», стр. 53 и въ текстѣ книги, 3 часть I отдѣла: «Богатство, какъ общественное междуклѣточное вещество», стр. 93. Нужно удивляться, какъ философы, знающіе всю относительность понятія о разстояніи, могутъ останавливаться на такомъ различіи. Вѣдь вопросъ о разстояніи между атомами настолько подвинулся впередъ, что нѣкоторые химики стараются опредѣлить численно раздѣляющіе ихъ интервалы. Какое значеніе имѣютъ разстоянія между элементами, составляющими организованное существо, если оно пополняется взаимодѣйствіемъ этихъ послѣднихъ? Истинная непрерывность заключается въ непрерывной передачѣ силъ; если сила не можетъ проникать въ среду, не давая чувствовать о себѣ по всему ея протяженію, эта среда безспорно должна быть признана единой и конкретной, каковы бы ни были промежутки, раздѣляющіе между собой тѣла, входящія въ его составъ. Остается второе

ляются. Между той и другой группой импульсовъ разница только въ степени или скорѣе обѣ онѣ образуютъ лишь одну общую совокупность, управляемую одними и тѣми же законами,—законами біологическаго развитія. Итакъ, соціологія, какъ общая наука, нашла свой методъ и, повидимому, сложилась, такъ какъ она разрабатывается въ различныхъ странахъ и ученыхъ обществахъ одними и тѣми же способами, начиная съ извѣстныхъ основныхъ данныхъ,

возраженіе. Весьма возможно, что эта частная неполнота аналогіи между обществомъ и организмомъ вмѣсто того, чтобъ разрушить ее, только открыла въ современной психологіи ложность опредѣленія того способа, путемъ котораго у индивида совершается чувствованіе. Мы уже сдѣлали по этому поводу нѣкоторыя замѣчанія; приписывая сначала каждой важнѣйшей функціи свой спеціальный органъ, какъ ея исключительное вмѣстилище, въ настоящее время начинаютъ понимать, что каждой функціи соотвѣтствуетъ цѣлая система, въ которой центральный органъ—сердце, легкія и т. д.—играетъ роль только главнаго агента. Льюисъ въ своей книгѣ «*Физическая основа ума*» утверждаетъ, что нервы, часто сводимые къ роли простыхъ передаточныхъ путей, являются напротивъ, производителями нервной силы, при прохожденіи по которымъ возбужденіе возрастаетъ въ своемъ напряженіи; онъ доказываетъ даже, что чувствительность въ различныхъ ея формахъ, кромѣ нервной системы, принадлежатъ тоже и другимъ частямъ тѣла (*The physical basis of mind*, Action without nerve-centres, стр. 202 и слѣд.) «Мыслитъ и чувствуетъ не мозгъ, а человѣкъ»—такъ можно было бы выразить сущность его доктрины. Съ принятіемъ этого взгляда, мозгъ нужно разсматривать, какъ органъ, концентрирующій въ себѣ въ высокой степени способность, разсѣянную болѣе или менѣе слабо повсемѣстно въ живомъ организмѣ. Отсюда же видно, что противоположеніе между общественнымъ тѣломъ и индивидуальнымъ, основанное на томъ, что въ первомъ чувствительны всѣ части, а во второмъ только нѣкоторыя, падаетъ само собой. Кромѣ того, извѣстно, что не всѣ части соціальнаго тѣла одинаково воспріимчивы къ политическимъ эмоціямъ (движеніямъ), а нѣкоторыя изъ нихъ даже почти совершенно индифферентны къ своимъ высшимъ интересамъ, особенно въ мало цивилизованныхъ обществахъ. Всякій слыхалъ о равнодушіи, съ какимъ восточные народы относятся къ смерти. Наконецъ, и въ Европѣ еще встрѣчаются люди, которые, какъ напримѣръ, кондотьери подвергаютъ опасности свою жизнь и идутъ на смерть за условлененное денежно вознагражденіе. Итакъ, не пытаясь поддерживать то абсурдное положеніе, что человѣческія особи и органиты стоятъ въ жизненной лѣстницѣ на одномъ и томъ же уровнѣ—это противорѣчило бы самому основанію нашей теоріи обществъ—мы можемъ допустить, что какъ тѣ, такъ и другія—живыя существа и части живыхъ существъ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что различные члены одного и того же общества и различные органиты одного и того же тѣла представляютъ собой центры жизненной дѣятельности крайне неодинаковаго напря-

которыя съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе безспорными. Это не значитъ однако, чтобъ наболѣе важные частные вопросы соціологіи были уже разрѣшены. Мы не хотимъ, напримѣръ, сказать, чтобъ черезъ это самое намъ лучше было извѣстно, чего слѣдуетъ держаться по вопросу объ установленіи отношеній между личностью и государствомъ въ той или другой націи, о границахъ, которыя законъ долженъ полагать обширнымъ ассоціаціямъ, стре-

---

женія. Все сочиненіе Спенсера посвящено доказательству полной параллели между обществами и организмами.

Книга Шефле не содержитъ въ себѣ ничего такого, что́ было бы необходимо приводить здѣсь съ какой-либо подробностью, кромѣ указаннаго нами взгляда на богатство, какъ на общественное междуклѣточное вещество. Мы сами высказывали ту же мысль, при защитѣ настоящей диссертаціи въ іюнѣ 1876 г., не зная еще о существованіи книги Шефле. Что касается содержанія этого тома въ 850 страницъ, то читатель найдетъ въ немъ превосходное дополненіе къ трудамъ Спенсера. Въ то время какъ англійскій философъ изучаетъ соціальное развитіе или общественныя группы въ ихъ происхожденіи и образованіи, нѣмецкій экономистъ предается анализу существующихъ обществъ и подробно описываетъ удивительную сложность ихъ движущихъ пружинъ. Въ этой картинѣ встрѣчается немало философскихъ и обобщающихъ (синтетическихъ) взглядовъ. Всего оригинальнѣе весьма полная и, по нашему мнѣнію, новая теорія относительно того, то авторъ называетъ *die Güter der Darstellung und Mittheilung*, т. е. относительно комбинацій и аппаратовъ, служащихъ для выраженія обмѣна и традиціи идей—благъ, безъ которыхъ невозможенъ никакой прогрессъ.

Кромѣ введенія въ 60 страницъ, сочиненіе содержитъ въ себѣ 6 отдѣловъ съ слѣдующими заглавіями. 1° Элементъ соціальнаго тѣла или условіе его среды и его существенныхъ составныхъ частей (природа, рессурсы, населеніе). 2° Семейство, какъ элементарная жизненная единица соціальнаго тѣла (соціальная клѣточка). 3° Существенныя соціальныя размѣщенія (arrangements) или ткани общественнаго тѣла. Наука о главныхъ соціальныхъ тканяхъ (соціальная гистологія). 4° Психическія явленія соціальной жизни и ихъ взаимная связь, разсматриваемыя вообще или общія явленія соціальной души (общая часть очерка соціальной психологіи). 5° Общественное воспріятіе, соціальныя двигательныя силы. Интеллектуальная, чувствовательная и волевая общественная дѣятельность. 6° Органическое строеніе обществъ (соціальная органографія). Отсюда уже можно получить понятіе о томъ, какъ обширна область изслѣдованій автора. Тотъ, кто имѣлъ бы мужество и съумѣлъ перевести какъ слѣдуетъ его книгу, несомнѣнно оказалъ бы услугу соціологіи въ своей странѣ. Мы не знакомы съ сочиненіемъ Лиліенфельда «*Мысли о соціальной наукѣ будущаго*», но знаемъ только, что оно написано въ томъ же духѣ и вышло раньше книги Шефле, который цитируетъ ее въ своемъ предисловіи.

мящимся къ независимому существованію среди новыхъ государствъ, объ основаніи права наказанія и т. д.; мы думаемъ только, что теперь установилось нѣкоторое согласіе относительно самыхъ основъ науки и метода, котораго слѣдуетъ держаться при ея изученіи; все остальное — дѣло времени, требующее долгихъ экспериментальныхъ изысканій, которыя сами въ свою очередь могутъ быть уяснены только послѣ продолжительныхъ споровъ. Такъ напримѣръ, въ настоящую минуту въ Англіи среди самой школы эволюціонистовъ совершается два теченія: одни утверждаютъ, что правительственный прогрессъ состоитъ въ уменьшеніи централизаціи, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что онъ заключаются въ ея постепенномъ расширеніи. Такимъ образомъ, представленныя нами выше рѣшенія по самому своему существу не только не прекращаютъ споровъ между политиками, но, напротивъ, открываютъ для подобныхъ дебатовъ обширное поле. Выигрышъ состоитъ лишь въ томъ, что для нихъ найдена общая почва, почва научнаго изслѣдованія, гдѣ борьба мнѣній можетъ дать впослѣдствіи весьма полезные плоды: нужно только помнить, что общественная наука сначала изучаетъ то, что̀ есть, а потомъ уже переходитъ къ изысканію того, что̀ должно быть, что она можетъ руководить практикой не иначе, какъ послѣ тщательнаго изученія фактовъ, въ связи съ ихъ законами или, короче, обществознаніе—такая же опытная наука, какъ всѣ другія естественныя науки, а потому требуетъ для своей разработки тѣхъ же методовъ, которые втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій дали такіе блестящіе результаты въ области изслѣдованія природы.

Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Мы видимъ въ настоящее время, что не только литература обществознанія все болѣе и болѣе усвояетъ себѣ выраженія и термины, вытекающія изъ представленныхъ нами положеній *), но даже сама практика все чаще и чаще, чуть не ежедневно обращается къ методу и пріемамъ, путемъ которыхъ они выработались. Нѣтъ ни одного европейскаго парламента,

*) См. въ *Dictionaire politique* Блока статьи „Общество" и „Общественная наука", стр 915. Также любопытны въ этомъ отношеніи заглавія трудовъ М. Дюкана: *Парижъ и его органы*, *Конвульсіи Парижа* и другіе.

который, обсуждая какой-либо частный вопросъ, не принималъ въ соображеніе выясняющихъ его статистическихъ данныхъ. Демографія иля статистика фактовъ, касающихся движенія народонаселенія, составляетъ обычный постоянный матеріалъ для законодательныхъ работъ представительныхъ собраній *). Кто бы сталъ затруднять себя численными выясненіями хода минувшихъ явленій, если бы не существовало увѣренности, что идущія имъ на смѣну будущія явленія должны происходитъ въ томъ же относительномъ порядкѣ и согласно тѣмъ же законамъ, какъ и въ прошломъ?

Нельзя однако же отрицать, не будучи ослѣпленнымъ, чтобъ такія доктрины не разрушали вмѣстѣ съ тѣмъ и понятій, распространенныхъ вообще за предѣлами чисто научныхъ слоевъ общества. Почти всѣ эти понятія основываются на принципѣ, діаметрально противоположномъ тѣмъ взглядамъ, какія мы только что развивали; а именно, что индивидъ по своему существу есть совершенно независимая сила и составляетъ самъ по себѣ отдѣльный міръ. Открытый съ той стороны, гдѣ онъ соприкасается съ безконечнымъ, изъ котораго происходитъ и откуда получаетъ руководящіе принципы своей нравственности (conduite) въ формѣ абсолютныхъ предписаній,—онъ закрытъ со стороны общества и связывается съ нимъ лишь случайными измѣненіями, получаемыми отъ этого послѣдняго. Нерѣдко старыя доктрины входятъ въ сдѣлки съ новыми направленіями, дѣлая имъ какъ бы уступку. Такъ, весьма охотно допускаютъ, что понятіе объ обществѣ, какъ о человѣческомъ произведеніи, согласуется съ точкой зрѣнія на него, какъ на дѣло природы: наблюденіе даетъ намъ отовсюду чувствовать, что природа есть тоже своего рода артистъ и что пора уже уничтожить устарѣлое разграниченіе между работой тѣхъ невидимыхъ сотрудниковъ, изъ

*) Какъ на примѣры частныхъ приложеній этого метода, можно указать на донесеніе Русселя Національному Собранію о работѣ дѣтей (1874) и замѣчательный докладъ Поля Бера по поводу образованія новыхъ медицинскихъ факультетовъ (въ томъ же году). Сенъ-Клеръ Девилль представилъ въ 1872 г. Академіи наукъ изслѣдованіе въ томъ же духѣ о вліяніи интерната на воспитаніе. Имя Бертильона и демографіи какъ будто неотдѣлимы другъ отъ друга.

которыхъ состоитъ животное или растеніе, и производительностью человѣческихъ существъ. Первое и самое изумительное изъ всѣхъ искусствъ, это—искусство, путемъ котораго организмъ формируется по всегда одинаковому плану, прежде чѣмъ строить изъ окружающихъ матеріаловъ свое жилище или свои орудія, которыя также слѣдуютъ опредѣленному плану и вообще принимаютъ у каждаго вида (espèce) свой особый характеръ. Будетъ ли это искусство болѣе или менѣе сознательнымъ, направится ли на тотъ или другой предметъ,—оно по существу останется однимъ и тѣмъ же, и мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ много безсознательнаго въ созданіяхъ духа (génie), для того чтобъ совершенно отграничивать его творчество отъ обыкновенныхъ путей природы, которыми она вырабатываетъ свои лучшія произведенія. Такъ же легко допускаютъ, что общество измѣняется и что его измѣненіе есть настоящая жизнь. Оно не походитъ на произведенія искусства, которыя, разъ выйдя изъ рукъ своего творца, остаются навсегда инертными; но постоянно подвергается передѣлкамъ со стороны людей, преданныхъ идеалу и въ одно и то же время составляющихъ и строящихъ его; оно такимъ образомъ раздѣляетъ ихъ движеніе, сопутствуетъ имъ, и это движеніе составляетъ прогрессъ. Соглашеніе идетъ еще далѣе; такъ напримѣръ, не отрицаютъ того, что этотъ прогрессъ управляется законами, но что ихъ довольно трудно уловить и точно формулировать. Можно даже сказать, что необходимость знакомства съ этими законами для людей, желающихъ руководить государственной дѣятельностью, сдѣлалась общераспространенной банальной истиной; нѣкоторые, быть можетъ, нашли бы возможнымъ признать согласимость правильно понимаемой человѣческой свободы съ безповоротной необходимостью соціальныхъ явленій. Повсюду наука и политическій языкъ охватываются идеей организаціи, которая синонимична съ идеей жизни. Но существуетъ область, гдѣ такое симпатичное и почти неизбѣжное направленіе мысли пока еще безусловно отвергается, это — область традиціонной морали, основанной въ свою очередь на созерцальной апріорной метафизикѣ. Не входя въ обсужденіе существенныхъ достоинствъ новѣйшей соціологіи, покажемъ только, что она не заслуживаетъ остракизма по одному только

своему внѣшнему виду, остракизма во имя самаго наивысшаго (послѣ очевидности) авторитета, какимъ принято считать нравственное сознаніе или совѣсть.

Прежде всего ей ставятъ въ упрекъ, что она представляетъ собой исключительно позитивное ученіе. Но предшествующій историческій очеркъ, надѣемся, разсѣетъ это предубѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ изъ него, что соціальныя теоріи, энергическими пропагандистами которыхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ являются Контъ и Спенсеръ, были защищаемы въ прошломъ Аристотелемъ, Кантомъ и Жозефомъ де Местромъ, причемъ ни одинъ изъ этихъ мыслителей-спиритуалистовъ, принимая ихъ, не считалъ необходимымъ отказываться отъ своихъ интимныхъ вѣрованій. Онъ также показалъ намъ, что если эти теоріи гармонируютъ съ метафизикой Спинозы, то онѣ не менѣе легко согласуются и съ метафизикой Лейбница. Мы, признаемся, не понимаемъ, почему если такой проницательный и убѣжденный мыслитель, какъ Жозефъ де Местръ, считалъ необходимымъ принять ихъ для отстраненія теорій Общественнаго договора, почему спиритуалистъ нашихъ дней—теистъ или христіанинъ—могъ бы видѣть въ этомъ для себя сколько-нибудь серьозное затрудненіе? По всей вѣроятности, дѣло заключается въ признаніи возможности божественнаго дѣйствія на человѣческое общество при всякомъ положеніи вещей. Но если это дѣйствіе не совершается болѣе черезъ посредство того или другаго привиллегированнаго лица, то не можетъ ли оно проявляться въ совокупности самопобудительныхъ движеній, одухотворяющихъ массы и ведущихъ ихъ путемъ незамѣтныхъ превращеній къ предначертанному результату? Ходъ исторической жизни, говоритъ Шиллеръ, раскрывается передъ проницательнымъ взглядомъ мудрости, который, охватывая далекія перспективы, умѣетъ связать безпорядочные капризы (?) свободы съ законами управляющей необходимости и заставить преслѣдуемыя индивидомъ частныя цѣли служить безсознательному осуществленію общаго плана». (Томъ VII, 29 стр. нѣмец.). Впрочемъ, по свидѣтельству Гартмана, это—идея, общая всѣмъ философамъ, начиная съ Канта. Дѣйствіе Промысла не проявляется въ природѣ (напр. въ ростѣ дерева) внѣшнимъ вмѣшательствомъ разсудочной воли (vo-

lonté réfléchie). Оно даетъ себя чувствовать въ элементарныхъ силахъ, скрытыхъ внутри растенія, такъ какъ это послѣднее, будучи лишено централизованнаго сознанія, не обладаетъ никакими другими силами. Спрашивается, почему Провиденціальное Начало не могло бы давать себя чувствовать изъ самой глубины коллективнаго духа, въ безсознательной области, откуда выходятъ общественныя бури, но гдѣ также зарождаются тѣ спасительныя рѣшенія, которыя обновляютъ жизнь націи? Если признается необходимымъ вѣрить въ провиденціальныхъ людей (людей, ниспосылаемыхъ провидѣніемъ), то необходимо также допустить, что ихъ предначертанія не могутъ осуществиться безъ помощи благопріятныхъ обстоятельствъ и что массы должны быть приготовлены провидѣніемъ къ ихъ торжественной встрѣчѣ. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать еще и аналогичность между общественными организмами и частными естественными, на которые провидѣніе дѣйствуетъ какъ бы изъ самыхъ его нѣдръ и которые вырабатываютъ въ себѣ способность самопроизвольнаго развитія.

Такимъ же точно образомъ апріорный характеръ велѣній совѣсти можетъ согласоваться съ историческимъ происхожденіемъ, которое соціологія приписываетъ чувствамъ, получающимъ отъ этихъ велѣній абстрактную формулу. Ученіе, относящее къ божественному вдохновенію голосъ совѣсти и указанія (идеи) разума, нисколько не заинтересовано въ томъ, чтобъ это своего рода откровеніе совершалось непремѣнно тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ законы, необходимые для существованія общества и управляющіе его духовной дѣятельностью путемъ наслѣдственной передачи, воспитанія, неизвѣстныхъ вліяній среды, не могутъ разсматриваться, какъ воля самого божества, проявляющаяся въ насъ черезъ посредство природы? Вико и Жозефъ-де-Местръ такъ ее и понимали. Все зависитъ отъ склада ума: тамъ, гдѣ одни видятъ только акты природы, другіе расположены усматривать дѣйствіе Верховнаго Разума, пользующагося природой для достиженія своихъ цѣлей. Но разъ мы согласимся допустить, что этотъ разумъ никогда не осуществляетъ своихъ предначертаній путемъ нарушенія установленныхъ имъ закономъ, ничто не мѣ-

шаетъ намъ смотрѣть на него, какъ на творца общественной организаціи, подчиняющей себѣ впослѣдствіи и самыя нравственныя вѣрованія, на которыхъ она основана. Весьма удобно, напримѣръ, думать, что, предаваясь, по наслѣдственному побужденію, семейнымъ и патріотическимъ привязанностямъ, мы идемъ по пути, указанному провидѣніемъ, къ осуществленію міроваго порядка и развитію цивилизаціи.

Но, скажутъ намъ, предписанія нравственности безусловны, между тѣмъ какъ требованія политики, которыя вы хотите вывести изъ личныхъ обязанностей, по самому существу своему, относительны. «Забавная справедливость (justice), ограничиваемая рѣкой»!.. Мы не будемъ пытаться—какъ бы это не было легко—опровергать возраженіе указаніемъ на безспорное различіе въ пониманіи какъ частнаго, такъ и публичнаго права у многочисленныхъ народовъ и племенъ, разсѣянныхъ по земному шару. Мы не станемъ также настаивать на прогрессивныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергалось понятіе долга со времени первобытной эпохи. Наконецъ, мы не намѣрены указывать и на то, какъ различно поступаетъ одинъ и тотъ же человѣкъ или одно и то же правительство, смотря по тому, приходятъ ли они въ соприкосновеніе съ людьми цилизованными, или дикими, и въ какихъ обстоятельствахъ находятся— обыкновенныхъ, нормальныхъ или исключительныхъ. Мы предпочитаемъ скорѣе признать, что не смотря на эти измѣненія во времени и пространствѣ, нравственный кодексъ всегда состоялъ изъ небольшаго числа основныхъ принциповъ, представляющихъ собой существенное условіе общественной жизни и развивающихся сообразно мѣсту и обстоятельствамъ въ рядъ болѣе или менѣе точныхъ и широкихъ частныхъ обязательныхъ правилъ. Но какая доктрина имѣетъ болѣе правъ на утвержденіе этой универсальности и неизмѣнности основныхъ началъ нравственности,—та ли, которая устанавливаетъ отличіе справедливаго отъ несправедливаго на мгновенномъ сверхъестественномъ откровеніи, или та, которая выводитъ его изъ физической и интеллектуальной организаціи индивида, зависящей главнымъ образомъ отъ расы и общественной среды? Если наука, смотрящая на дѣло съ совершенно объектив-

ной точки зрѣнія, показываетъ, что нравственныя обязанности измѣняются вмѣстѣ съ общественными отношеніями, то съ субъективной точки зрѣнія и въ практической жизни—при невозможности для насъ измѣнять по желанію наши наиболѣе глубокія чувства и самое строеніе нашихъ органовъ, съ которымъ, быть можетъ, отъ вѣка связаны внушенія нашей совѣсти—эти обязанности представляются абсолютными въ полномъ смыслѣ слова, или другими словами, мы не можемъ допустить ни на одно мгновеніе, чтобъ наша прихоть или выгода могли намъ ихъ указать. Если бы міру угрожала неминуемая гибель, если бы общество, въ составъ котораго мы входимъ, какъ члены, должно было обратиться въ ничто завтра, сегодня, даже сію минуту, то и тогда мы не почувствовали бы себя менѣе связанными по отношенію къ нашимъ нравственнымъ обязанностямъ, по скольку онѣ вытекаютъ изъ природы вещей и понятій (croyances), укоренившихся въ насъ путемъ воспитанія и наслѣдственности.

Здѣсь заключается главное достоинство развитыхъ нами теорій. Онѣ не превращаютъ нравственнаго дѣйствія въ знакъ уваженія и какъ бы платонической уступки передъ абстрактнымъ закономъ (формализмъ составляетъ существенный недостатокъ нравственности Канта); они не дѣлаютъ его также и актомъ эгоистическаго благоразумія, имѣющаго въ виду болѣе или менѣе отдаленное личное вознагражденіе или удовлетвореніе, такъ какъ требуютъ весьма часто безкорыстныхъ жертвъ. Эти теоріи, напротивъ, обращаютъ его въ услугу, въ нормальное отправленіе, цѣль котораго есть развитіе жизни въ обществѣ: они даютъ ему основаніе (raison d'être), вытекающее изъ интересовъ вселенной, которые могутъ отрицать только одни пессимисты. Одинъ извѣстный мыслитель недавно сказалъ: «Поднимаясь на высоту основныхъ началъ, я думаю, что слово *зло* можетъ имѣть въ философіи только одинъ смыслъ принципа разрушенія и, напротивъ, *благо*—принципа сохраненія. Внѣ этихъ двухъ началъ существуетъ только произволъ и фантазія... Народъ, преданный анархіи, прибавляетъ онъ, неминуемо распадается или поглощается своими болѣе сильными сосѣдями» (Janet, *Causes finales*, стр. 743). Я желалъ бы, чтобъ мнѣ было позво-

лено сдѣлать эту мысль своею и обратить ее въ резюме излагаемой мною соціальной философіи. Она одна даетъ правиламъ нравственности полный смыслъ и настоящую дѣйствительную цѣну, нисколько не уменьшая ихъ достоинства. Разъ добродѣтель является условіемъ существованія группы и настоящей основой соціальнаго зданія—она уже не можетъ быть пустымъ словомъ. Для общества достаточно смутнаго чувства объ ней, чтобъ оно освятило ее въ своемъ представленіи...

Было бы ошибочно думать, что утилитарная философія неудержимо стремится подорвать значеніе совѣсти и замѣнить ее единодержавіемъ науки, дѣйствующимъ согласно съ законами соціологіи. Это могло бы быть только въ такомъ случаѣ, если бы соціологія не признавала того участія, которое принимаетъ инстинктъ въ человѣческихъ рѣшеніяхъ (déterminations); но мы уже видѣли, что одна изъ первыхъ истинъ, устанавливаемыхъ этой наукой, и есть именно самопроизвольность и несознанность большей части нашихъ вѣрованій и дѣйствій. Нужно всегда желать, чтобъ человѣкъ стремился къ добру скорѣе въ силу своихъ природныхъ склонностей, чѣмъ подъ вліяніемъ отвлеченныхъ идей. Чувства привязанности, симпатія и состраданіе всегда будутъ въ каждомъ изъ насъ истинными источниками нравственнаго блага. Общественная наука слѣдуетъ за совѣстью медленными шагами. Она можетъ изучать лишь то, что уже существуетъ, и только одна совѣсть въ своихъ смутныхъ движеніяхъ даетъ начало новымъ формамъ общества, вмѣстѣ съ новыми нравственными чувствами. Общество не есть механизмъ, составленный изъ опредѣленнаго и неизмѣннаго числа колесъ, это—тѣло съ постоянно обновляющейся субстанціей; каждое изъ его состояній полно прошедшаго и въ то же самое время чревато будущимъ. Что выдвигаетъ будущее и, такъ сказать, вызываетъ его на свѣтъ (l'appelle à l'existence), это—болѣе или менѣе опредѣленная *идея*, которую народы постоянно составляютъ объ немъ и въ особенности горячія желанія, возбуждаемыя этой идеей въ сердцахъ, нетерпѣливо стремящихся къ радостямъ жизни, ожидаемымъ отъ ея осуществленія. Итакъ, идеалъ имѣетъ всѣ права на то, чтобъ направлять дѣйствія людей, и никакая соціаль-

ная доктрина не должна его отвергать. Онъ есть начало и пружина индивидуальной нравственной жизни въ человѣчествѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не долженъ претендовать на установленіе какихъ-либо безусловныхъ объективныхъ правилъ, настолько же, насколько такія претензіи были бы невозможны для поэтическихъ грезъ и безотчетныхъ стремленій. Изъ того, что такой-то образъ дѣйствій или такая-то форма общества кажутся одному хорошимъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ ихъ можно было сдѣлать обязательными для его товарищей. Здѣсь-то именно и является вмѣшательство науки, которая контролируетъ идеалъ, оцѣниваетъ, при помощи извѣстныхъ законовъ, его практическое достоинство и опредѣляетъ, противорѣчитъ онъ или нѣтъ настоящимъ усвовіямъ существованія даннаго общества. Мы видимъ, слѣдовательно, что побужденіе исходитъ изъ совѣсти или сердца; но мѣра и вѣсъ, регулированіе и измѣреніе вытекаютъ изъ науки. Безъ любви къ жизни, обѣщающей становиться все болѣе и болѣе интенсивной и пріятной, безъ надежды на то, что она будетъ раздѣляться все большимъ и большимъ числомъ лицъ, связанныхъ между собой симпатіей—для общества не было бы возможно ни существованіе, ни прогрессъ. Безъ научнаго пониманія законовъ, т. е. неизмѣнныхъ отношеній между явленіями, безъ усвоенія принципа, что общественный строй вытекаетъ изъ строя природы, общество, лишенное путеводной нити, стремилось бы къ преслѣдованію неосуществимыхъ химеръ. Самая индукція есть ничто иное, какъ высшая форма комбинаціи идей, посредствомъ которой всякое разумное существо приспособляется къ условіямъ окружающей его среды. Можно ли себѣ представить, чтобъ такое сложное коллективное существо, какъ человѣческое общество, находящееся въ постоянныхъ отношеніяхъ съ самой разнообразной и крайне обширной средой, могло существовать, не заботясь о наиболѣе цѣлесообразныхъ средствахъ для подобнаго приспособленія?

Неблагоразумно было бы слишкомъ строго обвинять экспериментальную науку за ея прошлыя или настоящія заблужденія. Тѣ, которые, выходя изъ идеала, берутъ на себя составленіе конституцій и декретируютъ обязательныя постановленія для гражданъ, ничѣмъ не гарантированы отъ такихъ же промаховъ. Если Аристо-

тель оправдываетъ рабство, составлявшее временную необходимость для греческихъ общинъ, то Платонъ мечтаетъ уничтожить семью и собственность — существенныя условія цивилизованной общественной жизни. Вообще, по части трагическихъ или комическихъ абсурдовъ, идеалисты нисколько не уступаютъ эмпирикамъ. Тѣ и другіе одинаково и нерѣдко предаются утопіямъ, потому что оставляютъ научный методъ и ищутъ то, что должно быть, не принимая въ разсчетъ того, что есть. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы наука открывала истину сразу. Нѣтъ, заблужденіе—ея неизбѣжный спутникъ; но время является судьей гипотезъ, и рано или поздно факты настолько возвышаютъ свой голосъ, что заставляютъ смолкнуть всѣ личныя разногласія. Конечно, было бы несравненно пріятнѣе имѣть у себя подъ рукой совершенно готовыя истины, чѣмъ отправляться за ними въ утомительныя экспериментальныя изысканія; но если моралисты и политики съ глазами, прикованными къ идеалу, представляютъ намъ его въ тысячахъ весьма различныхъ другъ отъ друга копій, то это насъ обязываетъ, несмотря на трудности, войти въ подробный ихъ разборъ, чтобы знать, какую изъ этихъ картинъ можно признать вѣрной. Отнынѣ окончательный приговоръ надъ ними будетъ принадлежать опыту.

Послѣднее обвиненіе, выставленное противъ соціальной философіи, кладущей въ свою основу наблюденіе природы, состоитъ въ томъ, что она будто бы низводитъ человѣка на уровень животнаго: сравненіе организаціи человѣческаго общежитія съ формами животныхъ обществъ—ульемъ или муравейникомъ—унижаетъ-де независимость и достоинство человѣческой личности. Такъ было бы на самомъ дѣлѣ, еслибы представители соціальныхъ доктринъ домогались перенести цѣликомъ законы животныхъ обществъ на общество людей, и еслибы результатомъ сравнительнаго изученія тѣхъ и другихъ должно было бы явиться отождествленіе двухъ изслѣдуемыхъ объектовъ. Но мы протестуемъ противъ подобнаго обвиненія. Прежде всего съ человѣческими обществами—и то самыми нестройными (dégradées)—сближаютъ только общества высшихъ млекопитающихъ; затѣмъ, это сближеніе служитъ къ тому, чтобъ показать превосходство первыхъ надъ послѣдними. Но если бы да-

же законы общественной жизни и организаціи, *взятые въ общемъ*, и приводились къ сходнымъ формуламъ, то и тогда можно было бы оставаться спокойнымъ относительно политическихъ и нравственныхъ послѣдствій такого синтеза. Физика можетъ изъ одной и той же формулы выводить объясненіе первыхъ утреннихъ лучей и потоковъ полуденнаго свѣта безъ всякаго опасенія смѣшать зарю съ полуднемъ. Когда животная соціологія выставитъ передъ читателемъ извѣстные ей факты, то онъ увидитъ, что существеннѣйшіе законы человѣческаго общества—уваженіе къ праву и безусловное признаніе личности—которые защищаются, въ качествѣ «основъ», съ такимъ рвеніемъ, какъ будто этимъ основамъ угрожала дѣйствительная гибель, напротивъ, рельефно выступаютъ передъ глазами наблюдателей въ обществахъ животныхъ. Какъ, животныя общества существуютъ и держатся на тѣхъ же самыхъ основахъ? Да, мы докажемъ безъ всякаго труда, что во всѣхъ обществахъ—отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ—проявляется непрерывное возрастаніе чувствъ привязанности, которыя съ самаго начала будятъ въ каждомъ членѣ группы почти такую же неусыпную заботливость о другихъ, какъ о самомъ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, многія изъ высшихъ общественныхъ животныхъ относятся къ своимъ собратьямъ такимъ образомъ, какъ будто бы личность каждаго члена группы имѣла для нихъ высокую безусловную цѣну. И такъ какъ соціальная организація подчинена тѣмъ же законамъ (*mutatis mutandis*), какъ и организація физическая, то не ясно ли, что организмъ можетъ жить и процвѣтать лишь въ той мѣрѣ, въ какой поддерживается и прогрессируетъ жизнь составляющихъ его элементовъ? Поэтому за характерную черту жизни въ предѣлахъ одного и того же тѣла и одного и того же общества отнюдь нельзя признавать борьбу за существованіе и подавленіе индивида. Напротивъ, первое и, такъ сказать, императивное ея условіе заключается въ уваженіи личности и тѣсномъ союзѣ индивидовъ для болѣе успѣшнаго веденія этой пресловутой борьбы.

Спрашивается, есть ли какое-нибудь основаніе утверждать, что будто философы, допускающіе аналогію между человѣкомъ и общественными животными, стремятся лишь къ тому, чтобъ поступить-

ся всѣми наилучшими сторонами человѣка и перенести на него изъ міра животныхъ самыя непривлекательныя изъ характеризующихъ его свойствъ? Намъ кажется, что, напротивъ, большая часть соціологовъ поступаютъ въ данномъ случаѣ такъ, какъ это нерѣдко дѣлаетъ Платонъ въ своихъ Законахъ, требуя отъ человѣка, чтобъ онъ по меньшей мѣрѣ не отставалъ въ своей нравственности отъ животнаго, гдѣ возможно сближеніе между этимъ послѣднимъ и нами; но такое требованіе, повторяемъ, составляетъ лишь крайній минимумъ, такъ какъ оно, кромѣ того, по преимуществу обязываетъ человѣка стремиться къ превосходству не только надъ животными, но даже, если можно такъ выразиться, надъ самимъ собой—цивилизація настолько же далека отъ дикаго состоянія, какъ это послѣднее отъ животности. Припомнимъ слова Платона:

«Мы должны, не колеблясь ни минуты, объявить нашимъ гражданамъ, что нельзя допустить, чтобъ птицы и другія животныя имѣли надъ ними преимущество въ этомъ отношеніи. Многія изъ животныхъ, живя въ обширныхъ стадахъ, сохраняютъ чистоту и цѣломудріе, какъ бы совсѣмъ не вѣдая о наслажденіяхъ любви, пока не придетъ время, указываемое для нея природой: съ наступленіемъ этой поры, самецъ выбираетъ себѣ приглянувшуюся ему самку, такъ же, какъ самка самца, и молодая пара начинаетъ жить вмѣстѣ, согласно божескимъ законамъ и справедливости, оставаясь вѣрною своему первоначальному выбору. Итакъ, необходимо, чтобъ наши граждане не отставали отъ животныхъ въ этомъ отношеніи и по возможности превосходили ихъ» *) (*Законы*, томъ II, переводъ на французскій Шове и Сессе, стр. 105).

Мы не знаемъ, что́ могли бы имѣть ревнивые охранители человѣческаго достоинства противъ приложенія подобныхъ взглядовъ къ различнымъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности въ обще-

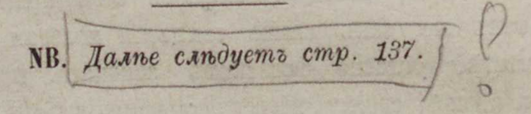
---

*) Это мѣсто—одно изъ тѣхъ, гдѣ натурализмъ Платона счастливо поправляетъ крайности его идеализма. Но противорѣчіе между приведеннымъ нами отрывкомъ изъ *Законовъ* и *Республикой* не абсолютно. Кажется, что Платонъ смотритъ на указанный здѣсь исключительный и постоянный брачный союзъ, какъ на минимумъ нравственной добродѣтели. Идеалъ его *Республики*—человѣческій табунъ.

ствѣ. Намъ не менѣе чѣмъ кому-нибудь дорогъ благородный образъ и высокій удѣлъ нашей расы; но мы могли бы только восторгаться, если бы кто-нибудь, послѣ прочтенія этой книги, сказалъ нѣчто вродѣ слѣдующаго:

«Какъ! Въ обществахъ животныхъ помогаютъ слабымъ, старательно воспитываютъ дѣтенышей, и даже иногда заботятся о престарѣлыхъ; члены одной и той же общины или семьи готовы жертвовать собой другъ за друга безъ малѣйшей надежды на какое-либо вознагражденіе. Не мѣшало бы нѣкоторымъ людямъ относительно нравственности иногда оглядываться въ эту сторону».

Возвышая значеніе животныхъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ повышаемъ и общество человѣка, которое такъ далеко оставляетъ ихъ за собой и такъ неоспоримо надъ ними господствуетъ. Намъ кажется, что наука оказываетъ несравненно большую услугу дѣлу цивилизація, доказывая, что человѣчество составляетъ послѣднюю степень соціальнаго прогресса и что отправная точка этого послѣдняго лежитъ на извѣстномъ возвышеніи, нежели изолируя человѣка среди окружающаго міра и заставляя его царствовать надъ природой, лишенной разума и чувства.

NB. Далѣе слѣдуетъ стр. 137.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Случайныя ассоціаціи или общества между животными разныхъ видовъ.

ПАРАЗИТЫ, НАХЛѢБНИКИ, МУТУАЛИСТЫ.

Сотрудничество, существенная черта всякаго общества, предполагаетъ органическое сродство; однако же несовершенныя общества могутъ устанавливаться между существами, болѣе или менѣе несходными. — Паразитизмъ, какъ одна изъ формъ жизненной конкурренціи; животныя, проявляющія его.—О нахлѣбничествѣ и его переходахъ къ мутуализму (взаимничеству); животныя области, гдѣ они встрѣчаются; ихъ причины.—Прирученіе животнаго человѣкомъ, какъ случай мутуализма съ подчиненіемъ; вѣроятное происхожденіе этого факта.—О прирученіи муравьями травяныхъ вшей; опытъ психологическаго объясненія: безсознательный умственный процессъ или переходъ отъ частнаго къ частному.— Обобщеніе приведенныхъ наблюденій.

Основная суть общества заключается въ постоянномъ сотрудничествѣ отдѣльныхъ живыхъ существъ. Существа эти могутъ быть поставлены въ такія условія, что сотрудничество заставитъ ихъ сгруппироваться въ какомъ-либо мѣстѣ въ опредѣленную форму; но въ сущности, для проявленія согласованныхъ дѣйствій, а слѣдовательно, и для образованія общества, нѣтъ никакой необходимости въ ихъ совмѣстномъ жительствѣ. Взаимный обмѣнъ услугъ между болѣе или менѣе независимыми дѣятелями — вотъ самая характерная черта соціальной жизни, черта, которая не измѣняется существенно отъ приближенія или удаленія, отъ видимаго безпорядка или правильнаго расположенія частей общественнаго организма въ пространствѣ.

Два существа могутъ представлять на видъ одно цѣлое и не только жить въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, но даже взаимно проникать одно въ другое, не образуя однако же никакого общества. Если ихъ дѣятельность стремится къ взаимно противоположнымъ или хотя бы только различнымъ цѣлямъ — этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобъ признать ихъ чуждыми другъ другу. Разъ ихъ функціи, вмѣсто того чтобы сходиться, расходятся, разъ благосостояніе одного основывается на злополучіи другаго — никакая соціальная связь между ними невозможна, какъ бы ни было тѣсно ихъ взаимное соприкосновеніе.

Но природа или характеръ функцій и форма органовъ не отдѣлимы другъ отъ друга. Какъ скоро два существа надѣлены функціями, направленными къ одной и той же цѣли, — они обладаютъ и органами, если не подобными, то по меньшей мѣрѣ соотвѣтственными между собой. Существа же, надѣленныя такими органами, или принадлежатъ къ одному и тому же виду, или относятся къ видамъ, весьма близкимъ. Въ большинствѣ случаевъ общество составляется только между животными одного и того же вида.

Встрѣчаются однако же такія обстоятельства, когда два животныхъ, обладающихъ различными органами и относящихся даже къ весьма отдаленнымъ видамъ, могутъ быть случайно полезными другъ другу въ какомъ-либо извѣстномъ отношеніи. Въ такомъ случаѣ между ихъ дѣятельностью можетъ установиться нѣкоторая взаимность, но только именно въ одномъ сказанномъ отношеніи и до тѣхъ поръ, пока существуетъ обоюдная польза. Здѣсь мы видимъ передъ собой примѣръ не общества, но нѣкоторой ассоціаціи, т. е. союза, менѣе необходимаго, менѣе тѣснаго и продолжительнаго, чѣмъ первый изъ нихъ, — союза, вытекающаго изъ различнаго рода случайностей. Итакъ, на ряду съ обществами, составленными изъ элементовъ, по самой своей природѣ родственныхъ между собой и которые не могутъ жить другъ безъ друга, существуютъ еще комбинаціи чисто случайныя, группирующіяся изъ болѣе или менѣе несходныхъ элементовъ и притомъ не подъ вліяніемъ необходимости, а ради какихъ-либо удобствъ. Мы начнемъ свой обзоръ съ этихъ послѣднихъ.

Изъ отношенiй, какiя могутъ устанавливаться между двумя живыми существами, самыя чуждыя обществу тѣ, которыя существуютъ между хищникомъ и добычей. Обыкновенно хищникъ бываетъ крупнѣе своей жертвы, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ сваливаетъ ее съ ногъ и пожираетъ; однако же встрѣчаются и обратныя отношенiя между аттакующимъ и аттакуемымъ, причемъ мелкiе хищники истребляютъ свою болѣе крупную жертву такъ сказать постепенно, оставляя ей жизнь, съ тѣмъ чтобъ на ея счетъ жить какъ можно дольше самимъ. Въ этомъ случаѣ имъ приходится втеченiе болѣе или менѣе продолжительнаго времени прикрѣпляться къ тѣлу избранной ими жертвы, которая переноситъ ихъ съ собой всюду, куда только ее заводятъ превратности жизни. Такiя животныя извѣстны подъ именемъ паразитовъ. Паразитизмъ составляетъ предѣльную черту, отъ которой начинается предметъ нашего изслѣдованiя, потому что если представить себѣ, что паразитъ вмѣсто извлеченiя для себя пищи изъ самого животнаго, станетъ довольствоваться его отбросами, или—выражаясь болѣе фигурально—остатками отъ его трапезы, то мы будемъ имѣть передъ собой хотя и не настоящее общество, но условiя, наполовину создающiя подобный союзъ: здѣсь отношенiя между двумя существами исключаютъ всякiй антагонизмъ и каждое изъ нихъ становится взаимно полезнымъ для другаго. Таковъ именно комменсализмъ (нахлѣбничество). Однако ассоцiацiя этого рода не представляетъ еще существеннаго элемента всякаго общества, а именно—сотрудничества. Сотрудничество являлось бы здѣсь лишь тогда, если бы нахлѣбникъ былъ не менѣе полезенъ своему хлѣбодару, чѣмъ этотъ послѣднiй нахлѣбнику, если бы оба они имѣли интересъ постоянно поддерживать свои взаимныя отношенiя и развивать свою обоюдную дѣятельность, направляя ее къ одной и той же общей цѣли. Такой родъ отношенiй называется мутуализмомъ или взаимничествомъ. Прирученiе, какъ мы увидимъ далѣе, составляетъ лишь одну изъ его формъ. Паразитизмъ, комменсализмъ и мутуализмъ встрѣчаются между животными различныхъ видовъ. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ фактовъ и постараемся опредѣлить ихъ значенiе съ точки зрѣнiя соцiальной философiи.

Первое затрудненіе является въ точномъ опредѣленіи самаго факта паразитизма. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Ванъ-Бенеденъ далеко не сказалъ послѣдняго слова: граница, которую онъ установилъ между комменсализмомъ и паразитизмомъ, неустойчива и неопредѣленна. Если мы будемъ смотрѣть на паразитизмъ, какъ на особый случай борьбы за существованіе, т. е. какъ на фактъ вражды между двумя расходящимися существами, то онъ покажется намъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ случаевъ послѣ полнаго поглощенія слабаго сильнымъ *). Актъ пожиранія добычи живою и постепенно, по своему существу, ничѣмъ не отличается отъ умерщвленія жертвы и поглощенія ея заразъ и уступаетъ ему лишь въ рѣзкости проявленія одного и того же факта. Съ этой точки зрѣнія, весьма легко провести раздѣлительную черту между той и другой группою явленій. Если животное, вмѣсто того чтобы пребывать въ тканяхъ другаго существа и полостяхъ его тѣла, или даже временно находиться на поверхности его органовъ, т. е. питаться его собственными соками, будетъ постоянно жить внѣ этого послѣдняго, довольствуясь частью собираемыхъ или оставляемыхъ имъ продуктовъ, — оно перестаетъ быть паразитомъ и дѣлается нахлѣбникомъ. Здѣсь жизненная борьба проявляется уже менѣе энергично и переходитъ изъ чисто непріятельскихъ отношеній, такъ или иначе угрожающихъ жизни, въ соперничество, которое въ свою очередь уступаетъ мѣсто простому нищенству.

Подойдемъ ближе къ фактамъ. Есть два класса паразитовъ— внутренностные и наружные или накожные. Но прежде чѣмъ говорить о тѣхъ и другихъ изъ нихъ, упомянемъ о паразитахъ, живущихъ въ яйцахъ животныхъ. Очевидно, что этотъ фактъ всего болѣе приближается къ простой охотѣ, такъ какъ между разрушеніемъ животнаго въ яйцѣ и истребленіемъ его, когда оно уже вылупилось—разница небольшая. Это тотъ же самый актъ, но совер-

---

*) «Пока существованіе одной части необходимо для существованія другихъ, пока эта часть будетъ какимъ-либо образомъ полезна для нихъ, ее нельзя назвать паразитомъ: она становится имъ лишь съ того момента, когда сдѣлается *чуждой* или *вредной* для тѣла". (Вирховъ, *Целлюлярная патологія*, глава XXXI).

шенный нѣсколько раньше наступленія развитія. Обезьяна и ужъ, поѣдающіе яйца птицъ, конечно не паразиты. Роль ихъ въ данномъ случаѣ — роль настоящихъ хищниковъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о піявковыхъ, которыя помѣщаются подъ хвостомъ гомаровъ, между самыми ихъ яйцами. И такъ, оставимъ факты, гдѣ война моментально достигаетъ своего высшаго напряженія, оканчивающагося смертью и поглощеніемъ жертвы, и займемся другими, гдѣ эта борьба, будучи менѣе острою, дѣлается хронической, потому что ведется исподволь внутри живой жертвы. Личинка наѣздника (ихневмона), пожирающая жиръ и мускулы гусеницы капустной бабочки, всего ближе вводитъ насъ въ міръ паразитизма. Но въ самой наивысшей силѣ паразитизмъ проявляется въ глистахъ. Они живутъ въ тканяхъ или полостяхъ. Между первыми укажемъ на паукообразныхъ и ракообразныхъ изъ семейства лерней, изъ которыхъ одни проникаютъ въ ткани и внутренность оболочниковъ и производятъ тамъ серьезныя разстройства *); другіе забираются въ самыя кости нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ **), третьи наконецъ, какъ корни, внѣдряются въ кожу и даже въ глазное яблоко китообразныхъ и акулъ. Сюда же слѣдуетъ отнести двуустокъ (distomes), живущихъ, смотря по разновидностямъ, въ печени жвачныхъ или въ печени кита; — пузытчатую глисту, избирающую своимъ жилищемъ брюшину быка или свиньи; — свайника, находимаго въ почкахъ лошади, собаки, а иногда и человѣка; — струнца (filaire), заходящаго по временамъ цѣлыми дюжинами въ сердце собакъ и т. д., и т. д. Нельзя однако же не замѣтить, что всѣ подобныя проникновенія даже въ самое сердце противника не влекутъ за собой смертнаго исхода. Что касается до глистъ, живущихъ въ полостяхъ, то они не всегда безопасны ***); по крайней мѣрѣ ихъ присутствіе причиняетъ несомнѣнныя болѣзни. Во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ смѣло утверждать, что они по-

---

*) Giard. *Thèse sur les Synascidies*, 1872, стр. 54, 55 и 56.

**) Van Beneden. *Parasites et commensaux*, въ разныхъ мѣстахъ. См. стр. 94, гдѣ приведено большое количество аналогичныхъ случаевъ; авторъ смотритъ на нихъ, какъ на простыя случайности.

***) См. Bouchut. *Maladies de l'enfance*, стр. 557 и слѣд.

лезны для своего хозяина: залегая возлѣ отверстій, они перехватываютъ поступающія въ его животную экономію пищевыя вещества или своимъ размноженіемъ производятъ въ его организмѣ серьезныя разстройства то мѣстныя, то отраженныя. Затѣмъ идутъ накожные паразиты. Говорятъ, что они какъ будто служатъ туалету животныхъ, которыя ихъ на себѣ носятъ, такъ какъ питаются ихъ кожными отдѣленіями. Таковы caligus'ы, находимые въ весьма большомъ числѣ на кожѣ морскихъ рыбъ, и клещи, несчетно плодящіеся на птицахъ. Мы не думаемъ, чтобъ рыбы сколько-нибудь *терпѣли* отъ нормальной слизи, покрывающей ихъ кожу, а слѣдовательно, и не можемъ допустить, чтобы, напр., треска не страдала отъ присутствія caligus'овъ, которыхъ, по словамъ Ванъ-Бенедена, на ея тѣлѣ болѣе, чѣмъ самыхъ чешуй. Причиняютъ ли птицамъ какое-нибудь неудобство ихъ накожныя отдѣленія? Это представляется сомнительнымъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что паразиты доставляютъ имъ очень мало удовольствія: большинство изъ нихъ принуждено бываетъ кататься по землѣ, купаться въ пыли, чтобъ только избавиться отъ своихъ туалетмейстеровъ; другія, какъ напр. журавль, садясь на яйца, обмазываются грязью, такъ какъ въ это время—время неподвижности—они подвергаются усиленнымъ нападеніямъ со стороны паразитовъ. Находятся люди, которые утверждаютъ, что накожные паразиты приносятъ пользу млекопитающимъ. Но къ чему только они не прибѣгаютъ, чтобъ вывести ихъ и освободиться отъ ихъ услугъ? Свиньи и носороги вымазываются тиной, буйволы погружаются по самыя ноздри въ нарочно устраиваемыя ими съ этой цѣлью ванны (mares), собаки и кошки выгрызаютъ ихъ зубами, обезьяна выцарапываетъ ногтями, а сѣверные олени переселяются на далекія разстоянія (Бремъ, *Жизнь животныхъ*, томъ II). Судя по дѣйствіямъ, производимымъ ими на человѣка, можно сказать, что если они оказываютъ какія-нибудь услуги, то услуги эти обходятся черезчуръ дорого. Вообще, паразитизмъ можетъ быть безвреднымъ только случайно; нормальная же его роль сводится къ несомнѣнному вреду. Ничего не можетъ быть дальше отъ общественныхъ связей, какъ отношенія двухъ животныхъ, изъ которыхъ одно питается самымъ суще-

ствомъ другаго. Съ физіологической точки зрѣнія, функціи паразита діаметрально противоположны отправленіямъ его жертвы; съ психологической же, онъ входитъ въ сознаніе этой послѣдней, только какъ причина неудобствъ, боли и страданій,—другой не менѣе явный знакъ взаимной противоположности. Искать гармоніи тамъ, гдѣ господствуетъ самая безпощадная борьба, значитъ предаваться болѣе смѣлому, чѣмъ благоразумному оптимизму.

Но паразитизмъ вредитъ не только жертвѣ, а и самому паразиту, по крайней мѣрѣ если не прямо отдѣльному индивиду, то, наслѣдственнымъ путемъ, цѣлому виду. Тѣ изъ нихъ, которые залегаютъ въ тканяхъ, испытываютъ тамъ такія деградаціи (разсовершенствованія), что часто бываетъ трудно опредѣлить ихъ настоящее зоологическое родство. Такъ какъ они не имѣютъ нужды искать себѣ пищи и получаютъ ее совершенно готовою, то для нихъ не существуютъ цѣлые отдѣлы жизненныхъ отправленій, вслѣдствіе чего соотвѣтствующіе этимъ послѣднимъ органы постепенно атрофируются. Нѣкоторые изъ лерней (ракообразныя), проводящія часть своей жизни въ свободномъ состояніи, внезапно понижаются на нѣсколько зоологическихъ ступеней, какъ только наступаетъ паразитическая фаза ихъ жизни (V. Beneden, то-же сочиненіе, стр. 135). Общественная жизнь и паразитизмъ относятся между собой, какъ два антипода: въ то время, какъ первая изъ нихъ характеризуется взаимной пользой и совершенствованіемъ, этотъ послѣдній производитъ соотносительное пониженіе жизненной силы въ животномъ, которое ему подвергается, и уменьшеніе сложности въ организаціи того, которое его практикуетъ.

Если мы станемъ искать новыхъ разъясненій природы этого факта въ его происхожденіи и распредѣленіи, то тотчасъ же увидимъ, что это послѣднее не подчинено никакому гармоническому закону. Изъ того, что нѣкоторые кольчатые черви, живущіе на млекопитающихъ, обладаютъ болѣе высокой организаціей, чѣмъ другіе, живущіе на низшихъ животныхъ, нельзя еще вывести общаго закона, который бы устанавливалъ прямое отношеніе органической сложности между паразитомъ и его жертвой. Этотъ частный фактъ удовлетворительно объясняется различными условіями существованія

въ томъ и другомъ случаѣ, не говоря уже о томъ, что можно подобрать бездну другихъ фактовъ, находящихся съ такимъ закономъ въ полномъ противорѣчіи. На млекопитающихъ живутъ паразиты всѣхъ возможныхъ ступеней, начиная отъ клѣточки раковой опухоли и окончательно выродившихся паукообразныхъ до самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ блохъ. Изъ общаго распредѣленія паразитовъ выясняется сколько нибудь точно лишь одинъ законъ, а именно, что наиболѣе слабые и наименѣе крупные виды примощаются къ видамъ наиболѣе сильнымъ и крупнымъ *). Начиная съ класса рыбъ, по направленію вверхъ, явленія паразитизма становятся рѣдки и, напротивъ, учащаются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше мы будемъ отходить отъ него въ противоположную сторону.

Виды, побѣждаемые въ открытомъ бою жизненной конкурренціи, пытаются поддержать его въ скрытой формѣ, болѣе подходящей къ ихъ слабымъ силамъ. Отсюда тѣ всеобщія и постоянныя нашествія, которыя дѣлаются низшими животными на своихъ побѣдоносныхъ соперниковъ, нашествія часто утомительныя, а иногда и крайне опасныя. Цивилизація умѣетъ справляться съ ними, хотя не безъ чувствительныхъ для себя возмездій, свидѣтельствомъ чего можетъ служить трихинная зараза послѣднихъ лѣтъ, къ которой, быть можетъ, слѣдуетъ присоединить эпидеміи оспы, холеры и тифа, не говоря уже о чумѣ. Но тамъ, гдѣ цивилизація слаба, мелкіе враги становятся страшными. Извѣстно напр., какъ часто дѣти на африканскихъ берегахъ Средиземнаго моря теряютъ зрѣніе отъ безпрестаннаго нападенія на нихъ мухъ. Въ Мексикѣ, Кайеннѣ **) и Бразиліи—мухи, въ Гвіанѣ—песочная блоха, у полюса и въ жаркихъ странахъ—москиты держатъ въ осадѣ животныхъ и человѣка. Муха Цеце долго еще будетъ препятствовать заселенію нѣкото-

*) „Спороцисты, редіи и церкаріи, свободные или закистованные, почти исключительно живутъ въ безпозвоночныхъ животныхъ, тогда какъ соотвѣтствующіе имъ сосальщики встрѣчаются, напротивъ, въ животныхъ позвоночныхъ, которыя пожираютъ этихъ безпозвоночныхъ". (Huxley. *Eléments d'anatomie comparée des animaux invertébrés*, стр. 115).

**) Girard. *Métamorphoses des insectes*, стр. 309: *Lucilia hominivora*. Впрочемъ эта муха бываетъ паразитомъ только случайно.

рыхъ мѣстностей центральной Африки. Я оставляю въ сторонѣ случаи косвенной борьбы, гдѣ противники, иногда невидимые, нападаютъ уже не на животныхъ, а на продукты, необходимые для ихъ жизни: развѣ саранча менѣе губительна для человѣка, чѣмъ нашествіе непріятеля? Но это относится къ извѣстной намъ области комменсализма.

Итакъ, соціологическое значеніе паразитизма выступаетъ теперь передъ нами съ достаточной ясностью: онъ является продолженіемъ борьбы за существованіе, которую поддерживаютъ противъ новыхъ видовъ высшей организаціи низшіе давнишніе аборигены, вытѣсняемые эволюціоннымъ потокомъ изъ своихъ прежнихъ владѣній. Способъ, какимъ онъ развивается, не имѣетъ въ себѣ ничего загадочнаго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли удивляться тому, что пузырчатая глиста зайца и кролика дѣлается ленточной въ кишкахъ собаки, что то же самое происходитъ съ пузырчатой глистой овцы въ кишкахъ волка или собаки и съ глистами мыши, попавшими въ кишки кошки? *). Странно было бы только обратное. Такая послѣдовательность, вытекающая изъ обстоятельствъ, измѣняется вмѣстѣ съ ними **). Если организмъ будетъ постоянно принимать одно и

---

*) Глисты не встрѣчаются одновременно въ пузырчатомъ и ленточномъ состояніи у одного и того же животнаго; но первая форма развивается у животныхъ, служащихъ добычей для тѣхъ, у которыхъ она переходитъ въ ленточную. (Huxley. *Eléments d'anatomie comparée des animaux invertébrés*, стр. 120). Гексли даетъ слѣдующую таблицу:

Пузырчатая форма:		*Ленточная форма:*	
Пузырчатая глиста клѣтчатки . .	: свинья.	Солитеръ. . . .	: человѣкъ.
Гороховид. глиста	: кроликъ.	Цѣпень зубчатый .	: собака, лисица.
Пуз. лентовидная глиста . . .	: крысы и мыши.	Цѣпень кашачій .	: кошка.
Мозговикъ овечій.	: мозгъ барана.	Цѣпень мозговика .	: собака.
Гидатида или эхинококъ . . .	: человѣкъ, домашнія копытныя.	Цѣпень эхинокока.	: собака.

**) „Всякій паразитъ имѣетъ своего хлѣбодара...; но это не значитъ, что онъ долженъ погибнуть, если не найдетъ своего обычнаго жилища. Онъ можетъ жить нѣкоторое время на счетъ своего ближняго и перейти въ его паразита". Существуютъ и паразиты, такъ сказать, космополитическіе. Напр., столь обыкновенная у дѣтей *червеобразная аскарида* встрѣчается также у быка, осла или свиньи. *Distoma hepaticum*, пара-

то же мясо въ сыромъ или недожаренномъ видѣ, то въ немъ могутъ появиться тѣ же паразиты, какіе встрѣчаются въ этомъ послѣднемъ. Такимъ образомъ кишки человѣка дѣлаются случайнымъ, а иногда даже и постояннымъ мѣстопребываніемъ ленточныхъ глистъ, которыя, кажется, не свойственны имъ. Внутренностныя глисты, какъ и всѣ животныя, захватываютъ добычу, если она приходится имъ по вкусу; правда, у нихъ есть также и свои вкусовыя антипатіи, такъ что онѣ облюбовываютъ извѣстныя средины преимущественно передъ другими, находя тамъ болѣе матеріала, удовлетворяющаго ихъ потребностямъ; но подъ давленіемъ необходимости, онѣ могутъ переносить свою резиденцію и въ новыя мѣста. «Кто же, восклицаетъ Ванъ-Бенеденъ, говоря о пузырчатой глистѣ мыши, довершающей свое развитіе во внутренностяхъ кошки, кто начерталъ этотъ планъ и указалъ путь, которымъ этотъ паразитъ только и могъ найти свое жилище? Конечно уже не ленточная глиста и не кошка». И однако же нельзя сомнѣваться, что виновники этого «плана» — именно они: едва ли будетъ сколько-нибудь смѣлымъ предположить, что кошка, пожирая мышь, и ленточная глиста, примащиваясь въ кишкахъ кошки, чтобъ получить тамъ возможно удобнѣе свою окончательную форму, способствовали съ своей стороны этому «плану», весьма впрочемъ простому. Здѣсь инстинктъ сводится къ наименьшей степени своей сложности.

Какъ только паразитизмъ, оставляя ткани и полости, начинаетъ перемѣщаться къ отверстіямъ и, слѣдовательно, становиться менѣе вреднымъ, онъ все болѣе и болѣе впадаетъ въ комменсализмъ. Между комменсалистомъ и подателемъ его благъ разница менѣе значительна, чѣмъ между паразитомъ и его жертвой. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній, лишенный необходимыхъ органовъ, бываетъ неспособенъ самъ отыскивать себѣ добычу. Напротивъ, нахлѣбникъ получаетъ свою пищу только наполовину готовою; для

зитъ, въ особенности свойственный барану, можетъ заходить въ печень человѣка, козы, кролика, бѣлки, осла, свиньи, быка, оленя, изюбра, различныхъ антилопъ и. т. д.“. (V. Beneden. *Parasites et Commensaux*, стр. 91). Что станется, въ виду такихъ фактовъ, съ предустановленнымъ планомъ, который провозглашается авторомъ цитируемой нами книги?

того, чтобъ овладѣвать ею, онъ уже долженъ изощрять въ себѣ нѣкоторую способность пониманія и движенія; вслѣдствіе этого онъ приближается къ животному, которое умѣетъ само удовлетворять своимъ потребностямъ и отъ котораго онъ заимствуетъ себѣ пищу. Однако же въ этихъ отношеніяхъ между двумя существами, гдѣ вся выгода находится на одной сторонѣ, даже въ томъ случаѣ, когда другая сторона не испытываетъ при этомъ ни малѣйшихъ неудобствъ, нѣтъ еще мѣста ни для какого общества.

Самые вредные изъ комменсалистовъ тѣ, которые питаются при своемъ рожденіи пищевыми запасами, собираемыми материнской предусмотрительностью около яицъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ; большинство же остальныхъ менѣе опасны. Въ морскихъ глубинахъ явленія комменсализма не могли еще быть тщательно изслѣдованы: паразита всегда вытаскиваютъ изъ воды вмѣстѣ съ его жертвой, но комменсалистъ избавленъ отъ этой участи. Однако нѣкоторыя постоянныя сосѣдства, напр. между акулой и лоцманомъ, ракомъ-отшельникомъ и его кольчатымъ червемъ, показали, что другой причины для подобной связи, кромѣ комменсализма, по видимому, нѣтъ. Многія животныя, и между прочимъ ракообразныя, питаются изверженіями рыбъ и очищаютъ воды отъ этихъ нечистотъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ на сушѣ нѣкоторыя насѣкомыя относительно помета млекопитающихъ. Есть такія насѣкомыя, присутствіе которыхъ въ муравейникѣ не вызываетъ никакого безпокойства со стороны его обитателей, хотя эти насѣкомыя, повидимому, не оказываютъ имъ никакой услуги (самыя замѣчательныя изъ нихъ бѣлыя мокрицы). Безъ сомнѣнія, они имѣютъ интересъ жить въ компаніи съ муравьями, но какой именно, это пока еще не выяснено надлежащимъ образомъ. Всего болѣе собрано фактовъ комменсализма между птицами. Кто не знаетъ, напримѣръ, о подворахъ, этихъ береговыхъ птицахъ, которыя гоняются за чайками, поморниками, чегрявами и буревѣстниками, выхватываютъ у нихъ добычу и пользуются ею, какъ своимъ собственнымъ пріобрѣтеніемъ. Такимъ же образомъ и фрегатъ поступаетъ относительно олуши. Коршунъ живетъ остатками отъ трапезы сокола, а этотъ послѣдній часто бываетъ принужденъ уступать плоды своего хищничества бѣлоголовому

орлу. Пагофилъ извѣстенъ, какъ настоящій комменсалистъ моржей. Чайки, выслѣживая дельфиновъ, во время ихъ охоты за нѣкоторыми рыбами, по свидѣтельству Ролена, часто перехватываютъ у нихъ добычу. Чибесъ производитъ свои провіантмейстерскія экскурсіи въ самой пасти крокодила, охотясь за квартирующими тамъ паразитами; такую же услугу оказываютъ слонамъ buphago africa: эти бѣлыя птички располагается стаями отъ 15 до 20 штукъ на его спинѣ и среди самыхъ беззаботныхъ забавъ поклевываютъ беспокоящихъ его мелкихъ хищниковъ. Нѣчто подобное практикуютъ и другія птицы, какъ напр. нашъ скворецъ, коммандоръ и алекто, причемъ послѣдній изъ нихъ, обязанный своимъ дневнымъ пропитаніемъ благосклонной снисходительности буйвола, не довольствуется очищеніемъ его отъ паразитовъ, но оказываетъ ему еще другую услугу, давая знать о приближающейся опасности. Такой же услугой пользуется и носорогъ со стороны клещеядцевъ (Ani). Здѣсь уже начинается настоящая ассоціація съ характеромъ взаимности. Но прежде чѣмъ перейти къ этой новой группѣ фактовъ, отмѣтимъ комменсалистовъ изъ плотоядныхъ, каковы шакалъ, ястребъ, и наконецъ, многочисленныхъ нахлѣбниковъ человѣка, начиная отъ ветчиннаго кожеѣда и кончая кошкой и мышью.

Борьба за существованіе, сначала непосредственная, прямая, а потомъ косвенная, уступаетъ мѣсто союзу для существованія, часто имѣющему цѣлью возможно лучше вести самую борьбу. Здѣсь намъ представляется нѣчто новое: сознанія, удаленныя другъ отъ друга въ большей или меньшей степени паразитизмомъ и комменсализмомъ, сходятся на взаимности вслѣдствіе тождества представленій, которое влечетъ въ свою очередь общность опасеній и надеждъ. Эта послѣдняя группа явленій можетъ устанавливаться только у высшихъ видовъ, для которыхъ уже доступны довольно сложные умственные процессы. Укажемъ на извѣстные намъ факты этого рода.

Всякій разъ, когда въ одной мѣстности собирается много птицъ разныхъ видовъ, имѣющихъ сходные нравы (habitudes), между тѣми изъ нихъ, которые не имѣютъ основанія бояться другъ друга, а напротивъ, должны опасаться общихъ враговъ—скоро устанавливается извѣстная взаимность отношеній. Птицы, обитающія въ ро-

щахъ и равнинахъ, охотно соединяются въ общія стаи, напр. подорожники съ жаворонками, зябликами и дроздами; канадская спизелла—съ зябликами и подорожниками; лапландская пуночка—съ жаворонками, сорока—съ во́ронами и воро́нами, пѣвчій дроздъ—съ черными дроздами, корольки—съ поползнями, зябликами, простыми и черносѣрыми синицами, пестрый дятелъ—съ пищухами, синицами и корольками. Болотныя и береговыя птицы—долгоножка и шилоклювъ, цапли и чепуры, болотные кулики, зуйки и бекасы, также составляютъ постоянныя группы внѣ любовнаго сезона. Причина такихъ союзовъ весьма проста. Каждая изъ этихъ птицъ понимаетъ болѣе или менѣе ясно, что ея сила значительно увеличивается отъ соединенія съ товарищами: нужно ли обозрѣвать окрестность—наблюденія многихъ птицъ по разнымъ направленіямъ представляютъ для того несравненно лучшую гарантію, чѣмъ отдѣльныя дѣйствія одного индивида; нужно ли бороться съ врагомъ—соединенныя средства защиты всей стаи, конечно, не могутъ идти и въ сравненіе съ оружіемъ отдѣльнаго члена. Для составленія такихъ ассоціацій не требуется никакихъ ни принужденій, ни договоровъ—каждый добровольно, по собственному побужденію, идетъ на встрѣчу своимъ товарищамъ-сосѣдямъ и стая образуется какъ бы сама собою. Далѣе мы увидимъ, что́ именно скрѣпляетъ эти связи. Когда лисица рыскаетъ за добычей и сойки или черные дрозды испускаютъ крикъ, то крикъ этотъ бываетъ чисто самопроизвольный, служа выраженіемъ ихъ безпокойства при видѣ хищника. Но другія птицы, заслышавши этотъ тревожный крикъ, конечно стараются узнать его причину и открывъ врага, въ свою очередь начинаютъ держаться насторожѣ.

Чѣмъ бо́льшее число разъ повторялись эти явленія, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе дѣлалась связь между предостерегающимъ крикомъ и представленіемъ опасности, такъ что птицы стали, наконецъ, улетать по первому сигналу. Перцеядцы (Tocks) въ Африкѣ оказываютъ такую же услугу нѣкоторымъ тамошнимъ птицамъ, когда появляется змѣя или леопардъ, причемъ этими предостереженіями пользуются и антилопы. Крикъ пигалицы поднимаетъ всѣхъ береговыхъ птицъ, которыя его слышатъ. Страусъ признается

за неусыпнаго охранителя стадъ газелей, зебръ и кваггъ; такимъ же образомъ жирякъ или абиссинскій даманъ, самъ того не сознавая и заботясь только о себѣ, предохраняетъ ящерицу и ихневмона, которые внимательно слѣдятъ за его движеніями. Эти послѣдніе факты не могутъ дать начала обществу, такъ какъ въ нихъ нѣтъ взаимности. Предупредитель, стоящій выше и лучше одаренный, чѣмъ его зоологическіе protégés, по большей части, не имѣетъ никакой нужды въ ихъ содѣйствіи, да къ тому и эти послѣдніе въ свою очередь могутъ въ нѣкоторой степени его бояться, какъ это напр. бываетъ съ нашими мелкими птичками въ присутствіи сороки. Но если тѣ же явленія происходятъ *между птицами, имѣющими нужду другъ въ другѣ и не опасающимися одна другой* — онѣ неизбѣжно соединяются; привычка довершаетъ остальное. Находясь постоянно вмѣстѣ, беспрестанно приглядываясь и прислушиваясь другъ къ другу, ассоціируя въ своихъ мысляхъ эти представленія съ чувствомъ безопасности, которую они имъ внушаютъ, члены стаи уже не могутъ отдѣляться отъ своихъ товарищей безъ потери чего либо въ своемъ собственномъ личномъ мірѣ и одно болѣе могущественное чувство половаго влеченія въ состояніи принудить ихъ къ разсѣянію съ наступленіемъ весны *).

*) Читатель увидитъ, что мы различаемъ далѣе двѣ главныя причины, способствующія образованію обществъ: съ одной стороны болѣе или менѣе сознаваемая выгода или польза, т. е. инстинктъ самосохраненія и съ другой — симпатія. Здѣсь, въ случайныхъ обществахъ, преобладающимъ мотивомъ, кажется, является выгода. Симпатія только укрѣпляетъ связи, которыя устанавливаются подъ вліяніемъ этой послѣдней. Кромѣ того, она не позволяетъ слагаться въ общества какимъ ни попало животнымъ: прочно и тѣсно соединяются между собой только тѣ изъ нихъ, которыя, имѣя къ тому интересъ, способны испытывать симпатію другъ къ другу. Иначе намъ приходилось бы видѣть самыя разнокалиберныя ассоціаціи. Что касается нормальныхъ общественныхъ союзовъ между животными одного и того же вида, то мы, напротивъ, полагали необходимымъ отвести первую роль въ ихъ образованіи вліяніямъ симпатіи, причемъ инстинктъ самосохраненія является лишь посредствующимъ элементомъ, въ качествѣ скрѣпляющаго цемента. Впрочемъ симпатія, въ сущности, есть ничто иное, какъ стимулъ будущей пользы, хотя и не сознаваемой животными, чувствующими привязанность или влеченіе другъ къ другу. Въ этомъ отношеніи она вполнѣ подчинена закону развитія.

Трудно, чтобъ, при постоянной совмѣстной жизни многихъ существъ, между ними не проявились различія и чтобъ ихъ отношенія, сначала вполнѣ одинаковыя, не специализировались, смотря по способностямъ и особенностямъ индивидовъ. Мы видимъ также, что многія изъ этихъ стай даютъ зачатки общественной организаціи.

Укажемъ только на одинъ примѣръ такого рода. Кулики, вступающіе въ товарищество съ самыми мелкими береговыми птицами, пріобрѣтаютъ среди этихъ послѣднихъ какъ бы нѣкоторый авторитетъ. Они подражаютъ всѣмъ ихъ дѣйствіямъ. Движенія и крики кулика руководятъ всей стаей. Единственная разница между этой формой ассоціаціи и предыдущей состоитъ въ томъ, что, благодаря превосходству кулика, представленія и чувства другихъ птицъ, вмѣсто того чтобъ быть только взаимными, являются подражательными и относятся всѣми къ одному и тому же члену стаи. Что касается до совершенно особаго чувства удовлетворенія, которое испытываетъ куликъ при такой гегемоніи, то мы просимъ у своихъ читателей позволенія отложить объясненіе этой стороны явленія до болѣе благопріятнаго времени. Укажемъ только на частое проявленіе подобныхъ чувствъ между домашними животными. Нѣтъ такого птичника, который не имѣлъ бы своего большака, какъ бы различны ни были его обитатели. На этой именно наклонности однихъ къ господству, а другихъ къ подчиненію и основанъ практикуемый въ Гвіанѣ обычай употреблять агами въ качествѣ надсмотрщика за домашними птицами. Такимъ же образомъ въ Африкѣ сѣрый журавль исполняетъ должность вожака въ стадѣ барановъ, а собака повсемѣстно помогаетъ человѣку управляться съ крупнымъ и мелкимъ скотомъ.

Прирученное состояніе само по себѣ есть самая высшая форма мутуализма, какая только возможна между различными видами, потому что она предполагаетъ подчиненіе. Подчиненіе и организація—это одно и то же. Здѣсь передъ нами является ассоціація, поддерживаемая добровольно той и другой стороной — элементарное условіе всякой взаимности; но она допускаетъ, сверхъ того, власть со стороны одного изъ членовъ этой ассоціаціи, и эта власть, вполнѣ

признаваемая другими, позволяетъ ему утилизировать ассоціацію въ свою пользу. Онъ составляетъ ея главу и цѣль.

Если мы говоримъ, что прирученіе есть *добровольная* ассоціація, то это не значитъ, чтобы оно было *такимъ* сообществомъ и въ самомъ началѣ. Неизвѣстно въ точности, какимъ образомъ наши теперешнія домашнія животныя были приручены первобытнымъ человѣкомъ; да это едва ли когда-нибудь и будетъ извѣстно. Но мы можемъ представить себѣ этотъ важный поворотный пунктъ въ судьбахъ человѣчества путемъ аналогіи. Нѣкоторые виды животныхъ приручены еще не вполнѣ—они наполовину домашніе, наполовину дикіе, и власть человѣка надъ ними, постоянно оспариваемая, принуждена и въ наше время стремиться къ покоренію культивируемыхъ имъ видовъ. Ничто не не мѣшаетъ намъ полагать, что средства, употребляемыя имъ теперь для укрѣпленія или возобновленія своего господства надъ этими послѣдними, мало отличаются отъ тѣхъ, которыя ему служили нѣкогда для ея установленія. Мы видимъ, что въ настоящее время всякая попытка къ прирученію начинается принужденіемъ. Человѣкъ, при помощи своей ловкости и отваги, ухитряется связать даже слона, а разъ этотъ великанъ находится въ его власти—онъ до тѣхъ поръ подвергаетъ его наказаніямъ, пока не усмиритъ и не заставитъ повиноваться.

Нѣчто подобное должны были дѣлать первобытные люди для полученія молока отъ дикихъ животныхъ; да и въ наше время лапландцы не иначе управляются съ самками сѣверныхъ оленей, какъ при помощи лассо (Бремъ; также Дарвинъ. *Путешествіе вокругъ свѣта*). Въ Австраліи коровамъ *показываютъ* телятъ и такимъ образомъ приманиваютъ ихъ въ особые станки (вродѣ тѣхъ, которые употребляются при ковкѣ лошадей), гдѣ онѣ не могутъ двигаться. Впослѣдствіи онѣ приходятъ туда сами, чтобъ освободиться отъ своего молока. (De Castella *Tour du monde*, 1861, стр. 116). Но это покореніе отдѣльныхъ индивидовъ не обеспечиваетъ будущаго; его приходится постоянно возобновлять. Прирученіе слона подобнымъ образомъ почти совсѣмъ оставлено. Настоящее прирученіе начинается съ разведенія или вскармливанія. На нашихъ фермахъ, стоящихъ по сосѣдству съ лѣ-

сомъ, зачастую прикармливаютъ волчатъ и вепрятъ. Мысль брать животное молодымъ и вскармливать его, столь обыкновенная въ культурныхъ обществахъ, конечно не могла быть чужда и умамъ первобытныхъ людей. Въ особенности она должна была нравиться женщинамъ, такъ какъ давала имъ возможность, въ формѣ забавы, удовлетворять ихъ материнскимъ инстинктамъ. Если подрастающее животное становилось свирѣпымъ, его убивали; но если оно было способно скрещиваться и приносить дѣтенышей—отъ своихъ ли товарищей по неволѣ или отъ дикихъ собратовъ, разгуливавшихъ на свободѣ—то во власти человѣка могъ оставаться цѣлый рядъ поколѣній, которыя все болѣе и болѣе добровольно признавали надъ собой его главенство. Вѣроятно, что подъ старость вскормленныя животныя и отказывались отъ всякаго общенія съ человѣкомъ, какъ это случается въ Корсикѣ съ приручаемыми муфлонами; но такое явленіе встрѣчается даже въ вольныхъ стадахъ, гдѣ старые самцы почти всегда держатся въ сторонѣ, что́ однако же не мѣшаетъ болѣе молодымъ и уже взрослымъ членамъ оказывать человѣку по временамъ услуги, какихъ онъ отъ нихъ требуетъ.

Итакъ, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что, желая сдѣлать какое-либо животное домашнимъ, человѣкъ вначалѣ дѣйствовалъ принужденіемъ, то на взрослыхъ субъектовъ, то—всего чаще—на дѣтенышей. Обитатели Камчатки принуждены покорять, такъ сказать, каждое поколѣніе собакъ, употребляемыхъ ими для ѣзды: они бросаютъ новорожденныхъ щенятъ вмѣстѣ съ матками въ глубокій ровъ и затѣмъ, когда тѣ выростутъ, долго еще сажаютъ ихъ въ ту же яму послѣ каждой поѣздки.

Послѣ покоренія животнаго является новая задача: необходимо, чтобы человѣкъ примирилъ его съ собой. Съ этой цѣлью онъ пользуется весьма сильной наслѣдственной склонностью, которая встрѣчается, въ свободномъ состояніи, у всѣхъ видовъ домашнихъ животныхъ, а именно инстинктомъ добровольнаго подчиненія болѣе умнымъ и сильнымъ. За исключеніемъ кошки, которая на самомъ дѣлѣ остается скорѣе нахлѣбникомъ, чѣмъ слугой человѣка, всѣ остальныя, какъ-то собаки, бараны, козы, быки, сѣверные олени, лошади, кабаны, слоны, живутъ въ болѣе или менѣе обширныхъ

организованныхъ стадахъ, подчиненныхъ одному главарю. Встрѣчая въ своемъ новомъ господинѣ несравненно высшее превосходство, чѣмъ то которое ихъ заставляло подчиняться «своему брату», они безъ труда оказываютъ ему повиновеніе. Но какъ только человѣкъ пріобрѣлъ нравственную власть надъ нѣкоторыми изъ нихъ, онъ естественно дѣлается главой стада, занимая такимъ образомъ мѣсто прежняго главаря, за которымъ оно слѣдовало, или даже принимая отъ него перваго дань повиновенія, переходящаго путемъ подражанія на все стадо. Мы не знаемъ, насколько далеко можетъ идти сближеніе между пастухомъ и его стадомъ ни въ культурномъ быту (по невниманію къ фактамъ такого «низкаго» порядка), ни въ особенности на границахъ цивилизаціи и варварства. «И что за жизнь ихъ! говоритъ Бремъ (томъ II) о прибрежныхъ лапландцахъ, сопровождающихъ стада сѣверныхъ оленей: они какъ будто совсѣмъ не имѣютъ личной воли и *водятся* своими стадами. Олени идутъ, куда хотятъ, а тѣ только слѣдуютъ за ними. Прибрежный лапландецъ ведетъ жизнь настоящей собаки. Втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, онъ остается почти весь день на открытомъ воздухѣ, страдая лѣтомъ отъ москитовъ, а зимою отъ холода, отъ котораго не можетъ найти себѣ никакой защиты. Зачастую ему также приходится терпѣть отъ голода, такъ какъ олени заводятъ его дальше, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Онъ никогда не умывается и потребляетъ въ пищу самые грубые продукты... Родъ его жизни дѣлаетъ изъ него что-то среднее между человѣкомъ и животнымъ». Я умалчиваю о тѣхъ извращенныхъ инстинктахъ, отъ которыхъ мысль отворачивается съ омерзеніемъ, но проявленіе которыхъ однако же весьма распространено у дикихъ Новой Каледоніи и встрѣчалось также у древнихъ іудеевъ *). Конечно, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобъ подобные факты считались когда-нибудь нормальными; но

---

*) Jacobs. *L'Océanie*, стр. 166; Deuteronome, XXVII, 21.—«Одна изъ пантеръ, находящихся въ звѣринцѣ, обыкновенно злая, позволяетъ приближаться къ себѣ, когда въ ней разгораются извѣстныя *вожделѣнія* и выказываетъ желаніе испытать нѣчто болѣе жгучее... То же самое впрочемъ случается съ бо́льшей частью свирѣпыхъ хищниковъ» (Leuret et Gratiolet. *Anatomie comparée du système nerveux*, томъ I, стр. 478).

они показываютъ, цѣной какого затрапезнаго общенія съ животными человѣкъ успѣлъ заставить ихъ признать свою власть. Если онъ съумѣлъ взять въ свои руки управленіе ихъ обществомъ, существовавшимъ рядомъ съ его собственнымъ, то потому, что вошелъ въ него самъ въ качествѣ господствующаго члена *).

Это объясненіе можетъ имѣть цѣну только въ такомъ случаѣ, если животныя въ самомъ дѣлѣ способны сознавать превосходство человѣка. Но цѣнность его могла бы удвоиться, если бы было доказано, что неясность въ представленіи такого превосходства еще болѣе усиливать это послѣднее и окружаетъ настоящимъ ореоломъ того, кому оно приписывается. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: дикое животное, птица или млекопитающее ясно показываютъ цѣлой массой предосторожностей, принимаемыхъ ими по отношенію къ человѣку, что они понимаютъ силу нашего оружія. Достаточно пройти съ ружьемъ въ рукахъ по лугамъ, покрытымъ тамъ и сямъ тополями и ивами, чтобъ имѣть понятіе о томъ, до какой степени сороки, вóроны, сойки, дятлы, вяхири и хищныя птицы нашихъ странъ становятся при этомъ неувѣренными въ своихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ, собака, видя своего хозяина, выходящаго съ ружьемъ, своей шумной ажитаціей достаточно ясно высказываетъ, чего она ждетъ отъ его экскурсіи. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, оружіе не такъ страшно какъ тотъ, кто его носитъ. Но для животнаго такъ же, какъ для дикаря, орудіе составляетъ одно цѣлое съ тѣмъ, кому оно служитъ: въ ихъ представленіи рисуется не охотничій снарядъ, а охотникъ изрыгающій молніи съ далекаго разстоянія. Отсюда тотъ паниче-

*) F. Cuvier, цитируемый Флурансомъ, и Bouley главный инспекторъ ветеринарныхъ школъ. *Revue scientifique*, 2 мая 1874.—«Животныя, которыя на волѣ живутъ въ обществѣ, вообще легче приручаются, чѣмъ другія. Однако же бываютъ и исключенія. Такъ, медвѣдь, левъ, россомаха, ведущіе изолированную жизнь, способны къ прирученію, между тѣмъ какъ приручить кваггу никому не удавалось, хотя она и живетъ въ стадахъ» (Gratiolet et Leuret стр. 545). Быть можетъ, въ этомъ случаѣ зависимость опредѣляется болѣе умственными способностями, чѣмъ общественностью. Здѣсь встрѣчались бы частые совпаденія, потому что наиболѣе смышленныя животныя, въ большинствѣ случаевъ, и болѣе общественныя.

скій страхъ, который охватываетъ стаи птицъ при одномъ появленіи вдали европейцевъ въ нѣкоторыхъ странахъ Африки и Америки, гдѣ только эти послѣдніе постоянно носятъ съ собой огнестрѣльное оружіе, тогда какъ присутствіе туземца, хотя бы даже вооруженнаго, ни малѣйшимъ образомъ не нарушаетъ ихъ спокойствія (Бремъ, тт. I и II). Орудія первобытнаго человѣка, безъ сомнѣнія, производили на животныхъ подобное же впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось различными средствами укрощенія животныхъ, находившихся въ неволѣ, каковы напримѣръ: оставленіе въ темнотѣ, лишеніе пищи, связываніе и т. д. Чувствительные уроки съ одной стороны и лакомые куски съ другой, раздаваемые одной и той же рукой, умѣющей не только учить, но и карать, мало по малу образуютъ въ сознаніи молодыхъ животныхъ неизгладимое впечатлѣніе, рисующее передъ ними человѣка въ видѣ существа, отъ котораго зависятъ ихъ надежды и опасенія и которое можетъ—если пожелаетъ — повернуть всю ихъ судьбу въ какую угодно сторону. Если прибавить къ этому необыкновенную доброту и высокую энергію, выражающіяся столь краснорѣчиво въ жестахъ, чертахъ и голосѣ обѣихъ половинъ человѣчества, то мы поймемъ, что всякое разумное животное должно смотрѣть на человѣка, какъ на существо, стоящее безконечно выше его, ассоціація съ которымъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ. Это объясняетъ намъ между прочимъ тѣ горячія изліянія нѣжности, тѣ свидѣтельства безусловной преданности, которыя нерѣдко выказываютъ къ своему хозяину животныя, одаренныя въ бо́льшей или меньшей степени способностью выраженія своихъ чувствъ и ощущеній. Ошибочно думать, будто бы одна только собака способна къ подобнымъ изліяніямъ. Кошка, превращаемая нерѣдко изъ приживалки въ любимую компаньонку, поражаетъ иногда характерной выразительностью своихъ движеній. Присѣдая на колѣняхъ своего патрона, она обхватываетъ его лапами и, наклонивъ голову, прижимается къ нему, какъ къ другу. Обезьяна, въ порывѣ нѣжности, осыпаетъ своего хозяина настоящими поцѣлуями и обнимаетъ его колѣна при видѣ его угрозъ. Шимпанзе презрительно относится ко всѣмъ обезьянамъ, но человѣку оказываетъ непод-

дѣльное уваженіе (Бремъ. *Revue Scientifique*, 1874, стр. 973). Въ дикомъ состояніи многія обезьяны дѣлаютъ умоляющіе жесты, чтобы отвратить направленное на нихъ дуло ружья. Будучи покорены, самыя свирѣпыя изъ отряда кошекъ ползаютъ у ногъ побѣдителя. Даже птицы продѣлываютъ нѣчто подобное. Оставляя въ сторонѣ попугаевъ и попугайчиковъ (perruches), слишкомъ хорошо извѣстныхъ изъ повседневной жизни, укажемъ на устрицеѣда, который, по свидѣтельству Наумана, не находитъ другихъ средствъ для выраженія своего благоговѣнія передъ человѣкомъ, кромѣ ласкъ, расточаемыхъ имъ передъ самкой во время любовнаго сезона: онъ затѣваетъ вокругъ него настоящую пляску, сопровождая ее легкими покрикиваніями. Прирученный журавль также пускается въ плясъ передъ тѣмъ, кто его кормитъ, причемъ хлопаетъ крыльями и опускаетъ ихъ внизъ. Если такія выраженія чувствъ получаютъ откликъ со стороны человѣка, то они у нѣкоторыхъ видовъ птицъ переходятъ въ экзальтацію. Если же, напротивъ, свидѣтельства расположенія, которое они такъ цѣнятъ, будутъ обращены къ другимъ, это вызываетъ въ нихъ необыкновенную ревность. Многія собаки кусаютъ дѣтей, которымъ на ихъ глазахъ оказываютъ ласки, не желая, чтобъ этими ласками могъ кто-нибудь пользоваться кромѣ нихъ; другія, видя себя оставленными ради котятъ, перестаютъ ѣсть и чуть не замариваютъ себя голодомъ. О ревности обезьянъ разсказываютъ тысячи примѣровъ; кошка въ подобныхъ случаяхъ проявляетъ истинно комическую угрюмость. Всѣ эти факты тѣмъ болѣе замѣчательны, что животныя, внѣ области половыхъ отношеній, никогда не выражаютъ ревности относительно своихъ собратьевъ. Но человѣкъ составляетъ рѣзкое исключеніе: даже для самыхъ высшихъ представителей животнаго царства онъ представляется особымъ существомъ, имѣющимъ въ себѣ нѣчто царственное и какъ бы сверхъестественное. Неудивительно поэтому, что они охотно признаютъ надъ собою его власть. Не смотря на злоупотребленія, которыми иногда сопровождается его господство надъ своими безсловесными подданными, они никогда не дѣлаютъ попытокъ къ какимъ-либо возстаніямъ, хотя бы даже частнымъ. Одно только бѣшенство, да и то лишь въ своемъ послѣднемъ пе-

ріодѣ, можетъ устремить собаку противъ ея хозяина. Прежде чѣмъ перейти къ этой крайности, она долго удерживаетъ проявленія своей ярости на другихъ собакахъ.

Если смышленность и разумность однихъ животныхъ обезпечиваетъ за человѣкомъ ихъ добровольное сотрудничество, то слабое умственное развитіе другихъ объясняетъ ихъ нерасположеніе къ услугамъ. Конечно, еслибы наши бараны и быки имѣли ясное представленіе объ ожидающей ихъ участи, мы могли бы опасаться съ ихъ стороны общаго возстанія, которое поставило бы насъ, по крайней мѣрѣ на время, въ немалое затрудненіе. Но дѣло въ томъ, что насколько всякое животное боится побоевъ и въ особенности голода, настолько же оно не опасается смерти, потому что ни одно изъ нихъ не имѣетъ объ ней понятія; да и какъ животныя могли бы пріобрѣсти это понятіе, если даже первобытный человѣкъ успѣлъ усвоить его себѣ лишь съ большимъ трудомъ? Тѣмъ болѣе нельзя ожидать, чтобъ жвачныя, далеко не самыя развитыя между млекопитающими, могли даже въ началѣ, еще до вырожденія, которое влечетъ за собой продолжительное прирученіе, ясно понимать причину исчезновенія ихъ товарищей. Во всякомъ случаѣ они скоро забывали свои потери, имѣя ежедневно передъ глазами ясли, обильно снабженныя кормомъ. Каково бы ни было бѣдствіе, но разъ мы о немъ не знаемъ, оно не можетъ насъ безпокоить. Впрочемъ еще не доказано, чтобы въ первыя времена прирученія животныхъ оно имѣло главной цѣлью обладаніе ихъ мясомъ, а не пользованіе ихъ молокомъ и шерстью *).

---

*) Мы не говоримъ о слишкомъ случайныхъ обществахъ, устанавливающихся между жвачными животными и человѣкомъ, и которыя, не переживая перваго поколѣнія сообщниковъ, по большей части исключаютъ возможность воспроизведенія или уничтожаютъ его плоды. Нѣтъ ни одного животнаго, которое страхомъ, лаской, настойчивостью или уходомъ за нимъ нельзя было бы покорить и довести до того, что оно будетъ намъ оказывать какія либо услуги. Типомъ этихъ животныхъ можетъ быть слонъ. Извѣстно, какихъ результатовъ достигаютъ нѣкоторые укротители свирѣпыхъ животныхъ, „заклинатели" змѣй, обучатели птицъ, и всякій изъ насъ еще помнитъ дрессированныхъ блохъ, выдѣлывавшихъ разныя штуки. Леббокъ показывалъ осу, которую ему

Здѣсь насъ ожидаетъ одно возраженіе. Если основное свойство общества состоитъ въ томъ, чтобъ доставлять всѣмъ его сочленамъ возможность взаимнаго усовершенствованія, то какимъ образомъ прирученіе нѣкоторыхъ видовъ можетъ приводить къ ихъ упадку? Замѣтимъ прежде всего, что мы разсматриваемъ здѣсь только несовершенныя общества и что дѣло идетъ пока о мутуализмѣ, т. е. о *частныхъ* взаимныхъ услугахъ: два существа ставятся жизнью въ такое положеніе, при которомъ имъ приходится упражнять двѣ несходныя и даже несоотвѣтственныя функціи, сходящіяся между собой лишь случайно. Но такъ какъ это случайное схожденіе облегчаетъ для нихъ борьбу за существованіе, то они, замѣтивъ это, стараются его упрочить путемъ постояннаго утилизированія. Здѣсь, какъ мы уже говорили, является нѣчто бо́льшее, чѣмъ простой комменсализмъ, но ничего относящагося къ другой общественной категоріи. Это — такъ сказать, двусторонній комменсализмъ. Область общаго въ сознаніи и интересахъ остается всегда ограниченной обоюднымъ употребленіемъ двухъ функцій, которыя послужили соединительнымъ звѣномъ для союза, не допуская однако же отождествленія двухъ существъ въ одномъ. Если же одна изъ этихъ функцій влечетъ за собой извѣстное развитіе общественныхъ инстинктовъ, какъ напр., заботы объ охраненіи и пищѣ постороннихъ существъ, а другая нисколько не соприкасается съ мозговой дѣятельностью, какова способность воспроизведенія и роста, отвѣчающая основнымъ цѣлямъ прирученія животныхъ, назначаемыхъ въ пищу, то эта растительная способность не только подчиняется неизбѣжно умственной функціи, но съ теченіемъ времени провалъ между ними возрастаетъ до того, что взаимность, не исчезая вполнѣ, вырождается въ рабство. Однако же какъ человѣкъ, благодаря этой ассоціаціи и досугу, ко-

---

удалось приручить, а Руже пріучилъ къ себѣ цѣлое гнѣздо шершней. Эти единичные или по меньшей мѣрѣ отрывочные факты конечно не заслуживаютъ изученія въ качествѣ соціальныхъ явленій; но на нихъ можно указать, какъ на добавочные штрихи, служащіе къ уясненію первыхъ шаговъ по пути прирученія. Нѣтъ ни одного умственно одареннаго вида, который бы не подвергался подобнымъ опытамъ, производившимся съ большей или меньшей настойчивостью, смотря по ожидаемой выгодѣ и полученнымъ результатамъ.

торый она ему доставляетъ, становится все болѣе и болѣе способнымъ къ умственной дѣятельности, также точно и по той же самой причинѣ, и животное, служащее ему для пищи, пріобрѣтаетъ все большую и большую способность къ воспроизведенію и росту. Двѣ ассоціированныя функціи взаимно благопріятствуютъ развитію другъ друга; такимъ образомъ каждая изъ сторонъ, вступающихъ между собой въ общеніе сознательно или безсознательно, несомнѣнно выигрываютъ отъ ассоціаціи. Ни быки, ни бараны, ни свиньи, ни кролики, ни домашняя птица никогда не могли бы достичь той степени физическаго благосостоянія и развитія, какую имъ даетъ наша культура и цивилизація, если бы они не сдѣлались домашними животными. Безспорно также, что они не могли бы настолько измѣниться, какъ это мы видимъ теперь. Если же они потеряли нѣсколько въ умѣ, то не нужно забывать, что цѣль ихъ ассоціацій съ человѣкомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ и не заключалась въ умственномъ развитіи. Тамъ же, гдѣ оно имѣлось въ виду, мы имѣемъ передъ собой обратныя явленія: собака, напр., подъ вліяніемъ указаннаго нами закона, изъ поколѣнія въ поколѣніе становится все болѣе и болѣе смышленой. Повторяемъ, это происходитъ потому, что именно смышленость-то ея и была причиной общенія съ нею человѣка: различныя породы собакъ имѣютъ каждая какія-либо особо развитыя способности, смотря по дававшемуся имъ назначенію *)! Въ общемъ, прирученіе составляетъ извѣстную форму мутуализма, это—общество, гдѣ услуги вмѣсто того чтобъ быть односторонними, какъ въ комменсализмѣ, становятся взаимными; но такъ какъ обмѣнъ услугъ здѣсь все таки частный, захватывающій лишь одну функцію и благопріятствующій только развитію этой послѣдней, то прирученное животное выигрываетъ только въ одномъ извѣстномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ если упомянутая функція, поддерживая взаимность, не требуетъ употребленія сложныхъ умственныхъ способностей. При существованіи же этого послѣдняго условія, выигрываетъ весь организмъ. Вотъ по-

*) На Полинезійскихъ островахъ и въ Китаѣ, гдѣ собакъ разводятъ ради ихъ мяса, онѣ отличаются необыкновенной тупостью. Darwin. *Variation des animaux et des plantes*, т. II, стр. 233 франц. перевода.

чему наши домашнія и культурныя животныя занимаютъ столь различныя ступени по своему развитію и образуютъ цѣлую лѣстницу, на вершинѣ которой стоитъ собака—этотъ неизмѣнный другъ человѣка—а внизу скотъ, играющій роль живой говядины, въ промежуткѣ же между этими двумя крайними пунктами—слонъ, лошадь, оселъ, сѣверный олень, коза, баранъ, кроликъ, различныя домашнія птицы и пр. Вотъ почему также одни изъ нихъ отъ постояннаго общенія съ человѣкомъ сдѣлались болѣе совершенными, тогда какъ другіе стали вырождаться *).

---

*) Животныя, ассоціируемыя человѣкомъ для домашнихъ удобствъ и удовольствія:	обезьяна, комнатная собака, морская свинка, кошка, сурокъ. Семейныя птицы: павлинъ, сорока, воронъ, аистъ, журавль, попугай. Пѣвчія птицы: чижъ, зябликъ, скворецъ, черный дроздъ и др. Фосфорическія насѣкомыя.
для охоты и рыбной ловли:	собака, хорекъ, выдра. лошадь, слонъ. соколъ, бакланъ.
для охраны стадъ и садовъ:	собака, журавль, агами. черепаха, ежъ.
для ѣзды и перевозки тяжестей:	лапландская собака. сѣверный олень, лошадь, оселъ, быкъ. дромадеръ, верблюдъ, вигонь, лама, слонъ.
для полученія продуктовъ (шелкъ, кожа, шерсть, молоко, мясо).	кроликъ, свинья, быкъ, корова, баранъ, коза. лошадь (кобылье молоко). курица, цесарка, утка, гусь, индѣйка, фазанъ, голубь, казуаръ. шелковичный червь, пчелы.

Эта неполная таблица, не представляющая собой ничего систематическаго, дается нами только какъ краткій очеркъ цѣлей, руководившихъ человѣкомъ при культивированіи животныхъ, а слѣдовательно, и способностей, развиваемыхъ имъ у этихъ различныхъ видовъ. — Анкетиль (Anquetil. *Aventures et chasses dans l'Extrême Orient*, 1-re partie, стр. 74) разсказываетъ объ особой охотѣ на тетерева, гдѣ самки, насиживавшія въ то время яйца, были открыты выдрессированнымъ для этой цѣли кольчатымъ ужомъ. Спущенный одной бирманской дамой, онъ проползъ подъ чащей кустарниковъ, издавая глухіе звуки отъ бубенчика, который висѣлъ на его шеѣ. Когда гнѣздо было открыто, госпожа стала звать его назадъ, хлопая въ ладоши; но онъ не всегда слушался этого условнаго знака и, желая воспользоваться яйцами, устремился на самку, которая защищала ихъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ. По большей части этотъ необыкновенный ужъ возвращался по первому сигналу, причемъ его, какъ сокола, держали подъ капишономъ до тѣхъ поръ, пока

Общество можетъ организоваться только при существованіи управленія съ одной стороны и подчиненія съ другой. Поэтому то случаи истиннаго мутуализма внѣ человѣческаго рода такъ и рѣдки. Паразитизмъ требуетъ лишь самаго ничтожнаго участія умственной дѣятельности—броситься на жертву при ея прохожденіи, и прицѣпившись къ ней, пользоваться готовымъ матеріаломъ. Комменсализмъ предполагаетъ уже нѣкоторую сложность представленія. Однако же опасность, возвѣщаемая предупредителемъ, можетъ и не представляться ясно въ умѣ тѣхъ индивидовъ, которые слышатъ подаваемый имъ сигналъ и видятъ его бѣгство. Видя бѣгущихъ животныхъ, ихъ собратья увлекаются за ними какъ бы механически, подъ вліяніемъ почти рефлективныхъ хотя и осложненныхъ движеній. Дѣйствующій импульсъ выходитъ здѣсь изъ одного только представленія о подражательномъ актѣ, подобно тому, какъ мы не можемъ устремить свой взглядъ на дно пропасти, не чувствуя при этомъ головокруженія, влекущаго насъ въ бездну. Отсюда тѣ внезапные взрывы чувствъ, которые вдругъ охватываютъ массы. Ажитація распространяется въ нихъ путемъ слуха и зрѣнія, прежде чѣмъ сдѣлаются извѣстны ея причины. Это весьма часто случается въ стаяхъ птицъ и во всѣхъ группахъ, о которыхъ мы упоминали: малѣйшій ударъ крыла, ничтожный скачекъ повергаетъ ихъ тогда въ панику. Организованный мутуализмъ, или прирученіе, возможенъ только при существованіи высокоразвитыхъ способностей. Онъ предполагаетъ у того, кто до него додумался, представленіе о будущихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ выгодахъ и тѣхъ или другихъ средствахъ, путемъ которыхъ можетъ быть достигнуто обладаніе этими выгодами. Этотъ умственный процессъ, состоящій въ группировкѣ прошедшихъ или совершившихся фактовъ и выводѣ изъ нея будущихъ послѣдствій, это комбинированіе средствъ соотвѣтственно данной цѣли за-

---

не встрѣчали новаго подходящаго мѣста для охоты. Келлеръ-Лезингеръ (*Tour du Monde*, 1874) увѣряетъ, что на берегахъ Амазонской рѣки прирученные ужи свободно разгуливаютъ въ домахъ, оказывая туземцамъ большія услуги тѣмъ, что истребляютъ тамъ во множествѣ различнаго рода червей. На югѣ Россіи ихъ держатъ въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ они весьма исправно ловятъ мышей.

служиваетъ новаго обозначенія: здѣсь уже передъ нами не отраженныя движенія, не рефлексы, а сознательныя мысли. Вотъ, безъ сомнѣнія, причина, вслѣдствіе которой прирученіе встрѣчается такъ рѣдко у животныхъ. Но что всего необыкновеннѣе и какъ будто походитъ на чудо, это то, что единственный извѣстный намъ до сихъ поръ случай подобнаго рода встрѣчается сравнительно на весьма низкой ступени животнаго царства, далеко за предѣлами позвоночныхъ... у насѣкомыхъ! Да, явленіе это, требующее, какъ мы видѣли, чисто человѣческихъ способностей—размышленія и комбинированія мыслей—встрѣчается внѣ человѣческаго рода, только у муравьевъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ только они одни, вмѣстѣ съ нами, успѣли приручить другихъ животныхъ: они разводятъ тлей въ своихъ гнѣздахъ! Какъ объяснить это по истинѣ необыкновенное явленіе?

Замѣтимъ прежде всего, что объясненія, представленныя до сихъ поръ, не могутъ прилагаться къ этому случаю. Когда мы говорили о томъ, что антилопы, газели и зебры охотно принимаютъ въ свою среду страуса, длинная шея и острое зрѣніе котораго служатъ для нихъ какъ бы каланчей съ часовымъ, неусыпно обозрѣвающимъ окрестности, то мы приписывали имъ складъ мысли, свойственный человѣку и были вполнѣ увѣрены, что такое объясненіе легко можетъ быть усвоено всякимъ читателемъ. Множество явленій изъ духовной жизни млекопитающихъ и птицъ объясняются весьма естественно, если имъ приписать тѣ же интеллектуальныя способности и тотъ же умъ, какъ у насъ, но только въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Умственные процессы, на которыхъ основывается обыкновенный мутуализмъ, съ той же точки зрѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ превосходить способностой животнаго. Но нельзя сказать того же относительно организованнаго мутуализма или прирученія. Приписывать животному, даже млекопитающему, такое широкое предвидѣніе и такія тонкія комбинаціи цѣлесообразныхъ средствъ значило бы идти уже въ разрѣзъ съ установившимися мнѣніями о количественной силѣ его ума. И вдругъ мы приписали бы такой умъ не млекопитающему, а насѣкомому! Не вправѣ ли былъ бы читатель назвать дерзкой нашу

попытку надѣлить этотъ почти микроскопическій мозгъ функціями близкими къ тѣмъ, какія выполняются нашимъ?

Попытаемся рѣшить эту трудную задачу; но прежде всего ей слѣдуетъ дать надлежащую постановку.

Данное явленіе не выросло вдругъ въ своемъ законченномъ видѣ. Это было бы противно тому, что мы знаемъ объ общемъ ходѣ естественныхъ явленій, вездѣ и всегда управляемыхъ закономъ непрерывной постепенности. По свидѣтельству Губера, ему предшествовалъ цѣлый рядъ аналогичныхъ, несравненно менѣе поражающихъ фактовъ, которые шагъ за шагомъ приводятъ насъ къ его послѣдней стадіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ муравей является простымъ комменсалистомъ травяной вши. Блуждая по вѣтвямъ растеній въ поискахъ за пищей, онъ встрѣчаетъ травяныхъ вшей, изъ брюшка которыхъ высачивается капля густой жидкости. Вкусъ этой жидкости ему извѣстенъ, такъ какъ тли часто оставляютъ ее на листьяхъ, причемъ муравьи, подобно другимъ насѣкомымъ, охотно ее пьютъ. И вотъ онъ сосетъ готовый сокъ прямо изъ его источника и, ощутивъ удовольствіе, снова возвращается къ своей дойной коровкѣ. Такимъ образомъ мало по малу, изъ поколѣнія въ поколѣніе, у муравья образуется извѣстная привычка къ кормленію насчетъ травяной вши, которая въ свою очередь все болѣе и болѣе испытываетъ необходимость освобождаться отъ своихъ выдѣленій, сдѣлавшихся теперь гораздо обильнѣе. Всѣ эти явленія, тѣсно связанныя между собой и естественно вытекающія другъ изъ друга, постепенно приводятъ насъ къ той границѣ, гдѣ кончается коммensализмъ и начинается мутуализмъ. Вотъ еще болѣе удивительный фактъ: «Однажды, говоритъ Губеръ, я наткнулся на молочайникъ съ какимъ то шаромъ въ средней части его ствола, служившаго осью для этого послѣдняго. Шаръ оказался жилымъ помѣщеніемъ, которое муравьи построили изъ земли. Они выходили оттуда черезъ узенькое отверстіе, продѣланное внизу, спускались по стволу и слѣдовали далѣе къ близлежащему муравейнику. Чтобъ ознакомиться съ внутренностью этого павильона, построеннаго почти на воздухѣ, я слегка его взломалъ: передо мной открылась миніатюрная зала съ гладкими сводчатыми стѣнами; муравьи воспользовались формой

встрѣтившагося имъ растенія для поддержки своего зданія—стволъ проходилъ черезъ центръ залы, причемъ листья замѣняли для нея вѣнцы, балки и стропила, однимъ словомъ играли роль скрѣпляющихъ частей. Въ мирномъ убѣжищѣ помѣщалось многочисленное семейство травяныхъ вшей, возлѣ которыхъ спокойно ходили муравьи, и гдѣ они собирали съ нихъ дань подъ защитой отъ дождя, солнца и муравьевъ другихъ обществъ»... Губеръ видѣлъ еще одно изъ такихъ помѣщеній на небольшомъ суку тополя. Оно возвышалось надъ землей примѣрно на пять футовъ; но высота здѣсь не имѣетъ большаго значенія. Весь вопросъ въ томъ, какъ связать это явленіе съ предыдущими, отъ которыхъ оно уже весьма чувствительно отличается. Терпѣливый наблюдатель самъ указываетъ на его рѣшеніе. Иноплеменные муравьи, т. е. муравьи болѣе или менѣе отдаленныхъ гнѣздъ также приходили сюда за сладкой жидкостью къ великому неудовольствію тѣхъ, которые жили у самой подошвы тополя и, поддерживая съ колоніей травяныхъ вшей непрерывныя сношенія, могли смотрѣть на нее, какъ на свою собственность. Слѣдовало предохранить ее отъ «нашествія иноплеменныхъ». Для этого представлялось одно средство, бывшее уже на половину выполненнымъ: дѣло въ томъ, что муравьи имѣютъ обыкновеніе проводить галлереи до границы своихъ экскурсій, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они установливаютъ правильныя постоянныя сообщенія. Галлереи эти, безъ сомнѣнія, доходили въ данномъ случаѣ до подошвы тополя. Мало по малу они были доведены вплоть до того мѣста, гдѣ жили травяныя вши. Превращеніе галлереи въ воздушную камеру могло совершиться нечувствительно при добровольномъ содѣйствіи столькихъ работниковъ, одушевляемыхъ одной и той же мыслью,—мыслью о защитѣ своего дойнаго скота. Теперь, если стволъ довольно высокъ, муравьи при хорошей солнечной погодѣ могутъ приносить свои личинки въ камеру травяныхъ вшей—гнѣздо частью будетъ перенесено въ воздухъ. Это именно и видѣлъ Губеръ на стволѣ чертополоха. Но если стволъ не высокъ или хрупкой постройкѣ угрожаетъ вѣтеръ, а въ особенности если ей грозитъ нападеніе, то нѣтъ ничего проще, какъ, взявши этихъ драгоцѣнныхъ сладкопитателей, перенести ихъ вмѣстѣ съ яйцами въ подземное гнѣздо. Впрочемъ это не всегда ока-

зывается необходимымъ, потому что травяныя вши въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами приползаютъ къ отверстіямъ подземелья, которое тогда слѣдуетъ покрыть сводомъ. «Есть еще муравьи, говоритъ Губеръ, кормящіеся около тлей обыкновеннаго подорожника; тли эти обыкновенно держатся подъ его цвѣтами, но когда цвѣты опадутъ и ихъ черешки засохнутъ, что случается въ концѣ августа, они переходятъ подъ корневыя листья растенія, куда за ними слѣдуютъ и муравьи; тутъ они замуровываются вмѣстѣ съ ними, заполняя всѣ пустоты между почвой и листьями влажной землей и затѣмъ дѣлаютъ выемки снизу, чтобъ, увеличивши просторъ, съ одной стороны облегчить себѣ сношенія съ своими данницами, а съ другой сдѣлать болѣе удобнымъ выходъ изъ этого помѣщенія въ свое жилище при помощи крытыхъ галлерей». Замѣтимъ, что травяныя вши не только не избѣгаютъ муравьевъ, но сами ихъ ищутъ и что тѣ изъ нихъ, у которыхъ есть крылья, и которыя, слѣдовательно, легко могли бы бѣжать, если бы хотѣли этого, добровольно остаются въ ихъ средѣ. Если же окружающая почва, лишенная растительности, прорѣзывается корнями травянистыхъ растеній, то они находятъ подъ ними отличныя условія для своего существованія и охотно тамъ живутъ. Такъ это и бываетъ въ дѣйствительности. Губеръ задаетъ себѣ вопросъ, чѣмъ живутъ муравьи, которые никогда не выходятъ для добыванія пищи. «Однажды, выворачивая землю, изъ которой было построено ихъ жилище, я нашелъ, говоритъ онъ, тлей въ ихъ гнѣздѣ; я видѣлъ ихъ также на всѣхъ корняхъ злаковъ, окружавшихъ ихъ муравейникъ. Они располагались тамъ довольно большими кучками, въ составъ которыхъ входили индивиды, принадлежащіе къ различнымъ видамъ. Мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза, что желтые муравьи необыкновенно заботливо относятся къ своимъ сожительницамъ: часто они захватываютъ ихъ челюстями и уносятъ на дно гнѣзда или собираютъ ихъ вмѣстѣ въ одно стадо, располагаясь около него кружкомъ, нерѣдко предупредительно слѣдуютъ за ними и т. д.». Намъ приходится, наконецъ, коснуться самой характерной фазы прирученія, состоящей въ разведеніи. Травяныя вши, будучи живородящими въ лѣтнее время, становятся осенью—яйцеродящими. Ихъ

яйца, кладущіяся въ муравейникъ, составляютъ для муравьевъ предметъ такихъ же заботъ, какія они выказываютъ къ своимъ собственнымъ. Если верхъ муравейника открытъ, они переносятъ ихъ вмѣстѣ съ своими въ углубленныя мѣста своего гнѣзда, гдѣ опять точно такъ же, какъ и свои, смачиваютъ собственной слюной. Это уже полное прирученіе со всѣми его фазами. Насъ приводитъ къ нему цѣлый рядъ фактовъ, соприкасающихся другъ съ другомъ, фактовъ, каждый изъ которыхъ требуетъ извѣстнаго усилія ума, но, конечно меньшаго, чѣмъ то, какое требуется для послѣдняго изъ нихъ,— самаго необыкновеннаго.

Такъ ли эти вещи происходили въ дѣйствительности? Мы не утверждаемъ этого, хотя муравьи, вынашивающіе яйца тлей— именно тѣ самые желтые муравьи, которые въ концѣ осени собираютъ этихъ тлей въ свои гнѣзда, и хотя всѣ указанныя нами явленія повторяются ежегодно, смѣняя другъ друга съ правильностью временъ года, т. е. муравьи сначала держатъ своихъ кормилокъ у подножія сосѣднихъ съ ихъ муравейникомъ растеній, въ концѣ галлерей, затѣмъ относятъ ихъ въ глубину своего жилища, гдѣ группируютъ ихъ вмѣстѣ и, наконецъ, собираютъ ихъ яйца. Повторяемъ еще разъ, что мы не можемъ утвердительно отвѣчать на поставленный вопросъ, такъ какъ не имѣемъ никакого средства провѣрить своего утвержденія. Намъ хотѣлось только показать, что наблюденія Губера, безъ всякихъ препятствій, могутъ располагаться въ порядкѣ, удовлетворяющемъ нашему уму, и тѣмъ подготовить то психологическое объясненіе даннаго явленія, которое мы попытаемся представить.

Описанное нами развитіе можно было бы приписать дѣйствію подбора. Тѣ изъ муравьевъ, которые наиболѣе благоволятъ къ тлямъ и умѣютъ собирать большія ихъ количества въ своемъ гнѣздѣ, должны были черезъ это пріобрѣсти значительную выгоду, такъ какъ не имѣли нужды рыскать по окрестностямъ, отыскивая невѣрную добычу. Такая обеспеченность необходима вела ихъ къ благосостоянію, тогда какъ тѣ изъ ихъ собратьевъ, которые не съумѣли завести у себя подобной культуры, должны были постоянно вырождаться и, наконецъ, совершенно погибнуть. Такимъ

именно образомъ Дарвинъ объясняетъ рабовладѣльческіе инстинкты муравьевъ (*Происхожденіе видовъ*, переводъ Рачинскаго). Но эта теорія имѣетъ много слабыхъ сторонъ. Прежде всего мы не видимъ, чтобъ муравейники, гдѣ не практикуется разведеніе тлей, непремѣнно должны были погибнуть въ силу одного только отсутствія этой культуры: они могли бы усвоить себѣ какую-нибудь иную практику, какова, напр., охота за насѣкомыми или заготовленіе зерновыхъ запасовъ, которые обезпечивали бы ихъ не менѣе рабства. На самомъ дѣлѣ существуетъ едва только четыре или пять видовъ, занимающихся разведеніемъ тлей. Затѣмъ, допуская подборъ, мы встрѣчаемся съ большими затрудненіями при самомъ же началѣ разсматриваемаго явленія. Травяная вошь, внесенная муравьемъ во внутрь муравейника, составляла для него на первыхъ порахъ весьма плохую выгоду, которая могла даже уничтожаться совсѣмъ массой происходящихъ отсюда различныхъ неудобствъ; такимъ образомъ законъ эволюціоннаго развитія долженъ былъ бы парализовать подобную практику въ самомъ ея зародышѣ. Я знаю хорошо, что природа въ своихъ творческихъ актахъ идетъ медленными и незамѣтными шагами; но нужно еще показать причину ихъ неизмѣннаго постоянства и сохраненія: наименѣе предубѣжденные умы затрудняются принимать въ разсчетъ безконечно малыя вліянія, если имъ не будетъ объяснено, почему эти вліянія вмѣсто того, чтобъ уступить другимъ, дѣйствующимъ въ обратную сторону—для чего существуютъ иногда тысячи шансовъ—чудесно сохраняются и укрѣпляются. Если *одинъ* рабочій муравей *однажды* внесъ травяную вошь въ общее жилище, то можетъ ли вытекать отсюда стремленіе рабочихъ муравьевъ слѣдующаго поколѣнія возобновить эту попытку, а также то, чтобъ они, постепенно укрѣпляясь, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе? Признаемся, такой выводъ не носитъ на себѣ характера абсолютной необходимости. Во всякомъ случаѣ—и это едва ли не самый рѣшительный пунктъ возраженія—начальный фактъ самъ по себѣ требуетъ объясненія: внесеніе травяной вши въ подземныя галлереи, въ особенности собираніе ея яицъ и уходъ за ними во время зимы—вотъ явленія, на которыхъ основывается теорія,—явленія, постоянное и наслѣдствен-

ное повтореніе которыхъ болѣе или менѣе объясняется подборомъ, но которыя сами по себѣ не находятъ въ ней объясненія. Всякое накопленіе инстинктивныхъ актовъ, обусловливаемое переживаніемъ болѣе способныхъ индивидовъ, предполагаетъ первоначальное дѣйствіе иниціативы и разсудка, но дѣйствіе инстинктивное, такъ какъ его нельзя объяснить процессами, свойственными нашему мозгу. Въ самомъ дѣлѣ, основа, составляющая краеугольный камень этой теоріи инстинкта, заключаетъ уже въ самой себѣ какъ бы зародышъ этого самаго инстинкта, т. е. того рода умственной дѣятельности, происхожденіе котораго она берется объяснить. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что тутъ передъ нами настоящій заколдованный кругъ, гдѣ рѣшеніе вопроса смѣшивается съ перестановкой его словъ. Поэтому намъ кажется болѣе предпочтительнымъ искать желаемаго объясненія въ другомъ мѣстѣ. Главное наше вниманіе должно быть обращено на вышеупомянутый начальный разсудочный актъ, на разъясненіе соотвѣтствующаго ему спеціальнаго рода мышленія. Имѣя это объясненіе въ своихъ рукахъ, мы, быть можетъ, увидимъ, что развитіе всего занимающаго насъ соціальнаго механизма вытекаетъ изъ него путемъ непрерывнаго прогресса въ силу тѣхъ самыхъ началъ, которыя объясняютъ его зарожденіе.

Очевидно, что каковъ бы ни былъ изслѣдуемый родъ мышленія, онъ можетъ сдѣлаться понятнымъ для насъ только въ такомъ случаѣ, если мы найдемъ для него аналогію въ нашемъ собственномъ умѣ. Это—необходимое условіе животной психологіи, которое слѣдуетъ принять за conditio sine qua non. Что-нибудь одно изъ двухъ: или животное сознаніе совсѣмъ недоступно для нашего ума, или же оно можетъ познаваться нами только въ отправленіяхъ, свойственныхъ нашему собственному мозгу. Въ сферѣ сознанія болѣе, чѣмъ въ области какихъ-либо другихъ предметовъ изслѣдованія, мы не имѣемъ никакихъ средствъ знать того, что не входитъ хотя частью въ насъ самихъ. Другими словами, здѣсь знаніе и сознаніе одно и то же. Поэтому объясненіе только что указанныхъ явленій въ ихъ психологическомъ смыслѣ возможно лишь въ такомъ случаѣ, если они не чужды человѣческому уму. Но мы именно

полагаемъ, что тотъ родъ мышленія, который практикуется муравьемъ при данныхъ условіяхъ, слѣдуетъ признать обычнымъ и для человѣка. Въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно нашихъ умственныхъ процессовъ, психологи впадаютъ въ одно странное заблужденіе. Со времени Аристотеля, анализировавшаго разумъ, они признаютъ силлогизмъ за исключительную форму, за единственный типъ совокупленія нашихъ идей или постройки заключеній и выводовъ, не подозрѣвая, повидимому, чтобъ это построеніе могло принимать какой-либо другой обликъ. Однако же мы видимъ, что съ семнадцатаго столѣтія этотъ схоластическій предразсудокъ начинаетъ подвергаться сомнѣніямъ. По мнѣнію Декарта, истина получается только путемъ «длиннаго ряда весьма простыхъ и крайне несложныхъ разсужденій», которыя, слѣдуя другъ за другомъ, выходятъ изъ одного общаго начала. Паскаль, напротивъ, полагалъ, что люди несравненно легче убѣждаются сами и убѣждаютъ другихъ безъ помощи «длинныхъ рядовъ разсужденій», чѣмъ посредствомъ такого «длиннаго» оружія, причемъ онъ допускалъ возможность моментальнаго образованія каждаго изъ нашихъ заключеній. Свѣтъ истины приходитъ къ намъ не только путемъ многочисленныхъ отраженій отъ длиннаго ряда соотвѣтственно установленныхъ зеркалъ, — онъ озаряетъ умъ и внезапно при каждомъ изъ его актовъ и всякій разъ посредствомъ новаго начала. Часто даже эти разсѣянныя начала проливаютъ на наши мысли потокъ лучей, источникъ которыхъ остается намъ неизвѣстнымъ и — если что́ побуждаетъ насъ думать, то это не тѣ мысли, которыя мы отчетливо себѣ представляемъ, но другія, скрытыя гораздо глубже и невѣдомыя для насъ. Тѣмъ не менѣе, получаемые при этомъ выводы нисколько не утрачиваютъ въ своей законности. Такой прозорливый анализъ самой обыденной формы нашего мышленія не имѣлъ продолжателей во Франціи. Но недавно онъ снова нашелъ себѣ убѣжище въ Англіи. Спенсеръ ясно видѣлъ, что силлогизмъ съ его точными многочисленными (multipliées) предложеніями по большей части употребляется только для провѣрки сдѣланнаго вывода, что выводъ этотъ заключается уже въ самомъ открытіи средняго термина и

что, наконецъ, нашъ умъ почти всегда выпускаетъ общее положеніе, которое кажется узломъ всего силлогизма, и даже переходитъ прямо отъ частнаго къ частному *). Намъ кажется, что факты подтверждаютъ этотъ новый взглядъ. Не нужно забывать, что мысль всегда имѣетъ цѣлью дѣйствіе, въ которомъ она себя повѣряетъ. Все, что помѣщается между наблюденіемъ внѣшняго движенія и соотвѣтственнымъ произвольнымъ движеніемъ,—обобщеніе, классификація, индукція, силлогизмъ,—не имѣетъ другаго назначенія, какъ подготовить для будущаго наиболѣе цѣлесообразныя дѣйствія, когда вновь наступитъ то же самое явленіе, и получить возможность воспользоваться при этомъ наиболѣе широкими, вѣрными и разнообразными средствами: умозрѣніе не имѣетъ цѣли въ самомъ себѣ. Какія бы средства эти операціи синтеза и анализа ни сообщали дѣятельности, они не будутъ для нея необходимыми, если реализуемое дѣйствіе относительно просто: ихъ отсутствіе нисколько не мѣшаетъ практическому приложенію этого послѣдняго; комбинаціи, путемъ которыхъ оно осуществляется, будутъ только проще и малочисленнѣе. Такую именно картину представляетъ намъ умъ ребенка. Лишенный общихъ идей, онъ однако же умѣетъ комбинировать свои движенія сообразно обстоятельствамъ—поддерживать свое равновѣсіе, брать и принимать пищу, протягивать руки къ тому, кто его ласкаетъ, устранять то, что ему мѣшаетъ, досаждаетъ или причиняетъ безпокойство и боль **). На каждое воздѣйствіе внѣшняго міра онъ всегда отвѣчаетъ непосредственно рядомъ

---

*) См. Leibniz. *De anima brutorum* и *Essais* IV, XVII; Милль. *Логика*, переводъ Ф. Резенера, подъ редакціей П. Л. Лаврова, II, глава III; *Гартманъ*, вся глава — «*Безсознательное въ мысли*» и Льюисъ. *The physical basis of Mind*, стр. 358: „The feeling which determines an action is *operative* althought it may not be *discreminated* from simultaneous feelings. When this is the case, we say the feeling is unconscious, but this no more means that it is a pureli physical process taking place autside the sphere of sentience, than the immoral conduct of a man would be said to be mechanical and not the conduct of a moral agent“.

**) Мы сами видѣли трехмѣсячнаго ребенка, который, желая избавиться отъ свѣта поднесенной къ его колыбели лампы, сильно рѣзавшаго ему глаза, сталъ мало по малу тянуть къ себѣ одѣяло и спрятался въ него съ головой.

соотвѣтственныхъ движеній, не прибѣгая къ размышленіямъ, къ которымъ онъ еще неспособенъ. То же самое можно наблюдать и въ примитивномъ искусствѣ человѣка. Можно ли допустить, чтобъ рычагъ, дротикъ, искусство варить, жарить, раскалывать кости, рѣзать мясо посредствомъ острыхъ кремней, однимъ словомъ, чтобъ вся эта масса первобытныхъ и самыхъ существенныхъ изобрѣтеній были плодомъ разсужденій, основанныхъ на общихъ идеяхъ? Если мы не ошибаемся, механическая теорія бумеранга, этого охотничьяго орудія дикарей, которое, попавши въ цѣль или коснувшись ея, возвращается къ тому, кто его бросилъ, затруднила бы даже нашихъ современныхъ ученыхъ. Нужны были весьма долгія усилія, чтобъ объяснить теоретически химическіе процессы, употреблявшіеся съ незапамятныхъ временъ для приготовленія металловъ, вина, продуктовъ молочнаго хозяйства и т. д. Такимъ же образомъ садоводство предшествовало ботаникѣ, и самъ Дарвинъ заимствовалъ свою идею о подборѣ отъ скотоводовъ, а не они отъ него. Практика вездѣ предшествовала теоріи, или, другими словами, дѣятельность повсемѣстно примѣнялась къ обстоятельствамъ, не прибѣгая къ помощи отвлеченной мысли. На такихъ же основаніяхъ возможна и комбинація отдѣльныхъ конкретныхъ средствъ, соотвѣтственно конкретнымъ спеціальнымъ цѣлямъ; она преобладаетъ въ жизни дикаря и еще до сихъ поръ играетъ не послѣднюю роль даже въ цивилизованномъ быту. Есть выводы, которые составляются безъ общихъ понятій, есть рядъ заключеній, ускользающихъ отъ сознательнаго разума, по крайней мѣрѣ въ простыхъ случаяхъ и при несложныхъ (короткихъ) комбинаціяхъ. Но разумъ, т. е. совокупность тѣхъ абстрактныхъ операцій, о которыхъ мы только что говорили, составляетъ условіе сознанія и въ извѣстномъ смыслѣ—само сознаніе. Человѣкъ можетъ производительно мыслить безъ сознанія, или скорѣе съ весьма слабымъ его проблескомъ. Большая часть его жизни, наименѣе замѣтная, принадлежитъ инстинкту.

Процессъ этотъ не исключаетъ даже достаточно далекаго предвидѣнія. Для того чтобъ предвидѣть, даже достаточно далеко, нѣтъ необходимости руководствоваться какими-либо общими правилами.

Оставимъ въ сторонѣ предчувствія; если съ нами что-нибудь случилось однажды при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и эти обстоятельства возобновятся, мы ждемъ со страхомъ или надеждой повторенія случившагося. Мало того, случается даже, что и безъ этихъ обстоятельствъ, только въ силу однажды испытанныхъ нами впечатлѣній, мы томимся тѣми же ожиданіями даже вопреки яснымъ убѣжденіямъ, доказывающимъ невозможность чего-либо подобнаго, а тѣмъ болѣе если мы не привыкли къ такому анализу и отдаемся на волю прихотливыхъ побужденій. Въ этомъ случаѣ достаточно одного смутнаго представленія о возможности факта, чтобы онъ сдѣлался предметомъ нашего постояннаго ожиданія или ужаса. Такая настроенность неизбѣжно внушаетъ намъ дѣйствія, имѣющія цѣлью вызвать или устранить его появленіе. Эти три явленія—смутное представленіе пріятнаго или устрашающаго факта, ожиданіе его появленія и отвѣчающія имъ дѣйствія—составляютъ такъ сказать одинъ и тотъ же едино-нераздѣльный фактъ, различныя части котораго связаны между собой какъ бы нѣкоторой органической непосредственностью. Можно даже идти еще далѣе и утверждать, что ожиданія и соотвѣтствующія имъ дѣйствія вызываются иногда безъ всякаго представленія о какомъ-либо возможномъ фактѣ. Развѣ экспериментаторъ въ своей лабораторіи не пытаетъ на тысячи ладовъ матеріи, не зная часто того, чего ему ждать отъ своихъ опытовъ? Развѣ многія изъ самыхъ важныхъ открытій не были результатомъ подобнаго пытанія, дѣлавшагося ради того чтобъ *посмотрѣть что̀ выйдетъ?* Развѣ ребенокъ и дикарь не исполняютъ немедленно всѣхъ комбинацій движеній, вызываемыхъ ихъ фантазіей? Кому неизвѣстно, какія предосторожности необходимо принимать, чтобъ предупредить странныя затѣи, которыя могутъ приходить въ голову дѣтей среди обстановки нашихъ комнатъ, наполненныхъ не всегда безопасными для нихъ предметами? Въ этихъ двухъ фазахъ человѣческаго существованія расходуется неимовѣрная масса силъ на многочисленныя гаданія или, такъ сказать, на ощупь, направленную во всѣ стороны. Едва ли слѣдуетъ приписывать одному случаю успѣхъ, если имъ, какъ это иногда бываетъ, увѣнчиваются такія выщупыванія. Онъ обу-

словливается скрытымъ разумомъ, неопредѣленной идеей о томъ, что въ явленіяхъ окружающаго міра есть нѣчто подлежащее разгадкѣ,—идеей, начало которой коренится въ прежнихъ открытіяхъ. Нѣтъ надобности, чтобъ эта идея формулировалась въ строгое правило: какъ бы она ни была смутна и темна, она объясняетъ эти безпорядочныя развѣдки, безпрерывно разсылаемыя невѣдающими о самихъ себѣ дѣятельными импульсами по всѣмъ открытымъ для нихъ путямъ и даже въ область будущаго, куда не проложено никакой дороги.

Предположимъ, что одна изъ этихъ многихъ тысячъ попытокъ сопровождалась успѣхомъ. Актъ, доставляющій удовольствіе, непремѣнно будетъ повторенъ; для этого нѣтъ нужды въ разсужденіи—мы повторяемъ безъ видимаго размышленія даже безразличные акты. Если изъ двухъ безразличныхъ дорогъ, ведущихъ къ магазину или гостинницѣ, мы пришли по одной изъ нихъ, то этого будетъ достаточно для насъ, чтобъ отправиться по ней и въ слѣдующій разъ, когда намъ понадобится идти въ то же мѣсто. Тѣмъ скорѣе будутъ ограничены пріятные акты и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Но если они ограничиваются безсознательно однимъ, то тѣмъ болѣе безсознательно имъ будутъ подражать другіе. Мы уже замѣтили, что одинъ видъ совершающагося акта влечетъ за собой начало его выполненія, такъ какъ мы не можемъ себѣ представить этого акта безъ того, чтобъ, такъ сказать, не проосуществить, не передѣлать его въ самихъ себѣ. Отсюда неизбѣжное распространеніе въ средѣ какой-либо группы человѣческихъ существъ того или другаго рода дѣйствій, открытыхъ безсознательной иниціативой отдѣльнаго индивида. И если многіе ему подражаютъ, то каждый изъ нихъ подъ вліяніемъ только что указанныхъ побужденій,—а именно смутнаго ожиданія неизвѣстной выгоды,—будетъ стремиться варіировать его на тысячу ладовъ до тѣхъ поръ, пока расходуемая такимъ образомъ дѣятельность не примѣнится возможно лучше къ окружающимъ ее обстоятельствамъ. Поэтому, вслѣдствіе уже самаго подражанія, разсматриваемый актъ будетъ исправляться, дѣлаться точнѣе, рости, все болѣе и болѣе дифференцироваться или развѣтвляться на отдѣльныя операціи,—словомъ, совершенствоваться. Для такого про-

гресса точный силлогистическій разумъ также мало необходимъ, какъ, повидимому, и самый языкъ. Въ дѣйствительности, на зарѣ человѣческой жизни, подобно тому, какъ у современныхъ дикарей, всѣ подобныя улучшенія исполнялись людьми, языкъ которыхъ былъ неспособенъ выражать строгихъ логическихъ построеній мысли. Затѣмъ идутъ навыкъ, или привычка, и наслѣдственность; они укрѣпляютъ эти новые роды дѣятельности сначала въ индивидѣ, а потомъ въ расѣ, не нуждаясь въ помощи никакого предопредѣленія, будетъ ли оно исходить изъ подбора, или изъ свободнаго начала: по общему признанію, промежуточнымъ звѣномъ между слѣпымъ механизмомъ и сознательнымъ мышленіемъ является инстинктъ.

Итакъ, если факты о которыхъ мы упоминали, точны и вѣрно нами истолкованы, то нужно признать, что человѣкъ обладаетъ безсознательнымъ или, если можно такъ выразиться, подсознательнымъ мышленіемъ, способнымъ примѣнять наши дѣйствія къ обстоятельствамъ, даже иногда довольно сложнымъ и отдаленнымъ. Это именно тотъ родъ мышленія, который въ большинствѣ случаевъ мы считаемъ себя вправѣ приписывать животному. Намъ кажется грубымъ рѣшать вопросъ объ инстинктѣ, принимая его безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій лишь за меньшую степень ума. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ, говоря о человѣческомъ умѣ, мы всегда имѣемъ въ виду сознательное мышленіе или разумъ, то въ этомъ опредѣленіи переплетаются между собой два противорѣчивыя понятія, потому что меньшая степень разума всегда предполагаетъ присущее ему полное сознаніе, между тѣмъ дѣятельность низшаго животнаго именно и характеризуется отсутствіемъ этого послѣдняго. Въ сущности, это значило бы сказать, что низшее животное разсуждаетъ, когда оно, очевидно, совсѣмъ не причастно этому умственному процессу. Кромѣ того, это даетъ возможность легкой побѣды тѣмъ, кто захотѣлъ бы поддерживать существенное различіе между его способомъ мышленія и нашимъ. Но если, напротивъ, будетъ признано, какъ мы на томъ настаиваемъ, что человѣку также свойственъ специфическій родъ умственной дѣятельности, который отличается отъ сознательнаго мышленія и который можетъ быть принятъ за меньшую *степень* пониманія, но въ то же время, въ виду

значительнаго разстоянія, отдѣляющаго его отъ разума, составляетъ и низшую его *форму*, то затрудненіе будетъ устранено и воображаемый нами противникъ окажется вытѣсненнымъ изъ своего послѣдняго убѣжища. Мы не видимъ никакихъ препятствій къ тому, чтобъ признать этотъ родъ мышленія даже за низшимъ животнымъ, имѣющимъ самые несовершенные органы, потому что если человѣкъ и обладаетъ высоко развитымъ мозгомъ, то это развитіе проявляется у него въ функціяхъ сознательнаго размышленія и выраженія, безъ которыхъ менѣе энергичная и разнообразная жизнь остается еще вполнѣ возможной въ своихъ главныхъ отправленіяхъ. Короче сказать, человѣчество совершало свои первыя стадіи развитія—въ индивидѣ и расѣ, — т. е. изобрѣтало и совершенствовало свои первобытныя искусства, не проявляя разума въ его точной аналитической формѣ. Почему же животное не могло бы поступать такъ же въ теченіе всего своего развитія?

Намъ кажется, что послѣ этого фактъ прирученія, который мы намѣревались объяснить, сдѣлается въ глазахъ читателя гораздо менѣе необыкновеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ никакой надобности надѣлять муравья всѣми способностями разсужденія и языка, придающими такой высокій характеръ человѣку; для него будетъ вполнѣ достаточно тѣхъ способностей примѣненія къ внѣшнимъ обстоятельствамъ и согласованія съ ними, которыя, при всей ихъ количественной скромности, по своему роду и результатамъ сходны съ нашими. Разложимъ актъ прирученія травяныхъ вшей на его составныя части и посмотримъ, не будетъ ли каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, по силамъ мало развитаго существа. Если муравей располагаетъ только однимъ средствомъ защиты и обеспеченія себя отъ всякихъ случайностей, а именно возведеніемъ земляныхъ насыпей, то можно ли удивляться тому, что онъ употребляетъ ихъ и для охраненія травяныхъ вшей сначала на вѣтвяхъ, а потомъ подъ листьями подорожника. Если онъ ежедневно переноситъ въ муравейникѣ свои яйца и куколки изъ одного мѣста въ другое, то слѣдуетъ ли удивляться, что ему пришла мысль перенести тлей въ свои галлереи, когда онъ ихъ самъ оставляетъ? Что удивительнаго также въ томъ, если онъ, заботясь о

своихъ яйцахъ, помѣщенныхъ въ этихъ галлереяхъ, сталъ прилагать тѣ же попеченія и по отношенію къ яйцамъ тлей? Это могло быть простой попыткой, желаніемъ посмотрѣть, что изъ нея выйдетъ; но разъ попытка удалась, и онъ сталъ ее продолжать и совершенствовать, то что удивительнаго, если въ муравейникѣ мало по малу изъ элементарнаго ухода за яйцами выработалось нѣчто въ родѣ общаго искусственнаго (культурнаго) разведенія травяныхъ вшей? Безъ сомнѣнія, нужно думать, что все это было дѣломъ не индивидуальной смышлености муравья, но результатомъ ихъ коллективной умственной дѣятельности, гдѣ попытки одного прибавляются къ стремленіямъ другаго и каждое единичное усиліе, каждая частная поправка дѣлаются общимъ достояніемъ остальныхъ, гдѣ, однимъ словомъ, ничто не пропадаетъ и все способствующее успѣху становится предметомъ немедленнаго подражанія *). Нужно прибавить, что все это, вѣроятно, происходитъ какъ бы во снѣ, съ такимъ же призрачнымъ сознаніемъ, какъ прогулка сомнамбулиста по краю крыши и однако-же оказывается цѣлесообразнымъ вслѣдствіе того же самаго основанія, а именно, что для примѣненія къ требованіямъ необходимости духовная дѣятельность не нуждается въ силлогизмахъ. Не безполезно также припомнить, что травяныя вши идутъ, такъ сказать, въ авангардѣ прирученныхъ животныхъ и что этому прирученію способствовали самыя благопріятныя обстоятельства, какія только можно себѣ представить. Столкнись тли

---

*) Наблюдавшіеся мною муравьи (*Formica emarginata*), отправившись на развѣдки, какъ они часто это дѣлаютъ, и ползая по растеніямъ небольшаго двора, замѣтили, что чашелистики геранія (*Geranium macrorrhizon*) выдѣляютъ сладкую жидкость. Тогда они отправились цѣлой толпой, чтобъ воспользоваться своей находкой и не довольствуясь поглощеніемъ жидкости, стали даже обгладывать края чашелистиковъ. До сдѣланнаго муравьями открытія, герань стояла въ цвѣтахъ уже нѣсколько дней. Другая герань того же вида, находившаяся въ большомъ саду, не вызвала никакихъ посѣщеній съ ихъ стороны. Но кактусъ, который въ это время цвѣлъ, черезъ нѣсколько дней, сдѣлался также предметомъ экспедиціи шестиногихъ изслѣдователей, соблазненныхъ жидкостью, заключавшейся въ его глубокомъ вѣнчикѣ. Конечно, ни то, ни другое растеніе не находились постоянно на этомъ дворѣ, такъ что здѣсь долженъ былъ зародиться новый инстинктъ.

съ другими видами, эти послѣдніе навѣрное точно также не преминули бы воспользоваться ихъ сладкимъ сокомъ, если бы только однакожъ виды эти были сами по себѣ общественными, такъ какъ несомнѣнно, что для подобныхъ дѣйствій недостаточно одного индивидуальнаго ума.

Мы покончили съ группами, составленными изъ животныхъ разныхъ видовъ. Замѣтимъ только, прежде чѣмъ заключить эту главу, что разсмотрѣнные здѣсь три рода группъ имѣютъ подвижныя границы, неопредѣленный характеръ которыхъ нами вполнѣ сознается. Тѣмъ не менѣе однако же мы должны были ихъ нѣсколько усилить, какъ это случается со всѣми, кому приходится устанавливать классификаціи. Итакъ, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ промежуточныхъ случаяхъ весьма трудно отличить паразитизмъ отъ комменсализма и комменсализмъ отъ мутуализма. Кажется, однако, что затрудненіе должно уменьшиться, если читатель согласится слѣдовать за нами и принять тѣ точныя опредѣленія, которыя мы пытались ему дать относительно объектовъ нашего изслѣдованія.

Перейдемъ теперь къ изученію нормальныхъ обществъ. Читателю снова предстоитъ встрѣтиться съ муравьями, но уже на соотвѣтствующемъ имъ мѣстѣ соціально-животной лѣстницы. Мы не безъ намѣренія распространились, по поводу прирученія травяныхъ вшей, объ инстинктѣ: будемъ надѣяться, что читатель не забудетъ этихъ нѣсколькихъ страницъ и не оставитъ безъ примѣненія указанной тамъ точки зрѣнія къ оцѣнкѣ фактовъ того же рода, которые онъ встрѣтитъ въ значительномъ количествѣ при дальнѣйшемъ развитіи нашего труда.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ФУНКЦІЯ ПИТАНІЯ.

Нормальныя общества между животными одного и того-же вида.

ИНФУЗОРІИ, ЖИВОТНОРАСТЕНІЯ, ОБОЛОЧНИКИ, ЧЕРВИ.

Нормальныя общества; ихъ опредѣленіе.—Раздѣленіе этихъ обществъ на три рода.—Общества, имѣющія цѣлью совмѣстное выполненіе функціи питанія; ихъ характеръ.—Предварительный вопросъ: гдѣ начинается область соціологіи? Границы, отдѣляющія ее отъ біологіи.—§ 1-й. Общества питанія безъ сосудистыхъ сообщеній; инфузоріи; природа этихъ сообществъ и обусловливающія ихъ причины.—Общество питанія съ сосудистымъ сообщеніемъ: А. Полипы; В. Моллюскообразныя (Molluscoides); С. Черви.—Истолкованіе этихъ различныхъ построеній съ соціологической точки зрѣнія.—О цигозѣ (сліяніи) и конкресценціи (срощеніи); переходъ къ обществамъ воспроизведенія.

Нормальными обществами мы называемъ такія, члены которыхъ буквально не могутъ существовать безъ помощи другъ друга. Содѣйствіе здѣсь является взаимнымъ въ томъ смыслѣ, что входящія въ нихъ существа развиваютъ изъ многихъ отдѣльныхъ жизней одну общую для всѣхъ. Если жертва паразита избавится отъ своего докучливаго сожителя, то паразитъ будетъ жить и безъ прежняго данника, перемѣнивъ его на другаго. Комменсалисты могутъ безъ серьезныхъ неудобствъ отдѣляться отъ своихъ содержателей, и если переходъ не слишкомъ рѣзокъ, то уничтоженіе мутуализма также не влечетъ за собой гибели практиковавшихъ его сторонъ. Напротивъ, какъ только два существа, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, начнутъ выполнять сообща существенныя жизненныя функціи, они становятся *необходимыми* другъ для друга: ихъ соединяетъ между собой плоть и кровь. Такія узы неразрывны.

Къ безусловно необходимымъ жизненнымъ функціямъ, безъ которыхъ невозможно существованіе, принадлежатъ питаніе и воспроизведеніе. Поэтому казалось бы, что мы должны различать только два рода нормальныхъ обществъ. Но мы увидимъ, что функція взаимныхъ отношеній (fonction de relation) составляетъ образовательную связь третьяго рода обществъ, которыя мы поставили, подъ общимъ именемъ стадъ или общинъ (peuplades), на самую высшую ступень животно-соціальной лѣстницы, имѣющую подъ собой семейныя общества. Дѣйствительно, въ стадѣ жизнь и общая безопасность обеспечиваются обмѣномъ взаимныхъ услугъ, и всѣ члены соединены между собой кровными связями, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ, по скольку они происходятъ отъ общихъ предковъ, и въ будущемъ, какъ возможные и естественные члены новыхъ семейныхъ обществъ. Въ нѣдрахъ стада могутъ формироваться и формируются на самомъ дѣлѣ между разными полами брачные союзы: между стадными животными рѣдко случается, чтобы какое-нибудь половое общеніе происходило за предѣлами ихъ общины; даже у человѣка браки заключаются въ несравненно большемъ числѣ между членами одной и той же націи, чѣмъ между разноплеменниками. И какъ масса людей различнаго происхожденія не образуетъ тѣсной организованной группы, пока эти разноголосные элементы, такъ сказать, не обсоюзятся между собой, пока ихъ аггломерація не начнетъ переплавляться въ расу (напр., янки въ Соединенныхъ Штатахъ), точно также и стадо, состоящее изъ животныхъ, несоединенныхъ другъ съ другомъ кровными узами, далеко отъ того, чтобъ заслуживать вначалѣ имя общины и проявлять организацію, свойственную обществамъ этого рода. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ человѣческомъ обществѣ, необходимо содѣйствіе физіологической связи для того, чтобы при помощи кровосмѣшенія сдѣлать организмы родственными въ смыслѣ ихъ сходства, создать въ нихъ общія привычки и стремленія и привести ихъ къ выбору вождей, которыми бываютъ или старые самцы или опытныя матки. Но воспроизводительное общество, какъ мы это увидимъ, имѣетъ своимъ фундаментомъ общество питанія, съ которымъ оно тѣсно связано. Итакъ, когда нор-

мальное общество основывается на началѣ взаимныхъ отношеній, оно имѣетъ уже подъ собой органическіе устои и предполагаетъ между его членами настоящее соотвѣтствіе органовъ. Оно всегда прививается къ воспроизводительному обществу, какъ это послѣднее въ свою очередь — къ обществу питанія. Никакое случайное общество не имѣетъ этого характера, потому что существа, входящія въ ихъ составъ, не принадлежатъ къ одному и тому же виду и, слѣдовательно, не могутъ вступать между собой въ тѣ физіологическіе союзы, которые дѣлаютъ изъ всякаго нормальнаго общества одно живое цѣлое въ полномъ смыслѣ этого слова.

Нормальныя общества съ вышеуказаннымъ нами характеромъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Или существа, ассоціирующіе между собой для выполненія существенной функціи, являются соединенными органически при самомъ рожденіи и поддерживаютъ взаимное сообщеніе другъ съ другомъ посредствомъ своихъ тканей и полостей, или же этотъ союзъ совершается лишь впослѣдствіи и сообщеніе черезъ ткани и полости устанавливается по прошествіи извѣстнаго времени послѣ рожденія. Поэтому мы считаемъ себя вправѣ разгруппировать нормальныя общества на первообразныя или прирожденныя и общества вторичныя или производныя. Прибавимъ теперь же, что первыя изъ нихъ какъ разъ тѣ, гдѣ совмѣстно практикуемая функція составляетъ одну изъ функцій питанія; между тѣмъ какъ функція воспроизведенія (а слѣдовательно и жизнь взаимныхъ отношеній) служитъ обыкновенно связующимъ звѣномъ вторичныхъ обществъ, которыя, съ этой точки зрѣнія, можно назвать также избирательными, вслѣдствіе выбора, принимающаго въ большей или меньшей степени участіе въ ихъ образованіи.

Мы понимаемъ всю абстрактность первыхъ абрисовъ нашей классификаціи и потому спѣшимъ дать ей плоть и кровь, переходя вслѣдъ за этимъ къ деталямъ намѣченныхъ ими конкретныхъ обществъ. Но насъ останавливаетъ одно затрудненіе, которое необходимо устранить, прежде чѣмъ мы отправимся съ читателемъ въ дальнѣйшій путь. Откуда должно начинаться изученіе обществъ? Вопросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма трудный.

Разсматривая крайніе предѣлы, до которыхъ поднимается низшая граница соціологической области, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ Гварена де Витри (Guarin de Vitry), представляющимъ собой лишь болѣе рѣзко выраженное повтореніе взглядовъ Спенера. По мнѣнію этого автора, человѣческое общество одно только заслуживаетъ названіе настоящаго общества. Поэтому существеннымъ предметомъ соціологіи должно быть человѣчество. Проявленія общественной жизни, встрѣчающіяся у животныхъ (стадо, стая, улей, муравейникъ), могутъ имѣть въ ней мѣсто лишь въ качествѣ вступительнаго очерка или *досоціологіи* (*présociologie*). Основаніе такого разграниченія онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Хотя различныя проявленія жизни въ сущности отличаются другъ отъ друга лишь въ количественномъ отношеніи, однако для того, чтобы получить научное понятіе о каждомъ изъ нихъ и объ ихъ совокупности, мы должны разсматривать всякій родъ явленій въ наивысшей степени его развитія и изучать его въ такой категоріи объектовъ, гдѣ онъ проявляется съ наибольшей полнотой и напряженіемъ *). Мы не отрицаемъ, что выраженный здѣсь принципъ имѣетъ свои выгоды, но при одномъ только условіи—чтобъ разъясненія, собранныя при изслѣдованіи совершенныхъ формъ, прилагались потомъ къ изученію формъ переходныхъ, которыя служили для первыхъ подготовительными ступенями и потому вполнѣ заслуживаютъ занимать соотвѣтственное имъ мѣсто въ наукѣ. Въ этомъ случаѣ необходимо избѣгать двухъ крайностей. Ошибочно было бы принимать въ исключительномъ смыслѣ прекрасное правило Аристотеля, противоположное только что цитированному нами: «Изучать жизненныя явленія, начиная съ ихъ первыхъ зачатковъ, значитъ слѣдовать какъ въ политикѣ, такъ и во всѣхъ наукахъ, наилучшему методу». Нѣтъ ничего справедливѣе этого начала, если смотрѣть на на него, какъ на одну изъ существенныхъ частей метода; но оно сдѣлалось бы источникомъ самыхъ грубыхъ заблужденій, если бы

*) *Revue de philosophie positive*, май—іюнь 1875. Тотъ же авторъ возвращается къ этому вопросу въ статьѣ, написанной по поводу настоящаго сочиненія и помѣщенной въ томъ же обозрѣніи, ноябрь и декабрь 1877 г.

мы его возвели въ *цѣлый* методъ. Предметъ науки заключается въ полномъ развитіи каждой группы явленій, начиная съ того момента, когда она становится доступной для наблюденія и до той границы, гдѣ эти явленія перестаютъ существовать. Но соціальные факты слишкомъ наглядно проявляются въ животномъ царствѣ, чтобъ можно было въ нихъ не искать первыхъ фазъ соціологическаго развитія. Было бы совершенно произвольнымъ исключать ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они составляютъ лишь зачатокъ, точно также какъ исключать изъ области соціальной науки цивилизованныя націи съ тѣмъ, чтобъ ограничить ее изученіемъ однихъ только первобытныхъ обществъ. Но, говоритъ Гваренъ де Витри, животныя общества не отличаются ни отъ внѣшняго міра, ни отъ другихъ обществъ; они не имѣютъ сами по себѣ опредѣленнаго сознанія, которое позволяло бы имъ точно противополагать себя тому, что существуетъ внѣ ихъ. — Прежде всего, требовать, чтобъ общество имѣло ясное сознаніе и распространять до этого высокаго предѣла границы науки, значило бы, быть можетъ, совсѣмъ исключать изъ ея области общества дикарей; затѣмъ необходимо ли признавать общественное сознаніе существующимъ только тогда, когда оно является въ той развитой формѣ, которой обыкновенно придается это названіе и когда оно сохраняется путемъ традиціи? Развѣ коллективное сознаніе, такъ же какъ и индивидуальное, не имѣетъ своихъ степеней? Перестаетъ ли коллективное сознаніе существовать потому только, что оно затемнѣно, и если это сознаніе существуетъ тамъ, гдѣ оно деградируетъ, то на какомъ основаніи мы будемъ отказываться отъ изученія его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно начинаетъ пробивать себѣ дорогу? Намъ кажется, что изслѣдованіе животныхъ обществъ должно составлять не вступленіе въ соціологію, а первую ея главу.

Напрасно авторъ утверждаетъ, что если бы указываемая имъ граница не была принята, то соціологу пришлось бы спуститься до обществъ растеній и звѣздъ. Что же, если бы точный наблюдатель успѣлъ открыть въ отношеніяхъ растеній между собой или частей одного и того же растенія слѣды сотрудничества, то мы не видѣли бы никакого затрудненія признать эти изслѣдованія относящимися къ области соціальной науки и нисколько не сомнѣваемся,

что къ нимъ были бы приложимы ея общія начала. Въ дѣйствительности многія изъ явленій, о которыхъ мы будемъ говорить, принадлежатъ столько же къ растительному, сколько къ животному царству, потому что многія инфузоріи имѣютъ сомнительно двойственную природу. Споры объ истинномъ значеніи слова *индивидъ* и терминахъ, которыми обозначались собранія индивидовъ—*почка*, *отводокъ* или *черенокъ*, *отпрыскъ* и т. д.—были подняты ботаниками раньше, чѣмъ зоологами *). Что касается звѣздъ, то онѣ— не живыя существа. Эти массы неорганической матеріи не можетъ соединять никакая взаимность функцій, если только не злоупотреблять общепринятой терминологіей до отождествленія этого названія съ всемірнымъ тяготѣніемъ.

Итакъ, соціологія, по нашему мнѣнію, должна включать въ себѣ, въ качествѣ различныхъ стадій одного и того же развитія, и факты соціальной жизни человѣка, и проявленія этой жизни въ мірѣ животныхъ, подобно тому, какъ въ біологическое изученіе живаго существа должна входить его зародышевая жизнь, хотя граница между этой фазой жизни и всѣми дальнѣйшими теряетъ приэтомъ свое рѣзкое обозначеніе. Совершенно такимъ же образомъ, не пе-

---

*) См. Quatrefages. *Métamorphoses de l'homme et des animaux*, стр. 229 и слѣд. и Гартманъ. *Философія безсознательнаго*, т. II. стр. 160. Послѣ резюмированія различныхъ мнѣній ботаниковъ объ этомъ предметѣ, нѣмецкій философъ дѣлаетъ такое заключеніе: «Каждое изъ этихъ мнѣній можетъ опираться на солидныя основанія. Каждое изъ нихъ вѣрно, по скольку оно разсматриваетъ ту или другую часть, какъ индивидъ, и въ то же время ложно, по скольку оспариваетъ другія утвержденія. Здѣсь вопросъ не въ томъ, чтобъ высказаться исключительно въ какомъ-либо одномъ направленіи о такомъ-то или такомъ-то элементѣ, а въ томъ, чтобъ утвердить ихъ права на индивидуальность. Не только цѣлое растеніе, но каждый корень и каждый побѣгъ, такъ же какъ каждый листъ и каждая клѣточка, соединяютъ въ себѣ всѣ свойства, которыя, какъ мы указали выше, необходимы для образованія индивидуальности. Такимъ же образомъ Декандоль различаетъ въ растеніи пять классовъ индивидовъ (клѣточка, почка, черенокъ, побѣгъ, зародышъ); Шлейденъ—три (клѣточка, почка, побѣгъ); Геккель—шесть (клѣточка, органъ, антимера, členикъ (метамера), особь, колонія». Читатель видитъ, что вопросъ ставится нами въ тѣхъ же рамкахъ и что мы его рѣшаемъ такимъ же образомъ.

реставая видѣть въ человѣческомъ обществѣ расцвѣтъ соціальной жизни, необходимо изучать ея зачатки въ низшихъ обществахъ.

Нужно ли идти далѣе? Слѣдуетъ ли включать въ соціологію явленія непрерывной группировки, которую намъ представляютъ органическіе элементы, составляющіе индивидъ? Мы думаемъ, что слѣдуетъ. Если ясность сознанія, противоположеніе себя окружающему міру, память и предвидѣніе составляютъ отличительныя качества общества въ человѣческихъ массахъ, то почему тѣ же аттрибуты должны быть исключены изъ ассоціаціи въ человѣческомъ индивидѣ? Въ дѣйствительности мы составлены изъ милліона крошечныхъ существъ, взаимодѣйствіе и сотрудничество которыхъ знаменитѣйшіе физіологи *) сравнивали съ трудомъ рабочихъ на обширномъ заводѣ, или жителей многолюднаго города, гдѣ артеріи, подобно дорогамъ и каналамъ, несутъ питательные продукты къ его различнымъ кварталамъ, между тѣмъ какъ нервы, уподобляясь телеграфнымъ проволокамъ, передаютъ сообщенія и приказанія отъ окружности къ центру и отъ центра къ окружности. Никакой біологическій фактъ не установленъ такъ прочно, какъ образованіе и составъ индивида.

Серьезныя возраженія могутъ исходить только со стороны психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе (nom) индивида предполагаетъ существованіе атомовъ, надѣленныхъ разумомъ (les atomes spirituels) или абсолютно простыхъ существъ. Не говоря о человѣческой индивидуальности, остающейся внѣ рамокъ нашего изслѣдованія, спросимъ себя, что слѣдуетъ думать о животной индивидуальности. Конечно, въ ней нѣтъ ничего абсолютнаго; она соотносительна съ различными состояніями животнаго, съ различными фазами его существованія. Во время сна индивидуальность выражается значительно менѣе ясно, чѣмъ при бодрствованіи; анэстезическія средства подавляютъ ее,

---

*) Haeckel. *Histoire naturelle de la création*, стр. 292.—Вирховъ. *Целлюлярная патологія*, глава XV: жизнь элементовъ, переселеніе и мобилизація клѣточекъ, хищничество и т. д., стр. 319 и слѣд.—C. Bernard. *Revue des cours scientifiques*, 1864, 1-го сент. и 1875, стр. 778.—Robin. *Des éléments anatomiques*, стр. 2 и д.—Milne Edwards. *Leçons de physiologie*, томъ VIII., стр. 440.—Bert. *Conférence*, цитированная Гаэтаномъ Делонэ (Gaetan Delaunay) въ его «*Programme de Sociologie*».

наркотическія, спиртныя и др. возбуждаютъ; въ младенческомъ возрастѣ, но въ особенности до рожденія, она вполнѣ скрыта и неопредѣленна до такой степени, что зародышъ можетъ сдѣлаться двойчатымъ (уродливость) съ сознаніемъ, раздвоеннымъ соотвѣтственно другимъ жизненнымъ отправленіямъ. Что нужно думать о сознаніи собаки, отравленной ядомъ кураре и подвергаемой процессу искусственнаго дыханія? Пріостановите механизмъ, поддерживающій ея дыханіе, функціи одна за другой начнутъ прекращать свою дѣятельность, и собака умретъ; поддержите этотъ механизмъ, и собака будетъ жить, благодаря прогрессивному возстановленію ея жизненныхъ процессовъ. Въ первомъ случаѣ ея сознаніе вмѣстѣ съ жизнью угасаетъ, во второмъ постепенно возвращается къ нормальному состоянію. Отдѣляя различныя части головнаго мозга, можно по произволу уменьшать концентрацію сознанія. Если мы пожертвуемъ однимъ животнымъ и привьемъ часть его тѣла къ другому организму, то она войдетъ въ сферу сознанія новаго индивида и будетъ такимъ образомъ принимать участіе послѣдовательнс въ двухъ сознаніяхъ—вещь положительно невозможная, если бы сознаніе было недѣлимо. Что общаго и отличнаго между сознаніемъ матери и зародыша у млекопитающихъ? Вопросъ крайне затруднительный, особенно если оживляющее начало того и другаго заключается въ психическомъ атомѣ. Къ какой индивидуальности слѣдуетъ отнести сперматозоевъ, которые, отдѣлившись отъ тѣла самца, ведутъ независимое существованіе въ сѣмепріемникѣ шмелей и осъ и въ гектокотилѣ (отдѣляющееся щупальце) нѣкоторыхъ головоногихъ, какъ напр. Аргонавты, *Philonexis*, *Tremoctopus*? (Объ индивидуальности, см. Спенсеръ. *Біологія*, т. I. гл. VI). Наконецъ, тотъ же вопросъ слѣдуетъ поставить и относительно животныхъ, которыя занимаютъ низкое мѣсто въ зоологической лѣстницѣ именно вслѣдствіе того, что ихъ нервная система (а слѣдовательно и ихъ сознаніе) состоитъ изъ разсѣянныхъ центровъ, каждый изъ которыхъ живетъ своей отдѣльной жизнью, каковы напр. земляные черви и другія кольчатыя. Поэтому было бы болѣе согласно съ данными опыта смотрѣть на сознаніе, какъ на общую совокупность, чѣмъ на нѣчто абсолютно простое. Въ томъ, что обыкновенно называютъ животной особью, такъ

же какъ въ обществѣ, состоящемъ изъ соединенія особей, индивидуальность имѣетъ свои степени и всегда предполагаетъ ассоціацію, для которой она составляетъ съ одной стороны причину, а съ другой—результатъ. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія, индивидъ, будучи простымъ на видъ, входитъ въ область соціологіи, по крайней мѣрѣ на сколько онъ самъ состоитъ изъ другихъ индивидовъ. Многіе изъ вопросовъ, для которыхъ онъ служитъ источникомъ, встрѣчаются, такъ сказать, на порогѣ общественной науки.

Въ нашихъ понятіяхъ объ индивидѣ играютъ соотвѣтствующую роль нѣкоторыя морфологическія воззрѣнія, добытыя нами изъ разсмотрѣнія живыхъ существъ. Мы принимаемъ за типъ индивидуальности самихъ себя и отказываемъ въ ней всякому существу, слишкомъ удаляющемуся отъ этого типа. Какъ только то или другое существо перестаетъ имѣть опредѣленныя очертанія и обладать независимыми движеніями, мы уже не представляемъ его себѣ индивидомъ. Однако же нѣтъ никакого основанія принимать человѣка за абсолютное мѣрило вещей. Къ тому же даже нашъ собственный организмъ не утрачиваетъ своей индивидуальности вслѣдствіе измѣненія его формы при уродованіи или отнятіи нѣкоторыхъ частей и съ потерей его двигательной способности: калѣка и идіотъ продолжаютъ еще быть индивидами, хотя ихъ индивидуальность выражается въ меньшей степени. Животное, присосавшееся къ другому, какъ напримѣръ самецъ нѣкоторыхъ паразитныхъ ракообразныхъ, впивающійся въ самку, также остается индивидомъ, но опять-таки въ меньшей степени, чѣмъ другія животныя, обладающія болѣе опредѣленной формой и болѣе независимыми движеніями. Кусокъ солитера или лентовидной миріаниды представляетъ тѣ же свойства, но выраженныя еще слабѣе. Такимъ образомъ мы дошли до неподвижнаго полипа, котораго можно въ извѣстныхъ случаяхъ рѣзать и выворачивать на всевозможныя манеры, не лишая это убогое существо его жизненнаго единства, мы дошли до губки и амёбы. Нельзя поэтому сказать, что такая-то опредѣленная форма и такая-то степень независимаго движенія есть безусловный типъ индивидуальности. Напротивъ, будетъ основательнѣе признать, что эти два характерныя свойства способны къ безчисленному множе-

ству градацій и что индивидуальность начинается тамъ, гдѣ то или другое изъ нихъ начинаетъ проявляться. Но самую низшую степень единства какъ органическаго, такъ, быть можетъ, и психическаго представляетъ собой простая подвижная или неподвижная клѣточка. Поэтому съ первыхъ группированій клѣточекъ и должна начинаться соціологія. А такъ какъ всякій сложный индивидъ представляетъ собой комбинаціи клѣточекъ или другихъ органическихъ элементовъ, то онъ есть особый родъ общества который не можетъ быть исключенъ изъ соціологіи.

При такомъ воззрѣніи, область этой науки заключала бы въ себѣ, во-первыхъ, общества съ опредѣленнымъ сознаніемъ и постоянной традиціей, т. е. высшія человѣческія общества, затѣмъ— частью въ мірѣ человѣка, частью въ царствѣ животныхъ общества съ смутнымъ сознаніемъ и эфемерными традиціями и, наконецъ, цѣлую серію сложныхъ индивидовъ, начиная отъ одаренныхъ сознаніемъ и разсудкомъ до такихъ, гдѣ взаимодѣйствіе органическихъ элементовъ образуетъ индивидуальность, проявляющуюся все болѣе и болѣе слабо. Но здѣсь можетъ представиться новое возраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, не будетъ ли понимаемая такимъ образомъ соціологія смѣшиваться въ низшихъ областяхъ своего вѣдѣнія съ біологіей? Не представляетъ ли собой эта наука за послѣднее время изученіе формъ и функцій элементарныхъ организмовъ или, другими словами, не пріобрѣтаетъ ли въ ней все большее и большее значеніе гистологія? Не составляютъ ли предметъ самыхъ дѣятельныхъ ея изысканій законы, управляющіе группировкой этихъ живыхъ элементовъ, и относить эти законы къ области соціологіи не значитъ ли предлагать ей столько же смѣлый, сколько безполезный захватъ?

Мы отвѣтимъ на это, что науки высшаго порядка всегда образуются, такъ сказать, изъ *остатка* отъ менѣе конкретной и болѣе простой науки, которая логически ей предшествуетъ. Біологія, сложившаяся ранѣе соціологіи, не можетъ быть закончена безъ ея содѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, она констатируетъ группированія элементарныхъ организмовъ и даже установляетъ ихъ частные законы; но до сихъ поръ она была безсильна найти для ихъ объяс-

ненія общій законъ. Когда знаменитѣйшіе біологи сравниваютъ, какъ мы только что видѣли, ассоціаціи этихъ организмовъ съ колоніей, фабрикой, населеніемъ, они подчиняются необходимости отыскать болѣе высшую формулу, которая соглашала бы между собой и охватывала всѣ біологическіе факты, и ихъ какъ бы условленное согласіе въ выборѣ этихъ уподобленій позволяетъ придавать ему цѣнность научнаго сближенія. Такъ понималъ его Мильнъ-Эдвардсъ еще въ 1827 году. Но допуская, что нѣкоторые законы человѣческаго общества наблюдаются въ группахъ органическихъ элементовъ, тогда еще не видѣли, какимъ путемъ эти два міра могли быть соединены между собой. Со времени Конта связь эта уяснилась лучше. Такимъ соединительнымъ звѣномъ между вершинами соціологіи и собственно біологіи являются животныя общества, причемъ послѣдняя изъ нихъ представляетъ въ слабыхъ очертаніяхъ явленія, которыя принимаютъ лишь болѣе рельефную форму, сначала въ средѣ животныхъ и затѣмъ въ человѣчествѣ. Неудивительно поэтому, что указанныя сравненія такъ натурально выходятъ изъ-подъ пера біологовъ; необходимо признать, что они подтверждаютъ наши взгляды, и чѣмъ болѣе вѣрны эти сближенія, тѣмъ болѣе они проливаютъ для соціологіи свѣта на науку жизни.

Человѣческое знаніе требуетъ пограничныхъ чертъ между его различными областями, какъ бы ни были часто неопредѣленны ихъ естественныя границы. Но понятно, что двѣ науки, выходя одна изъ другой, могутъ нѣкоторое время сопровождать другъ друга, не смѣшиваясь между собой, подобно тому, какъ боковая вѣтвь на извѣстномъ протяженіи можетъ идти параллельно тому стволу, изъ котораго она исходитъ.

Впрочемъ, если соціологія изучаетъ нѣкоторыя группы явленій совмѣстно съ біологіей, то съ совершенно иной точки зрѣнія. Между многими особенностями, характеризующими организованныя тѣла, наиболѣе важны питаніе и воспроизведеніе. Соціологія не изучаетъ ни того, ни другаго изъ нихъ; она занимается только самымъ общимъ ихъ свойствомъ, свойствомъ группировки для содѣйствія той или другой изъ этихъ функцій, что придаетъ ей

специальную роль въ изслѣдованіи даже тѣхъ явленій, гдѣ она встрѣчается съ наукой жизни (біологіей). Мы скоро увидимъ, въ какихъ границахъ заключено это изученіе: въ самомъ дѣлѣ, оно можетъ имѣть въ виду лишь явленія группировки съ наиболѣе общимъ характеромъ, иначе соціологія стала бы вдаваться въ разборъ самыхъ жизненныхъ функцій и такимъ образомъ вышла бы изъ своей области. Эти, всегда столь деликатные, вопросы о границахъ требуютъ рѣшенія не столько по теоретическимъ соображеніямъ, сколько въ силу практическихъ потребностей наукъ.

Мы начнемъ разсмотрѣніе нормальныхъ обществъ съ тѣхъ, гдѣ соединены между собой простые органическіе элементы, признавая эти послѣдніе, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, за настоящіе индивиды, единственно заслуживающіе это названіе во всей его строгости (Шлейденъ принялъ этотъ критерій для растенія. См. Спенсеръ. *Основанія біологіи*, томъ I, глава VI) Робенъ ясно установилъ такой ихъ характеръ. Между организованной матеріей и неорганической частицей, по его взглядамъ, существуютъ слѣдующія различія. Прежде всего организованная матерія свертывается и никогда не кристаллизуется. Затѣмъ она даетъ начало анатомическимъ элементамъ, каждый изъ которыхъ обладаетъ индивидуальностью въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ свои особенности, дающія ему отличіе отъ всѣхъ остальныхъ его собратій. Всѣ кристаллы, образующіеся въ какомъ-либо химическомъ соединеніи, имѣютъ равные углы, между тѣмъ какъ анатомическіе элементы, входящіе въ составъ одной и той же ткани, никогда не бываютъ тождественны между собой. Наконецъ, анатомическій элементъ есть результатъ особаго рода ассоціаціи между химическими началами, принадлежащими къ тремъ различнымъ группамъ, находящимся временно въ неразрывной связи. Только изъ этого рода ассоціаціи и можетъ быть выведено понятіе организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно еще, чтобъ эти три начала были собраны вмѣстѣ; необходимо, чтобъ они *соединились* между собой, образовали извѣстнаго рода комбинацію—тогда только изъ нихъ составится органическое тѣло. Такимъ образомъ въ

истинномъ органическомъ индивидѣ анализъ не можетъ найти ничего болѣе простаго въ смыслѣ организаціи; это болѣе простое возможно получить только послѣ его разрушенія, но не въ видѣ другихъ низшихъ животныхъ организмовъ, изъ которыхъ онъ былъ бы составленъ, а въ формѣ химическихъ началъ, неспособныхъ уже въ ихъ некомбинированномъ состояніи къ свободному проявленію свойствъ, неотдѣлимо принадлежавшихъ индивиду. Этотъ біологическій атомъ, этотъ живой элементъ составляетъ границу, ниже которой кончается область біологіи и начинается уже царство химіи. Какъ бы ни назывался анатомическій элементъ — клѣточкой, элементарнымъ организмомъ, органитомъ, пластидой и т. д.—во всякомъ случаѣ его первоначальный, такъ сказать, несократимый характеръ не отрицается никѣмъ. Итакъ, область соціологіи начинается съ первыхъ группированій анатомическихъ элементовъ.

Но, спрашивается, существуетъ ли гдѣ-нибудь этотъ одноклѣточный органитъ внѣ живаго тѣла? Представляется ли онъ намъ когда-либо въ свободномъ состояніи? Несомнѣнно, такъ какъ клѣточка, къ которой сводится вначалѣ всякій сложный индивидъ — первичный мѣшечекъ (l'urticule primordial), откуда выходитъ всякое живое существо — есть именно органитъ и ничего болѣе. Какъ бы ни были безчисленны органиты, входящіе въ составъ того или другаго высшаго животнаго, всѣ они произошли и развились изъ этого первичнаго зачатка. Этого, въ полномъ смыслѣ, всемірнаго факта совершенно достаточно, чтобъ дать намъ право провести параллель между органитами, развивающимися въ какомъ-либо организмѣ, и свободными клѣточками, живущими по большей части въ водахъ и извѣстными подъ именемъ инфузорій *). Хотя на самомъ дѣлѣ микроскопическія существа этихъ

*) Къ гистологическимъ элементамъ человѣческаго тѣла, способнымъ къ движенію, кромѣ лимфатическихъ клѣточекъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, относятся еще клѣточки соединительной и эпителіальной тканей. Зная это свойство, можно доказать въ нѣкоторыхъ изъ этихъ клѣточекъ настоящія физіологическія отправленія. Приходя въ движеніе, онѣ напоминаютъ собой амебъ и другіе одноклѣточные организмы, входящіе въ классъ монадъ Геккеля. «Онѣ имѣютъ всѣ наружные признаки свободныхъ и независимыхъ тѣлъ и представляютъ въ полномъ

двухъ родовъ выполняютъ различныя назначенія, но съ соціологической, такъ же, какъ и съ біологической, точки зрѣнія природа ихъ одна и та же. Они одинаково зарождаются въ средѣ протоплазмы, одинаково развиваются и размножаются по извѣстнымъ сходнымъ законамъ (напр. сегментація). Поэтому въ нашемъ очеркѣ нѣтъ отдѣльнаго мѣста для того, что̀ обыкновенно называется индивидомъ:—это многоклѣточные организмы, которые въ отношеніи частичнаго группированія должны быть сходными съ гораздо менѣе совершенными комбинаціями клѣточекъ, встрѣчающимися въ послѣднихъ рядахъ животнаго царства. Мы не утверждаемъ, чтобъ существовала прямая связь между самыми низшими и наиболѣе высшими существами—такой вопросъ совершенно чуждъ нашей задачѣ; я стою только за то, что всѣ эти различныя группировки имѣютъ одну и ту же природу и объясняются одними и тѣми же общими законами.

Жіаръ *) выражаетъ желаніе, чтобъ названіе индивида сохрани-

значеніи клѣточные индивиды». (Вирховъ. *Целлюлярная патологія*, стр. 350). См. о томъ же: Гексли. *Сравнительная анатомія безпозвоночныхъ*). Мы уже видѣли въ нашемъ введеніи, что большая часть біологовъ склонна смотрѣть на всѣ подвижные или неподвижные гистологическіе элементы, какъ на своего рода индивиды.

*) *Des synascidies*, стр. 92. См. Спенсеръ, *Основанія біологіи*, гл. VI тома I, объ индивидуальности.—Гартманъ въ своей *Философіи безсознательнаго* (т. II, стр. 156) опредѣляетъ индивидуальность слѣдующимъ образомъ: „Индивидъ есть существо, соединяющее въ себѣ пять возможныхъ родовъ единства: 1° единство въ пространствѣ (форма); 2° единство во времени (непрерывность дѣйствія); 3° единство причины (внутреннее); 4° единство цѣли; 5° единство взаимности дѣйствія между различными частями (по стольку, по скольку имѣется на лицо разнообразіе частей; иначе послѣднее условіе уничтожается само собою). Тамъ, гдѣ не достаетъ единства формы, какъ напр. въ роѣ пчелъ, не можетъ быть рѣчи объ индивидѣ, хотя бы при этомъ другія единства не только существовали, но проявлялись даже въ наиболѣе высокой степени. Отсюда видно, что Гартманъ сходится съ нами лишь въ томъ, что касается колоній и аггрегатовъ, состоящихъ изъ непрерывной массы. Немного далѣе онъ говоритъ по поводу Пирофоровъ, описанныхъ Фогтомъ, и наблюденій Вирхова: „Тотъ, кто считаетъ возможнымъ приписывать индивидуальность той или другой части, будетъ, безъ сомнѣнія, затрудняться такими примѣрами. Для насъ цѣлое (le tout) есть только

лось за живыми существами, составленными изъ органовъ, которые въ свою очередь состояли-бы изъ гистологическихъ элементовъ (пластиды). Такая номенклатура имѣетъ за собой выгоду оставаться въ согласіи съ общепринятымъ языкомъ, и этой выгодой едва ли слѣдуетъ пренебрегать. Но намъ кажется невозможнымъ въ одно и то же время сохранить согласіе съ фактами и обыденной рѣчью. Логика требуетъ, чтобъ эта идеальная граница была перейдена и сверху и снизу. Съ одной стороны, нація есть индивидъ. Вся наша книга въ сущности не имѣетъ другой цѣли, какъ доказать косвеннымъ путемъ справедливость этого положенія. Съ другой стороны, становясь на противоположную оконечность лѣстницы, мы должны признать, что гистологическій элементъ также обладаетъ своей собственной индивидуальностью, хотя обыденный языкъ и отказываетъ ему въ ней; автономія ея достигаетъ, какъ мы увидимъ, высокой степени во всѣхъ живыхъ существахъ, если ее разсматривать въ моментъ перваго зарожденія. Въ этотъ моментъ первичная клѣтка является уже не составною частью; она есть полное цѣлое,—животное во всемъ значеніи этого слова и притомъ животное одноклѣточное. Почему бы его въ этомъ состояніи не поставить въ одинъ рядъ съ другими одноклѣтными животными? Мы знаемъ, что Клапаредъ и Лахманъ отказываются смотрѣть на инфузорій, какъ на простыя клѣтки. Большинство этихъ животныхъ, по ихъ мнѣнію, обладаетъ слишкомъ сложной структурой для того, чтобъ давать право на такое отождествленіе или даже уподобленіе. Можетъ ли быть, говорятъ они, что нибудь страннѣе клѣточекъ, снабженныхъ ртомъ, глоткой, пищеварительной полостью и заднимъ проходомъ, — клѣточекъ, плавающихъ, гребущихъ и бѣгающихъ! Они отказываются приравнивать къ простой клѣточкѣ даже амёбъ, такъ какъ то образованіе, которое въ центрѣ амебы называется ядромъ,

---

индивидъ высшаго порядка, который обнимаетъ собой всѣ другіе индивиды. Въ ассоціаціи пчелъ и муравьевъ мы такъ-же смотрѣли бы на цѣлое, какъ на индивидъ высшаго порядка, если бы она представляла намъ единство въ пространствѣ, т. е. непрерывность формъ. Мы находимъ ее здѣсь и потому, не колеблясь, говоримъ объ индивидѣ". (стр. 165, т. II).

не имѣетъ ничего общаго въ ихъ глазахъ съ ядромъ клѣточки; это ничто иное, какъ половая зачатковая железа; сверхъ того, амеба, какъ всѣ инфузоріи, имѣетъ свѣтлое пятно, которое обладаетъ почти правильными періодическими сокращеніями и, по взгляду этихъ авторовъ, аналогично сердцу у наиболѣе высшихъ организмовъ. «Такой органъ, какъ сократительный пузырекъ, очень трудно представить себѣ въ простой клѣточкѣ» *). Оставимъ на судъ микрографовъ рѣшеніе вопроса, можетъ ли ядро всякой клѣтки, подобно ядру амебъ, приниматься за зачатковую железу. Но мы можемъ замѣтить вмѣстѣ съ самими Клапаредомъ и Лахманомъ, что рѣшеніе спора объ одноклѣточности инфузорій зависитъ на самомъ дѣлѣ отъ опредѣленія, какое дается клѣткѣ. Что касается до насъ, то мы будемъ называть этимъ именемъ всякій организмъ, въ которомъ нельзя уловить никакого болѣе простаго и опредѣленнаго элемента. Но они сами признаютъ, что при тѣхъ средствахъ наблюденія, какими располагаетъ естествознаніе, въ инфузоріяхъ невозможно уловить никакого болѣе простаго гистологическаго элемента. Когда инфузорія погибаетъ отъ дѣйствія кислоты, она не раздѣляется на ощутимые для глаза элементы, а растворяется безъ всякаго остатка. Такимъ образомъ, при настоящемъ состояніи науки, инфузорія должна считаться полнымъ аналогомъ гистологическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ многоклѣточныхъ организмовъ **); подобно имъ, она представляетъ собой біологическій атомъ, т. е. такую стадію организаціи, ниже которой нѣтъ ничего, кромѣ химическаго вещества, лишеннаго аттрибутовъ жизни. Мы не придаемъ слову клѣточка слишкомъ строгаго смысла и употребляемъ его только за неимѣніемъ другаго, такъ какъ знаемъ, что въ сущности клѣтка, сохраняя вполнѣ присущій ей характеръ неразложимаго, т. е. про-

*) *Des infusoires*, стр. 430. См. мнѣніе Гексли о роли сократительнаго пузырька въ его *Сравнительной анатоміи безпозвоночныхъ животныхъ*, стр. 4. Онъ видитъ въ немъ скорѣе органъ дыханія и выдѣленія.

**) Оставляя въ сторонѣ сократительный пузырекъ, нельзя не замѣтить, что сходство амебы относительно структуры и способа ея питанія съ бѣлыми кровяными тѣльцами высшихъ животныхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія (Гексли. *Сравнительная анатомія безпозвоночныхъ*, стр. 19).

стѣйшаго жизненнаго элемента, въ то же время можетъ представлять весьма разнообразныя очертанія и степени организаціи. Все высказанное нами до сихъ поръ сводится къ тому, что гистологическіе элементы высоко организованныхъ тѣлъ такъ же, какъ и несократимые (простѣйшіе) элементарные организмы въ ихъ свободномъ состояніи, представляютъ намъ опредѣленную и отправную точку для изученія послѣдующихъ комбинацій, и что, съ соціологической точки зрѣнія, простыя инфузоріи могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ съ зачатковымъ пузырькомъ и сперматозоями, съ которыхъ начинается развитіе всякаго сложнаго индивида. Мы не настаиваемъ на абсолютномъ характерѣ этой границы. Если наблюденію удастся открыть въ инфузоріяхъ и зачаточномъ пузырькѣ еще болѣе простые, но опредѣленные жизненные элементы, то соціологія должна распространить до нихъ свою область. Но въ настоящее время она пока еще не можетъ переступать того, что Мильнъ-Эдвардсъ называетъ органитомъ, все равно, останется ли этотъ органитъ свободнымъ, или войдетъ въ составъ ткани. Если настоящій физіологическій индивидъ есть тотъ, который обходится своими средствами при выполненіи существенныхъ жизненныхъ функцій, то мы будемъ имѣть въ этой сферѣ первую реализацію типа индивидуальности.

Общества питанія.—Общества питанія, какъ мы видѣли, имѣютъ тотъ общій характеръ, что составляющіе его индивиды бываютъ постоянно связаны между собой, начиная отъ рожденія, и никогда не живутъ свободными. Такимъ образомъ здѣсь индивиды вовлекаются въ общество самымъ способомъ ихъ размноженія. Дюжарденъ первый установилъ этотъ законъ, который никѣмъ не отрицался и испыталъ съ тѣхъ поръ лишь незначительныя поправки. Вотъ что онъ говоритъ по его поводу (*Infusoires*, 1841, стр. 28 въ примѣчаніи): «Между животными, первоначально жившими раздѣльно, никогда не замѣчали положительно выраженнаго органическаго сростанія. Я полагаю, что сростаніе полиповъ есть результатъ почкованія, а не послѣдствіе ассоціаціи многихъ животныхъ. Если свободно плавающія молодыя сложныя асцидіи не представляютъ соединенія многихъ молодыхъ животныхъ, то я не заклю-

чаю отсюда, что онѣ живутъ сначала раздѣльной жизнью и затѣмъ впослѣдствіи сростаются въ аггрегаты, а думаю, что скорѣе эти аггрегаты происходятъ вслѣдствіе постепеннаго и продолжительнаго почкованія, такъ какъ въ ихъ массѣ всегда находятся индивиды весьма различныхъ возрастовъ». Авторъ не упускаетъ случая высказаться противъ тѣхъ естествоиспытателей, которые хотятъ видѣть въ соединеніи инфузорій нормальный фактъ. По его мнѣнію, эта агломерація всегда бываетъ случайной и никогда не обладаетъ той тѣсной связью, какая присуща тканямъ. Его доводы на этотъ счетъ, какъ увидитъ читатель въ концѣ настоящей главы, довольно пространны. Въ свою очередь мы можетъ сказать вмѣстѣ съ Дюжарденомъ, что безчисленное множество обществъ питанія состоитъ не изъ свободныхъ вначалѣ особей, а изъ индивидовъ, родившихся вмѣстѣ или послѣдовательно развившихся изъ одного и того же агломерата.

§ 1. *Общества питанія безъ сосудистаго сообщенія.* Индивидуальностъ является господствующей чертой въ низшихъ рядахъ животнаго царства и притомъ индивидуальность, какъ будто безусловная. Здѣсь передъ нами проходятъ несмѣтныя полчища мелкихъ существъ, принадлежащихъ къ многоразличнымъ видамъ и живущихъ вполнѣ изолированно на сушѣ, въ водѣ и на другихъ животныхъ. Большое количество корненожекъ, изъ панцырей которыхъ образовались цѣлые континенты, въ физіологическомъ отношеніи, стоятъ совершенно уединенно. Слабость этихъ существъ происходитъ столько же вслѣдствіе ихъ мелкости, сколько вслѣдствіе ихъ изолированности. Однако же ассоціація начинаетъ возникать съ первыхъ же ступеней жизненной лѣстницы. Она является у всѣхъ высшихъ животныхъ еще въ первой фазѣ ихъ индивидуальнаго роста.

Многія корненожки живутъ агрегатами. Ихъ наиболѣе простые панцыри, будучи однокамерными, имѣютъ сферическую или грушевидную форму. Таковъ напр. видъ, названный, вслѣдствіе его формы, бутылочкой (*Lagena*). Но они осложняются наростаніемъ новыхъ камеръ, которыя то бываютъ расположены въ линейныхъ рядахъ (*Nodosaria*), то образуютъ сложенныя разнымъ образомъ

спирали (*Discorbina*), то, наконецъ, группируются безъ всякаго порядка. Но и это не все; новыя гнѣзда могутъ болѣе или менѣе покрывать собой старыя, причемъ промежутки, отдѣляющіе стѣнки этихъ помѣщеній другъ отъ друга, заполняются иногда въ большей или меньшей степени вторичными отложеніями, такъ что, наконецъ, изъ нихъ получаются столь же объемистыя и сложныя на видъ тѣла, какъ нуммулиты (Гексли, то же сочин., стр. 12).

Инфузоріи размножаются разными способами. Самый простой изъ нихъ дѣленіе. Всего чаще, при дѣленіи, новая клѣтка отдѣляется отъ своей праматери и ведетъ независимую жизнь. Иногда же—что случается относительно рѣдко—клѣточка эта остается прикрѣпленной къ своему родичу и продолжающееся дѣленіе скоро образуетъ цѣлую группу связанныхъ между собой клѣтокъ. Эта простая агломерація, похожая по своей формѣ на ежевику, покрывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣсничками, которыя позволяютъ ей двигаться. Таковы синамибы Геккеля (сложныя монады Дюжардена). На островѣ Эйсо, близь Бергена, говоритъ нѣмецкій натуралистъ (*Histoire de la création*, французскій переводъ, стр. 380), я нашелъ плавающіе на поверхности моря маленькіе шарики, сложенные изъ нѣсколькихъ десятковъ клѣточекъ, имѣющихъ грушевидную форму и снабженныхъ рѣсничками, причемъ всѣ они соединялись своими тонкими концами въ центрѣ общаго шара въ видѣ звѣзды. По прошествіи извѣстнаго времени, масса распадается, и клѣточки сначала уединенно блуждаютъ въ водѣ на манеръ нѣкоторыхъ рѣсничныхъ инфузорій, а потомъ опускаются на дно и мало по малу принимаютъ форму ползающей амебы. Впослѣдствіи они покрываются перепонкой и затѣмъ, путемъ повторнаго дѣленія, распадаются на множество новыхъ клѣточекъ, вполнѣ аналогично сегментаціи яйца. Этотъ способъ развитія принадлежитъ всему семейству шарошницъ (Volvocina) (Claparède et Lachmann, 2-й мемуаръ, стр. 52). Но здѣсь уже замѣчается нѣкоторое совершенствованіе. Почти всегда дѣленіе клѣточекъ происходитъ внутри общей оболочки или кисты. По крайней мѣрѣ такъ бываетъ у *Stephanospoera*. «Каждая *Stephanospoera* состоитъ обыкновенно изъ восьми индивидовъ, живущихъ се-

мействомъ въ общей студенистой оболочкѣ. Всякій индивидъ испытываетъ тройное парное дѣленіе (2, 4, 8), такъ что въ общей оболочкѣ заключается восемь группъ каждаго изъ восьми индивидовъ. Съ разрывомъ общей оболочки, группы эти раздѣляются и образуютъ новыя семейства. Иногда также индивиды выходятъ изъ семьи особняками и ведутъ каждый свою отдѣльную бродячую жизнь». (Claparède и Lachmann, то же соч.). («Евглена зеленая, которая, по мнѣнію Гексли, точно также можетъ считаться растеніемъ»). «Евглены закистовываются въ безцвѣтную прочную капсулу. Въ этой кистѣ происходитъ прогрессивное размноженіе дѣленіемъ въ порядкѣ 2, 4, 8, 16, 32 и т. д.». (Тамъ же, стр. 47). Шарошница обыкновенная (*Volvox globator*, «который всѣми теперь принимается за растеніе» Спенсеръ. *Основанія біологіи*) представляетъ тѣ же явленія. Она состоитъ изъ агрегата клѣточекъ, соединенныхъ между собой постоянно. «Иногда нѣкоторые индивиды семейства становятся не въ мѣру крупными... Скоро эти шарики окружаются студенистымъ веществомъ съ различно вырѣзывающимися коническими заостреніями»... (Тамъ же стр. 50). Тогда семейство умираетъ, спускается зимой или во время засухи на дно, гдѣ остается неподвижнымъ и затѣмъ раздѣляется на индивиды, изъ которыхъ образуются новыя семейства. Такимъ же образомъ закистовываются и молодыя грегарины въ тѣлѣ моллюсковъ, гдѣ они живутъ въ качествѣ паразитовъ. (Van Beneden. *Parasites et commensaux*, стр. 145). У общественныхъ Радіоларій общая оболочка достигаетъ плотности панцыря (Haeckel, стр. 389).

Это дѣленіе материнской клѣтки на значительное число производныхъ клѣточекъ замѣчается въ первой фазѣ развитія у всѣхъ высшихъ животныхъ; оно извѣстно подъ именемъ сегментаціи. Подобно вышеописаннымъ инфузоріямъ, высшее животное, прежде чѣмъ явится въ видѣ зародыша, представляетъ видъ бугристаго шарика, напоминающаго по формѣ ежевику или малину; бугорки эти сначала не совсѣмъ ясны, но потомъ мало по малу принимаютъ отчетливую форму и всѣ свойства клѣтокъ. По свидѣтельству Мильнъ-Эдвардса, только у насѣкомыхъ, пауковъ и нѣкоторыхъ раковъ сегментація или не имѣетъ мѣста или проявляется

слабо (*Physiologie*, т. VIII, стр. 401). Однако, по мнѣнію Гексли, общій характеръ всѣхъ безпозвоночныхъ животныхъ, кромѣ инфузорій, состоитъ именно въ развитіи изъ зародышевой перепонки (blastoderma) путемъ дробленія этой первичной ядроносной клѣтки.

До сихъ поръ мы видѣли только группы, образующіяся путемъ простаго скопленія. Группы, гдѣ каждый составной индивидъ обладаетъ ножкой, которой онъ связанъ съ другими членами общества, представляютъ собой типъ уже болѣе высшей организаціи. Общая форма, свойственная группамъ этого рода, бываетъ или вѣтвистая или сферическая. Вѣтвистую форму принимаютъ инфузорныя колоніи сувоекъ, фигурирующія у Клапареда и Лахмана подъ именами *Dendrosomae*, *Epistylis*, *Carchesium* и *Zoothamnium* (стр. 141, 151 — 153, 160, 2-й мемуаръ). «Живое дерево эпистилей постоянно представляетъ два совершенно правильныя вилообразныя развѣтвленія; эти вѣтви растутъ съ одинаковой скоростью, вслѣдствіе чего всѣ индивиды постоянно находятся на одной и той же высотѣ или—что одно и то же—на одномъ и томъ же уровнѣ. Отсюда слѣдуетъ, что семейство эпистилей представляетъ форму, сходную съ той, которая въ ботаникѣ называется *щитковымъ цвѣторасположеніемъ*». (Явленіе общее для всѣхъ *Zoothamnium*, 1-й мемуаръ, стр. 103). Стволы обнаруживаютъ такую же характерность, какъ и тѣла, вмѣстѣ съ ними растутъ и сокращаются порознь или вмѣстѣ, когда колоніи угрожаетъ какая нибудь опасность (смотри, что касается семейства сувоекъ, первый мемуаръ, начиная отъ стр. 94). Сувойки хотя и неподвижны, однако, безспорно занимаютъ первое мѣсто въ ряду инфузорій. Ни одно животное, кажется, не представляетъ этой вѣтвистой формы въ своемъ первичномъ развитіи. Рельефнымъ представителемъ сферической формы могутъ служить взрослыя шарошницы. Всѣ члены семейства связаны между собой нитями, выходящими отдѣльно изъ каждаго индивида, и плаваютъ вмѣстѣ при помощи обладаемыхъ ими рѣсничекъ. (Клапаредъ и Лахманъ, стр. 57). У Гоніумовъ эти нити или шнурки образуются чрезъ утоненіе и удлиненіе оконечности каждаго индивида (Тамъ же, стр.

57). Это сближало бы ихъ съ синамибами, которыя, какъ мы видѣли, соединяются между собой своими утоненными концами въ центрѣ общей сферы и, вслѣдствіе такой структуры, также принимаютъ, звѣздообразный видъ, если бы гоніумы не представляли расположенія, ставящаго ихъ, съ соціальной точки зрѣнія, выше самыхъ шарошницъ. Въ самомъ дѣлѣ, возрастаніе ихъ не сферическое, а пластинчатое. «Гоніумъ состоитъ изъ шестнадцати индивидовъ, соединенныхъ въ семейство въ формѣ пластинки, снабженной студенистой оболочкой (тамъ же, стр. 54)». Вся колонія плаваетъ цѣликомъ такъ же, какъ шарошницы. Мы полагаемъ, что этотъ типъ размѣщенія по плоскости выше другихъ, потому что приближается или составляетъ переходъ къ линейному расположенію, за которымъ мы скоро постараемся установить превосходство надъ всѣми другими типами. «Гоніумы граціозно качаются, юлятъ, поворачиваются впередъ и назадъ, сильно сгибаются и образуютъ цѣпь, которая плаваетъ, описывая самыя разнообразныя фигуры» (Turpin, цитируемый Клапаредомъ и Лахманомъ, 2-й мемуаръ, стр. 55).

Въ чемъ же состоитъ соціальное единство этихъ различныхъ группъ элементарныхъ индивидовъ? Нужно признать, что взаимное содѣйствіе членовъ этихъ группъ едва лишь ощутимо. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе своего соединенія они значительно выигрываютъ въ объемѣ—выгода немаловажная въ этомъ мірѣ инфузорій, гдѣ прожорливость осуждаетъ наименьшихъ братій на съѣденіе; они пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе прочную оболочку, дающую имъ новое средство защиты; наконецъ, благодаря рѣсничкамъ, которыми у синамибъ снабжены наружныя клѣтки, они выигрываютъ также въ движеніи, какъ относительно скорости, такъ, быть можетъ, и относительно его разнообразія; что же касается до сувоекъ, гдѣ добыча, усваиваемая индивидомъ, дѣлается общимъ достояніемъ, то это составляетъ для нихъ такую же выгоду, какъ если бы они занимали бо́льшее пространство и такимъ образомъ пользовались болѣе обширнымъ райономъ для добыванія пищи. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ выгодахъ, какъ незначительно еще и неопредѣленно взаимное содѣйствіе индивидовъ въ подобныхъ группахъ! Впрочемъ иначе и

не можетъ быть тамъ, гдѣ раздѣленіе физіологической работы такъ слабо развито. Всѣ члены этихъ рудиментарныхъ обществъ играютъ въ нихъ одну или почти одну и ту же роль. Вотъ почему коллективное единство можетъ нарушаться здѣсь безнаказанно во всѣхъ случаяхъ, когда индивиды отдѣляются отъ колоніи для размноженія. Органическое сростаніе, матеріальная связь, которая скрѣпляетъ ихъ другъ съ другомъ и не можетъ сама по себѣ основать сколько нибудь стройнаго общества, коль скоро между составляющими его индивидами нѣтъ физіологической солидарности.

Но если слабо единство цѣлаго, то не болѣе устойчива и индивидуальность частей: то и другое находится въ прямомъ отношеніи между собой. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что каждая изъ частей можетъ существовать сама по себѣ—свойство характеризующее въ извѣстномъ смыслѣ наивысшую степень индивидуальности—прямо вытекаетъ отсутствіе какого либо различія между ними, что̀, въ свою очередь, съ другой точки зрѣнія, говоритъ о наивысшей степени индивидуализма. Чтобъ остаться независимыми, всѣ дѣлаются почти тождественными—это индивидуальность песчинокъ.

Въ чемъ можетъ состоять причина этихъ группированій на самой низкой ступени животнаго царства? Мы должны ограничиться въ данномъ случаѣ одними лишь догадками. Въ сущности, вопросъ сводится къ тому, чтобъ опредѣлить начало, въ силу котораго часть клѣтки, стремящаяся обособиться отъ нея посредствомъ дѣленія, остается соединенной съ материнской частью, и не только разъ или два, но столько разъ, сколько членовъ въ агрегатѣ. Конечно, если допустить, что это повторяющееся двоеніе выгодно для вида, то мы можемъ сказать, что подборъ будетъ стремиться къ его сохраненію: въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, при отсутствіи всякаго разсудочнаго элемента, естественный подборъ будетъ играть необходимую и исключительную роль. Но если подборъ можетъ объяснить постепенное укрѣпленіе общественныхъ элементовъ жизни, то онъ не въ состояніи дать никакого разъясненія относительно ихъ происхожденія. Нельзя ли предположить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, дѣленіе клѣточекъ было какимъ либо родомъ замедлено и что въ теченіе того незначительнаго времени, пока они оста-

вались соединенными между собой, могли обнаружиться выгоды отъ ихъ совмѣстнаго существованія? Сомнительно. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли допустить на оборотъ, что, благодаря напримѣръ избытку питанія (также въ исключительныхъ случаяхъ), произрожденіе совершалось такъ быстро, что развитіе его предупреждало дѣйствіе центробѣжныхъ силъ и происходящая отсюда выгода для новаго индивида гарантировала прочность колоніи? Вмѣсто отвѣта, можно сказать, что здѣсь передъ каждымъ натуралистомъ открывается обширное поле для всякаго рода гипотезъ, но что здѣсь именно и рождается соціологія. Намъ кажется болѣе достойнымъ истиннаго служенія новой наукѣ отмѣтить указанную проблемму, чѣмъ объявлять ее преждевременно рѣшенной.

Что касается формы этихъ первичныхъ обществъ, то она, повидимому, достаточно опредѣляется отсутствіемъ причинъ, обусловливающихъ какую-либо иную. Синамибы и шарошницы группируются въ шары, потому что составляющія ихъ клѣточки необходимо располагаются такимъ образомъ при своемъ послѣдовательномъ дробленіи. И если каждая изъ этихъ клѣточекъ растрескивается лучеобразно, то это отъ того, что они неизбѣжно должны испытывать со всѣхъ сторонъ давленія отъ своихъ сосѣдей. Виноградныя сѣмечки, надавливаемыя другъ противъ друга, въ хорошо культивированной лозѣ принимаютъ то же расположеніе. Но почему сувойки усвоили себѣ вѣтвистую форму? Быть можетъ, причину этого нужно видѣть въ томъ фактѣ, что индивиды этого семейства снабжены ртомъ и заднимъ проходомъ, ловятъ добычу и вслѣдствіе этого обладаютъ довольно энергичной дѣятельностью питательныхъ процессовъ, что́ заставляетъ ихъ нѣсколько отдаляться другъ отъ друга. Отсюда происхожденіе и самого стебелька. Напротивъ, у синамибъ и шарошницъ индивиды питаются путемъ всасыванія и потому не могутъ испытывать неудобства отъ тѣснаго скучиванія.

§ 2. *Общества питанія съ сосудистымъ сообщеніемъ.*— А. *Полипы.*—Передъ нами теперь первый рядъ сложныхъ индивидовъ. Если мы допустимъ, что эти индивиды въ свою очередь соединяются въ общій аггрегатъ и образуютъ одно постоянное цѣлое, то

пойметъ возможность индивидуальности новаго рода, а именно состоящей изъ индивидовъ, уже не простыхъ, а сложныхъ, которые своей взаимной группировкой образуютъ вторую ступень соціальной организаціи. Таковъ въ дѣйствительности типъ ассоціаціи, представляемой полипами.

Законъ, установленный Дюжарденомъ, прилагается также и къ этой группѣ аггрегированныхъ животныхъ. Они такими родятся, но какъ бы ни было широко ихъ распространеніе, во всякомъ случаѣ отправной точкой кораллового полипняка служитъ не агломерація сложныхъ животныхъ, но одинъ постепенно возрастающій зародышъ (личинка, вышедшая изъ яйца или почки). Законъ этотъ имѣетъ высокую важность, и мы увидимъ при изслѣдованіи воспроизводительныхъ отправленій, что онъ переходитъ въ другой аналогичный съ нимъ принципъ.

Между инфузоріями и полипами, между обществами первой и второй соціальной ступени нѣтъ замѣтнаго перехода, который можно было бы указать при полномъ развитіи животныхъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ, кажется, однѣ только губки. Но развитіе ихъ еще мало изслѣдовано (*Revue scientifique*, 3 іюля 1875); поэтому мы ограничиваемся однимъ констатированіемъ факта. Для того чтобъ найти переходъ, требуемый началомъ постепенности, намъ нужно возвратиться къ личинковымъ формамъ полиповъ. Пусть въ синамибѣ образуется маленькая полость, пусть на одной изъ ея оконечностей появится отверстіе и образовавшійся такимъ образомъ мѣшокъ, принявши овальную форму, прирастетъ къ какому-нибудь подводному предмету своимъ концомъ, противоположнымъ отверстію, пусть, наконецъ, на поверхности внутреннихъ клѣточекъ выступятъ рѣснички — и передъ нами будетъ простой полипъ. Для того чтобъ уяснить себѣ типическую форму сложныхъ полиповъ, намъ ничего не остается, какъ представить первый полипъ раздѣлившимся на двѣ части, каждая изъ которыхъ открывается въ общую внутреннюю полость (Milne Edwards. *Coralliaires*, т. I, стр. 14). Различный способъ почкованія приводитъ въ концѣ концовъ къ одному и тому же результату. Итакъ, вторая форма ассоціаціи состоитъ въ группи-

рованіи сложныхъ индивидовъ, которые соединены между собой не только соприкосновеніемъ своихъ элементовъ и сращеніемъ тканей, но также непрерывнымъ продолженіемъ своихъ полостей, образующимъ изъ нихъ общіе сосуды. Настоящей общественной связью здѣсь, слѣдовательно, служитъ жидкость, переходящая отъ одного индивида къ другому вмѣстѣ съ заключенными въ ней органическими элементами или свободными клѣточками, функція которыхъ состоитъ въ постоянномъ питаніи и возобновленіи элементовъ каждаго сложнаго индивида *).

Мы предлагаемъ для этого рода обществъ общее названіе бластодемъ (blastodêmes), относя къ нимъ безразлично и собраніе индивидовъ и индивиды, состоящіе изъ болѣе или менѣе ясно выраженныхъ органовъ, лишь бы ихъ составныя части возникали, такъ сказать, изъ одного корня и оставались между собой нормально связанными. Это дѣленіе какъ разъ соотвѣтствуетъ тому, что́ нѣмецкій натуралистъ Іегеръ назвалъ *морфологическими индивидуальностями*, и имѣетъ много соотношеній съ біонтами Геккеля. Подъ *біонтами* Геккель обозначаетъ всѣ окончательныя формы, къ которымъ приходятъ въ концѣ своего развитія индивиды или ихъ собранія. Мы предпочитаемъ этому термину названіе *бластодема* вслѣдствіе его ясности и точнаго соціологическаго значенія.

Ни въ одномъ изъ опредѣленныхъ Мильнъ-Эдвардсомъ отря-

---

*) Представимъ себѣ, что въ извѣстный моментъ развитія простаго полипа въ немъ возникаютъ, такъ сказать, два центра жизненной дѣятельности, лежащіе другъ возлѣ друга по срединѣ диска, снабженнаго щупальцами, и проявляющіе эту дѣятельность съ одинаковой силой по взаимно параллельнымъ направленіямъ: цѣльный сначала индивидъ скоро раздѣлится при этомъ на двѣ совершенно сходныхъ между собой половины, каждая изъ которыхъ будетъ стремиться довершить свое строеніе до полнаго индивида, такъ что если бы онѣ раздѣлились, то изъ нихъ образовались бы два вполнѣ отдѣльныхъ полипа; но раздѣленіе никогда не совершается въ каралловыхъ полипнякахъ по всей длинѣ животнаго, причемъ размноженіе дѣленіемъ всегда даетъ мѣсто сложному полипняку, различные полипы котораго соединены между собой, по крайней мѣрѣ въ основаніи, и обладаютъ общимъ подножіемъ. M. Edwards. *Coralliaires*, т. I, стр. 75).

довъ медузъ и полиповъ (или по номенклатурѣ Геккеля—Hydrozoa, Actinozoa и Coralligena), не нарушается это начало, какъ бы ни было при томъ велико число полиповъ и какова бы ни была ихъ форма; между кишечнополостными одни только гребневики никогда не производятъ сложныхъ организмовъ путемъ почкованія. Не распространяясь о всѣхъ различныхъ видоизмѣненіяхъ существеннаго типа, которыя достаточно извѣстны и относятся къ біологіи, мы опишемъ главныя изъ нихъ, придерживаясь нѣмецкаго натуралиста Іегера, который въ своемъ руководствѣ зоологіи даетъ замѣчательный этюдъ о біологическихъ и морфологическихъ индивидуальностяхъ (см. въ Прибавленіи). Затѣмъ мы опредѣлимъ соціологическое значеніе матеріаловъ, предоставляемыхъ намъ біологіей.

Согласно Іегеру, соединеніе индивидовъ въ группѣ кишечнополостныхъ совершается путемъ слѣдующихъ генетическихъ процессовъ: 1-е, боковымъ почкованіемъ; 2-е, неполнымъ поперечнымъ расщепленіемъ (шишкованіе); 3-е, продольнымъ дѣленіемъ.

1-е. *Боковое почкованіе.*—Выходя изъ первоначальнаго индивида или главнаго ствола, вторичные индивиды или «придаточныя оси» выступаютъ почками болѣе или менѣе неправильно съ разныхъ его сторонъ, такъ что общее цѣлое образуетъ группу, которая называется *колоніей*. Это—тотъ же самый процессъ, какимъ образуются органы животнаго, а потому очень трудно отграничить вторичные индивиды отъ органовъ. По нашему мнѣнію, для установленія такого различія, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ мѣста даже для какихъ-либо попытокъ. Когда образующіеся такимъ образомъ особи или органы подобны между собой, то колонію называютъ одноформенной или мономорфной, въ случаѣ же ихъ различій—многоформенной или полиморфной. Этотъ полиморфизмъ, свидѣтельствующій о болѣе высокомъ раздѣленіи физіологической работы, проявляется въ разныхъ видахъ: въ одномъ случаѣ особи отличаются другъ отъ друга по высотѣ, въ другомъ—по очертанію (напримѣръ, однѣ изъ нихъ цилиндрическія, а другія листообразныя), въ третьемъ—по ихъ группировкѣ, то образуя своимъ соединеніемъ сложные аппараты, то оставаясь простыми и уединенными.

Гидромедузы представляютъ весьма интересные образчики этой группировки индивидовъ, родившихся на одномъ стволѣ (souche), къ которому они остаются прикрѣпленными посредствомъ своихъ ножекъ. Четыре или восемь индивидовъ, расположенныхъ кружкомъ, срастаются своими краями и образуютъ чашечку или вѣнчикъ, въ центрѣ котораго помѣщается въ видѣ дополненія новый свободный индивидъ, играющій такую же роль, какъ пестикъ и завязь въ растеніи. Вся группа въ общемъ составляетъ настоящій животный цвѣтокъ. У трубчатниковъ (Siphonophora) мы встрѣчаемъ новую дифференцировку: цвѣты половые и безполые, причемъ эти послѣдніе извѣстны подъ именемъ *плавательныхъ колоколовъ*. Часто случается, что эти оплодотворенные животные цвѣтки, жившіе сначала въ колоніи, какъ цвѣтки на растеніяхъ, отдѣляются отъ нея и такъ какъ они могутъ питаться, то увеличиваются въ объемѣ и ведутъ независимую жизнь. Нѣкоторые приравнивали это явленіе къ попеременному чередованію поколѣній. Но Мечниковъ, а за нимъ Гексли видятъ въ немъ только диссоціацію частей, аналогичную съ образованіемъ плода у растеній, причемъ смотрятъ на медузоидъ или животные цвѣтки (медузы съ непокрытыми глазами), какъ на воспроизводительные органы (гонофоры), отдѣлившіеся отъ общаго имъ ствола (hydrosoma) и способные вести самостоятельное существованіе. Мы присоединяемся вмѣстѣ съ Іегеромъ къ этому мнѣнію, если будетъ признано, что эти медузоидные плоды такіе же индивиды, какъ и органы, и что между этими двумя родами жизни нельзя установить настоящаго противоположенія. (Huxley. *Anatomie comparée*, стр. 75 фр. перевода). Можно указать на аналогичный фактъ, встрѣчающійся на болѣе высокой зоологической ступени: именно такимъ же образомъ отъ мужскаго организма нѣкоторыхъ моллюсковъ отдѣляется щупальце (гектокотиль), но оно представляетъ собой только половой элементъ и не можетъ питаться, слѣдовательно—не имѣетъ никакихъ правъ на названіе индивида.

2-е. *Неполное поперечное дѣленіе*. Примѣры образованія цѣпной колоніи между кишечнополостными встрѣчаются, по Іегеру, въ группѣ гидромедузъ у воронковыхъ (Lucernarie) и у большин-

ства зонтичныхъ медузъ во время извѣстной стадіи ихъ развитія. Первый индивидъ, прикрѣпленный къ какому-либо мѣсту, раздѣляется попоречно рядомъ съуженій на восемь зубчатыхъ дисковъ, которые продолжаютъ держаться вмѣстѣ лишь вслѣдствіе слабаго слипанія. Скоро эти диски отдѣляются одинъ послѣ другаго отъ ствола, давшаго имъ существованіе, и ведутъ отдѣльную жизнь. Это — настоящія медузы. Описанный нами способъ размноженія называется стробилизаціей. Авторъ, которому мы теперь слѣдуемъ, относитъ къ такъ называемому генетическому процессу образованіе цѣпныхъ колоній, изъ которыхъ состоятъ ленточныя глисты. Это уподобленіе намъ кажется сомнительнымъ, такъ какъ возростаніе колоній въ обоихъ случаяхъ происходитъ въ обратномъ порядкѣ: у зонтичныхъ медузъ отъ задняго конца къ ротовому, у ленточныхъ же глистъ—отъ головки къ противоположному концу. Замѣтимъ, прежде чѣмъ переходить къ третьей категоріи ассоціацій, что указанные здѣсь факты крайне неустойчивы и подвижны, а потому едва ли могутъ служить характерными признаками опредѣленной группы обществъ.

3-е. *Неполное продольное раздѣленіе.*—Этотъ признакъ можетъ считаться гораздо болѣе постояннымъ и общимъ. Образующіяся такимъ путемъ развѣтвленія или раздваиваются, или остаются соединенными въ полоски. Замѣчательные образчики послѣдняго представляютъ мадрепоры. Большая часть кораловъ подвержена раздвоенію и потому имѣетъ видъ деревьевъ. Выростающія при этомъ вѣтви отличаются отъ тѣхъ, которыя происходятъ путемъ боковаго почкованія, своимъ совершенно неправильнымъ развитіемъ и не позволяютъ распознавать первичныхъ или вторичныхъ особей отъ окончательно сложившихся. Всѣ они имѣютъ одинаковое морфологическое и біологическое значеніе *).

---

*) Этихъ дополнительныхъ мѣстъ, гдѣ мы идемъ объ руку съ Іегеромъ, читатель не найдетъ въ первомъ изданіи нашей книги. Мы узнали о его руководствѣ и указанной въ ней главѣ объ индивидуальностяхъ только тогда, когда большая часть нашего труда была уже закончена. Совпаденія, являющіяся между взглядами нѣмецкаго натуралиста и нашими, какъ нельзя лучше показываютъ, что соціологія,

Если бы мы захотѣли опредѣлить, какое изъ всѣхъ этихъ обществъ одного и того же рода самое совершенное, то тотчасъ же увидѣли бы, что губки должны быть поставлены между ними на послѣднемъ мѣстѣ, какой бы ни оказался въ другихъ отношеніяхъ результатъ изслѣдованій, которыя надъ ними производятся въ настоящее время. Входящія въ ихъ составъ полипы, по бѣдности своей организаціи и прозрачности тканей, приближаются къ инфузоріямъ. Въ группированіи ихъ не замѣчается никакого раздѣленія труда, кромѣ того, какое устанавливается между частями, снабженными рѣсничками; одни изъ нихъ втягиваютъ морскую воду въ поры губки, другія выгоняютъ ее изъ нихъ, но безъ всякой правильности теченій. Устанавливающаяся вслѣдствіе этого циркуляція имѣетъ, какъ можно видѣть, довольно странный характеръ; это не кругооборотъ собственныхъ соковъ животнаго, приготовляемыхъ въ его полостяхъ и содержащихся въ этихъ послѣднихъ, но движеніе посторонней жидкости, единственная цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобъ доставлять членамъ общества заключенныя въ ней пищевыя вещества. Въ общемъ итогѣ коллективное единство здѣсь является сомнительнымъ, такъ какъ составные индивиды колоніи лишь едва въ ней выражены *). Можно было бы долго спорить о томъ, существуетъ ли здѣсь индивидуальное единство, или нѣтъ и не придти ни къ какому опредѣленному результату. Совершенно иное слѣдуетъ сказать объ общественныхъ медузахъ, типомъ которыхъ для насъ будетъ служить пузыреноска (Physophora). Она представляетъ довольно замѣчательное раздѣленіе физіологической работы. Образуемыя ею колоніи состоятъ изъ троякаго

какою мы ее себѣ представляемъ, есть естественный плодъ современнаго знанія. Кромѣ того, читатель найдетъ въ Прибавленіи главу изъ руководства къ зоологіи Іегера, гдѣ онъ трактуетъ объ этомъ вопросѣ.

*) Индивидуальность этихъ животныхъ выражается до того слабо, что если сблизить двѣ губки такъ, чтобъ онѣ соприкасались другъ съ другомъ, то онѣ скоро срастутся вмѣстѣ и образуютъ одно цѣлое. Точно также они могутъ дѣлиться на части самопроизвольно или разрываться на куски искусственно, и каждая отдѣльная часть будетъ сохранять при этомъ свое независимое существованіе. (Huxley, тамъ же, стр. 50).

рода частей: однѣ изъ нихъ исполняютъ функціи питанія, другія назначаются для нападенія и, наконецъ, третьи для размноженія, причемъ эти послѣднія бываютъ даже двойныя. Кромѣ того, въ поломъ стеблѣ, соединенномъ съ этими различными частями, происходитъ общая циркуляція, въ которой принимаютъ участіе всѣ индивиды, причемъ вся колонія держится въ водяной массѣ посредствомъ особаго мѣшка, наполненнаго воздухомъ и расположеннаго въ верхнемъ концѣ стебля; для сообщенія ей извѣстнаго направленія служатъ плавательные колокольчики. У Prayas это, по истинѣ, замѣчательное раздѣленіе труда подчинено еще болѣе совершенной организаціи: воспроизводящіе и стрекательные индивиды, собранные вмѣсто того, чтобъ быть разсѣянными по общему стеблю, соединены съ питающими индивидами и находятся какъ бы въ нѣкоторой отъ нихъ зависимости; наконецъ, каждая группа имѣетъ свой плавательный пузырь и снабжена особой предохранительной пластинкой, подъ которой она и укрывается въ случаѣ надобности. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой достаточно высокія черты развитія. Однако же полипы, въ особенности полипняковыя (Твердокожія Эдвардса), не смотря на то, что они неподвижно прикрѣплены и имѣютъ только одинъ родъ индивидовъ безъ внѣшнихъ половыхъ органовъ, могутъ выдержать съ ними сравненіе, благодаря тремъ слѣдующимъ своимъ преимуществамъ: 1) предохраняющей ихъ каменистой подпорѣ, 2) опредѣленному виду ихъ гистологическихъ элементовъ и, въ особенности, 3) высокой организаціи ихъ циркуляціонной системы. Съ этой стороны алжирскій кораллъ, кажется, не имѣетъ себѣ соперниковъ между общественными полипами. Въ самомъ дѣлѣ, только у однихъ осевыхъ или осьмищупальцевыхъ полиповъ (въ которыхъ кораллъ составляетъ лишь часть) встрѣчается покровъ, который, окружая древовидный каменистый скелетъ, служитъ для его развитія и для общаго обращенія соковъ (циркуляція), а также капиллярная сѣть мелкихъ сосудовъ, развѣтвленія которыхъ, распространяясь всюду въ веществѣ мягкой ткани, приносятъ туда со всѣхъ сторонъ питательную жидкость.

Остановимся на двухъ пунктахъ, имѣющихъ, какъ мы это увидимъ, достаточно широкое значеніе.

На способность самопроизвольнаго движенія весьма часто смотрятъ, какъ на такую, которая даетъ рѣшительное превосходство обладающимъ ею надъ тѣми, кто ея лишенъ. Одинъ изъ курьознѣйшихъ образчиковъ такого мнѣнія встрѣчается въ сочиненіяхъ Поля Жуванселя. Разсказывая о развитіи губки и сообщая о томъ, что послѣ страннической періода своей жизни она становится неподвижной, авторъ не можетъ удержаться отъ выраженія сожалѣнія къ объекту своего разсказа. Такая судьба губокъ, говоритъ онъ, внушаетъ намъ родъ нѣкотораго изумленія (terreur). Въ ихъ жизни порядокъ явленій идетъ какъ бы шиворотъ на выворотъ: едва только существо, одаренное движеніемъ, успѣетъ проявить превосходство своего животнаго типа, какъ внезапная катастрофа поражаетъ его неподвижностью, причемъ это тѣло дѣлается жертвой регрессивной работы, энергія которой пропорціональна его развитію. Оно падаетъ гораздо ниже растенія и походитъ на ворохъ спутанной кудели, на разложенный остатокъ мертваго растенія. Въ своемъ, постепенно идущемъ далѣе, паденіи оно опускается еще ниже, стремится сдѣлаться камнемъ, инкрустируется известью и кремнеземъ. Это ужасно!» Нужно думать, что судьба корала вызывала бы въ авторѣ тѣ же чувства, какія онъ изливаетъ по поводу губки. Между тѣмъ въ сущности ни тотъ, ни другая совсѣмъ не заслуживаютъ такихъ сожалѣній. Правда, что жизненное совершенство, повидимому, находится въ прямомъ отношеніи съ развиваемымъ движеніемъ; но движеніе способно къ весьма разнообразнымъ приложеніямъ, въ числѣ которыхъ перемѣна мѣста составляетъ лишь одинъ его видъ. Неподвижный организмъ можетъ расходовать столько же движенія, сколько и двигающійся, съ тою лишь разницей, что въ этомъ случаѣ движеніе будетъ внутреннее, отъ котораго организація выиграетъ столько же, сколько она теряетъ отъ недостатка перемѣщенія. Общественныя существа менѣе, чѣмъ какія-либо другія, способны совершать свои нормальныя отправленія внѣ условій осѣдлой жизни. Въ образованіи общественнаго цѣлаго несомнѣнно совершается работа организаціи, привлекающая внутрь всѣ силы аггрегированной массы, при чемъ всякій посторонній ихъ расходъ становится возможнымъ лишь настолько, насколько они не прямо необходимы для этого

образованія. По крайней мѣрѣ таковы процессы, происходящіе въ большинствѣ полиповъ. Мы еще не знаемъ законовъ этого превращенія движеній, но самый фактъ его, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, и для насъ его достаточно, чтобъ имѣть право, не смотря на неподвижность полиповъ, поставить ихъ выше плавающихъ медузъ. Мы могли бы еще и другимъ путемъ опредѣлить истинную цѣну того ложнаго принципа, въ силу котораго всякая осѣдлая колонія должна быть непремѣнно ниже бродячей. Для этого стоило бы только его перенести съ рудиментарныхъ животныхъ обществъ на человѣческія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ силу одного того факта, что бродячія племена звѣроловов проходятъ обширныя пространства, можно считать ихъ выше осѣдлыхъ народовъ?

Есть еще основаніе, вслѣдствіе котораго было бы ошибочно оставлять безъ вниманія органическую экономію полиповъ. Общепринятымъ критеріемъ жизненнаго совершенства—въ особенности между англійскими физіологами—считается степень раздѣленія труда или спеціализація функцій, достигнутая даннымъ существомъ. Самъ Спенсеръ считалъ сначала этотъ фактъ существеннымъ мѣриломъ всякаго жизненнаго развитія (*Основныя Начала*, стр. 359 фр. перевода). Съ этой точки зрѣнія, медузы и въ особенности пузыреноски должны бы быть поставлены на довольно высокую ступень общественной лѣстницы, потому что, по свидѣтельству Геккеля, они представляютъ «раздѣленіе труда по истинѣ чудесное». Но этотъ переходъ отъ простаго къ сложному не концентрируетъ въ себѣ всего жизненнаго прогресса. Вдумываясь глубже въ свой предметъ, Спенсеръ понялъ это какъ нельзя лучше и потому къ вышеупомянутому первому условію впослѣдствіи прибавилъ второе, которое онъ называетъ переходомъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной и сплоченной разнородности. Другими словами, дифференцировка частей, по его мнѣнію, должна сопровождаться связью, единствомъ и органической концентраціей. Доказательствомъ необходимости такой поправки можетъ служить слѣдующій примѣръ. Допустимъ, что пузыреноска обладаетъ еще болѣе высоко дифференцированными частями, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; но если эти части остаются независимыми другъ отъ друга, если спеціальный органъ, назначенный

направлять ихъ дѣйствія къ одной цѣли, можетъ проявлять лишь весьма слабую дѣятельность, то единство цѣлаго не будетъ имѣть строгаго выраженія, и все общество будетъ осуждено на безсвязную разсѣянную жизнь. Напротивъ, коралловая колонія существеннымъ образомъ состоитъ изъ твердаго вѣтвистаго дерева, снабженнаго производящимъ его покровомъ, который служитъ мѣстомъ дѣятельнаго обращенія соковъ и даетъ начало отдѣльнымъ вновь нарождающимся полипамъ. «Рядомъ съ собственной индивидуальной жизнью полиповъ совершается другая, независимая отъ индивидуальности каждаго обитателя колоніи и принадлежащая всему полипняку, который можно разсматривать въ этомъ случаѣ, какъ одно существо. Нельзя не видѣть, что уединенный индивидъ теряетъ свои права передъ правами общины, когда онъ отдалъ ей свою долю дѣятельности». (Lacaze Duthiers. *Le Corail*, стр. 81). Тутъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно проявляется превосходство Коралловыхъ, въ особенности восьмищупальцевыхъ полиповъ надъ медузами. Правда, можно сказать, что оно получается лишь вслѣдствіе новой дифференцировки; но важно то, на какой именно пунктъ направляется раздѣленіе работы. Если оно, какъ напр. у пузыреноски, сосредоточивается на индивидѣ, то соціальный результатъ будетъ ничтоженъ. Здѣсь же это раздѣленіе ставитъ общество на высокую ступень потому, что оно направлено на центральный органъ. И если присмотрѣться къ нему ближе, то мы увидимъ, что вышеупомянутый сложный органъ состоитъ не изъ самихъ полиповъ, а изъ простыхъ клѣточекъ, гистологическихъ элементовъ, группирующихся непосредственно въ сплошную массу, и что онъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть самъ признанъ за индивидъ, которому подчинены другіе, такъ какъ ихъ жизнь зависитъ отъ него болѣе, чѣмъ его отъ каждаго изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, полипнякъ можетъ обходиться безъ значительнаго числа полиповъ; но ни одинъ изъ общественныхъ полиповъ не можетъ въ свою очередь обойтись безъ полипняка, отъ котораго онъ получаетъ питательные соки. Индивидуальность общества строго пропорціональна индивидуальности центральнаго органа, который не только его представляетъ, но, такъ сказать, олицетворяетъ. Такимъ образомъ, если бы мы захотѣли въ данномъ случаѣ опре-

дѣлить степень жизненнаго или общественнаго совершенства, то намъ бы слѣдовало обратить главное вниманіе не столько на количество раздѣленнаго труда, сколько на путь и направленіе, по которому идетъ это дѣленіе. Органическая сложность—смотря по тому *какая* она—можетъ быть и регрессомъ, и прогрессомъ. Итакъ, если разсмотрѣніе коралла, какъ общества, вызываетъ въ насъ интересъ, то это потому, что мы находимъ въ немъ представительство или концентрацію физіологической работы, идущей на выполненіе существенной жизненной функціи, и что онъ даетъ намъ первые ясные намеки на коллективную индивидуальность. Если бы мы прослѣдили это представительство жизненной работы на всемъ обширномъ пространствѣ соціологической области, то увидѣли бы, что оно становится все рельефнѣй и рельефнѣй по мѣрѣ восхожденія на общественную лѣстницу. Послѣднимъ его выраженіемъ въ той группѣ обществъ, которая подлежитъ нашему изученію въ данный моментъ, а именно въ обществахъ питанія, является мозгъ высшихъ животныхъ.

Моллюскообразныя (Molluscoida).—Мшанки и оболочники, какъ намъ кажется, принадлежатъ къ одной соціальной группѣ съ полипами, хотя нѣкоторые изъ оболочниковъ по своимъ приспособленіямъ представляютъ самую высшую степень сложности, къ какой только способенъ этотъ типъ общества. Общей связью, соединяющей между собой отдѣльные индивиды здѣсь является еще сосудистое кругообращеніе, т. е. сообщеніе полостей, гдѣ циркулируетъ одна и та же питательная жидкость. За исключеніемъ случая, на который мы скоро укажемъ, мы видимъ тутъ двухстепенное соціальное устройство: прежде всего оно содержитъ въ себѣ гистологическіе элементы, соединенные въ нѣсколько, до извѣстной степени, отдѣльныхъ группъ, функція которыхъ заключается въ пищевареніи, а затѣмъ уже эти группы въ свою очередь соединяются въ болѣе обширное органическое цѣлое, отвѣчающее функціи кругообращенія. Какъ и у полиповъ, аггрегація здѣсь составляетъ правило, а обособленность—исключеніе; можно указать еще на одно сходство: какъ полипы даютъ начало свободнымъ медузамъ, такъ и нѣкоторые моллюскообразныя (напр. сальпы) живутъ въ обществѣ только втече-

ніи извѣстнаго времени, а затѣмъ разсѣеваются для воспроизведенія половой формы *). Этотъ перерывъ колоніальной жизни, представляющій, какъ мы видѣли, нормальное явленіе у ассоціированныхъ инфузорій, не будетъ встрѣчаться болѣе нигдѣ во всемъ рядѣ обществъ, подлежащемъ нашему настоящему обзору, т. е. въ обществахъ, связь которыхъ заключается въ функціи питанія и которыя соединены непрерывностью тканей и полостей. Чѣмъ выше мы восходимъ по ступенямъ зоологической лѣстницы, тѣмъ сплоченность и связь между индивидами становятся все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ часть органической работы, отвлекаемой на представительство цѣлаго, постепенно возрастаетъ.

У мшанокъ отдѣльные индивиды совершеннѣе, чѣмъ у полиповъ. Поэтому должна быть совершеннѣе и органическая экономія ихъ обществъ, если только вѣренъ законъ Спенсера, въ силу котораго «природа аггрегата опредѣляется свойствами составляющихъ его единицъ». Дѣйствительно, этотъ аггрегатъ отличается двумя слѣдующими качествами: 1° зависимостью движенія частей отъ того, что можно было бы назвать метафорически коллективной волей сложнаго животнаго; 2° правильностью сокообращенія. *Flustra avicularia* обладаетъ клювообразными придатками, имѣющимися у каждаго отдѣльнаго индивида, но движеніе которыхъ зависитъ только отъ колоніи. «Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, говоритъ Дарвинъ въ своемъ *Путешествіи вокругъ свѣта* (стр. 217), что во всѣхъ своихъ функціяхъ эти придатки связаны съ общимъ цѣлымъ больше, чѣмъ съ отдѣльными полипами, сидящими въ трубкахъ. Каждый изъ этихъ

*) Это сближеніе вѣрно лишь относительно временной природы колоній гидромедузъ и сальпъ; что же касается до способовъ ихъ образованія, то они различны: между тѣмъ какъ первыя изъ нихъ размножаются путемъ поперечнаго раздѣленія (стробилизація), вторые, по свидѣтельству Іегера, воспроизводятъ свое потомство посредствомъ бокового почкованія на *яичникѣ*, представляющемъ собою органъ материнской особи: этотъ яичникъ, на которомъ развиваются недѣлимыя стараго поколѣнія, или остается соединеннымъ съ материнскимъ индивидомъ для образованія новой колоніальной группы (*Doliolum*), или же отдѣляется отъ него въ видѣ цѣпи, состоящей изъ вышеупомянутаго почконоснаго органа и вторичныхъ индивидовъ (см. Прибавленіе).

придатковъ обыкновенно двигается независимо отъ другихъ, но иногда двигаются послѣдовательно одинъ послѣ другаго только придатки одной стороны. Дюмортье *) слѣдующимъ образомъ описываетъ движенія крови у тѣхъ же животныхъ: «Разсматривая въ микроскопъ хорошо развитую мшанку, мы увидимъ, что кровь восходитъ по общей полости ея тѣла, направляется къ щупальцамъ и спускается по другой сторонѣ, тогда какъ нѣкоторая часть кровянаго потока входитъ въ щупальцы и, соприкасаясь здѣсь съ дыхательной системой, гдѣ происходитъ окисленіе, вступаетъ нисходящимъ движеніемъ въ общій потокъ циркуляціи». Лаказъ Дютье (Lacaze Duthiers), столь тщательно изслѣдовавшій кораллы, не открылъ въ нихъ ничего подобнаго.

Общественные оболочники представляютъ для соціологіи одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ, хотя и трудныхъ предметовъ изученія. Изъ нихъ сальпы обслѣдованы вообще довольно хорошо; менѣе извѣстны сложныя асцидіи. Весьма трудно представить себѣ этихъ животныхъ тому, кто ихъ никогда не видалъ: даже рисунки даютъ объ нихъ недостаточно ясное понятіе. Скажемъ только, что они состоятъ изъ болѣе или менѣе твердой оболочки, имѣющей форму удлиненнаго конуса, на которомъ выступаютъ маленькіе цилиндрики, снабженные ротовыми отверстіями и въ который открывается одно или нѣсколько извергательныхъ отверстій, служащихъ для всей колоніи. Самыми совершенными изъ сложныхъ асцидій, повидимому, слѣдуетъ признать звѣздчатокъ (Botryllus) **) Эти общества образуются путемъ эпигенеза: ихъ наростаніе совершается постепенно, начиная съ личинки, которая скоро дѣлается неподвижной и проявляетъ быстрый ростъ. Нѣкоторые наблюдатели думали видѣть рудименты животныхъ, составляющихъ такія колоніи, уже въ видѣ лучистой формы. Но въ дѣйствительности дѣло происходитъ иначе. Когда почкованіе начинается тотчасъ по вылупленіи изъ яйца, то возникающіе отсюда новые индивиды, вмѣсто того

*) *Bulletin de l'Académie de Bruxelles,* томъ II, стр. 435, цитир. по Мильнъ-Эдвардсу.

**) Матеріаломъ для этой части нашего труда послужила диссертація Жіара и его обязательныя сообщенія.

чтобъ быть одинаково развитыми, обнаруживаютъ значительное неравенство въ своемъ ростѣ, что служитъ доказательствомъ ихъ постепеннаго появленія на свѣтъ. Первое животное путемъ прямаго почкованія производитъ непосредственно двухъ другихъ, затѣмъ то же явленіе повторяется для каждаго изъ этихъ послѣднихъ, но только съ одной стороны, между тѣмъ какъ съ другой одновременно развивается общая оболочка. Въ полость, образуемую этой оболочкой, каждый изъ составныхъ индивидовъ посылаетъ извергательную трубку; перекрещивающіеся между собой каналы соединяютъ ихъ вмѣстѣ и являются ареной колебательной циркуляціи, т. е. попеременно-противоположнымъ направленіямъ. Составные индивиды то бываютъ многочисленны и неправильно расположены, то встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ и тогда имѣютъ правильное размѣщеніе; но каково бы ни было обиліе и направленіе этого почковательнаго произрастанія (proliferation gemmipare), оно всегда совершается въ одномъ и томъ же послѣдовательномъ порядкѣ путемъ эпигенеза. Только въ видѣ рѣдкаго исключенія, индивиды, вышедшіе изъ личинокъ, соединяются въ группы. Тѣ же изъ нихъ, которые соединены вмѣстѣ, находятся на одномъ материнскомъ стволикѣ и остаются всегда прикрѣпленными къ нему. Они призываются къ общественной жизни самымъ своимъ рожденіемъ. Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно, во-первыхъ, ясно устанавливаетъ родство сложныхъ асцидій съ названными нами обществами питанія и, во-вторыхъ, составляетъ приложеніе закона, который будетъ формулированъ нами впослѣдствіи (см. наше Заключеніе).

Съ появленіемъ на свѣтъ простыхъ индивидовъ, коллективная индивидуальность существуетъ лишь въ одной возможности: необходимо, чтобъ она была ими создана. И вотъ мы видимъ, что они начинаютъ постепенно соединяться, сращивая вмѣстѣ свои подобныя части; затѣмъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общей оболочки должно образоваться одно или два извергательныхъ отверстія, то они испытываютъ родъ нѣкотораго притяженія къ этимъ мѣстамъ и наиболѣе близкіе къ нимъ тотчасъ же направляютъ къ ихъ краямъ заднепроходные отростки, обладающіе нервными вѣточ-

ками. Образуемое этимъ путемъ общее цѣлое получило названіе *Колоніи*.

Вотъ какъ развивается и завершается установившаяся такимъ образомъ центральная индивидуальность. Мы видѣли, что обитатели колоніи уже имѣютъ общую циркуляцію и мѣстоположеніе (station). Но рядъ коллективныхъ нуждъ вызываетъ и соотвѣтствующіе коллективные органы. Для устраненія опасности, угрожающей колоніи разрывомъ или смѣщеніемъ, общая оболочка твердѣетъ при помощи иголъ (spicules). Но эта предохранительная броня имѣетъ то неудобство, что стѣсняетъ движеніе клоаки и затрудняетъ выходъ изъ нея экскрементовъ, въ особенности когда колонія, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, измѣнитъ свое положеніе. Кромѣ того, открытая такимъ образомъ полость привлекаетъ къ себѣ паразитовъ. Единственная защита сложныхъ асцидій отъ этой послѣдней опасности состоитъ въ съуженіи или стягиваніи извергательнаго отверстія; но это средство, устраняя одно зло, усиливаетъ другое. Болѣе шансовъ на успѣхъ имѣетъ другой типъ ассоціаціи, гдѣ оболочка остается гибкой и частные индивиды только приближаются къ клоакѣ. Приближаясь къ ней, они по необходимости должны уменьшаться въ числѣ по мѣрѣ сокращенія круга. Вслѣдствіе одного уже этого ихъ размѣщеніе становится болѣе правильнымъ. Такое именно явленіе представляютъ собой звѣздчатки. Скучившись описаннымъ нами образомъ, они посылаютъ къ центру болѣе энергичныя нервныя вѣточки и мускульныя фибры, такъ что ихъ клоака не только можетъ выполнять сильныя движенія и безъ труда извергать всѣ накопляющіеся въ ней экскременты, но еще становится чувствительной къ осязанію и способной сообщать впечатлѣнія всѣмъ членамъ системы. Поэтому если паразитъ только попытается туда войдти, то самое легкое его прикосновеніе повлекло бы за собой закрытіе всѣхъ отверстій. И дѣйствительно, звѣздчатки всего менѣе терпятъ отъ этихъ опасныхъ гостей. Мы замѣчаемъ здѣсь тотъ же процессъ, но только доведенный до болѣе высокой степени, какой встрѣчается у коралловыхъ полиповъ. Центральный аппаратъ звѣздчатокъ выражается не только въ раздѣленіи, но и въ представительствѣ органическаго труда.

Здѣсь болѣе, чѣмъ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами прежде случаяхъ, солидарность общественныхъ элементовъ устанавливается путемъ ихъ внѣдренія въ центральный представительный органъ, который принимаетъ всѣ свойства индивида.

Посудите теперь сами, до какой степени зыбкими становятся наши обыденныя понятія, въ присутствіи такихъ явленій! Составные индивиды, сведенные къ подчиненной роли относительно колоніи, поставленные въ невозможность пользоваться жизнью безъ центральной клоаки, съ которой они соединены функціональными нуждами еще тѣснѣе, чѣмъ органическимъ сцѣпленіемъ—принимаютъ видъ простыхъ органовъ. Съ другой же стороны, клоака, составляющая только коллективный органъ, но окруженная теперь нервнымъ аппаратомъ, управляющимъ движеніемъ цѣлой общины, облекается въ роль индивида и притомъ такого, къ которому всѣ обитатели колоніи относятся, какъ части. Представимъ себѣ, что организація, которой мы были свидѣтелями, совершается не вокругъ клоаки, а вокругъ рта, и намъ станетъ понятно, какимъ образомъ общество питанія дѣлается единымъ индивидомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Это именно мы и увидимъ сейчасъ въ другой группѣ обществъ.

У сложныхъ асцидій соціогеническій процессъ не идетъ далѣе. Звѣдчатыя системы, извѣстныя подъ именемъ *coenobia*, выпускаютъ изъ себя особые отпрыски, которые въ свою очередь образуютъ новыя coenobia, подчиненныя тому же закону эпигенетическаго рожденія. Различныя клоаки явившейся такимъ образомъ колоніи усиленно стремятся къ соединенію въ непрерывный каналъ, подобно тому, какъ это бываетъ у звѣздчаткообразныхъ (Botrylloïda), причемъ, однако, не замѣчается никакого центра притяженія для согласованія этихъ различныхъ системъ.

Таковы обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ складывается и утверждается коллективное единство сложныхъ асцидій. Тѣ же обстоятельства, въ случаѣ ихъ вреднаго дѣйствія, могутъ принудить ихъ и къ разъединенію. Въ самомъ дѣлѣ, если колонію погрузить въ жидкость Оуэна, то составныя ея тѣльца разобщаются. Точно также если колоніи основываются на слабыхъ водоросляхъ, сильно кача-

емыхъ волнами, то чрезмѣрное движеніе дѣлается, наконецъ, вреднымъ и разрушаетъ связь—напр. у *Cricinalium*—сначала между *сожительствующими группами* (coenobium), а затѣмъ и между самыми индивидами каждой группы. Однако это же самое движеніе, будучи умѣреннымъ, дѣйствуетъ на звѣздчатокъ прогрессивно, способствуя ихъ развитію путемъ естественнаго подбора. Можно сказать вообще, что враждебность окружающей среды до извѣстной степени благопріятствуетъ общественной сплоченности, вызывая въ членахъ общинъ болѣе энергическія и сосредоточенныя усилія; но если она переходитъ эту степень, то дѣйствіе ея становится разрушительнымъ.

Насколько же въ образованіи этихъ обществъ принимаетъ участіе сознательный элементъ? Что форма *сожительствующихъ группъ* и самихъ колоній есть результатъ почкованія составныхъ индивидовъ, то это вѣрно лишь отчасти, ибо, какъ мы уже видѣли, природа соціальной связи зависитъ столько же отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько и отъ улучшеній, какъ бы придумываемыхъ животными подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ необходимость, которая ихъ обусловливаетъ въ данномъ случаѣ, такъ сказать восходила бы къ чувству и не была бы уже внѣшней или механической, но внутренней или психической. Одинаково трудно какъ отрицать психическій характеръ этихъ явленій, такъ и поддерживать его. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, столь рудиментарная нервная система не можетъ быть орудіемъ очень разнообразныхъ комбинацій; съ другой же, самое присутствіе зачатка нервной системы позволяетъ предположить существованіе эквивалентнаго ему мышленія, какъ бы оно ни было ничтожно само по себѣ. Съ принятіемъ этой второй гипотезы, вопросъ сводился бы къ тому, есть ли для мысли необходимость быть сознательной, чтобъ согласовать движеніе съ обстоятельствами, такъ какъ очевидно, что въ звѣздчаткѣ нельзя допустить присутствіе сознательнаго мышленія. Мы склонны были бы отвѣчать на него отрицательно. Гуляющимъ по морскому берегу во время отлива случается иногда видѣть, какъ изъ подъ ихъ ноги, наступающей на какое-то мягкое тѣло, брызжетъ между камнями водяная струя. Эти брызги выходятъ изъ актиній,

которыя, имѣя въ виду, что имъ придется оставаться долгое время на воздухѣ подъ лучами солнца, запасаются извѣстнымъ количествомъ воды. Какъ объяснить себѣ этотъ фактъ предвидѣнія безъ нѣкоторой доли врожденнаго ума, присущей всякому слѣду нервной системы? Мы позволяемъ собѣ думать, не принуждая никого раздѣлять наше мнѣніе—такъ какъ не можемъ подтвердить его доказательствами—что соединеніе асцидій въ одинъ коллективный индивидъ, есть результатъ умственной дѣятельности того же порядка, хотя и болѣе высшей.

C. *Черви.*—Возвратимся къ основному устройству полипа: онъ представляетъ, какъ было сказано, мѣшокъ составленный изъ прилегающихъ другъ къ другу анатомическихъ элементовъ и обладающій однимъ или двумя отверстіями. Мы видѣли, что полипы и моллюскообразныя, построенные по этому типу, соединяются въ группы для образованія постоянныхъ обществъ, въ которыхъ существеннымъ элементомъ сообщенія являются каналы или полости. Но параллельно тому какъ эти общества образуются и испытываютъ въ своемъ развитіи прогрессивную дифференцировку и координацію, составляющіе ихъ индивиды выдерживаютъ такія же измѣненія: ихъ гистологическіе клѣточные элементы становятся отличными другъ отъ друга и группируются между собой по тѣмъ же законамъ. Такое именно явленіе представляютъ собой иглокожія и моллюски. Едва ли основательно поступилъ бы тотъ, кто возразилъ бы намъ послѣ всего сказаннаго, что составныя части моллюсковъ и иглокожихъ — не индивиды, а органы, такъ какъ мы знаемъ уже, что органъ и индивидъ есть только двѣ степени одной и той же величины (*).

*) Между индивидомъ и органомъ существуетъ множество постепенныхъ нечувствительныхъ переходовъ. Первый индивидъ колоніи огнянки (Pyrosoma) становится органомъ,—общей клоакой колоніи. Различные индивиды колоніи трубчатниковъ также весьма часто имѣютъ значеніе простыхъ органовъ. Въ созданіи индивидуальностей природа совершаетъ свой путь безконечно малыми переходами и никогда не дѣлаетъ скачковъ» (Giard. *Préface à l'Anatomie comparée* de Huxley, XVI). Смотри въ Прибавленіи объ антогенезисѣ иглокожихъ весьма интересный очеркъ Іегера, § 214.

Органъ есть группа достаточно дифференцированныхъ гистологическихъ элементовъ, совершающая одну функцію. Если эта функція является преддверіемъ питанія (хватаніе и глотаніе пищевыхъ веществъ), то мы бываемъ склоны давать совершающей ее группѣ названіе индивида. Мы принимаемъ себя и высшихъ млекопитающихъ за безусловные типы индивидуализма и, основываясь на томъ что у насъ есть голова, думаемъ, что индивидуальны только существа, обладающія головой. Но мы уже видѣли, что роль индивида, т. е. центральнаго управляющаго организма дѣлается достояніемъ самыхъ различныхъ жизненныхъ группъ, въ особенности у асцидій, такъ что наше понятіе объ индивидуальности становится значительно шире. Если бы мы попробовали судить объ индивидуальностяхъ, основываясь на формѣ, то замѣтили бы, что части, имѣющія опредѣленное очертаніе и вполнѣ обособленныя, каковы напримѣръ стрекательные или крапивные и воспроизводительные органы пузыреносокъ, индивидуальны далеко не въ такой степени, какъ это кажется съ перваго взгляда. Новый осязательный доводъ въ пользу болѣе широкаго критерія для индивидуальности. Замѣтимъ, что въ образованіи иглокожаго и моллюска природа выполняетъ ту же самую работу какъ и при образованіи полипняка и колоніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя части иглокожаго живутъ въ высшей степени самостоятельно; примѣромъ послѣдняго могутъ служить лучи морскихъ звѣздъ (Астеріи). Вся разница здѣсь въ томъ, что общая концентрація происходитъ у нихъ не вокругъ клоаки, а вокругъ рта. Намъ пришлось бы поэтому разсмотрѣть съ соціологической точки зрѣнія относительную роль разныхъ органовъ въ общей экономіи животныхъ, подлежащихъ нашему изученію, если бы только задача эта не была уже исполнена біологами. Физіологія Мильнъ-Эдвардса содержитъ въ себѣ много существенныхъ чертъ для воспроизведенія такой картины. Извѣстно, что эти два отдѣла животнаго царства (иглокожія и моллюски) не представляютъ ни одного примѣра двусложныхъ или двустепенныхъ обществъ, соціальная связь которыхъ состоитъ въ функціи питанія. Появляющіеся на свѣтъ индивиды второй степени выполняютъ эту функцію, такъ сказать, единолично, вполнѣ довольствуясь для того своими собственными средствами; средствомъ для ихъ общенія между

собой служитъ лишь одна функція воспроизведенія. Но почему же столь распространенный въ низшихъ рядахъ способъ органическаго соединенія перестаетъ встрѣчаться начиная съ этой ступени? На это трудно дать вполнѣ точный отвѣтъ. Можно было бы объяснить эту особенность у моллюсковъ существованіемъ раковинъ, которыя препятствуютъ всякому сосудистому сообщенію между различными индивидами; но есть голые моллюски и тѣмъ не менѣе они всетаки не соединяются въ подобные аггрегаты. Всего вѣроятнѣе, что раздѣленіе органической работы, начиная съ этой ступени, заходитъ черезчуръ далеко и дѣлаетъ невозможнымъ расщепленіе (размноженіе дѣленіемъ): жизненныя силы, поглощаемыя этой физіологической дѣятельностью, не оставляютъ никакого избытка даже для почкованія. Въ самомъ дѣлѣ бластогенезисъ (развитіе изъ яйца) какъ будто бы находится въ обратномъ отношеніи къ органическому совершенству.

Какъ бы то ни было, суставчатыя сами по себѣ есть колоніи или двустепенныя общества питанія. Всѣ суставчатыя состоятъ изъ колецъ, снабженныхъ извѣстнымъ количествомъ основныхъ органовъ и способныхъ—по крайней мѣрѣ у низшихъ видовъ—вести самостоятельную жизнь, лишь бы только они были соединены въ небольшія группы. Одинъ членикъ солитера можетъ самъ собой и питаться и размножаться. Каждое такое кольцо или группа колецъ называется зоонитомъ. Но когда мы говоримъ о кольцахъ, то предполагаемъ цѣпь, въ которой они могутъ принимать участіе. Въ самомъ дѣлѣ, линейная форма составляетъ морфологическій типъ всего этого отдѣла животныхъ. Разсмотримъ вытекающія отсюда послѣдствія съ точки зрѣнія соціальной науки.

Въ рядѣ колецъ всегда есть два такихъ, которыя существеннымъ образомъ отличаются отъ остальныхъ по своему положенію; это именно два крайнихъ кольца. Условія ихъ жизни вполнѣ спеціализованы. Прежде всего тотъ и другой изъ нихъ составляютъ оконечности общей полости, служащей для питанія; вслѣдствіе этого они должны заключать въ себѣ органы, необходимые для закрыванія и открыванія отверстій. Одинъ изъ нихъ—тотъ, черезъ который входитъ пища, долженъ быть способенъ ее схватывать, и

если пища является въ формѣ добычи, то захватывать ее силой. Кромѣ того, та же оконечность, будучи поставлена въ необходимость служить въ подобномъ случаѣ для всей общины, должна обладать соотвѣтственными аппаратами для распознаванія предметовъ и благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ *). Прибавимъ къ этому, что такъ какъ среднія кольца лишены органовъ, служащихъ для передвиженія, то оконечности должны еще взять на себя и эту функцію. Затѣмъ, если животное остается неподвижнымъ и находится вынужденнымъ охранять себя какимъ-нибудь щитомъ, то опять-таки и здѣсь постройка его выпадаетъ на долю одной изъ тѣхъ же оконечностей. Насколько же онѣ обѣ, и въ особенности одна изъ нихъ, должны быть дѣятельнѣе остальныхъ частей тѣла! Дала ли имъ природа сразу всѣ аппараты, необходимые для ихъ функцій, или они должны были постепенно пріобрѣтать ихъ сами подъ давленіемъ обстоятельствъ, путемъ наслѣдственнаго накопленія, это не имѣетъ для насъ непосредственнаго значенія; важно то, что они всегда ими обладаютъ и что это даетъ первой изъ нихъ, именно той, которая схватываетъ пищу, значительное жизненное превосходство надъ всѣми остальными кольцами. Въ самомъ дѣлѣ, безъ нея они не могутъ существовать, по крайней мѣрѣ если не замѣнятъ ее другой, переорганизовавши слѣдующее кольцо въ такую же хватающую оконечность со всѣми присущими ей функціями. Они ей подчинены, и хотя за ними остается сердце, мозгъ или нервный узелъ и пищеварительный каналъ съ двумя отверстіями, однако есть нѣчто такое, чего имъ недостаетъ, это—функцій хватанія и распознаванія, безъ которыхъ эти органы

---

*) См. о морфологіи червей 2-й томъ *Основаній Біологіи* Спенсера. Вообще всѣ причины, опредѣляющія форму животнаго, можно свести къ тремъ слѣдующимъ: 1° форма его элементарныхъ составныхъ частей; 2° способъ или родъ его образованія, какъ-то: дѣленіе, почкованіе и пр.; 3° распредѣленіе постороннихъ силъ соотвѣтственно его образу жизни. Считаемъ своимъ долгомъ указать, какъ на исключеніе изъ того, что мы говорили вообще о червяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на случай, трудно поддающійся объясненію—на принадлежащихъ къ кольчатымъ червямъ многоглазокъ (Polyophtalmas), имѣющихъ по два глаза на каждомъ сегментѣ тѣла.

имѣютъ лишь призрачную, условную жизнь. Но за то и первое кольцо въ свою очередь, кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ, не можетъ обходиться безъ другихъ. Итакъ, между всѣми ими существуетъ солидарность, тѣсное взаимодѣйствіе—характеристическія черты общества. Это взаимодѣйствіе не мѣшаетъ имъ однако стоять, такъ сказать, на разныхъ уровняхъ: ихъ солидарность концентрируется и выражается въ головномъ кольцѣ, а общая соціальная связь основывается на представительствѣ, какъ бы ввѣренномъ индивиду, который служитъ ея символомъ и резюмируетъ въ себѣ все цѣлое.

Тѣсная солидарность частей не уничтожаетъ различія колецъ, но, напротивъ, предполагаетъ его. Чѣмъ болѣе переднее звѣно будетъ индивидуально съ самаго начала, тѣмъ легче оно будетъ примѣняться къ спеціализаціи, какой требуетъ его положеніе. Точно также, чѣмъ индивидуальнѣе будутъ другія кольца, тѣмъ бо́льшій просторъ получитъ первое звѣно для выполненія своихъ общихъ функцій, и тѣмъ сами они станутъ лучше выполнять свои частныя. Чтобъ достигнуть такой цѣли, между ними долженъ необходимо произойти союзъ. Въ нѣкоторыхъ группахъ около извѣстныхъ точекъ разовьется родъ притяженія, которое сдѣлаетъ ихъ центрами дѣятельности, и вотъ мы будемъ имѣть передъ собою въ лицѣ этихъ центровъ какъ бы частныя делегаціи. Но онѣ своей дѣятельностью будутъ только лучше обезпечивать гегемонію общаго представительства. Такимъ образомъ индивидуальности, существовавшія вначалѣ, не только не могутъ ослабнуть, но, напротивъ, все болѣе и болѣе развиваются и утверждаются. Правда, что въ цѣпи будетъ постепенно возрастать взаимная зависимость частей, причемъ нельзя уже будетъ безнаказанно раздѣлять не только разныхъ индивидовъ, даже разныхъ группъ; но мы еще прежде видѣли, что независимость, принимаемая въ смыслѣ способности къ абсолютному изолированію, не вполнѣ совпадаетъ съ индивидуальностью; это лишь низшій ея характеръ. Высшая индивидуальность обладаетъ большимъ разнообразіемъ функцій; это—фокусъ энергичной жизненной дѣятельности и вслѣдствіе одного уже этого она поддерживаетъ многочисленныя, необходимыя для нея,

отношенія съ другими центрами жизни, съ другими индивидуальностями. Индивидъ, дѣлающійся органомъ по отношенію къ болѣе широкому жизненному цѣлому, не регрессируетъ, а прогрессируетъ.

Линейная форма необыкновенно хорошо примѣняется къ требованіямъ взаимной жизни (vie de relation). Она чрезвычайно подвижна. Въ то время какъ между обществами полиповъ неподвижность есть правило, а движеніе исключеніе, у суставчатыхъ это какъ разъ наоборотъ. Вмѣсто того, чтобъ скрадываться внутри сферической или вѣтвеобразной массы, импульсы, исходящіе изъ каждаго элемента, принимаютъ здѣсь опредѣленное направленіе, пролагаемое первымъ звѣномъ. Для этого необходимо, чтобъ оно постоянно изслѣдовало различныя мѣста, черезъ которыя его, такъ сказать, гонитъ безпокойная ажитація общины. Отсюда размноженіе ощущеній и представленій, которое можетъ только еще болѣе увеличить важность головнаго узла. Отсюда также, какъ мы увидимъ, новое весьма важное соціологическое значеніе половыхъ отношеній между существами одного и того же вида и появленіе совершенно особаго рода явленій аггрегаціи.

Сознаніе идетъ за жизнью: здѣсь оно, подобно жизни, многоединично и такъ же, какъ она, не перестаетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ. Извѣстно, напр., что кольчатыхъ и глистъ можно разрѣзать на нѣсколько кусковъ, не уничтожая жизни частей; но нужно замѣтить, что каждый изъ этихъ кусковъ будетъ имѣть единичное сознаніе, подобно цѣлому животному, въ которомъ онъ составляетъ лишь одну часть. Если у піявки отрѣзать или перевязать спереди и сзади ганглія нервныя спайки, соединяющія его съ двумя сосѣдними, то зоонитъ этого ганглія сохраняетъ свою чувствительность; но мы получимъ при этомъ одноединичное изолированное животное между двумя многоединичными: причиняемые ему уколы будутъ ощущаться лишь имъ однимъ. Нельзя доказать болѣе очевидно психическую индивидуальность каждаго кольца. Подобные же опыты были произведены съ насѣкомыми, напр. съ богомоломъ и привели къ одинаково поразительнымъ результатамъ. Такъ, въ нормальномъ состояніи, при полной цѣлости насѣкомаго, каждый зоонитъ обладаетъ отдѣльнымъ сознаніемъ, но это

не мѣшаетъ всему индивиду имѣетъ свое собственное, которое охватываетъ собой частныя сознанія, такъ какъ они въ большей своей части состоятъ изъ впечатлѣній, посылаемыхъ ему этими послѣдними. Это справедливо для безчисленнаго множества безпозвоночныхъ, такъ что, обозрѣвая природу во всемъ ея цѣломъ, нельзя не замѣтить, что раздробленное сознаніе имѣетъ въ ней болѣе мѣста, чѣмъ сознаніе, растущее, такъ сказать, монолитно. Но общее психическое единство не только не исключаетъ частныхъ центровъ, а напротивъ, предполагаетъ ихъ; можно даже сказать, что чѣмъ больше развиты частныя сознанія, тѣмъ отдѣльные зоониты болѣе способны къ своимъ собственнымъ ощущеніямъ и движеніямъ и тѣмъ богаче само направляющее сознаніе присущими ему аттрибутами, если только группировка и отношенія частныхъ сознаній устанавливаются въ соотвѣтственномъ порядкѣ.

На этой ступени соціальной организаціи начинается пользованіе предметами внѣшняго міра. У полипа нѣтъ еще никакой матеріальной культуры, такъ какъ нельзя, не злоупотребляя значеніемъ словъ, подводить подъ нее акты, посредствомъ которыхъ гистологическіе элементы коралловыхъ, мшанокъ и оболочниковъ устраиваютъ себѣ опору или защиту въ тѣсной связи тканей; единственными актами, заслуживающими это названіе, могутъ быть признаны только такіе, которые направляются колоніей на внѣшнія приспособленія, имѣющія въ виду ея нужды, и притомъ не путемъ химическихъ процессовъ, а механическими усиліями, въ которыхъ принимаетъ участіе вся община. Способность къ культурѣ замѣчается у многихъ кольчатыхъ (напр., *Terebella conchilega*) и у большаго количества ракообразныхъ и насѣкомыхъ. Укажемъ только на жилища трубкожиловъ (Tubicola). О другихъ случаяхъ, связанныхъ по большей части съ функціей воспроизведенія, мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ. Какъ велика доля умственнаго элемента въ строительномъ актѣ трубкожиловъ? У насъ нѣтъ средствъ для ея точнаго опредѣленія; но можно съ увѣренностью сказать, что она довольно значительна. Выборъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ, расположеніе ихъ на своихъ мѣстахъ сообразно ихъ формѣ—все это, безъ сомнѣнія, требуетъ извѣстной

степени разсудка, гораздо большей, чѣмъ, напримѣръ, образованіе иголъ, если даже признать, какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ, что они образуются у полипа въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ опредѣленномъ порядкѣ. Умственные акты трубкожиловъ не имѣютъ характера чистыхъ рефлексовъ, вполнѣ одинаковыхъ по своимъ эффектамъ; при выполненіи ихъ дѣйствій, передъ ними неизбѣжно открываются сложныя комбинаціи, такъ что имъ приходится дѣлать выборъ между различными представленіями и побужденіями: мысль поднимается здѣсь выше голой необходимости, для которой она до сихъ поръ служила лишь внутреннимъ выраженіемъ.

Тамъ гдѣ еще дѣйствуетъ бластогенезисъ въ отрядѣ суставчатыхъ, напр., у кольчатыхъ и глистъ, между происходящими такимъ путемъ частями не можетъ быть никакого общества: одно изъ двухъ—или серія вновь возникающихъ колецъ будетъ такъ велика, что отдѣлится отъ родоначальнаго ствола, или же она будетъ въ состояніи оставаться съ нимъ въ соединеніи и поддерживать тѣ же отношенія, какъ и остальныя кольца. Такой случай представляетъ кольчатый червь миріанида. До своего отдѣленія, зоониты, происходящіе путемъ почкованія, сходны съ другими; послѣ же этого они становятся совершенно отличными отъ матери. Такимъ образомъ суставчатые не образуютъ двусложныхъ обществъ, подобно оболочникамъ, т. е. у нихъ сожительствующія группы никогда не возвышаются до колоній, или скорѣе тѣ и другія всегда эквивалентны другъ другу.

У нѣкоторыхъ видовъ кольца соединяются по нѣскольку вмѣстѣ и образуютъ сложные зоониты, причемъ гангліи каждаго членика срастаются въ одинъ узелъ. Замѣчательно, что эти сложные рудиментарные зоониты разрушаются вслѣдствіе паразитическаго регресса у глистъ и нѣкоторыхъ суставчатоногихъ. Итакъ, паразитизмъ враждебенъ соціальной жизни и влечетъ за собой дезагрегацію частей. Отсюда какъ бы слѣдуетъ, что свободная жизнь въ разнообразной средѣ съ постоянной дѣятельностью, составляющей ея необходимое условіе, должна являться однимъ изъ могущественныхъ двигателей соціальной жизни. Для общества невыгодно, если оно избавлено отъ заботъ, соединенныхъ съ добываніемъ пищи и

самоохраненіемъ, такъ какъ это такого рода заботы, которыя вызываютъ въ немъ, вмѣстѣ съ дифференцировкой и координаціей органовъ, настоящее органическое совершенствованіе.

Мы остановимся на границѣ царства позвоночныхъ, которой могутъ служить суставчатыя вслѣдствіе двусторонней симметріи своихъ формъ и линейнаго расположенія ихъ частей. Намъ не хотѣлось бы компрометировать добытые до сихъ поръ результаты попыткой распространить ихъ далѣе. Слѣдуетъ ли разсматривать тѣло рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ, какъ метамерическую колонію, т. е. какъ общество, состоящее изъ крайне дифференцированныхъ и весьма тѣсно соединенныхъ между собой зоонитовъ, которые въ свою очередь составлены изъ органовъ, а эти послѣдніе изъ гистологическихъ элементовъ или пластидъ? Мы предоставляемъ зоологической наукѣ отвѣтить въ будущемъ на этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ настоящее время еще не созрѣло. Ограничимся на этотъ счетъ цитированіемъ одного мѣста изъ Карпентера, гдѣ онъ говоритъ о животномъ, занимающемъ послѣднюю ступень въ лѣстницѣ позвоночныхъ, а именно объ ланцетникѣ или амфіоксѣ:

«Не малый интересъ представляетъ тотъ фактъ, что головоспинная ось, представляющая у позвоночныхъ животныхъ нервную систему безпозвоночныхъ, встрѣчается безъ всякаго завершенія у наиболѣе низкаго изъ всѣхъ извѣстныхъ позвоночныхъ и тѣмъ не менѣе она оказывается вполнѣ достаточной для выполненія всѣхъ его функцій—мы говоримъ о весьма интересной маленькой рыбѣ Ланцетникѣ, которая не обладаетъ ни малѣйшимъ слѣдомъ ни мозговыхъ полушарій, ни мозжечка и у которой какъ чувствилищные гангліи, такъ и органы спеціальныхъ чувствъ находятся въ совершенно рудиментарномъ состояніи, а *спинной мозгъ состоитъ изъ ряда явственныхъ гангліевъ, хотя и тѣсно между собой сложенныхъ* *).

*) *Principles of human physiology*, 7-е изд., стр. 514. Гартманъ говоритъ объ этомъ предметѣ во II томѣ своей *Философіи безсознательнаго*, стр. 167 фр. перевода. См. также Durand de Gros. *Origines animales de l'homme*, G. Baillère, 1871. Къ этому можно присоединить еще наше Введеніе.

Но какого бы мнѣнія ни держаться относительно этого предмета, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ право заключить отсюда, что безпозвоночныя животныя—какъ сложныя, составляющія колоніи *), такъ и тѣ, которыя называются индивидами — представляютъ собой настоящія общества. *Колоніи* такъ же индивидуальны, какъ и животныя, считаемыя простыми, съ тою разницей, что ихъ индивидуальность слагается изъ нѣсколькихъ степеней; съ другой стороны простыя животныя—за исключеніемъ необщественныхъ инфузорій—представляютъ собой также колоніи, только ихъ ассоціація менѣе сложна и составныя части тѣснѣе сгрупированы въ одно жизненное цѣлое. Всѣ эти общества имѣютъ то общее между собой, что они основаны на участіи многихъ группъ гистологическихъ элементовъ въ одной и той же циркуляціи, но наиболѣе высшія изъ нихъ присоединяютъ къ коллективному отправленію этой первой функціи еще болѣе тѣсную солидарность, выражающуюся въ нервной системѣ, которая завѣдуетъ сношеніями и движеніями. Мы видимъ, что передъ нами мало по малу исчезаетъ абсолютный характеръ, слишкомъ часто придаваемый таинственному до сихъ поръ термину «индивидъ», и можно быть увѣреннымъ, что его значеніе измѣняется постепенно, смотря по концентраціи органическаго цѣлаго, къ которому его прилагаютъ. Онъ означаетъ скорѣе существованія, чѣмъ самое живое существо, опредѣляетъ болѣе разнородныя качества, чѣмъ сущность *sui generis*. Этотъ родъ, это качество есть участіе многихъ жизненныхъ элементовъ въ одной и той же существенной функціи, это—біологическое сотрудничество. Несправедливо прилагать упомянутый терминъ только къ такимъ комбинаціямъ и случаямъ, гдѣ это сотрудничество совершается въ условіяхъ, подходящихъ къ тѣмъ, при которыхъ оно имѣетъ мѣсто внутри нашего собственнаго организма: индивидъ существуетъ вездѣ, гдѣ есть на лицо какая-либо группа живыхъ солидарныхъ между собою существъ; но вслѣдствіе этого же самаго (за исключеніемъ указан-

*) Мы употребляемъ это слово вслѣдствіе его распространенности въ обыденной рѣчи. Впослѣдствіи намъ придется ограничить его смыслъ до его настоящаго истиннаго значенія.

наго ограниченія), вездѣ, гдѣ есть индивидъ, есть и общество. Тѣ или другіе случаи отличаются другъ отъ друга только родомъ группировки частей. Сознаніе, вытекающее изъ этого сотрудничества, также одинаково по своей природѣ какъ у обществъ, такъ и у индивида, что подтверждается всѣмъ рядомъ разсмотрѣнныхъ нами фактовъ. Какъ индивидуальность, оно по своему существу многосложно и предполагаетъ массу разнородныхъ впечатлѣній, приводимыхъ къ единству единствомъ цѣли. Что касается законовъ, управляющихъ развитіемъ того и другаго, то намъ уже приходилось говорить о нихъ мимоходомъ. Но изслѣдованные нами факты еще недостаточно многочисленны для того, чтобы мы могли съ этой же главы формулировать ихъ точно. Мы сдѣлаемъ это въ концѣ книги, когда наша экспериментальная основа, въ силу своей широты, дастъ намъ право на выводъ общихъ заключеній.

Теперь мы можемъ перейти къ изученію обществъ, образовавшихся изъ соединенія уже сложныхъ индивидовъ, строеніе которыхъ было нами только-что намѣчено. Это соединеніе, составляющее высшую ступень ассоціаціи, происходитъ подъ давленіемъ половаго влеченія. Достигнувъ своихъ нормальныхъ условій, оно, какъ мы скоро увидимъ, приводитъ къ кратковременному полостному сообщенію между родителями. Но функція, которая не перестаетъ служить его основаніемъ, по мѣрѣ повышенія зоологической лѣстницы, все полнѣе и полнѣе подчиняется другимъ функціямъ болѣе высшаго характера, такъ что семейная ассоціація кончаетъ выработкой взаимности въ сферѣ умственной дѣятельности, распространяя свое вліяніе на дѣятельность головнаго мозга, тогда какъ общество питанія доходитъ только до солидарности частныхъ нервныхъ центровъ.

Прежде, однако же, чѣмъ закончить этотъ очеркъ, мы должны указать на подготовляемый самой природой переходъ отъ первой группы фактовъ ко второй. Нѣкоторые изъ организмовъ, разсмотрѣнныхъ нами въ настоящей главѣ, имѣютъ удивительную способность соединяться вмѣстѣ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной раздѣльной жизни и образовать общества питанія, не смотря на то, что они появились на свѣтъ не на одной и той же материнской почвѣ

(*souche*). Здѣсь передъ нами именно то самое исключеніе, о которомъ мы упоминали съ самаго начала, говоря о законѣ Дюжардена. Фактъ этотъ замѣчается даже между организмами, стоящими ниже инфузорій. Вотъ что сообщается о немъ въ *Сравнительной анатоміи безпозвоночныхъ животныхъ* Гексли, на стр. 8: «Наконецъ, у геккелевской первослизницы (*Protomyxa*) мы видимъ попеременное превращеніе окукленной формы въ свободное слизевое или амебообразное состояніе, подобно тому какъ у *Protomonas*, но каждый такой амебоидъ не закистовывается по одиночкѣ. Напротивъ, извѣстное число индивидовъ, соединившись вмѣстѣ, сливаются въ одну общую сфероидальную свободную массу протоплазмы, или такъ называемый *пласмодій*, въ которомъ нельзя открыть никакого слѣда ихъ первоначальнаго раздѣленія. Пласмодій самъ собою окружается кистой и дѣлится на множество частей, которыя, послѣ своего превращенія въ хвостатые или биченосные зародыши, въ концѣ концовъ снова переходятъ въ амебоидное состояніе. Очень можетъ быть, что сліяніе отдѣльныхъ *Myxodictya* и *Protomyxa* составляетъ своего рода половое совокупленіе». Такимъ же точно образомъ инфузоріи, какъ бы спаиваются другъ съ другомъ «и притомъ до того тѣсно, говорятъ Клапаредъ и Лахманнъ, что полость тѣла одного изъ индивидовъ сообщается непосредственно съ полостью другаго, и изъ двухъ полостей образуется одна». (Второй мемуаръ, стр. 225). Въ этотъ моментъ они образуютъ собой одно животное; по крайней мѣрѣ, Келликеръ увѣряетъ, что онъ прослѣдилъ сліяніе двухъ инфузорій до того момента, когда они представляли собой одинъ нераздѣльный индивидъ вдвое большаго объема, чѣмъ была каждая изъ нихъ въ отдѣльности. Подобнымъ же образомъ морскія свѣчки соединяются между собой попарно, причемъ у нихъ сначала отпадаютъ щупальцы и затѣмъ мало по малу оба тѣла, охватывая другъ друга, сливаются въ одно. Подобныя же наблюденія были собраны и относительно Ацинетъ. Бальбіани удалось прослѣдить совокупленіе Туфелекъ (Paramoecies); по прошествіи пяти или шести дней послѣ совокупленія, онъ видѣлъ подобно Штейну и Кону, какъ выходили зародыши или эмбріоны изъ тѣла матери въ формѣ Ацинетъ, которые скоро приняли материнскую форму и превратились въ Ту-

фелекъ (*Journal de Physiologie*, томъ I. 1858). Наконецъ, Даллингеръ и Дрейсдалъ видѣли двухъ совокуплявшихся *Heteromita* и слившихся послѣ того въ одну сплошную массу, изъ которой вышли весьма маленькія живыя тѣльца. Слѣдя за развитіемъ этихъ тѣлецъ, они нашли, что это были молодыя Heteromita (*Revue scientifique*, 8 іюля 1876). Такое явленіе называется совокупленіемъ или *цигозомъ*. Цигозъ не имѣетъ въ себѣ ничего случайнаго; это вполнѣ произвольный актъ, такъ какъ два индивида, сидящіе на одной ножкѣ, для того чтобъ совершить его, должны иногда принимать совершенно ненормальное положеніе — и тѣмъ не менѣе они его совершаютъ (тоже соч. стр. 229). Крайне тщательныя наблюденія Клапареда и Лахмана надъ сувойками, которыя, какъ мы видѣли, снабжены ножками, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно произвольнаго характера этого явленія. Черезъ нѣкоторое время послѣ совокупленія сувойки вновь расходятся и каждая производитъ потомство, ведущее самостоятельную жизнь. Иногда же такимъ обрззомъ совокупляются не два только индивида, а три, четыре и даже и семь! Подобное явленіе наблюдается и у полиповъ. Здѣсь не только соединяются верхушечные индивиды одной и той же колоніи гидромедузъ для образованія верхушечнаго цвѣтка (Anthogénés) и для того, чтобъ такимъ образомъ способствовать воспроизведенію на пользу цѣлаго общества, но встрѣчаются даже срощенія, которыя происходятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ сначала между двумя вѣтвями одного и того же полипняка, а затѣмъ между двумя полипняками одного и того же вида. Между двумя полипняками различныхъ видовъ идетъ борьба за существованіе, въ которой тотъ или другой изъ нихъ долженъ непремѣнно погибнуть. Но между полипняками, специфически сходными другъ съ другомъ, это явленіе не имѣетъ мѣста. «Какъ только два полипняка встрѣтятся между собой, говоритъ Лаказъ Дутье, они тотчасъ же слипаются, а затѣмъ мало по малу сростаются и перемѣшиваются совершенно подобно вѣтвямъ одного и того же индивида. Это своего рода растительная прививка сближеніемъ». Наконецъ Жіаръ наблюдалъ такой же фактъ у сложныхъ асцидій и нашелъ въ немъ вѣрное средство для распознаванія видовъ, такъ

какъ двѣ сложныя асцидіи различныхъ видовъ могутъ оставаться другъ возлѣ друга какое угодно время безъ малѣйшихъ признаковъ сростанія между ихъ тканями и спайки между полостями. Тотъ же наблюдатель далъ этому явленію названіе конкресценціи (слипаніе, сгущеніе). Онъ придаетъ ему значительную важность, такъ какъ замѣтилъ у *Circinalium concrescens*, что когда нѣсколько женскихъ особей живутъ бокъ о бокъ другъ съ другомъ и, постепенно увеличиваясь въ объемѣ, сростаются между собой, то ихъ соединеніе образуетъ общежительную группу и даетъ начало новому виду общественныхъ асцидій. Едва ли однако этотъ фактъ имѣетъ такое важное значеніе, потому что самъ Жіаръ считаетъ его исключительнымъ и признаетъ общій законъ, по которому колонія образуется путемъ эпигенезиса. Онъ не встрѣчается кромѣ асцидій ни у суставчатыхъ, ни у моллюсковъ*). Итакъ, мы видимъ въ этомъ явленіи цигоза или конкресценціи лишь анормальный или по меньшей мѣрѣ случайный фактъ.

Какое же его значеніе? Намъ кажется, что его слѣдуетъ сопоставить съ половымъ совокупленіемъ, для котораго онъ служитъ первымъ предвѣстіемъ въ нисшихъ рядахъ животнаго царства. Несомнѣнное или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятное по отношенію къ инфузоріямъ и медузамъ, это рѣшеніе вопроса можетъ казаться сомнительнымъ въ приложеніи къ коралловымъ и моллюскообразнымъ. Для того чтобы высказать по этому поводу болѣе основательное мнѣніе, нужно было бы знать, какое дѣйствіе производитъ на коралловыхъ подобная прививка. Если она сообщаетъ сплетающимся такимъ образомъ вѣтвямъ болѣе энергичную жизненность и способствуетъ ихъ умноженію, то догадки, высказываемыя Кономъ, Кла-

---

*) Мы находимъ однако же нѣкоторые слѣды этого явленія у червей „Своеобразный сосальщикъ съ двойнымъ тѣломъ, спайщикъ странный (*Diplozoon paradoxum*) является результатомъ слиянія между двумя индивидами, которые въ изолированномъ состояніи извѣстны подъ именемъ *Дипоръ*. Дипорпы пріобрѣтаютъ вполнѣ развитые половые органы только послѣ этого соединенія“. Дипорпы двудомны. Въ другомъ видѣ однодомныхъ сосальщиковъ самецъ и самка всегда живутъ парами, причемъ самка постоянно помѣщается въ особомъ желобкѣ, находящемся на тѣлѣ самца.

паредомъ, Лахманомъ и самимъ Гексли, должны пріобрѣсти значительную вѣроятность. Сколько намъ извѣстно, ни Мильнъ Эдвардсъ, ни Лаказъ Дютье не дѣлали наблюденій, прямо относящихся къ этому послѣднему вопросу.

Но если бы вышеупомянутая догадка была принята, то цигозъ и конкресценція, какъ первое приложеніе великаго закона *притяженія подобнаго къ подобному*, привела бы насъ естественнымъ путемъ къ половому соединенію. Она бы сдѣлалась превосходнымъ посредствующимъ звѣномъ между обществами питанія и воспроизведенія и показала бы намъ ясно, что эти послѣднія возможны только тамъ, гдѣ анатомическіе элементы настолько сходны между собой, что могутъ какъ бы сливаться другъ съ другомъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Воспроизводительная способность.

ГЛАВА I.

Семейство: брачное общество.

Общества, имѣющія цѣлью воспроизведеніе; отличительная ихъ черта въ противоположность съ обществами предыдущей группы.—Три фазы семейнаго общества: общество брачное, материнское, отческое.—О брачномъ обществѣ.—Происхожденіе половъ; физіологическая точка зрѣнія; половое влеченіе; точка зрѣнія психологическая. — Пять родовъ эстетическихъ явленій, поддерживающихъ брачное общество у животныхъ; характеръ образовавшейся такимъ образомъ пары или четы; битвы изъ-за обладанія самками. — Недостаточность этихъ явленій для объясненія семейнаго общества.

Представимъ себѣ двухъ животныхъ, состоящихъ каждое изъ общества гистологическихъ элементовъ, сгруппированныхъ въ органы. Если эти два животныя различныхъ половъ и соединяются между собой, то этотъ союзъ составляетъ собой общество высшаго порядка. Это-то общество и подлежитъ нашему изслѣдованію. Оно отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что въ немъ непрерывность тканей и заполненіе полостей, вмѣсто того, чтобъ быть постоянными, болѣе или менѣе кратковременны—вотъ первая разница. Вторая еще болѣе важная состоитъ въ томъ, что существа, сближающіяся такимъ образомъ, начали свою жизнь каждый независимо другъ отъ друга: и дѣйствительно, если нѣтъ нужды искать причины, которая объясняла бы прикрѣпленіе полиповъ къ общему стволу, на которомъ они растутъ, то здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, почему соединяются между собою два индивида разнаго пола. А такъ какъ эта причина можетъ лежать только въ каждомъ изъ

соединяющихся субъектовъ и обнаруживаетъ въ нихъ сознаніе существующаго между ними различія, то общество, которое они образуютъ своимъ соединеніемъ, является построеннымъ на представленіи, т. е. на мысли: оно одновременно психическое и органическое. Но въ большинствѣ случаевъ могъ бы быть другой союзъ, и вотъ становится необходимымъ объяснить, почему какой-либо субъектъ соединяется охотнѣе съ однимъ индивидомъ, чѣмъ съ другимъ. Новое общество должно быть разсматриваемо въ этомъ отношеніи уже не какъ самородное и необходимое, но какъ избирательное, потому что оно возникаетъ подъ вліяніемъ взаимнаго выбора. Наконецъ, если, какъ это часто случается, индивиды, соединяющіеся вслѣдствіе половаго влеченія, остаются вмѣстѣ, руководимые желаніемъ сообща воспитывать свое потомство, или если только одинъ изъ нихъ сохраняетъ при себѣ дѣтенышей, то увеличивающееся такимъ образомъ семейное общество будетъ продолжать свое существованіе втеченіе болѣе или менѣе долгаго времени безъ всякаго нарушенія своей цѣлости. Оно будетъ тогда не только временнымъ, но и послѣдовательнымъ (successive)—новая отличительная его черта. Таковы признаки, характеризующіе общество воспроизведенія или семейство и устанавливающія въ соціальной лѣстницѣ его превосходство надъ обществомъ питанія или бластодемой, которое ему подчиняется *).

Есть три рода семейныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое предыдущее является условіемъ существованія для послѣдующаго. Два животныхъ разнаго пола должны вначалѣ составить изъ себя на

*) Замѣтимъ однако же, что относительно послѣдняго изъ этихъ свойствъ, оно, въ нѣкоторой степени, сходно съ питательнымъ обществомъ. Оно также состоитъ изъ послѣдовательно нарождающихся индивидовъ, потому что гистологическіе элементы постоянно смѣняются одни другими; старыя отжившія клѣтки вытѣсняются новыми, молодыми. Но приэтомъ остается еще та разница, что жизненное единство животной колоніи, основываясь на циркуляціи, предполагаетъ дѣйствительное непрерывное сообщеніе индивида съ общимъ организмомъ, тогда какъ по мѣрѣ повышенія ступеней зоологической лѣстницы, не выходя даже изъ круга безпозвоночныхъ, семейныя узы связываютъ (unité de la famille embrasse) между собой индивидовъ, болѣе удаленныхъ другъ отъ друга во времени.

короткое время какъ бы одно физіологическое существо, безъ чего (за исключеніемъ случаевъ, встрѣчающихся въ низшихъ родахъ животнаго царства — партеногенезисъ) мать не можетъ произвести потомства. Затѣмъ, для того чтобъ отецъ оставался въ постоянномъ обществѣ съ матерью, нужно, чтобъ сама мать оставалась долгое время съ своими дѣтьми. Можно указать на животныхъ, гдѣ эти три рода группировки, вытекая одна изъ другой, сливаются между собой. Вообще же они обыкновенно являются изолированными и образуются постепенно въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ мы ихъ только-что переименовали. Этотъ порядокъ и будетъ принятъ нами при ихъ изученіи.

«Явленіе оплодотворенія въ сущности есть соединеніе одной или нѣсколькихъ амебъ въ видѣ сперматозоидовъ, вводимыхъ въ яичко и питающихся его поверхностнымъ слоемъ, съ яйцевой амебой, выходящей въ этотъ моментъ изъ своей кисты». (Giard).

Спрашивается теперь, какіе элементы содѣйствуютъ этому явленію? Конечно, продукты питанія, также какъ и всѣ другіе гистологическіе элементы. Всѣ явленія питанія и воспроизведенія, начиная отъ расщепленія вплоть до почкованія и партеногенезиса, связаны между собой незамѣтными переходами. «Нѣтъ никакой существенной разницы въ актѣ органогенической дѣятельности—воспроизводитъ ли при этомъ животное утраченныя имъ части своего тѣла, или образуетъ почки съ цѣлью размноженія (Гартманъ. *Философія безсознательнаго*, т. II, стр. 253). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно почка есть простая клѣточка, весьма похожая на яйцевую клѣтку и ничѣмъ не отличающаяся въ своихъ свойствахъ отъ яйца (Асцидіи изъ группы Pseudodidemnia). Пусть эта почка разовьется внутри тѣла въ особой полости, вмѣсто того чтобъ выступить безразлично изъ той или другой почки организма, и мы будемъ имѣть передъ собой партеногенезисъ. Эта родственность партеногенезиса съ процессами питательнаго возрастанія ясно подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что обиліе пищи благопріятствуетъ ему, а уменьшеніе сокращаетъ его. Такъ, напримѣръ, гусеницы нѣкоторыхъ чешуекрылыхъ, при хорошемъ кормѣ, даютъ иногда партеногенетическихъ самокъ. Напротивъ, гусеницы, скудно питающіяся

превращаются въ бабочекъ-самцовъ *). Итакъ, мы видимъ, что переходъ отъ питательныхъ обществъ къ воспроизводительнымъ очень легокъ; намъ теперь остается только показать возможность перехода отъ безполаго рожденія къ половому, и мы установимъ непрерывную связь между двумя столь различными соціальными явленіями.

У низшихъ существъ продукты, необходимые для зачатія половымъ путемъ, развиваются въ одномъ и томъ же индивидѣ. Будучи заключены большую часть времени въ оболочкахъ, которыя въ соотвѣтствующій моментъ лопаются, они смѣшиваются между собой то внѣ индивида, то внутри его почти случайно. Даже у нѣкоторыхъ видовъ круглыхъ глистъ (Nematoda) яйцевыя трубки содержатъ въ себѣ сначала смерматозоидовъ и затѣмъ уже яйца. Точно также у лягушечныхъ аскаридъ (*Ascaris nigrovenosa*), которые живутъ въ видѣ паразитовъ въ легкихъ лягушекъ и жабъ, смерматозоиды входятъ въ яйца уже въ яйцевой трубкѣ. Здѣсь мы видимъ только дифференцировку клѣточныхъ элементовъ въ опредѣленной части тѣла гермафродита. Но когда эти двѣ группы столь различныхъ гистологическихъ элементовъ являются у однихъ и тѣхъ же индивидовъ соединенными и заключенными въ спеціальныхъ органахъ, то случается такой моментъ, когда самое различіе органовъ того и другаго рода препятствуетъ соединенію ихъ продуктовъ и такимъ образомъ вынуждаетъ гермафродитныхъ субъектовъ совокупляться мужскимъ органомъ одного съ женскимъ другаго и наоборотъ. Въ этомъ случаѣ они составляютъ какъ бы одно живое существо, потому что въ ихъ органахъ происходитъ двойное кровообращеніе, на подобіе органовъ колоніи. Единственное различіе здѣсь заключается въ природѣ гистологическихъ элементовъ, между которыми происходитъ обмѣнъ и въ продолжительности этого послѣдняго. Во всемъ остальномъ явленіе аналогично сокообращенію. Но предположимъ, что одинъ и тотъ же индивидъ не можетъ играть роли самца въ отношеніи къ другому, передъ которымъ онъ самъ является самкой; тогда эту посредствующую

*) См. Giard. *Principes généraux de la biologie*, введеніе во французскій переводъ *Сравнительной анатоміи безпозвоночныхъ* Гексли.

роль должно выполнять третье животное; такимъ образомъ получается животная цѣпь, гдѣ каждое звѣно будетъ мужскимъ для своего сосѣда справа, напримѣръ, и женскимъ для другаго сосѣда слѣва. Это именно и имѣетъ мѣсто у озерниковъ или прудовиковъ (Гексли), которые въ данномъ случаѣ отличаются отъ обыкновенныхъ улитокъ тѣмъ, что послѣднія—простые гермафродиты. Пойдемъ далѣе и представимъ себѣ (какъ это дѣйствительно встрѣчается у нѣкоторыхъ моллюсковъ), что двуполые органы индивида становятся активными не одновременно, а одинъ послѣ другаго: часть года животное будетъ только самкой и часть—только самцомъ. «Отсюда до раздѣленія половъ одинъ только шагъ» (Milne Edwards, *Physiologie*, томъ VIII, стр. 370). Какъ совершонъ былъ этотъ шагъ исторически, мы не станемъ изслѣдовать; для насъ достаточно знать, что раздѣленіе половъ теоретически мыслимо лишь въ видѣ перехода отъ ихъ слитнаго состоянія путемъ простаго прогресса въ раздѣленіи физіологической работы. Ихъ взаимное влеченіе объясняется такимъ образомъ весьма естественно. Каждый изъ нихъ, строго говоря, составляетъ воображаемую половину другаго и стремится къ этой второй части самого себя въ силу органической склонности. Каждый привлекаетъ къ себѣ свое дополненіе, какъ необходимое условіе своего полнаго существованія. Въ томъ и другомъ изъ нихъ функціи питанія совершаются сполна *); но

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ самецъ помѣщается на самкѣ и живетъ насчетъ ея соковъ. Гексли (*Сравнительная анатомія безпозвоночныхъ*, стр. 157) говоритъ о самцѣ Бонеліи (группа Сипункуловъ): „Все это семейство ракообразныхъ, изъ группы усоногихъ,—раздѣльнополое; самцы ихъ сравнительно малы и присасываются по два къ тѣлу каждой самки“. (Van Beneden. *Commensaux et parasites*, стр. 59). О Спайщикѣ и Syngamus (изъ нематодъ) см. то же сочиненіе, стр. 39.—„Слѣдуетъ также замѣтить, говоритъ Мильнъ Эдвардсъ (*Physiologie*, томъ IX, стр. 267), что у нѣкоторыхъ изъ этихъ паразитовъ (напр. спайщикъ странный) вся полость тѣла занята мужскими половыми железами и что Дарвинъ не могъ открыть у нихъ никакого слѣда пищеварительныхъ органовъ. Ван-Бенеденъ говоритъ, что они сводятся къ роли сперматофоровъ (сѣмянныя коробочки). Присосавшійся самецъ постепенно дезорганизуется и притомъ до такой степени, что подъ конецъ онъ превращается въ простую мужскую половую железку на тѣлѣ самки (стр. 93 того же соч.). Здѣсь мы видимъ одно изъ явленій паразитическаго вырожденія.

ни въ томъ, ни въ другомъ функція воспроизведенія—безъ которой никакое существо не выполняетъ существенныхъ условій жизни—не получаетъ своего окончательнаго завершенія. Одну жизнь во всемъ значеніи этого слова они имѣютъ только вмѣстѣ.

Не останавливаясь на физіологическихъ доказательствахъ жизненнаго единства, охватывающаго собой двойной организмъ, мы ограничимся указаніемъ лишь на то, что по всему необозримому ряду раздѣльнополаго животнаго царства замѣчается удивительная приспособленность соотвѣтствующихъ другъ другу органовъ, начиная отъ ихъ формы, тканей, полостей, прохожденія по нимъ оплодотворяющихъ элементовъ, необходимаго при этомъ согласованія рефлективныхъ движеній и кончая подчиненіемъ всѣхъ индивидуальныхъ отправленій функціи воспроизведенія у того и другаго пола съ того момента, когда наступаетъ дѣятельность специфической половой жизни. Извѣстно, что подъ вліяніемъ вызываемыхъ ею чувствъ нѣкоторыя животныя забываютъ даже о самосохраненіи и не обращаютъ вниманія на опасности, другія перестаютъ думать о пищѣ и что, наконецъ, есть такія, которыя во время своихъ послѣднихъ превращеній совсѣмъ не имѣютъ органовъ, необходимыхъ для воспринятія пищи.

Правда, это единеніе является столь тѣснымъ не на всѣхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы. Но все-таки оно распространено болѣе широко, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Мы сейчасъ только видѣли, что оно существуетъ у большинства явноголовыхъ моллюсковъ. Кольчатыя и черви совокупляются такъ же хорошо, какъ и гермафродиты, причемъ остаются обвившимися другъ около друга по нѣскольку часовъ. Насѣкомыя обладаютъ болѣе сложными половыми органами, чѣмъ нѣкоторыя позвоночныя. Даже между рыбами широкоротыя, напр. акулы, и нѣкоторыя костистыя совокупляются другъ съ другомъ для внутренняго оплодотворенія. Скаты и химеры снабжены для той же цѣли органами хватанія, похожими на пару большихъ клешней. Правда, у большинства рыбъ оплодотвореніе яйца бываетъ наружное, но отсутствіе совокупленія не мѣшаетъ ихъ сближенію. По опытамъ Коста, яйца, выметываемыя самками рыбъ, должны были бы погибнуть, если бы

оплодотворялись позже пяти минутъ отъ начала метанія икры; съ другой стороны жизнедѣятельность оплодотворяющихъ тѣлецъ сохраняется въ водѣ лишь въ теченіи нѣсколькихъ минутъ (Blanchard. *Poissons des eaux douces de la France*, стр. 110 и слѣд.). Итакъ, необходимо, чтобъ самецъ весьма близко слѣдовалъ за самкой и плавалъ вмѣстѣ съ ней во все время метанія ею икры. Точный наблюдатель нравовъ животныхъ, Бертранъ Антоненъ, разсказываетъ слѣдующее о сближеніи щукъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Стоя на стволѣ ивы, склонившейся надъ тонкимъ слоемъ воды, которая текла по затопленнымъ лугамъ, онъ увидѣлъ, въ концѣ февраля, утромъ самку щуки. Нѣсколькими ударами хвоста она вызвала трехъ или четырехъ претендентовъ, прятавшихся до тѣхъ поръ въ глубокой водѣ. Самцы тотчасъ же приблизились къ предмету своей страсти и стали тереться около самки, давя ее снизу и безпорядочно двигаясь взадъ и впередъ, причемъ во время этихъ эволюцій, очевидно имѣвшихъ цѣлью обрызгиваніе оплодотворяющей жидкостью яицъ при ихъ выходѣ, они нерѣдко блестѣли яркой чешуей своею брюшка. Что касается другихъ животныхъ, то способъ ихъ сближенія слишкомъ хорошо извѣстенъ, для того чтобъ еще было нужно припоминать его здѣсь. Всякій знаетъ, что амфибіи тѣсно соединяются между собой, хотя оплодотвореніе яицъ у нихъ происходитъ внѣ тѣла самки; а пресмыкающіяся различныхъ половъ при спариваніи страстно обвиваются другъ около друга и поворачиваются одинъ къ другому.

Но хотя матеріальное сближеніе и является первымъ условіемъ семейнаго общества у животныхъ, однако оно не составляетъ самой энергической его связи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это было такъ, то наиболѣе сплоченными обществами были тѣ, гдѣ происходятъ наиболѣе полныя глубокія и продолжительныя совокупленія, причемъ гермафродитовъ съ свойственнымъ имъ склещиваніемъ пришлось бы помѣстить въ первомъ ряду. Нелѣпость такого вывода достаточно подрываетъ самое основаніе принципа. Прочность семейнаго союза — если даже на него смотрѣть только со стороны половыхъ отношеній родителей — безъ сомнѣнія, устанавливается психическими явленіями, которыя его подготовляютъ и возобновляютъ въ случаѣ, если

бы механическія причины подѣйствовали на него разстроивающимъ образомъ. Скажемъ болѣе: эти самыя явленія въ большинствѣ случаевъ создаютъ его, потому что безъ нихъ этотъ союзъ подчинялся бы случайнымъ встрѣчамъ. Какъ мало было бы шансовъ къ тому, чтобъ онъ когда-нибудь образовался? Итакъ, разсмотримъ чисто психическія причины, которыя вызываютъ и поддерживаютъ этотъ союзъ, развивая въ индивидахъ обоихъ половъ соотносительныя представленія, а слѣдовательно и желанія, чтобъ одновременно съ общей жизнью сообщить имъ и общее сознаніе.

Если вѣрно говорятъ, что разные полы взаимно желаютъ другъ друга, то нельзя сказать, чтобъ они искали одинъ другаго, по крайней мѣрѣ явно. Въ большинствѣ случаевъ, кажется, только самецъ ищетъ самку. Сначала эта необходимость обусловливалась для него значительнымъ числомъ соперниковъ, съ которыми ему приходится конкурировать втеченіе непродолжительнаго времени. Затѣмъ, весьма часто только самецъ надѣленъ органами движенія и только онъ можетъ нападать и преслѣдовать. Извѣстно, что у насѣкомыхъ нѣтъ ни одного самца, который былъ бы безкрылымъ при существованіи крыльевъ у его самки, между тѣмъ какъ обратное случается сплошь и рядомъ. Наконецъ, чѣмъ выше мы поднимаемся по зоологической лѣстницѣ, тѣмъ самки болѣе и болѣе обнаруживаютъ два взаимно противоположныхъ желанія — совокупиться съ самцомъ и отказать ему. Первое желаніе проявляется только въ нѣкоторые моменты, съ которыми не всегда совпадаютъ искательства другаго пола; но даже и въ эти благопріятныя минуты отказы бываютъ весьма часты и упорны. Такое, какъ будто противоестественное, настроеніе до сихъ поръ не имѣетъ вполнѣ удовлетворительнаго объясненія. У насѣкомыхъ смерть часто является цѣной материнства. Можно было бы поэтому предположить, что колебанія самки вызываются именно представленіемъ такой трагической развязки. Но то же самое пришлось бы сказать и о самцѣ. Быть можетъ, болѣе вѣроятный ключъ къ объясненію упомянутаго факта лежитъ въ затрудненіи, которое испытываетъ ограниченный умъ насѣкомаго, когда ему приходится дѣлать то или другое рѣшеніе, смутно дающее ему знать о важности его по-

слѣдствій. Сильныя желанія заставляютъ самку ожидать отъ самца, которому она отдается, извѣстныхъ качествъ и преимуществъ: мы сейчасъ это докажемъ, описывая усилія, употребляемыя другимъ поломъ для удовлетворенія этимъ условіямъ. Не естественно ли, что, передъ тѣмъ какъ отдаваться, она, побуждаемая органическимъ инстинктомъ, колеблется, не находя ихъ выполненными настолько, насколько это ей бы хотѣлось. Замѣчательно, что побужденіе къ отказамъ тѣмъ сильнѣе въ каждомъ видѣ, чѣмъ онъ красивѣе. Такъ напримѣръ, чешуекрылыя извѣстны своими долгими приступами и ухаживаніями, между тѣмъ они-то именно и представляютъ всего болѣе очарованія для глазъ въ цѣломъ классѣ насѣкомыхъ. Пѣвчія и токующія птицы, наиболѣе ярко украшенныя и особенно искусcныя въ любовныхъ заигрываніяхъ млекопитающія—въ то же время и всего упорнѣе отталкиваются своими самками. Кромѣ того, безъ этихъ отказовъ всѣ способности, разсчитанныя на прельщенія, не только не имѣли бы времени для своего проявленія, но не могли бы даже возникнуть, не говоря уже объ ихъ развитіи. Въ сознаніи самки у высшихъ животныхъ и нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ существуетъ родъ идеала, которому, какъ имъ кажется, самцы никогда вполнѣ не удовлетворяютъ и исканіе котораго вноситъ въ ихъ выборъ столько нерѣшительности и колебаній. Наша комнатная муха, стоящая довольно низко въ ряду насѣкомыхъ, не заражена никакими колебаніями, потому что она неспособна къ представленіямъ: кто не выбираетъ, тотъ не колеблется и не можетъ отказывать. Къ этому необходимо прибавить еще одну причину. Нельзя допустить, чтобъ преслѣдованія самца не сопровождались у самки болѣе или менѣе смутнымъ представленіемъ половой связи, которое они стремятся вызвать. Одно уже это преслѣдованіе само по себѣ составляетъ для нея удовольствіе, и мы не нуждаемся въ подборѣ примѣровъ, которые представляетъ намъ во множествѣ животное царство относительно стремленія къ продолженію удовольствій и даже къ отсрочкамъ ради пріятнаго ожиданія. Извѣстно, какъ кошка играетъ съ мышью, или выдра и бакланъ съ рыбой. Если они охотно возобновляютъ преслѣдованіе уже находящейся въ ихъ обладаніи добычи, то это потому, что процессъ преслѣдованія—

по крайней мѣрѣ нѣкоторое время—имъ кажется столь же пріятнымъ, какъ и самое пожираніе жертвы. По той же причинѣ самка отталкиваетъ самца во всѣхъ случаяхъ, когда она способна чувствовать удовольствіе отъ ухаживанія за нею и желать продолженія этого удовольствія. Можно сказать, что здѣсь стыдливость близко соприкасается съ кокетствомъ, принимая это послѣднее слово въ серьезномъ смыслѣ, какъ одинъ изъ самыхъ активныхъ путей и орудій половаго подбора. И дѣйствительно, если самка отказываетъ съ тѣмъ, чтобъ ее болѣе искали, то это искательство пробуждаетъ въ самцахъ множество такихъ способностей, которыя, безъ подобныхъ отказовъ, никогда не могли бы возникнуть. Весь этотъ длинный любовный процессъ управляется цѣлой сѣтью гармоническихъ необходимостей. Всего болѣе онъ важенъ съ соціальной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой могущественной силой образъ двухъ половъ напечатлѣвается въ сознаніи того и другаго изъ нихъ вслѣдствіе продолжительности любовныхъ преслѣдованій и соединеннаго съ ними раздраженія желаній!...

Подготовительными факторами половаго соединенія и, слѣдовательно, семейнаго союза служатъ пять родовъ явленій: во-первыхъ—возбуждающія прикосновенія, наиболѣе низшія изъ этихъ явленій и всего ближе соприкасающіяся съ физіологическими актами; во-вторыхъ—запахи; въ-третьихъ—цвѣта и формы; въ-четвертыхъ—звуки и, наконецъ, въ-пятыхъ—игры или всякаго рода движенія.

1) *Возбуждающія прикосновенія.*—Мы не намѣрены здѣсь говорить объ органахъ, служащихъ животному для хватанья и удерживанія своей самки; ограничимся лишь указаніями на тѣ движенія, посредствомъ которыхъ оно возбуждаетъ страсти, такъ сказать механическимъ, прямымъ путемъ. Улитки имѣютъ въ особыхъ мѣшечкахъ заостренныя известковыя тѣльца *(любовныя стрѣлы)*, которыя оба гермофодита передъ своимъ взаимнымъ совокупленіемъ, выбрасываютъ изъ себя, стараясь попасть ими другъ въ друга около женскаго половаго органа. Эти стрѣлки часто остаются въ тканяхъ и производятъ въ нихъ возбужденіе, для котораго у болѣе высшихъ животныхъ достаточно одного воображенія. Большой сѣ-

рый слизень, находимый лѣтомъ по ночамъ на сырыхъ дворахъ, щиплетъ слегка край ноги другаго слизня и проползаетъ по его тѣлу отъ головы къ хвосту. У моллюсковъ, какъ и у многихъ другихъ животныхъ, присасываніе поверхностей, снабженныхъ осязательными бугорками, составляетъ могущественное средство половаго возбужденія. Не входя въ подробности относительно другихъ второстепенныхъ формъ, возбуждающихъ прикосновеніемъ, укажемъ на клубки, въ которые свиваются нѣкоторыя пресмыкающіяся и амфибіи, на прижиманія другъ къ другу рыбъ при метаніи икры и, наконецъ, на ласки, взаимно расточаемыя нѣкоторыми изъ высшихъ позвоночныхъ, каковы напримѣръ, птицы (попугайчики, амадины, бородатыя синицы, медососы, золотистые дятлы, голуби, колпики, каролинскія утки) и многія млекопитающія.

2) *Запахи.*—Запахъ играетъ важную роль въ сближеніи другъ съ другомъ большаго числа насѣкомыхъ. Онъ именно руководитъ тѣми роями самцовъ чешуекрылыхъ, которые собираются иногда вокругъ одной или нѣсколькихъ самокъ. Это легко доказать на опытѣ съ самкой шелкопряда. Пустите ее въ центрѣ города и самцы скоро явятся къ ней въ значительномъ количествѣ. Дарвинъ разсказываетъ, что Трименъ выставилъ на островѣ Уайтѣ вечеромъ ящикъ съ посаженной въ него самкой кольчатаго шелкопряда, и почти тотчасъ же пять самцевъ уже пытались проникнуть въ него. Верро, въ Австраліи, помѣстилъ маленькую самку шелкопряда въ коробку и положилъ послѣднюю въ карманъ; слѣдствіемъ этого было то, что онъ вошелъ въ домъ окруженный цѣлымъ роемъ самцовъ, которыхъ собралось никакъ не меньше 200 штукъ. Многія другія насѣкомыя издаютъ запахи, ощутимые для нашего обонянія; но мы не знаемъ, имѣютъ ли они то же самое назначеніе.

При половомъ сближеніи птицъ, запахъ, какъ кажется, не играетъ никакой роли; совершенно иное представляютъ собой млекопитающія, ноздри которыхъ всегда мягки и способны къ самымъ тонкимъ ощущеніямъ. Можно сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый характеристическій запахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ запахъ, получающій особенное развитіе во время любовнаго сезона (течка), въ огромномъ большинствѣ случаевъ служитъ средствомъ

сообщенія животныхъ другъ съ другомъ. Собаки, всего чаще наблюдаемыя нами, представляютъ въ этомъ отношеніи весьма любопытный матеріалъ для всякаго, кто желаетъ внимательно изучить ихъ нравы. Мы не безъ удивленія видимъ, какъ онѣ поминутно разсѣяваютъ свои жидкія изверженія вездѣ, гдѣ ихъ обоняніе даетъ имъ знать о присутствіи такихъ же изверженій, оставленныхъ прежде ихъ собратьями: эта привычка не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ желанія оставить по дорогѣ слѣды, распознаваемые посредствомъ чутья индивидами другаго пола, въ которыхъ они, безъ сомнѣнія, производятъ половое возбужденіе. Ослы и лошади поступаютъ такимъ же образомъ. Слѣдующій фактъ можетъ дать понятіе о тонкости ихъ обонянія: «Во время моего пребыванія въ Техасѣ, говоритъ Гузо, какъ-то разъ у сосѣда внезапно пропала стреноженная лошадь, пасшаяся до тѣхъ поръ спокойно передъ дверями его дома. Втеченіе долгаго времени мы не могли ее найти, не смотря на всѣ поиски. Передъ нами разстилалась на нѣсколько верстъ совершенно открытая мѣстность и нельзя было предположить, чтобъ она совсѣмъ ушла изъ табуна. Исколесивши окрестности по всѣмъ направленіямъ, мы, наконецъ, отыскали бѣглянку возлѣ кобылы, находившейся въ періодѣ течки, въ $4^1/_2$ верстахъ отъ нашего жилища». (Houzeaux. *Etudes sur les facultés mentales des animaux comparées à celles de l'homme*, Mons, 1872, томъ I, стр. 279). Мы сами видѣли въ Корсикѣ трехъ ословъ, которые внезапно остановились на дорогѣ, гдѣ передъ этимъ проходилъ другой оселъ, оставившій послѣ себя извѣстные слѣды, и поднявши вверхъ головы, выпятивъ весьма комично глаза и чамкая губами, принялись ревѣть съ невыразимой экзальтаціей. «Въ Америкѣ, говоритъ Бремъ, дикія лошади ищутъ дорогъ, чтобы складывать тамъ свои изверженія, и такъ какъ всѣ лошади имѣютъ обыкновеніе нюхать пометъ своихъ собратьевъ и прибавлять къ нему свой собственный, то кучи, получающіяся отъ такой практики, образуютъ часто настоящіе холмы (Бремъ т. II, стр. 312). Гуанаки, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣютъ курьезную привычку отлагать свои экскременты въ одну кучу и когда она сдѣлается слишкомъ большой, начинаютъ возлѣ нея другую (Бремъ, томъ II, стр, 454). У

другихъ млекопитающихъ раздѣленіе органической работы вызвало образованіе специальныхъ железъ, расположенныхъ обыкновенно весьма близко къ дѣтороднымъ органамъ и содержащихъ въ себѣ сильно пахучія вещества. Бобры распространяютъ всѣ въ одномъ мѣстѣ свою пахучую струю и урину. Кабарги даютъ о себѣ знать весьма далеко своими выдѣленіями. Самцы оленя пампасовъ (Blastocerus) въ періодъ случки издаютъ такой острый запахъ, что человѣкъ его слышитъ за четверть версты, а Одюбонъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ четырехъ виргинскихъ оленей, проходившихъ черезъ 15 или 30 минутъ другъ послѣ друга по одному и тому же пахучему слѣду. Специальные запахи пріобрѣтаютъ у нѣкоторыхъ видовъ такую остроту, что, не переставая быть средствомъ призыва для различныхъ половъ, они могутъ дѣлаться еще хорошимъ орудіемъ защиты противъ другихъ животныхъ. Лошади, собаки и даже человѣкъ принуждены бываютъ удаляться отъ вонючекъ и различныхъ виверовыхъ подъ страхомъ задушенія. Однако тотъ же самый нестерпимый запахъ нравится самкамъ, потому что онъ болѣе развитъ у самцовъ. Что касается четверорукихъ, то запахи въ ихъ взаимномъ сближеніи играютъ очень слабую роль; языкомъ чувствъ между индивидами того и другаго пола у нихъ служатъ органы зрѣнія и слуха.

Если мы обратимся теперь къ соціологическому значенію только что указанныхъ фактовъ, то найдемъ, что пахучія выдѣленія двухъ половъ производятъ на нихъ одинаково глубокія впечатлѣнія и вызываютъ во всемъ ихъ организмѣ сильнѣйшее половое возбужденіе. Такимъ образомъ этотъ факторъ тѣсно связываетъ ихъ другъ съ другомъ; ихъ сознаніе подъ дѣйствіемъ сходныхъ взаимныхъ ощущеній приходитъ въ постоянное общеніе, которое, быть можетъ, прочнѣе связи, соединяющей между собой полиповъ, гдѣ цѣлая колонія живетъ насчетъ одного и того же общаго обращенія соковъ (circulation). Пусть ихъ раздѣляетъ разстояніе, пусть обстоятельства вынуждаютъ ихъ отыскивать себѣ пищу отдѣльно другъ отъ друга, но всегда наступаетъ такой моментъ, когда они черезъ пространство спаиваются вмѣстѣ доносимыми до нихъ вѣтромъ тонкими пахучими выдѣленіями и составляютъ какъ бы одно существо.

3) *Цвѣта и формы.*—Тамъ, гдѣ не достаетъ этого средства сообщенія, но часто также и тамъ, гдѣ оно развито, животныя двухъ разныхъ половъ сближаются между собой путемъ видимаго образа, какой они представляютъ другъ для друга, и всего болѣе посредствомъ извѣстныхъ особенностей цвѣта и формы. Насѣкомыя, которыя, составляя отдѣльный міръ, весьма далеко подвинули органическій прогрессъ, не смотря на несовершенство своего типа, представляютъ намъ замѣчательные примѣры самыхъ разнообразныхъ украшеній, очевидно имѣющихъ цѣлью половое привлеченіе. Трудно допустить, чтобъ великолѣпныя краски, которыми блестятъ чешуекрылыя и жесткокрылыя, были безцѣльны. Самые цвѣты выработали себѣ прихотливую яркость красокъ только для того чтобъ привлекать насѣкомыхъ; это въ настоящее время научный фактъ. Онъ доказываетъ какъ то, что блескъ красокъ имѣетъ свою основную причину въ актахъ природы, такъ и то, что насѣкомыя способны ихъ распознавать *). Правда, нѣкоторыя изъ низшихъ животныхъ окрашены къ самые яркіе цвѣта, которые никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ упомянутой нами причинѣ, такъ какъ эти животныя или безполыя, или гермафродиты. Но мы и не утверждаемъ, чтобъ всѣ окрашенныя ткани создавались исключительно въ видахъ воспроизведенія; мы только говоримъ, что между различными причинами ихъ окрашиванія половой подборъ занимаетъ важное мѣсто съ момента появленія половъ. Это доказывается тѣмъ, что часто только одинъ изъ половъ обладаетъ такимъ преимуществомъ. «Никакое описаніе, говоритъ Дарвинъ, не можетъ дать понятія о великолѣпіи самцовъ у нѣкоторыхъ видовъ чешуекрылыхъ подъ тропиками». То же самое можно сказать и о европейскихъ бабочкахъ (*Apatura iris* и *Anthocaris cardamines*). Гвіанскіе бабочки Morphus, служащія съ недавняго времени головнымъ украшеніемъ для дамъ, представляютъ такое же различіе: ихъ самки едва замѣтны; онѣ почти никогда не сходятъ съ вершины деревьевъ и окрашены въ рыжеватобурый цвѣтъ, который не имѣетъ ни-

*) Тѣ же разсужденія одинаково примѣняются и къ свѣченію нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

чего общаго съ богатымъ убранствомъ ихъ блестящихъ супруговъ. Въ подобныхъ случаяхъ цвѣта кажутся намъ полными высокаго значенія. Тоже самое замѣчается и у сѣтчатокрылыхъ, перечисляемыхъ Дарвиномъ, между которыми лютки (Agrionida) заслуживаютъ особеннаго вниманія. Изъ перепончатокрылыхъ, самцы наѣздниковъ и пчелъ также гораздо ярче окрашены, чѣмъ самки. Иногда случается и обратное, но съ тѣмъ же значеніемъ какъ у нѣкоторыхъ стрекозъ и—между жесткокрылыми—у нѣкоторыхъ экзотическихъ усачей (Prionida). Самцы рыбъ по большой части украшены лучше самокъ,—одни постоянно, другіе преимущественно во время любовнаго сезона. Между прѣсноводными рыбами можно указать при этомъ, въ видѣ примѣра, на гольяновъ, колюшекъ, окуней, сорожекъ, горчаковъ, лещей и лососей. Извѣстно, что лосось получаетъ свою блестящую окраску только при наступленіи періода метанія икры; до тѣхъ же поръ оба пола ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга по цвѣту. Сюда слѣдуетъ прибавить карповыхъ рыбъ индѣйскихъ рѣкъ, ципринодонтовъ и южноамериканскихъ хромидъ. Между морскими рыбами всего болѣе замѣчателенъ въ этомъ отношеніи губанъ. Но онъ не одинъ, о которомъ можно сдѣлать подобное замѣчаніе, хотя наблюденія этого рода особенно затруднительны. Дарвинъ указываетъ, напримѣръ, еще на *Callyonimus lyra* и *Cottus scorpius*, къ которымъ слѣдуетъ присоединить лабиринтовыхъ рыбъ, по наблюденіямъ Карбонье. Во время любовнаго сезона самецъ губана покрывается яркими перемежающимися и довольно широкими полосами краснаго и лазореваго цвѣта. Наружные лучи его брюшныхъ плавниковъ принимаютъ яркую окраску. Самка также испещряется полосами, но ея цвѣта темнѣе и не имѣютъ такого контраста, какъ у самца. Съ наступленіемъ нереста (метанія икры), они однако становятся значительно ярче, особенно по краямъ плавниковъ. Въ это время самецъ крайне усердствуетъ передъ самкой, увивается около нея, строитъ ей настоящія куры, выставляетъ передъ нею самодовольно свой огромный хвостовой плавникъ и дрожитъ какъ павлинъ, распустившій хвостъ. Извѣстно, что англичане называютъ губана павлиномъ-рыбой. Впрочемъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего экстраординарнаго, ничего такого, чего мы не

могли бы наблюдать у такихъ повседневныхъ рыбъ въ нашихъ рѣкахъ и ручьяхъ, какъ гольянъ и колюшка. Но потому-то, что указанные нами факты не имѣютъ никакой исключительности, они и заслуживаютъ большаго вниманія. Дѣлаясь болѣе и болѣе извѣстными, они перестанутъ удивлять насъ, также какъ мы не удивляемся имъ въ мірѣ пернатыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая нибудь нужда указывать въ настоящее время на тотъ общій законъ, что самцы птицъ обладаютъ болѣе яркимъ опереніемъ, чѣмъ самки; и что это послѣднее формируется одновременно съ ихъ половой зрѣлостью и возобновляется сотвѣтственно періодамъ любовныхъ сезоновъ? Не повѣряется ли этотъ законъ также на млекопитающихъ? Такимъ образомъ мы можемъ сказать съ увѣренностью, что цвѣта во всемъ раздѣльнополомъ животномъ царствѣ играютъ важную роль, какъ средство привлеченія между полами, причемъ, по мѣрѣ повышенія на зоологической лѣстницѣ, самецъ пріобрѣтаетъ относительно яркихъ окрашиваній болѣе и болѣе значительный перевѣсъ передъ самкой: по мѣрѣ того какъ онъ сильнѣе испытываетъ необходимость нравиться своей наружностью, и самыя желанія (т. е. вся совокупность явленій сознанія) становятся все болѣе и болѣе прочными узами, сближающими другъ съ другомъ членовъ семейнаго общества.

Что подтверждаетъ психическій характеръ этихъ явленій не только у самокъ, которыя ихъ видятъ, но и у самцовъ, которые ихъ представляютъ, это—связь, открытая Пуше между явленіями окрашиванія, играющаго какъ бы роль протекціи, и дѣйствіемъ нервныхъ центровъ воли*). Поражающая аналогія заставляетъ насъ

*) Наружные покровы головоногихъ усѣяны хроматофорами, состоящими изъ мѣшковъ съ упругими стѣнками, наполненныхъ пигментомъ и снабженныхъ полосатыми мускулами, подъ дѣйствіемъ которыхъ они могутъ растягиваться и принимать несравненно большіе размѣры сравнительно съ тѣми, какіе имъ соотвѣтствуютъ въ состояніи сокращенія. При растяженіи стѣнокъ, цвѣтъ, свойственный ихъ пигменту, становится совершенно явственнымъ, тогда какъ, оставаясь сжатыми, они представляютъ видъ простыхъ темныхъ пятенъ. Эта смѣняющаяся игра растяженій и сокращеній производитъ удивительные эфекты въ цвѣтѣ кожи живыхъ головоногихъ (Huxley. *Anatomie com-*

считать явленія окраски, усиливающія половое влеченіе, зависящими отъ того же самаго дѣйствія и вслѣдствіе того входящими въ сферу сознанія. Слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ случаяхъ окраска нѣкоторыхъ частей тѣла усиливается въ моментъ возбужденія: такъ, гребень пѣтуха и ярко окрашенныя мѣста у нѣкоторыхъ обезьянъ (Дарвинъ. *О выраженіи ощущеній*, стр. 150), становятся болѣе яркими подъ вліяніемъ гнѣва и половыхъ страстей. Колюшки и морскіе пѣтушки, водящіеся въ Кохинхинѣ (Tour du monde, 1875), которыя во время битвы блестятъ яркими цвѣтами, теряютъ эту яркость и какъ бы тускнутъ, первыя — послѣ отступленія и вторые, независимо отъ побѣды или пораженія, когда они находятся въ покоѣ. Понятно, что перемѣнныя возбужденія, происходя періодически, должны были вызывать въ животныхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, также періодическія напруживанія, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ сдѣлались постоянными. Впрочемъ этотъ вопросъ стоило бы разсмотрѣть подробно. Его можно бы рѣшить, какъ намъ кажется, только черезъ сравненіе между собой вышеупомянутыхъ украшеній въ разные моменты года и при

---

parée des invertébrés, стр. 216). Головоногіе раздѣляютъ эту *хроматическую способность* съ нѣкоторыми видами рыбъ, каковы напр. камбалы, съ хамелеономъ и нѣкоторыми ракообразными, изъ которыхъ въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи креветъ (*Palemon Serratus*). Пуше показалъ, что пигментныя клѣтки находятся въ прямой зависимости отъ нервной системы и должны увеличить собой серію анатомическихъ элементовъ, въ которыхъ нервное возбужденіе превращается въ механическую работу. Нервы производятъ сокращеніе хроматофоровъ такъ же хорошо, какъ въ мышцахъ произвольнаго движенія и въ волокнистыхъ клѣткахъ мускуловъ растительной жизни. Пуше уничтожалъ у камбалъ хроматическую способность, вынимая у нихъ глазное яблоко или просто перерѣзывая оптическій нервъ. Слѣпое животное теряетъ способность измѣнять цвѣтъ своей кожи и дѣлать его то свѣтлымъ, то темнымъ, смотря по фону того мѣста, на которомъ оно лежитъ. У кревета ослѣпленіе влечетъ за собой тѣ-же послѣдствія по крайней мѣрѣ до возрожденія органовъ зрѣнія. Авторъ заключаетъ изъ этого, что измѣненія въ окраскѣ составляютъ настоящіе рефлекторные акты, имѣющіе свой центръ въ центральной нервной системѣ и исходную точку въ свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ сѣтчатки (Robin. Rapp. à l'Acad. des sciences, 1875).

различныхъ состояніяхъ, которыя обусловливаются чувствами обладающихъ ими животныхъ.

Большое число чешуекрылыхъ и жесткокрылыхъ самцовъ отличаются отъ своихъ самокъ по формѣ не только тѣмъ, что они иногда меньше ихъ, но также и тѣмъ, что первые обладаютъ придатками, которыхъ лишены послѣднія. Самки многихъ бабочекъ безкрылы, напр. *Heterogynis*, *Orgia*, нѣкоторыя ночныя бабочки (роды *Hibernia*, *Larentia* и *Nyssia*); что касается жесткокрылыхъ, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ у жуковъ-носороговъ и жуковъ-оленей, самцы снабжены рогами или большими челюстями, замѣчаемыми у самокъ лишь въ зачаточномъ состояніи; у другихъ-же, каковы напр. усачи, эта разница состоитъ только въ длинѣ сяжковъ—у самца они очень велики. Дарвинъ указываетъ у рыбъ *Callionymus lyra*, *Cottus scorpius*, *Xiphophorus Hellerii*, *Plecostomus barbatus*, *Monocanthus scopas*, *Chimaera monstrosa*), придатки того же рода (усики), которые очевидно не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ привлеченія вниманія самки и снисканія ея благосклонности предпочтительно передъ другими соперниками. Нашъ прѣсноводный горчакъ, блистающій, какъ мы видѣли, столь яркими цвѣтами, въ періодѣ любовнаго сезона, украшается въ это время еще 8 или 12 рубчиками, которые выступаютъ по бокамъ его нижней челюсти и пропадаютъ послѣ метанія икры.

Мы не имѣемъ ничего прибавить къ фактамъ, приводимымъ Дарвиномъ относительно пресмыкающихся, птицъ, и млекопитающихъ; эти придатки всевозможныхъ родовъ (выпуклости, гребни, зобы, хохлы, перья, рога, гривы, бороды и пр.) до того своеобразны, что они не поддаются никакому описанію; мы предпочитаемъ въ данномъ случаѣ рекомендовать читателю рисунки, которыми англійскій натуралистъ снабдилъ свою книгу о половомъ подборѣ. Впрочѣмъ высшія животныя лучше извѣстны въ этомъ отношеніи. Можно было бы развѣ подумать, что эти украшенія не составляютъ половыхъ аттрибутовъ. Но опыты не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ дѣйствительной роли: выхолощенные олени не имѣютъ роговъ. На основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ, можно заключить, что почти во всемъ животномъ царствѣ формы самца измѣняются,

какъ бы имѣя въ виду наиболѣе подѣйствовать на воображеніе самки; откуда слѣдуетъ, что сознаніе того и другаго служитъ театромъ соотвѣтственныхъ представленій. Это взаимное представленіе имѣетъ громадное значеніе.

Для того чтобъ двѣ птицы, какъ напр. бѣлоголовый орелъ и его самка, привлекались другъ къ другу, необходимо, чтобъ въ ихъ сознаніи присутствовали образы другъ друга. Если это вѣрно, то степень способности животнаго къ представленію должна соотвѣтствовать степени его общественности. Таковъ дѣйствительно законъ, который какъ бы управляетъ половыми отношеніями животныхъ. По этой именно причинѣ тупыя млекопитающія, вродѣ напр. броненосца, должны были бы оказываться неспособными къ привязанности, а слѣдовательно и къ обществу. Наблюденіе подтверждаетъ подобный выводъ. «Самецъ и самка броненосца, говоритъ Бремъ, встрѣчаются совершенно случайно, обнюхиваютъ другъ друга, совокупляются и затѣмъ расходятся крайне индифферентно». Итакъ, между умственнымъ развитіемъ и соціальными наклонностями существуетъ прямое, непосредственное отношеніе; но оно иногда видоизмѣняется другими отношеніями, маскирующими этотъ законъ. Напримѣръ, хищническіе инстинкты, если они высоко развиты, подавляютъ вліяніе взаимныхъ представленій, и въ такомъ случаѣ животныя, даже счастливо одаренныя, могутъ оказаться неспособными къ половымъ привязанностямъ. Таковы пауки, самцы которыхъ принуждены постоянно опасаться кровожадности самокъ. Здѣсь, какъ у множества другихъ видовъ, представленіе о другомъ полѣ сталкивается въ своихъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ обществу съ представленіемъ опасности съ одной стороны и привлекательности живой добычи—съ другой. Мы вернемся къ этому вопросу при изученіи отношеній родителей къ дѣтямъ.

4) *Шумы и звуки.*—Представленіе запаха и наружнаго образа (l'image visible) весьма часто сопровождается и представленіемъ звуковъ, издаваемыхъ животнымъ другаго пола. Въ пріобрѣтеніи способности производить звуки значительную роль играетъ изобрѣтательность. Правда, способность эта, обыкновенно вытекаетъ изъ обладанія извѣстными органами, которые животное не можетъ

создать всецѣло, но развитіе этой способности и усовершенствованіе соотвѣтствующихъ ей органовъ много зависятъ даже въ этомъ случаѣ отъ частаго упражненія и могутъ, слѣдовательно, до нѣкоторой степени, сдѣлаться произвольными. Наконецъ, часто случается такъ, что для произведенія звуковъ употребляется не какой-либо приспособленный къ этой цѣли природный органъ, а постороннее тѣло, звуковыя свойства котораго, были замѣчены животнымъ и изъ котораго оно дѣлаетъ для себя спеціальное орудіе, подобно тому, какъ мы употребляемъ барабанъ и другіе музыкальные инструменты. Непостижимое разнообразіе средствъ, употребляемыхъ съ этой цѣлью, показываетъ, что произведеніе звуковъ не обусловливается такъ называемымъ планомъ природы, который предполагаетъ употребленіе одинаковыхъ средствъ для полученія однихъ и тѣхъ же дѣйствій во всемъ животномъ царствѣ, но что непосредственная его причина лежитъ въ необходимости сообщенія между полами, болѣе или менѣе ясно сознаваемой всѣми животными. При существованіи такой цѣли, средства къ ея достиженію должны варіировать сообразно характеру каждаго и случайностямъ обстановки. Читатель видитъ, что мы склонны и здѣсь объяснять проявленія животной жизни не безсознательнымъ подборомъ, но до нѣкоторой степени сознательнымъ представленіемъ той или другой выгоды (avantage). Въ самомъ дѣлѣ, необходимо, чтобъ низшія животныя, слыша звукъ, производимый случайно ихъ органами, хотя смутно понимали, что онъ долженъ быть слышенъ ихъ собратьямъ другаго пола, если они впослѣдствіи практикуютъ этотъ звукъ намѣренно. Можно пойти еще далѣе, такъ какъ это показываетъ, что они, по впечатлѣніямъ своихъ слуховыхъ органовъ, уже умѣютъ оцѣнивать окружающіе шумы, считая одни изъ нихъ благопріятными для себя, а другіе предвѣщающими опасность или вредъ—сознаніе, которое мы можемъ считать сложнымъ до послѣдней степени, но которое, однако, необходимо является руководящимъ импульсомъ ихъ дѣйствій. Подборъ же присоединяется впослѣдствіи только для укрѣпленія этого сознанія въ цѣломъ видѣ и превращенія его въ природное качество.

Начнемъ со звуковъ, производимыхъ посредствомъ стука объ тѣла,

обладающія большей или меньшей звонкостью. Насѣкомыя, практикующія такіе звуки, очень рѣдки; мы можемъ указать изъ нихъ только на точильщиковъ (*Anobium*), маленькихъ жесткокрылыхъ, называемыхъ почти вездѣ вслѣдствіе этой повадки часовщиками, и на Moluris striata на мысѣ Доброй Надежды, если вѣрить разсказамъ о немъ Ла-Кордера. Изъ птицъ, многіе дятлы, выбравъ твердый сухой сукъ, долбятъ его клювомъ, стараясь вызвать этимъ свою самку. Если она находится тутъ же, они усиливаютъ звуки, чтобы больше ее очаровать. Этотъ стукъ до такой степени тѣсно связанъ въ ихъ умѣ съ идеей обладанія самкой, что они приходятъ просто въ ярость, какъ только услышатъ долбню другаго самца. Не очевидно ли, что въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ нами случаевъ животное пользуется звуками, происходящими то нечаянно, случайно, то какъ-нибудь иначе и употребляетъ ихъ потомъ сознательно для новой цѣли?

Другія животныя пользуются различными частями своего тѣла, какъ органисты и скрипачи своими инструментами. Есть насѣкомыя, которыя производятъ звуки посредствомъ тренія заднихъ бедеръ о боковые края надкрылій. Сюда относятся наименѣе обыкновеные виды (*Megacephala chalybea*, *Euprosopus quadrinotatus*, *Coxycheila tristis*, *Cacicus americanus* и родъ Саранчи). Гораздо чаще подобные звуки производятся треніемъ послѣднихъ верхнихъ дужекъ брюшка насѣкомаго о надкрылья (*Пріутайка*, *Могильщикъ*, *Paelobius Hermanni*, *Copris*, нѣкоторыя жужелицы: *Scar. acteon*, *S. pan*, *S. Philoctetes*, многіе экзотическіе пластинчатоусые жуки). Въ настоящее время полагаютъ, что стебелекъ среднегрудія входитъ въ переднегрудіе, производя при этомъ треніе и звукъ, сходный съ предыдущими, которымъ животное можетъ воспользоваться, какъ средствомъ призыва. И дѣйствительно, средство это практикуется большимъ числомъ насѣкомыхъ (*Lema*, *Donacia*, *Megalopus*, *Hispa*, *Reduvius*) (Lacordaire, I, стр. 268 и слѣд.). То же дѣйствіе получается отъ тренія перваго членика ноги о край суставной впадины, въ которой онъ вправленъ (навозный жукъ). Мы не будемъ далѣе продолжать этого обзора. Дарвинъ изучалъ съ физіологической точки зрѣнія трещаніе могильщиковъ, сверчковъ, кобылокъ и кузнечиковъ,

и его изысканія вполнѣ подтверждаютъ нашъ взглядъ, а именно, что насѣкомое, иногда какъ самецъ, такъ и самка, чаще же только самцы, пользуются звуками, происходящими случайно отъ тренія роговыхъ частей ихъ тѣла для обращенія ихъ въ самопроизвольные сознательные знаки. Затѣмъ частое повтореніе этихъ упражненій вмѣстѣ съ подборомъ способствуетъ усовершенствованію звуковаго органа изъ поколѣнія въ поколѣніе. Другіе факты, взятые изъ болѣе высшихъ порядковъ животнаго царства, также подтверждаютъ нашу гипотезу. Такъ, аистъ изъ щелканья клювомъ выработалъ себѣ извѣстнаго рода языкъ, которымъ онъ пользуется преимущественно во время любовнаго сезона и устройства гнѣзда. Такимъ же образомъ выпь, замѣчая, что ея голосъ видоизмѣняется отъ воды и раздается въ ней сильнѣе, погружаетъ туда свой клювъ, чтобы сдѣлать свои любовныя пѣсни болѣе звонкими (Бремъ).

Шумы и звуки, производимые рыбами, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они были точно изслѣдованы Дюфоссе при помощи его истинно замѣчательнаго метода. Мы ограничимся извлеченіемъ изъ его труда. Онъ раздѣляетъ звуковые знаки, употребляемые у рыбъ, на два класса: 1) шумы, производимые треніемъ или испусканіемъ газовъ и 2) звуки, вызываемые мускулами, независящими отъ плавательнаго пузыря, или же посредствомъ этого послѣдняго аппарата. Что касается первыхъ, т. е. простыхъ шумовъ, то они были наблюдаемы у ставриды, которая ихъ производитъ треніемъ своихъ глоточныхъ костей (здѣсь впрочемъ описываемое нами явленіе имѣетъ характеръ скорѣе соціальный, чѣмъ половой—ставриды живутъ обыкновенно стадами, какъ и всѣ наши морскія рыбы, издающія звуки), у вьюновъ, головлей и усачей, дѣлающихъ тоже посредствомъ выталкиванія воздуха черезъ задній проходъ, когда они стаями рѣзвятся у поверхности воды. Эти шумы, кажется, весьма разнообразны, но они не музыкальны. Триглы и малярматы испускаютъ настоящіе звуки, самцы болѣе явственно, чѣмъ самки—и обыкновенно весной, когда у нихъ наступаетъ пора метанія икры. Это—несомнѣнно акустическій любовный телеграфъ между полами, т. е. то самое явленіе, которое мы замѣчаемъ во всемъ животномъ царствѣ отъ насѣкомыхъ

до самыхъ отдаленныхъ моллюсковъ. Звуковыя вибраціи производятся ими посредствомъ сокращенія мускуловъ. *Cottus Scorpius* и *Cottus bubalus* также дрожатъ, сокращая мышцы нижней стѣнки рта, причемъ ихъ весьма большая голова усиливаетъ производимые этими сокращеніями звуки. Но самыя музыкальныя изъ рыбъ это—мегры (Sciaena aquila) и мелокопіи (Umbrina cirrhosa), крупныя животныя въ $1^1/_2$ и 3 аршина длины, къ которымъ слѣдуетъ присоединить триглъ, значительно уступающихъ имъ по величинѣ. Они собираются группами, доходящими иногда по своимъ размѣрамъ до стай, преимущественно въ періоды нереста, и производятъ въ это время звуки посредствомъ сжатія мускуловъ вокругъ плавательнаго пузыря, который играетъ роль резонатора. Взятые отдѣльно, эти звуки кажутся монотонными, но въ комбинаціи ихъ различныхъ тембровъ есть своего рода пріятность. Ихъ можно слышать съ 9-саженной глубины. Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія этихъ явленій и сложнаго механизма, служащаго для ихъ воспроизведенія, Дюфоссе заканчиваетъ такъ: «Когда представишь себѣ большое число и расположеніе органовъ, которые своей совокупностью образуютъ физіологическій музыкальный аппаратъ мегра; когда убѣдишься, что эти органы въ своемъ развитіи слѣдуютъ по тому же общему пути какъ и органы голоса у другихъ позвоночныхъ; когда обратишь вниманіе на степень совершенства, представляемаго органами слуха у сціеновыхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь; когда замѣтишь, что эти рыбы производятъ какъ на воздухѣ, такъ и въ водѣ звуки весьма значительной силы и прибѣгаютъ къ нимъ лишь въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ они могутъ успѣшно восприниматься, какъ напримѣръ въ періодъ метанія икры, особенно обильный такой музыкой, когда, наконецъ, взвѣсишь всю невозможность сомнѣваться въ томъ, что эти звуки являются не вполнѣ произвольными со стороны рыбы, то невольно задаешь себѣ вопросъ, неужели всѣ эти многочисленные органы, способствующіе образованію звуковъ, и вытекающій изъ ихъ функціональной дѣятельности рядъ акустическихъ явленій не выполняютъ никакого полезнаго назначенія и не служатъ212 меграмъ для сообщенія другъ другу чувствуемыхъ ими инстинктивныхъ нуждъ, подобно тому какъ это дѣлаетъ всякое животное, обладающее спо-

собностью издавать произвольные звуки (*Annales des sciences naturelles*, т. XX. стр. 116)? Необходимо замѣтить, что подобные факты относительно рѣдки, потому что изъ восьми тысячъ видовъ, составляющихъ классъ рыбъ, издаютъ звуки только пятьдесятъ два. Но, во-первыхъ, изысканія этого рода еще новы и найденное число можетъ увеличиться (Lablanchère. *Esprit des poissons*, стр. 107), а во-вторыхъ, чѣмъ болѣе они рѣдки, тѣмъ болѣе имъ слѣдуетъ придавать значенія. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно видѣть, что рыбы, лишенныя самыхъ обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ наземными животными для производства звуковъ — цирканія и голоса — достигаютъ тѣхъ же результатовъ окольными путями и пользуются для этой цѣли дрожаніемъ своихъ мускуловъ — единственный родъ звука, къ которому способенъ ихъ организмъ. Всякое животное въ нѣкоторомъ родѣ дѣлаетъ все, что только отъ него зависитъ для привлеченія къ себѣ вниманія со стороны другаго пола, и рыба поступаетъ также, но съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ индивиды высшихъ классовъ, потому что она располагаетъ для этого менѣе дѣйствительными средствами.

Въ привиллегированномъ положеніи находятся тѣ животныя, которыя могутъ пользоваться голосомъ, т. е. тѣ, организмъ которыхъ устроенъ такимъ образомъ, что воздухъ, служащій для дыханія, можетъ вибрировать при своемъ выходѣ изъ отверстій. Среди класса насѣкомыхъ мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры явственныхъ голосовыхъ явленій. Изъ нихъ жужжащія во время полета (бо́льшая часть перепончатокрылыхъ, двукрылыхъ и т. д.) имѣютъ «настоящій голосъ, функціональные органы котораго, соотвѣтствуютъ гортани позвоночныхъ, точно также какъ трахеи по своимъ отправленіямъ и кольчатому строенію напоминаютъ дыхательное горло, (Lacordaire, I, стр. 273). Сумеречная бабочка — *мертвая голова* — испускаетъ свойственные ей характерные звуки, кажется, при посредствѣ хоботка. Мы не упираемъ на эти явленія, такъ какъ нельзя считать доказаннымъ, что они играютъ роль въ сношеніяхъ между полами; однако есть случаи, гдѣ трудно не признать жужжанія за орудіе вызыванія или предостереженія; напримѣръ, случай приводимый Жираромъ относительно одно-

го сѣтчатокрылаго, водящагося въ Провансѣ, *Ascalaphus meridionalis* (Girard. *Métamorphoses des insectes*, стр. 150): «Самцы, отыскивая самокъ, летаютъ весьма быстро вдоль склона безводныхъ холмовъ подъ самыми жгучими лучами солнца. Когда самецъ пытается пролетѣть надъ самкой, она вертикально устремляется вверхъ, какъ стрѣла, спущенная съ туго натянутой тетивы». Но самыми записными пѣвцами въ животномъ царствѣ являются птицы. Мы не знаемъ между ними такихъ, которыя были бы лишены голоса, и хотя млекопитающія почти всѣ издаютъ тѣ или другіе вызывающіе крики, однако они весьма далеки по своему разнообразію, широтѣ и силѣ выраженія отъ музыкальныхъ пѣсень пернатаго міра. Достойно замѣчанія, какъ фактъ, рѣшительно доказывающій половой характеръ этихъ пѣсень, что птицы предаются имъ только во время любовнаго сезона. Какъ только онъ пройдетъ или, по крайней мѣрѣ, когда онѣ начинаютъ жить обществами, что́ происходитъ одновременно съ потерей самцами брачнаго оперенія,—вся поэзія звуковъ какъ-будто застываетъ...

5) *Игры и церемоніи.*—Чѣмъ выше мѣсто, занимаемое животнымъ на ступеняхъ зоологической лѣстницы, тѣмъ движенія его становятся свободнѣе и разнообразнѣе. Движенія эти должны служить самцамъ средствомъ дѣйствія на самку и присоединяться къ другимъ, уже описаннымъ нами выше, орудіямъ половаго сближенія, чтобъ нагляднѣе выставить ихъ цѣну и еще болѣе усилить удовольствіе. Самцы насѣкомыхъ почти всѣ снуютъ взадъ и впередъ около своей самки, то бѣгая, то летая вокругъ нея, причемъ эти суетливыя экскурсіи принимаютъ характеръ настоящей игры. Золотистыя мухи, сидящія въ лѣсу на стволахъ деревьевъ, стремительно летятъ на встрѣчу другъ другу съ сильнымъ жужжаніемъ; затѣмъ, совершивши этотъ набѣгъ, опять усаживаются по мѣстамъ, снова повторяютъ налетъ и такъ далѣе, безъ конца. Извѣстны также нескончаемые воздушные танцы долгоножекъ, дневныхъ бабочекъ и муравьевъ, когда они еще обладаютъ крыльями. Коромыслы до совокупленія предаются весьма долгимъ эволюціямъ. Лѣтомъ легко видѣть въ травѣ сверчковъ, сопровождающихъ свое пѣніе неотступ-

ными преслѣдованіями, отъ которыхъ самка прячется по близости за сѣтью стебельковъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ поощрить своего вздыхателя къ продолженію серенады. Самцы нѣкоторыхъ пауковъ (крестовики) подвѣшиваются къ длинной паутинѣ и раскачиваются на ней, стараясь при каждомъ размахѣ долетѣть до самки. Нельзя однако сказать съ точностью, игра ли это, или одна изъ предосторожностей. «Половыя отношенія у ракообразныхъ и насѣкомыхъ становятся уже достаточно разнообразными и часто весьма интимными; кому приходилось наблюдать амуры улитокъ, тотъ не будетъ, конечно, сомнѣваться, что прежде двойнаго совокупленія этихъ гермафродитовъ они стараются подготовить предстоящее имъ удовольствіе различными движеніями, цѣль которыхъ—увлечь, очаровать, прельстить, словомъ, произвести предрасполагающее впечатлѣніе (Agassiz. *De l'Espèce*, стр. 106). Наши собственныя наблюденія вполнѣ подтверждаютъ это свидѣтельство относительно сѣрыхъ слизней и наземныхъ улитокъ. Рыбы въ періодъ ихъ наиболѣе яркой окраски, т. е. во время любовнаго сезона, начинаютъ быстро сновать въ различныхъ направленіяхъ, дѣлая при этомъ крутые повороты, которые, повидимому, имѣютъ цѣлью выставить во всей красѣ зеркальный блескъ ихъ чешуи. Что касается птицъ, то онѣ возвышаются въ своихъ эволюціяхъ до настоящихъ танцевъ. Факты эти еще не всѣмъ хорошо извѣстны и заслуживаютъ нашего вниманія. Ихъ такъ много, что затрудняешься обиліемъ матеріала. Но, даже рискуя повтореніемъ, мы постараемся какъ можно прочнѣе установить общность разбираемаго нами явленія. Изъ воробьиныхъ мы встрѣчаемся прежде всего съ канадскимъ красноклювомъ: «распѣвая свои пѣсни, говоритъ Бремъ, эти птицы принимаютъ самыя комическія позы; онѣ танцуютъ одинъ вокругъ другаго и находятся въ безпрерывной ажитаціи. Когда самецъ преслѣдуетъ самку, онъ выпрямляетъ туловище и широко раскрываетъ крылья, какъ будто бы желая заключить въ объятія предметъ своей страсти». То же самое видимъ и у зеленушекъ: «самецъ обращается къ самкѣ съ самыми нѣжными пѣвучими мольбами: какъ кукушка, онъ присѣдаетъ на вѣткѣ, ерошитъ перья на горлѣ, распускаетъ хвостъ, повертывается въ разныя стороны, внезапно

выпрямляется, поднимается на воздухъ, порывисто и безпорядочно порхаетъ, какъ летучая мышь, бросается то вправо, то влѣво и затѣмъ снова садится на прежнее мѣсто, чтобъ продолжать свои молящіе гимны...» Самецъ дубоноса во время пѣнія любуется самимъ собой: онъ невообразимо при этомъ кривляется и вполнѣ удовлетворяетъ себя различными позитурами. Любовныя изліянія сперместовъ (spermestes) также отличаются своеобразностью, а иногда и комизмомъ. Они гладятъ другъ другу перья, постоянно обращаясь одинъ къ другому съ ласками. По временамъ самецъ каркаетъ, открывая широко ротъ, и переваливается съ ноги на ногу подъ тактъ своего пѣнія. Въ моментъ наивысшаго экстаза онъ обрываетъ этотъ танецъ и вскакиваетъ съ боку на спину самки, гдѣ держится не болѣе нѣскольких мгновеній, затѣмъ спрыгиваетъ съ другой стороны, повертывается направо, налѣво, лаская треплетъ ее клювомъ по головѣ и повторяетъ тѣ же самые пріемы разъ пять или шесть, прежде чѣмъ дойдетъ дѣло до совокупленія. Европейская просянка, принимая во время пѣнія самыя замысловатыя положенія, старается замѣнить жестами ноты, которыхъ не можетъ вывести. Лѣсной жаворонокъ выказываетъ самкѣ всю свою любезность. Онъ бѣгаетъ вокругъ нея, поднимаетъ хвостъ, выпячиваетъ свой маленькій хохолокъ и дѣлаетъ самые очаровательные реверансы, чтобы засвидѣтельствовать ей свою любовь». Почти всѣ виды жаворонковъ въ дѣлахъ любви поступаютъ одинаково съ нашимъ обыкновеннымъ жаворонкомъ, такъ что ихъ пріемы не нуждаются въ особомъ описаніи. Кассики и дрозды-пересмѣшники пользуются при своемъ ухаживаніи обрывками арій, которыя имъ удалось перенять отъ другихъ птицъ: «Подражая имъ, они страшно кривляются: поворачиваютъ голову въ разныя стороны, закидываютъ ее назадъ, сгибаютъ шею, качаются всѣмъ тѣломъ, и все это до того забавно, что я не могъ удержаться отъ взрывовъ смѣха». Коршуны, какъ и всѣ почти хищныя птицы, стараются плѣнить своихъ самокъ искусной джигитовкой въ верхнихъ слояхъ воздуха, которую иногда съ ними раздѣляютъ и дамы ихъ сердца. Интересно бываетъ любоваться въ Дижонѣ, когда при ясномъ небѣ и сильныхъ мартовскихъ вѣтрахъ рѣзвыя пустельги носятся въ воз-

душной выси вокругъ кафедральнаго шпица, смѣло устремляясь на встрѣчу бурѣ. «Самецъ виргинскаго сокола быстро поднимается на нѣсколько сотъ саженъ, постепенно усиливая свои крики и затѣмъ на половину сложивши крылья, падаетъ косвенно внизъ, какъ будто скатываясь съ невидимой исполинской горы. Зрѣлище становится неподражаемымъ, если въ такихъ ристалищахъ принимаютъ участіе нѣсколько самцовъ, оспаривая другъ у друга пальму первенства въ силѣ и ловкости передъ самкой». Козодой, не имѣющій въ себѣ ничего граціознаго, старается показаться ловкимъ, маневрируя такимъ же образомъ. Между пѣвчими, у Брема, указываются *Benteveo* (Tyrannus) и каменные пѣтушки, которые, обладая блестящимъ опереніемъ, выдѣлываютъ самыя необыкновенныя па и тѣлодвиженія посреди нѣсколькихъ десятковъ своихъ товарищей, собранныхъ въ торжественное засѣданіе. Чеканъ или каменьщикъ (Saxicola) въ своемъ вольтижированіи близко подходитъ къ жаворонку. Каменные дрозды являются уже паркетными танцорами, предпочитая воздуху землю: «Во время любовнаго сезона самецъ поетъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Онъ танцуетъ, выпрямивши свое тѣло и немного задѣвая по землѣ крыльями и хвостомъ, причемъ перья на спинѣ взъерошиваются, голова закидывается назадъ, клювъ широко раскрывается, а глаза остаются почти совсѣмъ закрытыми. То же самое и дрозды-пересмѣшники: «Самецъ старается всѣми возможными средствами плѣнить самку. Онъ распускаетъ хвостъ, опускаетъ крылья и прогуливается такимъ образомъ важно и гордо по землѣ или по древеснымъ вѣтвямъ, или же, наконецъ, порхаетъ вокругъ своей подруги, хлопая крыльями, какъ бабочка— онъ буквально танцуетъ въ воздухѣ, выражая свои чувства на тысячу ладовъ». Изъ славокъ, самцы черношляпки взбираются обыкновенно на высокое мѣсто, трясутъ хвостомъ, поднимаютъ на шеѣ перья, качаются и кланяются на разныя манеры. Камышевка вздымается вверхъ мѣрными ударами крыльевъ, затѣмъ устремляется книзу съ взъерошенными перьями. Древесная щеврица проявляетъ при этомъ нѣсколько иные пріемы. Альпійскія завирушки по своимъ любовнымъ прелиминаріямъ походятъ на жаворонковъ. Королекъ прыгаетъ вокругъ самки, приподнимая свой хохолъ, а хохлатая синица

также какъ и лазоревка, «для того чтобъ понравиться, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ позамъ и жестамъ». Вспомнимъ, что дятлы, по выраженію Брема, выбиваютъ свой любовный романсъ. Самцы золотистыхъ дятловъ въ Америкѣ собираются по 10—12 штукъ для исполненія такихъ романсовъ цѣлымъ концертомъ, затѣмъ они приближаются къ самкѣ, наклоняютъ голову, распускаютъ хвостъ, подходятъ, отходятъ, принимаютъ самыя разнообразныя положенія и стараются всячески убѣдить ее въ силѣ и искренности своей любви». Птица-носорогъ продѣлываетъ передъ самкой тѣ же выкрутасы, какъ и нашъ домашній индюкъ, исключая только характеристическаго *пухх!* издаваемаго послѣднимъ отъ времени до времени. Всѣ, наблюдавшіе хотя поверхностно нравы нашихъ птицъ, знакомы, конечно, съ тѣми реверансами, которые расточаютъ самцы голубей, когда они толпой тѣснятся на гребнѣ крыши около одной самки. Глухарь изливаетъ свой любовный жаръ чрезвычайно оригинальнымъ способомъ, напоминающимъ шумъ и движеніе точильнаго колеса, почему и самый процессъ его своеобразныхъ серенадъ называется *токованьемъ*. Послѣ танцевъ, сходныхъ съ описанными, тетеревъ полевой приближаетъ свой клювъ къ землѣ и трется объ нее перьями подбородка. Въ то же время онъ хлопаетъ крыльями и вертится на одномъ мѣстѣ, такъ что въ концѣ концовъ животное приходитъ въ полное опьяненіе, близкое къ безумію. Въ подобное положеніе впадаютъ изъ танцующихъ птицъ фазанъ и красная куропатка, когда они находятся подъ вліяніемъ половаго возбужденія. Гарди отзывается слѣдующимъ образомъ о самцѣ страуса, находившагося въ этомъ состояніи: «онъ присѣдаетъ передъ самкой на корточки, потомъ качаетъ подъ одинъ тактъ головой и шеей втеченіе 8 или 10 минутъ и бьетъ себя затылкомъ по бокамъ. Его крылья производятъ лихорадочное движеніе, по тѣлу пробѣгаетъ дрожь, изъ груди вылетаютъ глухіе прерывистые звуки, похожіе на воркованіе; все его существо охватывается какимъ-то истерическимъ опьяненіемъ». Американскій страусъ или нанду производитъ свои не менѣе оригинальные танцы стоя. У нѣкоторыхъ голенастыхъ, напримѣръ у драхвы, стрепета, авдотки, танцованіе сводится къ ритмической маршировкѣ; у другихъ же, какъ у бенгальской драхвы

и у ржанки, ухаживанье сопровождается самыми разнообразными воздушными эволюціями. Артистическія упражненія бекаса-барашка на большой высотѣ были описаны Науманомъ. Улитъ въ этомъ отношеніи имъ почти не уступаетъ. Журавли различныхъ породъ примѣшиваютъ къ весьма оживленнымъ танцамъ и мимикѣ тѣ же упражненія; между тѣмъ какъ агами (американская Soriama) скачетъ на манеръ клоуна. Пріостановимъ здѣсь этотъ длинный уже списокъ, который можно было бы значительно увеличить примѣрами, взятыми изъ класса млекопитающихъ, и перейдемъ къ вытекающимъ изъ него философскимъ вопросамъ.

Общая черта всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, которые принадлежатъ къ той или другой изъ трехъ нашихъ категорій (цвѣта, звуки, движенія), состоитъ въ томъ, что они носятъ на себѣ характеръ привлеченія и имѣютъ цѣлью заставить любоваться. Спрашивается, можно ли ихъ дѣйствіе поставить въ одинъ рядъ съ эстетическимъ впечатлѣніемъ? Намъ кажется, что отрицать такую параллель очень трудно, когда видишь, что человѣкъ пользуется туалетомъ и голосомъ животныхъ для своего собственнаго удовольствія и удовольствія другихъ. Я уже не говорю о духахъ, заимствованныхъ отъ кабарги, которые у человѣка употребляются обоими полами, какъ взаимная приманка низшаго порядка; но развѣ бабочки и жуки не входятъ въ составъ туалета женщинъ у цивилизованныхъ народовъ, подобно раковинамъ у дикарей? Не фигурируютъ ли перья птицъ въ качествѣ украшенія на дамскихъ головныхъ уборахъ, шляпахъ солдатъ, балдахинахъ духовныхъ лицъ и пр.? Не придаютъ ли красоты каскамъ плюмажи и султаны? Не украшаютъ ли также платье мѣхами въ видѣ опушекъ, оторочекъ и т. под.? И если бы первобытные люди не находили никакой прелести въ звукахъ, издаваемыхъ даже насѣкомыми, то какъ они могли бы сравнивать ихъ съ пѣснями поэтовъ и болтовней стариковъ? Стали ли бы они держать ихъ въ клѣткахъ и наслаждаться ихъ монотонной музыкой, какъ это, напримѣръ, дѣлали африканцы со сверчками и китайцы съ травяными кабылками, которыя также уважались и древними греками? Возможна ли была бы такая погоня за пѣвчими птицами и трата столькихъ усилій на

развитіе ихъ музыкальныхъ способностей? Нѣтъ, никакая психологическая тонкость, какъ бы она ни была замысловата, не можетъ разувѣрить насъ въ томъ, что пѣніе соловья въ сумракѣ весенней ночи дѣйствительно *прекрасно*. Мы, конечно, знаемъ теперь, что способъ, какимъ самка соловья понимаетъ красоту вообще и чувствуетъ прелесть пѣсень самца въ частности, значительно отличается отъ того, какъ мы чувствуемъ одно и понимаемъ другое. Животное обладаетъ чувствомъ красоты и умственной дѣятельностью, въ которой однако же недостаетъ аналитическихъ функцій; другими словами, она слагается изъ значительно меньшаго числа отчетливыхъ представленій и связана съ гораздо болѣе скуднымъ количествомъ другихъ чувствъ и другихъ мыслей. Но то же самое представляютъ собой чувства и идеи дикаря по отношенію къ чувствамъ и идеямъ цивилизованнаго человѣка. Эта разница въ ясности, миротѣ и напряженности сознанія не мѣшаетъ основному сходству его актовъ и состояній въ обоихъ случаяхъ. Наконецъ, такая аналогичность природы едва ли даже можетъ быть предметомъ какого-либо спора: она составляетъ необходимый постулатъ всей сравнительной психологіи. Мы должны судить о наукѣ, отвергающей или принимающей этотъ постулатъ, по ея результатамъ. Въ первомъ случаѣ она является по необходимости заключенной въ человѣческое *я* и даже только въ часть этого *я*—научное пониманіе. Во второмъ—раскрывая нѣдра этого *я*, чтобъ принять въ него весь внѣшній міръ, все, что̀ такъ или иначе живетъ,—она находитъ объясненіе всякаго сознанія внѣ насъ и всевозможныхъ состояній его въ насъ самихъ, даже самыхъ рудиментарныхъ и смутныхъ *).

---

*) Мы сожалѣемъ, что во всемъ, что касается содержанія этой главы, намъ приходится разойтись съ однимъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей—Левекомъ. Самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ поддерживаемыхъ нами положеній слѣдуетъ искать въ его статьѣ „*О чувствѣ красоты у животныхъ*“ (*Revue des Deux-Mondes*, septembre 1873). Мы пользуемся случаемъ при этомъ объяснить, что если самые важные труды по соціальной философіи, вышедшіе въ послѣднее время изъ-подъ пера представителей спиритуалистической школы, каковы напр.: «*Histoire de la science politique* Жане и *Problèmes de morale sociale* Каро, не занимаютъ въ нашемъ введеніи того мѣста, какое имъ слѣдовало

Явленія, служащія животнымъ для взаимнаго призыва и моральной связи другъ съ другомъ, неизбѣжно должны принимать эстетическій характеръ. Выполненіе этой функціи совершается ими не вдругъ и не прямо. Они подготовляютъ ее постепенно, издалека и лишь съ той стороны, съ какой представляютъ ее—такимъ образомъ возникаетъ нѣкоторой родъ игры. Этотъ обширный языкъ съ безконечно сложными формами олицетворяетъ и символизируетъ любовь прежде ея достиженія. Но въ дѣйствительности онъ обязанъ въ своей основѣ движеніямъ, которыя порождаются въ самцѣ эротическимъ возбужденіемъ, распространяющимся по всѣмъ частямъ его организма, и съ этой точки зрѣнія онъ представляетъ собой предисловіе къ половой связи, ея первый актъ. При его содѣйствіи, образъ самца отпечатлѣвается въ сознаніи самки и какъ бы пропитываетъ ее, чтобъ произвести въ ней, по мѣрѣ того, какъ дѣйствія этого представленія проникаютъ въ глубины ея организма, физіологическія измѣненія, необходимыя для оплодотворенія. Такимъ образомъ разсмотрѣнныя нами явленія съ одной стороны имѣютъ характеръ символовъ, съ другой же относятся къ числу біологическихъ фактовъ и, какъ таковые, должны подчиняться закону всякаго органическаго процесса. Неудивительно поэтому, что въ нихъ проявляется стройность, порядокъ, гармонія, красота... Ибо что такое красота, какъ не чувствующая организація, какъ не сама проявляющаяся жизнь? Такъ, напримѣръ, насѣкомыя, издающія звуки, вслѣдствіе біологическаго закона ритма,—закона, управляющаго сокращеніемъ мускуловъ, движеніемъ крови и т. д., должны производить ритмическія вибраціи и группы звуковъ, раздѣленные между собой болѣе или менѣе продолжительными интервалами. Отсюда извѣстное соединеніе единства съ разнообразіемъ, или—короче—гармонія. Звуки, издаемые птицами, какъ исходящіе изъ болѣе сложнаго организма, въ свою очередь должны быть также болѣе сложными и разнообразными, обладать болѣе правильными

бы отвести, то только потому, что это введеніе составляло первоначально часть нашей докторской диссертаціи, гдѣ самыя элементарныя приличія не позволяли намъ порицать или хвалить тѣхъ, кому приходилось быть нашими судьями.

интервалами и стройнымъ ритмомъ,—однимъ словомъ, переходить въ арію. То же самое относительно движеній и игръ. Танцы птицъ есть ничто иное, какъ стройныя движенія на мѣстѣ, подчиняющіяся кадансу: таково, напримѣръ, хлопанье крыльями; грація же, которую они обнаруживаютъ при своихъ эволюціяхъ въ воздушной выси — не болѣе, какъ сама сила и легкость полета, выступающія болѣе наглядно, потому что въ эти моменты она является цѣлью для самой себя и вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ избытка жизненныхъ функцій. Можно было бы прослѣдить всѣ послѣдовательныя степени возрастающей гармоніи и красоты въ пѣніи и движеніяхъ, начиная отъ треска саранчи до трелей соловья съ одной стороны и отъ безпорядочнаго хлопанья крыльевъ капустной бабочки до величественныхъ спиралей, описываемыхъ орлами, коршунами и кондорами—съ другой. Всюду мы нашли бы, что эстетическая сторона явленій параллельна запасу жизненныхъ силъ. Внѣшнія проявленія любви въ своемъ богатствѣ и блескѣ идутъ рука объ руку съ прогрессивнымъ усложненіемъ организмовъ, изъ которыхъ они, такъ сказать, исходятъ.

Теорія эта можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и вопросамъ. Скажутъ, напримѣръ, возможно ли, чтобъ одни біологическіе законы, управляющіе процессомъ образованія органовъ, объясняли также процессъ развитія животнаго языка во всѣхъ его формахъ, когда этотъ языкъ носитъ на себѣ отпечатокъ эстетическихъ свойствъ, стоящихъ значительно выше всѣхъ другихъ проявленій жизни? Откуда происходитъ это концентрированіе красоты на однихъ пунктахъ и крайняя эстетическая бѣдность на другихъ? Какъ объяснить себѣ столь разнообразныя дѣйствія, основываясь на однихъ и тѣхъ же началахъ? Если красота есть жизнь, то почему всѣ живые органы не одинаково красивы? На это можно отвѣчать, что половые аттрибуты въ каждомъ индивидѣ составляютъ цвѣтъ его жизни, что въ нихъ болѣе или менѣе полно резюмируются его свойства, и поэтому они какъ будто предназначены выражать собой въ сокращеніи все цѣлое. Выражать —значитъ резюмировать и концентрировать. Успѣхъ самца, какъ воспроизводителя, зависитъ отъ того представленія, какое составитъ о немъ самка во время ея

непродолжительнаго преслѣдованія въ формѣ тѣхъ проявленій любви, которыя онъ себѣ усвоилъ. Необходимость заставляетъ его представить передъ самкой символически и въ самомъ концентрированномъ видѣ все, что́ только въ немъ есть живаго. Органъ, иногда бесполезный самъ по себѣ, представляетъ однако же собою одинъ весь организмъ: неудивительно поэтому, что онъ обладаетъ высшей степенью того разнообразія и единства, или гармоніи, какая свойственна всему организму.

Но, возразятъ еще, откуда происходитъ это разнообразіе способовъ преслѣдованія извѣстной цѣли? Безъ сомнѣнія, отъ различія организацій, которое у однихъ вызываетъ одни пріемы, у другихъ — другіе. Какъ? Значитъ, животныя сами развили въ себѣ такіе удивительные аттрибуты и способности? Не оскорбляютъ ли подобныя претензіи нашего всеблагаго Творца? Мы отвѣтимъ на это, что наука нисколько не отрицаетъ присутствіе Промысла въ природѣ, если старается связать между собой наблюдаемыя ею явленія. Иначе всякое естественное объясненіе пришлось бы считать кощунствомъ и тотъ физикъ, который въ своихъ изслѣдованіяхъ о грозѣ не согласился бы остановиться на признаніи, что это гремитъ богъ, долженъ былъ бы попасть въ атеисты или еретики. Съ другой стороны, необходимо замѣтить, что приписывать дѣйствію Промысла инстинкты пѣвчихъ птицъ, безъ всякаго другаго объясненія, значитъ ровно ничего не сказать въ смыслѣ анализа: если богъ сотворилъ міръ и установилъ законы его жизни, то совершенно излишне прибавлять послѣ каждаго факта, что онъ вытекаетъ изъ премудрости божіей. Единственно возможный отправной пунктъ для науки, допускающій ея развитіе, заключается въ объясненіи, *какъ* происходитъ та или другая вещь, т. е. какая причинная послѣдовательность связываетъ между собой психическія и механическія явленія. Теорія инстинктовъ вся цѣликомъ вытекаетъ изъ детерминизма ихъ условій. Но тогда слѣдуетъ прибѣгнуть къ дарвинизму, который только одинъ приписываетъ имъ естественное происхожденіе? Конечно философія, отрицающая постепенное развитіе и поддерживающая ученіе о внезапномъ созданіи животныхъ со всѣми ихъ эстетическими и органическими свойствами, не можетъ потерпѣть никакого изслѣдо-

ванія о происхожденіи инстинктовъ. Но нельзя не замѣтить, что прогрессивное пріобрѣтеніе различныхъ способностей высшими животными, насколько эти способности зависятъ непосредственно отъ ихъ воли, весьма легко можетъ усвоиваться нами изъ наблюденій. Каждую весну мы бываемъ свидѣтелями того, какія неимовѣрныя усилія употребляютъ нѣкоторыя пѣвчія птицы, напримѣръ соловьи, для того, чтобъ превзойти своихъ соперниковъ. Немыслимо, чтобъ эта неутомимая, горячая конкурренція не совершенствовала ихъ музыкальныхъ способностей. Бремъ утверждаетъ, что осенью молодые соловьи, предоставленные самимъ себѣ, не отличаются большимъ искусствомъ и только со слѣдующей весной, когда воодушевляемые страстью и окруженные опытными пѣвцами, которыхъ имъ необходимо побѣдить, они достигаютъ того совершенства, къ какому способны эти свободные пѣвцы природы. Итакъ, всякій индивидъ выполняетъ извѣстную долю прогресса втеченіи своей жизни; почему же не можетъ проходить тѣ же стадіи и видъ? Вотъ еще фактъ, свидѣтельствующій въ пользу такой возможности: «мѣстность, говоритъ Бремъ, сильно вліяетъ на искусство пѣнія. Молодые соловьи не могутъ сформироваться вполнѣ счастливо безъ помощи старыхъ, живущихъ въ одномъ съ ними районѣ; отсюда и выходитъ, что въ одной провинціи (напримѣръ, у насъ въ Курской губерніи) встрѣчаются превосходные пѣвцы, тогда какъ въ другой только посредственные. Есть, слѣдовательно, то болѣе, то менѣе благопріятыя мѣста для развитія вокальныхъ способностей, мѣста, гдѣ, благодаря случайной группировкѣ извѣстнаго количества хорошихъ пѣвцовъ, вырабатывается своего рода эстетическая среда, располагающая къ виртуозности. Что можно заключить отсюда, какъ не то, что эти способности находятся въ состояніи постояннаго развитія, что они разнообразятся, смотря по индивидамъ, временамъ года, мѣстностямъ, средѣ и т. д.? Но въ такомъ случаѣ мы вправѣ думать, что тѣ же самыя усилія и обстоятельства, которыя теперь благопріятствуютъ совершенствованію талантовъ, могли вначалѣ ихъ порождать и что соловьи сами пріобрѣли ихъ подъ вліяніемъ сильныхъ желаній и необходимости дѣйствовать на слухъ самокъ, становившійся съ теченіемъ времени болѣе и болѣе тонкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могла

произойти данная группа явленій, какъ не изъ развитія, относительно котораго она является, такъ сказать, первой фазой? Намъ кажется, что, не погрѣшая противъ логики, можно распространить это заключеніе на всю эстетическую сторону половыхъ отношеній, входящую въ область сознанія и воли. Остается объяснить изъ нея то, что по самой своей природѣ ускользаетъ отъ сознанія. Это нѣсколько труднѣе. Тѣмъ не менѣе измѣненія въ окраскѣ нѣкоторыхъ водныхъ животныхъ, смотря по цвѣту среды, въ которой они живутъ, измѣненія, совершающіяся моментально у спрутовъ (моллюски), показываютъ намъ, что здѣсь важную роль играетъ зрѣніе и, слѣдовательно, главные нервные центры. Въ концѣ концовъ это молекулярное измѣненіе въ кожныхъ тканяхъ зависитъ отъ представленія. Болѣе близкое знакомство съ явленіями этого рода только еще начинается; но мы не сомнѣваемся, что, слѣдуя по пути, указанному Пуше, наука найдетъ ихъ причину. Открытіе нерва, производящаго такое-то взбуханіе, такое-то выдѣленіе или такую-то окраску и опредѣленіе центровъ, съ которыми этотъ нервъ находится въ связи, укажетъ намъ для всякаго явленія, есть ли оно результатъ мѣстнаго рефлективнаго дѣйствія, сопутствующаго зрѣлости половыхъ органовъ, или же исходитъ болѣе или менѣе непосредственно изъ сознательной и волевой мозговой дѣятельности *).

Итакъ, вотъ тѣ пять классовъ явленій, которыя вообще привлекаютъ полы другъ къ другу; но мы еще не выяснили, что заставляетъ самца питать вожделѣнія къ той, а не другой самкѣ и

*) Единственное затрудненіе, говоритъ Пуше, заключается въ опредѣленіи участія, какое принимаетъ въ этихъ измѣненіяхъ воля животнаго. Мы знаемъ, напр., что его кожа темнѣетъ подъ вліяніемъ безпокойства. Но вопросъ — есть ли это произвольный актъ, или непроизвольный, вродѣ сокращенія и расширенія капиллярныхъ сосудовъ кожи, вызывающихъ блѣдность или краску на лицѣ человѣка?» Пуше отвѣчаетъ: произвольный (Rapport sur une mission scientifique aux viviers de Concarneau, par G. Pouchet. Imprim. Nationale, mars 1874).—Быть можетъ, изъ того, что это явленіе совершается подъ вліяніемъ нервной системы, еще не слѣдуетъ, чтобъ оно было вполнѣ произвольнымъ. Мы можемъ при нѣкоторомъ усиліи заставить себя не краснѣть. Между полнымъ сознаніемъ и абсолютной безсознательностью существуетъ безчисленное множество промежуточныхъ степеней.

обратно—самку оказывать предпочтеніе тому, а не другому самцу или, короче, въ чемъ заключается причина индивидуальныхъ вкусовъ. Замѣтимъ только, что они существуютъ, такъ какъ если бы въ сближеніяхъ животныхъ различнаго пола не принималъ никакого участія выборъ, то перечисленные нами аттрибуты потеряли бы всякій смыслъ и каждая встрѣча самца съ самкой сопровождалась бы непосредственнымъ совокупленіемъ — предположенія одинаково нелѣпыя какъ одно, такъ и другое; половая роль разсмотрѣнныхъ нами аттрибутовъ несомнѣнна и съ другой стороны: такъ какъ въ мѣстахъ течки (places de rut) собирается большое число животныхъ, то необходимы достаточно вѣскія причины для того, чтобы среди этихъ скопищъ образовались опредѣленныя пары.

Первая причина заключается въ извѣстномъ физіологическомъ состояніи того и другаго индивида во время ихъ встрѣчи. Извѣстно, что пробужденіе половой похоти связано съ нѣкоторыми условіями возраста, здоровья, питанія и что состояніе организма сильно вліяетъ на дѣтородные органы. Если, напримѣръ, молодое животное встрѣчается съ старымъ, больнымъ и немощнымъ субъектомъ своего вида, но другаго пола, то мало шансовъ, чтобъ они совокупились между собой. То же самое произойдетъ и въ томъ случаѣ, когда, при одинаковости всѣхъ прочихъ условій, одинъ изъ субъектовъ находится въ періодѣ течки, а другой еще не вступилъ въ него. Бываютъ сборища птицъ, которыя длятся болѣе мѣсяца: для того чтобъ тамъ образовалась та или другая пара, необходимо совпаденіе возбужденія у двухъ индивидовъ. Тѣ изъ нихъ, которыя испытываютъ возбужденіе въ началѣ мѣсяца, не могутъ соединиться съ начинающими испытывать его лишь въ концѣ. Общее правило, что для совокупленія два организма должны находиться, такъ сказать, въ унисонѣ, причемъ оно дѣлается наиболѣе вѣроятнымъ, когда оба встрѣчающіеся субъекта вполнѣ здоровы, когда они сходятся въ наиболѣе благопріятное время года и когда, наконецъ, половое возбужденіе у того и другаго изъ нихъ достигло наибольшей степени напряженія. Мы видѣли, что самки менѣе воспріимчивы къ возбужденію, напротивъ, самцы всегда быстро имъ охватываются: для нихъ рѣшающимъ импульсомъ являются физіологическія причины.

Другой полъ управляется преимущественно побужденіями втораго рода.

Мы хотимъ говорить о преимуществахъ, вытекающихъ изъ половыхъ эстетическихъ аттрибутовъ. Необходимо допустить, что тамъ, гдѣ самецъ обладаетъ извѣстными половыми аттрибутами, самка, которой эти аттрибуты, такъ сказать, предъявляются, оцѣниваетъ ихъ (безъ чего они оставались бы необъяснимыми) соотвѣтственно съ своими скрытыми желаніями и побѣждается тѣми изъ нихъ, которые производятъ на нее болѣе глубокое впечатлѣніе. Этотъ второй родъ мотивовъ не исключаетъ перваго, но онъ несомнѣнно господствуетъ надъ нимъ. Существуетъ множество примѣровъ упорныхъ отказовъ отъ совокупленія, когда всѣ физіологическія условія, повидимому, должны были бы ему благопріятствовать. Опытные скотоводы говорятъ, что животныя обладаютъ такими же капризами, какъ и человѣкъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что ихъ предпочтенія такъ же строго мотивируются, какъ и наши, и что эта мотивировка опредѣляется цѣной, которую имѣетъ въ ихъ глазахъ присутствіе того или другаго половаго аттрибута у одного и отсутствіе его у другаго изъ соискателей. Мы не имѣемъ ничего прибавить къ тому, что писалъ Дарвинъ объ этомъ предметѣ въ своемъ сочиненіи о половомъ подборѣ. Онъ доказалъ, что сами самцы нѣкоторыхъ видовъ обнаруживаютъ предпочтеніе и склонность къ *особенно* нравящимся имъ самкамъ. Собаки одного пола способны къ дружескимъ отношеніямъ, чему существуетъ множество примѣровъ; почему же имъ не быть способными и къ взаимному половому выбору? Эта послѣдняя способность подтверждается настойчивыми усиліями, которыя они часто употребляютъ для достиженія своей цѣли: мы видѣли собаку, которая впродолженіе двѣнадцати часовъ подкапывалась подъ садовую калитку, чтобъ добиться любовнаго свиданія съ предметомъ своей страсти, находившимся неподалеку оттуда на привязи.

Что заставляетъ двухъ индивидовъ взаимно искать другъ друга—является ли тутъ импульсомъ влеченія ихъ сходство между собой, или наоборотъ, нѣкоторое различіе? Трудно сказать, такъ какъ на этотъ счетъ мы не имѣемъ достаточнаго количества наблю-

деній. Подобный вопросъ нельзя даже предлагать тамъ, гдѣ половыя качества установили между самцомъ и самкой значительное и нормальное различіе. Вѣроятно, однако же, что внутреннее движеніе (agitation) въ любовныхъ собраніяхъ животныхъ сопровождается тѣми же явленіями, какъ и движеніе (agitation) какихъ-либо предметовъ вообще—оно должно сближать подобное съ подобнымъ: самыя красивыя, самыя ловкія, самыя сильныя, самыя нарядныя по блеску своихъ цвѣтовъ, самыя искусныя въ пѣніи должны почти неминуемо тяготѣть другъ къ другу и соединяться между собой, такъ что конечнымъ результатомъ этой кажущейся сумятицы будетъ строгій отборъ индивидовъ, наиболѣе замѣчательныхъ относительно природныхъ даравъ и особенностей, свойственныхъ ихъ виду.

Итакъ, между самцомъ и самкой во всей раздѣльнополой части животнаго царства существуютъ, если можно такъ выразиться, прелиминарныя или вступительныя отношенія, отличныя отъ физіологическихъ; эти отношенія по преимуществу психическія и получаютъ такую окраску тѣмъ въ бо́льшей степени, чѣмъ выше мы поднимаемся по зоологической лѣстницѣ. Они состоятъ вообще въ различныхъ проявленіяхъ (manifestation) эстетическаго рода, обращенныхъ къ самкѣ со стороны самца и предполагающихъ извѣстное соотношеніе между способностями представленія первой и способностями выраженія ощущеній втораго. Съ одной стороны, у самца - ласки, пахучія выдѣленія, кокетство нарядомъ, пѣніе и движенія, то отдѣленныя другъ отъ друга, то соединенныя вмѣстѣ для выраженія любовнаго желанія; съ другой, у самки—болѣе или менѣе тонкія чувства обонянія, осязанія, зрѣнія, слуха, соотвѣтствующія этимъ различнымъ проявленіямъ страсти и вызывающія ее на отвѣтъ. Нельзя однако же отрицать, что часто активныя проявленія желаній исходятъ отъ самки; поэтому самецъ долженъ обладать соотвѣтственными чувствами, потому что, за недостаткомъ ихъ, онъ не понималъ бы даже своихъ собственныхъ преимуществъ и не старался бы ихъ пріобрѣсти. Самецъ и самка, постоянно занятые, по крайней мѣрѣ втеченіе извѣстнаго времени года, взаимными представленіями другъ о другѣ, собственно говоря, имѣютъ какъ

бы одно сознаніе, заключенное въ двухъ сообщающихся центрахъ. Сообщеніе этихъ двухъ центровъ и есть та связь, которая дѣлаетъ изъ двухъ отдѣльныхъ неполныхъ индивидуальностей одну, болѣе способную довольствоваться самой собой и которая поглощаетъ ихъ обоихъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые моменты. Увеличеніе этого общества исходящими отъ него молодыми отпрысками сообщаетъ ему законченность и постоянство.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этой второй части нашего труда, опишемъ явленія, которыя, послѣ того какъ семейное общество сформировалось положительно, поддерживаютъ его, такъ сказать, отрицательно; но здѣсь поддержкой являются уже не взаимныя влеченія его членовъ, но отталкиваніе всего того, что не принадлежитъ къ этому обществу—не любовь, а вражда.

Нѣтъ ничего смѣлаго полагать, что чѣмъ сильнѣе самецъ желаетъ соединиться съ самкой, тѣмъ нетерпимѣе онъ долженъ относиться въ своихъ мысляхъ къ соперникамъ, которые могутъ помѣшать этому соединенію. Тѣсная ассоціація этихъ двухъ страстей сливаетъ вмѣстѣ желаніе обладанія и опасенія потери или отказа,—любовь и ненависть. Такъ, зачастую можно видѣть, что претенденты не довольствуются мирнымъ соперничествомъ, основаннымъ на выставкѣ ихъ достоинствъ, но вступаютъ между собой въ настоящую битву, которая рѣшаетъ, вопреки желаніямъ самки, успѣхъ того или другаго соискателя. Дарвинъ указываетъ на существованіе такихъ поединковъ у большаго числа насѣкомыхъ и даже у нѣкоторыхъ рыбъ. Они распространены почти между всѣми птицами и также господствуютъ среди млекопитающихъ. Но такъ какъ эти поединки не имѣютъ непосредственной связи съ занимающимъ насъ предметомъ, то мы и не будемъ на нихъ останавливаться. Отмѣтимъ только одну любопытную ихъ черту. Обыкновенно полагаютъ, что самцы за обладаніе самкой бьются между собой на смерть, питая при этомъ другъ къ другу такія же чувства, какъ два человѣка, дерущіеся въ рукопашную. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что между людьми схватки не всегда бываютъ серьезны, по крайней мѣрѣ между дѣтьми и дикарями, съ которыми нерѣдко прежде сравнивали животныхъ, и что

весьма часто безсловесные бойцы стремятся не столько сокрушить, сколько устрашить другъ друга. Серьезными эти битвы являются лишь тогда, когда борьба происходитъ между животными различныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ смотритъ на другаго, какъ на добычу, т. е. пожираетъ его въ качествѣ пищи. Совсѣмъ иное представляютъ собой битвы между претендентами. Если онѣ и бываютъ смертельными, то только въ видѣ исключенія. Всего же чаще противники желаютъ лишь узнать, кто изъ нихъ сильнѣе и смѣлѣе; болѣе слабый и менѣе храбрый почти всегда удаляется заблаговременно, прежде чѣмъ счастливый ратоборецъ могъ бы воспользоваться плодами своей побѣды. Мы уже сказали, что битвы изъ-за самокъ распространены почти между всѣми птицами и млекопитающими. Но какъ разъ большинство ихъ лишено орудій, необходимыхъ для нанесенія серьезныхъ ранъ. Такимъ образомъ битвы эти не болѣе, какъ простая демонстрація. Только клювъ и когти хищниковъ могутъ угрожать смертью. Но и здѣсь первые удары никогда не бываютъ смертельными—самое большое, если они сшибаютъ съ ногъ противника, не причиняя ему особенно серьезнаго вреда. Побѣдитель спѣшитъ бѣжать съ своимъ завоеваніемъ, а побѣжденный можетъ спокойно встать и, оправившись, черезъ нѣсколько дней снова начать проигранное сраженіе. Правда, нѣкоторыя травоядныя обладаютъ страшнымъ оружіемъ, но нельзя не замѣтить, что они выработали его для защиты отъ своихъ смертельныхъ враговъ—плотоядныхъ, а не противъ своихъ соперниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько жвачныхъ, рога которыхъ если не совершенно безвредны, то по крайней мѣрѣ нисколько не ужасны, въ особенности если принять во вниманіе массивные лбы ихъ обладателей, принимающіе на себя первые удары. Это скорѣе боевыя украшенья, чѣмъ дѣйствительное оружіе. Рога даже затрудняютъ животныхъ, превращая *случайно* простой турниръ между двумя борцами въ смертельный бой. Это встрѣчается нерѣдко при сшибкахъ оленей, когда ихъ рога перепутываются другъ съ другомъ своими вѣтвистыми отростками. Вообще же, повторяемъ, борьба изъ-за самокъ не можетъ быть названа битвой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а скорѣе турниромъ. Мѣсто его всегда извѣстно заранѣе и бойцы

возвращаются сюда каждый годъ. То же самое замѣчается и у наиболѣе воинственныхъ птицъ, напр. у турухтановъ. Каждое утро самцы, блистающіе своимъ брачнымъ опереніемъ, собираются въ опредѣленное мѣсто, посѣщаемое также и самками. Двое противниковъ, дрожащіе отъ волненія, бросаются одинъ на другаго и начинаютъ осыпать другъ друга учащенными ударами; но никогда при этомъ не происходитъ кровопролитія: много-много, если тамъ или здѣсь вылетитъ перо. Ихъ длинный и гибкій клювъ не въ состояніи пронзить кожи противника. Эта дуэль на театральныхъ шпагахъ—своего рода красивое зрѣлище. Одинъ охотникъ разсказывалъ Пусьельгу (Путешествіе по Флоридѣ, Tour du Monde, 1869, 1-er sem., стр. 126), что разъ ночью онъ видѣлъ нѣсколькихъ тетеревовъ (Tetrao cupido), ожесточенно боровшихся на одной изъ такихъ публичныхъ аренъ, гдѣ они собрались въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ самками, и что борцы разсѣялись моментально при первомъ же выстрѣлѣ. «Къ чему бы они пришли, спросилъ путешественникъ, если бы вы ихъ не спугнули?» — «Они бы провели ночь въ состязаніяхъ, не причинивъ другъ другу никакого серьезнаго вреда, и съ восходомъ солнца разлетѣлись бы, сопровождая свое разставанье тысячью любезностей, а на слѣдующій вечеръ снова принялись бы за прежнюю гимнастику». Такіе же факты мы находимъ и въ классѣ насѣкомыхъ. Де-ла-Брюлери разсказываетъ о нескончаемой дракѣ между двумя жуками-геркулесами, которые, судя по ихъ вооруженію, съ первыхъ же ударовъ должны были сдѣлать ее смертельной. Кажется, говоритъ онъ *), что противники боролись за обладаніе самкой. Любопытно было видѣть, какъ они, поднявшись на заднія ноги, угрожали другъ другу зубами и затѣмъ, бросившись въ схватку, сцѣпились между собой челюстями. Оба напирали одинъ на другаго и тряслись отъ бѣшенства. Но всѣ усилія ихъ ранить противника или заставить его выпустить изъ лапъ своего соперника оказывались тщетными. Благодаря одинаковому оружію и бронѣ борцовъ, эта первая аттака осталась безъ успѣха. Они разошлись, отступили на нѣсколько шаговъ и затѣмъ снова бросились въ бой.

*) *Annales de la société entomologique*. 1866, стр. 521.

Оба были на сторожѣ и искусcно парировали аттаки другъ друга. Наконецъ, одинъ изъ нихъ схватилъ другаго и повалилъ на землю. Вы подумаете, что сраженіе кончилось? Совсѣмъ нѣтъ. Послѣ нѣсколькихъ передышекъ, бойцы снова начали свое состязаніе на томъ же мѣстѣ. «Не смотря на мое желаніе видѣть окончательный исходъ борьбы, я не могъ оставаться возлѣ нихъ цѣлый день и долженъ былъ покинуть этихъ неутомимыхъ боксеровъ, пожелавъ имъ мысленно всякаго успѣха». Мы не думаемъ давать этимъ замѣчаніямъ безусловнаго обобщенія, такъ какъ знаемъ, что молодые быки (bovidés) часто остаются со сломанными ногами на мѣстѣ борьбы, гдѣ умираютъ отъ голода, и что у нѣкоторыхъ самыхъ безопасныхъ животныхъ борьба изъ-за самокъ иногда оканчивается смертью; таковы, напр., муфлоны, серны и каменные козлы, которые, сражаясь на краю пропастей, нерѣдко сталкиваются въ бездну своими противниками. Однако, послѣ внимательнаго изслѣдованія, мы всетаки приходимъ къ убѣжденію, что въ большинствѣ случаевъ ломаніе костей въ честь самокъ представляетъ собой нѣкотораго рода демонстраціи съ эстетическимъ оттѣнкомъ, служащія скорѣе выставкой красоты, силы и граціи самцовъ, чѣмъ поединками, гдѣ побѣжденный расплачивается за свои притязанія жизнію.

Время спариванія всегда сопровождается у птицъ большой ажитаціей. Съ наступленіемъ этой поры, онѣ испытываютъ потребность собираться въ большія стаи, цѣль которыхъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобъ удобнѣе встрѣчаться другъ съ другомъ и дѣлать наиболѣе желательный выборъ, а также для удовлетворенія ихъ возбужденія, усиливая его присутствіемъ столь же возбужденныхъ своихъ собратьевъ. На такихъ собраніяхъ развертываются во всей своей полнотѣ наиболѣе выдающіеся половые аттрибуты, о которыхъ упоминалось прежде. Одинъ видъ австралійскихъ птицъ доходитъ въ это время даже до постройки какъ бы нѣкотораго храма любви въ формѣ бесѣдки, украшенной цвѣтами и блестящими предметами, гдѣ самцы и самки расхаживаютъ съ радостнымъ видомъ. Бесѣдка эта—не гнѣздо, потому что гнѣзда строятся позже образовавшимися впослѣдствіи парами. Она служитъ только театромъ любезныхъ ухаживаній, предшествующихъ спариванію и, какъ само

собой понятно, для многихъ паръ. Но собранія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, не составляютъ настоящихъ обществъ: они не постоянны и не организованы. Самыя продолжительныя изъ нихъ тѣ, которыя образуютъ рыбы во время нереста, когда теплыя воды моря, перемѣщаясь, уносятъ ихъ съ собой далеко отъ береговъ, гдѣ они получили свое начало. Хорошо извѣстныя всѣмъ передвиженія сельдей, кажется, вызываются именно этими причинами. Скоро разнаго рода водяные пираты, тѣснящіе стадо со всѣхъ сторонъ, принуждаютъ его сжаться, уплотниться; сверхъ того, самая функція оплодотворенія сближаетъ между собой его членовъ; такимъ образомъ они составляютъ болѣе или менѣе компактную и безпорядочную массу, или по крайней мѣрѣ такую, въ которой нельзя замѣтить никакаго порядка. Какъ только въ этихъ временныхъ собраніяхъ выборъ состоялся, два члена вновь народившагося общества тотчасъ же стремятся отдѣлиться отъ своихъ товарищей. Лишь немногія изъ птицъ и млекопитающихъ остаются въ стаѣ послѣ этого момента; болѣе же двухъ третей общественныхъ животныхъ послѣ спариванія уединяется. Замѣчательно, что инстинктъ въ настоящемъ случаѣ до того силенъ, что онъ пережилъ даже вѣка прирученія. Такъ, въ нашихъ домашнихъ стадахъ коровы съ течкой уводятся быкомъ въ отдаленный уголъ выгона и оба животныя остаются такимъ образомъ уединенными до совокупленія. Тамъ временные супруги отрѣшаются отъ всякихъ помысловъ, кромѣ дорогаго образа своей страсти, и это отрѣшеніе не менѣе, чѣмъ самая любовь, скрѣпляетъ ихъ взаимныя связи.

Обыкновенно бываетъ такъ, что тамъ, гдѣ происходитъ борьба, побѣда обезпечиваетъ за счастливымъ претендентомъ прочное обладаніе самкой. Побѣжденный окончательно удаляется изъ окрестностей. Если онъ отваживается остаться въ прежнихъ мѣстахъ, то навлекаетъ на себя новыя гоненія и на этотъ разъ уже со стороны обоихъ супруговъ. Это справедливо не для однихъ брачныхъ союзовъ, продолжающихся лишь извѣстную часть года, но почти для всѣхъ. Довольно рѣдкое у насѣкомыхъ и рыбъ, явленіе это весьма распространено между птицами и млекопитающими. Мы коснемся его болѣе подробно, когда будемъ изучать соотношеніе

семейнаго общества съ занимаемой имъ территоріей. Теперь мы уже можемъ понять, что два субъекта, служащіе ему основаніемъ, разъ они соединились между собой, испытываютъ не только взаимное влеченіе, но и общія антипатіи.

Какова бы однако ни была связь представленій и желаній, объединяющихъ сознаніе животныхъ разнаго пола во время любовнаго сезона, общество, основанное на такой связи, остается эфемернымъ до тѣхъ поръ, пока въ него не будетъ внесено другихъ укрѣпляющихъ началъ. Мы видимъ, напр., у безчисленнаго множества низшихъ животныхъ брачные союзы, предолжающіеся столько времени, сколько это необходимо для совокупленія, причемъ самецъ и самка, разъ разойдясь, не имѣютъ никакихъ шансовъ встрѣтиться впослѣдствіи. Часто даже, у многихъ насѣкомыхъ, самецъ умираетъ послѣ совокупленія. Для возникновенія прочнаго общества, необходимо, чтобъ самецъ переживалъ скрещиванье (это понятно само собою), а самка, переживая кладку яицъ, видѣла бы свое потомство и образовала въ соединеніи съ нимъ тѣсную группу. Въ этомъ случаѣ самецъ могъ бы принять вмѣстѣ съ ней участіе въ воспитаніи дѣтенышей, и предъ нашими глазами возникло бы настоящее семейное общество. Такимъ образомъ намъ предстоитъ сначала разсмотрѣть общества, составленныя изъ матерей съ ихъ потомствомъ. Это и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Материнское семейное общество: семейство у насѣкомыхъ.

Возрастающая важность взаимной жизни (vie de relation) въ семейномъ общественномъ организмѣ.—О происхожденіи материнской любви.—Ея проявленіе у низшихъ животныхъ: попеченія о яйцахъ со стороны самки у *моллюсковъ, кольчецовъ и насѣкомыхъ (за исключеніемъ* перепончатокрылыхъ). Одиночныя перепончатокрылыя. Семейства, гдѣ материнскія обязанности раздѣляются между многими идивидами: общественныя перепончатокрылыя.—Общій взглядъ на соціальную организацію и коллективныя занятія перепончатокрылыхъ.—Осы и ихъ часовые.—Пчелы: объясненіе нѣкоторыхъ деталей въ ихъ экономіи.—Муравьи: государство ли муравейникъ, или семейство? Превосходство ихъ общественнаго устройства и причины этого превосходства; ихъ культура (industrie). Смѣшанные муравейники; какъ можетъ проявляться взаимное содѣйствіе индивидовъ въ экспедиціяхъ и работахъ? Вытекающее отсюда общественное единство.—Случайныя раздробленія коллективной индивидуальности. Заключеніе.—Термиты: ихъ общественное устройство и культура (industrie).

Брачное общество есть условіе семьи, но не самая семья. Будучи зародышемъ семейнаго общества, оно должно испытывать въ своемъ развитіи рядъ послѣдовательныхъ дифференцировокъ и интеграцій, черезъ который проходитъ всякій нарождающійся организмъ. Безъ этихъ измѣненій оно быстро бы распустилось въ окружающей средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя члены пары, одаренные способностью весьма живаго представленія другъ о другѣ, связываются между собой взаимнымъ влеченіемъ, и, благодаря этой способности, вырабатываютъ въ себѣ болѣе или менѣе прочное общее сознаніе, однако нужды индивидуальной жизни, послѣ удовлетворенія половыхъ потребностей, не замедлили бы развести ихъ и даже внести въ ихъ отношенія соперничество. Если что можетъ

скрѣплять и дѣйствительно скрѣпляетъ союзъ родителей между собой, спеціализируя ихъ дѣятельность и дѣлая ее необходимымъ сотрудничествомъ, то это—воспитаніе дѣтей, являющихся матеріальнымъ послѣдствіемъ ихъ встрѣчи другъ съ другомъ. Мы предполагаемъ разсмотрѣть въ слѣдующихъ двухъ главахъ, какъ формируется семейство подъ вліяніемъ этого фактора.

Не слѣдуетъ забывать, что дѣтеныши составляютъ часть организма родителей. Почкованіе, какъ мы видѣли, мало по малу смѣняетъ расщепленіе, за которымъ появляется яйцерожденіе; отсюда воспроизводительная функція является, какъ спеціализація питательныхъ отправленій, и самый зародышъ есть ничто иное, какъ колонія клѣточекъ, которая развивается въ извѣстной точкѣ организма по тѣмъ же законамъ, какъ и другія клѣточки, хотя и при другихъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія, дѣтенышъ есть дѣйствительно продолженіе производящихъ организмовъ, отпрыскъ того живаго цѣлаго, которое они образуютъ кратковременно своимъ соединеніемъ. Но эта общность субстанціи, какъ бы она существенна ни была для объясненія физіологической наслѣдственности, еще не въ состояніи образовать семейство, представляющее собой нравственный организмъ. Для этого необходимо, чтобъ единеніе субстанціи перешло въ единеніе сознаній, и чтобы различные организмы, составляющіе семейное общество, будучи раздѣлены матеріально, стремились бы снова одинъ къ другому въ силу духовныхъ побужденій, т. е. взаимныхъ идей и чувствъ. Исторія животнаго семейства есть исторія постепеннаго соотносительнаго перехода индивидуальныхъ сознаній въ одно общее.

Духовная природа этого союза дѣлаетъ его, какъ мы увидимъ, способнымъ къ сосредоточенію, къ сплоченности, которымъ физіологическое единство не способствуетъ въ такой же сильной степени. Въ самомъ дѣлѣ, различныя существа, исходящія одни изъ другихъ, не могутъ долго обладать полной біологической гармоніей въ сообщеніяхъ между собой. Слѣдуя хронологически другъ за другомъ, каждый изъ нихъ представляетъ свою особую индивидуальность. Напримѣръ, дѣтеныши семейства млекопитающихъ могутъ быть питаемы ихъ родителями и даже соками ихъ собственнаго

организма; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они во всякомъ случаѣ начинаютъ жить своей личной жизнью, по крайней мѣрѣ физіологически. Тогда органическое цѣлое, часть котораго они составляли до этого времени, разрушается. Взаимной же жизнью, напротивъ, эти отдѣльныя единицы сознанія связываются между собой съ того самаго момента, когда воплощающіе ихъ различные организмы раздѣляются. Подростающее поколѣніе, для того чтобы развиваться, должно пользоваться указаніями зрѣлой части общества, сходящей уже со сцены, и эта часть въ свою очередь имѣетъ въ виду лишь одну цѣль—жизнь тѣхъ существъ, которыхъ она произвела на свѣтъ. Такимъ образомъ всѣ они сливаются въ одно сознаніе, охватывающее собою болѣе или менѣе длинный рядъ мѣсяцевъ и годовъ. Этой общностью душевныхъ движеній и представленій уничтожается не только разстояніе въ пространствѣ, но и во времени — дѣйствія, рѣшительно невозможныя даже для постояннаго физіологическаго союза.

У самаго порога возникающихъ передъ нами вопросовъ насъ останавливаетъ почти непреодолимое затрудненіе. Если самецъ и самка живутъ вмѣстѣ, то это, сказали мы, благодаря ихъ общей любви къ своему потомству. Но необходимо прибавить, что самецъ входитъ въ составъ семейства прочнымъ образомъ только на высшихъ ступеняхъ животнаго царства. До этого самка одна остается съ дѣтенышами и, слѣдовательно, самецъ принимаетъ участіе въ обществѣ тогда, когда оно уже образовалось. Поэтому для того, чтобы изслѣдовать семейство, необходимо прежде всего объяснить материнскую любовь—вопросъ, представляющійся въ нашихъ глазахъ однимъ изъ самыхъ сложныхъ. Но пусть объ этомъ судитъ самъ читатель.

Задача является передъ нами во всей ея трудности. Рѣшившись идти послѣдовательно по зоологической лѣстницѣ, начиная отъ самыхъ низшихъ ея ступеней и вплоть до ея крайней вершины, мы должны, говоря о материнской любви, начинать не съ млекопитающихъ, т. е. животныхъ, надѣленныхъ разумомъ и, слѣдовательно, способныхъ къ симпатіи (исходя изъ этого пункта, вопросъ, какъ увидимъ далѣе, разрѣшился бы несравненно легче),

а съ существъ, лишенныхъ мыслительной способности, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, у которыхъ присутствіе ея весьма сомнительно,—съ безпозвоночныхъ, самыхъ несовершенныхъ въ смыслѣ организаціи. Вотъ напримѣръ, моллюски (см. далѣе), сохраняющіе свои яйца подъ оболочкой изъ мелкихъ склеенныхъ между собой песчинокъ, или носящіе ихъ подъ ногой и таскающіе такимъ образомъ вездѣ съ собою свое будущее потомство, не рискуя причинить ему никакого вреда во время своихъ передвиженій; вотъ морскія звѣзды и самки коловратокъ, которыя также не разстаются съ своими яйцами, приклеивая ихъ къ тѣлу. Что думать о подобныхъ актахъ у животныхъ, не только не способныхъ къ какому бы то ни было предвидѣнію, но, повидимому, лишенныхъ всякой умственной дѣятельности? Подвинемся нѣсколько выше по лѣстницѣ и возьмемъ насѣкомое: затрудненія усилятся еще болѣе, потому что здѣсь яйцо переживаетъ мать, которая сама вышла изъ яйца, пережившаго ея родителей, и совсѣмъ не знаетъ, отъ кого она произошла. Но это не все. При своемъ рожденіи на свѣтъ, насѣкомыя нисколько не походятъ на мать, въ силу превращеній, чрезъ которыя они должны послѣдовательно пройти, чтобъ приблизиться къ ней по своему складу. Наконецъ, часто случается, что мать обезпечиваетъ будущихъ дѣтенышей, кладя яйца въ благопріятныхъ для ихъ развитія мѣстахъ или даже съ большимъ трудомъ приготовляя для нихъ пищу, совершенно отличную отъ той, какая употребляется ею самою. Такимъ образомъ намъ приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить себѣ, что насѣкомое можетъ: 1) предвидѣть будущее по неизвѣстному прошедшему; 2) узнавать самого себя въ существѣ, имѣющемъ совершенно отличную отъ него форму и даже при отсутствіи въ немъ всякой *живой* формы; 3) заботиться о нуждахъ детеныша, существованіе котораго нельзя предвидѣть и когда мать, по своимъ собственнымъ потребностямъ, не можетъ составить о нихъ никакого понятія.

Очевидно, что если бы задача не могла укладываться въ другія рамки, то безполезно было бы даже приниматься за ея разрѣшеніе. Всѣ усилія изслѣдователей должны направляться на самую поста-

новку вопросовъ и стремиться къ тому, чтобъ существенно измѣнить ее. Прежде всего необходимо спросить себя, не создались ли условія существованія различныхъ описанныхъ нами видовъ уже послѣ появленія материнской любви, которая осталась въ своемъ прежнемъ видѣ и тогда, когда измѣнились обстоятельства, вызвавшія ее къ жизни. И дѣйствительно, можно думать и допускать, по крайней мѣрѣ въ качествѣ вѣроятной гипотезы, что эти виды не всегда были такими, какими мы ихъ видимъ теперь. Только при одномъ этомъ условіи могутъ быть какіе-нибудь шансы на успѣшное рѣшеніе задачи.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, мы избавляемся отъ самаго серьезнаго затрудненія. Правда, родъ жизни законченныхъ (imago) насѣкомыхъ не таковъ, какимъ живутъ личинки; но развѣ насѣкомыя всегда проходили такъ полно всѣ фазы превращеній, какъ они проходятъ ихъ теперь? Въ этомъ можно сомнѣваться. Если вѣрно, что настоящія ихъ превращенія представляютъ въ болѣе или менѣе сокращенной формѣ послѣдовательныя измѣненія вида, то долженъ существовать такой моментъ, когда насѣкомое размножается въ состояніи личинки. Между самыми несовершенными изъ насѣкомыхъ, а именно—двукрылыми, мы находимъ одну изъ мухъ, галицу (Cecidomia), которая, по словамъ Мильнъ Эдвардса, раздѣляетъ эту способность съ нѣкоторыми животными того же порядка. Многія безкрылыя самки, напримѣръ свѣтляки, продолжаютъ еще сохранять сходство съ личинками, такъ какъ не слѣдуютъ за самцами въ развитіи ихъ превращеній. Весьма возможно поэтому, что въ какой-нибудь отдаленный періодъ исторіи своей жизни самки насѣкомыхъ дѣлались матерями тогда, когда онѣ обладали прожорливыми инстинктами и соотвѣтствующими имъ убійственными орудіями, которыя имѣютъ еще и теперь личинки нѣкоторыхъ изъ нихъ, и что въ то время онѣ заготовляли для своихъ будущихъ дѣтенышей пищу, свойственную имъ самимъ, а впослѣдствіи передали эту привычку, внѣдрившуюся въ ихъ организмъ, своимъ теперешнимъ потомкамъ, сохранившимъ ее, не смотря на измѣненіе своего образа жизни. Потомки повиновались ей, какъ всѣ существа, наслѣдующія инстинкты отъ своихъ предковъ, т. е. не отдавая

себѣ въ ней отчета. Что касается измѣненій во всемъ остальномъ, то для объясненія ихъ, пришлось бы прибѣгнуть къ половому подбору или совершенно иной причинѣ; въ этомъ объясненіи нѣтъ ничего экстраординарнаго, такъ какъ многія насѣкомыя въ своемъ законченномъ видѣ не принимаютъ никакой пищи. Послѣдняя ихъ метаморфоза часто есть ничто иное, какъ брачный уборъ, форма, вырабатываемая для выполненія спеціальной функціи, въ виду которой заранѣе накопляются всѣ силы недѣлимаго *).

Такимъ образомъ, первое затрудненіе, вытекавшее изъ различія между потребностями матери и ея потомства, уничтожается само собою. Но остаются еще другія и, прежде всего, возникаютъ слѣдующіе вопросы: какимъ образомъ самка насѣкомаго можетъ заботиться о яйцахъ, какъ о живыхъ существахъ и, главное, что́ побуждаетъ ее къ заготовленію пищи для перваго періода ихъ будущей жизни? На это можно было бы дать отвѣтъ, сходный съ предыдущимъ, хотя и менѣе согласный съ теоріей эволюціонизма (ученіе Дарвина) въ томъ видѣ, въ какомъ ее обыкновенно принимаютъ. Достаточно было бы предположить, что насѣкомыя вначалѣ производили потомство не въ формѣ яицъ, а въ видѣ живыхъ личинокъ путемъ живорожденія или внутренняго почкованія. Мы видимъ, что это послѣднее представляетъ собой промежуточный процессъ между разщепленіемъ и яйцерожденіемъ, что почки иногда весьма сходны съ яйцомъ, и что это какъ разъ встрѣчается у асцидій, близкихъ родичей червей. Такая гипотеза, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняла бы и случаи партеногенеза, встрѣчающіеся въ классѣ насѣкомыхъ, и лучшій примѣръ котораго намъ представляютъ тли, такъ какъ онѣ размножаются въ одно время года путемъ яицъ, въ другое же— посредствомъ внутренняго почкованія. Мухи рождаютъ живыхъ личинокъ. И мы точно видимъ, что у наиболѣе низко органи-

---

*) Напримѣръ, большой усачъ или дровосѣкъ (*Cerambyx heros*) остается впродолженіе всей зимы внутри древеснаго ствола, гдѣ его личинка, послѣ долгихъ мѣсяцевъ прожорливой жизни, превращается въ куколку. Весной онъ выходитъ изъ своей глубокой галлереи; но поглощенный совершенно иными заботами и вожделѣніями—онъ едва лишь думаетъ о ѣдѣ. Можно доказать, что онъ по крайней мѣрѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ не принималъ никакой пищи.

зованныхъ насѣкомыхъ, съ наиболѣе сокращенными и быстрыми метаморфозами, мать еще и теперь проявляетъ заботы о своихъ вылупившихся дѣтенышахъ. У нѣкоторыхъ прямокрылыхъ дѣтеныши при самомъ выходѣ изъ яйца имѣютъ уже форму, сходную въ своемъ цѣломъ со взрослыми недѣлимыми и составляютъ предметъ самыхъ неусыпныхъ заботъ для ихъ матерей; можно упомянуть также о таранкѣ, который таскаетъ съ собой свою овальную яйцевую капсулу и помогаетъ дѣтенышамъ выходить изъ нея,—объ уховерткѣ, которая какъ бы насиживаетъ свои яйца и собираетъ подъ себя свою молодь послѣ ея вылупленія и, наконецъ,—о медвѣдкѣ, которая держитъ свое молодое потомство въ особыхъ ямкахъ и, какъ говорятъ, отправляется искать для нихъ кормъ (Blanchard. *Métamorphoses*, стр. 570; Girard, id. стр. 323—336). Не имѣемъ ли мы здѣсь намека на переходъ отъ живорожденія, сопровождаемаго заботами о птенцахъ, къ яйцерожденію, при которомъ это отношеніе къ потомству могло бы сохраняться въ силу органическаго безсознательнаго импульса и даже передаваться безсознательно насѣкомымъ съ сложными и продолжительными метаморфозами? Намъ не первымъ приходится замѣчать, что прогрессъ въ формахъ рожденія слѣдуетъ у млекопитающихъ и насѣкомыхъ какъ бы взаимно-обратному порядку. Такъ, у млекопитающихъ виды, наиболѣе высоко стоящіе на зоологической лѣстницѣ, производятъ на свѣтъ наиболѣе развитыхъ и сходныхъ съ ними дѣтенышей, между тѣмъ какъ у насѣкомыхъ это бываетъ какъ разъ наоборотъ: чѣмъ выше они стоятъ по организаціи, тѣмъ бóльшее количество метаморфозъ претерпѣваютъ новорожденныя и тѣмъ менѣе сходства между этими послѣдними и ихъ взрослыми родителями. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ предположенію, что двѣ законченныя формы, въ настоящее время весьма близкія другъ къ другу въ низшихъ рядахъ класса насѣкомыхъ, вначалѣ не отличались другъ отъ друга и что дѣтеныши жили нѣкоторое время съ своей, безъ сомнѣнія, слитнополою матерью. Второе затрудненіе также исключается изъ рамокъ задачи: то, что намъ кажется теперь *предвидѣніемъ*, на самомъ дѣлѣ превращается въ безсознательное и органическое *воспоминаніе* давнишняго опыта изъ прошлой жиз-

ни вида: партизаны теоріи развитія (эволюціи) признаютъ, что инстинкты возникаютъ изъ унаслѣдованныхъ привычекъ.

Мы желали бы, чтобъ это объясненіе оказалось состоятельнымъ, такъ какъ оно даетъ возможность понять, на основаніи научныхъ данныхъ, явленіе, признававшееся до сихъ поръ загадочнымъ. Къ сожалѣнію, сама эволюціонная доктрина лишь съ трудомъ допускаетъ такую гипотезу. По ученію этой доктрины, насѣкомыя происходятъ отъ червей или, по меньшей мѣрѣ, составляютъ параллельный съ ними отпрыскъ на одной и той же вѣтви: общими предками современныхъ червей и суставчатоногихъ, по мнѣнію однихъ, считаются первобытные черви, по мнѣнію другихъ — коловратки. Уже кольчецы размножаются посредствомъ яицъ и нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ заботы относительно этихъ яицъ, которыя однако оставляются ими раньше вылупленія. Наконецъ, самыя коловратки—также яйцеродящія и носятъ свои яйца съ собою. Съ другой стороны, такія же явленія встрѣчаются у моллюсковъ, иглокожихъ, но, кажется, что имъ нельзя давать здѣсь того же самаго объясненія; по крайней мѣрѣ, мы не видимъ, какимъ образомъ ихъ можно было бы подвести подъ него. Если даже допустить, что дѣтеныши насѣкомыхъ рождаются на глазахъ матери и вполнѣ сходны съ нею по своей формѣ, то все-таки еще остается рѣшить, почему она чувствуетъ къ нимъ симпатію и не только охраняетъ, но и кормитъ ихъ. Итакъ мы видимъ, что прежняя проблемма хотя еще и остается, но форма ея уже утратила свой первоначальный антилогическій видъ.

Предыдущія разсужденія, конечно, не разрѣшаютъ ее вполнѣ; но наша цѣль состояла лишь въ томъ, чтобъ показать, во-первыхъ, что она требуетъ настоятельнаго рѣшенія, безъ котораго социологія лишается своей основы и, во-вторыхъ, что для этого необходимо прежде всего измѣнить самую постановку вопроса, сдѣлавши его доступнымъ изслѣдованію. Не всякая проблемма достойна занимать мѣсто въ наукѣ и разсматриваемый нами вопросъ въ той формѣ, какая ему обыкновенно давалась, былъ чистой безсмыслицей. Быть можетъ, другіе психологи послѣ насъ будутъ счастливѣе, нежели мы, относительно его изслѣдованія въ томъ же духѣ. Впрочемъ

мы еще не сказали своего послѣдняго слова по этому предмету и возвратимся къ нему еще разъ, когда будемъ говорить о материнской любви у позвоночныхъ. Пусть читатель, сближая эти два мѣста настоящаго отдѣла, самъ судитъ, можно ли изъ нихъ извлечь что-нибудь для уясненія даннаго вопроса *).

Миновавъ этотъ пробѣлъ, укажемъ на главныя проявленія материнской любви въ животномъ царствѣ и посмотримъ, какимъ образомъ семейство пріобрѣтаетъ черезъ нихъ постепенно возрастающее единство во времени и въ пространствѣ. Самый раціональный порядокъ для подобнаго очерка будетъ, конечно, тотъ, который вытекаетъ изъ возрастающей сложности этой функціи; сначала разсмотримъ группы, гдѣ отецъ и мать относятся одинаково безразлично къ своимъ яйцамъ и не получаютъ отъ своего отношенія къ потомству никакой другой специализаціи, кромѣ специализаціи воспроизводительныхъ органовъ. Затѣмъ прослѣдимъ различныя степени особенностей, вытекающихъ изъ болѣе и болѣе активной роли матери, которая, во-первыхъ дѣлаетъ выборъ мѣста, благопріятствующаго вылупленію яицъ, во-вторыхъ, выбираетъ помѣщеніе, удобное для ихъ сохраненія, въ-третьихъ, находитъ цѣлесообразныя средства для ихъ прикрѣпленія или зарыванія, въ-четвертыхъ, строитъ для нихъ особую защиту, въ-пятыхъ, кладетъ яйца возлѣ веществъ, способныхъ послужить пищей для личинокъ или вылупившихся дѣтенышей и, въ-шестыхъ, воспитываетъ дѣтенышей, доставляя имъ кормъ или въ его обыкновенномъ видѣ или же въ видоизмѣненной формѣ, изрыгаемой ими изъ себя. Только съ этого времени можетъ наступить вмѣшательство отца и дифференцировка начинаетъ достигать до него. Такова теоретическая послѣдовательность, и трудно допустить, чтобъ логика вещей, столь согласная во многомъ съ логикой ума, отходила слишкомъ далеко отъ такого разумнаго плана. Но такъ какъ планъ этотъ преслѣдуется *заразъ* во многихъ группахъ живыхъ существъ, гдѣ онъ является на весьма различныхъ

*) Дарвину вопросъ этотъ кажется неразрѣшимымъ. Смотри его «*The descent of Man*», томъ I, стр. 80: „With respect to the origin of the paternal and filial affections, which apparently lie at the basis of the social affections, it is hopelles to speculate“.

степеняхъ своего развитія, то мы находимъ неудобнымъ слѣдовать параллельно за всѣми его различными одновременными развѣтвленіями. Въ самомъ дѣлѣ, упоминая, напр., о нѣсколькихъ естественныхъ группахъ классификаціи, какъ о принадлежащихъ къ одной и той же категоріи, и переходя или возвращаясь отсюда къ слѣдующей группѣ, мы рискуемъ внести въ свое изложеніе неисправимую путаницу. Вотъ почему намъ кажется несравненно болѣе предпочтительнымъ принять линейный порядокъ и разсматривать *послѣдовательно* съ занимающей насъ точки зрѣнія всѣ классы животныхъ, начиная отъ самыхъ низшихъ и вплоть до самыхъ высшихъ.

Начнемъ съ моллюсковъ. Мы находимъ между ними едва ли не однихъ только Calyptrea (родъ, близкій къ морскимъ блюдечкамъ) которыя проявляютъ нѣкоторый интересъ къ своему потомству. Calyptrea кладетъ яйца себѣ подъ животъ и сохраняетъ ихъ, какъ будто въ заключеніи между своей ногой и постороннимъ тѣломъ, къ которому они прикрѣпляются *). Вылупившись, дѣтеныши развиваются подъ защитой материнской раковины и покидаютъ ее лишь тогда, когда они уже сами снабжены раковиной и готовы прикрѣпиться. Шашни носятъ свои яйца приклеенными въ формѣ колецъ вокругъ ихъ тѣла. Улитки кладутъ ихъ часто во влажную землю или какую-нибудь древесную щель. Наконецъ, головоногія прикрѣпляютъ ихъ кистями или гроздами къ морскимъ растеніямъ. Но всѣ остальные моллюски оставляютъ свои яйца на произволъ

*) Морскія звѣзды (иглокожія) поступаютъ такъ-же. Мы встрѣчали этотъ фактъ въ книгахъ; но онъ казался намъ до того невѣроятнымъ, что мы не считали возможнымъ упоминать объ немъ. Впослѣдствіи Жіаръ (Giard) убѣдилъ насъ въ его достовѣрности, а Перрье показалъ, что его слѣдуетъ ограничить и что къ нему могутъ быть пріурочены только одни *крибреллы*. Его любезности мы обязаны указаніемъ слѣдующихъ фактовъ: между моллюсками педицелины (мшанки), тецидіи (плеченогія), беззубки (безголовыя) настоящимъ образомъ насиживаютъ свои яйца. Изъ брюхоногихъ цимбрины и нѣкоторыя улитки родятъ живыхъ дѣтенышей. Янтины строятъ для своего потомства весьма интересный поплавокъ. Курганчики (Trochus) приклеиваютъ къ своимъ яйцамъ тонкій песокъ, который ихъ отчетливо отдѣляетъ другъ отъ друга. Нѣкоторыя изъ нихъ проявляютъ настоящее искусство; такъ, курганчики приклеиваютъ къ своей раковинѣ все, что находятъ вокругъ себя; напильники (Lima) строятъ родъ гнѣзда.

судьбы; одно только безконечное обиліе этихъ яицъ предохраняетъ ихъ отъ полной погибели.

Между кольчецами наземныя піявки образуютъ вокругъ оконечности своего тѣла, прикрѣпленнаго къ землѣ, родъ кокона, гдѣ они держатъ свои яйца. За исключеніемъ ихъ, во всемъ этомъ классѣ, а тѣмъ болѣе между глистами, замѣчается всеобщій индифферентизмъ родителей къ своему потомству. Ракообразныя по бо́льшей части носятъ свои яйца вплоть до ихъ вылупленія подъ хвостомъ. Но всѣ эти различные классы животныхъ относительно разсматриваемой нами функціи стоятъ много ниже пауковъ. Если самецъ остается здѣсь еще чуждымъ материнскимъ заботамъ, то вѣдь то же самое мы видимъ и у бо́льшей части насѣкомыхъ; тогда какъ многое, относящееся къ этой сторонѣ жизни пауковъ, не часто встрѣчается даже между ними: самка послѣ кладки яицъ постоянно печется объ нихъ, она скучиваетъ ихъ въ шарикъ, обматываетъ его тонкими нитями паутины, образуя изъ этихъ послѣднихъ родъ кокона, носитъ его повсюду съ собой и въ моментъ вылупленія помогаетъ дѣтенышамъ выйти изъ своей колыбели, которая безъ ея содѣйствія могла бы сдѣлаться для нихъ темницей. Паукъ *Nemesia Eleanora* нѣкоторое время даже живетъ въ гнѣздѣ съ своими дѣтенышами, въ числѣ отъ 24 до 41.

Переходимъ къ собственно насѣкомымъ. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ прямокрылыхъ, между которыми одинъ видъ представляетъ примѣръ материнской заботливости, напоминающій курицу и ея цыплятъ. Саранча и ближайшіе къ ней наиболѣе замѣчательные роды кладутъ свои яйца кучками въ землю, гдѣ они просверливаютъ неглубокую дыру, которая затѣмъ прикрывается послѣ окончанія кладки. Остальные роды этого порядка не представляютъ въ этомъ отношеніи ничего особеннаго, что́ заслуживало бы упоминанія. За исключеніемъ термитовъ, всѣ сѣтчатокрылыя довольствуются тѣмъ, что кладутъ свои яйца въ воду, траву или на листья деревьевъ, гдѣ должны развиваться ихъ личинки. Водныя полужесткокрылыя поступаютъ такъ-же; другія же при помощи сверлъ (кобылки) помѣщаютъ свои яйца въ отжившіе стволы деревъ. Кошенили (Coccus) устраиваютъ изъ своего тѣла родъ крыши,

покрывающей яйца и предохраняющей ихъ отъ непогоды. Наконецъ, сѣрый ягодный клопъ (Pentatonia grisea) заслуживаетъ особаго вниманія. «Правда, его самка не насиживаетъ своихъ яицъ и не предохраняетъ дѣтенышей своимъ тѣломъ, какъ уховертка, но эти послѣдніе, которыхъ бываетъ обыкновенно отъ тридцати до сорока, непрерывно слѣдуютъ за ней: какъ только мать начинаетъ двигаться, они немедля приходятъ въ движеніе и, напротивъ, собираются вокругъ нея, когда она останавливается. Самка не улетаетъ даже въ томъ случаѣ, когда грозитъ опасность ей и ея птенцамъ, между тѣмъ какъ при другихъ обстоятельствахъ она дѣлаетъ это моментально» (Lacordaire. *Introduction*, томъ II, стр. 480). Извѣстно, съ какой проницательностью мухи открываютъ мѣста и предметы, гдѣ можетъ успѣшно производиться ими кладка яицъ. Сверхъ того, онѣ замѣчательны еще проявленіемъ ловкаго паразитизма, напоминающаго наѣздниковъ, искусствомъ приготовленія для своихъ яицъ непотопляемыхъ лодочекъ (комары) и, наконецъ, необъяснимымъ инстинктомъ, заставляющимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. нѣкоторыхъ оводовъ, выбирать для кладки яицъ только тѣ мѣста, до которыхъ можетъ достать языкъ животнаго, служащаго будущей средой развитія ихъ личинокъ. Жесткокрылыя (жуки) ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что кладутъ свои яйца въ землю, въ мѣстахъ, удобныхъ для развитія ихъ личинокъ. Однако же въ этомъ случаѣ необходимо отличать отъ нихъ могильщиковъ съ ихъ извѣстными особенностями, водолюба, заключающаго свои яйца въ коконъ, имѣющій форму лодочки, и навозниковъ, столь искусныхъ въ устройствѣ и катаніи шариковъ, гдѣ заключены ихъ яйца. Говорятъ, что самки пауковъ-каменьщиковъ и водяныхъ пауковъ живутъ вмѣстѣ съ самцами—фактъ, довольно сомнительный; но несомнѣнно, что самцы могильщиковъ помогаютъ своимъ самкамъ зарывать мертвое животное тамъ, гдѣ должны быть положены яйца; точно также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что священный жукъ (*Ateuchus*) побуждаетъ свою самку катать ея шарикъ съ яичками, причемъ самка пріостанавливаетъ свою работу всякій разъ, какъ наблюдатель забираетъ самца и она перестаетъ слышать издаваемые имъ звуки. Но и это еще не все: и могильщики, и свя-

щенные жуки, въ случаѣ особыхъ непосильныхъ работъ, взаимно помогаютъ другъ другу, не обращая вниманія на полъ своихъ собратьевъ. Ничего подобнаго не замѣчается у чешуекрылыхъ, если только дѣло не идетъ о выборѣ веществъ, назначаемыхъ матерями для обезпеченія яицъ и предохраненія ихъ крышей, которую нѣкоторыя изъ нихъ устраиваютъ изъ волосъ или клейковатой скорлупки. Но самые высшіе типы семейнаго общества, какихъ можетъ достигнуть классъ насѣкомыхъ, представляютъ безспорно перепончатокрылыя.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ такъ называемыми одиночными перепончатокрылыми, каковы листогрызы, рогохвосты, орѣхотворки (Tenthredina, Urocerata, Gallicolae), самки которыхъ обладая сверлами, кладутъ каждое яичко въ надрѣзы различныхъ частей растеній и орошаютъ его разъѣдающей жидкостью,. вслѣдствіе чего вокругъ него образуются разнообразные наросты съ пустотами, служащими мѣстопребываніемъ личинокъ. Затѣмъ идутъ наѣздники,—эти бичи другихъ насѣкомыхъ, извѣстные своими удивительными маневрами, пескоройники, дорожныя осы, песочныя осы, пчелоловы, (Sphex, Pompilius, Ammophila sabulosa, Philanthus) и пр., роющія отверстія въ пескѣ, куда они кладутъ вмѣстѣ съ яйцами пищу для будущихъ личинокъ; мухоѣдки (Bembex), питающія ихъ постоянно возобновляемой добычей, и другіе роды того же семейства роющихъ (Pelopoeus, Chlorion, шершень, Ceramia, Odynera, Eumene coarctata и др.), которые устраиваютъ изъ земли въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ болѣе или менѣе многочисленныя помѣщенія, имѣющія форму ячеекъ. Наконецъ, присоединимъ сюда въ заключеніе медоносныхъ съ ихъ въ высшей степени усовершенствованной организаціей, имѣющей весьма важное значеніе и присоединяющей къ роли матери еще новую роль кормилицъ. Здѣсь вещество, предлагаемое личинкамъ, не составляетъ уже болѣе продукта охоты, добываемаго весьма часто цѣною многихъ опасностей; это—вещество растительнаго происхожденія, собираемое матерью безъ всякаго риска и постоянно сохраняемое ею наготовѣ. Но, что́ всего замѣчательнѣе въ этой новой дифференцировкѣ, это то, что перенесенная съ индивида на общество, она можетъ давать мѣсто гар-

моническому сотрудничеству. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что одна часть индивидовъ сохраняетъ воспроизводительную способность, тогда какъ другая, утративъ ее, т. е. сдѣлавшись безплодной, пріобрѣтаетъ взамѣнъ ея способность вскармливанія; допустимъ это, говорю я,—и семейное *материнское* общество будетъ создано путемъ взаимнаго сотрудничества этихъ двухъ категорій индивидовъ одного и того же вида. Но не всѣ медоносные доросли до этой степени общественной организаціи; цвѣтоносы, шмели, Andrena, Colletus, Megachilus, Anthidia, Xylocopus и Osmius сами фабрикуютъ медовый сокъ изъ цвѣточной пыли и складываютъ его въ искусно устроенныя помѣщенія, гдѣ онъ хранится до тѣхъ поръ, пока, послѣ ихъ смерти, не вылупится молодая дѣтва.

Это-то раздѣленіе материнскихъ обязанностей на двѣ содѣйствующія другъ другу функціи, или появленіе новой категоріи среднихъ индивидовъ и создаетъ большія общества перепончатокрылыхъ. Другими словами, общества ихъ создаются путемъ дифференцировки въ воспроизводящей части ихъ организма, т. е. распаденія до сихъ поръ цѣльнаго и единаго женскаго органа на два различныхъ, призванныхъ въ силу необходимости къ взаимному сотрудничеству. Эта точка зрѣнія всего лучше можетъ быть уяснена наблюденіями Фореля относительно аппарата, служащаго муравьямъ для выработки питательныхъ соковъ, служащихъ пищей ихъ собратьямъ и личинкамъ. Онъ открылъ и тщательно описалъ этотъ аппаратъ, названный имъ зобомъ и расположенный въ брюшкѣ. Онъ видѣлъ муравья, который, наполнившись до отвала медомъ, окрашеннымъ въ синій цвѣтъ, сталъ передавать принятую имъ пищу другому, послѣ чего его животъ опалъ и сдѣлался блѣднымъ, тогда какъ брюшко втораго напружилось отъ перешедшей въ него синей жидкости. Заключеніе, которое онъ выводитъ изъ этого факта, имѣетъ большую важность: «можно, говоритъ онъ, раздѣлить кишечный каналъ муравья на переднюю часть, служащую болѣе для общества, чѣмъ для индивида, и на заднюю, назначенную спеціально для питанія этого послѣдняго». (*Fourmis de la Suisse*, стр. 111). Правда, что пищеварительный каналъ у всѣхъ трехъ формъ (самцы,

самки и рабочіе) имѣетъ одну и ту же структуру; но каковъ бы ни былъ смыслъ этого факта, зависящаго, безъ сомнѣнія, отъ наслѣдственности, не менѣе вѣрно и то, что самки и рабочіе одни только проявляютъ такую функцію, и что это и есть та функція, которая составляетъ отличительную черту обширныхъ обществъ между насѣкомыми. Можно себѣ представить рабочихъ ходящими на добычу для кормленія личинокъ и лишенными способности выпускать изъ себя питательные соки; нѣкоторыя изъ общественныхъ сѣтчатокрылыхъ, говорятъ, представляютъ образчикъ такаго способа воспитанія дѣтвы, хотя впрочемъ это кажется намъ крайне сомнительнымъ. Мы не утверждаемъ впрочемъ, чтобъ безъ медоносной способности самыя совершенныя общества насѣкомыхъ были невозможны. Мы думаемъ только, что эта способность въ высшей степени благопріятствовала образованію такихъ обществъ и что для тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ мы знаемъ, она составляетъ основную принадлежность. Общества, цѣль которыхъ заключается въ воспитаніи дѣтей, и есть тѣ общества, которыя мы назвали материнскими. Семейство здѣсь достигаетъ одной изъ самыхъ существенныхъ своихъ фазъ, не возвышаясь однако же до наивысшей точки своего развитія, которая предполагаетъ дѣятельное участіе въ немъ самца. Итакъ, здѣсь роль самцовъ сводится къ чисто физіологической функціи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ даже умерщвляютъ самки, которымъ они, вслѣдствіе своей слабости и умственной безпомощности, подчиняются безусловнымъ образомъ. Общества эти никакъ не заслуживаютъ названія монархій и республикъ, которыя имъ иногда даютъ. Въ нихъ не созрѣло еще полное семейство; какимъ же образомъ ихъ можно научно приравнивать къ городу или государству? Для того чтобы оправдывать такія аналогіи, имъ недостаетъ двухъ существенныхъ качествъ, которыя пріобрѣтаются гораздо позже обществами, несравненно болѣе сложными: для этого необходима, во-первыхъ, группировка индивидовъ въ обществѣ по отдѣльнымъ семействамъ и, во-вторыхъ, существованіе правительства. Но пресловутая матка-царица не пользуется въ ульѣ никакой властью. Это центръ, къ которому все устремляется, но отъ котораго въ то же время не исходитъ никакого активнаго импульса къ пче-

ламъ-кормилкамъ, и вся роль матки ограничивается тѣмъ, что, неся яйца, она постоянно снабжаетъ обитательницъ улья матеріаломъ для ихъ работъ. Какъ всѣ самки въ обществахъ перепончатокрылыхъ, она совсѣмъ не королева, но мать, и пчелы-работницы по отношенію къ ней—не подданные, а пріемныя матери или *воспитательницы;* всякое другое ихъ третированье было бы крайне невѣрнымъ съ соціологической точки зрѣнія. Только одна поэзія можетъ позволять себѣ такія вольности.

Къ сожалѣнію, для этихъ новыхъ проявленій материнской любви, также какъ и для ея перваго происхожденія, мы не имѣемъ строго научнаго объясненія. Но соціологія, подобно біологіи, не есть созданье одного дня и одного человѣка, и одно изъ качествъ научнаго ума состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть сознаваться въ своемъ незнаніи. Все, что можно констатировать въ данномъ случаѣ, это—замѣчательное единство сознанія, осуществляемое во времени и пространствѣ обществами перепончатокрылыхъ, или, другими словами, непрерывающуюся солидарность, которая соединяетъ между собой старшія и младшія поколѣнія индивидовъ, входящихъ въ ихъ составъ.

Во всемъ классѣ насѣкомыхъ оба пола связываются между собой взаимнымъ представленіемъ. Но когда это представленіе произвело свое дѣйствіе, оно изглаживается, самка прогоняетъ самца и забываетъ его, между тѣмъ какъ онъ умираетъ. Затѣмъ болѣе прочное, хотя и менѣе ясное представленіе соединяетъ мать съ ея потомствомъ, но по большей части, какъ мы видѣли, мать въ свою очередь умираетъ еще до рожденія своихъ дѣтенышей. Такимъ образомъ эти зародыши семейнаго общества успѣваютъ сформировать лишь отрывочное и расплывчатое соціальное сознаніе. Хотя самцы здѣсь и существуютъ нѣкоторое время, но они обыкновенно не занимаютъ мысли самокъ, которыя по отношенію къ нимъ проявляютъ развѣ только одно желаніе—прогнать ихъ, какъ членовъ, компрометирующихъ общее дѣло; иногда же они просто игнорируются. Но мать, кормилки и птенцы, по мѣрѣ ихъ рожденія (иногда ихъ число доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ), находятся между собой въ постоянныхъ сношеніяхъ, испытываютъ одни и тѣ же впечатлѣнія, любятъ и ненавидятъ одни и тѣ же предметы,—однимъ словомъ, жи-

вутъ какъ бы однимъ и тѣмъ же общимъ сознаніемъ. Нѣтъ ни одного индивида между членами этой коммуны, который не носилъ бы въ себѣ образа своихъ собратьевъ и своей общей матери, ни одного такого, въ которомъ этотъ образъ не былъ бы настолько преобладающимъ, чтобъ онъ не заставлялъ ради него совершенно забывать свое собственное индивидуальное *я* во всѣхъ случаяхъ жизни этого общества, будутъ ли это опасенія или желанія, мирное сотрудничество или защита, соединенная съ рискомъ потерять жизнь. Извѣстно, до какой степени пчелы, осы и муравьи пренебрегаютъ всякой усталостью и личной опасностью, какъ только дѣло начинаетъ касаться интересовъ общины и какъ, съ другой стороны, со смертью или исчезновеніемъ матери въ нихъ тотчасъ же пропадаетъ не только рабочая энергія, но даже самый интересъ къ жизни. Такимъ образомъ члены разсматриваемыхъ нами обществъ сливаются въ матери какъ бы въ одно существо, и это слѣдуетъ отнести къ существованію общихъ и одновременныхъ надеждъ, возлагаемыхъ ими на мать. Всѣ они, включая сюда и ее, живутъ одной жизнью и образуютъ одно и то же существо, одинъ цѣльный нравственный организмъ. Элементы, входящіе въ составъ этого организма, связаны между собой тѣснѣе, чѣмъ составные элементы индивидуальнаго организма (бластодема), потому что листья дерева, полипы полипняка, части животнаго, разъ отдѣленныя другъ отъ друга, уже не возвращаются и не соединяются вновь между собой; еще менѣе того они могутъ возобновить свое обращеніе соковъ, если оно было уничтожено, между тѣмъ какъ наиболѣе развитыя общественныя перепончатокрылыя умѣютъ не только слетаться послѣ случайнаго разсѣянія, но даже успѣваютъ возсоздавать мать, въ которой возраждается, по выраженію Реомюра, *душа улья*.

Нормальная продолжительность материнскихъ обществъ, въ составъ которыхъ входятъ рабочіе индивиды,—продолжительность, весьма значительная, если ее сравнить съ зародышами семейства, тамъ, гдѣ оплодотворенная самка остается одна,—ясно показываетъ, какіе успѣхи можетъ произвести время въ развитіи такой организаціи. Пріемныя матери или кормилки, благодаря собраннымъ запасамъ или какимъ-либо другимъ средствамъ коллективнаго труда, могутъ

переживать зиму; въ среднемъ, они живутъ отъ десяти до восемнадцати мѣсяцевъ, такъ что, родившись въ серединѣ лѣта, они на слѣдующую осень являются готовыми продолжать работы и поддерживать традиціи общины. Вслѣдствіе такого годоваго переживанія бо́льшаго или меньшаго числа работницъ, семейство не только поддерживается втеченіе многихъ послѣдовательныхъ материнствъ, но въ немъ за все это время даже сохраняются воспоминанія. Конечно, память не достигаетъ здѣсь такой сосредоточенности, какая замѣчается въ человѣчествѣ — всякое сравненіе подобнаго рода должно быть отброшено, потому что нельзя себѣ представить ничего менѣе научнаго, нежели сопоставленіе столь отдаленныхъ другъ отъ друга ступеней обширной лѣстницы живыхъ существъ. Но можно утверждать, что въ разсматриваемыхъ нами обществахъ существуютъ несомнѣнныя указанія на присутствіе сохраняющихся представленій и свѣдѣній, передаваемыхъ изъ года въ годъ черезъ длинный рядъ поколѣній насѣкомыхъ.

Мы приведемъ по этому поводу лишь одинъ примѣръ, заимствованный нами у Фогта (*Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ*) и относящійся къ муравьямъ, которые втеченіе многихъ лѣтъ проходили до 300 сажень черезъ нѣсколько людныхъ улицъ, направляясь къ погребу одного аптекаря, гдѣ стоялъ большой сосудъ съ сиропомъ, постоянно наполнявшійся къ извѣстному времени дня. Этотъ фактъ, къ которому можно было бы присоединить множество другихъ, подтверждаетъ не только продолжительность общества насѣкомыхъ, неподлежащую никакому сомнѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе извѣстной преемственности въ ихъ сознаніи, не смотря на періодическіе промежутки или перерывы въ ихъ жизни, обусловливаемые какъ смѣною дней и ночей, такъ и наступленіемъ зимъ *). Впрочемъ, вездѣ, гдѣ только встрѣчается сознаніе, его концентра-

*) Можно было бы возразить, что этотъ фактъ нельзя отнести къ актамъ памяти, такъ какъ населеніе муравейника ежегодно возобновляется. Но развѣ въ мозгу млекопитающаго клѣтки, получающія впечатлѣнія и совершающія актъ воспоминанія, также не замѣняются другими по прошествіи извѣстнаго времени?

ція и продолжительность находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу.

Единственную цѣль всѣхъ дѣйствій и представленій общественныхъ насѣкомыхъ составляетъ воспитаніе дѣтенышей; но если цѣль всегда одна и та же, то средства къ ея достиженію весьма разнообразны. Одной изъ первыхъ необходимостей является при этомъ постройка помѣщенія, которое могло бы служить защитой и убѣжищемъ; отсюда развитіе техники и своей особой архитектуры въ материнскихъ обществахъ насѣкомымъ. Явленія этого рода свойственны не однимъ только обществамъ. Нѣтъ ни одного живаго существа, какъ бы оно ни было одиноко, которое не умѣло бы устраивать себѣ какую-нибудь защиту или прикрытіе, необходимость которыхъ и служитъ первымъ толчкомъ къ развитію дальнѣйшаго искусства, если только начало его не находится въ устройствѣ самаго организма *). Мы уже не говоримъ о трубкожилыхъ кольчецахъ, раковинчатыхъ моллюскахъ, моллюскахъ-камнеточцахъ, прядущихъ гусеницахъ и, наконецъ, о паукахъ; но даже перепончатокрылыя необщественныхъ видовъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ насѣкомыхъ, представляютъ намъ примѣры весьма искуснаго пользованія окружающей матеріей. Однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ появленіемъ обществъ, имѣющихъ цѣлью воспитаніе, животная техника дѣлаетъ быстрые успѣхи и производитъ неожиданныя чудеса. Здѣсь мы видимъ, напр., рѣшительный отказъ отъ привычныхъ способовъ и замѣну ихъ совершенно новыми. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ матеріалъ и орудія для своей защиты большинство низшихъ животныхъ заимствовало изъ веществъ своего собственнаго тѣла. Защита (напр. коконы) была лишь продолженіемъ организма, изъ котораго она исходила, точно также какъ и орудіе — напр., тенета паука являлись какъ бы распространеніемъ животнаго, занимающаго его центръ. Напротивъ, если мы

---

*) „Заботы, которыя материнскій инстинктъ прилагаетъ къ развитію дѣтенышей, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи, различны по формѣ (но не по существу) образованія зародыша внутри организма матери“. Напримѣръ: двуутробки и пр. (Гартманъ. *Философія безсознательнаго* т. I, стр. 236).

взглянемъ на продукты общественной техники, то увидимъ, что они построены изъ матеріаловъ, такъ сказать, постороннихъ составнымъ веществамъ рабочаго и обработываемыхъ съ внѣшней стороны исключительно механическими средствами. Отсюда слѣдуетъ, что теперь живое тѣло уже не заинтересовано прямо въ сохраненіи своего произведенія, которое оно можетъ неограниченно измѣнять какъ относительно структуры и формы, такъ и относительно расположенія, исправлять, перестраивать, — короче, вмѣсто того, чтобы быть органомъ, оно стремится сдѣлаться орудіемъ. Таковъ неизбѣжный результатъ взаимной жизни, которая, будучи по своему существу переходящей и внося въ свой циклъ сообщеніе между многими отдѣльными существами, должна необходимо поднять значеніе внѣшней матеріи и организовать ее сообразно цѣлямъ общей жизни. Но должны ли мы смотрѣть на ея явленія, какъ на совершенно отличныя отъ физіологической жизни? Кажется, что нѣтъ, особенно если принять въ соображеніе незамѣтные переходы, соединяющіе безсознательную работу органа съ сознательной работой, которая направлена на созданіе какого-либо аппарата. Правда, восковые соты, гдѣ личинки пчелъ ожидаютъ своей ежедневной пищи, для каждаго отдѣльнаго индивида въ ульѣ составляютъ нѣчто внѣшнее, но для всего общества они имѣютъ внутреннее значеніе, такъ какъ улей выражаетъ собой общее сознаніе и коллективную личность. Общая функція въ нѣкоторомъ родѣ есть душа улья, а общій аппаратъ — его тѣло, или послѣдній—матеріальное воплощеніе первой, ибо аппаратъ даетъ такое же вѣрное понятіе о функціи, какъ и органъ. Можно идти еще далѣе и сказать, что аппаратъ есть органъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ функція, которой онъ предназначенъ служить, будучи жизненной функціей для общины, претерпѣваетъ всѣ измѣненія и пользуется всѣми выгодами, какія могутъ дать ему обстоятельства. Прирученіе маскируетъ эту истину относительно пчелъ. Но ее легко повѣрить на воспитательномъ аппаратѣ муравьевъ. Въ сущности животная техника (industrie) есть ничто иное, какъ выработка соціальнаго организма, и какъ всякій организмъ, она представляетъ собой точное выраженіе функціи: она есть видимый ея образъ. Съ

этой точки зрѣнія, искусство въ животномъ царствѣ кажется намъ какъ бы расширеніемъ жизни, причемъ и то, и другое должно управляться одними и тѣми же законами. Единственная существенная разница между ихъ произведеніями заключается въ томъ, что произведенія одного составляютъ продукты болѣе или менѣе сознательнаго разума, тогда какъ произведенія другаго являются продуктомъ безсознательной силы, хотя въ немъ, безъ сомнѣнія, есть еще нѣкоторая доля осмысленности. Вотъ примѣръ этой разницы: такіе органы, какъ раковина моллюска, трубка червя Serpula, или покровъ насѣкомаго, состоятъ изъ матеріальныхъ элементовъ, число и группировка которыхъ неопредѣленны или, вѣрнѣе, неопредѣлимы (это и заставило Лейбница сказать, что вся живая матерія облекаетъ безконечное сущее); что же касается аппарата или орудія, то они составлены изъ частей въ опредѣленномъ числѣ, причемъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ можетъ проявляться въ болѣе ограниченныхъ формахъ. Разница эта впрочемъ постепенно исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ микроскопъ въ соединеніи съ анализомъ (calcul) открываетъ намъ тайны самаго тончайшаго органическаго строенія.

Разсмотримъ теперь одно за другимъ общества, относительно которыхъ нами были сдѣланы предыдущія общія разсужденія; мы сдѣлаемъ это возможно короче, такъ какъ наша цѣль состоитъ скорѣе въ истолкованіи фактовъ, чѣмъ въ ихъ сообщеніи, и потому для насъ будетъ достаточно мимоходомъ обратить вниманіе читателя на тѣ изъ нихъ, которые всего лучше уясняютъ теорію.

Трудно опредѣлить іерархическія ступени обществъ перепончатокрылыхъ по отношенію другъ къ другу; они не представляютъ одного линейнаго ряда, но нѣсколько расходящихся рядовъ, обладающихъ особенностями, которыя не легко поддаются сравненію. Прежде всего мы встрѣчаемся съ цвѣтоносами, живущими одинъ около другаго безъ всякихъ однако сношеній между собой. Затѣмъ идутъ Andrenid'ы (роды Halictus и Panurgus), которыя встрѣчаются то въ одиночку, то по 8—10 въ одномъ и томъ же гнѣздѣ съ однимъ входомъ. Хорошенько впрочемъ неизвѣстно, входъ ли только у нихъ общій, или также и гнѣздо

и сообща ли оно устраивается, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что ихъ помѣщенія бываютъ смежны, причемъ легко попасть изъ одного въ другое. Самый родъ жизни насѣкомыхъ таковъ, что между ними возникаютъ несогласія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Непосредственно за Andrenid'ами слѣдуютъ виды съ рабочими (les espèces à neutres), которыя, для установленія между фактами теоретической связи, можно считать состоящими изъ самокъ, устраивающихъ общія гнѣзда и имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ атрофированные половые органы*), но сохранившихъ при этомъ свои прежнія способности строителей и кормилокъ. Отсюда начинаютъ расходиться два ряда—пчелъ и осъ. Послѣдній изъ нихъ, въ общемъ, кажется, стоитъ ниже перваго, такъ какъ раздѣленіе труда у него идетъ менѣе далеко, и его общества въ Европѣ менѣе долговѣчны,—они выживаютъ только одинъ годъ. Взамѣнъ этого, гнѣзда его имѣютъ болѣе сложную архитектуру, хотя напр. мелипоны, принадлежащія къ пчеламъ, также подвѣшиваютъ свои гнѣзда къ деревьямъ и окружаютъ ихъ покрышкой. Какъ бы то ни было, начнемъ съ осъ. Общества французскихъ осъ (Polistes) строятъ гнѣзда безъ покрышки, состоятъ изъ небольшаго числа работниковъ (отъ 15 до 20) и выживаютъ только годъ. Приготовляемый ими медъ негоденъ къ употребленію. При постройкѣ своего гнѣзда, они не ограничиваются одной формой блюдецъ, которыя нерѣдко можно видѣть прикрѣпленными къ растеніямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ это замѣтилъ Руже въ Дижонѣ**), гнѣздятся въ трещинахъ лавы, на крышахъ монастырскихъ стѣнъ и т. д., выискивая такимъ образомъ для себя болѣе вѣрныя и теплыя помѣщенія, гдѣ къ тому же онѣ собираются въ большомъ количествѣ и выказываютъ большую дѣятельность; другія, наблюдавшіяся Руже также въ Дижонѣ, пошли еще далѣе: онѣ вздумали воспользоваться для своего гнѣзда старыми бокалами и кофейниками,

*) Эта атрофія могла произойти частью отъ рѣдкости самцовъ, частью же отъ невозможности выкармливать потомство отъ такого количества оплодотворенныхъ самокъ.

**) *Mémoires de l' Académie de Dijon*, 1872 - 73, Coléoptères parasites des Vespides.

которые валялись между разнымъ хламомъ въ кучахъ сора—совершенно мѣстное видоизмѣненіе инстинкта, не наблюдавшееся натуралистами. Отсюда мы естественно переходимъ къ осамъ, устраивающимъ свое гнѣздо въ землѣ и выстилающимъ его мохомъ—одни постоянно (оса обыкновенная), другія только по временамъ (оса шершневидная и оса лѣсная). Нѣкоторыя изъ осъ привѣшиваютъ его то къ деревьямъ, то къ краямъ крышъ, обезпечивая его отъ случайностей слоемъ бумаговиднаго вещества. Нѣкоторыя французскія осы строятъ гнѣзда въ два яруса; большая часть осъ поступаетъ такъ же, но связывая соты подпорками (новое усложненіе), которыя служатъ для ихъ укрѣпленія. Внѣшняя оболочка земляныхъ гнѣздъ, сначала простая, дѣлается все болѣе и болѣе сложной по мѣрѣ роста колоніи и составляется изъ многихъ слоевъ. Особенно далеко проводится раздѣленіе занятій въ обществахъ шершневидныхъ осъ, гдѣ мы замѣчаемъ въ первый разъ индивидовъ, исключительно занятыхъ охраненіемъ общественной безопасности. Гнѣздо оберегается *часовыми*, которые стоятъ у входа и немедленно даютъ знать объ опасности, причемъ вся община приходитъ въ ярость и бросается жалить нарушителя ихъ спокойствія. Фактъ этотъ намъ придется наблюдать впослѣдствіи во всѣхъ организованныхъ обществахъ. Остановимся передъ нимъ на минуту и бросимъ также бѣглый взглядъ на другія особенности, представляемыя нравами осъ.

Прежде всего является вопросъ: какимъ образомъ часовые могутъ предупреждать своихъ товарищей о присутствіи врага? Не обладаютъ ли они настолько точнымъ языкомъ, чтобъ сообщать другъ другу свои наблюденія? Замѣчено, что осы не пользуются сяжками для передачи своихъ впечатлѣній, какъ это въ совершенствѣ практикуется муравьями. Но въ данномъ случаѣ всякій точный языкъ, какъ легко видѣть, совершенно для нихъ безполезенъ. Для объясненія факта, достаточно понять, какимъ образомъ движеніе тревоги и гнѣва передается отъ одного индивида къ другому. Каждый членъ колоніи, возбуждаемый внезапно этимъ быстрымъ впечатлѣніемъ, устремляется вонъ изъ гнѣзда и увлекается общимъ потокомъ. Онъ бросается на перваго встрѣчнаго, въ особенности если тотъ убѣгаетъ. Всѣ животныя увлекаются видомъ движенія. Остается только ска-

зать, какъ ажитація сообщается всей массѣ. Она сообщается ей вслѣдствіе одного только вида того или другаго разъяреннаго насѣкомаго; въ области интеллектуальной жизни существуетъ законъ, въ силу котораго представленіе возбужденнаго состоянія вызываетъ такое же состояніе и въ свидѣтелѣ душевнаго аффекта. На низшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы, гдѣ умственный элементъ отсутствуетъ, для полученія общихъ сочувственныхъ движеній необходимо, чтобъ внѣшнія обстоятельства дѣйствовали одновременно на каждаго отдѣльнаго индивида; но какъ только для животнаго становится возможнымъ представленіе, достаточно чтобъ этимъ обстоятельствомъ было задѣто одно изъ нихъ и всѣ тотчасъ же придутъ въ общее возбужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, встревоженное насѣкомое проявляетъ весьма энергично свое душевное состояніе; оса, напримѣръ, жужжитъ при этомъ особымъ образомъ, который выражаетъ у нея гнѣвъ и безпокойство; другія осы слышатъ ее и представляютъ себѣ этотъ звукъ но онѣ не въ состояніи вызвать въ себѣ представленія безъ того, чтобъ производящія его нервныя волокна не были при этомъ болѣе или менѣе возбуждены. У высшихъ животныхъ наблюдается одно изъ весьма интересныхъ психологическихъ явленій, а именно всякое представленіе акта влечетъ за собой начало выполненія этого послѣдняго; коза, которой показываютъ сахаръ, или собака, приманиваемая кускомъ мяса, облизываются, причемъ у нихъ является такое отдѣленіе слюны, какъ будто бы приманка уже находилась во рту животнаго. Ребенокъ и дикарь сопровождаютъ свой разсказъ оживленной мимикой. Шеврель показалъ, что въ состояніи полнаго покоя достаточно одного представленія о возможномъ движеніи напр. руки, чтобъ взрослый человѣкъ, ученый, однимъ словомъ—субъектъ, привыкшій къ сдержанности, началъ совершать это движеніе даже безъ своего вѣдома. Мы мыслимъ не однимъ только мозгомъ, но всей нашей нервной системой и представленіе, охватывая разомъ органы, соотвѣтствующіе опредѣленному ощущенію, вызываетъ въ нихъ неизбѣжно тѣ или другія координированныя движенія, проявленіе которыхъ можетъ быть задержано только энергическимъ волевымъ противодѣйствіемъ. Чѣмъ слабѣе концентрація мысли, тѣмъ неудержимѣе эти движенія слѣдуютъ своему отраженному теченію. Наши осы, видя

одну изъ своихъ товарокъ входящей въ гнѣздо и затѣмъ быстро устремляющейся вонъ, будутъ поэтому сами увлекаться за нею изъ гнѣзда, а на произведенный ею шумъ отвѣтятъ вторящимъ ей жужжаньемъ. Отсюда общая ажитація всѣхъ членовъ общества. Ажитація эта не остается однимъ наружнымъ выраженіемъ гнѣва, но сопровождается соотвѣтственными дѣйствіями, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются простой, чисто фиктивной демонстраціей. Точно также человѣкъ, дѣйствующій шпагой во время фехтованія, увлекается процессомъ движеній и начинаетъ испытывать почти такія же чувства, какія охватываютъ его въ настоящей борьбѣ; такимъ же образомъ магнитизируемый субъектъ проходитъ черезъ всѣ душевныя состоянія, отвѣчающія позамъ, которыя его заставляютъ принимать,—то возвышаясь духомъ, когда его выпрямляютъ, то впадая въ угнетеніе, когда его садятъ на корточки. То же самое и съ животными—они быстро воспринимаютъ душевныя движенія, соотвѣтствующія тѣмъ или другимъ производимымъ ими внѣшнимъ знакамъ. Такъ, обезьяна, кошка, собака, подражая въ своихъ играхъ дракѣ и борьбѣ, скоро приходятъ въ настоящую ярость — до такой степени тѣсна связь между движеніями и позами, выражающими извѣстное состояніе души и самымъ наступленіемъ этого состоянія, такъ легко вытекаютъ одна изъ другой эти двѣ половины одного и того же явленія. Итакъ, осы, предупрежденныя своимъ часовымъ, почти въ одно мгновеніе не только приходятъ въ ажитацію и начинаютъ жужжать, но впадаютъ въ настоящую ярость.

Я прибавлю, что этотъ гнѣвъ будетъ возрастать вмѣстѣ съ ихъ числомъ. Дѣйствіе массы на живыя существа весьма любопытно. Теперь уже извѣстно, что уединенный человѣкъ не можетъ ни чувствовать, ни мыслить такъ, какъ чуствуетъ и мыслитъ тотъ же человѣкъ, находящійся въ толпѣ; поэтому совершенно вѣрно замѣчаніе одного извѣстнаго критика, который говоритъ, что въ театрѣ одно уже скопленіе массы зрителей дѣлаетъ ихъ совершенно иными, чѣмъ каждый изъ нихъ бываетъ въ отдѣльности. Посмотримъ же, что́ происходитъ въ собраніи, передъ которымъ говоритъ ораторъ. Допустимъ, что испытываемое имъ душевное движеніе можетъ быть представлено цифрою 10 и что при первыхъ его словахъ, при

первомъ порывѣ его краснорѣчія, онъ сообщаетъ лишь половину своего движенія каждому изъ находящихся въ залѣ 300 слушателей, которые въ свою очередь реагируютъ на него апплодисментами или усиленнымъ вниманіемъ; затѣмъ въ самыхъ позахъ слушателей сказывается извѣстный родъ напряженія и совокупность всѣхъ этихъ явленій, внезапно дѣйствуя на умы, производитъ въ собраніи то, что принято называть ажитаціей, сенсаціей, движеніемъ. Это движеніе будетъ чувствоваться всѣми заразъ, потому что слушатель не менѣе занятъ аудиторіей, чѣмъ ораторомъ, и его воображеніе поражается зрѣлищемъ этихъ трехсотъ человѣкъ, испытывающихъ волненіе, — зрѣлищемъ, которое не можетъ не производить въ немъ, въ силу только что указаннаго нами закона, новаго отраженнаго движенія. Предположимъ, что онъ воспринимаетъ только половину этого движенія и посмотримъ, какой при этомъ получается результатъ. Теперь чувствуемая имъ ажитація выразится уже не 5-ю, а половиной 5, умноженной на 300, т. е. 750-ю. Если приложить тотъ же законъ къ стоящему и говорящему среди этой безмолвной толпы оратору, то его внутренній подъемъ выразится уже не цифрой 750, а произведеніемъ $300 \times \frac{750}{2}$, такъ какъ онъ является фокусомъ, куда эта глубоко взволнованная толпа изливаетъ всѣ сообщенныя ей впечатлѣнія. Этотъ-то наплывъ отраженныхъ душевныхъ движеній и бываетъ причиной того, что начинающіе, еще, такъ сказать, необстрѣленные ораторы останавливаются на первомъ же приступѣ единственно вслѣдствіе успѣха своихъ словъ: дѣйствіе, произведенное ими на слушателей, возвращается къ нимъ до такой степени возросшимъ, что они какъ будто подавляются имъ. Но когда ораторъ успѣетъ наконецъ побѣдить свое волненіе и овладѣть собою, дальнѣйшее его дѣйствіе на толпу будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ перекрестныхъ электрическихъ ударовъ, причемъ, понятно, какъ онъ, такъ и его аудиторія на нѣсколько мгновеній должны необходимо выйти далеко за предѣлъ ихъ обычнаго ровнаго настроенія.

То, что мы наблюдали сейчасъ въ человѣческой толпѣ, происходитъ непремѣнно и во всякомъ собраніи какихъ бы то ни было

чувствующихъ существъ: здѣсь не только движеніе одного сообщается всѣмъ, но и сила его возрастаетъ вмѣстѣ съ величиной собранія. Необходимо однако замѣтить, что такое живое сообщеніе душевныхъ движеній отъ всѣхъ къ одному, принимающее характеръ органической концентраціи, встрѣчается лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно воздѣйствіе происходитъ безпорядочно, такъ что бо́льшая часть движеній, не будучи видима всѣми, остается безъ отзвука. Въ этихъ обыденныхъ и наиболѣе частыхъ случаяхъ сила ажитаціи уже не бываетъ прямо пропорціональной величинѣ собранія, и возрастаніе возбужденія происходитъ несравненно медленнѣе. Тѣмъ не менѣе общій законъ остается въ своей силѣ, блестящимъ подтвердеціемъ чего могутъ служить наблюденія А. Фореля. «Отвага каждаго муравья, пишетъ онъ (стр. 249), возрастаетъ въ прямомъ отношеніи съ числомъ его товарищей и уменьшается въ такой же пропорціи съ его отдаленіемъ отъ нихъ. Всякій обитатель большаго муравейника значительно смѣлѣе своего совершенно такого же собрата изъ маленькаго муравейника. Всякій муравей пойдетъ десять разъ на смерть, если онъ окруженъ товарищами и, напротивъ, будетъ выказывать чрезвычайную робость, избѣгая малѣйшей опасности даже передъ самымъ слабымъ противникомъ, если онъ находится въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ своего гнѣзда». Этимъ же самымъ объясняются и факты, разсказываемые Руже по поводу осъ. Чѣмъ болѣе были многочисленны ихъ гнѣзда, тѣмъ ожесточеннѣе онъ ихъ находилъ. На основаніи всего предыдущаго, не трудно понять, почему часовые могутъ такъ скоро не только приводитъ все общество въ ажитацію, но и доводить его до той ярости, въ какой находятся сами, и какимъ образомъ въ нѣсколько мгновеній ярость всѣхъ этихъ животныхъ какъ бы по сигналу, можетъ принимать ужасающіе размѣры.

Но остается еще знать, какъ выдѣлились изъ общества эти часовые, какъ они пріобрѣли отправляемыя ими функціи? Мы видимъ здѣсь замѣчательное раздѣленіе занятій. Откуда оно произошло и и гдѣ вообще начало тѣхъ дифференцировокъ, которыя до сихъ поръ дѣйствуютъ въ организаціи материнскихъ обществъ? Весьма вѣроятно, что всѣ они самопроизвольны, такъ какъ отъ матери къ работ-

никамъ не передается никакихъ распоряженій. Каждый изъ нихъ поступаетъ такъ, какъ ему кажется наиболѣе полезнымъ для общества и болѣе пріятнымъ для самаго себя. Исходный пунктъ сотрудничества заключается въ безусловной инициативѣ каждаго отдѣльнаго индивида. Здѣсь представляется намъ наиболѣе отчетливое дѣйствіе закона, о которомъ мы говорили между прочимъ, разсматривая образованіе колоній асцидій. Все общество составляется путемъ эпигенезиса, т. е. черезъ послѣдовательное появленіе и самопроизвольное присоединеніе каждой изъ его частей. Мать въ настоящемъ случаѣ только производитъ матеріальные элементы общества и лишь впослѣдстіи эти послѣдніе дифференцируются такимъ образомъ, что производятъ организмъ. Итакъ, общество всегда есть продуктъ своей собственной дѣятельности: оно образуется само-собой и само изъ себя выдѣляетъ энергію, способствующую его образованію; всякій вообще организмъ слѣдуетъ тому же самому закону.

Въ нашихъ странахъ общества осъ живутъ только одинъ годъ. Однако Бланшаръ увѣряетъ, что большія гнѣзда не пустѣютъ даже во время зимы *), а Лакордеръ наблюдалъ въ Кайеннѣ общества, сохранявшіяся по нѣскольку лѣтъ, откуда можно видѣть, что если у насъ останавливается ихъ развитіе, то причина этого лежитъ не въ недостаткахъ ихъ строенія, а въ суровомъ холодѣ нашихъ зимъ. Гнѣзда этихъ экзотическихъ осъ свидѣтельствуютъ также о гораздо болѣе высокомъ состояніи ихъ техники, которое соотвѣтствуетъ бо́льшей продолжительности ихъ существованія. Общая организація осъ позволяетъ имъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигать того же общественнаго развитія, какое мы видимъ у пчелъ. Въ самомъ дѣлѣ, она основана на весьма высокомъ началѣ, а именно на передачѣ общей функціи одному индивиду. Во всемъ гнѣздѣ сохраняетъ плодовитость только одна оса; всѣ же другія, число которыхъ доходитъ до 20—25 тысячъ утилизируютъ ея дѣятельностъ въ свою пользу, такъ что она является видимымъ центромъ цѣлаго общества. Мы видѣли, что подобная передача существенной функціи составляетъ необходимое условіе всякаго соціальнаго про-

*) Руже рѣшительно отрицаетъ возможность этого.

гресса. Мать олицетворяетъ собой коллективную личность, образуемую сотрудничествомъ этихъ тысячь индивидовъ. «Если, говоритъ Руже, матка будетъ убита или случайно погибнетъ, колонія начнетъ быстро уменьшаться, и обитатели гнѣзда, утративъ вслѣдствіе этой потери бо́льшую часть своей энергіи, разсѣяваются нѣсколько времени спустя послѣ вскрытія послѣднихъ куколокъ, заключенныхъ въ ячейкахъ (То же сочин., стр. 180).

Шмели, мелипоны и пчелы представляютъ три прогрессивныхъ фазы одного и того же соціальнаго плана. Шмели приближаются по несовершенству своей организаціи къ низшимъ осамъ, которыя гнѣздятся въ небольшомъ числѣ, отличаются весьма дурной техникой и выживаютъ непродолжительное время. Число шмелей въ гнѣздѣ точно также въ среднемъ едва превосходитъ 200 особей, которыя строятъ себѣ отдѣльныя помѣщенія или безпорядочно ихъ скучиваютъ вмѣстѣ и въ концѣ года погибаютъ всѣ, за исключеніемъ оплодотворенныхъ самокъ. Пчелы имѣютъ вообще ту же соціальную организацію, какъ и осы, но вслѣдствіе перечисляемыхъ нами ниже особенностей имъ слѣдуетъ отвести высшее мѣсто въ нашей классификаціи.

1) Во-первыхъ, у пчелъ замѣчается болѣе высшая степень раздѣленія труда, какой осы не представляютъ ни одного примѣра, по крайней мѣрѣ на это не имѣется никакихъ указаній въ самыхъ подробныхъ изслѣдованіяхъ объ ихъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ пчелиномъ ульѣ мы видимъ не только часовыхъ, оберегающихъ входъ въ коммунальное помѣщеніе (Huber, томъ II, стр. 413), но еще подраздѣленіе работницъ на два класса—восковщицъ (cirières) и кормилицъ, изъ которыхъ первые занимаются спеціально постройкой сотовъ, а вторыя—воспитаніемъ дѣтвы. Пока еще достовѣрно неизвѣстно, какъ пчелы, принадлежащія къ этимъ группамъ, исполняютъ указанные нами два рода работъ—послѣдовательно-ли, причемъ одна и та же пчела, будучи сначала кормилицей, дѣлается потомъ строительницей, или же оба эти класса остаются всю свою жизнь при одномъ и томъ же, разъ избранномъ, родѣ занятій. Первая изъ этихъ гипотезъ можетъ быть принята лишь подъ весьма большимъ сомнѣніемъ.

2) Во-вторыхъ, матка въ ульѣ сначала бываетъ не одна, и чтобъ остаться въ немъ одной, должна восторжествовать надъ своими соперницами, а это можетъ послѣдовать не иначе, какъ при содѣйствіи извѣстнаго выбора. Наибольшіе шансы на побѣду имѣетъ, конечно, та изъ самокъ, которая сильнѣе, искуснѣе и старше своихъ остальныхъ соперницъ. Этотъ фактъ представляетъ собой еще одно изъ доказательствъ самопроизвольнаго характера всякой организаціи. Мы не видимъ еще никакой центральной власти, которая требовала бы этой битвы для общей пользы. Самки подчиняются сами этой послѣдней, хотя и побуждаемыя къ тому ревностью, т. е. чисто личнымъ мотивомъ (Huber, т. I, стр. 168). Тутъ ими руководитъ почти сознательно ихъ частный интересъ и вполнѣ безсознательно интересы общества. Точно также самопроизвольно исполняютъ всѣ свои отправленія и работницы. Онѣ не только не получаютъ приказаній отъ такъ называемыхъ царицъ, но даже оказываютъ на нихъ нѣчто вродѣ давленія, когда онѣ, напр., не выказываютъ надлежащей рѣшительности въ борьбѣ, или проявляютъ желаніе заморить куколки, изъ которыхъ должны скоро вылупиться личинки. Вездѣ проявляется иниціатива работницъ, начиная отъ выбора мѣста для склада запасовъ, постройки ячеекъ, воспитанія личинокъ, умерщвленія самцовъ и до установленія времени, когда молодыя плодовитыя самки могутъ выходить изъ ихъ ячеекъ. Вотъ единственное въ своемъ родѣ государство, гдѣ нѣтъ и тѣни правительства. Материнская любовь, одинаково сильная у всѣхъ работницъ, и личный интересъ— таковы мотивы (изъ которыхъ второй подчиняется первому), гармонически движущіе этимъ обществомъ и направляющіе его по извѣстному пути безъ малѣйшихъ противорѣчій со стороны многихъ тысячъ его членовъ.

Изъ предыдущихъ замѣчаній можно вывести два слѣдствія: a) поднимаясь по лѣстницѣ животныхъ обществъ, мы замѣчаемъ, что соціальная гармонія все болѣе и болѣе устанавливается путемъ самопроизвольной кооперации индивидовъ, такъ что коллективный организмъ тратитъ на это наибольшую часть своей дѣятельности; b)

Для того, чтобы быть прочной, такая кооперація не нуждается въ преднамѣренныхъ стремленіяхъ, потому что это не единственный случай, гдѣ коллективное благосостояніе обезпечивается усиліями, идущими если не противъ, то по меньшей мѣрѣ внѣ общихъ интересовъ.

3) Многочисленныя наблюденія показали, что разумъ (l'intelligence) играетъ значительную роль въ соціальной организаціи пчелъ. Идеи или, быть можетъ, лучше — представленія являются пружинами всѣхъ тѣхъ согласованныхъ движеній, изъ которыхъ слагается жизнь улья. Прежде всего извѣстно, что работницы хорошо знаютъ другъ друга. Какъ-то случилось, что въ ульѣ, наблюдавшемся Губеромъ, родилось нѣсколько работницъ чернаго цвѣта, непривычнаго для его обитателей, и всѣ онѣ тотчасъ же были умерщвлены, а тѣла выброшены вонъ. Затѣмъ, онѣ отлично знаютъ свою матку. Если она будетъ замѣнена другою, то онѣ отказываютъ ей въ какомъ бы то ни было содѣйствіи и душатъ ее подъ тяжестью своей массы. Пчелы не только знаютъ свою матку, но какъ бы постоянно чувствуютъ ея присутствіе, такъ что, если ее похитить, то не пройдетъ и часа, какъ весь улей придетъ въ броженіе. Объясняется это весьма просто: обыкновенно матка посредствомъ своихъ усиковъ находится въ постоянномъ сообщеніи съ большимъ числомъ работницъ, которыя, въ свою очередь, успокоительными прикосновеніями передаютъ о ея присутствіи болѣе отдаленнымъ обитателямъ улья. Все общество такимъ образомъ отъ времени до времени какъ бы ощущаетъ въ маткѣ свое единство; но разъ такое сообщеніе прекратилось, разъ источникъ его исчезъ, никакая другая самка не поправитъ дѣла: находись эта самка въ самомъ центрѣ улья, будь она окружена со всѣхъ сторонъ пчелами, но если прикосновенія ея усиковъ незнакомы и непонятны работницамъ, волненіе быстро распространяется между ними. Такого рода сообщеніе впрочемъ не единственная связь, соединяющая съ ними матку. Въ извѣстные моменты она издаетъ особаго рода пѣвучіе звуки, причемъ работницы тотчасъ же останавливаются и остаются нѣкоторое время неподвижными,

какъ бы пораженныя оцѣпенѣніемъ. Это—знакъ, соединенный съ предстоящимъ измѣненіемъ въ составѣ общества, знакъ, что матка, начавши нести яйца, изъ которыхъ должны вылупиться трутни, объявляетъ о своемъ скоромъ выходѣ изъ улья, причмъ работницы тотчасъ же приступаютъ къ расширенію нѣсколькихъ ячеекъ, чтобы вывести въ нихъ самокъ, которыя должны замѣнить старую матку. Наконецъ, такіе же знаки предшествуютъ и отдѣленію роя, послѣ того какъ старая матка, въ видѣ предупрежденія, обѣгаетъ улей по всѣмъ его закоулкамъ. Итакъ, узы, соединяющія между собой различныхъ членовъ этого семейнаго общества, основываются на ихъ взаимномъ знаніи другъ друга и общихъ надеждахъ; хотя матка представляетъ собой какъ бы символъ коллективнаго единства и общественная функція находитъ въ ней свое олицетвореніе, тѣмъ не менѣе цѣлый улей образуетъ нравственный организмъ съ настоящимъ сознаніемъ, гдѣ мать является лишь преобладающей частью, «направляющей идеей».

4) Значительная роль, принадлежащая сознанію въ общественномъ строѣ пчелъ, дѣлаетъ улей самымъ гибкимъ и въ то же время самымъ стойкимъ изъ всѣхъ организмовъ, какіе намъ приходилось разсматривать до сихъ поръ. Едва только уничтожается его существеннѣйшій органъ, какъ тотчасъ же принимаются мѣры къ его замѣщенію, и если есть надежда на успѣхъ, улей можетъ оставаться спокойнымъ цѣлыхъ 15 дней, въ ожиданіи вылупленія самокъ изъ «царскихъ» куколокъ. Жизнь разсматриваемаго нами организма подчиняется идеѣ, представленію будущаго. Какой бы чисто физіологическій организмъ былъ способенъ отложить исполненіе самой существенной изъ своихъ функцій на такое продолжительное время? Благодаря именно подобнымъ рессурсамъ, общества пчелъ даже въ нашихъ странахъ живутъ почти неопредѣленное время, тогда какъ гнѣзда осъ являются однолѣтками. Роеніе зависитъ также отъ этой способности возрожденія (reviviscence) и обезпечиваетъ виду благопріятные шансы въ борьбѣ за существованіе. Извѣстно, что общества осъ неспособны къ роенію. Вообще, по отношенію къ этимъ

послѣднимъ, общества пчелъ обладаютъ болѣе концентрированной и болѣе дифференцированной соціальной организаціей, а слѣдовательно, и болѣе индивидуальной. Муравьи представляютъ весьма отличный общественный типъ, хотя и принадлежащій къ той же группѣ. Разсмотримъ его вкратцѣ.

Главное различіе между муравейникомъ и ульемъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ изъ нихъ никогда не бываетъ болѣе одной оплодотворяемой самки или матки, кладущей яйца, тогда какъ въ первомъ ихъ часто бываетъ нѣсколько. Самцы остаются безучастными къ работамъ общества, а существами средней категоріи здѣсь являются безплодныя самки. По отношенію къ этимъ послѣднимъ число плодовитыхъ самокъ крайне незначительно. Работницы здѣсь играютъ первенствующую роль—онѣ составляютъ интеллигентную и дѣятельную часть общества. Если вѣрить Форелю, то самки принимаютъ въ основаніи колоніи далеко не такое активное участіе, какъ это вообще имъ приписывали. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно полагаютъ, что онѣ останавливаются въ подходящемъ мѣстѣ, обрываютъ себѣ крылья, кладутъ основаніе гнѣзду, несутъ тутъ яйца и сами заботятся о своемъ потомствѣ. По свидѣтельству же Фореля, извѣстнаго точностью наблюденій, самка муравья была бы неспособна управиться одна съ выкормкой и воспитаніемъ личинокъ; правда, она успѣваетъ вырыть маленькую галлерею для кладки яйцъ, но она не можетъ идти далѣе и совсѣмъ не оставляетъ потомства. Одно животное не въ состояніи выполнить тѣхъ сложныхъ и одновременныхъ работъ, которыя необходимы для воспитанія извѣстнаго числа личинокъ (Форель, то же соч., стр. 253).

Итакъ, все будущее и самое начало муравейника зависитъ отъ работницъ; хотя плодородныя самки иногда и присоединяются къ ихъ работамъ, но главная основа всей общины заключается въ самкахъ безплодныхъ — безъ ихъ поддержки муравейникъ неминуемо долженъ былъ бы погибнуть. Выражаясь языкомъ Руссо, можно сказать, что здѣсь къ «природѣ» присоединяется нѣкоторое искусство. Воспроизводительная функція подчиняется отношеніямъ взаимной жизни. Умственная дѣятельность все

болѣе и болѣе становится цѣлью, а физіологическое отправленіе—средствомъ.

Но если существованіе нѣсколькихъ матокъ не ставитъ муравейника въ соціальномъ отношеніи ниже улья, то спрашивается, можно ли придавать этой сторонѣ его жизни настолько важное значеніе, чтобъ общества, въ которыхъ она проявляется, относить къ категоріи государствъ *). Нѣмецкій натуралистъ Іегеръ, почти такъ же, какъ и мы, дѣлитъ постоянныя группы живыхъ существъ на три разряда. Коллективный индивидъ, состоящій изъ непрерывныхъ анатомическихъ элементовъ, который у насъ является подъ именемъ бластодемы, онъ навываетъ, по номенклатурѣ Геккеля, *біонтомъ* и затѣмъ, подобно намъ, видитъ въ семействѣ коллективную индивидуальность втораго порядка, составленную изъ біонтовъ; затѣмъ, смотря по степени концентраціи семьи, онъ дѣлитъ ее на семейство безъ главенства и семейство съ главенствомъ (famille céphalée). Наконецъ, коллективная индивидуальность третьяго порядка, *образованная изъ семействъ*, составляетъ государство. Она характеризуется раздѣленіемъ занятій, часто настолько высокимъ, что это послѣднее влечетъ за собой морфологическія различія въ составляющихъ ее индивидахъ: мы видимъ тамъ существованіе какъ бы особыхъ *ремеслъ*. По мнѣнію Іегера, общества пчелъ и муравьевъ представляютъ собой настоящія государства. Мы, однако, не можемъ согласиться съ этимъ. Улей, очевидно, составляетъ лишь одно семейство, такъ какъ въ немъ одна мать. Что касается до муравейниковъ, то хотя тамъ и нѣсколько матерей и хотя черезъ это существенный типъ семейства долженъ необходимо измѣниться (такъ напр., яйца различныхъ матерей и выходящія изъ нихъ личинки охраняются и воспитываются безразлично всѣми безплодными самками; между плодородными самками и самцами нѣтъ постояннаго брачнаго союза; наконецъ, въ большинствѣ семейныхъ об-

*) Girard. *Métamorphoses*, стр. 174: «У насъ существуетъ какая-то манія снабжать животныхъ нашими формами правленія. Улей не есть ни монархія, ни республика, а сообщество трехъ родовъ индивидовъ, приспособленныхъ къ *воспроизведенію* и притомъ такъ, что все ихъ существованіе, вся ихъ жизнь непрерывно содѣйствуютъ этой цѣли съ самой замѣчательной гармоніей.

ществъ, существуютъ столь же значительныя морфологическія различія между самцомъ и самкой, какъ между «средними» рабочими индивидами и особями, обладающими поломъ), однако мы не можемъ признать въ нихъ политическихъ обществъ. Они образуютъ собой громадное по размѣрамъ, но все-таки одно семейство и, слѣдовательно, не достигаютъ, по самому опредѣленію Іегера, третьей ступени соціальнаго развитія. Иначе пришлось бы отнести къ государствамъ всѣ постоянныя группы, гдѣ встрѣчается болѣе одной самки, что̀ очевидно противорѣчитъ прочно установившимся на этотъ счетъ выраженіямъ и понятіямъ.

Форель нашелъ на Симплонѣ подъ камнемъ до полусотни тѣсно скученныхъ плодовитыхъ самокъ рыжаго муравья а въ Тессинѣ — гнѣздо бурыхъ муравьевъ, половина котораго состояла изъ безкрылыхъ самокъ и только другая половина изъ работницъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ двухъ фактахъ первообразъ того, что̀ происходило въ отдаленныя времена, когда въ многочисленной группѣ самокъ, съ постепенно развивавшимся и устанавливавшимся раздѣленіемъ труда, однѣ изъ нихъ сохраняли воспроизводительную способность, а другія теряли ее съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться болѣе способными на воспитательномъ поприщѣ? Мы не рѣшимся отвѣчать на это утвердительно. Только послѣдующія наблюденія надъ фактами того же рода могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на столь темный генетическій вопросъ. Какъ бы то ни было, если раздѣленіе материнскихъ обязанностей между нѣсколькими индивидами, повидимому, ставитъ муравейникъ ниже улья относительно органической концентраціи общества, то муравьи, взамѣнъ того, имѣютъ громадное преимущество надъ пчелами во всемъ, что касается гибкости соціальной организаціи, разнообразія работъ и энергіи ихъ сотрудничества. Ихъ превосходство всего рѣшительнѣе доказывается на фактахъ. Въ Америкѣ, по свидѣтельству Бэтса, муравьи Ecitonae *), часто нападаютъ на гнѣзда осъ, имѣющихъ такую же организацію, какъ и у пчелъ,

*) *Revue des Deux-Mondes*, 15 oct. 1875, стр. 809. Докторъ Морисъ утверждаетъ, что ни одно насѣкомое не въ состояніи бороться съ страшными муравьями, которыхъ онъ наблюдалъ въ Кахинхинѣ. Если они зай-

и, не смотря на геройскую защиту аттакуемыхъ, завладѣваютъ ихъ яйцами и личинками.

Превосходство муравьевъ всего болѣе зависитъ, если можно такъ выразиться, отъ ихъ сухопутности. Это можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксомъ; но пусть читатель хоть немного подумаетъ о тѣхъ выгодахъ, какія представляетъ для развитія умственныхъ способностей земля сравнительно съ воздушной средой. Въ воздухѣ — длинные монотонные пути безъ всякихъ случайностей, удаленіе отъ окружающихъ предметовъ, неустойчивость, шатаніе, забвеніе внѣшняго міра и самого себя. Напротивъ, на землѣ каждое движеніе является прикосновеніемъ, каждый шагъ даетъ какое нибудь точное полезное свѣдѣніе и оставляетъ по себѣ воспоминанія; съ другой стороны, при бóльшей или меньшей ограниченности экскурсій животнаго, извѣстная часть занимаемой имъ почвы неизбѣжно запечатлѣвается въ его воображеніи со всѣми присущими ей удобствами и опасностями. Отсюда гораздо болѣе прямая и тѣсная связь съ внѣшнимъ міромъ. Кромѣ того, самое пользованіе матеріей вообще несравненно легче для наземнаго животнаго, чѣмъ для воздушнаго. Положимъ, что нужно строить. Воздушное животное должно будетъ выдѣлять подходящее вещество изъ своего организма, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, пчелы при постройкѣ сотовъ или осы, отправляясь далеко за составными частями своей бумаги. У сухопутнаго животнаго матеріалы, необходимые для работы, почти подъ рукой и такъ какъ они разнообразны, то и постройки его могутъ быть такими же. Поэтому весьма возможно, что муравьи обязаны своимъ соціальнымъ и техническимъ превосходствомъ землѣ, на которой они живутъ. Первый муравей, оборвавшій себѣ крылья, для того чтобъ удобнѣе работать на землѣ, оказалъ своему роду безсмертную услугу. Но невѣроятно, чтобъ дѣло происходило такимъ образомъ какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ.

Муравьи представляютъ намъ первый примѣръ собственности.

мутъ какое-нибудь дерево, то уже являются полными его хозяевами. Привязанное млекопитающее (обезьяна, теленокъ и пр.) умираетъ отъ ихъ укушеній.

Низшія животныя обладаютъ только мѣстомъ, которое они занимаютъ; муравьи же, искрещивая вдоль и поперегъ обширное пространство, владѣютъ имъ, не занимая его непосредственно. Это пространство принадлежитъ имъ потому, что они на немъ основались и имѣютъ здѣсь свое жилище. Итакъ, собственность представляется намъ сначала, какъ прямое дѣйствіе, а затѣмъ какъ расширеніе сообщеній. Поле, гдѣ работницы правильно циркулируютъ въ длинныхъ вереницахъ, носитъ на себѣ какъ бы нѣкоторый отпечатокъ организаціи, выражающійся столь ясно во всѣхъ частяхъ общественнаго гнѣзда. Это поле есть своего рода орудіе, употребляемое муравьями для своихъ нуждъ, такъ же какъ и гнѣздо, хотя и въ меньшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, вытоптанныя на немъ дорожки составляютъ продолженіе галлерей и защищаются муравьями наравнѣ съ этими послѣдними отъ всякихъ набѣговъ со стороны тѣхъ или другихъ пришельцевъ. Тропинки, ведущія въ муравейники, подобно различнымъ частямъ гнѣзда, сообщаются между собой одной непрерывной развѣдочной линіей. Такимъ образомъ муравьи завоевываютъ территорію и какъ бы дѣлаютъ ее частью своего организма. Впослѣдствіи мы будемъ говорить болѣе подробно объ этомъ интересномъ фактѣ, который въ настоящую минуту представляется передъ нами въ первый разъ.

Въ то время какъ осы и пчелы различныхъ видовъ исполняютъ лишь небольшое число работъ, почти всегда похожихъ другъ на друга, муравьи до крайности разнообразно примѣняютъ свою дѣятельность ко всѣмъ окружающимъ ихъ обстоятельствамъ. Между ними вы найдете все, что вамъ угодно — землекоповъ, скульпторовъ, строителей, собирателей запасовъ, охотниковъ и даже сельскихъ хозяевъ *). Одни изъ нихъ питаются сокомъ цвѣтовъ, другіе обгладываютъ ихъ вѣнчики, третьи живутъ насчетъ рабовладѣнія, четвертые занимаются скотоводствомъ (тли), и

---

*) Мы не хотѣли говорить въ нашемъ первомъ изданіи объ этихъ агрономическихъ муравьяхъ, которые, говорятъ, сами сѣютъ зерна, чтобъ потомъ собирать жатву. Недавно Кукъ ихъ наблюдалъ въ Техасѣ. Они не сѣютъ произвольно, но могутъ къ этому придти. Отправляясь въ окрестности на поиски за зернами, они часто ихъ роняютъ по

всѣ эти занятія, профессіи и способы существованія варіируются ими на тысячу ладовъ, сообразно унаслѣдованнымъ привычкамъ и даннымъ обстоятельствамъ. Изъ представленнаго нами перечня, свидѣтельствующаго о способности муравьевъ разнообразить свою дѣятельность, можно уже заключить, что раздѣленіе занятій въ муравейникѣ должно идти гораздо дальше, чѣмъ въ ульѣ. И дѣйствительно, наблюдая муравейникъ во время работы, не трудно открыть между его обитателями много профессіональныхъ подраздѣленій. Но при этомъ необходимо отмѣтить—въ качествѣ признака, характеризующаго высокую степень общественной организаціи—что раздѣленіе труда не имѣетъ здѣсь ничего кастическаго и влечетъ за собой органическія измѣненія лишь у сравнительно небольшаго числа видовъ.

Форель, поправляя Лакордера, замѣчаетъ, что между туземными муравейниками лишь очень небольшое число представляетъ морфологическія особенности въ населяющихъ ихъ четырехъ классахъ индивидовъ-самцовъ, самокъ, работницъ и солдатъ. Онъ наблюдалъ ихъ только у *Pheidola pusilla*, утверждая между прочимъ, что эти солдаты несутъ одну личную службу и никогда не играютъ роли начальниковъ. «Губеръ, пишетъ онъ, уже показалъ, что у муравьевъ никогда не бываетъ начальства, и что даже бурые муравьи, какъ бы находящіеся на службѣ у рыжеватыхъ не выносятъ ни малѣйшаго принужденія. Я могу только подтвердить его мнѣніе, потому что никогда не видалъ ни одного муравья, который игралъ бы по отношенію къ своимъ собратьямъ властвующую роль» (стр. 355). Правда, Лакордеръ вслѣдъ за Лундомъ, увѣряетъ, что онъ въ Гвіанѣ и Бразиліи видѣлъ собственными глазами солдатъ изъ Eciton'овъ, державшихъ себя, какъ настоящіе офицеры при движеніи колоннами этихъ муравьевъ. (Введеніе, томъ II, стр. 499). Этого достаточно для признанія, что

дорогѣ. Но вотъ что всего любопытнѣе: какъ только появятся молодые ростки оброненныхъ зеренъ, они срѣзываютъ вокругъ муравейника своими челюстями всѣ другія растенія и оставляютъ рости только то, съ котораго собираются ими зерна. Мы обязаны этими свѣдѣніями Форелю, сообщившему намъ ихъ какъ свое непосредственное наблюденіе.

общество муравьевъ *можетъ* достигать такой же ясно выраженной морфологической дифференцировки, какъ и общество пчелъ (такъ какъ эта дифференцировка рѣзче, чѣмъ та, которая дѣлитъ работницъ одного улья на восковщицъ и кормилицъ), но мы не имѣемъ права заключить отсюда о превосходствѣ послѣднихъ надъ первыми, въ виду исключительности данныхъ для такого вывода.

Вотъ еще фактъ, хорошо извѣстный въ настоящее время и, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждающій наше мнѣніе относительно муравьевъ. Это—существованіе въ нѣкоторыхъ муравейникахъ такъ называемыхъ рабовъ. Мы увидимъ, что происходящая отсюда дифференцировка и раздѣленіе занятій далеко оставляютъ за собой явленія того же рода, наблюдаемыя у пчелъ, и ставятъ въ этомъ отношеніи муравьевъ несравненно выше послѣднихъ.

Но мы должны немного остановиться на этомъ фактѣ, чтобъ дать ему его истинное соціологическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, муравьи, присоединяемые къ себѣ видами краснаго и рыжеватаго муравья, совсѣмъ не похожи на рабовъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. «Рыжеватые муравьи, говоритъ Форель (стр. 308), находятся въ безусловной зависимости отъ своихъ помощниковъ. Они сами не умѣютъ ни строить, ни заботиться о личинкахъ, *они не умѣютъ сами даже ѣсть*». Если допустить поползновеніе къ давленію, то оно можетъ оказываться только побѣжденными на побѣдителей, а никакъ не наоборотъ. Мы сами видѣли, какъ работницы пепельно-чернаго цвѣта теребили своихъ амазонокъ, когда онѣ вернулись изъ экспедиціи съ пустыми руками. Губеръ наблюдалъ то же самое (стр. 214). Форель разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ въ началѣ іюля бурые муравьи, напавши на амазонокъ, въ азартѣ хватали ихъ сожителей другаго вида и взваливали ихъ къ себѣ на спины, вернулись съ ними въ общій муравейникъ. Родившись въ этомъ году, онѣ никогда еще не видали экспедицій и привели въ гнѣздо тѣхъ, кого принимали за бѣглецовъ (стр. 311). Тотъ же наблюдатель видѣлъ, какъ во время засухи эти самые бурые муравьи, наскучивъ просьбами амазонокъ, для корма которыхъ у нихъ не хватало питательныхъ веществъ, бросились на нихъ, стали ихъ тормошить и

кусать, такъ что тѣ принуждены были для защиты пустить въ ходъ свои страшныя челюсти. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего похожаго на поведеніе рабовъ. Весьма жалко, что натуралисты въ подобныхъ случаяхъ употребляютъ при описаніи явленій поэтическія выраженія, вмѣсто того чтобъ подыскивать для этой цѣли научные термины, выражающіе истинный ихъ смыслъ и природу. Вообще, нѣтъ ничего опаснѣе уподобленій, аналогій и сближеній фактовъ изъ жизни низшихъ животныхъ съ явленіями, порождаемыми жизнью человѣческихъ обществъ. Даже при одномъ и томъ же наружномъ видѣ, разница между побужденіями, обусловливающими тѣ и другія, до того громадна, что они могутъ не имѣть ничего общаго другъ съ другомъ по существу. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ остерегаться соединять подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ столь не похожія одно на другое явленія. Смѣшеніе терминологіи въ подобныхъ случаяхъ влечетъ за собой продолжительную путаницу въ понятіяхъ. Намъ кажется поэтому, что метафора, дѣлающая одинъ изъ двухъ сожительствующихъ въ муравейникѣ видовъ рабомъ другаго,—метафора, неизбѣжная при первыхъ шагахъ соціологической науки—должна быть тщательно избѣгаема.

Остается узнать, какое понятіе слѣдуетъ соединять съ вышеуказаннымъ фактомъ и какой терминъ всего болѣе ему соотвѣтствуетъ. Если бы мы съумѣли подняться до его происхожденія, то, конечно, уяснили бы себѣ и его природу. Мы отрицаемъ здѣсь случай, который не можетъ быть причиной чего бы то ни было. Наука не должна ссылаться на неопредѣленныя возможности, а развѣ только на положительныя вѣроятности, почерпнутыя изъ дѣйствительныхъ фактовъ, возможно болѣе сходныхъ съ тѣмъ, который подлежитъ объясненію. Форель упоминаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ, которые приводятъ насъ весьма близко къ основанію такого муравейника, гдѣ два враждебныхъ другъ другу вида образуютъ взаимную общину и служатъ ей каждый по своему призванію. «Повѣрятъ ли, восклицаетъ онъ, что муравьи совершенно различныхъ видовъ, естественные враги между собой, живущіе обыкновенно въ отдѣльныхъ муравейникахъ, муравьи, у которыхъ никогда не замѣчали рабскихъ и рабовладѣльческихъ наклонностей, въ нѣкоторыхъ

рѣдкихъ случаяхъ образуютъ общіе смѣшанные муравейники?» И онъ приводитъ при этомъ пять несомнѣнныхъ наблюденій, доказывающихъ существованіе тѣсныхъ союзовъ между *Formica exsecta* и бурыми муравьями, между *Tapinoma* и *Botriomyrmex*, между бурыми муравьями и *F. truncicola* и, наконецъ, между *F. pratensis* и еще другими разновидностями бураго муравья.

Эти наблюденія доказываютъ съ одной стороны, что заключеніе союзовъ свойственно не одному или двумъ только видамъ—и съ другой, что это явленіе не обусловливается врожденными инстинктами, а вызывается то тамъ, то здѣсь разнообразными обстоятельствами общинной жизни муравьевъ *). Какія же именно обстоятельства могутъ породить такое явленіе? Ихъ много. Въ силу того закона, по которому вражда борцовъ измѣняется сообразно ихъ числу, самые враждебные виды соединяются и работаютъ сообща, если ихъ немного. Форель захватилъ во время жесточайшей свалки между двумя арміями F. pratensis семь муравьевъ, изъ которыхъ четыре принадлежали къ одной партіи и три къ другой: посаженные въ одну стклянку, они относились другъ къ другу весьма дружелюбно (стр. 269). Итакъ, первое обстоятельство, благопріятствующее союзу, наступаетъ тогда, когда въ двухъ муравейникахъ или въ двухъ частяхъ ихъ число обитателей дѣлается незначительнымъ. А вотъ и второе. Извѣстно, что муравьи большіе охотники до куколокъ другихъ видовъ. Такъ, красные муравьи съ жадностью пожираютъ коконы бурыхъ муравьевъ и *F. rufibarbis*. Муравьи *pratensis* или *exsecta* никогда не отказываются отъ куколокъ бураго. Наконецъ, коконы тѣхъ же самыхъ *F. pratensis* составляютъ лакомое блюдо для краснаго муравья и т. д.

Такимъ образомъ оказывается, что виды, составляющіе въ большинствѣ случаевъ смѣшанные муравейники, и есть именно эти самые, т. е. что въ союзъ между собой вступаютъ муравьи, пожирающіе

---

*) «Между красными муравьями встрѣчаются такіе, которые совсѣмъ не имѣютъ рабовъ и сами ухаживаютъ за своими личинками» (Forel, стр. 359). Въ другомъ мѣстѣ: «я видѣлъ въ ущельѣ Малогогія муравейники красныхъ муравьевъ и съ рабами, и безъ рабовъ».

коконы съ тѣми, у кого они обыкновенно пожираютъ эти послѣдніе *). Опыты, произведенные Форелемъ, вполнѣ подтверждаютъ этотъ выводъ. Такъ *Sanguinea*, находившіеся уже въ союзѣ съ *Rufibarbis* или *Fusca*, относились различно къ предлагаемымъ имъ куколкамъ *F. pratensis*: они ѣли ихъ, или оставляли нетронутыми, имѣя въ виду соединиться съ своими будущими собратьями, или же, наконецъ съѣдали только часть и оставляли въ цѣлости другую (стр. 321). Этотъ опытъ доказываетъ, что муравьи, овладѣвающіе куколками сосѣднихъ муравейниковъ, чтобъ пожирать ихъ, могли, если они находили выгоднымъ, захватывать коконы для вывода изъ нихъ личинокъ. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо замѣтить, что такъ называемые муравьи-рабовладѣльцы въ то время, когда они еще только начинали дѣлаться такими, должны были необходимо помогать своимъ куколкамъ выходить изъ коконовъ и сами воспитывать своихъ личинокъ; материнское чувство въ нихъ было развито еще весьма сильно и трудно допустить, чтобъ оно не боролось противъ голода, когда подъ рукой у хищника находились готовые коконы, захваченные для пожиранія. Далѣе не нужно особенныхъ усилій воображенія, чтобъ угадать, въ какихъ случаяхъ оно одерживало побѣду. Но вотъ еще два обстоятельства не менѣе благопріятныя, чѣмъ предыдущія, для образованія смѣшанныхъ муравейниковъ. Два враждебныхъ муравейника (*F. sanguinea* и *pratensis*), внезапно разворошенные и сложенные въ одинъ мѣшокъ, оставляются тамъ впродолженіе часа, послѣ чего ихъ пересыпаютъ въ стеклянный сосудъ. Тѣла мертвыхъ муравьевъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ проведенъ былъ этотъ часъ плѣнниками; но оставшіеся въ живыхъ, послѣ нѣсколькихъ задираній и враждебныхъ демонстрацій, скоро заключаютъ миръ и предаются вмѣстѣ уходу за своими куколками въ новомъ помѣщеніи. Союзъ этотъ уже не нарушается (стр. 279). Итакъ, безнадежное

*) Мы говоримъ „по большей части". Справедливость требуетъ прибавить, что есть нѣкоторые смѣшанные муравейники, гдѣ бездѣятельный видъ въ дѣйствительности неспособенъ эксплуатировать другой; таковы муравейники, состоящіе изъ *Tetramorium* и *Strongylognathus*. Рабочій классъ бездѣятельнаго вида (*strongylognathus*) находится на пути къ вымиранію. Здѣсь мы видимъ передъ собою примѣръ соціальнаго вырожденія, обусловливаемаго весьма давнимъ паразитизмомъ.

положеніе сторонъ благопріятствуетъ образованію неожиданныхъ союзовъ. Новорожденные муравьи прежде всего знакомятся съ домашними работами и уходомъ за личинками; только впослѣдствіи они научаются распознавать друзей отъ враговъ и сообразовать свое поведеніе съ чувствами, питаемыми къ тѣмъ и другимъ. Форель для доказательства этого факта произвелъ весьма убѣдительный опытъ. Припустивши молодыхъ муравьевъ разныхъ видовъ къ куколкамъ также различныхъ видовъ, онъ, по его словамъ, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ на его глазахъ возникъ самый пестрый муравейникъ, составленный изъ пяти видовъ, которые жили въ наилучшихъ отношеніяхъ между собой (стр. 262). Понятно, что если въ природѣ такъ или иначе сгруппируются тѣ же условія, то смѣшанный муравейникъ выйдетъ изъ нихъ самымъ естественнымъ путемъ. Но не представляются ли они ежедневно въ тѣхъ обществахъ муравьевъ, которые захватываютъ изъ другихъ муравейниковъ коконы для ихъ пожиранія, и гдѣ молодые муравьи постоянно находятся возлѣ чужихъ куколокъ, не зная ничего объ ихъ происхожденіи? Читателю предоставляется выборъ между этими различными родами благопріятныхъ обстоятельствъ. Вопросъ въ томъ, какое изъ нихъ всего чаще возникаетъ изъ стеченія окружающихъ условій. Но какъ бы онъ ни рѣшался, мы ясно видимъ, вслѣдствіе какого рода отношеній могли соединиться различные виды муравьевъ, которыхъ обстоятельства привели къ совмѣстному сожительству. Тутъ дѣйдѣйствуютъ не отношенія господъ къ рабамъ, а отношенія кормилицъ къ кормилицамъ, ревниво группирующихся вокругъ одной и той же матери и одного и того же потомства. Разъ между ними произошло сліяніе, всѣ они повинуются своему материнскому чувству и отдаются попеченію о личинкахъ общины съ одинаковой заботливостью; всѣ спѣшатъ наполнять рты новыхъ юныхъ сотоварищей медоносной жидкостью и носятъ ихъ на спинѣ такъ, какъ они носятъ другъ друга. Изъ смѣшенія различныхъ видовъ получается ассоціація, съ легкимъ оттѣнкомъ прирученія, такъ какъ при самомъ ея началѣ существуетъ нѣкоторое принужденіе; но разъ прошелъ этотъ первый моментъ—тогда первое поколѣніе молодыхъ муравьевъ покоится еще въ куколкахъ — между двумя семействами происходитъ взаим-

ное внутреннее сліяніе, причемъ каждое изъ нихъ слѣдуетъ своимъ унаслѣдованнымъ привычкамъ и служитъ обществу на томъ поприщѣ, которое наиболѣе согласуется съ его влеченіями и природными средствами. Воины дѣлаются все болѣе и болѣе спеціалистами своего дѣла; мирные граждане, подчиняясь своимъ вкусамъ, съ постепенно прогрессирующимъ успѣхомъ, отдаются внутреннимъ интересамъ общества и исполняютъ для него всякаго рода работы. Отсюда вполнѣ добровольное раздѣленіе занятій, которое сопровождается уже извѣстными намъ результатами.

Мы только передъ этимъ сказали, что относительное превосходство соціальнаго организма характеризуется не одной дифференцировкой формъ но вмѣстѣ съ тѣмъ—и главное—дифференцировкой дѣйствій и отправленій. Съ этой точки зрѣнія, роль каждаго индивида у муравьевъ вызываетъ невольное удивленіе. Чтобъ хорошенько это понять, необходимо наблюдать самому ихъ жизнь или прочесть какой-нибудь изъ тѣхъ трактатовъ, откуда мы заимствуемъ столько интересныхъ фактовъ. Муравьи высшихъ видовъ обнаруживаютъ изумительную инціативу. Въ настоящее время хорошо извѣстно, какъ они приступаютъ къ работамъ, экспедиціямъ или переселеніямъ. Между ними не бываетъ и слѣда какихъ-либо совѣщаній и общественныхъ рѣшеній. Единственное краснорѣчіе, какимъ пользуются эти животныя – краснорѣчіе примѣра, дѣла... Когда кто-нибудь изъ нихъ желаетъ убѣдить другихъ помочь ему въ томъ или другомъ дѣлѣ, онъ просто начинаетъ самъ исполнять его на глазахъ товарищей, предварительно потолкавши возможно большее число сосѣдей, чтобъ возбудить ихъ вниманіе. Этотъ прославленный языкъ усиковъ, относительно котораго высказывалось столько догадокъ, сводится къ различіямъ ощущенія при встрѣчѣ между собой двухъ весьма тонкихъ тѣлъ, снабженныхъ многочисленными нервами. Легкое прикосновеніе выражаетъ ласку или просьбу; постукиваніе означаетъ предостереженіе тѣмъ болѣе серьезное, чѣмъ оно сильнѣе, и тѣмъ болѣе настоятельное, чѣмъ оно быстрѣе. При помощи этихъ знаковъ и склонности къ подражанію, основанной на извѣстныхъ уже намъ психо-физіологическихъ причинахъ, можно объяснить всѣ дѣйствія муравьевъ. Мы перечислили главнѣйшія изъ нихъ. Теперь разсмо-

тримъ ихъ по порядку. Положимъ, что муравей желаетъ переселиться. Но вслѣдствіе привычки жить въ обществѣ, онъ не можетъ этого сдѣлать одинъ; и вотъ нашъ эмигрантъ подходитъ къ другимъ муравьямъ, хлопаетъ ихъ по бокамъ усиками и отправляется въ путь. Если за нимъ никто не слѣдуетъ, онъ начинаетъ снова свою прежнюю мимическую діалектику. Видъ движенія, какъ мы уже знаемъ, вызываетъ движеніе—къ нему присоединяются одинъ или два товарища, которые также пускаютъ въ ходъ усики; такимъ образомъ мало по малу эмиграція дѣлается общей. Въ случаѣ необходимости, упорствующихъ несутъ: это простое средство употребляется относительно тупыхъ субъектовъ (Форель, стр. 333). Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ достаточно одного примѣра, который понятенъ для всѣхъ. Мы сами имъ пользуются, когда, положимъ, собака настойчиво лаетъ и бѣгаетъ по одному и тому же направленію, взглядывая попеременно, то на хозяина, котораго она зоветъ, то на мѣсто, куда она хочетъ его привести. Кошка дѣлаетъ то же самое: она мяукаетъ и ходитъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока за ней не послѣдуютъ. Благодаря подобнымъ указаніямъ, одинъ господинъ, свидѣтельство котораго мы считаемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію, послѣдовалъ за кошкой черезъ длинный корридоръ и дворъ до отдаленной комнаты, гдѣ стоялъ шкафъ и, когда онъ его открылъ, то нашелъ въ немъ горящее бѣлье. Ничто не мѣшаетъ намъ признать за муравьями тѣ же средства сообщенія, кромѣ голоса, и тотъ же способъ ихъ примѣненія. Они вполнѣ удовлетворительно объясняютъ намъ какъ переселенія такъ и экспедиціи амазонокъ и краснаго муравья. Но какъ понять увѣренность, съ которой скопища муравьевъ идутъ по разъ избранному направленію, хотя муравьи эти никогда не были тутъ прежде? Это отлично разъясняютъ многія наблюденія натуралистовъ. Такъ, часто можно видѣть, что амазонки, дѣлая какъ бы на удачу отрывистыя движенія, изслѣдуютъ окрестности своего муравейника и иногда болѣе чѣмъ на тридцать шаговъ отъ него выслѣживаютъ бурыхъ муравьевъ, чтобы отыскать отверстія, ведущія въ ихъ гнѣзда (стр. 308—321). Нѣтъ ничего естественнѣе, если эти добровольные развѣдчики пожелаютъ въ тотъ же вечеръ или на другой день

увлечь своихъ товарищей въ общую экспедицію. Но прямизна пути (часто, впрочемъ, весьма несовершенная), по которому совершается общее движеніе, будетъ зависѣть въ этомъ случаѣ отъ болѣе или менѣе отчетливой памяти вышеупомянутыхъ развѣдчиковъ. Необходимо, чтобъ въ извѣстныхъ случаяхъ память ихъ была вполнѣ надежна, такъ какъ отряды муравьевъ выказываютъ иногда крайне твердую рѣшимость. Такъ напр., въ сентябрѣ 1872 года мы были свидѣтелями слѣдующаго случая. Сильная колонна амазонокъ отправилась въ экспедицію и шла съ весьма короткими колебаніями по прямому направленію къ песчаному рву, глубиной не не менѣе 3 аршинъ, передній откосъ котораго сначала ниспадалъ вертикально, а затѣмъ ниже расходился въ глубокую котловину. Такъ какъ ровъ былъ великъ и отстоялъ отъ гнѣзда далѣе 15 шаговъ, то мы думали, что экспедиція окажется неудачной; однако же предположеніе наше не оправдалось: толпа продолжала свое движеніе къ спуску и тамъ исчезла: оказалось, что она вся стремглавъ, какъ дождь, прыснула внизъ съ высоты террасы и, сдѣлавши этотъ salto mortale, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала свой путь далѣе еще шаговъ сорокъ, вплоть до гнѣзда бурыхъ муравьевъ, которое предназначалось къ разграбленію. Затѣмъ отрядъ вернулся по той же дорогѣ, и не смотря на захваченную добычу и частыя паденія, благополучно выползъ изъ-за откоса, послѣ чего все остальное не представляло уже никакихъ препятствій. Конечно, въ такихъ случаяхъ необходимо, чтобы дорога была хорошо знакома колоновожатымъ, которые могли бы увѣренно направлять отрядъ къ его цѣли. Кто-нибудь возразитъ, что направленіе не можетъ даваться отряду одной амазонкой, потому что голова колонны, по прошествіи нѣкотораго времени, обгоняется задними рядами и скоро появляется въ хвостѣ. Но, во-первыхъ, ведетъ отрядъ не одна, а нѣсколько амазонокъ; а во-вторыхъ, когда импульсъ, сообщенный ею отряду, истощается, то хотя нерѣдко при этомъ въ головѣ колонны и обнаруживается замѣшательство, но по прошествіи нѣкотораго времени, передніе ряды уменьшаютъ шагъ и пропускаютъ изъ хвоста впередъ развѣдчиковъ, послѣ чего походный маршъ возобновляется снова. Но какимъ образомъ развѣдчики мо-

гутъ увѣдомлять своихъ товарищей о томъ, что имъ предстоитъ экспедиція? Не слѣдуетъ ли здѣсь допустить совѣщанія и рѣшенія, принимаемыя сообща? Совсѣмъ нѣтъ. Наблюденія Фореля уничтожаютъ всякое недоразумѣніе на этотъ счетъ. Достаточно встревожиться нѣсколькимъ субъектамъ и выйти изъ муравейника, сопровождая свой выходъ ударами усиковъ, чтобы взбудоражилось все гнѣздо и выслало изъ себя армію. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это можно вызвать искусственно, воткнувъ просто палецъ въ томъ мѣстѣ муравейника, гдѣ кишатъ по его поверхности амазонки. Происходящее при этомъ волненіе, распространяясь все дальше и дальше, принимается за сигналъ къ экспедиціи—новое подтвержденіе того, что языкъ муравьевъ состоитъ скорѣе изъ осязательныхъ импульсовъ крайне общаго значенія, чѣмъ изъ знаковъ, имѣющихъ точный опредѣленный смыслъ. Намъ остается еще объяснить посредствомъ того же начала личной инициативы, вызывающей подраженіе, работы муравьевъ. Мы можемъ представить по этому поводу наше собственное наблюденіе. Намъ удалось видѣть въ лѣтнюю ночь, при свѣтѣ лампы, садоваго муравья, исполнявшаго при помощи травинокъ свои тонкія постройки. У него явилась мысль устроить на одной изъ нихъ сводъ. Весь погруженный въ исполненіе своего проекта, онъ сталъ дѣятельно носить для его выполненія кусочки земли, не замѣчая того, что ему приходилось иногда брать ее изъ построекъ своихъ сосѣдей. Сначала никто изъ окружающихъ не хотѣлъ обращать никакого вниманія на его затѣи. Но скоро однако же къ нему присоединился одинъ, проходившій мимо и ничѣмъ незанятый муравей, затѣмъ другой, третій и т. д. Очевидно, идея была понята, и всѣ стали работать вмѣстѣ, подчиняясь примѣру, который былъ поданъ первымъ муравьемъ. Наблюденія двухъ Губеровъ и Фореля не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Такимъ именно образомъ исполняются всѣ работы общественныхъ перепончатокрылыхъ. Но значитъ ли это, что товарищи, присоединяющіеся къ иниціатору и начинающіе съ подражанія, не измѣняютъ его плановъ? Совершенно напротивъ—они не только измѣняютъ ихъ, но еще и совершенствуютъ: они не могутъ понимать его иначе, какъ со своей

точки зрѣнія, точно также, какъ не могутъ и комбинировать этихъ различныхъ точекъ зрѣнія безъ того, чтобъ ихъ соединенныя усилія не получили возможно лучшаго направленія. Вопреки обыденнымъ понятіямъ, мышленіе, при взаимномъ соприкосновеніи, способно слагаться (additioner) и накопляться даже въ отличныхъ другъ отъ друга индивидахъ. Какъ бы ни были рудиментарны мысли, нельзя допустить, чтобъ, прилагаясь въ громадной массѣ къ деталямъ общаго дѣла, они не вносили въ исполненіе этихъ послѣднихъ безконечныхъ варіацій и, слѣдовательно, чтобы каждая изъ нихъ не отразилась такъ или иначе на его цѣломъ. Въ этомъ отношеніи муравьи стоятъ гораздо выше пчелъ. У нихъ индивидъ вноситъ въ постройку жилищъ несравненно больше творческой свободы, чѣмъ у этихъ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, воображеніе пчелъ какъ бы оковано правильной формой, отъ которой они отступаютъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда ихъ вынуждаютъ къ этому непреодолимыя препятствія, да и тутъ измѣненія касаются болѣе расположенія, чѣмъ формы ячеекъ. Напротивъ, муравьи вполнѣ свободны отъ всякой геометрической правильности—они всегда примѣняются къ даннымъ обстоятельствамъ, что̀ составляетъ наивысшее достоинство ихъ искусства. Вслѣдствіе этой-то изобрѣтательной силы они и завладѣваютъ такими обширными пространствами: оно принадлежитъ имъ вездѣ, куда не проникла культура. Не трудно видѣть, что если мы согласимся не отказывать общественнымъ перепончатокрылымъ въ небольшой долѣ мышленія, то всѣ обнаруживаемыя ими явленія объясняются безъ особеннаго затрудненія. Въ нихъ нѣтъ ничего чудеснаго. Они представляются чудесами только для тѣхъ, кто или не признаетъ въ этихъ животныхъ никакой способности мышленія, или надѣляетъ ихъ человѣческимъ разумомъ. Люди, впадающіе въ эти крайности, безъ сомнѣнія, мало наблюдали ихъ и недостаточно изслѣдовали ихъ психическую жизнь. Но чѣмъ болѣе мы вглядываемся въ то и другое, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ справедливости словъ Губера-младшаго: «Великая тайна гармоніи, которой удивляются въ этихъ республикахъ, совсѣмъ не въ томъ сложномъ механизмѣ, какой имъ приписываютъ, а во взаимной любви» (стр. 138).

Не вѣрнѣе ли однако будетъ сказать—въ общей любви всѣхъ и каждаго къ подрастающему поколѣнію (личинкамъ) и въ той крупицѣ индивидуальнаго мышленія, которой надѣлены перепончатокрылые и которое, какъ мы показали, способно возрастать въ силу законовъ подражанія и накопленія.

Если раздѣленіе труда доходитъ въ муравейникахъ до такой степени, если его члены обнаруживаютъ столько личной инициативы, то коллективная индивидуальность, выростающая изъ ихъ сотрудничества, должна представлять сильную концентрацію. Ея соціальное единство должно выступать рельефнѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ обществахъ, не смотря на значительное число ея составныхъ элементовъ *). Это единство сказывается въ строго опредѣленной формѣ купола, вполнѣ приспособленной къ цѣлямъ вылупленія и воспитанія личинокъ, въ стройной гармоніи работъ, во взаимной солидарности между собой рабочихъ, однимъ словомъ,—во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, въ особенности же—въ оппозиціонномъ отношеніи каждаго изъ семействъ къ сосѣднимъ семействамъ и не только между муравейниками одного и того же вида, но даже между метрополіями и колоніями (стр. 285). Общее сознаніе есть сознаніе замкнутое, хотя бы уже потому, что оно опредѣленное. Для того чтобы раскрыть его, необходимы исключительныя обстоятельства и рѣдко встрѣчающіяся случайности. Нѣкоторые муравейники двойные: въ самой толщѣ стѣнъ большаго гнѣзда живутъ мелкіе муравьи, которые находятся во враждебныхъ отношеніяхъ съ крупными; близкое сосѣдство только еще болѣе разжигаетъ ихъ взаимную ненависть. Какъ сильна эта вражда, всего лучше показываетъ слѣдующій опытъ, произведенный Форелемъ. Онъ взялъ большой сосудъ и помѣстилъ въ него послѣдовательно одинъ за другимъ два муравейника. Хотя оба они были одного и того же вида (Tapinoma erraticum), однако второй изъ нихъ повелъ немед-

---

*) См. исчисленіе, основанное на точныхъ наблюденіяхъ, по которымъ Форель, весьма далекій отъ какихъ-либо преувеличеній, нашелъ въ одномъ муравейникѣ *F. pratensis* 400,000 индивидовъ (стр. 366).

ленную осаду противъ перваго и притомъ съ такимъ остервенѣніемъ, какое могло бы проявляться развѣ только при защитѣ. Земляныя стѣны, воздвигнутыя осажденными, были проточены аттакующими, послѣ чего осажденные ихъ возстановили; но по прошествіи $1^1/_2$ мѣсяца непріятельскіе саперы проточили ихъ вновь. Загнавъ осажденныхъ въ тѣсный уголъ, они, наконецъ, ворвались въ ихъ укрѣпленіе и присоединили побѣжденныхъ къ своему муравейнику. Все это время, т. е. 6 слишкомъ недѣль аттакуемые оставались безъ пищи. Если сравнить эту муравьиную Плевну съ постоянными смѣшеніями ульевъ, о которыхъ разсказываетъ Губеръ, то увидимъ, что энергія, съ какой въ томъ и другомъ семействѣ утверждается коллективное сознаніе своего *я*, весьма различна.

Но, быть можетъ скажутъ, что́ же это за сознаніе, которое можно то раздваивать, то сливать съ другимъ сознаніемъ? Какая это индивидуальность, если ее можно дробить на части или увеличивать въ объемѣ? Конечно, отвѣтимъ мы, тутъ передъ нами сознаніе и индивидуальность низшаго порядка, но все же они не теряютъ оттого права носить эти имена. Переливаніе крови, возвращающее безнадежному анемичному больному полное сознаніе своего *я*, когда еще за мгновеніе до того въ его засыпавшемъ мозгу блуждали лишь самыя разсѣянныя и смутныя мысли, настолько же не расширяетъ его индивидуальности, насколько потеря крови раненымъ не съуживаетъ ея: единство сознанія только укрѣпляется въ одномъ случаѣ и ослабляется въ другомъ. То же самое и съ общественной индивидуальностью. Она также способна къ возрастанію и убыванію. Но ослабленное сознаніе есть сознаніе разсѣянное. Не слѣдуетъ удивляться, находя на низшихъ социологическихъ ступеняхъ такія общественныя индивидуальности, составные элементы которыхъ, при ихъ слабой связи, могутъ распадаться и соединяться съ совершенно иными. Мы скоро увидимъ, что не всѣ общества обладаютъ такой недостаточной степенью концентраціи; на верху лѣстницы стоятъ, напротивъ, такія компактныя общества, элементы которыхъ не могутъ распадаться, не погибая и не причиняя погибели цѣлаго. Два зародыша могутъ слиться въ утробѣ

матери, но взрослыя существа не могутъ жить иначе, какъ отдѣльно другъ отъ друга.

Все относительно: не смотря на сравнительно низшее мѣсто въ зоологической лѣстницѣ, семейства перепончатокрылыхъ представляютъ уже высокій типъ соціальной организаціи, отстоящій весьма далеко отъ исходной точки ея первоначальнаго развитія. Два живыхъ существа вначалѣ представляютъ другъ для друга простую добычу—не болѣе. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ, что птенцы пользуются самыми неусыпными попеченіями, а индивидъ, дающій имъ жизнь, окруженъ ревнивымъ вниманіемъ со стороны безчисленной толпы другихъ, лишенныхъ этой способности, но тѣсно сливающихся вмѣстѣ въ одномъ и томъ же чувствѣ материнской любви. Мы находимъ въ этихъ обществахъ доказательства самоотверженія, правда еще слѣпаго, но вполнѣ безусловнаго. Больные муравьи встрѣчаютъ помощь со стороны своихъ товарищей (Форель, стр. 367). Рядомъ съ безжалостной расправой, можно видѣть иногда, какъ невдалекѣ отъ поля сраженія сердобольные муравьи кормятъ своихъ голодныхъ враговъ (тамъ же, стр. 277). Ничего не ѣвшіе втеченіе четырехъ дней спѣшатъ подѣлиться съ товарищами своего поста и тѣ изъ нихъ, которые получатъ такимъ образомъ капли меда, отправляются къ другимъ, чтобы удѣлить имъ въ свою очередь хоть небольшую частицу (Форель). Чтобъ найдти снова семейства, представляющія столь высокія соціологическія черты, мы должны значительно подняться по лѣстницѣ животныхъ формъ и отойти весьма далеко отъ класса насѣкомыхъ. Рядъ животныхъ, слѣдующій за ними, беретъ начало изъ несравненно болѣе низкой вѣтви зоологическаго дерева, чѣмъ та, изъ которой произошли насѣкомыя; но она поднимается гораздо выше этой послѣдней.

Прежде чѣмъ разстаться съ классомъ насѣкомыхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общественныхъ сѣтчатокрылыхъ, именно о термитахъ. Они мало изслѣдованы. Мы можемъ поэтому съ увѣренностью указать лишь на три ихъ особенности. Первая изъ нихъ крайне странная и остается необъясненной: личинки помогаютъ куколкамъ выходить изъ ихъ шкурки при вылупленіи! Материнскій инстинктъ появляется здѣсь у безполыхъ, прежде чѣмъ они сдѣлаются взро-

слыми! Вторая особенность сближаетъ ихъ съ муравьями *Atta cephalotis*, *Pheidole*, *Colobopsis* и *Ecitona;* морфологическая дифференцировка разрѣшается у нихъ созданіемъ четырехъ типовъ, между которыми дѣлятся всѣ работы общины, а именно: 1) самцевъ, 2) самокъ (онѣ бываютъ двухъ различныхъ величинъ), 3) работниковъ *) и 4) *солдатъ*. Третья особенность термитовъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ то время какъ у муравьевъ весь общественный порядокъ основанъ на кооперативномъ или товарищескомъ началѣ, у термитовъ въ основаніе положены подчиненіе и дисциплина. По свидѣтельству Катрфажа, солдаты у нихъ играютъ роль начальниковъ и надзирателей. «Я видѣлъ ихъ, говоритъ онъ, въ небольшомъ числѣ около рабочихъ; но они постоянно стоятъ отдѣльно и никогда сами не работаютъ. По временамъ они какъ-то встряхивали всѣмъ тѣломъ и ударяли о землю своими челюстями. При этомъ всѣ сосѣдніе рабочіе повторяли то же самое движеніе и удваивали дѣятельность» (*Souvenirs d'un naturaliste*, томъ II, стр. 405). Мы отказываемся искать смыслъ этихъ фактовъ, потому что, какъ нами разъ уже было сказано, жизнь термитовъ вообще до сихъ поръ обслѣдована весьма недостаточно. Никакой синтезъ не можетъ сколько-нибудь плодотворно предшествовать экспериментальному анализу. Замѣтимъ только, что странно видѣть у одного изъ самыхъ низшихъ родовъ насѣкомыхъ столь сложное и такъ могущественно организованное общество. Бросимъ въ заключеніе бѣглый взглядъ на техническое искусство термитовъ сравнительно съ той же способностью обществъ, стоящихъ ниже ихъ по своему соціальному развитію. Мы можемъ раздѣлить жилища общественныхъ насѣкомыхъ на два большихъ разряда: на висячія сооруженія и гнѣздилища, вырытыя въ землѣ или выдолбленныя въ деревѣ. Первыя изъ нихъ представляютъ весьма несложныя гнѣзда, каковы напр., гнѣзда французскихъ осъ и затѣмъ стоящія нѣсколько выше по своему устройству гнѣзда шершней, снабженныя покровомъ. На среднемъ мѣстѣ между воз-

*) Именно *работники*, а не работницы. Безполыми здѣсь уже являются не атрофированныя самки, какъ у муравьевъ, а самцы съ остановившимися въ своемъ развитіи половыми органами.

душными жилищами и вырытыми или выдолбленными помѣщеніями стоятъ сооруженія обыкновенныхъ осъ, шмелей и пчелъ, гнѣзда которыхъ скрыты въ землѣ или въ стволахъ деревъ, но построены изъ матеріаловъ, взятыхъ со стороны. Пчелиные соты состоятъ изъ двухъ родовъ ячеекъ—осложненіе, къ которому слѣдуетъ прибавить еще замазываніе щелей въ ихъ жильѣ особымъ смолистымъ веществомъ (узою). Затѣмъ идетъ рядъ норъ. Личинки многихъ видовъ выкапываютъ или вырываютъ ихъ для себя весьма просто. Полуобщественныя степныя осы (Odynera) присоединяютъ къ своей норѣ вертикальную трубку. Нѣкоторые пауки, живущіе по берегамъ Средиземнаго моря, прикрываютъ свою выстланную нору дверцой съ шарниромъ; а тѣ изъ нихъ, у которыхъ ходъ (tube) въ нору изогнутый и почти раздвоенный, кромѣ наружной дверцы, закрывающей входное отверстіе, устраиваютъ еще внутреннюю. Медвѣдки вырываютъ подземныя галлереи, посреди которыхъ располагается камера для насиживанія. Муравьи-минеры (fourmis mineuses), вмѣстѣ съ многочисленными галлереями, строятъ также камеры для насиживанія и, въ случаѣ нужды, умѣютъ закрывать отверстія своего гнѣзда землей или предохранять ихъ отъ вторженія врага воронками съ осыпающимися стѣнками. Внѣшній куполъ представляетъ собой новое усложненіе, служа одновременно камерой для насиживанія и крышей. У нѣкоторыхъ видовъ, кромѣ наружнаго купола и подземныхъ галлерей, можно встрѣтить много другихъ приспособленій, каковы напр., глубоко скрытыя провіантныя камеры, крытыя подземныя дороги и павильоны для храненія тлей. Наконецъ, сложность достигаетъ, повидимому, своего апогея, когда всѣ эти сооруженія, разбросанныя на обширномъ пространствѣ въ числѣ 20, 30 и даже 100 гнѣздъ, соединяются между собой цѣлой сѣтью перекрещивающихся галлерей (Форель, стр. 170). Термиты однако же идутъ еще далѣе: они строятъ громадныя жилища, гдѣ вмѣстѣ съ глубокими галлереями, крытыми дорогами и камерами для насиживанія, можно замѣтить камеру для кладки яицъ—мѣстопребываніе самки—и смѣлый сводъ, вѣнчающій все сооруженіе и назначенный, безъ сомнѣнія, для

освѣженія воздуха въ этомъ обширномъ гнѣздѣ *). Итакъ, мы видимъ, что бѣглый обзоръ дѣятельности обществъ, идущій параллельно ихъ развитію, подтверждаетъ указанный нами прежде общій законъ, а именно, что въ лѣстницѣ животныхъ обществъ совершенство техники или, пожалуй, культуры, соотвѣтствуетъ совершенству организма.

---

*) См. о термитахъ Quatrefages. *Souvenirs d'un naturaliste* и *Annales des sciences naturelles*, 4-e série, Zoologie, t. V, 1856;—Ch. Lespès. *Organisation et moeurs du Termite lucifuge*.

ГЛАВА III.

Отческое семейное общество: семейство у рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ.

Вступленіе самца въ семейство; исключительность его роли при зарожденіи новаго семейства, въ особенности у рыбъ. Попытка объяснить этотъ фактъ; предполагаемое объясненіе одинаково приложимо и къ материнской любви; подтвержденіе гипотезы.—Амфибіи и пресмыкающіяся.—Семейство у птицъ: прихотливыя варіаціи въ ихъ нравахъ располагаютъ къ опаснымъ обобщеніямъ.—Птицы полигамическія и моногамическія.—Почему самецъ въ различныхъ случаяхъ возвращается или живетъ около самки.—Прочность сознаній и продолжительность традицій въ семействахъ птицъ; общественная культура (industrie); территорія; сравненіе семейства птицъ съ семействомъ насѣкомыхъ.—Роль самца въ семействѣ млекопитающихъ; моногамія и полигамія, относительная высота этихъ двухъ типовъ; о созидательной дѣятельности млекопитающихъ; всего чаще она имѣетъ индивидуальный характеръ.

Вступленіе въ семейство самца представляетъ новую фазу въ развитіи семейнаго общества у животныхъ. Это осложненіе возникаетъ вмѣстѣ съ появленіемъ позвоночныхъ, и, начиная съ класса рыбъ, мы находимъ множество любопытныхъ его примѣровъ; но вначалѣ оно не имѣетъ всего того значенія, до какого способно развиться. Въ самомъ дѣлѣ, самецъ, вступая въ семейство, играетъ въ немъ до того преобладающую роль, что онъ доходитъ до вытѣсненія самки и замѣщенія ея въ заботахъ о потомствѣ; такимъ образомъ его появленіе не только не вводитъ въ воспроизводящій соціальный организмъ какого-либо бо̀льшаго разнообразія функцій, но еще служитъ тормазомъ многихъ отправленій, практикуемыхъ у наиболѣе развитыхъ безпозвоночныхъ, такъ какъ выше класса насѣкомыхъ безполыя (neutres) совсѣмъ не встрѣчаются. Сведенная къ одному индивиду, который принимаетъ на

себя исключительно всѣ заботы о потомствѣ послѣ его вылупленія, отеческая власть, такъ сказать, поглощаетъ все семейство съ той минуты, какъ внѣдряется въ него. Только позже и совсѣмъ не у рыбъ, а у земноводныхъ и птицъ, самка отдается исполненію своихъ обыкновенныхъ обязанностей и особенно заботится о воспитаніи дѣтей. Съ наступленіемъ этого періода, помощь самца получаетъ возможность приносить выгоду семейству, вызывая въ немъ разнообразіе функцій, которое до того времени оставалось подъ спудомъ.

Правда, что вездѣ, гдѣ существуютъ раздѣльные полы, самецъ и самка, по крайней мѣрѣ по временамъ, связываются другъ съ другомъ взаимными представленіями и что эта взаимность мыслей, сопровождаемая соотвѣтственной взаимностью чувствъ, вноситъ въ ихъ 'чету общее сознаніе. Но мы уже замѣтили, до какой степени это совпаденіе представленій и желаній было кратковременно; мы видѣли, что самецъ или погибаетъ тотчасъ послѣ совокупленія, какъ это часто случается у насѣкомыхъ, или продолжаетъ бездѣятельную жизнь, не принимая участія въ трудахъ семейства, причемъ самка дѣлается центромъ воспроизводительнаго организма и своими отношеніями къ дѣтенышамъ открываетъ какъ бы второй періодъ семейной жизни, гдѣ самецъ не играетъ никакой роли. Разчлененная, такимъ образомъ, на двѣ слѣдующія другъ за другомъ части, между которыми невозможно было никакого другаго сообщенія, кромѣ органическихъ наслѣдственныхъ вліяній, изучаемая нами группа остается лишенной той непрерывности сознанія, которая создаетъ настоящую индивидуальность. Напротивъ, какой концентраціи и, въ то же время, непрерывности она могла бы достигнуть, если бы за брачнымъ обществомъ слѣдовало непосредственно семейное, укрѣпляющее взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми!

Но прежде чѣмъ достигнуть этого относительнаго совершенства, семейство проходитъ черезъ рядъ низшихъ стадій, о которыхъ мы должны сказать нѣсколько словъ: сначала возникаетъ семейство, гдѣ роли родителей перемѣшаны и самецъ заступаетъ мѣсто самки.

Эту аномалію представляютъ намъ рыбы. Въ громадномъ большинствѣ видовъ молодыя рыбки вылупляются безъ помощи родителей и съ самаго своего рожденія умѣютъ оріентироваться среди окружающихъ ихъ условій жизни. Родители ограничиваются въ своихъ заботахъ о потомствѣ лишь тѣмъ, что кладутъ яйца въ благопріятныхъ для того мѣстахъ; только нѣкоторые изъ нихъ склеиваютъ ихъ и прикрѣпляютъ къ неподвижнымъ предметамъ. Примѣры отеческой любви между ними крайне рѣдки, хотя съ каждымъ днемъ наблюденіе открываетъ все болѣе и болѣе случаевъ подобнаго рода. Говорятъ, что самцы морскихъ иголъ и морскихъ коньковъ носятъ яйца въ особомъ выводковомъ мѣшкѣ; во время метанія самками икры, морскіе коньки обвиваются вокругъ тѣла своихъ супругъ. Лосось и форель вырываютъ въ пескѣ углубленіе для кладки яицъ, причемъ самецъ и самка работаютъ вмѣстѣ. Неизвѣстно, какой изъ двухъ половъ строитъ гнѣздо изъ водорослей у губача, зеленухи, морской собачки, морской колюшки и *Chironectus pictus*; та же неизвѣстность существуетъ и относительно чернаго бычка, столь ревностно охраняющаго свои яйца. Но мы знаемъ, что у прѣсноводнаго бычка, имѣющаго съ нимъ сходный образъ жизни, гнѣздо строитъ самецъ. Точно также самцы пинагора или круглопера охраняютъ яйца своихъ подругъ и выводятъ на своей спинѣ дѣтенышей въ открытое море, а самцы колюшекъ, тоже строющіе гнѣзда, вталкиваютъ въ нихъ беременныхъ самокъ и загоняютъ молодыхъ рыбокъ въ случаѣ опасности. По наблюденіямъ Карбонье, самецъ гуарама (одна изъ лабиринтовыхъ рыбъ), подобно морскимъ конькамъ, помогаетъ своимъ самкамъ метать икру и помѣщаетъ ее на гнѣздо плавающихъ пузырьковъ, которое онъ сопровождаетъ и поддерживаетъ вплоть до вылупленія мелюзги. Въ Цейлонскихъ водахъ есть рыбы, сохраняющія яйца и выводящія изъ нихъ дѣтенышей въ полости рта. Мы сами видѣли ихъ въ Эдинбургскомъ музеѣ, гдѣ онѣ показываются подъ названіемъ *Arius Bookei*. То же наблюденіе было сдѣлано Агассицомъ относительно одной изъ рыбъ Амазонской рѣки, что̀ подтверждаетъ въ свою очередь Джеттрисъ Виманъ (Van Beneden. *Parasites et commensaux*, стр. 28). Наконецъ,

вотъ еще не менѣе оригинальная рыба, водящаяся въ Тиверіадскомъ озерѣ,—*Chromis paterfamilias*, которая сохраняетъ и выкармливаетъ до двухсотъ птенцовъ въ своей глоткѣ и жаберной полости. По изслѣдованіямъ Лорте, когда самка снесетъ яйца въ тростникѣ, самецъ приближается къ этому мѣсту и посредствомъ всасыванія заставляетъ ихъ войти къ себѣ въ ротъ, а затѣмъ въ промежутки между жаберными листочками. Слабое давленіе, производимое на яйцо этими послѣдними, вполнѣ достаточно для ихъ удерживанія на постоянныхъ мѣстахъ. Здѣсь, среди дыхательныхъ органовъ, яйца претерпѣваютъ свои метаморфозы. Скоро дѣтеныши настолько увеличиваются въ объемѣ, что чувствуютъ себя стѣсненными въ своей крошечной тюрьмѣ. Они выходятъ изъ нея въ ротъ, но не черезъ жаберныя щели, а черезъ отверстія, соединяющія жаберную полость со ртомъ, гдѣ остаются прижатыми другъ къ другу, подобно зернамъ спѣлой гранаты. Ротъ кормилицы-отца вслѣдствіе этого такъ распучивается, что онъ не можетъ плотно сдвинуть челюстей. Неизвѣстно, въ какой періодъ своей жизни молодь покидаетъ отцовскій ротъ (*Comptes rendus de l'Académie des sciences, séance de 20 décembre 1875*). Приведенные факты съ достаточной ясностью показываютъ, что у рыбъ самецъ дѣйствительно играетъ преобладающую роль въ воспитаніи дѣтенышей тамъ, гдѣ они не оставляются на произволъ судьбы. Попробуемъ опредѣлить соціологическое значеніе этого явленія.

Мы пытались отыскать причину материнской любви у безпозвоночныхъ и должны были, въ концѣ концовъ, отказаться отъ своего намѣренія. Мы одинаково не могли допустить какъ того, чтобъ каждое насѣкомое понимало необходимость попеченія о яйцахъ, вылупленіе изъ которыхъ имъ не суждено никогда увидать, такъ и того, чтобъ цѣлая раса, путемъ наслѣдственности, пріобрѣла соотвѣтствующій инстинктъ, такъ какъ производители не представляли ни одного изъ условій, необходимыхъ для возникновенія такого инстинкта. Вопросъ представляется намъ еще разъ въ новыхъ рамкахъ. Нужно объяснить любовь не только самки, но и самца. Въ этомъ случаѣ позволительно было бы прибѣгнуть къ наслѣдственному вліянію, которое передавало бы обоимъ поламъ склонность,

свойственную вначалѣ лишь одному изъ нихъ. Но для того, чтобъ это могло быть осуществимымъ, нужно, чтобъ наслѣдственность материнскаго инстинкта была возможна въ самомъ классѣ рыбъ. По мнѣнію наиболѣе авторитетнаго представителя новѣйшихъ зоологическихъ доктринъ, Геккеля, первыя изъ рыбъ—безголовыя позвоночныя — отдѣлились отъ червей въ періодъ весьма невысокаго развитія послѣднихъ, и потому почти невѣроятно, чтобъ въ этотъ моментъ черви могли испытывать чувства и представленія, которыя предполагаетъ возникновеніе материнской любви. Итакъ, путь къ рѣшенію нашей задачи, съ этой стороны оказывается прегражденнымъ; нужно, слѣдовательно, искать раціональнаго объясненія инстинктовъ, служащихъ основою семейства, въ другомъ мѣстѣ. Мы принимаемъ за достовѣрное, что эти инстинкты возникали не однажды въ органическомъ мірѣ и только впослѣдствіи распространились и укрѣпились.

Второй путь къ рѣшенію вопроса открывается съ совершенно другой стороны, хотя и не сходитъ съ почвы эволюціонной теоріи. Спрашивается, не составляютъ ли заботы и попеченія о новорожденныхъ дѣйствія органическихъ импульсовъ, которые, по своему существу, всегда оставались неизмѣнными или – что́ одно и то же— никогда не были актомъ воли, сколько-нибудь зависящимъ отъ разума? Измѣненія, выгодныя для яицъ и новорожденныхъ, проявляются въ организмѣ того или другаго изъ родителей въ періодъ размноженія и развиваются путемъ естественнаго подбора, такъ что въ сущности родители побуждаются къ тому или другому акту, отъ котораго зависитъ сохраненіе ихъ потомства, ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствіемъ безповоротной необходимости: они побуждаются къ тому самыми законами своего организма. Такъ, яйца и гнѣзда многихъ рыбъ *) приклеиваются выдѣляемой ими слизью лишь во время кладки яицъ и вылупленія изъ нихъ дѣтенышей. Извѣстно, что процессъ выдѣленія этой слизи не зависитъ отъ ихъ воли, потому что онъ требуетъ предустановленнаго органическаго

*) Яйца моллюсковъ, крабовъ, окуней, земноводныхъ и почти всѣ гнѣзда о которыхъ упоминалось выше.

механизма, переданнаго по наслѣдству. Такимъ образомъ, онъ становится врожденной необходимостью, налагающей свою руку на самую волю и сообщаетъ ей въ данный моментъ опредѣленное направленіе. То же самое представляютъ и органы, которые способствуютъ насиживанію у птицъ. Во время кладки яицъ они испытываютъ общее горячечное состояніе, преимущественно же въ сплетеніи кровеносныхъ сосудовъ, расположенныхъ на животѣ и потому получившихъ названіе насиживательнаго сплетенія. Эта горячка должна вызывать въ нихъ желаніе покоя и освѣжающихъ впечатлѣній, которыя онѣ и получаютъ, сидя на яйцахъ. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у нихъ и аппетитъ, т. е. избавляетъ ихъ отъ необходимости отлучаться отъ гнѣзда для добыванія пищи. Но вотъ вылупились птенцы. Многія птицы кормятъ ихъ при этомъ веществомъ, которое иногда выдѣляется изъ глотки какъ самца, такъ и самки, и то, что мы сказали о выдѣленіи рыбъ, оказывается вполнѣ справедливымъ и здѣсь—оно есть прямая необходимость. Отдавая свое выдѣленіе дѣтенышамъ, птицы, собственно говоря, только *избавляются* отъ него; само же оно есть механическій, рефлективный актъ ихъ организма *). Выдѣленіе, изъ котораго саланганы строятъ свои гнѣзда, подчиняется тому же закону. Наконецъ, самыя самки млекопитающихъ и тѣ лишь выполняютъ его *требованіе*, давая грудь своимъ дѣтямъ.

Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ любовь является возможнымъ *спутникомъ* явленія, а никакъ не опредѣляющей его причиной. Напротивъ, она-то и есть слѣдствіе, вытекающее изъ рефлективныхъ актовъ, о которыхъ мы только что говорили, подобно тому, какъ половая любовь возникаетъ изъ физической склонности, которая, если можно такъ выразиться, толкаетъ полы одинъ къ другому, когда жизнь ихъ воспроизводительныхъ органовъ отказывается функціонировать отдѣльно.

Эта теорія, доказательство которой, къ сожалѣнію, не было развито въ деталяхъ для всѣхъ группъ животнаго царства, какъ

---

*) Joly, диссертація объ инстинктѣ (*l'Instinct*), первое изданіе, стр. 69.

намъ кажется, покоится на весьма солидныхъ основаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, начальное органическое движеніе всего чаще составляетъ опредѣляющую причину умственнаго процесса, который по отношенію къ нему играетъ служебную роль. Трудно и даже почти невозможно объяснить представленіями самое строеніе организма, поскольку оно обезпечиваетъ на своихъ первыхъ ступеняхъ воспроизведеніе вида. Будетъ ли принятъ для объясненія взаимной приспособленности органовъ естественный подборъ или спеціальное твореніе, во всякомъ случаѣ она несомнѣнно требуетъ другой причины, чѣмъ разумность существъ, которой они надѣлены, такъ какъ по крайней мѣрѣ въ низшихъ областяхъ животнаго царства, напримѣръ у асцидій, сохраняющихъ яйца подъ своимъ мѣшкомъ и у морскихъ звѣздъ, отводящихъ имъ мѣсто подъ центральной частью своего тѣла, просто немыслимо объяснить данное явленіе какимъ-либо опредѣленнымъ представленіемъ, а тѣмъ менѣе предусмотрѣніемъ. Каково бы однако ни было участіе безсознательнаго механизма въ первомъ возникновеніи воспроизводительныхъ органовъ и ихъ вспомогательныхъ аппаратовъ, мы не думаемъ, чтобъ это участіе могло быть законно распространено на остальную часть животнаго царства съ устраненіемъ всякаго психическаго дѣйствія. Въ жизни каждаго животнаго, обладающаго сколько-нибудь сложной организаціей, существуетъ два періода, — одинъ, когда его сохраненіе, также какъ и рожденіе, обезпечивается процессомъ явленій почти исключительно механическаго порядка, и другой,—когда его развитіе совершается подъ бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ интеллекта или представленій, и когда элементъ взаимности въ жизни играетъ значительную роль. Всего чаще впрочемъ, какъ въ первомъ періодѣ такъ и во второмъ, обѣ группы явленій физіологическихъ и психологическихъ содѣйствуютъ одновременно функціи воспроизведенія, хотя и въ различныхъ пропорціяхъ. Такъ (мы думаемъ, что доказали это достаточно убѣдительно), начиная съ класса насѣкомыхъ, эстетическія проявленія играютъ весьма важную роль въ сближеніи половъ, и, обратно, физіологическіе процессы оказываютъ сильное вліяніе на развитіе любви къ дѣтямъ если не отца, то матери даже у высшихъ позвоночныхъ. Что касается относительной

важности двухъ упомянутыхъ нами порядковъ явленій, то вопросъ тутъ въ степени, и рѣшить его опредѣленно можетъ разсмотрѣніе каждой зоологической группы отдѣльно. Но мы въ состояніи уже теперь утверждать, что важность вліянія психологическихъ явленій возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія лѣстницы общественныхъ организмовъ, причемъ духовная солидарность (solidarité des consciences) и соотносительность органовъ все болѣе и болѣе исчезаетъ въ отношеніяхъ, соединяющихъ между собой различныхъ членовъ семейства. Коллективная дѣятельность (industrie), какой она представляется намъ въ обществахъ перепончатокрылыхъ, конечно, не есть дѣйствіе автоматическихъ импульсовъ: въ ней не замѣтно слѣдовъ присущей имъ монотонности, неподвижности и однообразія. Какое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя изученіе высшихъ обществъ? Мало по малу, если мы не ошибаемся, читатель приходитъ къ убѣжденію, что различные пріемы выводки и воспитанія дѣтенышей не только далеко отстоятъ отъ чисто механическихъ комбинацій, но еще сами являются источникомъ новыхъ органическихъ измѣненій, и что если органъ опредѣляетъ функцію, то въ свою очередь и функція мало по малу вырабатываетъ его и завершаетъ путемъ упражненій, которыя она въ немъ вызываетъ. Въ этомъ именно заключается генетическая причина большаго числа половыхъ эстетическихъ аттрибутовъ и побочныхъ (accessoires) усовершенствованій, вносимыхъ постепенно въ функцію воспроизведенія соотвѣтственно повышенію лѣстницы организмовъ. Мы сказали, что выдѣленіе питательной жидкости голубями изъ зобныхъ железокъ вызываетъ въ нихъ материнскую любовь; но можно спросить, не равиваетъ ли въ свою очередь материнская любовь это отдѣленіе, вначалѣ часто автоматическое? Тотъ же вопросъ позволительно сдѣлать и относи-

---

*) Извѣстно, что эта функція прекращается и соотвѣтствующій ей органъ атрофируется въ случаѣ его неупражненія. Козы, возвратившіяся къ дикой жизни, имѣютъ значительно менѣе объемистое вымя.— Самка вертишейки, у которой взяли снесенное ею яйцо, снова почувствовала половое возбужденіе; затѣмъ, снеся второе яйцо, она перестала искать самца, и такъ до 20 разъ, пока не умерла. Не вызываетъ ли въ данномъ случаѣ утрата яйца половое возбужденіе путемъ идеи, пред-

тельно кормленія грудью *), и намъ кажется, что здѣсь ученіе Ламарка едва ли должно будетъ преклониться передъ доктриной Дарвина при будущей борьбѣ между различными зоологическими школами.

Пусть впрочемъ читатель не ошибается въ истолкованіи нашей мысли. Отводя широкое мѣсто психическимъ вліяніямъ, мы не прибѣгаемъ къ помощи *таинственныхъ* силъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ опытомъ. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, чтобъ знать, происходятъ ли приспособленія, обезпечивающія жизнь и развитіе нарождающихся индивидовъ среди все болѣе и болѣе разнообразныхъ обстоятельствъ, путемъ непосредственности и благодаря прямой связи между отправленіями того и другаго органа, или же они обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію посредствующаго органа (центральной нервной массы, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ главныхъ центровъ), назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобъ устанавливать сообщеніе между внѣшнимъ міромъ и цѣлями жизни, хотя и несравненно болѣе сложнымъ окольнымъ путемъ, но гораздо болѣе понятнымъ для насъ въ его общихъ результатахъ. Короче, есть ли сотрудничество между индивидами въ животномъ царствѣ только результатъ удивительнаго механизма, о которомъ, въ большинствѣ случаевъ, мы не можемъ имѣть никакого понятія, или же это дѣло мысли, развивающейся по большей части согласно съ законами нашей логики и, слѣдовательно, уловимой для строгаго изслѣдованія? Въ этомъ видѣ наша доктрина не должна удивлять ни психологовъ-спиритуалистовъ, стремящихся повсюду объяснять низшее высшимъ и природу ея цѣлями, ни физіологовъ, которые, сколько я знаю, не отрицаютъ реальности психическихъ явленій и даже стремятся открыть ихъ условія. Если бы они могли въ объясненіи занимающихъ насъ явленій подняться до тончайшихъ причинъ, то наука была бы закончена въ этомъ пунктѣ; но могутъ ли они это сдѣлать не только теперь, а даже въ будущемъ? Поставленный въ такое положеніе, человѣческій умъ не остается однако безъ рессурсовъ; такъ напримѣръ, не подлежитъ сомнѣ-

---

ставленія? (Фактъ, приведенный у Гартмана въ его *Философіи безсознательнаго*, т. I, стр. 92).

нію, что историкъ не долженъ разбирать физіологическихъ движеній, изъ которыхъ вытекаютъ историческія событія; но, принимая эти событія за результаты en bloc, такъ, какъ они представляются нашему уму, онъ имѣетъ полную возможность опредѣлить ихъ послѣдовательный порядокъ и связать ихъ между собой сѣтью узловъ, вытекающихъ изъ необходимости, короче, объяснить ихъ научно. То же слѣдуетъ сказать о статистикѣ и даже біологѣ, когда онъ, напримѣръ, опредѣляетъ среднее число яицъ или приплода, даваемаго каждымъ видомъ, средній вѣсъ какихъ-либо органовъ человѣческаго тѣла или же среднюю силу сокращеній сердца такого-то и такого то животнато; во всѣхъ этихъ случаяхъ они придерживаются общихъ явленій, *итоговъ*, составляющихъ предмѣтъ ихъ преслѣдованій. Быть можетъ даже, что всѣ наблюдаемыя нами явленія суть ничто иное, какъ настоящіе комплексы болѣе тонкихъ явленій, такъ какъ матерія сохраняетъ свою безконечную сложность даже въ самыхъ простыхъ своихъ свойствахъ, и мы знаемъ, что всѣ наши чувства представляютъ собой комбинаціи элементарныхъ ощущеній. Съ этой точки зрѣнія, психическія явленія будутъ ничѣмъ инымъ, какъ только болѣе сложными комплексами механическихъ явленій, которыя, по своей запутанности, ускользаютъ отъ нашего анализа, но которыя именно поэтому и имѣютъ то же—если только не бо́льшее—право, какъ и другія, фигурировать въ наукѣ.

Мы не скроемъ, что предложенный нами здѣсь общій пріемъ (mode) объясненія пасуетъ въ бо́льшей части случаевъ, представляемыхъ низшими животными. Здѣсь какъ бы господствуетъ одинъ только слѣпой механизмъ; за то тутъ нѣтъ также и никакой внѣшней созидательной дѣятельности (industrie). Но по мѣрѣ поднятія вверхъ, дѣйствіе механическаго начала становится все болѣе и болѣе недостаточнымъ. Если выдѣленіе, посредствомъ котораго самцы склеиваютъ икринки, можетъ еще найти себѣ объясненіе въ естественномъ подборѣ, то проявляемое ими техническое искусство никакимъ образомъ не объясняется тѣми же самыми началами. Построить гнѣздо, иногда довольно сложное, привести туда самку, сохранять тамъ яйца долгое время послѣ ихъ оплодотворенія, производить постоянно около нихъ токи свѣжей воды, чтобъ не дать имъ испор-

титься—все это такіе акты, которые стоятъ значительно выше автоматизма, не только автоматизма картезіанскаго, имѣющаго за себя лишь немногихъ робкихъ защитниковъ, но даже дарвиновскаго автоматизма, основаннаго на выгодѣ и придающаго самымъ слѣпымъ сргаплическимъ явленіямъ родъ нѣкоторой намѣренности, которая подкупаетъ въ свою пользу. Какъ бы ни были удивительны дѣйствія, которыя ему приписываютъ, это не мѣшаетъ намъ полагать, въ виду только что приведенныхъ нами явленій, что различныя ихъ комбинаціи относятся, такъ сказать, къ другому порядку и исходятъ изъ иной причины. Необходимо, чтобъ выгода, которой автоматизмъ служитъ и способствуетъ столь сложными средствами, была въ нѣкоторой степени сознаваема; иначе животное не пользовалось бы имъ для этой цѣли съ такимъ единствомъ взглядовъ и настойчивостью воли. Итакъ, мы приходимъ, по поводу отеческой любви рыбъ, къ заключенію, которое прилагалось бы также и къ материнской любви насѣкомыхъ, если бы послѣднія когда либо были въ состояніи видѣть вылупленіе ихъ личинокъ, такъ какъ чувство одно и то же въ обоихъ полахъ. Вотъ это заключеніе: родители животныхъ, стоящихъ ниже млекопитающихъ и птицъ, знаютъ *нѣчто* о томъ, что̀ содержитъ въ себѣ яйцо, и это нѣчто служитъ опредѣляющимъ импульсомъ сложныхъ актовъ, которыми проявляется ихъ любовь.

Какъ, значитъ, рыбы, родившіяся въ предыдущемъ году, знаютъ, что изъ ихъ яицъ должны выйти на свѣтъ другія рыбы! Этого мы не утверждаемъ; мы хотимъ только, чтобъ вмѣстѣ съ нами были признаны два слѣдующихъ положенія: 1) что эти животныя чувствуютъ сильный интересъ къ яйцамъ, которыя ими оплодотворены и 2) что они, руководясь смутной идеей, считаютъ ихъ такими же живыми существами, какъ они сами, а слѣдовательно нуждаются въ извѣстномъ охраненіи и уходѣ. Мы не можемъ объяснить, на чемъ основаны этотъ интересъ и эта идея, иначе, какъ вернувшись къ выводамъ нашихъ первыхъ главъ.

Читатель припомнитъ, что всякое живое существо представляется намъ въ видѣ общества. Оплодотворяющее вещество съ одной стороны, яйца—съ другой принадлежали тѣлу родителей, входили въ

число его составныхъ частей, каждая изъ которыхъ живетъ своею жизнью такъ же, какъ и все цѣлое. Съ отдѣленіемъ ихъ отъ цѣлаго организма и даже прежде, когда это отдѣленіе еще только подготовляется, обществомъ овладѣваетъ общее безпокойство (trouble) глубоко чувствуемое всѣмъ его существомъ. Припомните, въ какомъ возбужденіи находится курица передъ тѣмъ, какъ ей подошло время нестись, какъ она волнуется и кудахчетъ на своемъ гнѣздѣ. Если же гармонія составныхъ живыхъ элементовъ такъ уравновѣшена въ организмѣ, что пертурбаціи его частей имѣютъ свой откликъ въ центрѣ (и рыбы въ этомъ случаѣ обладаютъ уже достаточно развитой нервной системой), то, при отдѣленіи имъ яицъ и оплодотворяющихъ тѣлецъ, животное не можетъ не отнестись къ тому и другому безъ надлежащаго вниманія. Оно должно видѣть въ нихъ часть самаго себя и, слѣдовательно, стараться объ ихъ сохраненіи. Вслѣдствіе интереса, который всякое живое существо питаетъ къ самому себѣ и различнымъ частямъ своего тѣла, находящимся между собой во взаимной связи, оно испытываетъ его нѣкоторое время почти въ той же степени и къ тѣмъ элементамъ, которые хотя отдѣлились отъ него, однако еще не сдѣлались ему чуждыми. Но тяготѣніе къ самому себѣ животное проявляетъ удовлетвореніемъ своихъ нуждъ; вѣроятно ли послѣ этого, чтобъ такое же его отношеніе къ яйцамъ не выражалось рядомъ соотвѣтствующихъ ему заботъ? Очень можетъ быть, что отсюда (не надо забывать, что все это не болѣе, какъ гипотеза) вытекаютъ все болѣе и болѣе удачные пріемы постройки норъ, гнѣздъ, обезпечивающихъ ихъ отъ опасностей и т. д.; здѣсь мышленіе является, такъ сказать, на первыхъ ступеняхъ своего развитія; передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, оно не заставляетъ ждать своего вступленія въ роль универсальнаго фактора всяческихъ измѣненій и усовершенствованій. Вотъ наступаетъ вылупленіе; если появившіеся на свѣтъ дѣтеныши не покидаютъ тотчасъ же родителей, свидѣтельствуя тѣмъ о своей независимости отъ материнскаго организма, то заботы объ нихъ могутъ продолжаться по прежнему. Такова, по нашему мнѣнію, причина отеческой любви вышеупомянутыхъ рыбъ: отецъ дорожитъ оплодотворенными яйцами, потому что смотритъ на нихъ, какъ на часть своего собственнаго тѣла, и

заботится объ нихъ потому, что считаетъ ихъ живыми. Короче, эта теорія отеческой любви находится въ связи съ нашей теоріей индивида; семейное общество намъ кажется возможнымъ только какъ развитіе индивидуальнаго органическаго общества *).

Эта гипотеза является здѣсь лишь въ грубомъ наброскѣ. Однако она довольно хорошо выдерживаетъ фактическую пробу. Почему, спускаясь ниже насѣкомыхъ, мы или находимъ очень мало или совсѣмъ не находимъ свидѣтельствъ тѣснаго отношенія между родителями и ихъ яйцами? Потому, что въ этихъ областяхъ животнаго царства физіологическія взаимодѣйствія всѣхъ частей организма слишкомъ слабы для того, чтобъ отдѣленіе половыхъ продуктовъ (produits de la génération) могло вызывать въ немъ общее возбужденіе и импульсировать его вниманіе къ этимъ послѣднимъ. Почему самецъ насѣкомыхъ относится индифферентно къ своему потомству? Потому что у насѣкомыхъ бываетъ внутреннее оплодотвореніе и самецъ не можетъ прослѣдить внутри тѣла самки роль извергаемыхъ имъ оплодотворяющихъ элементовъ. Напротивъ, самка, которая, такъ сказать, воочію видитъ снесенныя ею яйца, почти всегда выказываетъ относительно ихъ нѣкоторую заботливость. Почему самцы нѣкоторыхъ рыбъ играютъ роль, принадлежащую у другихъ животныхъ матери? Потому что самецъ послѣднихъ извергаетъ

*) Нѣкоторые пытались связать между собой факты родительской привязанности съ явленіями паразитизма. Мы не можемъ признать основательнымъ это уподобленіе. Паразитъ — врагъ своего хозяина или, по крайней мѣрѣ, дѣлается его врагомъ съ тѣхъ поръ, какъ перестаетъ жить насчетъ его *излишковъ* и заимствуетъ отъ него не только свое существованіе, но и поглощаетъ его собственное вещество. Сознаніе одного изъ нихъ развивается въ прямо противоположномъ направленіи сознанію другаго. Ничего подобнаго не встрѣчается въ процессѣ размноженія: ни яйцо, ни дѣтенышъ млекопитающаго, за исключеніемъ особыхъ крайне рѣдкихъ случаевъ, не бываютъ врагами материнскаго организма. Могутъ возразить, что паразитъ при нуждѣ дѣлается простымъ нахлѣбникомъ и что нахлѣбничество граничитъ съ взаимнымъ обмѣномъ услугъ. Мы не стали бы возражать противъ такой постановки дѣла, потому что взаимный обмѣнъ услугъ между индивидами одного вида, въ сущности есть сотрудничество, а сотрудничество есть общество. Кромѣ того, развитіе зародыша въ утробѣ матери отличается отъ паразитизма еще своимъ нормальнымъ характеромъ.

свою воспроизводящую жидкость на яйца, и самка, которую этотъ процесъ нѣсколько удаляетъ отъ яицъ, не можетъ болѣе распознать своей икры въ неустойчивой средѣ, гдѣ она ее метала. Итакъ, теорія, какъ видитъ читатель, вполнѣ согласуется съ фактами изъ жизни разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ классовъ животныхъ. Мы увидимъ мимоходомъ, что она подтверждается еще и нѣкоторыми другими новыми фактами.

Намъ остается еще коснуться одного вопроса, имѣющаго психологическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, желательно было бы знать, какова природа того понятія, которое имѣютъ родители о тѣсной связи, соединяющей послѣднихъ съ ихъ яйцами и дѣтенышами, и какого рода представленіе заставляетъ ихъ смотрѣть на яйца, какъ на живыя существа*). Конечно, эти понятія не могутъ быть поставлены на ряду съ тѣми ясными представленіями, къ которымъ способенъ умъ человѣка. Но они весьма близко граничатъ съ нѣкоторыми понятіями, наблюдаемыми также въ нашей умственной дѣятельности. Изслѣдованія опытной психологіи уже давно установили, что въ человѣкѣ, рядомъ съ отраженными разсудочными комбинаціями абстрактныхъ идей, дѣйствуютъ непосредственныя прямыя комбинаціи идей конкретныхъ. Разница между тѣми и другими только въ степени ихъ сложности и точности, т. е. въ способѣ ихъ воспріятія, а не въ ихъ существѣ. Идеи и чувства человѣка, касающіяся пола и родства, совершенно сходны съ тѣми, существованіе которыхъ мы предполагаемъ въ настоящую минуту у всякаго даже низшаго животнаго. Изслѣдованіе Лонгуса относительно психо-половыхъ явленій показываетъ, какими невидимыми путями природа ведетъ къ своимъ цѣлямъ умы, наименѣе посвященные въ ея предначертанія. Съ другой стороны, мы не сомнѣваемся, что жен-

---

*) Замѣчено, что животныя совершенно неспособны представлять себѣ *неживое* существо. Они знаютъ только самихъ себя и затѣмъ уже по себѣ судятъ обо всемъ остальномъ. Извѣстно, что дѣти олицетворяютъ весь окружающій ихъ міръ: огонь, печку, экипажъ и т. д. „Научное понятіе объ инертной, безчувственной матеріи, говоритъ Льюисъ, пріобрѣтается только послѣ долгаго воспитанія, дѣлающаго умъ способнымъ къ отвлеченію; весьма вѣроятно, что животныя и дикари никогда не достигаютъ до этого“ (*The physical basis of mind*, стр. 308).

щина въ исходѣ беременности, предоставленная самой себѣ и находящаяся въ самомъ глубокомъ невѣдѣніи по части акушерства, съумѣетъ, какъ слѣдуетъ, разрѣшиться и кормить своего ребенка *). Пусть подумаютъ, какое разстояніе отдѣляетъ мысли, предшествующія такимъ дѣйствіямъ, отъ стройнаго ряда научныхъ идей! Мы, люди— говорятъ иногда—есть ничто иное, какъ аппараты мышленія, располагающіе органами. Совершенно вѣрно; но бываетъ и такъ, что мы въ извѣстныхъ случаяхъ являемся организмомъ, который въ свою очередь управляетъ мышленіемъ—даже самые высшіе изъ нашихъ операцій должны проходить сначала черезъ нижайшія стадіи, чтобъ, путемъ незамѣтныхъ градацій, изъ рефлективныхъ, безотчетныхъ актовъ преобразоваться въ сознательную разсудочную дѣятельность.

Предложенная нами гипотеза о причинѣ отческой любви требуетъ для своего подтвержденія, чтобъ самецъ принималъ участіе въ заботахъ о выводѣ дѣтенышей вездѣ, гдѣ оплодотвореніе совершается внѣ утробы матери и гдѣ данный зоологическій видъ обладаетъ извѣстной степенью умственныхъ способностей. Какъ разъ это самое мы и видимъ у земноводныхъ. Многіе изъ нихъ помогаютъ самкѣ выметывать ея яйца изъ клоаки и выказываютъ къ нимъ

---

*) Фактъ, который мы представили здѣсь какъ вѣроятный, былъ доказанъ натуралистами. Вотъ нѣсколько строкъ изъ сочиненія Маудсли, профессора судебной медицины въ коллегіи Лондонскаго университета. „Д-ръ Карпентеръ разсказываетъ о соблазненной однимъ негодяемъ молодой дѣвушкѣ-идіоткѣ, которая, разрѣшившись отъ бремени, перегрызла пуповину зубами, какъ это дѣлаютъ животныя. Д-ръ Крихтонъ изъ *West Riding asylum*) приводитъ подобный же случай съ женщиной, (хотя и не идіоткой отъ природы, но впавшей въ состояніе полчаго безумія послѣ остраго помѣшательства. Она имѣла обыкновеніе убѣгать изъ дома и жить въ лѣсной глуши, питаясь дикими плодами или подаяніемъ, получаемымъ отъ жителей окрестныхъ фермъ; ночи же эта несчастная проводила въ кустарникахъ. Нерѣдко она жила такимъ образомъ по 15 дней сряду. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ дѣвушка родила двухъ близнецовъ. Она отыскала подходящую яму и тамъ, подчиняясь животному инстинкту, перегрызла зубами пуповину. Когда близнецовъ нашли черезъ два дня послѣ ихъ рожденія, они оказались вполнѣ здоровыми; но мать, остававшаяся все время послѣ разрѣшенія отъ бремени безъ пищи и одежды, была въ состояніи крайняго истощенія“. (*Body and mind*, стр. 47).

необыкновенную заботливость. «Самецъ лягушки-повитушки, яйца которой соединены между собой наподобіе четокъ, захватываетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ несется самка и обертываетъ этотъ шнурокъ вокругъ своихъ заднихъ лапъ, послѣ чего выходитъ съ ними на сухое мѣсто, гдѣ остается до того времени, когда настаетъ моментъ вылупленія; затѣмъ онъ погружается съ ними въ воду. *Пипа суринамская* представляетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе замѣчательныя особенности: самецъ помогаетъ самкѣ выметывать икру и размѣщаетъ вышедшія яйца на ея спинѣ. Около каждаго изъ нихъ образуется нѣчто вродѣ ячейки; такимъ образомъ спина самки оказывается изрытой полусотней маленькихъ впадинъ, въ которыхъ формируются и развиваются зародыши» (Milne Edwards. *Physiologie*, томъ VIII, стр. 496 и слѣд.). Напротивъ, ничего подобнаго не наблюдается у хвостатыхъ гадовъ, яйца которыхъ оплодотворяются въ утробѣ матери. «Собственно пресмыкающіяся не образуютъ между собой продолжительнаго союза; единственная потребность воспроизведенія удовлетворяется ими вслѣдствіе инстинктивной необходимости; для той и другой стороны это не болѣе, какъ нѣкоторое изверженіе. Кажется, что эта функція не производитъ ни малѣйшаго вліянія на соціальное состояніе индивида. Лишь въ крайне рѣдкахъ случаяхъ самцы соединяются съ самкой для подготовленія гнѣзда, или мѣста, благопріятствующаго кладкѣ и сохраненію яицъ. Такъ какъ пресмыкающіяся имѣютъ холодную кровь, то они и не насиживаютъ. Иногда мать старается объ охраненіи малютокъ въ раннемъ ихъ возрастѣ. Но тѣ изъ нихъ, которые родились болѣе счастливо организованными и могутъ сами удовлетворять свои первыя потребности, скоро, повидимому, совсѣмъ не узнаютъ ее и дѣлаются къ ней совершенно равнодушными» (Duméril. *Erpétologie*, стр. 213). Намъ кажется, что если Дюмериль допускаетъ здѣсь нѣкоторыя исключенія, то это, какъ онъ самъ прибавляетъ далѣе, потому, что онъ подъ именемъ пресмыкающихся подразумѣваетъ, вмѣстѣ съ змѣями, гадовъ, крокодиловъ и черепахъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти различные разряды имѣютъ весьма несходные нравы. Ящерицы живутъ парами. Самки крокодиловыхъ водятъ при себѣ своихъ дѣтенышей. Самки

многихъ змѣиныхъ, именно нѣкоторыя водяныя змѣи въ Кохинхинѣ наблюдавшіяся докторомъ Морисомъ, поступаютъ такъ же (*Herpeton*, *Homalopsis*). Самка *Cobra capello* защищаетъ свои яйца съ самоотверженіемъ (*Tour du Monde*, 1875). Наконецъ черепаховыя самымъ рѣшительнымъ образомъ устанавливаютъ у себя семейный режимъ, типъ котораго даютъ намъ птицы. Столь близкія къ птицамъ по своему зоологическому родству и въ особенности по своей эмбріологіи, они, подобно имъ, обнаруживаютъ необыкновенную пылкость во время половаго совокупленія; самцы нѣкоторыхъ черепахъ (Галлапаговы острова) издаютъ при этомъ, также какъ и самцы птицъ, особые сладострастные звуки, которые Дарвинъ сравниваетъ съ мычаніемъ (mugissement). Какъ и у птицъ, оба пола у нихъ живутъ парами. Когда наступаетъ время кладки яицъ, самки вмѣстѣ съ самцами приходятъ на песчаный берегъ и строятъ гнѣздо въ формѣ печи, гдѣ солнечная теплота согрѣваетъ яйца и заставляетъ въ свое время вылупляться изъ нихъ птенцовъ. Извѣстно, что многія птицы замѣняютъ насиживаніе тѣмъ же самымъ средствомъ. Итакъ, естественныя соотношенія этого разряда пресмыкающихся съ классомъ птицъ приводятъ насъ къ разсмотрѣнію многочисленныхъ семейныхъ обществъ, которыя представляютъ намъ эти послѣднія, причемъ мы не можемъ не замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ сходства въ организаціи соотвѣтствуютъ соціологическимъ сходствамъ. У черепахъ, крокодиловыхъ и змѣиныхъ оплодотвореніе яицъ совершается въ утробѣ матери; поэтому не удивительно, что тутъ заботится о нихъ самка*).

Укажемъ на два весьма выдающихся факта, которые, вслѣдствіе своей общеизвѣстности, нерѣдко совершенно ускользаютъ отъ обыденнаго вниманія. Факты эти всего лучше обрисовываютъ истинный характеръ, присущій семействамъ птицъ и нѣкоторыхъ другихъ жи-

---

*) Нѣкоторыя змѣи (*Eutoenia sirtalis*, *Eutoenia saurita*, *Caudisona horrida*) и всѣ представители рода гремучихъ имѣютъ обыкновеніе давать своимъ птенцамъ временное убѣжище у себя въ зѣвѣ (gorge), откуда эти послѣдніе выходятъ по миновапіи опасности. Живородящая ящерица (*Zooloca vivipara*) поступаетъ такимъ же образомъ. См. по этому предмету трудъ Броуна Гуда (*Brown Good.*).

вотныхъ, только что фигурировавшихъ въ нашемъ обзорѣ. Прежде всего мы встрѣчаемъ у нихъ небольшое число яицъ: въ то время какъ рыбы, остающіяся индифферентными къ участи своего потомства, мечутъ яйца сотнями тысячъ, рыбы, практикующія насиживаніе и строящія гнѣзда, лягушки-повитушки и наконецъ черепахи и крокодилы несутъ лишь незначительное количество яицъ. Число яицъ находится такимъ образомъ въ обратномъ отношеніи къ заботливости и смышлености родителей. Выражая тотъ же законъ нѣсколько иначе, мы можемъ сказать, что участь птенцовъ не отдается болѣе ни у птицъ, ни даже у нѣкоторыхъ рыбъ, на произволъ случая, но поступаетъ подъ контроль разнообразныхъ комбинацій, управляемыхъ предусмотрительностью и неусыпными заботами. Итакъ, въ соціальномъ организмѣ позвоночныхъ сознательность снова воспринимаетъ ту высокую роль, которая ей отведена въ общественной жизни насѣкомыхъ и даже получаетъ въ немъ еще бóльшую важность, такъ какъ здѣсь (и это второй изъ выдающихся фактовъ) дѣтеныши не могутъ выживать сами собой: послѣ насиживанія и слѣдующаго за нимъ вылупленія, ихъ необходимо выкармливать, воспитывать. Недостаточно, чтобъ родители произвели на свѣтъ птенцовъ; они еще должны ихъ втеченіе нѣкотораго времени сопровождать, руководить, охранять и защищать. Съ этихъ поръ отецъ пріобрѣтаетъ совершенно новую роль, управляя отношеніями семейства къ окружающему міру. Эта черта намъ кажется настоящей характеристикой того разряда семействъ, къ изученію котораго мы теперь приступаемъ. Такимъ путемъ индивидуальная жизнь въ первой своей фазѣ является подчиненной и затѣмъ въ дальнѣйшихъ связывается тѣсными узами съ жизнью общественной. По этому, если мы захотимъ охватить исторію живыхъ существъ во всемъ ея цѣломъ, то должны отвести соціологіи совершенно независимое мѣсто, поставивши ее выше біологіи.

Насъ ожидаетъ здѣсь серьезное затрудненіе: до сихъ поръ не существуетъ строгой классификаціи птицъ, по крайней мѣрѣ такой которая была бы принята всѣми. Бремъ дѣлитъ ихъ на 25 группъ и предполагаетъ прибавить къ нимъ еще 26-ую, хотя и не совсѣмъ рѣшительно. Нужно думать, что задача довольно трудна, такъ какъ

Геккель не могъ найти между группами никакихъ отличій, которыя позволяли бы ему расположить ихъ въ генеалогическомъ порядкѣ. «Классъ этотъ, говоритъ онъ, приспособляется тысячами способовъ къ условіямъ окружающей среды, не удаляясь въ тоже время сколько нибудь значительно отъ наслѣдственнаго типа анатомическаго строенія (*Histoire de la création*, стр. 950). Если между птицами трудно установить раціональный порядокъ, основываясь на зоологическихъ признакахъ, то нужно ожидать, что и ихъ общественная организація, будучи сама по себѣ весьма разнообразною, не даетъ возможности, на основаніи этихъ разнообразій, установить между ними большихъ градацій. Мало того. Такъ какъ общественная организація зависитъ отъ интеллекта, который подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣйствуетъ различно, не вызывая никакого видимаго измѣненія въ содѣйствующихъ ему органахъ, то эта организація въ сферѣ границъ, опредѣляемыхъ анатомическимъ строеніемъ, должна видоизмѣняться еще значительнѣе, чѣмъ это послѣднее. Такимъ образомъ даже естественныя группы, установленныя зоологами на основаніи устройства клюва и ногъ, въ лицѣ своихъ различныхъ *видовыхъ* представителей могутъ обладать самыми разнообразными привычками. Это именно и встрѣчается въ дѣйствительности. Чтобъ не приводить многихъ примѣровъ (подробное перечисленіе ихъ было бы крайне утомительно), укажемъ на одну изъ самыхъ естественныхъ зоологическихъ группъ, а именно на отрядъ Скребущихъ Брема. Мы найдемъ здѣсь рябковъ и бульдурюковъ, живущихъ парами, и рядомъ съ ними тетеревовъ, самцы которыхъ не проявляютъ общественности ни въ какое время года, между тѣмъ какъ косачи, крайне близкіе къ тетеревамъ, живутъ въ постоянныхъ стаяхъ. Рябчики—другой видъ изъ семейства тетеревей—значительно отличаются отъ предыдущихъ своими нравами и образомъ жизни. Это—моногамическія куриныя (Бремъ, т. II, стр. 325). Далѣе, въ бѣлой куропаткѣ мы встрѣчаемъ еще одну куриную птицу,—самца, представляющаго собой образецъ вѣрнаго мужа и заботливаго отца. Быть можетъ, намъ на это скажутъ, что хотя куропатки и помѣщены Бремомъ между Скребущими, однако онѣ не настоящія куриныя, а тѣмъ болѣе Гоко (Жерве въ своемъ *Manuel de*

Zoologie говоритъ совершенно противоположное); но сколько открывается передъ нами различiй въ той же группѣ, если мы сравнимъ между собой перепела, франколина и сѣрую куропатку! Тоже самое разнообразiе нравовъ у представителей близкихъ видовъ мы нашли бы и въ другихъ семействахъ. Все это побуждаетъ насъ быть крайне осторожными по части обобщенiй, которыя намъ придется дѣлать объ соцiальныхъ отношенiяхъ птицъ между собою. Говоря правду, при настоящемъ состоянiи классификацiи, ни одно изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ точнымъ; поэтому гораздо лучше придерживаться логическаго распредѣленiя фактовъ, основаннаго на многочисленныхъ примѣрахъ.

Начиная съ птицъ, самка естественнымъ образомъ дѣлается центромъ семейства за исключенiемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ (страусы); она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ фазы его жизни—насиживаетъ яйца, оказываетъ первую помощь вылупившимся дѣтенышамъ, печется объ нихъ и самоотверженно защищаетъ ихъ отъ всѣхъ опасностей, каковы бы ни были силы нападающаго врага. Не желая черезчуръ удлинять нашъ обзоръ, мы не будемъ представлять здѣсь примѣровъ материнской любви у высшихъ позвоночныхъ. Факты этого рода настолько извѣстны каждому, что дѣлаютъ совершенно безполезнымъ всякое указанiе на нихъ съ нашей стороны (См. книгу Menault. *L'Amour maternel chez les animaux*. Bibliothèque des Merveilles). Вокругъ этого центра мало по малу организуются различные элементы семейнаго общества—сначала птенцы, затѣмъ самецъ. Первыми мы займемся впослѣдствiи, т. к. въ настоящую минуту насъ всего болѣе интересуетъ послѣднiй. Вопросъ въ томъ, какъ объяснить себѣ совмѣстную жизнь самца съ самкой внѣ любовнаго сезона послѣ совокупленiя, тогда какъ при внутреннемъ оплодотворенiи и извѣстномъ промежуткѣ времени между спариванiемъ и кладкой яицъ, казалось бы, что по нашей гипотезѣ, онъ не могъ имѣть никакого основанiя относиться заботливо къ своимъ птенцамъ.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ фактовъ. Существуетъ небольшое число видовъ, гдѣ самцы постоянно живутъ особнякомъ отъ самокъ. Такъ напр., кукушка и тетеревъ тотчасъ послѣ совокупленiя отправля-

ются на поиски за новыми противниками и новыми предметами любви. У другихъ видовъ самецъ, покидающій самку, когда она начинаетъ строить гнѣздо или садится на яйца, возвращается къ ней съ вылупленіемъ птенцовъ, или когда они настолько окрѣпли, чтобы слѣдовать за нею, и съ этого времени не покидаетъ семьи. Такъ поступаютъ между прочимъ многія куриныя. Наконецъ, въ третьей группѣ видовъ (за вычетомъ упомянутыхъ исключеній, сюда относятся почти всѣ птицы: попугаи, воробьиныя, хищныя, лазящія, голенастыя, водоплавающія) самецъ остается около самки въ теченіе всей лучшей части года (весна, лѣто и начало осени) и представляетъ собой примѣръ столько же заботливаго отца, сколько вѣрнаго супруга. Далѣе семейство птицъ можетъ развиваться только въ смыслѣ продолжительности, не измѣняя однако при этомъ своего типа. Но поспѣшимъ перейти отъ этихъ общихъ чертъ къ болѣе частнымъ подробностямъ.

Птицы, самцы которыхъ оставляютъ свою самку тотчасъ послѣ совокупленія, принадлежатъ къ числу наименѣе развитыхъ. Съ одной стороны они увлекаются отъ нея далѣе ненасытной пылкостью своихъ страстей, съ другой—они не могутъ втеченіе того короткаго времени, которое необходимо для удовлетворенія ихъ животныхъ желаній, запечатлѣть ея образъ настолько глубоко, чтобъ онъ привязалъ ихъ къ ней и заставилъ подражать ея дѣйствіямъ, когда она начинаетъ строить гнѣздо. Наконецъ, чрезвычайная ажитація и эротическая горячка, охватывающія все ихъ существо, не позволяютъ имъ предаваться такимъ безмятежнымъ занятіямъ, каковы насиживаніе и выводъ дѣтенышей. Неподвижность самки и кропотливыя заботы, къ которымъ она себя принуждаетъ, наводятъ на нихъ скуку. Позднѣе, когда ихъ горячка утихнетъ, общественный инстинктъ можетъ снова пріобрѣсти надъ ними нѣкоторую власть, по крайней мѣрѣ, если къ тому не встрѣчается постояннаго хроническаго препятствія вродѣ, напримѣръ, задорнаго и непостояннаго права, какимъ обладаютъ тетерева. Тогда самцы возвращаются къ самкамъ, что́ обыкновенно происходитъ послѣ вылупленія птенцовъ. Впрочемъ до наступленія этого момента самки не всегда ихъ принимаютъ: отеческая любовь такъ слаба у нѣкоторыхъ изъ

нихъ, напр., у индюковъ, что они пожираютъ яйца и вынуждаютъ самку прятать ихъ. Таковы причины, продолжающія отсутствіе самца до вылупленія. Къ какой же именно самкѣ онъ возвращается? Это неизвѣстно, потому что во время своихъ любовныхъ похожденій онъ, конечно, имѣлъ дѣло со многими дамами своего сердца. Извѣстно только, что, если онъ возвращается, то за тѣмъ, чтобъ сдѣлаться главой группирующагося вокругъ него кружка, т. е. чтобъ играть роль большака въ семействѣ, которое онъ взамѣнъ того готовъ охранять цѣной своей жизни. Онъ болѣе господинъ, чѣмъ отецъ, и это объясняетъ намъ его присутствіе. Любовь не играетъ тутъ никакой роли. Проходитъ извѣстный срокъ, и ни одинъ самецъ за исключеніемъ куриныхъ, не выдерживаетъ вліянія временъ года; его чисто физическая любовь возрастаетъ и убываетъ вмѣстѣ съ солнечнымъ жаромъ. И не это временное влеченіе можетъ объяснить намъ пребываніе самца возлѣ дѣтей—имъ руководитъ въ данномъ случаѣ склонность болѣе постоянная. Это именно та самая склонность, которая проявляется у всѣхъ сильныхъ и задорныхъ птицъ, живущихъ въ одномъ птичникѣ съ другими. Онѣ не только стремятся обезпечить за собой лучшее мѣсто возлѣ корыта съ кормомъ, но добиваются господства ради самаго господства. Плохо вооруженная курица и совершенно безоружные цыплята спѣшатъ признать его, такъ какъ оно даетъ имъ защиту и опору. И дѣйствительно, пѣтухъ привязывается къ нимъ, какъ къ своимъ креатурамъ, которыя, зависят отъ него, дѣлаются его спутниками, и протежируетъ имъ такъ, какъ будто они были частями его собственнаго существа. Отсюда та снисходительность и доброта, отсюда же и та поспѣшность, съ какой пѣтухъ заявляетъ о своихъ находкахъ или устремляется противъ врага, нарушающаго спокойствіе его подданныхъ. Итакъ, организованное *общество* мало по малу составляется и скрѣпляется чувствомъ силы, любовью къ самому себѣ, инстинктомъ господства,—однимъ словомъ, склонностями и побужденіями *эгоистическаго* характера—выводъ, къ которому можно относиться такъ или иначе, но который тѣмъ не менѣе необходимо признать:

въ самомъ дѣлѣ, изъ чего могла бы развиться любовь къ другому, какъ не изъ любви къ самому себѣ? *Ex nihilo nihil.*

Слѣдуетъ ли выводить изъ того же рода чувствъ составленіе кружка самокъ, который самцы страуса и фазана вербуютъ вокругъ себя съ наступленіемъ любовнаго сезона? Нужно полагать, что уже вслѣдствіе тѣхъ спеціальныхъ обстоятельствъ, при которыхъ составляются эти кружки, здѣсь, кромѣ властолюбивыхъ чувствъ примѣшивается въ весьма значительной степени половой инстинктъ. Безъ сомнѣнія, полигамія у этихъ птицъ, также какъ и у дикаря, вызывается съ одной стороны стремленіемъ къ господству и съ другой—если можно такъ выразиться—половой жадностью. Необходимо замѣтить, что самецъ страуса послѣ непродолжительнаго сожительства съ самками принимаетъ участіе въ насиживаніи. Никакой пѣтухъ не доходитъ до этого.

Но большая часть птицъ придерживается моногаміи. Наиболѣе тѣсными взаимными узами отличаются изъ нихъ попугаи и нѣкоторыя изъ воробьиныхъ, хищныхъ и голенастыхъ. Много причинъ способствуютъ въ этихъ различныхъ семействахъ сосредоточенію взаимной привязанности, которую испытываютъ оба пола къ *одному* опредѣленному субъекту. Когда большое число паръ располагается по сосѣдству одна около другой, то даже спарившіеся уже самцы нерѣдко проявляютъ вожделѣнія къ чужимъ самкамъ, а тѣмъ болѣе самцы, не нашедшіе себѣ подругъ и остающіеся возлѣ товарищей, съ которыми они живутъ вмѣстѣ по установившейся привычкѣ. Слабые виды, принужденные постоянно бороться съ окружающими ихъ опасностями, не могутъ смѣло отстаивать свою власть. Съ другой стороны, хорошо вооруженные и воинственные виды, имѣющіе сверхъ того необходимость въ широкихъ районахъ для прокормленія себя добычей (Leroy. *Lettres*, стр. 60), живутъ отшельниками посреди обширныхъ пространствъ; отсюда слѣдуетъ, что составляющіяся при такихъ условіяхъ пары должны поддерживаться весьма тѣсными взаимными узами: родъ жизни хищныхъ развиваетъ ихъ умъ, и образъ ихъ подруги до такой степени сильно отпечатлѣвается въ ихъ воображеніи, что имъ трудно даже представить себѣ другую. Правда, кровожадные инстинкты нѣкоторыхъ

изъ нихъ должны бороться съ ихъ семейными наклонностями. «Ястребы, говоритъ Бремъ, выказываютъ другъ къ другу столь же мало привязанности, какъ и къ другимъ животнымъ. Любовь для нихъ совершенно неизвѣстное чувство. Самка, напр., пожираетъ своего самца, отецъ или мать—своихъ птенцовъ, а выросшіе и ставшіе сильными птенцы—своихъ родителей». Но если этотъ разрушительный инстинктъ достаточно силенъ для того, чтобы помѣшать большинству хищныхъ соединяться въ стаи, то острота его не настолько велика, чтобъ онъ могъ порывать семейныя связи съ такой легкостью и постоянствомъ, какъ можно было бы предполагать, основываясь на словахъ Брема. Иначе какимъ образомъ видъ могъ бы выдерживать его общее повсемѣстное истребленіе? Онъ долженъ былъ бы давно исчезнуть съ лица земли. Почти всѣ хищныя птицы, включая сюда и ястребовъ, самыхъ дикихъ и наименѣе развитыхъ между ними, живутъ съ одной самкой втеченіе года и болѣе, многія же—цѣлую жизнь. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ дятлы и зимородки проявляютъ сходные съ ними нравы. Впрочемъ для объясненія исключительныхъ привязанностей нѣтъ надобности прибѣгать къ внѣшнимъ условіямъ (уединенная и хищническая жизнь). Попугаи, живущіе обширными общинами, держатся также моногаміи; кто наблюдалъ ихъ въ неволѣ, тотъ безъ труда пойметъ, что у такихъ птицъ, связи поддерживаемыя взаимнымъ представленіемъ, могутъ успѣшно бороться съ неудобствами, которыя возникаютъ отъ близкаго сосѣдства. Многіе изъ нихъ впрочемъ, съ наступленіемъ любовнаго сезона, отдѣляются отъ общины и живутъ парами въ уединеніи. Что касается голенастыхъ, то это также весьма смышленыя животныя (смышленость ихъ была замѣчена еще Аристотелемъ и Платономъ), и многія изъ нихъ, какъ мы видѣли, служатъ вожаками и охранителями другихъ птицъ; супружескія отношенія ихъ отличаются нѣжностью и вѣрностью. Семейство лысухъ представляетъ собой образецъ согласія: «большія и малыя, юныя и пожилыя, эти птицы всѣ какъ бы сливаются въ одно сердце и одну душу» (Бремъ). Между пластинчатоклювыми, лебеди стоятъ довольно уединенно по своему постоянству и отеческой привязанности; во всей этой группѣ такъ раз-

вита общественность и гнѣзда строятся такъ близко одно отъ другаго, что, за отсутствіемъ достаточно сильныхъ сдерживающихъ представленій, между полами часто господствуютъ смѣшанныя связи, продолжающіяся вплоть до кладки яицъ. Такъ напр., у утокъ отецъ крайне равнодушенъ къ своему потомству—онъ не принимаетъ участія ни въ насиживаніи яицъ, ни въ воспитаніи птенцовъ. Если бы мы не боялись утомить читателя многочисленными примѣрами, то легко могли бы доказать съ фактами въ рукахъ справедливость того закона, что, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, *развитіе семейнаго общества у птицъ находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ способности представленія и различенія*. Если же, при несомнѣнной смышлености какого-либо вида, мы не находимъ у него общества, то это значитъ, что его образованію мѣшаютъ случайныя причины. Во всякомъ случаѣ эти рѣдкія исключенія не могутъ нисколько поколебать устойчивости общаго закона.

Покончивши съ основнымъ положеніемъ, обратимся къ психологическимъ фактамъ, служащимъ его опорой. Мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, какія демонстративныя упражненія практикуются самцами для уловленія самокъ въ періодъ любовнаго сезона. У полигамическихъ куриныхъ это ухаживаніе въ такой степени страстно, что парализуетъ ихъ способности. Тетеревъ во время *токованія* (особаго рода пляска со свистомъ и качаніемъ головы передъ самкой) теряетъ сознаніе того, что онъ дѣлаетъ и что вокругъ него совершается—онъ ничего не слышитъ и не видитъ: его не пугаютъ даже ружейные выстрѣлы. По большей части самцы тетеревовъ вмѣсто того, чтобъ подчиняться выбору самки, заставляютъ ее удовлетворять ихъ страстямъ. Любовь у нихъ походитъ скорѣе на опьяненіе чувствъ, чѣмъ на нѣжную серьезную привязанность. У другихъ птицъ характеръ ея совершенно иной; если ихъ любовь не столь глубока, стремительна, то она, взамѣнъ того, несравненно мягче и продолжительнѣе. Пернатые любовники выражаютъ ее пѣніемъ, ласками, вызывающими позами и ритмическими движеніями; въ это время оба пола пріучаются узнавать другъ друга и такъ тѣсно сливаются между собой въ помыслахъ, что не могутъ уже

болѣе разлучаться. Кому не извѣстны, такъ называемые, неразлучные попугайчики (инсепарабли), —порода попугаевъ, бывшая нѣкогда въ большой модѣ! Но классъ птицъ представляетъ намъ не одинъ примѣръ такой привязанности. «Когда умираетъ одна изъ пѣночекъ, жившихъ вмѣстѣ втеченіе двухъ или трехъ лѣтъ, то другому осиротѣвшему товарищу пары рѣдко удается пережить своего друга болѣе мѣсяца. Въ этомъ отношеніи пѣночки вполнѣ сходны съ инсепараблями» (Бремъ). «Эти птицы, говоритъ о усатыхъ синицахъ графъ Гурси, питаютъ другъ къ другу необыкновенную нѣжность. Самка и самецъ постоянно садятся бокъ о бокъ и когда засыпаютъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно самецъ, накрываетъ своего друга крыломъ. Смерть одного, прибавляетъ Бремъ, влечетъ за собой неминуемо и смерть другаго». На свободѣ медососъ (Hedydipna metallica) живетъ въ такой тѣсной дружбѣ съ своей самкой, что не оставляетъ ея ни на минуту и вмѣстѣ съ нею перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. По всей вѣроятности, онъ слѣдуетъ за ней добровольно и въ плѣнъ, подобно тому, какъ это бываетъ съ золотистымъ дятломъ. Они принадлежатъ къ числу лазящихъ, а мы знаемъ, что эти птицы перекликаются между собой посредствомъ постукиванія въ дерево. «Самка, говоритъ братъ Брема объ одной парѣ, которую онъ держалъ въ клѣткѣ, какъ-то заболѣла и вскорѣ умерла. Ничего нельзя себѣ представить трогательнѣе той грусти, какая при этомъ овладѣла самцомъ. Цѣлый день онъ не переставалъ звать свою подругу; бѣдняжка метался, барабанилъ клювомъ и такъ же безустанно выражалъ свое отчаяніе, какъ незадолго передъ тѣмъ проявлялъ свою любовь. Самый сонъ не принесъ ему успокоенія. Мало по малу онъ сдѣлался тише; но прежняя веселость къ нему уже не возвращалась, и теперь, когда всѣ его товарищи погибли, онъ сдѣлался совершенно безмолвнымъ». Та же привязанность замѣчается между самцомъ и самкой горлицы. «Смерть одного вызываетъ безутѣшную тоску въ другомъ. Я убилъ самку, разсказываетъ мой отецъ, самецъ улетѣлъ въ лѣсъ, но видя, что самка не слѣдуетъ за нимъ, онъ вернулся и сталъ надъ ней ворковать. Невозможно было безъ жалости смотрѣть на

этого осиротѣвшаго любовника» *). Гурней говоритъ о жабиру (Jabiru)—одномъ изъ голенастыхъ—что какъ самецъ, такъ и самка этихъ птицъ, проявляютъ въ отношеніи другъ къ другу необыкновенную супружескую вѣрность. Нерѣдко они тѣшатъ себя различными взаимными тѣлодвиженіями, вродѣ танцевъ. Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другой долго остается одинокимъ и очень трудно сходится снова. Эти факты достаточно убѣдительно доказываютъ, что моногамическія птицы чувствуютъ другъ къ другу беззавѣтную привязанность, которая переживаетъ острое влеченіе первыхъ встрѣчъ и продолжается весьма долго послѣ ихъ связи. Привязанность этого рода вполнѣ основана на идеѣ, какую обѣ птицы составляютъ себѣ одна о другой; она по преимуществу интеллектуальнаго характера и, тѣмъ не менѣе, глубоко внѣдряется во внутренній міръ данныхъ субъектовъ; порвать ее часто можно только вмѣстѣ съ жизнью.

Достаточно ли ея для образованія семейства? Ни одинъ изъ вышеприведенныхъ нами примѣровъ не даетъ намъ права этого утверждать. Большая часть птицъ, о привязанности которыхъ намъ приходилось говорить, соединяются между собой лишь затѣмъ, чтобы выводить вмѣстѣ дѣтенышей. Но влеченіе это настолько сильно, что оно вполнѣ объясняетъ намъ ухаживанье самца за своей возлюбленной не только до наступленія кладки яицъ, но даже и послѣ нея вплоть до вылупленія птенцовъ. Изъ этого именно влеченія и вытекаетъ та предупредительность, съ какой самцы, въ большинствѣ случаевъ, помогаютъ самкамъ въ постройкѣ гнѣзда и добываніи матеріаловъ, которые они употребляютъ и располагаютъ по своему усмотрѣнію. Въ немъ, и только въ немъ одномъ, можно отыскать ключъ къ объясненію присутствія самца во время насиживанія, его пѣсень, воздушныхъ эволюцій, которыми онъ услаждаетъ вынужденное бездѣйствіе своей подруги, и, наконецъ, той постоянной готовности, съ какой онъ кормитъ ее въ это время, или замѣняетъ въ гнѣздѣ. Имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что

*) См. Бремъ, т. I, стр. 721, 771; т. II, стр. 71, 262 и другія мѣста I, стр. 49, 76, 116 и пр. (американскій длиннохвостый попугай, коноплянка, кардиналъ, клестъ).

приготовляется,—хотя бы въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это, по-видимому, понимаетъ самка? Нельзя этого утверждать. Есть даже факты, показывающіе какъ-будто обратное: такъ, самыя нѣжныя части гнѣзда строятся не самцомъ, а самкой — она устилаетъ его мягкимъ слоемъ, на которомъ должны покоиться будущіе птенцы. Во многихъ случаяхъ самецъ только приноситъ матеріалы, а самка играетъ роль настоящаго строителя-архитектора. Сверхъ того, мы нерѣдко видимъ, что самка призываетъ самца громкими криками, чтобъ онъ занялъ ея мѣсто на яйцахъ. Какая же причина заставляетъ самца исполнять подобное занятіе, не смотря на его нерасположеніе къ насиживанію? Безъ сомнѣнія, скорѣе упрашиванія самки и ея утомленіе, чѣмъ отеческое чувство, столь рѣдкое до рожденія дѣтей даже у человѣка. Итакъ, первой скрѣпляющей связью въ семействѣ до появленія потомства служитъ, по нашему мнѣнію, половая любовь. Но разъ она явилась, отецъ не можетъ не испытывать къ малюткамъ тѣхъ чувствъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ свою очередь эти послѣднія чувства должны непремѣнно отражаться на его привязанности къ матери; нельзя себѣ представить, чтобъ родители, испытывая втеченіе многихъ мѣсяцевъ столько страховъ и опасеній за предметъ ихъ общей нѣжности, столько радостей и духовныхъ наслажденій, вытекающихъ изъ того же обоюднаго источника, не сблизились между собой послѣ всего этого еще болѣе, еще тѣснѣе.

Нужно ли указывать на узы, соединяющія птенцовъ съ ихъ родителями? Связь эта вначалѣ настолько сильна, что, съ прекращеніемъ ея, птенцы умираютъ. По мѣрѣ того какъ малютки растутъ, они начинаютъ чувствовать всю благотворность этой зависимости и отвѣчаютъ всѣмъ своимъ существомъ на призывы родителей. Такимъ образомъ, въ семействѣ птицъ можетъ практиковаться и практикуется настоящее воспитаніе: мы видимъ здѣсь непрерывный обмѣнъ условныхъ знаковъ *)—призыва, предупрежденій,

*) Смотри интересный этюдъ о разговорномъ языкѣ курицы съ цыплятами въ сочиненіи Houzeau: *Facultés mentales des animaux*, т. II, стр.

ободреній, упрековъ, на которые птенцы спѣшатъ откликаться съ свойственной имъ радостью. Родители учатъ и дрессируютъ ихъ съ неистощимымъ терпѣніемъ. Бѣлоголовый орланъ (хищная птица) носитъ своихъ дѣтенышей на спинѣ, чтобъ постепенно подготовить ихъ къ полету въ воздушныхъ высяхъ; многія изъ водяныхъ птицъ поступаютъ такимъ же образомъ при плаваніи, напр. суринамскіе пикапары (Heliornis fulica) лебеди, гага и нырцы. Эти послѣдніе въ случаѣ опасности, угрожающей ихъ дѣтенышамъ, захватываютъ ихъ подъ свои крылья и ныряютъ съ ними въ глубину; случается, что они прячутъ ихъ даже въ перья у себя на груди и вздымаются съ ними на воздухъ. Такъ же иногда поступаетъ и вальдшнепъ (*Catalogue des oiseaux de la Côte d'Or*. Marchand, 1869). По поводу тѣхъ же нырцовъ, Еккель (*Jaeckel*) разсказываетъ о весьма любопытной воспитательной сценкѣ. Въ началѣ родители постоянно кладутъ кормъ на водѣ передъ самымъ, такъ сказать, носомъ птенцовъ; но на восьмой день ихъ существованія они начинаютъ уже ихъ *воспитывать*. «Пернатый педагогъ еще два или три раза проплываетъ передъ птенцами, которые при этомъ выражаютъ желаніе захватить пищу прямо изъ родительскаго клюва, и затѣмъ тутъ же ныряетъ вмѣстѣ съ рыбой, приглашая ихъ слѣдовать за собой. Но такъ какъ они еще слишкомъ неловки и неискусны, то онъ показываетъ имъ кормъ издалека и зоветъ ихъ къ себѣ шумными *кони! кони!* Тогда они бросаются къ нему на зовъ и проплываютъ довольно значительное разстояніе. Рыбка дается въ награду лучшему пловцу». Извѣстно, что у куриныхъ дѣтеныши идутъ на зовъ матери, понимаютъ ея условные звуки и умѣютъ такъ хорошо приникать къ землѣ, что ихъ иногда нельзя найти, не смотря на самые тщательные поиски. Но мы не можемъ излагать здѣсь всѣ явленія въ ихъ безконечномъ разнообразіи. Для нашихъ цѣлей вполнѣ достаточно и тѣхъ фактовъ, съ которыми читатель познакомился въ этой главѣ. Они даютъ намъ полное право сказать, что родители связываются съ своимъ ближайшимъ потомствомъ—съ

---

346. О воспитаніи у животныхъ, см. также Hartmann. *Phil. de l'inconscient*, т. I, стр. 337. Мы ничего не заимствовали у него.

дѣтьми—двойной невидимой цѣпью и это что постоянное сообщенiе, этотъ постоянный обмѣнъ умственныхъ отправленiй, тѣсная солидарность душевныхъ движенiй, мыслей и желанiй дѣлаютъ изъ семейства птицъ одинъ индивидуальный нравственный организмъ, руководимый единымъ сознанiемъ. Съ этой точки зрѣнiя, оно является уже не группой существъ, но какъ бы однимъ существомъ.

Солидарность послѣдовательнаго ряда многихъ существъ предполагаетъ въ охватывающемъ его организмѣ дѣйствiе нѣкотораго непрерывнаго фактора. Этимъ факторомъ въ данномъ случаѣ является традицiя (преданiе, преемственность). Общественное сознанiе не можетъ достигать строгаго единства безъ посредства воспоминанiя. Уроки, передаваемые родителями своимъ дѣтямъ, заставляютъ послѣднихъ пользоваться опытомъ прiобрѣтеннымъ ими отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, и мы дѣйствительно видимъ, что измѣненiя въ строительной техникѣ или способахъ защиты придуманные первыми, повторяются и продолжаются вторыми.

Въ послѣднее время куропатки въ нашихъ странахъ сдѣлались осторожнѣе и мало по малу прiобрѣли привычку охранять себя при помощи часовыхъ. Потомство же ихъ, руководимое родителями, усвоиваетъ себѣ эту тактику съ перваго года своей жизни. Такимъ образомъ предостереженiя относительно опасностей передаются отъ старшаго поколѣнiя къ младшему: сочиненiя орнитологовъ изобилуютъ разсказами, свидѣтельствующими о перемѣнѣ привычекъ и образѣ жизни птицъ подъ влiянiемъ какихъ-либо новыхъ опасностей. Вездѣ напр. появленiе человѣка, сначала принимаемое безразлично и вызывающее одно только любопытство, по прошествiи нѣкотораго времени порождаетъ въ птицахъ недовѣрiе, которое, безъ сомнѣнiя, вполнѣ оправдывается смертоноснымъ дѣйствiемъ его оружiя *). Дѣйствуя въ обратную сторону, опытъ обратно же разви-

*) De Castella. *Tour du Monde*, 1861, стр. 81.—Дарвинъ. *Путешествiе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль* (*Voyage du Beagle*), стр. 48, 214, 420, 430 французскаго перевода. Здѣсь вопросъ этотъ разбирается весьма обстоятельно. „Эти факты, говоритъ Дарвинъ, позволяютъ мнѣ, кажется, заключить: 1) что дикость птицъ въ присутствiи человѣка есть особый ин-

ваетъ въ нихъ и довѣріе. Такъ напр., въ публичномъ саду, открываемомъ въ центрѣ большаго города, воробьи мало по малу совсѣмъ осваиваются съ своимъ новымъ положеніемъ и пріобрѣтаютъ даже нѣкотораго рода фамиліарность, а голуби позволяютъ къ себѣ подходить на улицахъ на разстояніи трехъ шаговъ; точно также наши сороки втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣли сдѣлаться до такой степени равнодушными къ грозному гулу локомотивовъ, что не стѣсняются устраивать свои гнѣзда на деревьяхъ, растущихъ по откосамъ чугунки. Въ параллель съ ними зайцы весьма часто избираютъ себѣ для отдыха смежные съ ней рвы, гдѣ спокойно лежатъ во время прохожденія поѣздовъ. Чѣмъ чаще слѣдуютъ другъ за другомъ выводки, чѣмъ быстрѣе передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію указанія опыта, чѣмъ долѣе остаются птенцы въ сообществѣ съ своими родителями, тѣмъ это послѣднее надежнѣе. Иногда, какъ напримѣръ у попугаевъ, эти два благопріятныя условія совпадаютъ вмѣстѣ (Бремъ, томъ I, стр. 49). Но если брачный союзъ между супругами продолжается всю ихъ жизнь, то семейное общество всего чаще длится не болѣе одного года, за исключеніемъ развѣ однихъ только лысухъ, гдѣ оно охватываетъ собой два выводка, образуя изъ нихъ одну цѣльную группу. Далѣе, за чертой этихъ границъ семейство поглощается обществомъ высшаго порядка, которое составляется изъ соединенія многихъ семейныхъ группъ. Въ брачной парѣ, взятой отдѣльно, семейное общество заканчивается каждую осень, съ тѣмъ чтобъ слѣдующей весной начаться снова.

Эта постоянная преемственность, какой бы она не имѣла на видъ перемежающійся и спорадическій характеръ, вполнѣ удовлетворительно объясняетъ намъ усовершенствованія животной культуры (industrie animale) въ классѣ птицъ. Если передача указаній

стинктъ, *направленный противъ него* (каждая опасность требуетъ особаго воспитанія),—инстинктъ, нисколько не зависящій отъ опыта, который они могли пріобрѣсть отъ соприкосновенія съ другими источниками опасностей; 2) что инстинктъ этотъ не пріобрѣтается птицами *личнымъ путемъ* въ непродолжительное время, хотя бы даже они подвергались усиленнымъ преслѣдованіямъ, но слагается постепенно, втеченіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній и дѣлается наслѣдственнымъ». См. также Livingston. *Missionary travels.*

опыта отъ родителей къ дѣтямъ становится въ извѣстной мѣрѣ возможнымъ фактомъ, то понятно, что этимъ путемъ въ расѣ должно совершаться постепенное накопленіе знанія и пониманія выгодъ, которыя можно извлекать изъ сношенія къ окружающимъ міромъ, а также опасностей, которыхъ при этомъ необходимо избѣгать; результатомъ же такого накопленія должно являться прогрессивное улучшеніе тактики, т. е. способовъ защиты и нападенія птицъ съ одной стороны и всякаго рода техническихъ пріемовъ съ другой. Такъ напр., несомнѣнно, что тактика куропатки во Франціи за послѣднее время стала совершеннѣе, точно также какъ и тактика животныхъ въ тѣхъ странахъ, которыя посѣщаются человѣкомъ съ цѣлью нападенія. Всѣ старые охотники центральныхъ департаментовъ говорятъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ куропатки (особенно при началѣ охоты) улетали по одиночкѣ и чуть не подъ самымъ носомъ собаки, а теперь онѣ поднимаются цѣлыми стаями и на большомъ разстояніи отъ охотника *). Въ то же время на Лаплатѣ совсѣмъ не замѣчается такого прогресса: «эти птицы, говоритъ Дарвинъ, не перемѣщаются стаями и не прячутся, какъ въ Англіи; напротивъ, тамъ онѣ проявляютъ необыкновенную тупость. Стоитъ только конному охотнику описывать вокругъ стаи этихъ куропатокъ все болѣе и болѣе тѣсный кругъ, чтобъ согнать ихъ мало по малу въ плотную кучу и затѣмъ убивать, сколько угодно палочными ударами. Дитя, сидя верхомъ на смирной лошади, можетъ наловить ихъ петлей, привязанной къ палкѣ, отъ 30 до 40 штукъ въ день» (*Voyage du Beagle*, стр. 48). То, что случилось съ куропатками въ нашихъ странахъ за послѣдніе года, безъ сомнѣнія, происходитъ вездѣ—каждый врагъ, нападенія котораго должны избѣгать птицы, каждое обстоятельство, которымъ они могутъ

*) Мы видѣли, какъ куропатки, находившіяся возлѣ самой дороги, запруженной экипажами и пѣшеходами, едва только мы подошли къ нимъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, взвились вертикально на большую высоту и, вытянувшись въ одну линію, подобно дикимъ уткамъ, пролетѣли, не опускаясь, нѣсколько верстъ. Въ верстѣ отъ того же мѣста, другія стаи куропатокъ поднимались только въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ охотника и летѣли горизонтально, повинуясь, если можно такъ выразиться, завѣту своихъ предковъ.

воспользоваться, каждая потребность, которую имъ необходимо удовлетворить, даютъ имъ свои безплатные, хотя иногда весьма дорогіе уроки и прибавляютъ что-нибудь новое къ ихъ опытности.

Вотъ передъ нами воронъ, поднимающійся высоко надъ скалой и бросающій внизъ моллюска съ твердой раковиной, которую онъ хочетъ разбить о камни; вотъ грифъ, поступающій такимъ же образомъ съ костями и черепахами, покрытыми крѣпкимъ панцыремъ; вотъ морской рыболовъ, прибѣгающій къ тому же средству относительно моллюсковъ и суставчатыхъ, которыми онъ питается; вотъ поползень, нарочно продѣлывающій въ деревѣ дыры для раскалыванія лещинныхъ орѣховъ и размѣщающій тамъ и сямъ въ трещинахъ старыхъ стволовъ различные запасы, которые онъ потомъ весьма искусно отыскиваетъ; вотъ мексиканскіе дятлы, устраивающіе на стволахъ сосенъ своего рода инкрустацію изъ желудей, забиваемыхъ ими въ нарочно выдолбленныя отверстія; вотъ, наконецъ, золотистые дятлы, запасающіе себѣ на зиму въ пустыхъ стволахъ агавы или алоэ массы желудей, которые имъ приходится розыскивать иногда верстахъ въ десяти отъ своего склада... Можно ли, вглядываясь въ эти цѣлесообразныя дѣйствія, вполнѣ отвѣчающія нуждамъ животныхъ, не придти къ заключенію, что всѣ они имѣютъ одно общее происхожденіе—личную изобрѣтательность, передававшуюся потомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію прямымъ воспитательнымъ путемъ? Такимъ же точно образомъ совершенствуются и самыя гнѣзда. Извѣстно, что искусство ихъ постройки совпадаетъ съ возрастомъ строителей. «Нельзя не замѣтить при сколько-нибудь внимательномъ наблюденіи, что гнѣзда молодыхъ птицъ дурно устроены и неудобно расположены; часто даже молодыя самки кладутъ яйца, гдѣ попало, и не проявляютъ никакой предусмотрительности» (Leroy, тамъ же, стр. 89). Но гнѣзда разнятся между собой не по одному только возрасту строителей. Въ болѣе или менѣе искусной техникѣ ихъ сказываются также изобрѣтательныя способности отдѣльнаго индивида, его строительная ловкость, а также внѣшнія обстоятельства и традиціи, господствующія въ данной мѣстности. Пуше замѣтилъ между многочисленными гнѣздами ласточекъ,

облѣпляющими старыя зданія въ Руанѣ, весьма недавнее улучшеніе, свойственное гнѣздамъ того мѣста. Бремъ указываетъ на множество видоизмѣненій этого рода, большинство которыхъ вызвано обстоятельствами и, благодаря своимъ выгодамъ, вошло въ общій обиходъ на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ. Вотъ одинъ примѣръ *) изъ полусотни другихъ, которыми безполезно было бы загромождать нашъ обзоръ. «Гнѣздо балтимора изъ группы скворцовъ строится различно и, смотря по мѣстности, устилается болѣе или менѣе тепло. Оно подвѣшивается къ сучку и выплетается съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америкѣ самки устраиваютъ свои гнѣзда исключительно изъ моха, причемъ ихъ стѣнки дѣлаются весьма пористыми съ цѣлью облегчить циркуляцію воздуха извнутри наружу и обратно. Внутренность гнѣзда остается безъ всякой теплой подстилки, а самое отверстіе обыкновенно обращено на западъ. Въ сѣверныхъ штатахъ гнѣздо, напротивъ, поворачивается такъ, чтобъ его возможно больше нагрѣвали солнечные лучи, а внутренность его устилается самыми тонкими, мягкими и теплыми веществами. Отсюда ясно видно, что птицы самымъ тщательнымъ образомъ приспособляютъ свои постройки къ данному климату». Впрочемъ одно различіе между постройками, свойственными птицамъ разныхъ видовъ, уже говоритъ за существованіе какъ бы нагляднаго обученія, которое передается у нихъ съ постепенной прогрессивностью отъ поколѣнія къ поколѣнію. Типы гнѣздъ, какъ извѣстно, весьма разнообразны: каждый изъ нихъ въ той или другой изъ своихъ формъ представляетъ какую-нибудь новую ступень въ общей лѣстницѣ построекъ, такъ что, разсматривая ихъ, мы невольно наталкиваемся на идею о непрерывныхъ незамѣтныхъ переходахъ... Гнѣзда Салanганъ, напримѣръ, состоятъ, одни—изъ чистой слюны, другія—изъ слюны, смѣшанной съ различными веществами въ постепенно и правильно измѣняющихся пропорціяхъ. Если взять такихъ птицъ,

*) Томъ 1, стр. 237. О примѣненіяхъ инстинкта къ различнымъ обстоятельствамъ, см. многочисленныя указанія Гартмана въ его „Философіи безсознательнаго",француз. переводъ, т. I, стр. 94 и Vignoli. *Della lege fondamentale dell'intelligenza nel regno animale.*

которыя, подобно сипухѣ, кладутъ свои яйца прямо на землю и такихъ, которыя сгребаютъ кучи изъ листьевъ или земли, предоставляя тамъ вылупляться птенцамъ изъ яицъ безъ помощи насиживанія; такихъ, которыя несутся въ первой попавшейся трещинѣ и такихъ, которыя выскребаютъ и выдалбливаютъ въ рыхлой землѣ или въ стволахъ деревъ углубленія, снабженныя ходами, а затѣмъ устилаютъ ихъ мягкими веществами; такихъ, которыя предоставляютъ своимъ птенцамъ вылупляться на кучкахъ соломы или вѣтвей и такихъ, которыя, напротивъ, приготовляютъ для нихъ мягкую постель въ формѣ или блюдца, составленнаго изъ нѣсколькихъ слоевъ различныхъ веществъ или шара закрытаго со всѣхъ сторонъ кромѣ той, гдѣ находится входное отверстіе, или же, наконецъ, полнаго жилаго помѣщенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ маленькихъ горенокъ,—если, повторяемъ, вглядѣться въ постройки всѣхъ этихъ птицъ, то мы найдемъ между ними множество промежуточныхъ ступеней и переходовъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами двойное или тройное гнѣздо ткачиковъ. Явилось ли оно сразу?.. Для отвѣта на этотъ вопросъ всего проще обратиться къ наблюденіямъ. Изъ наблюденій извѣстно, что самецъ ткачика строитъ себѣ иногда возлѣ самаго гнѣзда самки какъ бы увеселительный домикъ, гдѣ онъ поетъ, чтобъ доставить ей удовольствіе. Спрашивается, не сближались ли постепенно эти два гнѣзда все болѣе и болѣе такъ, что, наконецъ, они образовали одно сложное гнѣздо? Глядя на гнѣздо африканской цапли (Scopus), состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ камеръ и обладающее такой прочностью, что оно можетъ выдержать вѣсъ взрослаго человѣка, нашъ умъ просто отказывается вѣрить, чтобъ такая замысловатая постройка вышла разомъ во всѣхъ своихъ деталяхъ изъ головы одной птицы. Обыкновенно говорятъ, что если прямыя наблюденія доказываютъ несомнѣнность постепенныхъ усовершенствованій въ тактикѣ и искусствѣ большаго числа индивидовъ или мѣстныхъ расъ, то можно считать вѣроятнымъ, что техника и изворотливость идутъ путемъ послѣдовательнаго развитія въ цѣломъ классѣ, благодаря той способности, которой обладаетъ каждое поколѣніе относительно передачи пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній своему ближайшему потомству. Но это развитіе не заслуживаетъ названія

прогресса въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово прилагается къ исторіи человѣчества; будучи частнымъ, оно заключено не только въ предѣлахъ вида, но въ границахъ разновидности и даже породы. Накопленіе умственныхъ эффектовъ въ классѣ птицъ можно сравнить съ накопленіемъ дождевой воды въ разрозненныхъ лужахъ: вода наполняетъ каждую изъ нихъ, смотря по степени ихъ пологости, но она не образуетъ одного общаго потока, способнаго къ постоянному расширенію.

Итакъ, общность сознанія, соединяющая между собой членовъ семейства, выражается внѣшнимъ образомъ въ матеріи, которую оно организуетъ для своихъ цѣлей. Но приспособленіе внѣшняго міра къ нуждамъ семейнаго общества распространяется до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно изслѣдуетъ мѣстность относительно встрѣчающихся для него опасностей, средствъ къ существованію и вообще всякаго рода свойственной ему дѣятельности, т. е. до предѣловъ закрѣпляемаго имъ за собой владѣнія. Обладаніе территоріей составляетъ въ семействахъ птицъ постоянный и почти всеобщій фактъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ собранныхъ нами на этотъ счетъ примѣровъ вслѣдствіе ихъ крайней многочленности. Замѣтимъ только, что, какъ и слѣдовало ожидать, владѣнія подобнаго рода всего точнѣе очерчиваются и всего энергичнѣе защищаются, когда они принадлежатъ хищнымъ или рыболовамъ, составляя районъ ихъ охоты за добычей. Если живности и рыбы въ данной мѣстности такъ много, что запасъ ихъ неистощимъ, тогда пограничныя черты незамѣтно стираются, расплываются, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и бдительность относительно ихъ охраненія. Размежеваніе владѣній у птицъ имѣетъ цѣлью не одно только обособленіе даннаго семейства отъ другихъ, оно выражаетъ собой не одно только формальное опредѣленіе арены его дѣятельности, но вполнѣ реальное право собственности; пользованіе выгодами, проистекающими изъ такого обладанія, по большей части достаточно обезпечивается уваженіемъ, которое оказываютъ этому праву сосѣди тѣхъ или другихъ собственниковъ. Впрочемъ идея собственности въ классѣ птицъ проявляется еще и въ нѣкоторыхъ другихъ актахъ ихъ дѣятельности. Такъ, оставляя въ сторонѣ соекъ, устраивающихъ, какъ намъ извѣстно,

склады запасовъ, укажемъ на клушицъ, сорокъ, грифовыхъ вороновъ, бесѣдковыхъ птицъ и плащеносцевъ, которые собираютъ разные предметы, имѣющіе въ ихъ глазахъ несомнѣнно большую цѣну, хотя и не приносящіе имъ никакой пользы. Но какъ ни поразительно это явленіе съ психологической точки зрѣнія, оно однако далеко не имѣетъ одинаковаго соціологическаго значенія съ фактомъ территоріальной собственности. Въ немъ ясно проявляется индивидуальное единство семьи. Не менѣе наглядно обрисовывается его прочность и въ тѣхъ случаяхъ, когда (какъ это мы видимъ, напримѣръ у хищныхъ, голенастыхъ и расщепноклювыхъ) одна и та же пара, возобновляя и расширяя свое общее жилище, изъ года въ годъ сохраняетъ за собой занятую прежде территорію.

Если мы будемъ сравнивать семейство высшихъ птицъ съ семействомъ насѣкомыхъ, то замѣтимъ, что они отстоятъ другъ отъ друга весьма далеко. Съ перваго взгляда кажется, что преимущество должно принадлежать болѣе многочисленному изъ нихъ и что сложныя (multiples) формы, изъ которыхъ оно состоитъ, ставятъ его на болѣе высшую ступень. Но семейство птицъ обладаетъ свойствами, имѣющими свою особую цѣну. Прежде всего, если оно и не многочисленно, то взамѣнъ того способно, соединяясь съ другими семействами, образовать значительныя общества, въ которыхъ оно является созидающимъ элементомъ: стаи перелетныхъ и морскихъ птицъ по своей численности не уступятъ иному муравейнику. Затѣмъ, если въ немъ нѣтъ безполыхъ, то это потому, что оно не имѣетъ въ нихъ нужды, такъ какъ самка и самецъ, дѣятельность которыхъ у перепончатокрылыхъ сводится къ одному чисто физіологическому отправленію, играетъ здѣсь болѣе активную роль; при небольшомъ количествѣ яицъ, они могутъ сами выводить и воспитывать своихъ дѣтенышей. Что касается этихъ послѣднихъ, то они, будучи, напримѣръ у муравьевъ, совершенно пассивными, у птицъ напротивъ идутъ, такъ сказать, навстрѣчу попеченіямъ о нихъ родителей, подражаютъ имъ и подчиняются ихъ волѣ. Дифференцировка органическихъ формъ не можетъ служить единственнымъ критеріемъ органическаго совершенства: необходимо еще, чтобъ дифференцированныя формы были согласованы между собой въ извѣ-

стной гармоніи и чтобъ болѣе или менѣе разсѣянные элементы подчинялись какой-либо концентраціи. Такъ, различные члены улья приводятся въ движеніе импульсами, которые распространяются постепенно отъ одного индивида къ другому, такъ что тутъ нельзя найти ничего сколько-нибудь похожаго на совѣщанія или обдуманныя рѣшенія. Безпорядочная ажитація, которая волнуетъ ихъ, можетъ быть уподоблена все далѣе и далѣе распространяющимся водянымъ кругамъ. Совершенно иное происходитъ въ обществѣ, образуемомъ семействомъ птицъ. Безпрерывный обмѣнъ знаковъ между ними постоянно натягиваетъ нити ихъ общаго сознанія, и если самка вмѣстѣ съ дѣтьми не подчинена самцу, то эти послѣднія всегда уже подчиняются своей матери. Эта совершенно новая концентрація, въ связи съ взаимностью дѣйствій, представляетъ собой соціальный фактъ высшаго порядка. Для осуществленія ея было необходимо, чтобъ два аттрибута, распредѣленные нѣкогда между тремя классами существъ (самцами, самкой и безполыми), и умственная дѣятельность, которая составляетъ въ семействѣ насѣкомыхъ достояніе лишь однихъ безполыхъ, — сдѣлались сродными обоимъ поламъ, надѣленнымъ болѣе продолжительной жизнью и болѣе развитыми органами. Итакъ, гораздо болѣе сложные и разнообразные общественные акты исполняются здѣсь болѣе простыми средствами, что, конечно, служитъ признакомъ органическаго превосходства.

Однако же, именно вслѣдствіе своего совершенства, соціальный типъ птицъ не имѣетъ будущности. Моногамическое семейство, такъ сказать, замкнуто. Оно можетъ входить, какъ составной элементъ въ болѣе обширное общество, но не способно ни къ какой коллективной организаціи. Все, что для него возможно, это одно только механическое наростаніе и повтореніе. Но простая агломерація соціальныхъ элементовъ не составляетъ общества. Для того, чтобъ возникъ настоящій общественный союзъ между многими семействами, необходимо, чтобъ существующій семейный типъ уступилъ мѣсто другому, хотя вначалѣ и болѣе низкому, но способному къ усовершенствованіямъ, наиболѣе благопріятнымъ для общественнаго развитія, т. е. типу полигамическому.

Какой бы ни придерживаться классификаціи — той ли, въ

основаніе которой положенъ трансформизмъ (ученіе Дарвина), или той, которая установлена защитниками противоположныхъ доктринъ, въ обоихъ случаяхъ мы должны придти къ одному и тому же заключенію, а именно, что въ отношеніи къ общественному прогрессу между млекопитающими нельзя замѣтить никакого правильнаго порядка. Напротивъ, намъ представляются тамъ рѣзкія аномаліи, которыя дѣлаютъ невозможнымъ какую бы то ни было группировку въ этомъ классѣ, если только мы не согласимся принимать ихъ за случайныя и не рѣшимся допустить, что общее соотвѣтствіе, существующее между относительнымъ органическимъ совершенствомъ и соціальной способностью *), можетъ измѣняться въ широкихъ предѣлахъ подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ. Такъ, слѣдуя генеалогической классификаціи, предложенной Геккелемъ, надо считать, что гиппопотамъ, котораго причисляютъ къ копытнымъ, по всей вѣроятности, придерживается моногаміи, тогда какъ его предки относятся къ полигамическимъ животнымъ; обыкновенные олени, ближайшіе родственники косули и, по крайней мѣрѣ, братья виргинскаго и сѣвернаго оленя, представляютъ относительно ихъ ту же, хотя и обратную разность; мексиканская свинья-пекари съ бѣлыми подпалинами противъ челюстей, живетъ стадами, тогда какъ пекари съ кольцомъ вокругъ шеи держится отдѣльными парами; бабирусса (варварійская свинья) также не имѣетъ въ этомъ отношеніи одинаковыхъ нравовъ съ своимъ родичемъ—кабаномъ; рядомъ съ хомяками и крысами, самецъ которыхъ остается съ самкой лишь нѣсколько секундъ, полевки образуютъ весьма часто достаточно тѣсныя пары. Такія различія въ соціальныхъ привычкахъ между животными, столь близкими по своей общей физической организаціи, повидимому свидѣтельствуютъ, что первыя изъ нихъ не вытекаютъ изъ послѣдней, а зависятъ отъ легкихъ функціональныхъ измѣненій мозговаго аппарата. Но эти измѣненія могутъ встрѣчаться одновременно у различныхъ видовъ, принадлежащихъ къ довольно

*) См. Leuret et Gratiolet, 1839—1857, стр. 461, томъ I: и Большинство группъ, установленныхъ на основаніи сходства мозговыхъ извилинъ, проявляютъ нѣкоторое сходство относительно умственныхъ способностей, такъ что основаніе органическаго дѣленія до извѣстной степени дѣлается общимъ и для дѣленія психическаго.

далеко отстоящимъ другъ отъ друга естественнымъ группамъ, причемъ въ своемъ цѣломъ они идутъ,—хотя и на большомъ разстояніи,—параллельно пути, намѣченному органическимъ прогрессомъ.

Вездѣ – какъ у птицъ, такъ и у млекопитающихъ—материнская любовь составляетъ краеугольный камень семейства, и мы понимаемъ теперь безъ дальнѣйшихъ объясненій причину этого общаго закона. Самка, рождая дѣтей, похожихъ на нее, уже безъ всякаго труда узнаетъ въ нихъ «плоть отъ своей плоти»; чувство, которое она питаетъ къ нимъ, какъ мы уже говорили, вытекаетъ изъ симпатіи и состраданія; но нельзя отсюда исключить также и идею собственности, составляющую одинъ изъ самыхъ прочныхъ устоевъ симпатіи. Самка чувствуетъ и до нѣкоторой степени понимаетъ, что эти птенцы, въ которыхъ живетъ какъ бы она сама, въ тоже время зависятъ отъ нея; любовь къ самому себѣ, распространенная на то, что такъ сказать, выходитъ изъ нашего *я*, измѣняетъ эгоизмъ въ симпатію и инстинктъ собственности или обладанія въ нѣжную привязанность. Подобно тому, какъ половая любовь порождаетъ идею *взаимнаго* обладанія, такъ же точно материнская любовь предполагаетъ инстинктъ обладанія *подчиненнаго*. Вслѣдствіе безпомощности этого двойника, этого втораго *я*, чувствуемый къ нему интересъ принимаетъ форму участія, жалости, состраданія *). Итакъ, цѣль на-

*) Мы не утверждаемъ, чтобы эти акты умственной дѣятельности и соотвѣтствующія имъ чувства, являлись вдругъ и вполнѣ въ каждомъ индивидѣ; напротивъ, они должны развиваться медленно, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, и нельзя сомнѣваться, что тутъ играетъ важную роль накопленіе функціональныхъ слѣдовъ. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что самки птицъ и млекопитающихъ способны чувствовать и проявлять привязанность къ чужимъ дѣтенышамъ. Въ громадныхъ стаяхъ гусей, практикующихъ общее насиживаніе, каждая гусыня старается похитить яйца своей сосѣдки. Бремъ разсказываетъ характерный фактъ объ одной самкѣ, которую держали въ неволѣ вмѣстѣ съ супружеской четой, успѣвшей вывести дѣтенышей. Не смотря на сопротивленіе родителей, она украдкой приходила кормить птенцовъ—такъ сильно было въ ней развившееся органическое стремленіе удовлетворить своему материнскому инстинкту. Извѣстно, съ какой охотой курица позволяетъ себя обманывать, когда ей подкладываютъ для насиживанія утиныя яйца. Между млекопитающими особенно интерес-

шихъ усилій должна состоять въ томъ, чтобъ, выходя изъ указанной точки зрѣнія, опредѣлить и объяснить роль самца въ семействѣ млекопитающихъ.

Роль эта у большинства изъ нихъ ничтожна. Значительное количество животныхъ этого класса спаривается лишь на самое короткое время. Броненосцы, принадлежащіе къ неполнозубымъ, представляютъ намъ наиболѣе низшую ступень въ общественной лѣстницѣ млекопитающихъ. Встрѣча, зависящая отъ случая, никакаго отказа съ одной стороны, а слѣдовательно никакого настоянія съ другой, затѣмъ окончательное расхожденіе — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся исторія соединенія половъ у броненосцевъ. Мать впрочемъ проявляетъ нѣкоторую заботу о дѣтенышахъ, хотя и совершенно грубую: пряча ихъ, напр., подъ себя, она порани-

---

ный примѣръ этой слѣпой и вполнѣ аномальной привязанности представляютъ мулы. «Кобылицы дикихъ лошадей въ Парагваѣ часто бываютъ принуждены вступать въ настоящую битву съ мулами, у которыхъ повременамъ проявляется инстинктъ материнской любви. Тогда они стараются силой или хитростью завладѣть жеребенкомъ, причемъ этотъ несчастный, конечно, скоро погибаетъ» (Бремъ. II, 310). Все это доказываетъ, что въ каждой самкѣ материнская привязанность находится какъ бы въ скрытой формѣ, всегда готовой проявиться наружу, когда наступитъ для того время, опредѣленное цикломъ органическаго развитія. Наклонность эта чисто природная, такъ какъ наслѣдственность передаетъ ее даже безплоднымъ метисамъ. Но она не могла произойти иначе какъ путемъ постепенныхъ наростаній материнскаго инстинкта, совершавшихся нѣкогда въ цѣломъ рядѣ индивидовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ. И дѣйствительно, она прочно закрѣпляется только вслѣдствіе индивидуальныхъ вкладовъ: если почему-нибудь обстоятельства будутъ препятствовать упражненію этихъ послѣднихъ, материнская привязанность сначала начинаетъ ослабѣвать, а затѣмъ и вовсе исчезаетъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что она мало по малу теряется у домашнихъ коровъ—менѣе въ стадѣ и болѣе при уединенномъ содержаніи, въ стойлѣ; у овецъ же она исчезла почти совсѣмъ. Эта совокупность явленій служитъ дополненіемъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ мы говорили выше, и подтверждаетъ наше первоначальное объясненіе. Инстинктъ представляетъ собой нѣчто перемѣнное, зависящее отъ дѣйствія двухъ силъ: наслѣдственности и вліяній среды. При отсутствіи послѣднихъ, первый, какъ продуктъ времени, постепенно ослабѣваетъ. Напротивъ, съ возобновленіемъ ихъ, заснувшія привязанности снова входятъ въ свою силу и укрѣпляются все болѣе и болѣе.

ваетъ ихъ до крови. Правда, что однопроходные какъ бы выказываютъ къ своимъ самкамъ нѣжность и вѣрность птицъ, съ которыми они имѣютъ такое странное сходство; правда также, что и ящеръ, водящійся на островѣ Цейлонѣ, живетъ въ глубокихъ норахъ вмѣстѣ съ своей самкой и дѣтьми. Но вообще, какъ на верхнихъ, такъ и на нижнихъ ступеняхъ класса млекопитающихъ, начиная отъ обезьянъ и кончая сумчатыми, моногамія встрѣчается рѣдко. Тогда какъ большинство птицъ группируются въ пары на всю жизнь и, не переставая находиться въ брачномъ союзѣ, производятъ изъ года въ годъ многочисленныя поколѣнія, у млекопитающихъ брачная связь, основанная на исключительной взаимной привязанности, весьма рѣдко длится болѣе года. Примѣры относительнаго постоянства, быть можетъ, всего чаще встрѣчаются между плотоядными: волкъ, лисица и въ особенности левъ остаются весьма долго съ своей самкой и возвращаются къ ней съ наступленіемъ поры воспитанія дѣтей, въ которомъ они принимаютъ дѣятельное участіе. Присоединимъ къ этой довольно однородной категоріи факты того же рода, взятые изъ группъ, неимѣющихъ съ нею ничего общаго. Болѣе или менѣе продолжительное спариваніе встрѣчается у тапировъ (Руленъ), моржей, китовъ, верблюдовъ, мелкихъ антилопъ, косуль, бизоновъ, бобровъ, кроликовъ, дикобразовъ, ежей, медвѣдей, ласокъ и ночныхъ обезьянъ (дурукули). «Горилла и шимпанзе, утверждаетъ Топинаръ въ своей недавно вышедшей *Антропологіи* (стр. 141—142 руск. перевода), —одноженцы, очень заботящіяся о вѣрности своихъ подругъ и весьма внимательные къ нимъ». Кажется однако, основываясь на многихъ солидныхъ свидѣтельствахъ, можно считать доказаннымъ, что, подобно тому какъ у человѣка, нѣкоторыя шимпанзе придерживаются одноженства, другіе же—многоженства. Но часто у крупныхъ кошекъ мать бываетъ принуждена скрывать отъ своего самца дѣтенышей въ первые дни ихъ жизни изъ боязни, чтобъ онъ не отнесся къ этимъ маленькимъ существамъ, какъ къ лакомому блюду. Дикая коза поступаетъ такимъ же образомъ, опасаясь, безъ сомнѣнія, буйнаго нрава своего сожителя. Такимъ образомъ, если въ моногамическихъ видахъ самецъ возвращается къ самкѣ, къ которой его между про-

чимъ призываетъ и постоянно сохраняемое о ней воспоминаніе, то для того, чтобъ сдѣлаться предводителемъ стада, а не изъ подчиненія мнимому голосу родительскаго чувства, такъ какъ голосъ этотъ въ немъ совершенно безмолвствуетъ.

Однако моногамическія семейства всегда бываютъ малы и съ наступленіемъ возмужалости дѣтенышей, они совсѣмъ распадаются. Полигамическая семья представляетъ собой единственный типъ, способный къ широкой, централизованной и долговѣчной общественной организаціи.

Къ числу животныхъ, семейное общество которыхъ держится на полигамическихъ основахъ, относятся тюлени, муфлоны, ламы, лошади, слоны и обезьяны. «У сивучей самецъ всегда имѣетъ нѣсколькихъ самокъ и многіе изъ этихъ султановъ держатъ гаремы, состоящіе изъ тридцати и сорока наложницъ. Крайне ревнивый относительно другихъ самцовъ, онъ остается съ своими самками, сыновьями и дочерьми даже по достиженіи ими годоваго возраста, пока они еще не спарились; такимъ образомъ семейство можетъ доходить здѣсь до 120 головъ» (Бремъ; томъ II, стр. 788—789). «Муфлоны Атласскихъ горъ не живутъ въ стадахъ, подобно другимъ баранамъ; только при наступленіи течки, въ ноябрѣ, ихъ самки соединяются на нѣкоторое время въ небольшія группы около одного самца». Такимъ же образомъ поступаютъ и европейскіе муфлоны: они во время течки раздѣляются на небольшія семейства, состоящія обыкновенно изъ самца и нѣсколькихъ самокъ, которыми онъ овладѣваетъ, такъ сказать, съ боя». У ламъ-гуанако каждое стадо состоитъ изъ нѣсколькихъ самокъ и одного взрослаго самца, позволяющаго оставаться въ стадѣ лишь такимъ самцамъ-подросткамъ, которые еще не способны къ половому совокупленію. Какъ только они сдѣлаются возмужалыми, тотчасъ же закипаетъ борьба. Болѣе слабые, будучи вынуждены уступить мѣсто болѣе сильнымъ, соединяются съ своими ровесниками и молодыми самками. Предводитель пасется въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стада и охраняетъ своихъ приближенныхъ. При малѣйшемъ намекѣ на опасность, онъ издаетъ звукъ, похожій на блеяніе нашихъ барановъ. Всѣ тотчасъ же поднимаются на

ноги и осматриваются по сторонамъ; затѣмъ все стадо трогается. Самки и дѣтеныши бѣгутъ впереди, а самецъ слѣдуетъ за ними и часто тычетъ ихъ своей мордой» (томъ II, стр. 453). Еще бóльшую детальную важность имѣетъ дальнѣйшее свидѣтельство Брема относительно ламы-вигони: «Самки умѣютъ цѣнить неусыпныя заботы о нихъ вожака и отплачиваютъ ему за это рѣдкой вѣрностью и привязанностью. Если его ранятъ или убьютъ, онѣ мечутся вокругъ него съ жалобными воплями и позволяютъ себя перестрѣлять, не обращаясь въ бѣгство. Но если пуля сначала попадетъ въ самку, все стадо безъ замедленія тотчасъ же убѣгаетъ. Напротивъ, самки гуанако со смертью своего самца разбѣгаются въ стороны». (Томъ II, стр. 458). — «Тарпаны (дикія азіатскія лошади) всегда живутъ стадами въ нѣсколько сотъ головъ, причемъ всякое стадо подраздѣляется на небольшія семейства, во главѣ каждаго изъ которыхъ стоитъ одинъ жеребецъ, играющій роль предводителя; онъ заботится о безопасности своихъ приближенныхъ и требуетъ себѣ повиновенія. Молодые жеребцы обыкновенно при этомъ отгоняются, и такъ какъ имъ не удается собрать около себя многихъ самокъ, то они принуждены бываютъ слѣдовать за стадомъ на приличномъ разстояніи. Если предводитель замѣчаетъ какую-нибудь опасность, онъ громко ржетъ, и вся стая обращается въ бѣгство галопомъ — самки пускаются впередъ, жеребцы же замыкаютъ несущійся отрядъ, обезпечивая ему такимъ образомъ отступленіе». И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «сильный жеребецъ составляетъ положительную необходимость для существованія стада; разъ онъ убитъ, кобылы немедленно разсѣяваются и ловля ихъ становится уже легкой, потому что онѣ не такъ бдительны и предусмотрительны, какъ жеребцы» (Т. II, стр. 406). Слоны ведутъ почти такую же жизнь, за исключеніемъ того, что въ ихъ стадахъ нѣтъ, кажется, подраздѣленій на отдѣльныя семейства. «Семейство (смыслъ этого слова недостаточно ясенъ) у нихъ составляетъ одно строго опредѣленное цѣлое; никакой посторонній членъ въ немъ немыслимъ. Предводителемъ кружка всегда бываетъ самый умный изъ членовъ, причемъ полъ здѣсь не играетъ опредѣляющей роли — вожакомъ можетъ быть одинаково какъ самецъ,

такъ и самка». Глава пользуется большою властью «Всѣ дикіе слоны вообще отличаются крайней боязливостью и предусмотрительностью, а слонъ-вожакъ вдесятеро болѣе своихъ товарищей. Обязанности его нелегки; онъ постоянно находится насторожѣ; за то стадо и подчиняется ему безусловно. Когда онъ идетъ, за нимъ слѣдуютъ всѣ, не смотря ни на какую опасность» (т. II, стр. 712). Вотъ, наконецъ, что говоритъ Бремъ о семействахъ обезьянъ, относительно первенствующей роли самца: «Самый сильный самецъ въ кружкѣ дѣлается и его предводителемъ, вожакомъ; но эта почетная должность пріобрѣтается имъ не по выбору—власть дается силѣ: самый умный изъ нихъ тотъ, у кого длиннѣе зубы. Это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что самыя сильныя обезьяны обыкновенно наиболѣе возмужалыя и опытныя. Вожакъ требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія и никогда не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны своихъ подчиненныхъ. Ревнивый и жестокій, какъ султанъ, онъ присвоиваетъ себѣ исключительное право на обладаніе всѣми самками, удаляя тѣхъ изъ своихъ женъ, которыя забываются передъ нимъ. Можно сказать, что онъ отецъ своего стада. Вожакъ исполняетъ присвоенную ему роль съ большимъ достоинствомъ. Уваженіе, которымъ пользуется этотъ четверорукій властитель, возбуждая его самолюбіе, придаетъ ему нѣкоторую увѣренность, которой недостаетъ его подчиненнымъ. Всѣ спѣшатъ къ нему съ своими услугами, даже самки стараются наперерывъ оказать ему наивысшую степень вниманія, какая только возможна для обезьянъ: онѣ прилагаютъ все свое стараніе, чтобъ освободить его отъ паразитовъ; нужно видѣть, съ какимъ комическимъ апломбомъ онъ сидитъ, когда тѣ ищутъ насѣкомыхъ въ его августѣйшей шерсти. Въ свою очередь и онъ отплачиваетъ имъ за почетъ неусыпными заботами объ общественной безопасности. Вожакъ отличается необыкновенной бдительностью и осторожностью; онъ постоянно перебѣгаетъ глазами по всѣмъ направленіямъ, ко всему прислушивается, все взвѣшиваетъ, и почти всегда успѣваетъ во время предупредить опасность, угрожающую стаду (Т. I, стр. 8 и 9).

Намъ нѣтъ надобности распространяться по поводу этихъ фактовъ: то, что мы уже сказали о куриныхъ (стр. 353), достаточно освѣ-

щаетъ ихъ, по нашему мнѣнію. Можно ли здѣсь видѣть что-нибудь болѣе семейства? Пока еще нѣтъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ тутъ лишь то, что представляетъ намъ семейство птицъ, построенное на томъ же началѣ, какъ напр. семейство короткокрылыхъ (пингвины), съ тою лишь разницею, что здѣсь самка, вмѣсто ея замѣны самцомъ, сохраняетъ свою нормальную роль кормилицы (роль, указываемая ей самыми ея органами), а самецъ посвящаетъ свою дѣятельность исключительно управленію общиной: черезъ его посредство устанавливаются сношенія общественнаго организма съ внѣшнимъ міромъ. Эта разница объясняетъ намъ, почему, помѣщая среди птицъ полигамическое семейство на низшихъ ступеняхъ лѣстницы, мы отводимъ ему здѣсь перворазрядное мѣсто. Само по себѣ оно не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ моногамическимъ семействомъ; быть можетъ даже, оно стоитъ выше его, потому что основано болѣе на силѣ, чѣмъ на любви; но какъ переходная форма, оно пріобрѣтаетъ важное значеніе на той ступени зоологической лѣстницы, которую мы разсматриваемъ. Семейство это ближе, чѣмъ всякое другое, примыкаетъ къ обществу уже не семейному, но племенному. Оно представляетъ собой какъ бы перешеекъ, черезъ который открывается легкій и удобный переходъ отъ семейства къ сообществу. Этимъ послѣднимъ именемъ его еще нельзя назвать, потому что основы его коренятся въ половой любви самца; но если представить себѣ соединеніе нѣсколькихъ семействъ такого рода, то мы будемъ имѣть передъ собою орду и притомъ орду организованную.

Млекопитающія, вслѣдствіе своей высокой организаціи, ростутъ медленно. Медвѣди, напримѣръ, достигаютъ полной зрѣлости иногда только на 6 году, обезьяны—на 12-мъ, а слоны на 16-мъ. Въ этомъ заключается главная причина относительной долговѣчности ихъ семейства. Воспитаніе дѣтенышей растягивается на весьма продолжительное время, и хотя они скоро усваиваютъ себѣ всѣ внѣшнія качества, свойственыя данному виду, но все-таки остаются слабыми. Такимъ образомъ здѣсь соединяются всѣ условія для того, чтобъ самцы испытывали чувства симпатіи и участія, на которыхъ основана отеческая любовь (Спенсеръ. *Основанія психологіи*, томъ I). И дѣйствительно, родители втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ какъ-

бы соперничаютъ другъ съ другомъ въ заботахъ о своемъ потомствѣ. Но возможно ли, чтобъ сильныя симпатіи не укрѣплялись между разумными животными, которыя такъ долго были связаны общими привязанностями къ одному и тому же предмету и изъ года въ годъ взаимно удовлетворяли половыя влеченія другъ друга? Отсюда однородность и продолжительность семейнаго союза у млекопитающихъ.

Если техническое искусство и культура, какъ это мы замѣчали до сихъ поръ, находятся въ прямомъ отношеніи съ умственными способностями, то въ семейныхъ обществахъ млекопитающихъ они должны быть развиты болѣе, чѣмъ у птицъ. И дѣйствительно, жилища достигаютъ здѣсь, какъ относительно своего общаго строенія, такъ и относительно частей, замѣчательной сложности, которая свидѣтельствуетъ о высокой степени органическаго развитія. Однако же почти вездѣ самка и самецъ вмѣсто того, чтобъ работать вмѣстѣ надъ однимъ общимъ жилищемъ, какъ мы это видимъ у птицъ, строятъ себѣ каждый отдѣльное помѣщеніе, причемъ у самки оно бываетъ обыкновенно сложнѣе: ко всему прочему она прибавляетъ еще камеру, которая впослѣдствіи должна служить колыбелью для ея птенцовъ. Но это отсутствіе однородности между двумя жилищами не можетъ удивлять насъ, въ виду того, что самецъ и самка часто живутъ отдѣльно другъ отъ друга. Кромѣ того, здѣсь искусство ясно отражаетъ, въ относительныхъ степеняхъ умственнаго развитія строителей, характеръ ихъ нравовъ и является какъ бы внѣшнимъ выраженіемъ самой ихъ души.

Съ этой точки зрѣнія, млекопитающія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: гнѣздарей или строителей съ одной стороны, и роющихъ—съ другой. Мышь-малютка строитъ гнѣздо, нѣсколько похожее на птичье, она употребляетъ для этого тростниковыя листья и даетъ ему шарообразную форму. «Внутренность его устилается мшистыми колосьями тростника, сережками и цвѣточными лепестками. Старыя самки строятъ гнѣзда искуснѣе молодыхъ. Соня прячется зимою въ клубокъ, скомпанованный изъ мягкихъ, теплыхъ веществъ. Бѣлка пользуется для постройки себѣ жилища матеріалами, получая ихъ непосредственно изъ птичьихъ гнѣздъ; это жи-

лище бываетъ покрыто непромокаемой крышей и снабжено двумя отверстіями, однимъ внизу для входа въ обыкновенныхъ случаяхъ, и другимъ, проходящимъ черезъ крышу, которое устраивается на случай побѣга. Бенгальскій кабанъ срѣзываетъ своими зубами не хуже заправскаго серпа злаки вышиною отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ и устраиваетъ изъ нихъ громадный стогъ съ галлереей, оканчивающейся небольшими оконными отверстіями, черезъ которыя онъ наблюдаетъ за окрестностями. Шимпанзе и оранги устраиваютъ себѣ гнѣзда на вѣтвяхъ деревъ, причемъ первые изъ нихъ снабжаютъ эти гнѣзда навѣсомъ вродѣ зонта. Постройки ондатры и бобра представляютъ нѣчто среднее между норой и хижиной. Изъ жилища ондатры, подобно логовищамъ многихъ грызуновъ, выводятся въ разныя стороны ходы, изъ которыхъ одни служатъ для удаленія и отложенія нечистотъ, а другія—для экскурсій животнаго подъ землей съ цѣлью добыванія пищи. Домъ бобра болѣе сложенъ. Кромѣ свода и помоста, онъ еще раздѣляется на двѣ части—жилое помѣщеніе и запасный магазинъ; нижнія части стѣнъ, погружающіяся въ воду, устраиваются изъ особенныхъ матеріаловъ. У большинства остальныхъ грызуновъ норы состоятъ изъ еще болѣе разнообразныхъ частей. Мы находимъ тамъ иногда множество выгребныхъ ямъ (trous à ordures), нѣсколько погребовъ для провизіи, жилое помѣщеніе и камеру для вывода дѣтенышей, выстланныя мягкими веществами и, наконецъ, нѣсколько ходовъ, изъ которыхъ одни служатъ для входа, другіе—на случай бѣгства, третьи—для освѣженія воздуха... Лисица и барсукъ устраиваютъ себѣ почти такія же логовища, но только болѣе обширныя. Отверстія ихъ многочисленныхъ ходовъ всегда далеко отстоятъ какъ одно отъ другаго, такъ и отъ центральнаго помѣщенія, которое иногда располагается на шести и даже восьми-аршинной глубинѣ подъ землей. Центральная часть норы называется жилой камерой (donjon). У лисицы возлѣ жилой камеры самца, во время его брачной жизни, самка имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, и такое же помѣщеніе служитъ колыбелью для птенцовъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить складочный магазинъ, гдѣ семейство хранитъ съѣстные припасы и нѣчто вродѣ будки, расположенной возлѣ одного изъ выходныхъ отверстій, откуда жи-

вотное отъ времени до времени обозрѣваетъ окрестность. Лисица строитъ себѣ не одну, а нѣсколько норъ. Нигдѣ, во всемъ животномъ царствѣ, минное искусство не идетъ такъ далеко, какъ у крота. Уже одна фигура галлерей, составляющихъ его нору, можетъ дать достаточное понятіе о ея сложности, въ особенности если обратить вниманіе на искусный переплетъ ходовъ, окружающихъ жилую камеру. Но къ этому необходимо еще прибавить колодезь или если вода далеко—цистерну, которая наполняется дождевой водой. Сдѣлавши еще одну ступень вверхъ по зоологической лѣстницѣ млекопитающихъ, мы не найдемъ уже болѣе ни одного факта подобнаго рода, имѣющаго сколько-нибудь важное значеніе. Чѣмъ же объяснить себѣ внезапное исчезновеніе строительной техники, и можно ли допустить, что она перестаетъ сопутствовать прогрессивному развитію общества? Прежде всего замѣтимъ, что въ извѣстныхъ отрядахъ, напримѣръ, у копытныхъ, за отсутствіемъ необходимыхъ органовъ, невозможна никакая техника. Затѣмъ, если тѣ или другія животныя не строятся, то это еще не значитъ, что они отказываются отъ утилизированія своихъ умственныхъ способностей; они только иначе ихъ употребляютъ. Такія одиночки, какъ плотоядныя, прилагаютъ ихъ, напримѣръ, къ различнаго рода ухищреніямъ при нападеніи или защитѣ. Что же касается животныхъ общественныхъ, то они свои интеллектуальныя средства расходуютъ на укрѣпленіе самого общества. Развѣ соціальная организація не есть также своего рода творчество, и искусство ея охраненія—требующее весьма разнообразной тактики — заслуживаетъ меньшаго вниманія, чѣмъ какія-либо подземныя галлереи или сложныя постройки? Но намъ еще придется вернуться къ этимъ явленіямъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ разборъ ихъ будетъ болѣе удобенъ.

Теперь мы можемъ указать на одинъ фактъ, свойственный млекопитающимъ, а именно—на подвижной временный характеръ ихъ приспособленій (procédés industrieux). Руленъ разсказываетъ, что самка бабируссы, находившаяся въ неволѣ вмѣстѣ съ своимъ самцомъ, каждый вечеръ укрывала его тщательно уложеннымъ слоемъ соломы. Самка орангутанга ежедневно, съ наступленіемъ сумерекъ, дѣлала себѣ постель изъ сѣна, набивала имъ сапогъ и

клала его подъ голову вмѣсто подушки (Бремъ), а одна молодая самка шимпанзе (Соко), по свидѣтельству Ливингстона, «сгребая постоянно для своей постели листья и траву, не позволяла никому прикасаться къ своей собственности». Каждая изъ левантскихъ собакъ, обитающихъ въ окрестностяхъ египетскихъ городовъ, говоритъ Бремъ, всегда имѣетъ двѣ норы—одну, выходящую на востокъ, и другую—на западъ, причемъ по три раза переходитъ изъ одной въ другую сообразно различнымъ часамъ дня. «Если скатъ горы, въ которомъ вырыты норы, открытъ сѣвернымъ вѣтрамъ, то собака вырываетъ себѣ новую на противоположномъ скатѣ; но она живетъ въ ней только когда слишкомъ холодный вѣтеръ дѣлаетъ невозможнымъ пребываніе ея въ прежнихъ». Ежъ закупоривается въ своей норѣ, также какъ и бѣлка въ своемъ гнѣздѣ, если вѣтеръ начинаетъ ихъ безпокоить. Тушканчикъ, входя въ свою нору, закрываетъ всѣ ея отверстія, а песчанка подобно мышамъ-малюткамъ, укрываетъ своихъ птенцовъ, когда ей приходится отлучиться изъ норы. Обезьяны, строящія гнѣзда, устраиваютъ ихъ изъ листьевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застаетъ вечеръ. Разсказываютъ про одного оранга, что онъ, будучи раненъ, сдѣлалъ себѣ изъ вѣтвей постель и въ то же время устроилъ на ночь вокругъ нея нѣчто вродѣ ограды (Уоллесъ). Мѣры эти свидѣтельствуютъ о довольно высокой способности умственныхъ комбинацій въ данномъ индивидѣ. Вслѣдствіе своего индивидуальнаго развитія, большинство млекопитающихъ имѣетъ право разсчитывать на вниманіе психологіи: нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе, которое они получаютъ то отъ обоихъ родителей, то отъ одной матери, развиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ птицахъ, опытъ и разсудочность. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ во время своей юности находился въ организованной общинѣ, и пока одинъ или вмѣстѣ съ братьями и сестрами находился на попеченіи матери, необходимо долженъ былъ пользоваться ея уроками. Здѣсь, слѣдовательно, отдѣльный субъектъ кромѣ того почерпаетъ опредѣляющія начала своей личности еще въ коллективномъ индивидѣ. Общественная жизнь развиваетъ въ немъ зародышъ сознанія, какъ зародышъ будущей соціальной организаціи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Взаимная жизнь.

(vie de relation).

Сообщество.

Сообщество образуется вслѣдствіе причинъ чисто интеллектуальнаго характера.—Сообщества случайныя непроизвольныя и произвольныя кратковременныя, порождающіе ихъ импульсы. — Сообщества произвольныя и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительныя или постоянныя; отношеніе сообщества къ семейству; существенный характеръ соціальной связи; симпатія, интересъ.—Стаи птицъ.—Почему морскія птицы собираются въ стаи какъ разъ въ то время, когда большинство другихъ птицъ раздѣлается на семейства?—Различныя степени организаціи и сосредоточенія: 1) въ стаяхъ птицъ, 2) въ стадахъ млекопитающихъ.—Языкъ, общія работы (industrie collective) и тактика.—Нарожденіе и возростаніе сообщества. — Его распаденіе. — Исходная точка и заключительный выводъ нашихъ изысканій.

Жить—значитъ прежде всего питаться и размножаться въ качествѣ вида. Къ этой двойной цѣли сводятся всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ явленія. Но когда живое существо достигаетъ высокой степени организаціи, ему приходится вступать въ соприкосновеніе съ столь разнообразными обстоятельствами, что его существованію начинаютъ угрожать тысячи препятствій и опасностей. Съ этого момента два упомянутыхъ нами существенныхъ физіологическихъ процесса подчиняются развитію психической дѣятельности, и *взаимность* отношеній начинаетъ брать все болѣе и болѣе рѣшительный перевѣсъ надъ индивидуальными нуждами, которымъ жизнь призвана была удовлетворять вначалѣ. Такъ мы видѣли, что въ семейномъ обществѣ (société domestique), хотя и основывающемся постоянно на сообщеніи половъ и имѣющемъ своей

существенной цѣлью воспитаніе дѣтей, проявляется уже нѣкоторое соціальное единство въ обмѣнѣ идей, чувствъ и взаимныхъ услугъ. По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся вверхъ по общественной лѣстницѣ, и физіологическая дѣятельность все полнѣе и полнѣе внѣдряется въ сферу психологической, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общій органическій строй (consensus organique) подчиняется сознанію, такъ что скоро это послѣднее беретъ на себя иниціативу и охраненіе коллективныхъ единицъ, конечной цѣлью которыхъ до того времени являлись функціи воспроизведенія, причемъ оно создаетъ цѣлую массу привычекъ и наклонностей, развивающихся впослѣдствіи какъ бы для самихъ себя, независимо отъ производимыхъ ими результатовъ. Между такими новыми факторами являются два, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое полное семейное общество, это именно—симпатія и двойной инстинктъ господства и подчиненія. Нѣтъ необходимости, чтобъ эти два рода связей соединяли между собой *различныхъ* индивидовъ, т. е. чтобъ они отличались другъ отъ друга физіологически и обладали соотвѣтственными, но неодинаковыми органами воспроизведенія. Общество можетъ образоваться и между какими бы то ни было индивидами одного и того же вида, лишь бы къ тому была достаточная побудительная причина. Подобной причиной можетъ быть только интересъ, такъ какъ ни одно живое существо не дѣлаетъ ничего такого, что́ бы не было для него или не казалось ему выгоднымъ, причемъ всѣ интересы сводятся въ концѣ концовъ къ развитію физіологической жизни. Но не менѣе справедливо и то, что въ этомъ случаѣ общественныя отношенія будутъ поддерживаться не столько для самаго процесса жизни, сколько для того, чтобъ обезопасить, улучшить и въ особенности украсить ее, такъ какъ единственный интересъ, преслѣдуемый въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, состоитъ въ удовлетвореніи потребностей симпатіи. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, необходимо замѣтить, что отправная точка соціальнаго движенія, при указанныхъ нами условіяхъ, не находитъ себѣ мѣста ни въ одномъ изъ органовъ, спеціально приспособленныхъ къ той или другой изъ существенныхъ біологическихъ функцій. Слагающіяся такимъ образомъ общества, вопреки необходимой постепенности въ переходахъ,

образуютъ совершенно новый строй, который какъ бы покрываетъ собой низшія ступени, потому что, превосходя ихъ высотой своей организаціи, онъ въ то же время охватываетъ ихъ собою. Одно изъ существенныхъ его качествъ заключается въ способности къ безконечнымъ комбинаціямъ, такъ какъ никакая органическая особенность не придаетъ ему опредѣленной структуры и не препятствуетъ его росту въ ту или другую сторону: границами его въ этомъ случаѣ служатъ не тѣсные предѣлы материнскаго тѣла, но крайне растяжимая способность распознаванія видоваго образа (la faculté de représentation de l'espèce). Этотъ новый типъ общества отличается отъ двухъ другихъ тѣмъ, что онъ не предполагаетъ между составляющими его членами никакого физическаго сообщенія посредствомъ тканей или полостей, но только обмѣнъ нервныхъ мозговыхъ движеній, которыя намъ и предстоитъ здѣсь разсмотрѣть.

Если однако таковы свойства наиболѣе высшихъ изъ этихъ обществъ, то имъ предшествуютъ и какъ бы предсказываютъ ихъ появленіе во всемъ длинномъ ряду животнаго царства множества аналогичныхъ группировокъ. Вотъ почему намъ необходимо познакомиться прежде всего съ этими послѣдними. Мы раздѣлимъ племенныя сообщества (sociétés ethniques) на три класса: 1) случайныя непроизвольныя, 2) произвольныя кратковременныя и 3) произвольныя постоянныя.

Сдѣлаемъ бѣглый очеркъ первыхъ. Они обязаны своимъ существованіемъ двоякимъ причинамъ—частью одновременному дѣйствію физическихъ силъ на простые организмы, частью-же случайностямъ рожденія, которыя соединяютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ значительное количество индивидовъ. Море является весьма часто театромъ явленій этого рода. Нѣкоторыя морскія животныя, называемыя пелагическими (pelagiques), образуютъ громадныя стада, единственная причина которыхъ заключается въ температурѣ различныхъ слоевъ воды, одинаково удобной для всѣхъ особей данной стаи, въ направленіи теченій, увлекающихъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и, быть можетъ, также въ изобиліи питательныхъ веществъ, находимыхъ ими въ извѣстныхъ мѣстахъ. Всего чаще членами такихъ стай являются морскія свѣчки, медузы, гребневики, сагитты, веслоногіе рачки, мизиды, крылоногіе

моллюски и многокоробочники. Молодыя рыбки кишатъ въ морскихъ водахъ миріадами и, кажется, соединены между собой дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ. Актиніи и многіе моллюски, между которыми наиболѣе извѣстны снѣдныя ракушки и устрицы, живутъ на отмеляхъ нагроможденными другъ на друга. Такое расположеніе объясняется способомъ ихъ размноженія. Къ подобнымъ же случайностямъ рожденія иногда послѣдовательнаго, иногда одновременнаго въ одномъ и томъ же мѣстѣ, слѣдуетъ отнести скопленія тлей, кошенилей, гусеницъ бабочки «дневные павлиные глазки» на нашей крапивѣ, шелкопрядовъ на нашихъ деревьяхъ и цѣлыхъ тучъ бабочекъ, на которыя смотрятъ, какъ на что-то необыкновенное, между тѣмъ какъ онѣ представляютъ собою нерѣдкое явленіе.

Эти многочисленныя скопища въ сущности не имѣютъ никакой спеціальной *цѣли* и представляютъ собой не болѣе какъ результатъ дѣйствія нѣкотораго рода внѣшнихъ механическихъ причинъ. Перелеты саранчи, ищущей новыхъ мѣстъ для своихъ опустошительныхъ налетовъ, обусловливаются уже нуждой, которую чувствуютъ эти насѣкомыя. Воздушныя пляски долгоножекъ или толкуновъ и мошекъ имѣютъ, повидимому, близкую связь съ соединеніемъ половъ. Наконецъ, нѣкоторыя гусеницы и личинки, родившіяся одновременно въ одномъ и томъ же мѣстѣ и потому остающіяся въ скопѣ болѣе или менѣе долгое время, принимаютъ предосторожности для того чтобъ обезпечить себя отъ угрожающихъ имъ опасностей. Гусеницы *Bombyx liparis* дѣлаютъ, напримѣръ, сообща на высокихъ стволахъ шелковистый коконъ. Многія гусеницы этого же семейства поступаютъ такъ же. Гусеницы, извѣстныя подъ именемъ процессіоннаго шелкопряда, слѣдуютъ другъ за другомъ во время своихъ процессій въ опредѣленномъ порядкѣ, имѣющемъ фигуру остраго угла; другіе процессіонеры, какъ напр., *Papilio archelaus* въ Бразиліи, (Lacordaire. *Introd.*, *vol.* II, стр. 202) даютъ намъ своего рода образчикъ замѣчательной общности впечатлѣній. «Всѣ онѣ расположены въ тѣсной колоннѣ, бокъ о бокъ другъ съ другомъ и головами въ одну сторону; если дотронуться до одного изъ нихъ, то обезпокоенное насѣкомое дѣйствуетъ тотчасъ же съ извѣстной энергіей задней частью своего тѣла и всѣ остальныя мгновенно повто-

ряютъ тѣ же движенія». Молодыя личинки майскихъ жуковъ живутъ сначала вмѣстѣ: «остатки гніющихъ въ землѣ растеній и ближайшіе корешки совершенно достаточны для нуждъ цѣлой семьи во время этого перваго періода. Съ наступленіемъ холодовъ, они еще не разсѣяваются, но только глубже зарываются и устраиваютъ себѣ просторное ложе, защищенное отъ морозовъ, гдѣ и проводятъ вмѣстѣ зиму. Весной же всѣ эти подросшія и ставшія болѣе прожорливыми личинки не могутъ уже найти себѣ въ одномъ мѣстѣ достаточной пищи; тогда онѣ разлучаются другъ съ другомъ, и каждая, вырывая себѣ особый ходъ, поднимается къ поверхности почвы до слоя съ корнями» (Quatrefages, *Metamorphoses*, стр. 81). Итакъ, мы находимъ въ этихъ сначала чисто случайныхъ сообществахъ нѣчто произвольное и какъ бы похожее на смутные проблески намѣренности. Обыкновенно искали метафизическихъ основаній для объясненія геометрическаго порядка, замѣчаемаго между нѣкоторыми изъ нихъ. Но большей частью эта правильность не имѣетъ никакой другой причины, кромѣ отсутствія поводовъ, которые могли бы оправдать иной порядокъ. Правильность ячеекъ въ пчелиныхъ ульяхъ, какъ это прекрасно понималъ Бюффонъ, обязана тому же самому условію и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ гораздо менѣе удивленія, чѣмъ замѣчательная свобода плана, которую выказываютъ въ своихъ постройкахъ другія перепончатокрылыя, напр. муравьи. Мы приведемъ только два примѣра этого рода. На берегу Ламанша часто находятъ раковины, называемыя морскими блюдцами (Patelles), на которыхъ морскіе желуди образуютъ правильные круги, восходящіе въ стройномъ порядкѣ вдоль конуса отъ его основанія до вершины. Рисунокъ изъ этихъ концентрическихъ гирляндъ съ перваго раза вызываетъ невольное удивленіе. Но, поразсудивъ немного, не трудно замѣтить, что личинки морскихъ желудей, ползая вдоль скатовъ конуса, должны останавливаться на его нижнемъ краю въ такомъ количествѣ, какое только допускается имъ на его протяженіи и что разъ образовался самъ собой первый кругъ, слѣдующія личинки такимъ же образомъ образуютъ надъ нимъ по необходимости второй и т. д. Правильность эта, какъ оказывается, не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго: во всѣхъ случаяхъ, когда

природа останавливается на самыхъ простыхъ геометрическихъ фигурахъ, это происходитъ какъ и здѣсь, потому только, что она не имѣетъ достаточной причины уклониться отъ нихъ. Извѣстно, что короѣдъ, насѣкомое изъ отряда жесткокрылыхъ, наноситъ весьма чувствительный вредъ нашимъ лѣсамъ. Самка его проникаетъ подъ кору деревьевъ, протачиваетъ тамъ продольную борозду съ рѣзко очерченными краями и кладетъ въ ней на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго свои яйца. Затѣмъ она улетаетъ и изъ яицъ мало по малу развиваются личинки, питающіяся древесиной, которую онѣ легко прокусываютъ своими крѣпкими челюстями. Едва онѣ только родятся, какъ тотчасъ же начинаютъ копошиться подъ корой. По материнской бороздѣ имъ слѣдовать нельзя—тутъ ихъ встрѣтила бы пустота; поэтому онѣ двигаются перпендикулярно къ ней. Дѣйствительно, если бы личинки вели свои ходы по косымъ направленіямъ (облически), то эти послѣдніе пересѣкались бы съ ходами сосѣднихъ инженеровъ и производили бы путаницу. Вотъ почему всѣ они идутъ по перпендикуляру, т. е. параллельно другъ другу. Только крайніе изъ нихъ, занимающіе оконечности борозды, какъ наименѣе стѣсненные, отступаютъ отъ общаго порядка. Итакъ, мы снова видимъ, что нѣтъ ничего необходимѣе подобной «геометріи». Однако когда разсматриваешь лѣсъ, гдѣ поработали короѣды, то поражаешься истинно живописными фигурами при всей ихъ простотѣ—фигурами, какъ бы обличающими руку искуснаго мастера.

Явленіе стадности принимаетъ иной характеръ, когда оно происходитъ въ средѣ животныхъ, жившихъ сначала раздѣльно и вызывается общимъ исканіемъ коллективной выгоды. Перелеты саранчи представляютъ уже въ нѣкоторой степени именно этотъ характеръ. Что касается птицъ, то ихъ перекочевки обусловливаются различными причинами; но всѣ онѣ относятся къ настоящей категоріи. Ихъ гонитъ то холодъ, то голодъ. Не трудно понять, почему онѣ совершаютъ эти перекочевки въ такомъ громадномъ числѣ, собираясь вмѣстѣ сначала всѣ изъ одного округа, затѣмъ — изъ цѣлой страны и наконецъ—со всего континента къ берегу моря, которое имъ предстоитъ перелетѣть. Это легко объясняется, если допустить въ птицѣ смутную идею объ ожидающемъ ее длинномъ путешествіи

и сопряженныхъ съ нимъ опасностяхъ, изъ которыхъ самая малая— заблудиться въ пути. Тусклыя и какъ бы сбивчивыя представленія каждаго отдѣльнаго индивида заставляютъ его искать болѣе отчетливыхъ и точныхъ указаній въ значительной стаѣ, гдѣ шансы ошибокъ взаимно уравновѣшиваются, сглаживаются и совсѣмъ пропадаютъ, гдѣ незнаніе молодыхъ особей исправляется твердыми воспоминаніями наиболѣе зрѣлыхъ. Переселенія грызуновъ (пеструшки) или жвачныхъ (бизоны, антилопы)—объясняются такимъ же образомъ. Другія сообщества образуются вслѣдствіе половаго влеченія, ощущаемаго одновременно большимъ количествомъ индивидовъ. Мы уже указывали на этотъ фактъ у многихъ рыбъ и птицъ; млекопитающія представляютъ намъ подобныя же явленія: у оленя, напр., есть особыя турнирныя мѣста, куда онъ изъ года въ годъ приходитъ во время течки вызывать на бой своихъ соперниковъ. Нѣкоторыя животныя сходятся въ группы для опредѣленной цѣли, состоящей во взаимной защитѣ и нападеніи. Извѣстно, какое дѣйствіе производитъ на дневныхъ птицъ появленіе совы, какое удивленіе и отвращеніе онѣ чувствуютъ при ея видѣ. Весьма большое число птицъ соединяется въ стаи, подобно тому какъ это дѣлаютъ между насѣкомыми могильщики и священные жуки—для удаленія постороннихъ пришлецовъ, борьбы съ врагами и завладѣнія добычей. Во́роны сообща аттакуютъ зайцовъ, ягнятъ и молодыхъ газелей, съ которыми не могутъ справиться въ одиночку. Волки точно также соединяются вмѣстѣ для трудныхъ предпріятій. Но это впрочемъ бываетъ довольно рѣдко; по всей вѣроятности, въ тѣхъ случаяхъ, когда совмѣстное дѣйствіе приноситъ данной группѣ непрерывную пользу, она дѣлается постоянной. Такъ одичалыя собаки, охотящіяся стаями, остаются въ нихъ всегда. Самыя необыкновенныя изъ временныхъ обществъ тѣ, которыя замѣчаются между птицами одной и той же страны съ единственной цѣлью быть вмѣстѣ и удовлетворять такимъ образомъ потребности общежитія, независимо отъ всякой другой. Этотъ фактъ проливаетъ яркій свѣтъ на всѣ остальныя явленія, показывая намъ въ птицахъ присутствіе скрытаго соціальнаго инстинкта, постоянно готоваго проявиться наружу, если только никакая другая склонность

не препятствуетъ этому, въ особенности же когда передъ ними стоитъ какая-нибудь полезная или пріятная цѣль, которую можно преслѣдовать сообща. Такъ, утромъ на лѣсныхъ опушкахъ собираются изъ близь лежащихъ окрестностей всѣ пташки для того, чтобы радостно привѣтствовать разсвѣтъ. «Вечеромъ, говоритъ Бремъ о воронахъ, онѣ собираются громадными стаями въ пунктахъ, назначенныхъ для взаимнаго обмѣна впечатлѣніями дня. Онѣ отправляются туда съ необыкновенной осторожностью, посылая предварительно на мѣсто предстоящаго раута нѣсколько разъ опытныхъ сыщиковъ для надлежащей рекогносцировки». (Томъ I, стр. 293). Мы видѣли въ Дижонѣ втеченіе нѣсколькихъ зимъ громадныя стаи воронъ *), собиравшихся всякій вечеръ при наступленіи сумерекъ со всѣхъ точекъ горизонта въ паркъ Конде и тамъ—прежде чѣмъ заснуть—предававшихся въ воздушной вышинѣ всевозможнымъ развлеченіямъ, которыя сопровождались громкимъ карканьемъ. Къ концу зимы онѣ перенесли свои клубныя забавы на полдень, послѣ чего **) собранія съ каждымъ днемъ дѣлались малочисленнѣе и скоро совсѣмъ прекратились. «Какъ только молодые скворцы вылупятся, родительская чета предается вмѣстѣ кормленію птенцовъ, такъ что отецъ не имѣетъ времени даже для того, чтобъ показать свой голосокъ. Однако, онъ всегда ухитряется урвать хоть часокъ отъ своихъ отеческихъ обязанностей, и къ вечеру мы видимъ самцовъ въ сборѣ высвистывающими свой концертъ (I, стр. 244)». Въ Гаврѣ воробьи чуть не изъ всего порта собираются каждый вечеръ тысячами на rendez-vous въ рощицу передъ театромъ, то есть въ такое тѣсто, гдѣ они не могутъ найти для себя никакой матеріальной пищи, и здѣсь, или усѣвшись неподвижно, или перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, вплоть до ночи

---

*) Въ нѣкоторыхъ стаяхъ можно было насчитать болѣе 500 птицъ. Въ слетавшемся сборищѣ число ихъ переходило за 10,000. Нѣкоторыя стаи должны были летѣть не менѣе 15 верстъ, чтобъ прибыть на мѣсто вечерняго раута.

**) Съ 29 февраля 1876 г. Мы присутствовали при подобномъ зрѣлищѣ на рѣкѣ Морле во время солнечнаго восхода въ январѣ 1873 г. Число птицъ, слетѣвшихся сюда въ это время, превосходило всякое воображеніе.

оглашаютъ воздухъ своими веселыми, беззаботными криками; утромъ, на разсвѣтѣ, передъ улетомъ, повторяется та же исторія. Очень многія птицы, живя врозь днемъ, собираются такимъ образомъ по вечерамъ и поютъ, а потомъ щебечутъ еще вмѣстѣ нѣкоторое время утромъ. (Напр.: канарейка, райскія птицы, зеленые попугайчики, египетскіе голуби).

Въ верхней Гвинеѣ шимпанзе поступаютъ такимъ же образомъ (стр. 20). Гиббоны, живущіе стадами, испускаютъ всѣ вмѣстѣ страшные крики при восходѣ и закатѣ солнца. Обезьяна-носачъ имѣетъ то же обыкновеніе. Гузо разсказываетъ, что онъ видѣлъ «въ Техасѣ, у колонистовъ, молодыхъ собакъ, собиравшихся всякій день въ послѣобѣденное время на одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ предавались различнымъ забавамъ. Пробывши въ такомъ клубѣ $1\frac{1}{2}$ или 2 часа, всѣ животныя неизмѣнно возвращались домой. Болѣе взрослыя собаки не принимали никакого участія въ этихъ ассамблеяхъ». (Томъ II, стр. 67).

Періодичность подобныхъ обществъ постепенно приводитъ насъ къ такимъ, которыя длятся непрерывно нѣкоторое время, напр. мѣсяцъ или извѣстный сезонъ года. Прогуливаясь по нашимъ полямъ осенью, передъ наступленіемъ зимы, внимательный наблюдатель можетъ замѣтить стаи скворцовъ и жаворонковъ, формирующихся обыкновенно съ сентября мѣсяца; корольки соединяются въ группы отъ 6 до 8 штукъ въ каждой; то же дѣлаютъ воробьи, синицы и многія другія. Мы могли бы привести еще значительное число аналогичныхъ фактовъ, но достаточно и того, что уже извѣстно теперь читателю; иначе намъ пришлось бы зайти черезчуръ далеко.

Во всѣхъ классахъ животныхъ всего легче соединяются въ общества молодыя особи. Мы сейчасъ объяснимъ себѣ причину этого явленія. Болѣе или менѣе кратковременныя сообщества, составленныя изъ такихъ элементовъ, въ особенности часто встрѣчаются у птицъ. Тогда какъ взрослые во́роны, напр., живутъ парами, молодые ихъ представители держатся стаями, точно также какъ и молодыя совы, африканскіе сорокопуты (Telephonus) и пр. Безполезно было бы продолжать это перечисленіе, потому что всѣ

такъ называемыя общественныя птицы *), неполучающія брачнаго оперенія въ первый годъ своей жизни и раздѣляющіяся на пары отъ весны до осени, представляютъ то же явленіе, т. е. ихъ молодое потомство остается въ стаяхъ все время «любовнаго сезона».

Многія молодыя млекопитающія обнаруживаютъ тѣ же привычки, а у оленей даже и старые самцы. У нѣкоторыхъ видовъ птицъ и млекопитающихъ оплодотворенныя самки образуютъ особыя большія стада, въ которыя другіе индивиды не допускаются. Самцы летучихъ мышей, за исключеніемъ короткаго времени совокупленія, живутъ всегда отдѣльно отъ самокъ. Вообще же, почти у всѣхъ соціальныхъ животныхъ, послѣ рожденія дѣтенышей, сообщество вполнѣ реформируется подъ вліяніемъ изслѣдованныхъ нами выше видовыхъ наклонностей.

Мы дошли теперь до *сообщества*—самой высшей изъ соціальныхъ группъ, какую можно только встрѣтить у животныхъ. По всей вѣроятности, оно состоитъ изъ семействъ. Прежде всего намъ необходимо узнать, въ какихъ отношеніяхъ находится племенное (этническое) сообщество къ обществу семейному въ общей зоологической лѣстницѣ, исключая изъ нея одного только человѣка.

Послѣдующій анализъ дастъ намъ возможность установить три слѣдущія положенія:

1) Простой и естественный переходъ отъ семьи къ племени и сообществу коренится не въ отношеніяхъ отца къ матери и родителей къ дѣтямъ, но во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ нарождающагося поколѣнія.

2) Даже при самомъ началѣ семейство и сообщество враждебны одно другому; они развиваются въ обратномъ отношеніи другъ къ другу.

3) Настоящій составной элементъ сообщества—личность, индивидъ, и любовь существа къ себѣ подобнымъ, или симпатія, является въ немъ источникомъ коллективнаго сознанія.

1-е. Если мы пожелаемъ узнать, какимъ путемъ можно пе-

---

*) Мы принуждены называть, согласно общепринятому обычаю, общественными животныхъ, живущихъ въ стаяхъ, хотя по нашей собственной классификаціи общественными слѣдуетъ считать и тѣхъ, которыя живутъ простыми семействами.

рейти отъ семьи къ высшей ступени общества, то не безъ удивленія замѣтимъ, что пока существуетъ семейство, къ подобному переходу не открывается никакихъ путей. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи того, что́ мы пытались подтвердить доказательствами въ предыдущихъ главахъ, отецъ вообще всего болѣе привязанъ къ матери и мать—къ своимъ дѣтямъ. Но взаимное половое обладаніе можетъ распространяться лишь на небольшое число индивидовъ. Оно по необходимости ревниво, въ особенности со стороны самца, и этого вполнѣ достаточно для того, чтобъ запереть выходъ изъ семейства. Самецъ приходитъ въ ярость при малѣйшей попыткѣ къ нарушенію присвоеннаго имъ себѣ права; и такъ какъ на его сторонѣ сила, то самка принуждена подчиняться его волѣ и оставаться изолированной. Понятно, что она безропотно раздѣляетъ свою привиллегію съ извѣстнымъ числомъ подругъ; но число это по необходимости ограничено, и будь оно даже менѣе, существенный характеръ связи, соединяющій этихъ самокъ съ самцомъ, остается одинъ и тотъ же, какова бы ни была ея продолжительность. Итакъ, въ большинствѣ случаевъ взаимная привязанность самца и самки не терпитъ раздѣленія, и если оно допускается, то только для одной стороны и притомъ въ достаточно тѣсныхъ рамкахъ: силы самца ограничиваютъ сами собой число самокъ, на которыхъ онъ распространяетъ свою власть, точно такъ же, какъ мать можетъ воспитывать лишь небольшое число дѣтенышей. Но когда, въ случаѣ полигаміи, съ умноженіемъ числа самокъ, увеличится количество молодыхъ особей, то хотя образовавшаяся такимъ образомъ группа сдѣлается болѣе значительной, связь, соединяющая родителей съ дѣтьми, нисколько не измѣнится отъ этого въ своей природѣ: мы всегда будемъ имѣть передъ собою семейство, хотя оно и является здѣсь сложнымъ. Если же самка и самецъ привязываются къ другимъ индивидамъ своего вида, то это можетъ происходить только по минованіи любовнаго сезона (temps des amours) и подъ вліяніемъ склонностей, неимѣющихъ ничего общаго съ семейными чувствами. Что же касается до молодаго поколѣнія дѣтей, то оно на самомъ дѣлѣ образуетъ изъ себя общество, которое не основывается ни какой половой или родственной

связи и не имѣетъ своей цѣлью воспроизведенія потомства. Скрѣпляющія его привязанности могутъ распространяться безпрепятственно на гораздо большее число индивидовъ, и такимъ образомъ становится понятно, что когда семейство распадается, то изъ остающихся послѣ него элементовъ можетъ развиться сообщество или стадо.

2) Прослѣдимъ теперь этотъ агломератъ изъ молодыхъ особей, зародышъ племеннаго сообщества. Пока составляющіе его индивиды не сдѣлались взрослыми — общество будетъ продолжать свое существованіе; по крайней мѣрѣ, въ семейныхъ чувствахъ оно не встрѣтитъ для себя никакихъ препятствій. Но что произойдетъ съ наступленіемъ этой поры? Въ него проникнетъ ревность, какъ самый энергическій разлагающій дѣятель, и возбудитъ между самцами ожесточенныя битвы, послѣдствіемъ которыхъ будетъ раздѣленіе самокъ и соединеніе ихъ съ враждующими самцами. Разъ образовались пары, возрастающія вмѣстѣ съ числомъ дѣтей, нужды семейства и усиленное исканіе пищи должны породить между ними новую вражду—ихъ начнетъ отдѣлять другъ отъ друга все большее и большее пространство. Сообщество, по крайней мѣрѣ на время, будетъ разсѣяно и притомъ исключительно подъ вліяніемъ семейныхъ привязанностей. По этимъ именно причинамъ, какъ мы уже и говорили, двѣ трети животныхъ обществъ распадаются въ лучшее время года. Что касается видовъ, совсѣмъ несклонныхъ къ соціальной жизни, то тамъ это встрѣчается еще чаще, потому что прожорливость молодыхъ особей расширяетъ территорію поисковъ родителей за добычей и образуетъ вокругъ нихъ какъ бы пустыню. У млекопитающихъ тотъ же антагонизмъ между семьей и обществомъ. Мы не найдемъ среди нихъ ни одного сообщества, состоящаго изъ семействъ, которое бы если не совсѣмъ распадалось, то, по крайней мѣрѣ, не разшатывалось и не ослаблялось половыми факторами и нуждами воспитанія. Тамъ, гдѣ семейство тѣсно сплочено, мы не видимъ образованія сообществъ, или подобные случаи весьма рѣдки и предполагаютъ стеченіе крайне благопріятныхъ обстоятельствъ, между которыми самымъ необходимымъ является отсутствіе хищности или плотоядности. Ливингстонъ раз-

сказываетъ, что видъ шимпанзе, называемый туземцами соко (Soco), живетъ стадами по 10—12 моногамическихъ паръ. Напротивъ, тамъ, гдѣ господствуетъ полигамія, или смѣшанныя половыя связи, стада образуются сами собой безъ всякаго затрудненія. Такъ напр., стада полигамическихъ обезьянъ несравненно многочисленнѣе тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали. Итакъ, мы видимъ, что вездѣ семейная связь и вѣроятности возникновенія сообществъ обратны одно другому. Для того чтобы сообщество могло пустить ростокъ, необходимо, чтобъ семейныя связи были до нѣкоторой степени ослаблены, и чтобъ каждый отдѣльный индивидъ пользовался извѣстной свободой. Вотъ почему у птицъ такъ рѣдки организованныя сообщества. Правда, мы часто видимъ тамъ накопленіе семействъ, иногда доходящее до громаднаго числа, но въ немъ нельзя открыть никакихъ признакокъ ни подчиненія, ни управленія. Сколько-нибудь стройно организованныя сообщества встрѣчаются всего чаще между млекопитающими и именно потому, что въ этомъ классѣ отдѣльный индивидъ не поглощается семействомъ. Понятно впрочемъ, что семейныя привязанности, связанныя такъ близко съ любовью къ самому себѣ, производятъ на образованіе большихъ обществъ такое же и даже сильнѣйшее дѣйствіе, какъ личный эгоизмъ. Семейный эгоизмъ даетъ себя знать наиболѣе властно потому, что въ основѣ его стоитъ самое понятное изъ всѣхъ *я* и что въ немъ есть своего рода самопожертвованіе. Поэтому соціальное сознаніе сообщества не можетъ имѣть, при своемъ возникновеніи, болѣе крупнаго врага, чѣмъ противополаемое ему коллективное сознаніе семейства. Скажемъ не обинуясь: если общество, стоящее по своей организаціи выше семейства, образовалось и установилось, то это могло случиться не иначе, какъ путемъ инкорпорированія въ его соціальное тѣло значительно измѣненныхъ семействъ съ тѣмъ, чтобъ дать имъ возможность позже возродиться въ его нѣдрахъ подъ охраной несравненно болѣе благопріятныхъ условій.

3) Итакъ, существеннымъ элементомъ высшихъ ступеней общества является вначалѣ совсѣмъ не пара и не семейство. Очевидно, что если бы индивиды, входящіе въ сообщество, какъ его составные члены, не были раздѣльно-полными (немыслимое предположеніе,

потому что какимъ образомъ существовало бы животное какъ индивидъ, не существуя въ то же время, какъ видъ?), это послѣднее должно было бы уничтожиться съ прекращеніемъ ихъ жизни. Понятно также—и это самая главная причина—еслибы бы молодые потомки съ самаго ихъ рожденія не пріучались своимъ общимъ воспитаніемъ къ соціальной жизни, то они никогда, ни на какой зоологической ступени, не составили бы изъ себя сообщества. Конечно, нельзя утверждать, что племенное сообщество можетъ образоваться безъ предшествующей ему семейной организаціи, точно также какъ нельзя и отрицать, что семейство не станетъ будущимъ условіемъ сообщества. Но мы настаиваемъ на томъ, что когда индивидъ ощущаетъ потребность жить съ своими братьями и образовать съ ними постоянное сотоварищество, его влечетъ къ этому не половой инстинктъ и ни одно изъ чувствъ, привязывающихъ родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, но расположеніе совершенно другаго рода, склонность, неожидающая для своего проявленія половой зрѣлости, не пропадающая съ минованіемъ супружескаго періода жизни, и которая, наконецъ, встрѣчаетъ въ семейныхъ привязанностяхъ чаще не поддержку, а препятствія. Но, скажутъ намъ, вѣдь дѣло идетъ о братской любви; не есть ли это семейная привязанность? Мы отвѣтимъ нашимъ оппонентамъ, что братская любовь сама обязана своимъ существованіемъ тому настроенію, о которомъ только что говорилось и изъ котораго она прямо вытекаетъ. Братскія отношенія совсѣмъ не обусловливаются *кровными связями*: этихъ связей не знаютъ животныя. Дѣтеныши разныхъ семействъ, но одного и того же вида (espèce), воспитанные вмѣстѣ, будутъ всегда смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ.

Вліяніе и роль семейства въ образованіи сообщества сводится такимъ образомъ къ обезпеченію существованія извѣстнаго числа дѣтенышей въ первое время, слѣдующее за возникновеніемъ совмѣстной жизни. Что касается до развивающихся въ это время склонностей, изъ которыхъ должно выйти сообщество, то онѣ обнаруживаются внѣ семьи, соединяя всякое животное съ ему подобнымъ. Дѣйствительно, въ силу уже одного своего сходства, два организма, достаточно развитые и способные къ взаимнымъ впечатлѣніямъ,

должны необходимо чувствовать влеченіе другъ къ другу. Если вѣрно, какъ мы уже допускали, что представленіе совершается не однимъ только мозгомъ, но всей нервной системой и цѣлымъ тѣломъ, вслѣдствіе чего разумное существо, воображающее себѣ извѣстную позу или мысленно воспроизводящее какой-либо звукъ, всегда начинаетъ въ нѣкоторой степени принимать эту позу и издавать этотъ звукъ, то для каждаго животнаго самымъ легкимъ представленіемъ будетъ, конечно, представленіе подобнаго ему индивида. Но наиболѣе легкое есть въ тоже время и наиболѣе пріятное *). Всякое живое существо испытываетъ удовольствіе отъ присутствія вокругъ него подобныхъ ему существъ, а изъ повторенія ощущеній этого удовольствія скоро создается потребность, переходящая въ необходимость. Чѣмъ чаще будетъ удовлетворяться эта необходимость, тѣмъ она сдѣлается настоятельнѣе; въ свою очередь и симпатія станетъ развиваться по мѣрѣ ея упражненія, потому что она составляетъ движущую пружину всякаго нормальнаго общества, перешагнувшаго за рогатку семьи. Она объясняетъ намъ какъ то, что постоянныя общества почти всѣ образуются между животными одного и того же вида, такъ и то, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ возникать между особями близкихъ видовъ. Она освѣщаетъ передъ нами и даетъ смыслъ только что указаннымъ фактамъ, показывая намъ въ то же время, почему у нѣкоторыхъ видовъ подростки соединяются съ подростками, самцы съ самцами и оплодотворенныя самки съ самками тоже оплодотворенными. Наконецъ, она же позволяетъ намъ понимать, какимъ образомъ нѣсколько частныхъ сознаній дѣйствуютъ, какъ одно, и общество, составленное изъ ряда индивидовъ, не перестаетъ быть индивидуальнымъ, хотя эти индивиды не входятъ между собой ни въ какое физіологическое сообщеніе.

Значитъ ли это сказать, что, по нашему, соціальная связь

---

*) Для мыслящаго животнаго тѣмъ труднѣе и, слѣдовательно, непріятнѣе представлять себѣ другое существо, чѣмъ дальше это послѣднее стоитъ отъ него на зоологической лѣстницѣ (лишь бы только было возможно сравненіе). Такъ напр., обезьяна при видѣ хамелеона приходитъ въ весьма комическій ужасъ.

имѣетъ исключительно интеллектуальный характеръ? Такъ было бы на самомъ дѣлѣ, еслибъ разумъ и чувство составляли два отдѣльные двигателя. Но они, напротивъ, тѣсно слиты другъ съ другомъ. Внѣшній міръ не представляется въ нашемъ сознаніи иначе какъ полезнымъ или вреднымъ, т. е., говоря иначе, въ своихъ отношеніяхъ къ цѣлямъ индивида. Слѣдовательно, всякому представленію соотвѣтствуетъ какое-либо желаніе или импульсъ. Эта разница между двумя родами психическихъ явленій у высшихъ млекопитающихъ и, вѣроятно, у всѣхъ позвоночныхъ та же самая, какая существуетъ между центростремительными и центробѣжными нервами или между аппаратами чувствующими и двигательными. Въ сознаніи такъ же, какъ въ организмѣ, разница эта уравновѣшивается извѣстнымъ соотношеніемъ. Явленія, которыми живое существо связано съ другими, двойственны, т. е. въ одно и то же время имѣютъ въ себѣ элементы какъ представленія, такъ и желанія. Они принадлежатъ одинаково и къ области мысли, и къ области чувства. Въ примѣненіи ихъ къ человѣку, обыкновенно говорятъ, что они зависятъ отъ сердца и ума. Итакъ, симпатія можетъ рости вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ и общественность параллельно съ способностью представленія, не переставая быть въ то же время наклонностями, потому что неизвѣстно, чѣмъ стало бы желаніе, если бы оно развивалось независимо отъ знакомства съ своимъ объектомъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе непосредственнымъ.

Однако это необходимое соотношеніе можетъ впослѣдствіи ускользать отъ глазъ и даже, повидимому, прекратиться подъ вліяніемъ наслѣдственности. Представленіе, часто повторявшееся въ личныхъ опытахъ расы, можетъ, наконецъ, развить въ нервномъ аппаратѣ такое спеціальное съ нимъ согласованіе, что молодые индивиды будутъ наслѣдовать плодъ этихъ опытовъ при самомъ своемъ рожденіи, не имѣя потомъ нужды въ личномъ пріобрѣтеніи предшествовавшей ему практики. Въ этомъ случаѣ у насъ останется лишь одна вторая часть указаннаго выше двойственнаго процесса: дѣятельность животнаго вызывается импульсами, принаровленными къ обстоятельствамъ, и отвѣчаетъ на возбужденія, идущія извнѣ, комбинаціями соотвѣтственныхъ движеній, причемъ однако же его

разсудокъ не можетъ отдать себѣ отчета и уяснить причинъ, которыя требуютъ такихъ комбинацій. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что въ этомъ случаѣ умъ животнаго остается въ бездѣйствіи или отсутствіи? Конечно, нѣтъ, потому что побужденіе къ дѣятельности и сознаніе, или чувство необходимости, происходятъ только благодаря вліянію прежнихъ операцій. Разумъ даетъ себя знать въ органахъ, которые онъ культивировалъ, въ области безсознательнаго, которую онъ прояснялъ, въ механизмѣ, который онъ сдѣлалъ питомникомъ желаній, намѣреній, влеченій. Такова симпатія: вышедшая изъ представленія, она дѣлается, сначала въ индивидѣ, а потомъ въ цѣлой рассѣ, все болѣе и болѣе прочной подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя послужили для нея исходнымъ пунктомъ; и когда ей приходится явиться передъ психологомъ въ роли наблюдаемаго явленія, то онъ уже застаетъ ее похожей на прихотливое желаніе, на лишенную непосредственнаго генезиса наклонность; однимъ словомъ, психологъ видитъ здѣсь какъ бы полный разрывъ между процессомъ мышленія и функціями чувствъ.

Симпатія находится въ семействѣ примѣшанной въ весьма значительной дозѣ ко всѣмъ склонностямъ, связывающимъ родителей между собою и съ дѣтьми, но она не составляетъ главной пружины этой ассоціаціи, а является тамъ какъ вѣнецъ зданія, какъ послѣдняя фаза всѣхъ чувствъ, соприкасающихся съ семействомъ, потому что, строго говоря, симпатія не можетъ быть относима къ семейнымъ чувствамъ. Напротивъ, она есть первая существенная причина племеннаго сообщества. Вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ, такъ сказать, вырисовываются чувства, свойственныя каждому изъ членовъ сообщества, сообразно его положенію. Мы постараемся прослѣдить по этой канвѣ различные ихъ узоры.

Птицы представляютъ намъ прежде всего два совершенно различныхъ рода сообществъ, одни—продолжающіяся только во время любовнаго сезона и воспитанія птенцовъ, другія — практикуемыя внѣ этого времени. Первая ихъ категорія содержитъ въ себѣ только общества морскихъ птицъ; всѣ остальныя общества пернатыхъ от-

носятся ко второй. Извѣстно, какое своеобразное зрѣлище представляютъ нѣкоторые пункты континентальныхъ береговъ (въ особенности на сѣверѣ Европы и въ южныхъ странахъ, вездѣ, гдѣ нѣтъ человѣка или куда онъ еще рѣдко проникаетъ) и необитаемые острова. Число морскихъ птицъ, кладущихъ свои яйца и воспитывающихъ своихъ птенцовъ въ этихъ мѣстностяхъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Такое общественное гнѣздованіе практикуютъ слѣдующіе виды: сѣверныя гагары, люрики, тупики, чистики, пингвины, казарки, гавки, крачки, серебристыя, трехпалыя и обыкновенныя чайки, олуши, фрегаты и бакланы или морскіе вòроны. Въ этихъ обществахъ не существуетъ никакой организаціи — они почти всегда представляютъ собой лишь накопленіе безчисленнаго множества семействъ. Единственная взаимность услугъ, проявляемая членами стаи въ отношеніи другъ друга, имѣетъ цѣлью общую защиту противъ хищныхъ птицъ; но ихъ главные враги — большія рыбы, противъ которыхъ они совершенно безсильны (?). Нѣкоторые виды даютъ намъ образчики болѣе близкой взаимности. Такъ напримѣръ, дѣтеныши нѣкоторыхъ плавающихъ, потерявшіе своихъ родителей, вскармливаются другими парами. Самки сѣверныхъ гагаръ помогаютъ другъ другу насиживать яйца, а у гавокъ они несутся и высиживаютъ сообща по нѣскольку вмѣстѣ въ одномъ гнѣздѣ. У пингвиновъ, напротивъ, сосѣднія самки усиленно отбрасываютъ чужія яйца, такъ что самецъ всегда стережетъ гнѣздо, пока его самка находится въ отсутствіи. Польза сообщества въ подобномъ случаѣ весьма сомнительна. Тѣ же самые пингвины представляютъ любопытный примѣръ привязанности другъ къ другу, которая выражается у нихъ особымъ образомъ. Пингвины, находящіеся на материкѣ, говоритъ Беннетъ (Бремъ, томъ II), группируются, какъ полкъ солдатъ и строятся не только въ линіи, но по степенямъ своего возраста. Такъ, молодые занимаютъ одно мѣсто, взрослые, насѣдки и свободныя самки—другое. Сортировка соблюдается такъ строго, что каждая категорія безжалостно прогоняетъ птицъ другой категоріи». Не видно, какую выгоду они могутъ извлекать изъ этой повадки. Но таковы факты: если бы мы задались вопросомъ, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ нихъ относительно происхожденія

этихъ обществъ, то мнѣніе Брема на этотъ счетъ можно было бы принять только съ оговорками. «Если они собираются въ многочисленныя общества для витья гнѣздъ, замѣчаетъ онъ, говоря о крачкахъ, то вѣроятно потому, что считаютъ болѣе удобнымъ сопротивляться своимъ врагамъ сообща, соединенными силами, чѣмъ дѣйствуя отдѣльно» (Бремъ, II, стр. 788). Мы не отрицаемъ того, что въ частности у крачекъ общество достигаетъ именно этой цѣли. Затѣмъ, когда тотъ же авторъ утверждаетъ, напримѣръ, что взрослыя черноголовыя чайки постоянно заняты предупрежденіемъ опасностей, которыя угрожаютъ ихъ дѣтенышамъ, когда онъ говоритъ, что всякая хищная птица, появляющаяся въ отдаленіи, вызываетъ въ колоніи общее движеніе и оглушительные крики, причемъ густыя фаланги пернатыхъ бойцовъ мгновенно устремляются на преслѣдованіе врага—свидѣтельство его, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: оно вполнѣ убѣждаетъ насъ, что въ указанномъ обществѣ практикуется оборонительная кооперація. Но совсѣмъ иное дѣло, если мы зададимъ себѣ вопросъ, составляетъ ли эта кооперація результатъ или причину группировки такого числа паръ на «птичьихъ горахъ». По всей вѣроятности, вначалѣ поводы къ ней встрѣтились въ случайныхъ обстоятельствахъ, которыя заставили одновременно большое число этихъ паръ свить себѣ гнѣзда въ благопріятныхъ для подобной цѣли скалистыхъ мѣстахъ, не подалеку одно отъ другаго. Гнѣздиться на волнахъ невозможно, а такъ какъ имъ было необходимо обезпечить себя отъ недостатка пищи, то онѣ должны были держаться вблизи моря, по его берегамъ, гдѣ для нихъ нашлось лишь небольшое число вполнѣ удобныхъ мѣстъ. Что касается до причины, обусловливающей ихъ прогрессивное сближеніе, то это, по нашему мнѣнію, то же влеченіе подобнаго къ подобному, которое мало по малу произвело въ стаяхъ пингвиновъ знакомую уже намъ сортировку членовъ на категоріи. Совмѣстная жизнь доставляетъ животнымъ удовольствіе, потому что никакое представленіе такъ не пріятно для живаго существа, какъ представленіе себѣ подобнаго. По мѣрѣ того какъ они сближались такимъ образомъ, каждый отдѣльный индивидъ услаждалъ себя мыслью, что его силы возрасли на всю сумму энергіи

его собратьевъ, и вотъ тогда-то между нѣкоторыми изъ нихъ установилось оборонительное товарищество, которое потомъ перешло въ общую видовую привычку. Между примитивнымъ разбродомъ и нормальной взаимностью услугъ, симпатія, какъ мы думаемъ, занимаетъ мѣсто необходимаго посредствующаго звѣна. Мы видимъ, что это чувство культивируется ими съ своего рода страстью. Крики они постоянно издаютъ всѣ вмѣстѣ, на разные тоны; одновременныя передвиженія, размѣщенія по линіямъ на излюбленныхъ мѣстахъ играютъ въ ихъ жизни гораздо болѣе важную роль, чѣмъ сравнительно рѣдкія оборонительныя дѣйствія. Видно, что сознательное чувство совмѣстной жизни, жизни бокъ о бокъ другъ съ другомъ, составляетъ для нихъ положительную необходимость, и что, независимо отъ всякой другой цѣли, они ищутъ отвѣчающихъ ему удовольствій. Впрочемъ, было бы нѣсколько рискованно слишкомъ сильно настаивать на тѣхъ или другихъ характерныхъ чертахъ, раздѣляющихъ между собой всегда крайне сложныя и столь близкія другъ къ другу психическія явленія. Трудно опредѣлить съ полной точностью, какое участіе принимало въ первоначальномъ сближеніи этихъ птицъ чувство возрастающей безопасности. Но для насъ достаточно знать и то, что симпатическое чувство очень скоро стало культивироваться для него самого и что оно способствовало въ широкихъ размѣрахъ развитію другихъ чувствъ.

Нельзя отказать въ безусловной вѣрности тому, не разъ повторявшемуся Дарвиномъ принципу, въ силу котораго никакое живое существо не думаетъ о новыхъ аттрибутахъ, если этотъ аттрибутъ не можетъ быть полезенъ для вида. И въ настоящемъ случаѣ легко видѣть, что мы не оспариваемъ полезныхъ результатовъ симпатіи. Однако же случается весьма часто, что вновь пріобрѣтенный аттрибутъ, хотя и полезный для будущаго, вначалѣ былъ пріобрѣтаемъ подъ вліяніемъ совершенно иныхъ мотивовъ, чѣмъ принципъ полезности и затѣмъ, что этотъ аттрибутъ, вообще полезный въ большинствѣ случаевъ, дѣлается невыгоднымъ при какихъ-либо особенныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр., для гавокъ, конечно, невыгодно гнѣздиться массами по сосѣдству съ человѣческими жилищами, гдѣ за ними усиленно охотятся не только ради ихъ пуха,

но также изъ-за ихъ мяса и яицъ; столько же невыгодно и для гренландскихъ голубей сбиваться въ до того компактныя группы передъ ружьемъ охотника, что онъ можетъ ихъ убить болѣе 30 штукъ за одинъ выстрѣлъ. Но соціальныя наклонности у этихъ птицъ вырабатывались при совершенно иной обстановкѣ; они оказались устойчивѣе обстоятельствъ. Точно также пингвины острова св. Павла не оставляютъ своего обыкновенія вить гнѣзда на верху скалъ, куда они взлетаютъ лишь съ большимъ трудомъ, и гдѣ они вмѣстѣ съ своими птенцами дѣлаются легкой добычей хищныхъ птицъ—привычки продолжаютъ жить, вопреки явившимся неблагопріятнымъ для нихъ условіямъ. Возможно поэтому допустить, что необходимость коллективной обороны фигурируетъ лишь на второмъ планѣ между причинами, создававшими соціальные нравы у морскихъ птицъ; иначе, почему ихъ общества не сохраняются втеченіе круглаго года? Мы склонны думать, что появленію этихъ нравовъ много способствовало сближеніе гнѣздъ, вызванное случайностями, причемъ выросшая изъ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ симпатія еще крѣпче сплотила новорожденные агломераты; что же касается согласованныхъ дѣйствій, то они не могли создаться вдругъ и явились позже, какъ результатъ дальнѣйшаго развитія соціальной жизни. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, что гдѣ нѣтъ такихъ дѣйствій, тамъ нѣтъ и сообщества; существуютъ сообщества, въ которыхъ они не проявляются ни малѣйшимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не поселился человѣкъ.

Другія общества птицъ, также періодическія, существуютъ, какъ мы уже говорили, лишь втеченіе времени, непосвященнаго воспроизведенію. Эта противоположность съ обществами первой категоріи довольно замѣчательна, и мы должны постараться объяснить себѣ ея происхожденіе. Замѣтимъ прежде всего, что пища, необходимая для птицъ, не находится въ такомъ изобиліи внутри материковъ, какъ на берегу морей, богатыхъ рыбой. Ничто не мѣшаетъ морскимъ птицамъ гнѣздиться въ какомъ угодно имъ количествѣ на одномъ и томъ же берегу. Сколько бы ни понадобилось пищи для выкармливанія ихъ птенцовъ и какъ бы велико не было

ихъ число, въ рыбахъ и моллюскахъ никогда не можетъ встрѣтиться недостатка. Точно также нѣкоторые рыболовы, живущіе отшельниками на нашихъ обѣднѣвшихъ рыбой рѣкахъ и возлѣ морскихъ береговъ, гдѣ часто раздаются звуки выстрѣловъ, порхаютъ веселыми стаями по полупустыннымъ берегамъ Нила (бѣлый зимородокъ). Совсѣмъ не то внутри материковъ, гдѣ пища въ ограниченномъ количествѣ ожесточенно оспаривается животными другъ у друга. Поэтому нисколько не удивительно, если континентальныя птицы имѣютъ привычки, отличныя отъ привычекъ морскихъ птицъ, въ особенности, когда вспомнишь, что большинство изъ нихъ, питающееся въ зимнее время зернами, во время любовнаго сезона кормится насѣкомыми. Съ этого времени ихъ какъ бы начинаетъ тянуть къ разлету, причемъ, кромѣ тихой брачной жизни, онѣ побуждаются къ уединенію еще и другими мотивами, о которыхъ мы уже упоминали прежде. Если птицы мелкой породы и въ пищѣ для нихъ не предвидится недостатка, то пары ихъ или разсортировываются на небольшихъ разстояніяхъ, какъ напр. жаворонки, или же совсѣмъ перестаютъ разъединяться и, уступая взаимнымъ чувствамъ симпатіи, составляютъ одно общество. Впрочемъ тутъ, какъ можно догадываться, дѣйствуетъ не одна эта причина. Такія обобщенія всегда опасны, а потому всего лучше возвратиться къ фактамъ и какъ можно ближе ихъ держаться.

Къ числу птицъ, вьющихъ гнѣзда парами и затѣмъ живущихъ въ остальное время года стаями, относятся воробьиныя и попугаи, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить нѣкоторыхъ голенастыхъ. Нѣкоторыя воробьиныя проводятъ зиму въ семействахъ, состоящихъ изъ старой четы и ихъ годоваго приплода. Мы не будемъ здѣсь ими заниматься. Другія собираются въ большія стаи, состоящія изъ различныхъ видовъ или изъ особей одного и того же вида. Эти стаи не представляютъ ничего замѣчательнаго въ смыслѣ организаціи. Подражаніе, плодъ симпатіи, влечетъ ихъ почти неудержимо къ одновременности движеній. Попугаи, по крайней мѣрѣ если вѣрить Брему, не составляютъ болѣе высшаго соціальнаго типа. Въ ихъ стаяхъ глаза каждой птицы постоянно устремлены на ближайшихъ товарищей а уши насторожены къ крикамъ сосѣ-

дей, такъ что каждый членъ стаи какъ бы прикованъ къ подвижной массѣ, и, наоборотъ, масса прикована къ каждому отдѣльному индивиду. Такая сильная сплоченность бываетъ однако не всегда. Но есть всетаки много обществъ, гдѣ связи духовной взаимности (liens de la représantation réciproque) до того тѣсны, что онѣ придаютъ дѣйствіямъ своихъ членовъ видъ безусловнаго самопожертвованія. Такъ напр., Одюбонъ разсказываетъ, что когда въ стаѣ попугаевъ убили нѣсколько птицъ, то остальныя съ крикомъ взвились вверхъ и около 5 или 6 минутъ описывали въ воздухѣ круги, затѣмъ вернулись къ трупамъ своихъ товарищей, окружили ихъ и, испуская жалобные звуки, сами пали жертвой своей дружбы» (Бремъ, I, стр. 12). Вильсонъ прибавляетъ (I, стр. 54), что при этомъ повторяющіеся выстрѣлы, повидимому, усиливаютъ самопожертвованіе попугаевъ, потому что они все болѣе и болѣе приближаются къ убитымъ товарищамъ. Такимъ образомъ ихъ можно перестрѣлять цѣлыя сотни. «Любовь къ своимъ собратьямъ, говоритъ Бремъ о снигирѣ, охватываетъ все его существо. Если одного изъ нихъ убили, всѣ другіе начинаютъ издавать жалобные крики и не могутъ покинуть мѣста, гдѣ лежитъ ихъ товарищъ. Они стараются увлечь его за собой» (стр. 93). Такія же свидѣтельства можно было бы привести относительно коноплянокъ, соекъ-кукшъ, кардиналовъ, долгохвостыхъ синицъ и др. Всѣ подобные факты наглядно указываютъ намъ на чувство солидарности, связывающей какъ бы въ одно цѣлое всѣ эти свободныя существа, и въ то же время говорятъ объ ихъ способности къ живому и частому представленію образа своихъ сородичей.

Организація, какъ бы она ни была слаба, все-таки не отсутствуетъ вполнѣ въ такихъ стаяхъ. У попугаевъ и воробьиныхъ есть сторожа, по знаку которыхъ вся стая или въ тишинѣ предается грабежу, или стремительно улетаетъ. Эту совершенно самопроизвольную роль, не сопряженную ни съ какимъ главенствомъ, исполняютъ у попугаевъ, повидимому, наиболѣе старыя особи. У этихъ птицъ замѣчается какое-то нѣмое согласіе, такъ какъ, нападая на поля, онѣ умѣютъ вдругъ прекратить свои обыкновенно оглушительные крики и ведутъ себя до того

тихо, что на мѣстѣ грабежа слышенъ лишь глухой шумъ отъ падающихъ на землю зеренъ. Но самые записные мастера по части предосторожности, это — голенастые, стаи которыхъ организованы гораздо лучше. Пиголицы дѣлаютъ охоту просто невозможной. Онѣ служатъ вѣстовщиками не только для своихъ, но и для всѣхъ другихъ птицъ: «пиголицы, аттакующія сарыча, коршуна, во́рона или орла, представляютъ весьма любопытное зрѣлище. Въ этомъ случаѣ онѣ дѣйствуютъ сообща, и ихъ отвага ростетъ вмѣстѣ съ ихъ числомъ. Хищная птица до того утомляется ихъ безотвязнымъ поддразниваніемъ, что, наконецъ, признаетъ свое безсиліе и позорно отступаетъ съ поля битвы». (Томъ II, стр. 567). Журавлей можно принять за типъ всего семейства съ точки зрѣнія, на которой мы находимся въ настоящую минуту. «Живя въ обществѣ, они всегда ставятъ часовыхъ, обязанность которыхъ состоитъ въ охраненіи общей безопасности. Если имъ пришлось оставить какое-нибудь мѣсто, то прежде чѣмъ возвратиться, они посылаютъ туда развѣдчиковъ. Въ Африкѣ, послѣ знакомства съ нашими враждебными дѣйствіями и разрушительными средствами, они посылали сначала по одному, а потомъ по нѣскольку развѣдчиковъ; послѣдніе тщательно осматривали окрестность, искали повсюду, нѣтъ ли чего-нибудь подозрительнаго, и возвращались въ коммуну; случалось, что общество не давало имъ полной вѣры; тогда посылались новые развѣдчики, какъ бы для контроля надъ первыми, послѣ чего стая наконецъ, снималась съ якоря». (Томъ II, стр. 575). Если бы мы захотѣли дать себѣ отчетъ, откуда выходитъ это соціальное превосходство голенастыхъ надъ попугаями, которые во всемъ остальномъ нисколько имъ не уступаютъ, то, быть можетъ, объясненіе нашлось бы въ самомъ образѣ жизни этихъ птицъ: попугаи живутъ на деревьяхъ и питаются растительной пищей; на волѣ они себя держатъ самыми отчаянными горлодерами. Журавли, напротивъ, прежде всего пѣшеходы; они удятъ осторожныхъ рыбъ и охотятся за мелкими, но ловкими млекопитающими. Чтобъ завладѣть тѣми и другими, имъ приходится оставаться по цѣлымъ часамъ безмолвными, и такимъ образомъ они по необходимости пріобрѣтаютъ

наблюдательность. Ихъ экскурсіи должны быть болѣе основательны и обдуманны.

Такія привычки, очевидно, не могутъ не идти въ прокъ, и мы не сомнѣваемся, что получаемыя отсюда выгоды служатъ могущественными мотивами къ прогрессивному развитію общества. Однако же, не слѣдуетъ забывать, что общественность не всегда представляетъ выгоду; слѣдуя дарвиновскому принципу о непосредственной пользѣ, вышеупомянутыя птицы имѣли бы иногда не малый интересъ отказаться отъ нея, и онѣ, навѣрно, поступили бы такимъ образомъ, если бы чувства симпатіи не приковывали ихъ другъ къ другу. Такъ напримѣръ, несомнѣнно, что ни для попугаевъ, ни для нѣкоторыхъ воробьиныхъ не можетъ быть полезнымъ дозволять убивать себя до послѣдняго, когда одинъ изъ нихъ падаетъ подъ выстрѣломъ охотника. «Инстинкты взаимнаго сочувствія губятъ ихъ, говоритъ Бремъ о коноплянкахъ; разъ одна изъ нихъ поймана, она привлекаетъ другихъ, которыя въ свою очередь попадаются такимъ же образомъ» (I, стр. 118). Съ другой стороны, если небольшое общество является источникомъ благоразумія и осторожности, если оно усиливаетъ вслѣдствіе того безопасность каждаго отдѣльнаго члена, то, увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, то же общество должно внушать ему все большую и большую увѣренность въ своей полной обезпеченности: птицы полагаются другъ на друга. Можно предположить, что когда стая перешагнетъ въ своемъ ростѣ за извѣстную норму, члены ея должны испытывать почти слѣпую вѣру въ свою многочисленность и забывать всякую осторожность. Австралійскіе попугайчики даютъ намъ одинъ примѣръ такого состоянія; другой примѣръ того же рода представляютъ туканы, хотя они имѣютъ мало общаго съ попугаями: «Туканы такъ же интересны, какъ и воро́ны, на которыхъ они походятъ по своему образу жизни; они сообща преслѣдуютъ хищныхъ птицъ и собираются въ большія стаи для нападенія на своихъ враговъ» (I, стр. 29). Это птицы весьма искусныя, когда дѣло коснется согласованныхъ дѣйствій. Однако же, если вѣрить Бэтсу (Bates), «боязливыя и недовѣрчивыя въ маленькихъ стаяхъ, онѣ теряютъ всякое благоразуміе, когда являются въ большихъ» (II, стр. 203). То же самое замѣчается и

у другихъ птицъ: извѣстно, до какого отупѣнія доходятъ странствующіе голуби, когда они перелетаютъ Америку въ тѣхъ превосходящихъ всякое воображеніе стаяхъ, которыя были описаны Одюбономъ. И такъ, многочисленное общество, само по себѣ, не всегда служитъ залогомъ безопасности и спокойствія: когда оно является безъ организаціи, способной имъ управлять, то, безъ сомнѣнія, оно обязано своимъ существованіемъ скорѣе другому началу, чѣмъ только упомянутое нами, потому что въ этомъ случаѣ оно слишкомъ очевидно идетъ противъ своей цѣли.

Сообщества, члены которыхъ постоянно остаются въ сборѣ, далеко не такъ часты, какъ предыдущія; но они занимаютъ вершину лѣстницы, представляющей собой цѣлый рядъ переходныхъ промежуточныхъ соціальныхъ формъ. Не мало есть такихъ обществъ, гдѣ пары настолько тѣсно связаны между собой, что не теряютъ другъ друга изъ вида даже во время любовнаго сезона: битвы между самцами, заботы о воспитаніи птенцовъ разстраиваютъ эти общества, ослабляютъ ихъ связи, однако, не настолько, чтобъ вполнѣ подавить чувство симпатіи, которое ихъ создало. Таковы общества жаворонковъ и овсянокъ. Береговыя ласточки и наши стрижи, нѣкоторые попугаи, зимородки и щурки вьютъ свои гнѣзда уже болѣе близко другъ отъ друга; цапли ихъ помѣщаютъ на сосѣднихъ деревьяхъ, а многія воробьиныя, также какъ и ибисы,—на одномъ и томъ же деревѣ.

Когда гнѣзда скучены, то ихъ сосѣдство можетъ сопровождаться нѣкоторыми измѣненіями въ ихъ витьѣ, какъ относительно участія, принимаемаго каждой птицей въ процессѣ постройки, такъ и въ самой архитектурѣ гнѣздъ. Саланганы представляютъ то любопытное явленіе, что у нихъ такъ же, какъ у пчелъ, каждый членъ общества работаетъ безразлично надъ всѣми гнѣздами стаи или, можетъ быть, участвуетъ въ витьѣ только тѣхъ, которыя примыкаютъ къ его собственному. Ткачикъ надъ колоніей своихъ гнѣздъ устраиваетъ общій навѣсъ. Его австралійскій собратъ нагромождаетъ на деревьяхъ вѣтви мимозъ въ такомъ большомъ количествѣ, что онѣ образуютъ собой ворохъ отъ 2 до 3 аршинъ въ діаметрѣ. Внутри этого искусственнаго куста маленькая община, отъ 3 до 8 паръ,

устраиваетъ мягкое ложе для кладки яицъ (Бремъ, II, стр. 190). Таковы наиболѣе совершенные образцы коллективнаго домостроительства у птицъ*). Если въ такого рода занятіяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются взаимныя отношенія между членами общества, то необходимо помнить, что, по крайней мѣрѣ во время любовнаго сезона, эти послѣднія слабы у птицъ. Это такое время, когда даже у стай, не расходящихся втеченіе круглаго года, общественность становится едва-едва замѣтной. Въ другое время года эти птицы летаютъ общинами въ формѣ извѣстныхъ геометрическихъ фигуръ, которыя вытекаютъ изъ характера кооперации: имъ нужно далеко видѣть и долго летѣть **). Цесарки двигаются вереницей. Пингвины и страусы, птицы съ атрофированными (недоразвитыми) крыльями, устраиваютъ вокругъ своего жилища утоптанныя, выровненныя тропинки. Но всѣ эти явленія, съ социологической точки зрѣнія, не даютъ права на причисленіе птичьихъ стай къ организованнымъ обществамъ. Представляя собой довольно сплоченныя агломераціи, способныя къ совокупнымъ дѣйствіямъ, имѣющимъ цѣлью обезпеченіе общественной безопасности, онѣ не даютъ раздѣленія другихъ занятій, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для семейства и вызываются охраненіемъ (часовые, развѣдчики). Мы не находимъ въ нихъ ни управленія стада тѣмъ или другимъ вожакомъ, ни вообще какого-либо представительства власти и, слѣдовательно, никакой настоящей соціальной организаціи. Языкъ птицъ, обыкновенно тѣмъ болѣе шумный и безпорядочный, чѣмъ многочисленнѣе и сплоченнѣе стая, кажется совсѣмъ непримѣнимъ къ выраженію сколько-нибудь точныхъ идей. Прекрасный въ изліяніяхъ любви, онъ, повидимому, крайне бѣденъ въ своихъ менѣе субъективныхъ изгибахъ. Въ семействѣ онъ еще можетъ служить и служитъ какъ средство сообщенія между матерью и дѣтьми, напр., у домашней курицы; но въ стаѣ его роль состоитъ скорѣе въ элементарномъ заявленіи членовъ общества другъ другу объ ощущеніи ими присутствія своихъ сотоварищей, чѣмъ въ передачѣ представленій или какихъ-либо отчетливо сознаваемыхъ чувствъ.

---

*) Упомянемъ еще объ индійскихъ Leipoa и Megapodius, у которыхъ практикуется общее насиживаніе естественное или искусственное.

**) Ибисы, журавли, дикіе гуси, черные лебеди и пр.

По всѣмъ этимъ причинамъ, племенное общество у птицъ, не смотря на большое число индивидовъ, изъ котораго оно иногда состоитъ, весьма далеко отъ совершенства, къ которому такая община способна въ силу своего происхожденія. Впрочемъ, если постановленный нами законъ объ отношеніяхъ семейства къ сообществу справедливъ, то классъ птицъ, обладающій наивысшимъ развитіемъ семьи, и долженъ быть такимъ, гдѣ вполнѣ организованное общество всего менѣе возможно.

У млекопитающихъ организація сообщества стоитъ нѣсколько выше, но опять-таки не у тѣхъ видовъ, гдѣ высоко развито семейство. Крупные хищники никогда не живутъ вмѣстѣ. Большинство собакъ въ дикомъ состояніи соединяются въ стаи, а именно тѣ, у которыхъ половыя отношенія совершенно свободны, т. е. гдѣ пары сходятся на самое короткое время. Нужно замѣтить, что эти столь ясно проявляющіяся наклонности къ общежитію сопровождаются у собакъ необыкновенной плодовитостью: нѣкоторыя самки приносятъ за разъ отъ четырехъ до десяти и даже до пятнадцати щенятъ. Для того чтобъ образовать стаю въ 50 или 60 индивидовъ, достаточно самаго небольшаго числа этихъ естественныхъ группъ, привыкшихъ съ ранняго возраста къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ подъ руководствомъ матки. Колсуны (*Canis primoevus*), живущіе въ Деканѣ, благодаря этому духу совмѣстности, одерживаютъ верхъ надъ самыми крупными и сильными животными. Они перехватываютъ оленя и леопарда, и тогда какъ одни изъ нихъ нападаютъ на кабана спереди, другіе аттакуютъ его сбоку. Они выдерживаютъ битвы даже съ медвѣдемъ и тигромъ, битвы, изъ которыхъ нѣкоторые бойцы выходятъ болѣе или менѣе потерпѣвшими, но вся стая весьма часто остается побѣдительницей.

Въ обществѣ колсуновъ никогда не бываетъ больше 8 — 12 индивидовъ, такъ что, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, нельзя рѣшить, представляетъ ли оно семейство или стадо. Стаи бродячихъ собакъ въ Египтѣ болѣе многочисленны. Онѣ проявляютъ извѣстную сплоченность, какъ это можно видѣть изъ междуусобныхъ между ними битвъ. «Горе собакѣ, которая заблудится на территоріи сосѣдней стаи! Я видѣлъ не разъ, какъ другія собаки

бросались на несчастную и разрывали ее въ клочки, если только она не успѣвала найти отъ нихъ спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ» (Бремъ по Гаклендеру). Изъ поколѣнія въ поколѣніе наши домашнія собаки выказываютъ все болѣе и болѣе слабые слѣды такой солидарности. Большая часть общественныхъ грызуновъ, въ силу своего моногамическаго режима, неспособна къ централизованной соціальной организаціи. Сурки охраняютъ себя посредствомъ часовыхъ и поручаютъ эту обязанность самцамъ; луговыя собаки (*Cynomus ludovicianus*) поступаютъ такимъ же образомъ и живутъ въ близкихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; у дикихъ кроликовъ замѣчаются тѣ же повадки: подземные ходы различныхъ паръ соединяются между собой. Вискачи устраиваютъ себѣ въ норахъ болѣе централизованныя общежитія и живутъ по 8—10 семействъ, одно возлѣ другаго; ходы изъ такой норы выходятъ на поверхность земли цѣлой полусотней отверстій, причемъ отдѣльныя ихъ группы, оставаясь самостоятельными, составляютъ всѣ вмѣстѣ обширное сообщество. Африканскіе и азіятскіе тушканчики образуютъ менѣе многочисленныя общества, но того же самаго типа. Наконецъ, рѣчные бобры, хотя и раздѣленные на семейства (въ каждомъ жильѣ помѣщается одна семья), строятъ однако же сообща свои удивительныя плотины, гдѣ ясно выступаетъ единство сознанія каждаго сообщества. Эта сложная операція требуетъ полнаго единенія воли и разсудка всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общины для множества приготовительныхъ дѣйствій, изъ которыхъ самыя замѣчательныя—выборъ, срѣзываніе, переноска и укладка толстыхъ сучьевъ, составляющихъ существенную часть постройки. Но этимъ, впрочемъ, въ обществѣ бобровъ и ограничивается кооперація. Лѣсные муравьи, кажется, не уступаютъ имъ въ своемъ искусствѣ; но не слѣдуетъ забывать капитальной разницы между хотя бы самыми совершенными безпозвоночными и позвоночными въ томъ отношеніи, которое насъ теперь занимаетъ: первыя образуютъ смѣшанныя семейныя общества, въ которыхъ самцы играютъ одну только физіологическую роль; вторыя составляютъ сообщества, въ которыхъ семейства имѣютъ свою индивидуальную жизнь и обладаютъ каждое отдѣльно высокой организаціей. Наконецъ, располо-

женіе стѣнокъ въ кельяхъ бобровъ съ извѣстной стороны такъ же сложно, какъ и въ муравейникѣ, не говоря уже о спеціальномъ характерѣ, который необходимо представляютъ подводныя постройки. Прибавимъ къ этому, что общества бобровъ несравненно менѣе обслѣдованы, нежели семейства муравьевъ. Предусмотрительность, съ которой млекопитающія умѣютъ избѣгать нашихъ наблюденій, сама по себѣ уже свидѣтельствуетъ о высшей экономіи ихъ обществъ. Именно о самыхъ совершенныхъ и, слѣдовательно, самыхъ интересныхъ изъ нихъ мы всего менѣе и имѣемъ свѣдѣній *).

Слѣдуетъ признать за несомнѣнный фактъ, что бобры примѣняются къ обстоятельствамъ и измѣняютъ свои привычки вездѣ, гдѣ ихъ преслѣдуетъ человѣкъ. Въ этомъ случаѣ они тотчасъ же, какъ извѣстно, превращаютъ свои открытыя постройки въ норы, подобныя норамъ выдръ и вырытыя, какъ эти послѣднія, въ крутыхъ откосахъ рѣчныхъ береговъ. Фактъ этотъ подтверждается большимъ числомъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Отсюда слѣдуетъ, что если не особенно сильная помѣха сначала тѣснѣе скрѣпляетъ общественныя связи, то крайняя опасность ихъ ослабляетъ, а иногда и совершенно губитъ. Такъ напр., куропатки, преслѣдуемыя человѣкомъ, удваиваютъ свою осторожность и умѣютъ оберегать себя отъ угрожающей имъ опасности; но если преслѣдованія становятся черезъчуръ сильными, онѣ разлетаются, и охотники всегда строго соображаютъ свои дѣйствія съ этой тактикой стаи. Китайскія сороки, (Kitta chinensis), при стремительномъ нападеніи хищной птицы разсѣяваются по сигналу въ одинъ моментъ и затѣмъ, по минованіи опасности, перекликаясь между собой, со всѣхъ концовъ собираются снова. Самки личинкоѣда (Ani cretophaga), высиживающія яйца въ большихъ гнѣздахъ сообща, втроемъ или вчетверомъ, когда ихъ окружаетъ глубокая тишина Гвіанскихъ саваннъ, бросаютъ эту привычку въ обитаемыхъ мѣстностяхъ Бразиліи. Весьма

*) Смотри статью Вундта, которую онъ посвятилъ разбору нашего сочиненія въ *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* подъ заглавіемъ: «Современное состояніе животной психологіи». Онъ признаетъ недостаточность свѣдѣній, которыми располагаетъ животная психологія, преимущественно относительно обезьянъ.

вѣроятно, что многіе виды, принадлежащіе къ общественнымъ семействамъ, подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ, утратили свои соціальныя влеченія. Наиболѣе благопріятными условіями для общества какъ племеннаго, такъ и семейнаго, будутъ, слѣдовательно такія, при которыхъ животныя, надѣленныя достаточными умственными способностями, могутъ себя чувствовать болѣе или менѣе обезпеченными отъ нарушенія ихъ спокойствія: постоянное ожиданіе серьезныхъ опасностей и вытекающій отсюда хроническій страхъ какъ бы поглощаютъ всѣ способности индивида и отнимаютъ у него всякое стремленіе къ коллективности. Общества составляются не для того чтобъ умирать, но для того, чтобъ жить и улучшать жизнь. Одинъ современный поэтъ прекрасно выразилъ эту мысль въ слѣдующемъ стихѣ:

«Кто ждетъ смерти, тотъ остается одинъ...»

Для большаго скрѣпленія общественныхъ связей, необходимо также, чтобъ соціальное влеченіе поддерживалось совмѣстной жизнью и внѣ того времени, когда животныя заняты какими-либо кооперативными работами. Игры, общія упражненія, мирное наслажденіе чувствомъ взаимной симпатіи одинаково необходимы для развитія этого влеченія. Но возможно ли осуществленіе подобныхъ условій тамъ, гдѣ животное не можетъ выглянуть изъ норы безъ риска сдѣлаться немедленной жертвой своихъ соціальныхъ инстинктовъ? Въ сосѣдствѣ съ человѣкомъ не можетъ существовать никакое животное общество, если только онъ самъ не будетъ его охранять по своему собственному желанію.

Вотъ почему стада жвачныхъ, лошадей и обезьянъ встрѣчаются теперь только въ обширныхъ привольяхъ Азіи, Австраліи, Африки и Новаго Свѣта, гдѣ еще не воцарился человѣкъ. Рогатый скотъ живетъ многочисленными стадами, состоящими изъ самокъ и большаго числа дѣтенышей, а также самцовъ. Изъ этихъ послѣднихъ, путемъ самаго ожесточеннаго соперничества, и выходятъ вожаки, пекущіеся о безопасности стада и сопровождаемые остальными болѣе слабыми индивидами. Глава стада пользуется такимъ вліяніемъ на его членовъ, что выказываетъ свою власть только надъ тѣми изъ нихъ, которые также претендуютъ на главенство. Но это обыкно-

венно рѣшается сразу борьбой, и все стадо становится на сторону побѣдителя. Однако же первенство никогда не сохраняется долго безъ покушенія на него: состарѣвшіеся вожаки всегда имѣютъ передъ собой между молодыми самцами своихъ соперниковъ, способныхъ одержать надъ ними верхъ. Какъ только спорный вопросъ рѣшенъ битвой, старики, выронившіе изъ своихъ рукъ скипетръ физическаго превосходства, тотчасъ убѣгаютъ изъ стада и дѣлаются одинокими бродягами—отшельниками, весьма страшными для человѣка *). Бизоны очень трудно поддаются наблюденіямъ надъ ихъ строемъ жизни; но относительно полудикихъ быковъ въ Астраліи и Америкѣ факты эти не подлежатъ никакому сомнѣнію. Дарвинъ, говоря о пріемахъ скотоводства, практикуемыхъ на берегахъ Ла-Платы, говоритъ объ одномъ изъ нихъ слѣдующее: «Главный трудъ скотовода состоитъ въ сгонѣ скота по два раза въ недѣлю на какое-либо центральное мѣсто съ цѣлью его постепеннаго прирученія и для счета." Можно было бы подумать, что эта операція сопряжена съ большими затрудненіями, такъ какъ иногда приходится имѣть дѣло съ 12—15 тысячами головъ, собранными въ одномъ пунктѣ. Однако же въ дѣйствительности она оказывается весьма легкой, потому что животныя сами группируются въ небольшія стада отъ 40 до 100 штукъ въ каждомъ, причемъ ихъ узнаютъ по какимъ-нибудь особенностямъ отдѣльныхъ животныхъ. Если число головъ въ каждомъ стадѣ извѣстно, то не трудно тотчасъ же замѣтить отсутствіе даже одного животнаго среди 10.000 головъ» (Дарвинъ. *Путешествіе вокругъ свѣта*, стр. 155). Дарвинъ не говоритъ, какимъ образомъ каждое животное узнаетъ свое стадо. Одинъ наблюдатель, посѣщавшій австралійскія пастбища, именно Кастелла, объясняетъ въ «Tour du Monde» причину этой свободной группировки: быки Де-Ла-Платы, подобно австра-

*) То же самое практикуется и старыми самцами бизоновъ, слоновъ и гиппопотамовъ. По свидѣтельству Анкетиля, въ англійской Индіи выдаются преміи тѣмъ охотникамъ, которые очищаютъ страну отъ свирѣпыхъ слоновъ—одинцовъ. Мы не знаемъ, насколько это вѣрно; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ Африкѣ и Азіи они являются крайне опасными, вслѣдствіе своего дикаго и раздражительнаго характера.

лійскимъ, происходятъ отъ европейскихъ расъ, нѣкогда находившихся подъ игомъ человѣка, т. е. бывшихъ прирученными, а потому мы можемъ, не насилуя аналогіи, приложить къ однимъ изъ нихъ то, что намъ извѣстно о другихъ. Одинъ колонистъ, предпринялъ длинное путешествіе къ большому стаду быковъ и по прошествіи нѣкотораго времени увидѣлъ, что на самомъ дѣлѣ скорѣе они его водили, чѣмъ онъ ихъ. «Животныя, какъ и люди, узнаютъ своихъ вожаковъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пути, опытный глазъ скваттера легко отличалъ вліятельныхъ животныхъ отъ другихъ или — какъ ихъ называютъ, — *лидеровъ*. Если все стадо разбрелось, достаточно убѣдиться въ присутствіи этихъ послѣднихъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ его совершенной цѣлости. Если же какого-нибудь изъ такихъ вожаковъ не достаетъ, то приходится остановиться и потратить 3 или 4 дня для розыска бѣглецовъ» (*Tour du monde*, 1861, стр. 122). Такимъ образомъ всякое животное легче и скорѣе узнаетъ своего вожака, чѣмъ свое стадо. Вожакъ представляетъ собой центръ каждой отдѣльной группы. Соединеніе многихъ вожаковъ составляетъ управляющій элементъ обширнаго стада. Но здѣсь останавливается дальнѣйшее концентрированіе сообщества. Между преобладающими особями тутъ нѣтъ и не можетъ быть организованной связи.

Антилопы, исключая времени переселеній, живутъ чаще семействами, чѣмъ сообществами. Если внѣ этого времени нѣсколько семействъ и соединяются вмѣстѣ, то связь между ними никогда не бываетъ особенно сильна. Однако, сторожа всегда охраняютъ пасущееся или отдыхающее стадо, и когда одно животное кончаетъ свой срокъ и уходитъ съ поста, другое встаетъ и смѣняетъ его. Самцы вездѣ играютъ роль вожаковъ. Сѣверные олени, расходящіеся попарно на время любовнаго сезона, въ остальное время года образуютъ стада, доходящія до 300—400 головъ. Даже втеченіе этого сезона подростающіе оленята остаются вмѣстѣ подъ наблюденіемъ болѣе пожилыхъ животныхъ. Здѣсь также старѣйшіе лѣтами предводительствуютъ большими стадами. «Когда стадо отдыхаетъ или отдается своей обычной жвачкѣ, вожакъ остается на ногахъ, исполняя должность часоваго. Какъ только онъ ляжетъ, другой

тотчасъ же встаетъ и занимаетъ его мѣсто «(Бремъ, т. II, стр. 483). У оленей практикуется нѣкоторое управленіе. Во время экспедиціи къ сѣверному полюсу, экипажъ судна «Германія» былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Когда путешественники, отправлявшіеся на развѣдки, дѣлали привалъ, стадо изъ 20 или 30 сѣверныхъ оленей тоже остановилось для отдыха на ледяной полянѣ. При возобновленіи экскурсіи, авангардъ стада поднялся и сталъ снова продолжать свой путь. Нѣкоторые изъ оленей остались однако лежать. Тогда вожакъ «далъ знакъ переднимъ остановиться, вернулся къ запоздавшимъ и сталъ ихъ поднимать на ноги ударами своихъ роговъ, продолжая это понужденіе до тѣхъ поръ, пока всѣ не встали и не потянулись, какъ вереница гусей за своими остальными товарищами» (*Tour du monde*, 1874, 2-е sem., стр. 107). Здѣсь уже не сила, а умъ даетъ власть тѣмъ или другимъ животнымъ надъ членами стада. И это понятно для такихъ стадъ, которыя, подобно дикимъ быкамъ, не могутъ разсчитывать на открытое сопротивленіе, а должны направлять всѣ свои заботы къ тому, чтобъ, по возможности, избѣгать врага. Ламы, употребляемыя въ Перу значительными массами для перевозки большихъ тяжестей, даже и въ такой неволѣ какъ бы сохраняютъ свою свободу. Во время длинныхъ путешествій по горамъ стадность не покидаетъ этихъ животныхъ ни на минуту. Такъ, весь караванъ управляется однимъ самцомъ, всегда крѣпкаго тѣлосложенія, который снабжается колокольчикомъ, висящимъ на шеѣ и флагомъ, развѣвающимся на головѣ. Дикія лошади образуютъ табуны, обладающія извѣстной сплоченностью. Воля группы самцовъ, рѣшившихся отстаивать свое обладаніе самками отъ притязаній другихъ самцовъ, представляетъ здѣсь внѣшнюю связь, поддерживающую единство стада. Мы находимъ тутъ какъ обыкновенныя явленія добровольнаго подчиненія и покровительства, такъ и явленіе болѣе высшаго порядка, соприкасающагося съ управленіемъ. Общественная организація слоновъ не вполнѣ извѣстна. «Самецъ — говоритъ Бремъ — обыкновенно имѣетъ при себѣ восемь самокъ», причемъ онъ полагаетъ однако, что стадо слоновъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 50 головъ. Но что это за особи? Подростки или взрослые? Если вѣрны наблю-

денія Анкетиля (*Aventures et chasses dans l'extrême Orient*, томъ II), то общества слоновъ должны быть признаны настоящими стадами, а не семействами, такъ какъ группы ихъ въ Бирманіи, по свидѣтельству этого путешественника, доходятъ до ста и даже до ста пятидесяти особей. Онъ видѣлъ не столь многочисленное стадо, спокойно предававшееся забавамъ подъ внимательной охраной двухъ громадныхъ самцовъ, стоявшихъ по бокамъ сборища на концахъ лѣсной прогалины (стр. 150). При видѣ опасности, они первые аттаковали его, другіе же обратились въ бѣгство, когда двѣ разрывныя пули положили на мѣстѣ ихъ охранителей.

Между всѣми разсмотрѣнными нами животными нѣтъ ни одного, которое обладало бы даромъ выражать съ соотвѣтствующей гибкостью разнообразные оттѣнки своихъ чувствованій и душевныхъ движеній. Дикія собаки лаютъ, но только въ то время, когда преслѣдуютъ добычу (колсунъ, динго). Другія общественныя животныя, предупреждая своихъ объ опасности, ограничиваются тѣмъ, что обращаются сами въ бѣгство, или же топаютъ ногами объ землю. Обезьяна, напротивъ, способна издавать разнообразные звуки, на чемъ основывается развитіе ея общественныхъ привычекъ. Многія изъ нихъ культивируютъ въ себѣ эту голосовую способность въ собраніяхъ, которыя не имѣютъ никакой иной цѣли. «Онѣ сходятся вмѣстѣ, говоритъ Ливингстонъ о сако (разновидность шимпанзе) и барабанятъ по стволамъ дуплистыхъ деревьевъ, а потомъ начинаютъ ревѣть общимъ хоромъ, очень удачно подражая первобытной музыкѣ туземцевъ» (*Tour du Monde*, 1875, 2-e sem., стр. 55). Гиббонъ воспроизводитъ полную октаву (Дарвинъ. *О выраженіи ощущеній*). Но гдѣ ключъ къ этому усовершенствованію самаго голоса, если это не результатъ умственнаго развитія? Мы не имѣемъ въ виду искать причины, которая дѣлаетъ обезьяну самымъ разумнымъ изъ всѣхъ млекопитающихъ животныхъ. Конечно, ея рука много служитъ къ развитію ея способности распознаванія, такъ какъ она даетъ ей значительно болѣе точныя представленія о предметахъ, чѣмъ тѣ, которыя можетъ имѣть жвачное при помощи своихъ губъ и твердыхъ копытъ. Но не будетъ ли

слишкомъ поверхностно объяснять столь обширную совокупность фактовъ такой частной подробностью и не основательнѣе ли признать, что вся организація обезьяны служитъ если не причиной, то, по крайней мѣрѣ, необходимымъ условіемъ ея умственнаго развитія? Рука и мозгъ, тонкія чувства и разумъ, который ихъ комбинируетъ, конечно, не составляютъ собой продуктовъ, стоящихъ отдѣльно другъ отъ друга или вытекающихъ послѣдовательно одно изъ другаго. Оба рода этихъ фактовъ тѣсно соединены между собой и должны были явиться вмѣстѣ, а затѣмъ параллельно развиваться, благодаря ихъ обоюдному взаимодѣйствію. Какъ бы тамъ ни было, но нельзя ни на минуту сомнѣваться, что этой высшей умственности обезьяны обязаны и сложнымъ знакамъ, посредствомъ которыхъ онѣ сообщаются между собой, и высокой организаціи ихъ обществъ. Въ свою очередь общество прогрессивно реагируетъ на ихъ умственное развитіе.

Одни изъ видовъ обезьянъ живутъ небольшими тѣсно сплоченными семействами, другія — многочисленными общинами. Откуда происходитъ такая разница, на это нельзя дать точнаго отвѣта безъ основательнаго глубокаго знакомства съ нравами каждаго вида, и если признать теорію Дарвина—съ нравами ихъ сородичей. Быть можетъ, многіе изъ нихъ были нѣкогда общественными при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Напримѣръ гориллы, водящіяся въ лѣсахъ—гдѣ постоянно во всѣхъ направленіяхъ снуютъ различныя племена негровъ — живутъ одиночками или небольшими семьями, а шимпанзе—то болѣе, то менѣе многочисленными общинами, смотря по степени испытываемой ими безопасности; одна ихъ разновидность (Соко, какъ ихъ называютъ туземцы) живетъ въ постоянныхъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ моногамическихъ паръ, такъ что въ обитаемыхъ ими лѣсахъ, отличающихся тишиной, нерѣдко находятъ по пяти ихъ гнѣздъ на одномъ и томъ же деревѣ. Извѣстно, впрочемъ, что большой ростъ гориллы вынуждаетъ ее къ изолированности вслѣдствіе значительнаго количества растительныхъ веществъ опредѣленнаго рода, необходимыхъ для ея питанія. Наконецъ, эта обезьяна кажется наименѣе одарена умственно и стоитъ въ этомъ отношеніи значительно ниже осталь-

ныхъ трехъ видовъ человѣкообразныхъ. Но мы слишкомъ уже долго останавливались на существующихъ догадкахъ. Прежде чѣмъ касаться этого сложнаго вопроса, лучше будетъ выждать болѣе точныхъ свѣдѣній.

Что отличаетъ общество обезьянъ отъ соціальныхъ группъ другихъ животныхъ, это, во-первыхъ, взаимная помощь, оказываемая ихъ членами другъ другу, или *солидарность* между ними, и, во-вторыхъ, *субординація* или повиновеніе всѣхъ, даже самцовъ, одному главѣ, уполномоченному охранять общественную безопасность.

Общественная солидарность проявляется здѣсь не въ совмѣстныхъ работахъ, но въ прямой помощи каждаго товарища кружка всѣмъ остальнымъ. Такъ, обезьяны очищаютъ другъ друга отъ паразитовъ и насѣкомыхъ; вынимаютъ, послѣ экскурсій черезъ кустарники, одна у другой впившіяся въ тѣло и шерсть иглы и колючки; составляютъ цѣпь, чтобъ перескочить съ одного дерева на другое; сходятся вмѣстѣ и общими усиліями поднимаютъ или сдвигаютъ съ мѣста какой-нибудь слишкомъ тяжелый камень и, наконецъ, взрослые члены въ ихъ обществахъ всѣ безразлично оберегаютъ и защищаютъ малолѣтнихъ, воспитаніе которыхъ длится весьма долго *). Когда та или другая изъ игрунокъ, находящихся въ неволѣ, заболѣваетъ, всѣ товарищи устремляются къ ней и спѣшатъ наперерывъ такъ или иначе облегчить ея страданія. Зрѣлище это въ высшей степени трогательное. Ни одно изъ животныхъ не способно оказывать помощи себѣ подобнымъ, какъ это мы видимъ у обезьянъ, потому что они не обладаютъ для такихъ цѣлей орудіями хватанія. Гузо наблюдалъ много разъ совершенное равнодушіе, съ какимъ корова смотритъ на свою сосѣдку, вязнущую въ болотѣ или срывающуюся съ береговой кручи. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ развиться склонность взаимопомощи при отсутствіи всякихъ средствъ къ ея удовлетворенію? Правда, стада лошадей и жвачныхъ часто практикуютъ взаимную защиту, но

---

*) Въ Парижскомъ Музеумѣ молодой павіанъ, потерявшій мать, былъ предметомъ самыхъ нѣжныхъ заботъ со стороны его отца, и каждую ночь спалъ у него на груди. *Ему уже было три года.* (*Leuret et Gratiolet.*, I, стр. 538).

безсильные въ большинствѣ случаевъ, подобныхъ только что упомянутыхъ нами, они въ своихъ инстинктахъ общественной солидарности никогда не въ состояніи подняться такъ высоко, какъ обезьяны. Вотъ одинъ изъ подобныхъ примѣровъ: однажды большой орелъ напалъ на молодаго церкопитека (толстохвостая обезьяна, называемая также *морской кошкой*). «Тотчасъ же, говоритъ Бремъ, все стадо поднялось на ноги, и менѣе чѣмъ въ минуту орелъ увидѣлъ себя окруженнымъ дюжиной большихъ обезьянъ, которыя ожесточенно устремились на него съ страшными гримасами и оглушительными криками. Охваченный со всѣхъ сторонъ дерзкій хищникъ забылъ уже о своей жертвѣ и искалъ только выхода изъ своего критическаго положенія. Кончилось тѣмъ, что онъ, не смотря на всю свою силу и ловкость едва-едва успѣлъ вырваться изъ того смертельнаго кольца, въ который онъ такъ неожиданно попалъ и то лишь значительно общипанный. Я сомнѣваюсь, чтобъ этотъ орелъ, когда-нибудь въ другой разъ рѣшился нападать на обезьянъ» (Томъ I, стр. 62). Дарвинъ заимствовалъ у Брема разсказъ о подвигѣ самопожертвованія со стороны стараго павіана, желавшаго спасти дѣтеныша изъ своего стада отъ зубовъ собакъ. Павіаны, вслѣдствіе своей тѣсной солидарности, заставляютъ быть осторожными даже леопарда и льва *). Самъ человѣкъ, безъ огнестрѣльнаго оружія, можетъ встрѣтить себѣ въ нихъ опаснаго врага; они собираются по склонамъ долинъ, откуда сообща сбрасываютъ громадные камни, которые могутъ нанести значительный вредъ ихъ противникамъ. Часто даже, если охотникъ не вооруженъ, они бросаются на него со всѣхъ сторонъ **), какъ это мы видѣли въ случаѣ съ морскими кошками и орломъ. Всѣ члены семейства у обезьянъ подчиняются его главѣ. Сообщество ихъ ор-

*) Burton, *Tour du Monde*, 1860, стр. 381. «Два черныхъ павіана смѣло выходятъ на льва; въ то время, какъ одинъ аттакуетъ его спереди, другой хватаетъ животное за поджилки и перекусываетъ ихъ». (*Revue scientifique*, 2 ноября 1873 г.).

**) Бремъ. I, стр. 83. «Что касается до шимпанзе, то всѣ самцы стада бросаются на охотника лишь въ томъ случаѣ, когда онъ когонибудь изъ нихъ убилъ, и горе ему, если стадо большое. (Бремъ, стр. 28).

ганизовано такъ же прочно. Всякая мать печется о своемъ дѣтенышѣ *); но глава стада заботится обо всѣхъ, причемъ самцы, составляющіе боевую силу общества, сообразуютъ всѣ свои движенія съ его. Командованіе и распоряженія производятся посредствомъ голоса: «Время отъ времени, говоритъ Бремъ о толстохвостыхъ обезьянахъ, осторожный вожакъ взлѣзаетъ на вершину большаго дерева и съ высоты этой обсерваторіи внимательно обозрѣваетъ всѣ окрестные предметы; если результатъ осмотра благопріятный, онъ даетъ о немъ знать своимъ товарищамъ особыми гортанными звуками; въ случаѣ же опасности, предупреждаетъ ихъ своеобразнымъ спеціальнымъ крикомъ» (Бремъ, т. I, стр. 62). Мы достигаемъ теперь наивысшей степени коллективной организаціи, къ какой только способны общества животныхъ: между членами ихъ возникаетъ не только пассивная солидарность, какъ у антилопъ, и активная, какъ у собакъ, лошадей и бизоновъ, но и солидарность взаимодѣйствующая, которая проявляется еще болѣе постоянно въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, а затѣмъ — субординація, выражающаяся въ цѣломъ рядѣ формъ, начиная отъ подражанія движеніямъ до передачи мыслей посредствомъ знаковъ, — субординація, требуемая главаремъ, который въ одно и то же время управляетъ стадомъ и водитъ его, причемъ черезъ посредство этого главаря устанавливаются самыя сложныя отношенія стада къ окружающему міру.

При отсутствіи голоса, для передачи мыслей и чувствъ между членами одного и того же сообщества, почти достаточно одной мимики. Физіономія обезьяны обладаетъ индивидуальностью и съ живостью отражаетъ всѣ ея впечатлѣнія (Дарвинъ. *Выраженіе духовныхъ ощущеній*). Мѣриломъ ея выразительности можетъ служить ея дѣйствіе на человѣка, что́ ясно видно изъ многочисленныхъ свидѣ-

---

*) Дювосель поразилъ выстрѣломъ въ грудь около сердца самку, которая несла на спинѣ дѣтеныша. Несчастная, собравши послѣднія силы, схватила малютку и, давши ему уцѣпиться за сукъ дерева, тотчасъ же упала мертвой. (Бремъ, I, стр. 52). Совершенно подобный же фактъ сообщаетъ Андре о самкѣ изъ ревуновъ въ «*Tour du Monde*» за этотъ годъ.

тельствъ разныхъ лицъ, занимавшихся охотой на обезьянъ. «Со мной, говоритъ Бремъ (I, стр. 61), случилось то же, что и съ большинствомъ моихъ предшественниковъ—въ одинъ непрекрасный день я вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ охотѣ на обезьянъ. Какъ-то разъ я выстрѣлилъ въ церкопитека, повернувшагося ко мнѣ лицомъ. Пораженный въ грудь, онъ упалъ на землю и, не испуская ни малѣйшаго крика, сидя спокойно, сталъ отирать кровь, которая текла изъ его нѣсколькихъ ранъ. Въ немъ было въ это мгновеніе что-то до того человѣческое, до того благородное, въ его взглядѣ свѣтилась такая тихая душевность, что мной овладѣло невольное смущеніе—я бросился тотчасъ же къ несчастному и пронзилъ его охотничьимъ ножемъ, чтобъ скорѣе положить конецъ его страданіямъ. Послѣ того я уже болѣе не стрѣлялъ обезьянъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это было необходимо для какихъ-нибудь научныхъ цѣлей. Мнѣ всегда казалось, что я иду убивать человѣка—образъ умирающей обезьяны преслѣдовалъ меня, какъ призракъ, не смотря на то, что я убилъ на своемъ вѣку много и много животныхъ». «Передъ концомъ обѣда, пишетъ капитанъ Джонсонъ, я взялъ свое ружье, чтобъ поохотиться на обезьянъ и выстрѣлилъ въ одну мартышку, которая быстро укрылась въ листву, стараясь руками остановить кровь, выходившую изъ ея раны. Выраженіе ея лица было до такой степени страдальческое, что это зрѣлище привело меня въ большое волненіе и отняло у меня всякое желаніе продолжать охоту». Когда къ нѣмой мимикѣ присоединяется еще безутѣшный голосъ животнаго, впечатлѣніе получаетъ еще болѣе тяжелый характеръ. Шомбуркъ, застрѣлившій во время своихъ продолжительныхъ зоологическихъ экскурсій безчисленное множество животныхъ, описываетъ его такъ: «При видѣ обезьянъ, я, конечно, захотѣлъ тотчасъ же попытать свое охотничье счастье. Послѣ выстрѣла я думалъ, что убилъ самца и самку, но жалобные стоны послѣдней показали мнѣ, что она была только опасно ранена. Стоны эти походили на плачъ ребенка и невольно хватали за сердце, такъ что я почувствовалъ раскаяніе» (Бремъ, стр. 118). То же самое испыталъ и Эд. Андре: «На деревьяхъ тянули свои ноты и взапуски другъ передъ дру-

гомъ гримасничали ревуны. Они принадлежали къ виду Stentor niger—самому крупному изъ цѣпкохвостыхъ. Одна изъ этихъ обезьянъ оставила въ насъ весьма тяжелое воспоминаніе. Это была самка, кормившая грудью своего ребенка. Вмѣсто того, чтобъ бѣжать отъ насъ, она сѣла на развалину стараго *Cecropia* и смотрѣла намъ въ глаза. Натуралисты безжалостны: не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ пуля пронзила грудь бѣдной матери. Вмѣсто того, чтобъ зацѣпиться за сукъ рукой или хвостомъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ смертельно раненыя обезьяны одного съ ней вида, она прижала дѣтеныша къ своему сердцу, распростерла руки и, испустивши раздирающій крикъ, упала. Этотъ предсмертный вопль долго отдавался въ моихъ ушахъ» (*Voyage dans l'Amérique équinoxiale*, Tour du Monde 1878, 1-er semestre, стр. 133). Вотъ что говоритъ Бремъ о церкопитекѣ, который былъ очень привязанъ къ усыновленной имъ маленькой обезьянѣ и лишился ея: «Онъ постоянно старался оживить свою умершую любимицу, но всѣ усилія его оставались тщетными, и бѣдный отецъ снова начиналъ оглашать воздухъ грустными стонами. Душевная скорбь придавала ему что-то высоко облагораживающее, и мы всѣ были глубоко ею тронуты» (Бремъ, стр. 74). Такія проявленія скорбныхъ и веселыхъ чувствъ, переходя непрерывно путемъ обмѣна отъ одного товарища къ другому, устанавливаютъ постепенно между членами стада тѣсную общность мыслей и ощущеній; можно сказать, что соціальное единство, столь рельефно выражающееся въ главарѣ, есть единство сознанія, для котораго физіологическія отношенія составляютъ лишь условіе — это настоящая индивидуальность. Мы не видимъ надобности распространяться на этотъ счетъ; для насъ достаточно, послѣ всего сказаннаго, замѣтить, что влеченіе, соединяющее между собой членовъ одного и того же сообщества, есть именно симпатія, развѣтвляющаяся на двѣ болѣе спеціальныхъ склонности, съ одной стороны—подчиненіе слабаго сильному (субординація), съ другой — господство сильнаго надъ слабымъ *). Таковы чисто психическія связи, которыми создается

*) «Весьма оригиналенъ способъ, какимъ вновоприбывшіе пріобрѣтаютъ себѣ право постояннаго пребыванія въ обширной клѣткѣ, гдѣ

и держится этотъ общественный организмъ. Семейныя склонности оказываютъ въ немъ свою власть, но только для того, чтобъ образовать изъ атомовъ внутри цѣлаго организма молекулярныя частицы или частичныя группы, входящія въ его составъ. Онѣ укрѣпляютъ фундаментъ живаго зданія, вершину котораго занимаетъ симпатія.

Здѣсь нѣтъ ничего геометрическаго. Умственный элементъ разсѣянъ повсюду и разнообразитъ до безконечности комбинаціи и союзы индивидовъ для движенія, нападенія и защиты, смотря по различнымъ требованіямъ окружающей среды. Большое число млекопитающихъ въ своихъ передвиженіяхъ слѣдуютъ вереницей, какъ это дѣлаютъ между птицами—цецарки и дикіе гуси, летающіе въ два ряда. Кенгуру скачутъ въ колоннахъ *). Египетскіе ихнев-

---

обезьяны звѣринца собираются для игръ. Почти каждая изъ нихъ ищетъ случая къ ссорѣ съ новичкомъ, котораго она видитъ въ первый разъ; однако же это дѣлается не безъ нѣкоторой предосторожности; прежде чѣмъ рѣшиться на это, обыкновенно стараются узнать, какъ силенъ новоприбывшій и насколько длинны у него зубы. Поэтому одно изъ первыхъ привѣтственныхъ движеній новичка состоитъ въ оскаливаніи зубовъ, и нерѣдко случается, что въ присутствіи сторожа бенгальская обезьяна (bonnet chinois) сама подходила къ гостю и поднимала его губы, чтобъ скорѣе рѣшить, слѣдуетъ ли его уважать или подвергнуть побоямъ. Такое обыкновеніе обезьянъ вынуждало бы держать маленькихъ ихъ представителей отдѣльно отъ большихъ, еслибы нѣкоторые изъ болѣе сильныхъ видовъ, каковы напр. павіаны и мандриллы, не являлись защитниками слабыхъ. Собакоголовыя обозьяны, хотя отъ природы и жестокія, весьма любятъ однако своихъ маленькихъ собратій и такъ какъ они крайне измѣнчивы, то всегда предпочитаютъ новенькихъ тѣмъ, съ которыми они уже познакомились. Этой чертой ихъ характера и пользуются сторожа, помѣщая возлѣ нихъ для ночлега обезьянъ, нуждающихся въ защитникѣ. Разъ такое знакомство сдѣлано, маленькіе квартиранты могутъ безопасно оставаться все время съ большими въ одной клѣткѣ (*Leuret et Gratiolet*, т. I, стр. 336).

*) De Castella, *Tour du Monde*, 1861, стр. 107. „Впереди идетъ мущина, имѣя въ рукахъ лишь свое оружіе, за нимъ слѣдуетъ жена и наконецъ дѣти по ранжиру, одинъ позади другаго, подобно кенгуру и чернымъ лебедямъ. Безъ сомнѣнія, такой порядокъ передвиженій поддерживается у туземцевъ страхомъ передъ змѣями, такъ какъ гдѣ прошелъ одинъ, тамъ остальные могутъ идти безъ всякаго опасенія. Никогда нельзя встрѣтить у идущихъ негровъ впереди *нѣсколько* человѣкъ,

моны *), волки и виргинскіе олени слѣдуютъ также одинъ за другимъ. Буйволы при защитѣ составляютъ кругъ, внутри котораго помѣщаются дѣти; лошади держатся той же тактики. Но млекопитающія, прокладывающія дороги, какъ напр. слоны и гиппопотамы, не держатся въ этомъ случаѣ никакого опредѣленнаго плана. Если въ общинахъ обезьянъ главарь часто и идетъ впереди, то бдительность нерѣдко заставляетъ его занимать и другое мѣсто: каждый членъ подъ его охраной слѣдуетъ своимъ личнымъ наклонностямъ. Единство общины тутъ никогда не является въ формѣ конкретной геометрической формы; его можно распознать только умомъ, наблюдая внутреннюю тѣсную связь группы. Эта связь укрѣпляется борьбой не только противъ такихъ враговъ какъ собаки и леопарды, но и противъ общинъ другихъ обезьянъ. Въ абиссинскихъ горахъ гелады и гамадрилы никогда не встрѣчаются между собой безъ драки. Такія же сшибки происходятъ и между лошадьми татарскихъ степей за обладаніе самками, а также между стадами бизоновъ въ Америкѣ. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что у обезьянъ разрушительные инстинкты значительно смягчаются инстинктами общественными. Нѣкоторыя изъ нихъ добровольно присоединяются къ другимъ группамъ, напр. капуцины и Appella изъ рода сажу. Всякому извѣстно, что́ происходитъ въ звѣринцѣ, гдѣ содержится много обезьянъ: между ними весьма скоро устанавливается нѣкоторое товарищество, причемъ болѣе сильныя требуютъ себѣ отъ болѣе слабыхъ того же повиновенія, которое онѣ встрѣчали со стороны членовъ своего сообщества при естественной его группировкѣ. «Въ неволѣ, говоритъ Бремъ, между всѣми видами устанавливается тѣсная дружба, и мы замѣчаемъ тѣ же законы господства, какъ и въ свободной общинѣ». Человѣкообразныя, особенно шимпанзе, смотрятъ на другихъ жи-

---

даже если число ихъ весьма велико. Когда черезъ равнины путешествуетъ все племя, то можно видѣть длинную черную ленту, извивающуюся поверхъ высокихъ травъ.

*) Лѣтомъ ихневмонъ рѣдко встрѣчается одинъ, но почти всегда въ сопровожденіи своего семейства. Впереди идетъ самецъ, затѣмъ самка и позади ея одинъ за другимъ дѣтеныши такъ близко другъ къ другу, что со стороны можно принять такое путешествующее семейство какъ бы за одно животное—нѣчто вродѣ длинной змѣи (Бремъ).

вотныхъ и даже на обезьянъ, какъ на низшихъ существъ; совсѣмъ иначе складываются ихъ отношенія къ человѣку: они выказываютъ ему столько же вниманія и почтенія, сколько презрѣнія къ другимъ животнымъ. Обезьяна привязывается ко всѣмъ прирученнымъ млекопитающимъ и преимущественно къ юнымъ; общественный инстинктъ не можетъ идти далѣе и достигая до такой степени развитія, конечно, предполагаетъ весьма высокую культуру симпатическихъ чувствъ. Но здѣсь мы уже приходимъ къ явленіямъ, бывшимъ нашей отправной точкой, а именно къ отношеніямъ между животными разныхъ видовъ. Итакъ, кругъ нашихъ изслѣдованій заканчивается.

Если коллективныя личности составляютъ собой живыя существа, то онѣ должны быть ограничены относительно времени своего существованія и проходить различныя его фазы — рожденіе, ростъ, выживаніе и смерть. Эти явленія мало замѣтны въ случайныхъ обществахъ, они дѣлаются замѣтнѣе въ обществахъ періодическихъ и получаютъ полную явственность въ постоянныхъ обществахъ. Но съ этой точки зрѣнія животныя общества наблюдались рѣдко. Что̀ въ особенности мѣшаетъ наблюденіямъ подобнаго рода, это — большая продолжительность коллективныхъ индивидуальностей, дѣлающая для одного человѣка почти невозможнымъ наблюденія надъ крайними звеньями цѣпи — рожденіемъ и смертью. Тѣмъ не менѣе однако наука имѣетъ кое-какой запасъ свѣдѣній, относящихся къ этому предмету. Такъ напр., удалось прослѣдить образованіе колоніи галокъ происшедшей отъ одной пары и колоніи баклановъ — изъ четырехъ паръ. Каждый разъ, какъ семейное общество образуется или вѣрнѣе происходитъ отъ одной пары, указанныя нами явленія воспроизводятся въ исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ они утрачиваютъ большую часть своего значенія. Извѣстно, что на волѣ новые косяки (табуны) лошадей образуются въ силу необходимости, когда молодые самцы вынуждены составлять свои семейства внѣ существующихъ табуновъ, гдѣ старые жеребцы ихъ болѣе не терпятъ, какъ опасныхъ соперниковъ. У обезьянъ, при слишкомъ большомъ разростаніи общины, часть ея отдѣляется отъ прежняго цѣлаго подъ

управленіемъ другаго самца, сдѣлавшагося достаточно сильнымъ, чтобъ вступить въ борьбу съ главаремъ (Бремъ, I, стр. 9). Можно сказать, что новыя сообщества или колоніи животныхъ образуются на подобіе колоніи полиповъ путемъ эпигенензиса, т. е. что изъ среды неорганизованной массы возникаютъ мало по малу и прибавляются одна къ другой различныя части новаго организма, который никогда не родится сложившимся, но долженъ послѣдовательно обогащаться (se pourvoir) самъ своими органами. Динамическое развитіе сложнаго индивида слѣдуетъ тому же закону, какъ и развитіе простаго: своимъ единствомъ онъ обязанъ только самому себѣ; что касается до первичныхъ матеріаловъ, составляющихъ его существо, а также перваго направляющаго импульса, безъ котораго эти матеріалы не могли бы его образовать, то онъ ихъ получаетъ отъ предшествующаго организма.

Остается вымираніе обществъ. Относительно этого пункта мы не имѣемъ свѣдѣній. Извѣстно, какъ подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ они разсѣяваются или исчезаютъ. Такъ напримѣръ «городки» луговыхъ собакъ (*Cynomys ludovicianus*) иногда опустошаются гремучими змѣями. «На берегу рѣки Жетона, говоритъ Гейеръ *), приблизительно въ двадцати пяти миляхъ отъ сліянія ея съ Миссисипи, находился большой городокъ луговыхъ собакъ. Я отправился туда, чтобъ осмотрѣть его. Но оказалось, что ядовитыя пресмыкающіяся сдѣлали его совершенно пустымъ». Точно также козы быстро исчезаютъ на небольшихъ островахъ, гдѣ заводятся собаки. Человѣкъ, какъ мы видѣли, самый страшный врагъ для животныхъ обществъ не только вслѣдствіе своихъ постоянныхъ преслѣдованій, но и въ особенности вслѣдствіе прогрессивнаго расширенія своей культуры. Но это не составляетъ для насъ интереса въ данномъ случаѣ, потому что намъ нужно знать, распадаются ли и умираютъ сообщества сами собой въ концѣ извѣстнаго періода, подобно простымъ индивидамъ, входящимъ въ ихъ составъ. Мы не могли получить ни одного наблюденія, которое бы это подтверждало. Небольшое число фактовъ показываетъ

*) Бремъ, II, стр. 74.

только, что когда какое-либо общество—семейство или община—клонится къ паденiю, степень раздѣленiя работъ въ немъ убываетъ. Такъ, гнѣздо общественныхъ перепончатокрылыхъ въ перiодѣ истощенiя содержитъ въ себѣ только самцовъ. Что касается причины самаго истощенiя, то она остается неизвѣстной и, быть можетъ, зависитъ отъ внѣшнихъ факторовъ; между тѣмъ простой живой индивидъ существуетъ лишь опредѣленное число лѣтъ, какъ бы ни были благопрiятны внѣшнiя условiя его жизни.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 1. Законы соціальныхъ явлевій въ животномъ мірѣ. — § 2. Природа животныхъ обществъ. — § 3. Нравственность животныхъ.

Теперь изложеніе фактовъ, представляемыхъ животными обществами, кончено. Намъ остается прежде всего выбрать изъ нихъ тѣ, которые обладаютъ извѣстной степенью общности и постоянства, чтобъ выставить ихъ передъ читателемъ въ формѣ законовъ; затѣмъ, намъ слѣдуетъ опредѣлить природу того субъекта, въ которомъ они проявляются, и тогда мы будемъ въ состояніи рѣшить поставленные въ началѣ нашего опыта вопросы: Что такое животное общество? Какимъ образомъ въ животномъ царствѣ становится возможнымъ коллективное сознаніе? Наконецъ, послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ, намъ придется только показать, какимъ образомъ природа общества составляетъ основу привычекъ actes habituées составляющихъ его животныхъ, или, другими словами, основу ихъ нравовъ и—если возможно такое выраженіе—ихъ нравственности.

§ 1.

Законы соціальныхъ фактовъ въ животномъ мірѣ.

Отыскиваемые нами законы совсѣмъ не тѣ, знаніе которыхъ необходимо для человѣка въ его разнообразныхъ отношеніяхъ къ животнымъ. Мы не имѣемъ цѣлью ни давать наставленія скотоводамъ, какъ они всего удобнѣе могутъ составлять стада, ни учить охотниковъ, какъ они должны преслѣдовать добычу, если преслѣдуемыя животныя живутъ въ стаяхъ. Всѣ подобныя вещи относятся къ области частныхъ законовъ, касающихся тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ видовъ. Мы же, напротивъ, хотимъ, если это можно,

уловить извѣстное число общихъ законовъ, приложеніе которыхъ (ибо всякая теорія прямо или косвенно сводится къ практикѣ) помогало бы уясненію отношеній животной соціологіи къ біологіи съ одной стороны и къ политикѣ съ другой. Заслуживаютъ ли такія обобщенія названія законовъ? Едва ли возможно ихъ называть какъ-нибудь иначе, потому что хотя физико-химическіе законы и обладаютъ численной строгостью, придающей имъ большую степень точности, однако же и между ними есть много такихъ, которые имѣютъ характеръ чисто качественныхъ отношеній. Таковы, напр., слѣдующія положенія: звукъ не передается черезъ пустоту, свѣтъ распространяется по прямой линіи, красный цвѣтъ дополнителенъ зеленому и обратно, электричество, стремясь преодолѣть сопротивленіе воздуха, направляется къ остріямъ и т. д. Всѣ они представляютъ вначалѣ этотъ самый характеръ и снова воспринимаютъ его, когда резюмируются для большей ясности, наподобіе закона превращенія силъ. Многія изъ самыхъ основныхъ истинъ біологіи совсѣмъ лишены численнаго элемента, въ особенности ея наиболѣе общія положенія, подобныя тѣмъ, которыя Мильнъ Эдвардсъ выставилъ въ началѣ своей Психологіи. Тоже самое и относительно соціологіи, и если для нея необходима статистика, то все же, при систематическомъ построеніи этой науки, мы вынуждены разсматривать явленія съ высшей точки зрѣнія и останавливаться лишь на ихъ наиболѣе понятныхъ положеніяхъ. Такая ея роль становится тѣмъ болѣе неизбѣжна, что эта отрасль человѣческаго знанія находится еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія. Именно такимъ образомъ мы и будемъ поступать, отыскивая наиболѣе общія отношенія между изслѣдованными фактами и не выходя ни на одно мгновеніе изъ области животныхъ обществъ, къ которымъ только исключительно и будетъ примѣняться все наше послѣдующее изложеніе.

I.—*Сотрудничество.*—Всякое социальное тѣло есть одно организованное цѣлое, состоящее изъ различныхъ частей, каждая изъ которыхъ особаго рода движеніемъ содѣйствуетъ сохраненію этого цѣлаго. Въ первомъ классѣ обществъ такое содѣйствіе или сотрудничество чисто физіологическое, причемъ оно поддерживается непрерывной связью органовъ между собой. Во второмъ классѣ это

сотрудничество только на половину физіологическое, на половину же психологическое: семейство, которое не могло бы существовать безъ органическихъ связей, начинается и кончается соотвѣтствующей дѣятельностью нервныхъ центровъ, расположенныхъ на разстояніи въ отдѣльныхъ индивидахъ. Наконецъ, въ сообществѣ то же самое сотрудничество является исключительно психологическимъ. Но, каковы бы ни были общества, всѣ они безразлично основываются на солидарности и взаимодѣйствіи частей; всѣ они организованы съ тою разницей, что наиболѣе высшія изъ нихъ обладаютъ болѣе развитой организаціей, чѣмъ другія.

II.—*Раздѣльность частей* (а) *одновременныхъ.*—Всякое соціальное тѣло состоитъ изъ организованныхъ частей или организмовъ. На самой низкой ступени, у инфузорій, оно образуется изъ элементарныхъ неразложимыхъ (въ физіологичеекомъ смыслѣ) организмовъ; но по мѣрѣ возвышенія зоологической лѣстницы, составные организмы въ свою очередь становятся все болѣе и болѣе сложными, хотя отъ этой сложности нисколько не страдаетъ ихъ индивидуальность, а тѣмъ болѣе индивидуальность цѣлаго. Можно даже сказать, что тамъ, гдѣ каждый соціальный типъ достигаетъ своего полнаго развитія, индивидуальность цѣлаго прямо пропорціональна индивидуальности частей, и чѣмъ опредѣленнѣе единство этихъ послѣднихъ, чѣмъ независимѣе ихъ дѣятельность, тѣмъ лучше обезпечено единство цѣлаго и энергія его дѣятельности. Индивидуальность обществъ не только не исключаетъ сложности, но даже предполагаетъ ее и имѣетъ однимъ изъ своихъ условій индивидуальность составляющихъ ее элементовъ. Этотъ законъ прилагается какъ къ обществамъ, имѣющимъ цѣлью совмѣстное пользованіе взаимной жизнью (vie de relation), такъ и ко всѣмъ остальнымъ; что касается умственной дѣятельности, которая принимаетъ участіе въ ихъ образованіи, то о ней можно сказать то же, что мы сейчасъ говорили о сложныхъ организмахъ вообще.—(в) *слѣдующихъ другъ за другомъ.*—То, что вѣрно относительно состава общества въ пространствѣ, остается справедливымъ и по отношенію къ его составу во времени. Всякій соціальный организмъ перемѣняется въ своихъ частяхъ не много, а многое множество разъ. И чѣмъ въ болѣе высокой степени онъ

обладаетъ этимъ свойствомъ, чѣмъ долѣе сохраняется его тождество (единство въ времени), тѣмъ болѣе онъ способенъ къ прогрессу.

III. — *Образованіе путемъ эпигенезиса.* — Всякое общество образуется посредствомъ эпигенезиса, т. е. путемъ послѣдовательныхъ вполнѣ самопроизвольныхъ приращеній. Другими словами, ошибочно было бы думать, что новыя общества могутъ слагаться въ природѣ изъ осколковъ старыхъ, уже вполнѣ организованныхъ. Нѣтъ, они возникаютъ сначала въ состояніи зародыша и, какъ всякій зародышъ, представляютъ небольшое зерно безсвязной матеріи, надѣленной только скрытой возможностью развитія. Скоро внутри этой нестройной массы тамъ и сямъ начинаютъ опредѣляться тѣ и другія части, причемъ наиболѣе существенныя изъ нихъ возникаютъ прежде остальныхъ, и работа организаціи развертываетъ свои крылья *) Эта работа вполнѣ самопроизвольна со стороны каждаго элемента. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что сколько-нибудь походило бы на механическое дѣйствіе, на внѣшнюю обработку, на искусственную композицію. Каждый элементъ, едва только онъ появился, приноситъ уже съ собою опредѣленныя стремленія, способныя направлять его къ выполненію его функцій, и хотя дѣятельность этихъ послѣднихъ во всѣхъ элементахъ имѣетъ, такъ сказать, центростремительный характеръ, однако всякое отправленіе совершается такъ, какъ будто оно было одно и имѣло цѣлью только само себя. Такимъ образомъ всякое самообразованіе соціальнаго тѣла, также какъ и каждой изъ его частей, начинается автономнымъ развитіемъ и постепеннымъ самопобудительнымъ ростомъ, начиная съ зародыша.

IV. *Раздѣленіе труда.* — Въ этомъ развитіи первымъ условіемъ будущаго сотрудничества является раздѣленіе общей функціи

---

*) «Такимъ образомъ человѣческое общество въ этой расѣ (Греки) не возрастало, подобно постепенно расширяющемуся кругу. Напротивъ, мы видимъ здѣсь небольшія группы, которыя сложились за долго прежде и затѣмъ уже сплотились вмѣстѣ одни съ другими. Такъ возникаетъ языкъ путемъ сліянія нарѣчій или говоровъ» (De-Coulanges), *Cité antique*, стр. 147).

на нѣсколько частныхъ, или, какъ говорятъ, раздѣленіе труда. Но если это условіе безспорно необходимо, то оно еще недостаточно. Раздѣленіе — это разсѣяніе, дифференцировка; сотрудничество же требуетъ, кромѣ того, группировки, интеграціи, которая и совершается въ двухъ послѣдовательныхъ фазахъ.

V. *Притяженіе подобныхъ частей и координація.*—Прежде всего сотрудничество проявляется въ соединеніи подобныхъ частей. Притяженіе или тяготѣніе подобнаго къ подобному — одинъ изъ самыхъ основныхъ общественныхъ законовъ. Въ обществахъ чисто органическихъ причина этого притяженія проста и очевидна. Почему иглы коралла соединятся вмѣстѣ для образованія скелета полипняка? Почему въ другихъ мѣстахъ клѣточки группируются въ смежныя другъ съ другомъ массы? Безъ сомнѣнія, потому, что каждый гистологическій элементъ происходитъ отъ себѣ подобныхъ и необходимо остается въ связи съ тѣми, отъ которыхъ онъ получилъ свое начало. Но въ психологическихъ обществахъ причина тяготѣнія болѣе сложна. Она коренится прежде всего въ симпатіи, т. е. въ наибольшей легкости, съ какой всякое существо, способное къ представленіямъ, представляетъ въ своемъ умѣ себѣ подобнаго, а также въ сознаніи, что это влечетъ за собой увеличеніе и расширеніе дѣятельности (удовольствіе). Но сближеніе подобныхъ существъ имѣетъ свою причину еще въ законѣ, по которому одни и тѣ же вліянія производятъ на аналогичныя существа тождественное дѣйствіе и который заставляетъ эти существа изъ аналогичныхъ внѣшнихъ условій извлекать сходныя заключенія. Этотъ первый актъ группированія можетъ быть названъ *координаціей*. Итакъ, мы видимъ, что умственная дѣятельность нисколько не противится раздѣленію труда, но, напротивъ, приспособляется къ нему даже легче, чѣмъ матеріальный организмъ, разнообразя до безконечности свои отправленія, если та или другая органическая структура осуждаетъ ихъ на неподвижность. Точно также умственная дѣятельность благопріятствуетъ и координаціи, потому что она позволяетъ соединяться разсѣяннымъ и отдѣленнымъ другъ отъ друга элементамъ, какъ только они получатъ возможность замѣтить свое сходство. Итакъ, законъ тяготѣнія подобнаго къ подоб-

ному есть общій соціологическій законъ, прилагающійся одинаково какъ къ представительнымъ (représentatives), такъ и къ психологическимъ обществамъ.

VI. *Полномочіе или представительство функцій и подчиненіе.*—Во второмъ случаѣ сотрудничество достигается представительствомъ функцій. Невозможно, чтобъ при большомъ числѣ индивидовъ, между которыми установлено раздѣленіе труда, всѣ они исполняли функціи одинаковой важности. Одному или нѣсколькимъ изъ нихъ непремѣнно должно выпасть на долю наиболѣе существенное, господствующее, преобладающее отправленіе. Чѣмъ болѣе онъ будетъ его исполнять, тѣмъ лучше онъ долженъ это дѣлать. Мало по малу эти индивиды перемѣщаются изъ разсѣянныхъ и наиболѣе удаленныхъ мѣстъ соціальнаго организма и сосредоточиваются въ центрѣ. Такимъ образомъ центральные индивиды дѣлаются преобладающими и подчиняютъ себѣ остальные, если бы даже эти послѣдніе не чувствовали никакой склонности къ подобному подчиненію. Но разъ это совершилось, центральная группа одна будетъ представлять собой все тѣло, жизнь котораго какъ бы микрографируется въ ней; съ ея судьбой будетъ связана судьба всѣхъ остальныхъ индивидовъ; вслѣдствіе органической солидарности, въ ней будутъ отзываться всѣ модификаціи частей и изъ нея же получать отклики на всѣ ихъ модификаціи; кромѣ того, въ случаѣ воздѣйствія она сдѣлается центромъ движенія, подобно тому, какъ она же является центромъ впечатлѣній. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой наивысшую степень сотрудничества. Законъ этотъ, также какъ и предыдущіе, прилагается не только къ обществамъ, состоящимъ изъ физически связанныхъ между собою органовъ, но и къ соціальнымъ тѣламъ, въ составъ которыхъ входятъ индивиды, способные къ представленію, находя въ нихъ новое для себя подтвержденіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сотрудничество достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, благодаря настоящему представительству (стада жвачныхъ, толстокожихъ, обезьянъ) и той способности, съ какой вожакъ, прежде чѣмъ реагировать на внѣшній міръ, откуда онъ получилъ впечатлѣніе, дѣйствуетъ на членовъ подчиненнаго ему стада.

VII. *Самопроизвольность направляющихъ импульсовъ.* — Направляющая часть соціальнаго тѣла сама по себѣ есть не болѣе, какъ органъ. Слѣдовательно, самопроизвольность ея дѣятельности, наравнѣ съ дѣятельностью другихъ органовъ, подчиняется закону возрастающей дифференцировки и интегрировки. Но, по мѣрѣ повышенія лѣстницы, дѣятельность направляющей части становится значительнѣе, и размышленіе принимаетъ въ ней бо̀льшее и бо̀льшее участіе. Она и открывается намъ всего легче. Поэтому-то у всякаго наблюдателя и существуетъ стремленіе видѣть только ее и не замѣчать самопроизвольныхъ, но менѣе сознательныхъ и слабѣе выраженныхъ дѣйствій, которыя подчиняются направляющему органу. Но хотя это центральное дѣйствіе кажется независимымъ отъ другихъ, хотя, въ глазахъ невнимательнаго наблюдателя, оно походитъ на дѣйствіе привода, сообщающаго движеніе инертнымъ колесамъ механизма, однако, направляющая часть всегда и во всѣхъ случаяхъ составляетъ одно тѣло съ организмомъ — она заимствуетъ отъ подчиненныхъ частей движеніе, которое и распредѣляетъ между ними. Эти именно подчиненныя части и придаютъ даже самымъ высшимъ сообществамъ видъ машинъ, въ той конечно мѣрѣ, въ какой ихъ дѣйствія кажутся машинообразными; но въ сущности, если принужденіе и играетъ здѣсь извѣстную роль, то въ общемъ оно всегда есть только равнодѣйствующая индивидуальныхъ воль, которыя переносятъ свои атрибуты на центральную часть. Итакъ, соціальная жизнь глубоко отличается своей самопроизвольностью *) отъ дѣйствія искусственныхъ аппаратовъ: болѣе или менѣе разсудочная дѣятельность, которой управляется эта жизнь, въ свою очередь основана на безсознательныхъ импульсахъ, изъ которыхъ и вытекаетъ полномочіе на главенство.

VIII. *Органическій характеръ культурной дѣятельности животныхъ.*—Силы, которыми располагаетъ коллективный организмъ, проявляются тремя способами—то самымъ строеніемъ со-

*) Самопроизвольность, на нашемъ языкѣ, означаетъ не безпричинное творческое движеніе, а—въ противоположность перемѣщеніямъ, вызываемымъ внѣшними импульсами — употребленіе потенціальныхъ силъ, предварительно выработанныхъ внутри организма.

ціальнаго тѣла, то приспособленіемъ какой-либо части матеріи къ тѣмъ или другимъ общественнымъ нуждамъ и цѣлямъ, то, наконецъ, различными принаровленными дѣйствіями, не имѣющими никакого матеріальнаго слѣда. Чѣмъ болѣе эти проявленія по своей формѣ приближаются къ правильнымъ геометрическимъ фигурамъ, тѣмъ менѣе общественная дѣятельность способна къ разнообразію, гибкости и иниціативѣ (изобрѣтательности), тѣмъ ниже, однимъ словомъ, организмъ. Но что́-бы ни совершало общественное тѣло— будетъ ли это его самопостройка, внѣшнее воздѣйствіе на матерію, или примѣненіе какихъ-либо дѣйствій къ различнымъ обстоятельствамъ—оно всегда и во всемъ можетъ лишь слѣдовать законамъ организма, и потому всякое соціальное дѣло носитъ на себѣ отпечатокъ организаціи, такъ же какъ общество, которое его создало. Если это дѣло одухотворяется мыслью, то оно будетъ имѣть тотъ же характеръ, но только выраженный въ болѣе высокой степени, т. е., при болѣе богатомъ разнообразіи, въ немъ будетъ больше цѣльности, гармоніи, порядка и красоты.

IX. *Прогрессъ соціальнаго типа*. — Законъ есть постоянное отношеніе между слѣдующими другъ за другомъ явленіями, типъ, неизмѣнное соотношеніе между сосуществующими формами. На низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы типическія формы выражаются, такъ сказать, въ пространствѣ; но, по мѣрѣ ея повышенія, этотъ типъ превращается лишь въ одно идеальное отношеніе частей или въ соціальный строй (constitution), отличающійся чрезвычайнымъ постоянствомъ. Никакое общество, повидимому, не можетъ измѣнить своей основнаго строенія, хотя бы оно было способно къ значительнымъ усовершенствованіямъ въ своихъ частяхъ. Всѣ совершающіяся въ немъ улучшенія какъ бы гонятъ его все дальше и дальше по одному и тому же направленію, лишь увеличивая рельефность тѣхъ свойствъ, которыми оно отличается отъ другихъ. Чѣмъ болѣе два несходныя между собою общества развиваются, тѣмъ они дальше расходятся. Нѣтъ поэтому возможности размѣстить общества въ линейномъ порядкѣ, и выраженіе *лѣстница*, которое мы иногда употребляемъ для ихъ обозначенія во всей ихъ совокупности, въ сущности, не вполнѣ вѣрно. Самой

близкой аналогіей въ данномъ случаѣ было бы дерево съ его вѣтвями, выходящими изъ ствола, на разной высотѣ и въ различныхъ направленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ развѣтвленіяхъ сучьевъ, такъ и въ развѣтвленіяхъ обществъ нѣтъ прямыхъ непосредственныхъ переходовъ отъ одного къ другому: достигши оконечности одной изъ этихъ вѣтвей, которая, при своемъ развитіи, какъ мы уже сказали, отходитъ отъ ствола и поднимается вверхъ, мы должны для того, чтобъ перейти къ основанію высшей вѣтви спуститься значительно ниже вершины предыдущей. Однако же если общества подчиняются въ своемъ развитіи однимъ и тѣмъ же законамъ, мы должны находить подобія на оконечностяхъ каждой изъ гипотетическихъ вѣтвей. И дѣйствительно, эти аналогіи (но только аналогіи) существуютъ между тремя группами описанныхъ нами обществъ: бластодемы, семейства и общины (peuplade). Такъ напримѣръ, общество пчелъ, чисто семейное, принимаетъ вслѣдствіе своего высокаго развитія видъ общины. Эти сходства достаточны для того, чтобы сравненіе одного съ другимъ было возможно, въ особенности если терминами сравненія выбираются отдаленные пункты соціологическаго ряда. Разсматриваемый во всей своей совокупности, рядъ этотъ проявляетъ прогрессъ, выражающійся въ постоянномъ развитіи свойствъ и качествъ, которыя болѣе или менѣе полезны для всѣхъ живыхъ существъ вообще, а именно органической сложности и вытекающей изъ нея большей энергіи дѣятельности.

X. *Число элементовъ.*—Число элементовъ является факторомъ энергіи въ сотрудничествѣ, но при томъ лишь условіи, чтобъ органическое строеніе соотвѣтствовало этому числу. Всякому строенію соотвѣтствуетъ свое особое опредѣленное число. Если этотъ предѣлъ перейденъ, увеличеніе въ объемѣ соціальнаго тѣла становится для него вреднымъ. Такимъ образомъ существуетъ строгое отношеніе между числомъ элементовъ и экономіей общественнаго организма. Типъ опредѣляетъ собой не только форму обществъ, но въ болѣе или менѣе широкихъ предѣлахъ и ихъ объемъ.

XI. *Универсальность общественныхъ явленій.* — Всѣ животныя, за исключеніемъ развѣ самыхъ низшихъ живыхъ существъ, представляютъ собой различныя ступени обществъ или ихъ

элементы. Такимъ образомъ зоологическій рядъ или классификація въ сущности даетъ намъ не индивидуальные типы, а соціальные Сами натуралисты, вводя въ опредѣленіе вида разнополую пару. считаютъ это какъ бы подразумѣваемымъ. «Типическіе ряды животныхъ (series specifiques), говоритъ Катрфажъ, представляются намъ состоящими не изъ индивидовъ только, а скорѣе какъ будто изъ слѣдующихъ другъ за другомъ семействъ, каждое изъ которыхъ происходитъ изъ одного или двухъ предшествовавшихъ ему семей». Тамъ, гдѣ существуетъ сообщество или вообще въ высшихъ областяхъ животнаго царства, конечно, сообщество заслуживаетъ болѣе, чѣмъ семья, занимать мѣсто въ типическихъ рядахъ. Въ самомъ дѣлѣ, никакое живое существо не можетъ поддерживаться, какъ видъ, внѣ своей естественной группы. Его нравы составляютъ часть его самого и притомъ до такой степени, что Латрейль настаиваетъ на дѣленіи муравьевъ сообразно ихъ нравамъ, а Руже и Бремъ предлагаютъ то же самое—первый для осъ, второй—для птицъ. Но отношенія индивидовъ къ ихъ соціальной средѣ составляетъ самую важную сторону ихъ нравовъ; эти отношенія опредѣляютъ такъ же хорошо, какъ и особенности ихъ органическаго строенія, сравнительную высоту каждаго животнаго.

XII. *Фазы жизни.*—Всякое общество, развиваясь, начиная съ зародыша, рождается и растетъ; аналогіи и извѣстное число фактовъ даютъ намъ право думать, что точно также, послѣ неизбѣжнаго упадка, всякое общество умираетъ. Однако мы не знаемъ терминовъ времени, между которыми совершается это развитіе. Нѣкоторыя семейства живутъ только годъ, другія держатся нѣсколько дольше, а есть и такія, которыя выживаютъ по многу лѣтъ. Но долговѣчность сообщества совершенно неизвѣстна. Можно только сказать, что существованіе его длится гораздо долѣе, чѣмъ жизнь индивидовъ.

XIII. *Детерминизмъ фактовъ.* — Общества не всегда существовали, такъ какъ возникновеніе видовъ совершалось постепенно. Ихъ развитіе, взятое во всей своей совокупности, не менѣе необходимо, чѣмъ развитіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Какъ частныя явленія, обнаруживаемыя какимъ либо даннымъ

обществомъ, повинуются строгому детерминизму, — хотя бы онъ и затемнялся въ большей или меньшей степени актами умственной дѣятельности и порывами любви, которыя *кажутся* свободными, — такъ и явленія, породившія ихъ образованіе, въ исторіи жизни тоже были подчинены детерминизму, не видѣть который изъ-за наружной неправильности формъ было бы ошибочно. Мы уже отмѣтили нѣкоторыя изъ причинъ, которыя то ограничиваютъ общество семействомъ, то расширяютъ его до стада, то дѣлаютъ его кратковременнымъ или позволяютъ ему оставаться постояннымъ. Изслѣдованіемъ этихъ причинъ занимался еще Аристотель, показавши, что всѣ хищные виды живутъ болѣе или менѣе уединенно. Такого рода изысканія, конечно, будутъ продолжаться по мѣрѣ развитія животной соціологіи; но уже и теперь позволительно утверждать, что детерминизмъ соціальныхъ фактовъ, очевидный въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, можетъ съ достаточной вѣрностью прилагаться къ ихъ генезису (начальному происхожденію). Да, наконецъ, могутъ ли законы, справедливые относительно жизни какого-либо существа, быть не вѣрными въ примѣненіи къ его происхожденію? Развѣ рожденіе не то же ли самое что жизнь, но только въ первой ея фазѣ?

§ 2.

О природѣ животныхъ обществъ.

Если таковы законы обществъ, то нетрудно сказать, какова ихъ природа. Безъ всякаго сомнѣнія, они представляютъ собой живыя существа. Но это первое рѣшеніе не вполнѣ удовлетворяетъ изслѣдователя, такъ какъ едва ли мыслимо, чтобъ не было никакой разницы между матеріальными организмами и организмами общественными и чтобъ соціологія была простымъ продолженіемъ біологіи. Недостаточно сказать, что общество есть живое существо — нужно еще найдти, какого рода это живое существо и, слѣдовательно, чѣмъ отличается соціологія отъ непосредственно предшествующей ей низшей науки.

Если мы ближе присмотримся къ роли только что выставлен-

ныхъ нами законовъ (которые въ сущности есть законы организаціи), когда ихъ прилагаютъ къ наиболѣе высшимъ обществамъ животнаго царства, то сейчасъ же увидимъ, что они принимаютъ только новый видъ, не измѣняя нисколько своей природы. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ наблюдатель удаляется отъ первыхъ фазъ жизни, онъ замѣчаетъ все чаще и чаще, что группированія живыхъ существъ совершается уже не подъ импульсомъ физико-химическихъ силъ и физіологическихъ побужденій, но подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе чувствуемыхъ склонностей и влеченій. Передъ его глазами происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры движеженій (развѣ жизнь есть что-нибудь иное?) къ обмѣну представленій и отъ хотѣній — къ сознанію. Если мы обратимъ вниманіе только на отношенія этихъ явленій, то не замѣтимъ никакихъ измѣненій. Они складываются по однимъ законамъ съ элементами организма и, какъ жизненныя явленія, не имѣютъ иной цѣли, кромѣ сохраненія и развитія коллективнаго существа. Но самыя эти явленія, связанныя между собой съ одной и той же стройностью, уже относятся къ другому порядку и не могутъ познаваться прежнимъ способомъ. Всякое органическое явленіе познается соотвѣтственнымъ чувствомъ; что же касается до внутреннихъ или психическихъ явленій, то они могутъ познаваться только путемъ толкованія и изъ того матеріальнаго вида, въ какомъ они пріобрѣтены наблюденіемъ, должны быть, такъ сказать, переведены на функцію сознанія. Если мы не признаемъ себя способными быть субъектами этихъ явленій, если мы не въ состояніи свести ихъ къ положеніямъ, доступнымъ нашему собственному сознанію—они не существуютъ для насъ. Словомъ, одни изъ нихъ мы констатируемъ такими, какими они являются передъ нами, другія же понимаемъ только при помощи аналогій, руководствуясь тѣмъ, что намъ извѣстно о нашемъ *я*. Потому самому, термины, служащіе для обозначенія двухъ порядковъ явленій, значительно отличаются другъ отъ друга: тамъ мы говоримъ только о притяженіи и отталкиваніи, о сцѣпленіи и разсѣяніи частицъ, здѣсь вопросъ только объ умѣ и любви. При переходѣ отъ одного порядка къ другому органическая стройность дѣ-

лается солидарностью, органическое единство, проявляющееся въ пространствѣ, становится невидимымъ сознаніемъ, непрерывность замѣняется традиціей, самопроизвольность движенія переходитъ въ инициативу, специализація функцій превращается въ раздѣленіе труда, координація элементовъ—въ симпатію, подчиненіе—въ почтеніе и преданность, самоопредѣленіе явленій—въ рѣшеніе и свободный выборъ. Такимъ образомъ все принимаетъ новый обликъ: изъ нѣдръ организма возникаетъ своеобразный міръ, управляемый тѣми же самыми законами, какъ и другой, но совершенно отличный отъ него, такъ какъ въ немъ идеи или представленія замѣняютъ очертанія и желанія играютъ роль движеній. Міръ этотъ есть общество: взаимная жизнь (vie de relation) сообщаетъ ему извѣстную физіономію; вездѣ, гдѣ можетъ происходить обмѣнъ впечатлѣній, есть мѣсто и для общества, и обратно, гдѣ возникло общество, тамъ всегда долженъ быть и обмѣнъ представленій. Слѣдуетъ ли исключать изъ общей картины соціальной жизни описанный нами первый классъ ассоціацій? На это можно отвѣчать и да, и нѣтъ: *да*, если мы ищемъ въ этой картинѣ живыхъ красокъ, которыми блещутъ верхи обществъ, общества достигшія своего нормальнаго развитія; *нѣтъ*, если мы удовольствуемся имѣть въ ней очеркъ или какъ бы приготовленіе къ тому, изъ чего позже должно выдти вполнѣ развитое общество, приготовленіе, существенно необходимое для зданія, на вершинѣ котораго помѣщается человѣчество. Соціологія развивается параллельно съ психологіей, но, подобно ей, она имѣетъ свои корни въ біологіи, хотя и значительно отъ нея отличается. Цѣль нашей книги—показать ихъ взаимныя отношенія. Можно было бы, конечно, стать на другую точку зрѣнія и выходить изъ ихъ особенностей. Нѣтъ ни одной науки, которая не могла бы быть разсматриваема съ двухъ противоположныхъ сторонъ касательно ея отношеній съ ея ближайшими сосѣдками. Оба эти взгляда были бы вѣрны—каждый съ той точки зрѣнія, съ какой разсматриваются сопредѣльныя науки; откуда слѣдуетъ, что, говоря безусловно, оба они ложны. Но какой умъ не имѣетъ своей собственной точки зрѣнія? И можно ли отрѣшиться, не будучи, какъ говоритъ Декартъ, *больше, чѣмъ человѣкомъ*, отъ господствующихъ

теченій въ современной научной средѣ? Абсолютное, безусловное не составляетъ нашего удѣла: смотря по преобладающему въ насъ стремленію, мы можемъ склоняться то въ сторону сходства или сродства, то въ сторону различій. Точное равновѣсіе, если оно когда-нибудь должно установиться, будетъ результатомъ длиннаго ряда колебаній по взаимно противоположнымъ направленіямъ.

Итакъ, исправляя наше первоначальное опредѣленіе, мы считаемъ необходимымъ сказать, что общество, дѣйствительно, есть живое существо, но отличающееся отъ другихъ тѣмъ, что оно прежде всего создается сознаніемъ. Общество—живое сознаніе или организмъ идей. Мы избавляемъ себя этой необходимой поправкой отъ упрека, котораго вполнѣ заслуживаютъ многіе соціологи,—отъ упрека въ томъ, что они объясняютъ формы высшаго существованія формами низшаго. Вмѣсто того чтобъ стараться объяснить сознаніе путемъ матеріальнаго организма, мы склонны были бы скорѣе выводить этотъ послѣдній изъ сознанія, такъ какъ всякое объясненіе исходитъ изъ насъ самихъ и выражается лучами свѣта, которые мы направляемъ изъ средоточія нашего ума въ окружающую насъ темноту. Что касается до законовъ, управляющихъ тѣмъ и другимъ порядкомъ явленій, въ особенности тою частью соціальныхъ явленій, которая принадлежитъ къ области животнаго міра (животныя общества), то они не могутъ быть иными для сознанія, чѣмъ для жизни, потому что, какъ существуетъ одна только вселенная, такъ точно въ ней долженъ господствовать и одинъ основной законъ—законъ развитія.

Мы знаемъ, что такое рѣшеніе какъ бы страдаетъ противорѣчіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, провозглашая развитіе закономъ всякаго существованія, мы обращаемся къ наукѣ о жизни за ключемъ къ отношеніямъ, связывающимъ между собой явленія мысли, или, говоря короче, умъ объясняемъ природой;—съ другой же стороны, говоря, что всякое даже самое низшее общество походитъ на разумъ болѣе, чѣмъ на что-либо другое, мы проявляемъ склонность тайну жизни искать въ мысли или объяснять природу умомъ человѣка. Но это кажущееся противорѣчіе можетъ быть устранено посредствомъ весьма древняго различенія, о которомъ

намъ никогда не слѣдуетъ забывать. Бытіе всякаго существа представляется двоякимъ: съ одной стороны оно есть связный рядъ явленій, слѣдующихъ одно за другимъ, согласно извѣстному закону;— съ другой же оно является энергичной потенціальной возможностью, изъ которой явленія непрерывно исходятъ; поэтому оно возбуждаетъ два рода вопросовъ. Первые изъ нихъ резюмируются такъ: какимъ образомъ, въ какомъ видѣ оно представляется намъ и проявляется передъ нами (τὸ ποῖον)?—Вторые сводятся къ вопросу: что оно такое? какимъ состояніемъ нашего *я* мы можемъ его себѣ представить въ самомъ сокровенномъ существѣ его природы (τὸ τί)? Первые вопросы дали начало физикѣ, понимаемой въ самомъ общемъ ея смыслѣ, и отвѣтъ на нихъ, со времени Декарта, разъясняется все болѣе и болѣе; новѣйшая физика стала все рѣшительнѣй и рѣшительнѣй проникаться идеею механизма.—Вторые вопросы породили метафизику, и такъ какъ мы не можемъ представить себѣ внутренній міръ какого бы то ни было существа иначе, какъ посредствомъ нашего сознанія, то метафизика, вопреки внѣшней своей формѣ, была во всѣ времена (и чѣмъ дальше, тѣмъ больше) идеалистической. Вмѣстѣ съ Аристотелемъ и Лейбницемъ, она приписывала даже нашу природу очевидно слѣпымъ и безсознательнымъ сущностямъ, каковы неодушевленныя силы. Но если это было большой смѣлостью, то, конечно, уже не тѣ, кто ей сочувствовалъ, будутъ на насъ въ претензіи за то, что мы, нисколько не посягая на законы механизма, установленные авторомъ системы монадъ, опредѣляемъ самое животное общество его аналогіей съ человѣческимъ разумомъ.

Но какимъ образомъ разумъ можетъ быть, такъ сказать, сборнымъ? Мы давно уже хотѣли приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса, потому что все предыдущее предполагаетъ его какъ бы рѣшеннымъ; но его можно рѣшить не иначе, какъ послѣ обзора фактовъ, который только что былъ нами сдѣланъ. Прежде всего замѣтимъ, что мы имѣемъ въ виду истолкованіе однихъ только изслѣдованныхъ нами явленій и что слѣдовательно, оно касается только общественныхъ животныхъ. И такъ, въ нашу задачу не входитъ рѣшеніе вопросовъ — встрѣ-

чаются ли дѣйствительно въ человѣчествѣ слѣды совокупленія многихъ сознаній въ одно, порождаетъ ли любовь въ семействѣ, патріотизмъ въ государствѣ, а также помѣсь крови (смѣшанные браки), традиціи и идеи—порождаютъ ли они между сердцами людей дѣятельное общеніе и концентрируются ли ихъ разрозненные аффекты въ отдѣльные центры, способные въ свою очередь посылать отъ себя направляющіе лучи. Все это выходитъ изъ рамокъ нашего предмета. Наша цѣль состоитъ только въ изслѣдованіи животныхъ обществъ. Тамъ же мы прежде всего видимъ,—даже у животныхъ, не соединенныхъ между собой никакими органическими узами, напр. у членовъ одного и того же стада,—такую сильную солидарность чувствъ, что проявленіе ея не всегда можетъ заглушать даже страхъ, вызываемый крайней опасностью. Ихъ взаимная привязанность прекращается только со смертью. Возможно ли было бы такое почти безсознательное влеченіе, еслибы каждое отдѣльное *я* не охватывало собой всѣхъ остальныхъ и чувство общаго не господствовало въ индивидахъ надъ чувствомъ частнаго? И дѣйствительно, сознаніе животныхъ не составляетъ чего-либо безусловнаго или недѣлимаго. Оно, напротивъ, способно къ раздробленію и дѣленію, и состоитъ изъ двухъ родовъ явленій—представленій и побужденій, а оба эти рода явленій въ высшей степени способны быть *передаваемыми*. Разумъ, какъ мы видѣли на многихъ примѣрахъ, возрастаетъ. Воспріятіе переходитъ, посредствомъ знаковъ, отъ одного сознанія въ другое; поэтому-то, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, общественныя животныя обладаютъ значительно бо́льшимъ количествомъ идей, чѣмъ животныя, ведущія уединенную жизнь. Но общественныя отношенія способствуютъ также и развитію разсудочности, такъ какъ въ обществѣ всякая духовная дѣятельность путемъ своего внѣшняго проявленія становится достояніемъ тѣхъ, кому приходится быть ея свидѣтелями и, по крайней мѣрѣ, настолько отпечатлѣвается въ нихъ, что можетъ служить съ ихъ стороны отправной точкой для новыхъ умственныхъ операцій. Такимъ образомъ общество муравьевъ проявляетъ въ общемъ итогѣ несравненно большее количество актовъ, приспособленныхъ къ требованіямъ среды и разнообразнымъ ея комбинаціямъ, чѣмъ то же число насѣкомыхъ,

непричастныхъ къ общественной жизни и взятыхъ безъ выбора. Муравейникъ, по истинѣ, представляетъ собой хотя и раздробленную но одну дѣйствующую мысль, какъ различныя клѣточки и фибры мозга млекопитающаго. Съ другой стороны, развѣ не накопляются также душевныя движенія и побужденія (импульсы)? Не видимъ ли мы, какъ въ индивидахъ той или другой постоянной группы постепенно ростутъ симпатія и антипатія, чувство удовлетворенія или гнѣва, безопасности или безпокойства, усилія, направленныя къ извѣстной цѣли, или стремленіе къ бѣгству и какъ они иногда распространяются мгновенно по одному знаку вожака? Развѣ энергія этихъ стремленій, такъ же какъ и душевныхъ движеній, за которыми они слѣдуютъ, не находится въ прямомъ отношеніи къ массѣ общества и силѣ его органическихъ связей? Не составляетъ ли напряженіе этихъ явленій хотѣнія, а также размѣръ и точность отвѣчающихъ имъ явленій воспріятія, какъ бы родъ нѣкотораго эхо, отдающагося во многихъ послѣдовательныхъ центрахъ представленія и воли? Но если существенные элементы отдѣльныхъ сознаній способны соединяться между собой и, такъ сказать, скопляться вмѣстѣ, то какимъ образомъ само сознаніе, взятое въ цѣломъ, могло бы не сдѣлаться предметомъ коллективнаго пользованія? Припомнимъ, кромѣ того, что сознаніе, какъ мы уже поясняли во многихъ мѣстахъ этой книги, ростетъ параллельно организму, вмѣщая въ себѣ привычки, предуказанныя формы мыслей и дѣйствій, которыя представляютъ собой лишь отдаленныя послѣдствія прежнихъ сознаній, правда затушеванныя на мгновеніе мракомъ органическаго превращенія, но возрождающіеся съ несомнѣнными признаками сходства и все болѣе утверждающіеся путемъ примѣра и воспитанія. Итакъ, все приводитъ насъ къ той несомнѣнной истинѣ, что мысль и одухотворенное ею побужденіе (impulsion), какъ силы природы, способны къ распространенію (diffusion), передачѣ, дѣленію и, подобно имъ, могутъ то находиться въ скрытомъ состояніи — когда элементы ихъ разрознены — то пробуждаться и муссироваться, когда они концентрированы. Существа, надѣленныя такими свойствами, безъ сомнѣнія, есть монады; но

монады эти открыты и сообщаются другъ съ другомъ; въ нихъ нѣтъ ничего препятствующаго передачѣ свѣта и движенія то тонкими лучепусканіями, то истеченіями волнъ.

Какъ! скажутъ намъ, неужели въ сознаніи каждаго животнаго нѣтъ ничего, кромѣ этихъ поверхностныхъ модификацій, столь легко переходящихъ отъ одного изъ нихъ къ другому? Что же будетъ тогда съ идеей индивидуальности? Принимая такую доктрину, не должны ли мы допустить, что индивидуальныя *я* какъ бы обмѣниваются, переходятъ одни въ другія и сливаются въ какую-то рѣшительно безпорядочную смѣсь? Не отдаетъ ли это самымъ рѣзкимъ абсурдомъ? Какъ будто бы одно *я* можетъ, оставаясь самимъ собой, облекаться другимъ *я*, какъ будто бы одинъ индивидъ можетъ переходить въ другой?—Конечно, въ каждомъ индивидѣ есть нѣчто большее, чѣмъ эти взаимнодѣйствующія модификаціи; каждый изъ нихъ обладаетъ постоянной субстанціей, которая, составляя его неотъемлемую принадлежность, не можетъ, безъ явнаго противорѣчія, разсматриваться, какъ предметъ обмѣна. Но эта субстанція не есть что-то такое схоластическое, какое-то загадочное существо, которое таинственно скрывается за явленіями и котораго на самомъ дѣлѣ никто никогда не видалъ. Дѣйствительно, что-нибудь одно изъ двухъ: или оно особое для каждаго индивида, и тогда это будетъ собраніе опредѣленныхъ аттрибутовъ, доступныхъ наблюденію, т. е. группа внѣшнихъ или внутреннихъ, психическихъ явленій; или же оно одно и то же для всѣхъ и вмѣсто того, чтобъ быть источникомъ различія между существами, составляетъ лишь общій грунтъ, въ которомъ всѣ они безъ различія группъ, расъ, видовъ и даже царствъ получаютъ одну общую природу и, въ концѣ концовъ, какъ бы поглощаются другъ другомъ и сливаются вмѣстѣ *). Итакъ,

*) Lachelier. *De l'induction*, стр. 31. Schelling. *Système de l'Idéalisme transcendental*, стр. 317, 318 цитир. Гартманомъ на стр. 136 тома II его *Философіи безсознательнаго*: «Кто говоритъ, что онъ не можетъ понять никакого дѣйствія безъ субстрата», тѣмъ самымъ признаетъ, что этотъ предполагаемый имъ субстратъ есть ничто иное, какъ продуктъ его воображенія. Ему приходится поневолѣ предполагать за вещами—какъ нѣчто само по себѣ реальное—свою собственную мысль. Отнявъ у предмета всѣ принадлежащія ему свойства, надо, въ силу чистой иллюзіи

дѣло совсѣмъ не въ этой субстанціи, а прежде всего въ основѣ идей и безсознательныхъ стремленій, которыя при различныхъ условіяхъ, создаваемыхъ наслѣдственными вліяніями и внѣшними обстоятельствами, принимаютъ въ каждомъ индивидѣ свою особую складку, свой собственный личный характеръ. Эти постоянныя индивидуальныя привычки передаются путемъ представленія совсѣмъ не такъ легко, какъ мгновенныя видоизмѣненія, составляющія предметъ безпрерывныхъ сообщеній въ соціальной группѣ. Затѣмъ самая органическая структура, подъ вліяніемъ тѣхъ же, неизбѣжно особыхъ для каждаго индивида, условій, опредѣляется извѣстнымъ образомъ на всю ихъ жизнь. Вотъ то, что принадлежитъ имъ лично, что́ составляетъ ихъ *я*. Не слѣдуетъ также преувеличивать личной роли индивида, потому что органическая структура и инстинктивныя наслѣдственныя наклонности въ значительной мѣрѣ слагаются изъ элементовъ, составляющихъ характерныя свойства расы, такъ что если они не могутъ непосредственно передаваться отъ организма къ организму и отъ сознанія къ сознанію, то, благодаря скрещиваніямъ въ расѣ и видѣ, они становятся предметомъ медленнаго обмѣна и дѣлаются современемъ если не тождественными, то, по меньшей мѣрѣ, крайне сходными и приводятъ такимъ образомъ въ данной группѣ какъ бы къ униссону самыя смутныя впечатлѣнія и совершенно непроизвольныя движенія.

Если такъ именно слѣдуетъ относиться къ явленіямъ животнаго сознанія—какъ въ обществахъ, такъ и въ индивидахъ—и если они, оставаясь разрозненными или концентрируясь вмѣстѣ, не имѣютъ, въ концѣ концевъ, другаго субстрата, кромѣ организмовъ, въ которыхъ они проявляются, то это, повидимому, должно подрывать все наше зданіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы основали на сознаніи и его гармоническихъ актахъ всю нашу теорію животныхъ обществъ, и вотъ вдругъ оказывается, что само сознаніе не основано ни на чемъ, что оно какъ бы ничто и исчезаетъ въ механизмѣ, которымъ поддерживается; но это не такъ: сознаніе пред-

---

воображенія, утверждать, что нѣчто—неизвѣсто впрочемъ что́—все же еще существуетъ.

ставляетъ для насъ не только нѣчто реальное, но оно реальнѣе чѣмъ все остальное, и сообщаетъ всему остальному свою реальность.

Но что же такое реальность? Прежде всего это тотъ характеръ, который получаютъ чувственныя явленія при извѣстныхъ условіяхъ, а именно не тогда, когда производимыя ими ощущенія особенно энергичны—иначе сновидѣнія и галлюцинаціи были бы лучшими судьями реальности—но тогда, когда получаемыя нами отъ нихъ представленія связываются съ представленіями, пріобрѣтаемыми другимъ путемъ, и могутъ входить въ общую систему нашихъ понятій, не производя въ ней разстройства. Живи мы одни въ мірѣ, этотъ критерій могъ бы еще, пожалуй, и не считаться достовѣрнымъ; но такъ какъ наши знанія о данной группѣ явленій входятъ въ правильную связь съ общечеловѣческими знаніями другихъ людей объ остальной природѣ и такимъ образомъ находятъ себѣ какъ бы готовое мѣсто въ работѣ общаго разума, то мы не можемъ не вѣрить реальности разсматриваемыхъ нами явленій. Въ случаѣ какого-либо разстройства въ нашихъ мысляхъ, сильныхъ душевныхъ аффектовъ, болѣзни и тому подобныхъ факторовъ, измѣняющихъ наши отношенія къ окружающему міру, мы, смутно чувствуя на себѣ ихъ вліяніе, опираемся на коллективный разумъ и стремимся съ помощью его возстановить свое интеллектуальное равновѣсіе. Различныя свидѣтельства, рисующія предъ нами въ однихъ и тѣхъ же краскахъ какое-либо положеніе, различные перекрестные доводы, представляющіе намъ то или другое дѣйствіе, какъ единственно соотвѣтствующее даннымъ обстоятельствамъ, единогласность и постоянство сужденій другихъ—таковы барьеры, сдерживающіе полетъ нашей фантазіи и создающіе нѣчто вродѣ послѣдняго критерія для нашихъ сужденій о мірѣ. Къ чему бы, напримѣръ, привело заблужденіе людей, одержимыхъ дальтонизмомъ, безъ единогласнаго поправляющаго свидѣтельства другихъ, не страдающихъ цвѣтной слѣпотой? Явленія могутъ считаться реальными только въ такомъ случаѣ, если согласны съ коллективнымъ опытомъ и разумомъ человѣка. Но достаточный ли это признакъ реальности, и нельзя ли себѣ пред-

ставить реальность съ болѣе внутренними или, такъ сказать, интимными аттрибутами? Повидимому, если индивидъ вмѣсто того, чтобъ существовать для другаго, существуетъ для себя, т. е. вмѣсто того чтобъ познаваться постороннимъ ему сознаніемъ, познается и управляется своимъ собственнымъ сознаніемъ, то онъ обладаетъ болѣе прочной реальностью. Въ самомъ дѣлѣ, для своего существованія ему нѣтъ нужды ожидать, чтобъ онъ былъ познанъ (пока онъ не будетъ воспринятъ сознаніемъ, его существованіе остается только потенціальнымъ); онъ находитъ въ самомъ себѣ свидѣтельство своей жизни и своихъ способностей. Онъ не пересталъ бы представлять себя или существовать, если бы даже упразднились всякіе слѣды умственной дѣятельности. Итакъ, для того чтобъ существованіе было реальнымъ въ нашихъ глазахъ, необходимо къ первому условію реальности—согласно съ фактами и законами, къ которымъ сводится опытъ человѣчества—прибавить еще второе, а именно существованіе *для себя* (für sich); иначе кто могъ бы насъ увѣрить, что даже регулярно совершающіяся передъ нами явленія не есть простой обманъ зрѣнія, призрачная, но постоянная декорація, за полотно которой природа запретила намъ переступать.

Съ этой двойной точки зрѣнія, животныя общества представляются намъ самыми неоспоримыми реальностями. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что они обосновываются *для насъ* обширной совокупностью явленій правильнаго характера, подтверждаемыхъ всеобщими свидѣтельствами, допускающихъ возможность предвидѣнія и управляемыхъ законами, связанными съ началами жизни и мысли. Не составляя никакой аномаліи въ природѣ, они, напротивъ, образуютъ необходимую переходную ступень между физіологическимъ индивидомъ и вполнѣ организованнымъ обществомъ. Поэтому они вполнѣ заслуживаютъ быть предметомъ особой науки, какъ всѣ другія характерныя группы естественныхъ авленій, и мы имѣемъ не болѣе основаній отказать имъ въ этомъ правѣ, чѣмъ явленіямъ химическимъ и біологическимъ. Но общества еще болѣе реальны, нежели эти послѣднія группы явленій, потому что, начиная уже со сложныхъ асцидій, они проявляютъ такую концентрацію впечатлѣній и импульсовъ, которая какъ бы свидѣтельствуетъ о начинающемся

сознаніи. Отсюда, подвигаясь впередъ, соціальныя сознанія становятся все болѣе и болѣе концентрированными и энергичными. Они существуютъ *для самихъ себя*, и вслѣдствіе того должны быть причислены къ самымъ высокимъ реальностямъ. Декартъ, останавливаясь на сознаніи, говоритъ, что человѣческое *я* само по себѣ есть неоспоримое доказательство нашего существованія, т. е. что для него истинно реально только мыслящее самосознательное существо. Почему же то, что справедливо для человѣка, не было бы справедливымъ для животнаго? Конечно, мы не можемъ проникнуть въ общественный разумъ животныхъ и судимъ объ ихъ способности самопознанія, такъ сказать, извнѣ. Но едва ли на этотъ счетъ возможна ошибка въ виду столь очевидныхъ явленій, которыя уже знакомы читателю изъ нашего предыдущаго изложенія. Если бы отдѣльные индивиды, составляющіе общества, не сохраняли въ себѣ представленій другъ о другѣ, они не жили бы вмѣстѣ: идея, какъ мы видѣли, есть сила, которая объединяетъ эти разрозненные элементы и поддерживаетъ между ними связь. Итакъ, общества реальны не только какъ совокупность правильно смѣняющихся явленій, но также и, какъ сознанія, существующія въ самихъ себѣ и для самихъ себя.

Скажу болѣе: если они не реальны, то послѣ этого нѣтъ ничего реальнаго. Въ самомъ дѣлѣ, намъ уже извѣстно, что, за исключеніе инфузорій и сообществъ, всякое индивидуальное сознаніе составляетъ часть другаго высшаго индивидуальнаго сознанія. Итакъ, если реальность отрицаетъ общественное *я* въ наиболѣе высоко организованныхъ коллективныхъ сознаніяхъ (сообщества), то намъ придется перейти къ ряду новыхъ коллективныхъ сознаній—къ семействамъ и признать ихъ единственно реальными. Но въ силу того же принципа мы должны будемъ отрицать и ихъ реальность, т. е. ихъ субстанціальное существованіе; такимъ образомъ, мы приходимъ къ индивидамъ (blastodèmes), какъ къ физіологическимъ единицамъ, которыя однѣ только истинно существуютъ. Однако же и это невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, сознаніе этихъ послѣднихъ, какъ было доказано, есть ничто иное, какъ итогъ коалиціоннаго союза, многочленная единица, содержаніе которой составляетъ жизнь гисто-

логическихъ элементовъ и органовъ—новый шагъ на пути расчлененія. Разъ этотъ шагъ сдѣланъ, разъ коллективное сознаніе бластодемы (т. е. индивида въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова) приведено къ состоянію чистой абстракціи, далѣе ничего уже не остается, кромѣ органовъ и органитовъ, которымъ едва ли кто-нибудь согласится приписать субстанціальное существованіе, такъ какъ прежде всего сомнительно, чтобъ они обладали сознаніемъ, а затѣмъ ихъ отправленія слишкомъ легко приводятся къ игрѣ физико-химическихъ силъ для того, чтобъ ихъ нельзя было смѣшать съ окружающей матеріей. Не существуя для себя, они не существуютъ вовсе, такъ что, въ концѣ-концовъ, какъ будто ничто не существуетъ реально. Итакъ, нужно что-нибудь одно изъ двухъ—или признать реальность высшихъ коллективныхъ сознаній и перенести ее уже отсюда на нисшіе, т. е. на простые индивиды, или отказаться одинаково отъ тѣхъ и другихъ, какъ отъ реализованныхъ абстракцій и смотрѣть на весь живой міръ, стоящій ниже человѣка, не болѣе, какъ на рядъ искусственныхъ и номинальныхъ агрегатовъ.

Если мы теперь постараемся опредѣлить въ какомъ-либо данномъ обществѣ значеніе каждаго элемента по отношенію ко всему цѣлому, то увидимъ, что соціальное единство существуетъ лишь насчетъ составляющихъ его индивидовъ, но что эти послѣдніе, въ свою очередь, въ самомъ широкомъ размѣрѣ заимствуютъ отъ цѣлаго то, что составляетъ ихъ реальность. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ индивиды измѣняются, цѣлое остается тождественно одинаковымъ точно такъ же, какъ и отношенія, соединяющія между собой его составные элементы; изъ него же эти элементы получаютъ органическіе и психическіе импульсы, путемъ которыхъ поддерживаются ихъ отношенія, потому что органическіе импульсы передаются рожденіемъ, имѣющимъ мѣсто внутри соціальной группы; что же касается до психическихъ импульсовъ, зародышъ которыхъ образуется въ каждомъ тѣмъ же путемъ, то они окончательно развиваются воспитаніемъ и примѣромъ, даваемыми въ средѣ той же группы. Итакъ, индивидъ есть скорѣе продуктъ, чѣмъ творецъ общества, потому что дѣйствіе, которое онъ производитъ на него,

составляетъ единицу, тогда какъ, обратно, получаемое имъ воздѣйствіе выражается числомъ всѣхъ другихъ членовъ. Къ тому же индивидуальное дѣйствіе ограничено весьма короткимъ временемъ, коллективное же вліяніе тяготѣетъ надъ индивидомъ всѣмъ грузомъ инстинктовъ и структурныхъ измѣненій, пріобрѣтенныхъ втеченіе всего прошлаго существованія расы.

Слѣдуетъ ли считать однимъ и тѣмъ же органическимъ цѣлымъ всѣхъ представителей даннаго вида *)? Если дѣло идетъ объ обществѣ полиповъ, то его легко можно ограничить коралловымъ деревомъ, развивающимся на одномъ и томъ же стволѣ: сколько такихъ деревьевъ, столько и обществъ. Если вопросъ идетъ о семействѣ, то можно сказать, что однолѣтніе союзы — настолько же отличныя другъ отъ друга зачатки обществъ, насколько отдѣльныя индивиды отличаются по зародышамъ, отъ которыхъ они получаютъ свою жизнь; продолжительные союзы имѣютъ также строго опредѣленную индивидуальность. Что касается сообществъ, то мы уже видѣли, съ какого момента они начинаются, а именно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ можно назвать колоніями, я хочу сказать—обществами, образовавшимися въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ старыхъ изъ элементовъ, отдѣлившихся отъ одного изъ этихъ послѣднихъ. Итакъ, ясно, что ни видъ, ни даже раса или разновидность не составляютъ въ мірѣ животныхъ реальныхъ сущностей. Они могутъ сдѣлаться таковыми только у существъ, способныхъ сохранять давнія традиціи и образовать весьма опредѣленныя общественныя сознанія. Обширность и долговѣчность обществъ находятся въ прямомъ отношеніи къ органическому совершенству ихъ элементовъ, и можно себѣ представить общество, которое по отношенію къ самымъ высшимъ сообществамъ, занимало бы такое же мѣсто, какое

*) Dujardin. *Infusoires*: «Можно представить себѣ такую инфузорію, какъ аликвотную часть другой, ей подобной, которая жила нѣсколько лѣтъ или даже вѣковъ тому назадъ и половинчатыя дѣленія которой, продолжая жить, постепенно развивались». При такомъ взглядѣ былъ бы индивидомъ нетолько каждый видъ, но, если справедлива теорія Дарвина, то и все животное царство. По нашему мнѣнію, взглядъ этотъ слѣдуетъ считать ложнымъ.

эти послѣднія занимаютъ относительно живущихъ агрегатами инфузорій.

§ 3.

О нравственности животныхъ.

Если мы измѣримъ мысленно пройденный путь, то невольно будемъ поражены тѣмъ прогрессомъ, который совершила природа въ своемъ гигантскомъ шагѣ отъ микроскопическихъ инфузорій къ сообществамъ млекопитающихъ. Тамъ передъ нами—крайняя животность, полное безсиліе и безграничная зависимость отъ внѣшнихъ вліяній. Здѣсь-—начинающееся господство надъ матеріей, обезпеченная защита и подчиненіе разрушительныхъ инстиктовъ, въ широкой сферѣ дѣятельности, инстинктамъ симпатіи. Резюмируя то, что было говорено нами о каждомъ изъ побужденій, приведшихъ къ этому прогрессу, мы увидимъ, что всѣ они вытекаютъ изъ любви къ самому себѣ. Да, изъ любви къ самому себѣ, но только развитой гармонической необходимостью такимъ образомъ, что отъ нея стала неотдѣлимой любовь къ себѣ подобнымъ или, говоря иначе, изъ эгоизма, отъ котораго сдѣлался неотдѣлимъ альтрюизмъ.

На низшихъ ступеняхъ животнаго царства идетъ всеобщая и безпрерывная борьба за существованіе. Здѣсь живое существо находится въ союзѣ только съ своими собственными частями, не отдѣленными отъ его существа, съ которыми оно поддерживаетъ физіологическія отношенія. Если предположить въ каждой части такихъ агломерцій нѣкоторое чувство своего *я*, то пришлось бы допустить въ ней и чувство общаго *мы*, такъ какъ различныя части цѣлаго составляютъ одну непрерывную массу сросшихся между собой элементовъ. На болѣе высокой ступени организаціи два отдѣльныя существа могутъ на мгновеніе какъ бы заключать перемиріе въ борьбѣ за жизнь, но только подъ условіямъ, чтобъ они при этомъ составляли двѣ половины одного физіологическаго цѣлаго, которое они должны реформировать для удовлетворенія своихъ индивидуальныхъ нуждъ: здѣсь также любовь къ другому и къ себѣ совпадаютъ воедино, образуютъ столь же тѣсный, сколько кратко-

временный органическій союзъ, сливающій два раздѣльнополыя *я* въ одно *мы*. Разсматривая послѣдствія этого союза, мы видимъ, что если постепенно развивающіяся попеченія родителей о дѣтяхъ все болѣе и болѣе ограничиваютъ господство жизненной конкурренціи, то это потому, что птенцы нѣкоторое время были составной частью ихъ организмовъ, которые не могутъ любить самихъ себя, не обнимая той же любовью едва лишь вышедшую изъ нихъ плоть ихъ плоти. «Импульсъ, толкающій птенцовъ къ питающимъ органамъ матери, имѣетъ то же происхожденіе: мать представляетъ для нихъ прежде всего источникъ пищи и охраненія. Оставляя семейство и поднимаясь на слѣдующую ступень соціологической лѣстницы, мы находимъ, что живыя существа могутъ соединяться, не вынуждаясь къ тому взаимной неполнотой и дополнительностью своихъ организмовъ при томъ однако же условіи, чтобъ соединяющіяся такимъ образомъ существа были или одного, или близко подходящихъ другъ къ другу видовъ, т. е. чтобъ они могли познавать въ другомъ свой собственный образъ и испытывать удовольствіе отъ его созерцанія; таковъ наиболѣе прочный и распространенный тормазъ, сдерживающій въ извѣстныхъ границахъ борьбу за существованіе; онъ также основанъ на любви въ самому себѣ или, скорѣе, на любви къ своей идеѣ, чѣмъ къ своему организму, хотя проистекающія отсюда выгоды неминуемо должны его укрѣплять. Но любить себя въ своемъ образѣ и подобіи—значитъ, любить всѣхъ тѣхъ, кто его воспроизводитъ, или, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, въ комъ можно его познать. Итакъ, всѣ члены сообщества составляютъ каждое часть общаго *я* или, вѣрнѣе, для нихъ нѣтъ отдѣльнаго *я*, а только одно *мы*. Отсюда слѣдуетъ, что развитіе общественныхъ чувствъ есть въ сущности возрастающее превращеніе эгоизма въ альтрюизмъ или любви къ самому себѣ, къ своему *я* въ любовь къ обоюдному *мы*.

Впрочемъ взаимное проникновеніе *я* и *мы* и какъ бы раствореніе перваго въ послѣднемъ доказывается уже тѣмъ, что нѣтъ такого *мы*, которое не ограничивало бы само себя и не относилось антагонистически къ другому *мы*, откуда ясно, что оно есть не что иное, какъ только распространенное *я*. Наиболѣе опредѣлен-

ныя симпатическія склонности влекутъ за собой антипатію и исключеніе изъ коллективнаго *я* такихъ существъ, образъ которыхъ хотя и близокъ, но не вполнѣ сходенъ съ представленіемъ себѣ подобнаго. Можно принять даже за общій законъ, что чѣмъ яснѣе самоопредѣляется общественное сознаніе, тѣмъ съ большой антипатіей оно относится ко всему невходящему въ его кругъ, т. е. къ чужому. Итакъ, альтрюизмъ, по настоящему, есть распространенный эгоизмъ, такъ же какъ общественное сознаніе — распространенное индивидуальное сознаніе.

На сколько это вѣрно относительно представленій, настолько же справедливо и относительно дѣятельныхъ актовъ. Такъ какъ любовь къ самому себѣ не только не исключаетъ любви къ другимъ, но естественно вмѣщаетъ ее въ своемъ существѣ (разумѣется, въ опредѣленныхъ границахъ), то каждый, дѣлая что-либо для другихъ, дѣлаетъ это прежде всего для самого себя. Лейбницъ находилъ, что каждый индивидъ составляетъ для самого себя центръ міра и что только въ самомъ себѣ онъ можетъ находить источникъ для своей дѣятельности. Дѣйствіе для другаго возможно только тамъ, гдѣ многія *я* сливаются въ одно. Итакъ, въ каждомъ обществѣ, акты необходимые для существованія коллективнаго *мы*, совершаются индивидомъ подъ тѣмъ же роковымъ вліяніемъ, какъ и тѣ, которыя необходимы для существованія его личнаго *я*. Исключить ихъ изъ своей дѣятельности для индивидовъ, участвующихъ въ общественномъ сознаніи, такъ же трудно, какъ отказаться отъ актовъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ собственная цѣлость. Они столько же заинтересованы въ своей соціальной жизни, сколько и въ индивидуальной; они хотятъ того и другаго въ силу первобытнаго побужденія, въ силу одного лишь факта, опредѣляющаго основной характеръ ихъ строя: для нихъ существовать и стремиться къ прочному совокупному единству этого существованія, т. е. жить какъ общество и сохранять опредѣленный соціальный строй, или заботиться объ общественномъ благѣ — въ сущности, составляетъ одинъ и тотъ же актъ.

Можно идти далѣе и настаивать даже на томъ, что, въ силу того же импульса, членъ высоко организованнаго животнаго обще-

ства болѣе связанъ съ общественнымъ сознаніемъ и общественнымъ благомъ, чѣмъ съ своими собственными. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только о непрерывномъ постоянствѣ совмѣстной жизни въ связи съ той массой мыслей, какая вызывается различными ея проявленіями въ индивидуальномъ сознаніи, и вы будете удивлены ничтожнымъ количествомъ представленій, цѣлей и актовъ, имѣющихъ своимъ центростремленіемъ отдѣльный уединенный индивидъ. Столь мало развитое сознаніе, какимъ обладаютъ животныя, почти постоянно находится, такъ сказать, внѣ самаго себя: на чемъ иномъ оно можетъ сосредоточиться, какъ не на сотоварищахъ животнаго, беспрерывно говорящихъ всѣмъ его чувствамъ? Неудивительно поэтому, если, при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствія и мысли становятся соотносительными между собой, направляясь въ сторону склонностей, опредѣляемыхъ общественными цѣлями: соціальныя влеченія должны такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ значительно преобладать надъ индивидуальными побужденіями и альтрюистическія склонности надъ эгоистическими.

Вотъ основаніе того, что Агассицъ, при своей обычной осторожности, не затрудняется назвать нравственностью животныхъ. Кому приходилось, говоритъ онъ, наблюдать солнце-рыбу (*Pomotis vulgaris*), качающуюся около своихъ яицъ и охраняющую ихъ втеченіе цѣлыхъ недѣль, или морскую кошку (*Pimelodus catus*), плавающую съ своими птенцами, какъ курица съ цыплятами, тотъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что чувство, руководящее ими въ этихъ актахъ, однородно съ тѣмъ чувствомъ, которое мать питаетъ къ своему ребенку. Какой наблюдатель послѣ доказанной аналогіи между нѣкоторыми способностями человѣка и высшихъ животныхъ могъ бы, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, провести строгую границу, за которой кончается естественное сходство между тѣми и другими? Градація нравственныхъ способностей высшихъ животныхъ и человѣка такъ неуловима, что отрицать у первыхъ извѣстное чувство отвѣтственности и совѣсти—значило бы сверхъ мѣры увеличивать существующее между тѣми и другими различіе (*De l' Espèce*, стр. 90). Мы нисколько не удивляемся, видя, что, Агассицъ, которому, какъ натуралисту, были извѣстны

всѣ приведенные нами въ этой книгѣ факты и много другихъ изъ его непосредственныхъ наблюденій, признаетъ, съ такой увѣренностью, существованіе нравственности у высшихъ животныхъ.

Если вѣрно, что они выполняютъ акты, полезные для общихъ интересовъ данной группы, даже съ ущербомъ для самихъ себя, и если они побуждаются къ этимъ актамъ могущественнымъ психическимъ импульсомъ, который не можетъ найдти никакого объясненія въ функціяхъ питанія и воспроизведенія, то какъ, въ самомъ дѣлѣ, имъ отказать въ моральныхъ задаткахъ? Мы не можемъ однако же приписывать имъ съ такой же несомнѣнностью чувства нравственной отвѣтственности. Нѣкоторые слѣды его замѣчаются только у самыхъ развитыхъ домашнихъ животныхъ, да и тамъ въ большинствѣ случаевъ его трудно отличить отъ боязни наказанія. Даже у современныхъ дикарей не трудно указать на примѣры многихъ преступныхъ дѣйствій, совершаемыхъ почти безъ всякаго чувства отвѣтственности *). Итакъ, нравственность животныхъ чисто рудиментарная: она не сопровождается тѣмъ родомъ чувствъ и идей, которыя характеризуютъ нравственность въ настоящемъ сознаніи цивилизованнаго человѣчества и отдѣлена громаднымъ разстояніемъ отъ нашей моральной способности, такъ превосходно описанной Кантомъ.

Во всякомъ актѣ можно разсматривать двѣ стороны—матеріальную и формальную, предметъ акта и его дѣйствія съ одной сто-

---

*) Марисы (въ странѣ Гранъ-Басанъ, на берегу Африки) имѣютъ надъ своими женами право жизни и смерти, которымъ они часто злоупотребляютъ. Какъ-то разъ я встрѣтилъ между ними обритаго начальника—это тамъ знакъ траура. Я спросилъ его, почему онъ обрился. «Я убилъ свою жену», отвѣтилъ тотъ совершенно спокойно, продолжая плесть рыболовный снарядъ. Я попятился назадъ — онъ нисколько не сознавалъ своего преступленія. Дикарь, какъ бы въ объясненіе, замѣтилъ: «Она своимъ колдовствомъ загубила моего сына». Это была ложь: сынъ принадлежалъ другой женѣ и убитая ухаживала за нимъ съ материнской нѣжностью. Я высказалъ ему это. Онъ сначала опровергалъ, но потомъ вдругъ воскликнулъ: „Что же тутъ дурнаго? Она была стара и не могла имѣть болѣе дѣтей"! (De Langle, *Croisières à la côte d'Afrique*, cité par Compiègne, *Afrique équatoriale*, стр. 62).

роны и характеръ вызывающей его причины — съ другой. Разсмотримъ сначала эту послѣднюю.

Характеръ дѣятельности животныхъ, по общепринятому мнѣнію, состоитъ въ ея самопроизвольности или безотчетности. Мотивы его рѣшеній смутно различаются его сознаніемъ, и это происходитъ вслѣдствіе того, что ему не достаетъ двухъ вещей: во-первыхъ, представленія конечной цѣли, къ которой клонятся его дѣйствія и, во-вторыхъ, достаточно общихъ мотивовъ, могущихъ направлять его волю. Но спрашивается, необходимо ли ясное представленіе всѣхъ возможныхъ результатовъ акта вплоть до самыхъ отдаленныхъ его послѣдствій для того, чтобъ сообщить рѣшеніямъ дѣйствующаго субъекта нравственный характеръ? Въ этомъ можно сомнѣваться, потому что послѣдствія эти, продолжаясь и умножаясь до безконечности, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предугаданы далѣе извѣстнаго времени и разстоянія и притомъ въ достаточно тѣсныхъ границахъ, даже если бы мы стали разсматривать съ этой точки зрѣнія дѣйствія величайшихъ политическихъ геніевъ человѣчества. Для большинства обыкновенныхъ людей, и въ особенности для некультурныхъ, предвидимая цѣль есть цѣль непосредственная. Тѣмъ не менѣе, однако, ихъ дѣйствія оказываются несомнѣнно полезными для той группы, въ которой они фигурируютъ, какъ составныя части. Природа съ необыкновенной ловкостью (въ сущности это есть одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій естественнаго подбора) направляетъ на развитіе общества инстинкты, пріобрѣтенные, повидимому, совершенно безпричинно или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ для другихъ цѣлей, такъ что въ его рукахъ однимъ изъ факторовъ самыхъ высоко гармоническихъ комбинацій является эгоизмъ. Дѣйствія не эгоистическія, но внушенныя, напротивъ, влеченіемъ и привязанностью, тѣмъ болѣе не нуждаются въ представленіяхъ относительно своей общественной цѣли и полезности для того, чтобъ за ними можно было признать характеръ общественныхъ услугъ, добрыхъ намѣреній, однимъ словомъ — явленій нравственности. Такъ, именно первобытные люди подъ вліяніемъ соціальной силы стремились своимъ образомъ дѣйствій по возможности укрѣпить семью и существованіе племени. Такимъ же точно

образомъ и въ цивилизованныхъ обществахъ есть много «добрыхъ гражданъ», которые не сознаютъ, что ихъ поступки составляютъ одни изъ элементовъ соціальнаго порядка: ими ежеминутно шагъ за шагомъ руководятъ инстинкты симпатіи, чувства кротости и подчиненія. Тоже самое представляютъ собой и высшія животныя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они не имѣютъ понятія о конечной причинѣ ихъ самоотверженныхъ дѣйствій, а именно о самосохраненіи общества, вида или группы, и тѣмъ не менѣе они стремятся къ этому результату, побуждаемые къ тому чувствами, которыя оказываются вѣрными, потому что приводятъ къ цѣли, тогда какъ противоположныя чувства по отношенію къ той же цѣли являются вредными и разрушительными. Человѣчество не имѣетъ обыкновенія цѣнить непосредственную, такъ сказать, самопроизвольную добродѣтель выше, чѣмъ добродѣтель обдуманную, и дѣйствительно нельзя не замѣтить, что неудержимый порывъ, влекущій добраго человѣка къ помощи своему ближнему, имѣетъ, если хотите, даже бо́льшую прочность, чѣмъ разбирающее и колеблющееся размышленіе. Скажите, кто болѣе истинно добродѣтеленъ, человѣкъ ли колеблющійся между двумя рѣшеніями, эгоистическимъ и альтрюистическимъ, или тотъ, который не подозрѣваетъ и даже не понимаетъ возможности эгоистическаго рѣшенія и, слѣдовательно, неизбѣжно устремляется по пути самоотверженія? Итакъ, было бы не совсѣмъ резонно отказывать тому или другому дѣйствію въ извѣстной степени нравственныхъ свойствъ на томъ основаніи, что оно обязано своимъ происхожденіемъ скорѣе импульсу чувства и побужденію слѣпой симпатіи, чѣмъ отдаленному предвидѣнію его послѣдствій. — Если мы теперь обратимся къ степени общественно-нравственныхъ понятій животнаго, то увидимъ, что нечего и думать о томъ, чтобъ приписывать ему какіе-либо абстрактные мотивы или общіе принципы дѣйствія. Никто изъ внимательно читавшихъ нашу книгу не заподозритъ насъ въ желаніи поставить въ этомъ отношеніи на одну доску человѣка и животнаго (впрочемъ какой человѣкъ и какое животное). Такіе парадоксы à la Монтэнь не могутъ уже имѣть мѣста въ сочиненіяхъ, претендующихъ на какое-нибудь научное значеніе. Съ отдаленныхъ временъ человѣкъ воспитывается на по-

нятіи о добрѣ для добра, какъ господствующемъ мотивѣ его дѣйствій, и противополагаетъ отчетливо въ своемъ сознаніи этотъ мотивъ, понимаемый въ самомъ общемъ его смыслѣ, извѣстному числу другихъ общихъ принциповъ, расположенныхъ въ строгой системѣ, и если громадныя массы человѣчества остаются еще на этотъ счетъ въ состояніи относительной безсознательности, то наиболѣе просвѣщенныя его части восприняли эти самые принципы какъ руководство для своихъ дѣйствій въ повседневной практикѣ. Ребенокъ совсѣмъ не анализируетъ своихъ побужденій и не умѣетъ ихъ отвлекать одни отъ другихъ съ тѣмъ, чтобъ возвести ихъ въ принципы; но, становясь взрослымъ и пользуясь наслѣдствомъ, которое ему оставили предыдущія поколѣнія, вырабатывавшія вѣками нравственныя идеи, онъ, наконецъ, создаетъ себѣ стройный нравственный міръ. Не то видимъ мы у животнаго, хотя бы и высшаго, хотя бы даже домашняго. Никакое животное не переступаетъ и никогда не переступитъ той границы, которая отдѣляетъ самопроизвольное не сознательное дѣйствіе отъ дѣйствія, какъ бы методическаго, управляемаго отвлеченными принципами и которую человѣкъ перепрыгиваетъ въ одинъ скачекъ. Нельзя однако же отсюда заключать, что животное стоитъ ниже нравственности: если одинъ только человѣкъ способенъ воспринимать въ абстрактной формѣ принципы своихъ дѣйствій, то это еще не дѣлаетъ изъ него единственно нравственное существо: и методическій умъ, и изощренная мысль играютъ въ нравственности далеко не такую преобладающую роль, какъ это обыкновенно думаютъ. Даже въ наиболѣе высокихъ представителяхъ человѣчества нравственный прогрессъ совершается преимущественно подъ вліяніемъ чувства; оно-то именно съ его болѣе или менѣе слѣпыми укоренившимися въ расѣ стремленіями, которыя до поры до времени дремлютъ въ глубинѣ сознанія, оно-то, говоримъ мы, и пробуждаетъ ихъ въ извѣстные моменты, которые опредѣляются умомъ лишь относительно своевременности; самыя же дѣйствія, вызываемыя въ человѣкѣ съ неудержимымъ могуществомъ, нисколько не обязаны своимъ происхожденіемъ разсудку. Общество прогрессируетъ, благодаря разростанію въ немъ симпатическихъ чувствъ, и если интересъ въ томъ или другомъ

случаѣ не говоритъ достаточно громко, необходимо, чтобъ въ него вмѣшалось сожалѣніе, великодушіе, любовь; такимъ путемъ постоянно, шагъ за шагомъ, подвигается впередъ человѣческая солидарность. Разумъ можетъ пролагать пути, но онъ не даетъ побужденій, импульсовъ; всякое доброе стремленіе въ самомъ своемъ корнѣ самопроизвольно. Самая идея права, т. е. идея правосудія и равенства, которая составляетъ прямое собственное дѣло нравственности, и та привела бы къ однимъ только безъисходнымъ столкновеніямъ, если только предположить, что она могла родиться безъ посредства чувства и исходящихъ изъ него влеченій симпатіи. Итакъ, нужно признать, что первые мерцающіе лучи нравственности могутъ проявляться на уровнѣ, лежащемъ значительно ниже той границы, о которой мы только-что говорили и притомъ прежде, чѣмъ анализъ выставитъ для нравственной дѣятельности общіе принципы. Принципъ дѣйствія есть мотивъ, отчетливо сознаваемый и возведенный въ законъ или всеобщее правило. Животныя, даже самыя высшія, не представляютъ намъ ничего подобнаго, и весьма вѣроятно, что причиной каждаго изъ ихъ рѣшеній слѣдуетъ считать побужденіе, чувствованіе. Самыя столкновенія, происходящія въ его сознаніи между различными импульсами (побужденіями), не болѣе, какъ зародышъ обсужденія, потому что, не обративъ этихъ разнообразныхъ импульсовъ въ абстрактныя идеи или принципы, животное скорѣе представляетъ собой театръ ихъ борьбы, чѣмъ избирателя или третейскаго судью. Его умъ лишь едва-едва уясняетъ ему различные возможные способы дѣйствія въ каждомъ данномъ случаѣ; еще менѣе оно умѣетъ относить каждый изъ такихъ способовъ къ соотвѣтствующимъ категоріямъ. Разсмотрѣвши въ подробности акты животнаго и представивши догадки о наиболѣе вѣроятной ихъ причинѣ, постараемся свести ихъ съ самому общему принципу: читатель увидитъ, до какой степени онъ приближается къ тому, что обыкновенно называется нравственнымъ началомъ, конечно, не у Канта или Франклина, а у ребенка или дикаря.

Здѣсь можно различать три рода побужденій: физіологическую потребность, создающую половой союзъ у низшихъ существъ и связывающую какъ дѣтей съ родителями, такъ въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ (кормленіе грудью) и родителей съ дѣтьми; затѣмъ симпатію, основанную на удовольствіи отъ взаимнаго представленія и, наконецъ, выгоды, проистекающія изъ совмѣстной жизни и общественныхъ отношеній. Если читатель припомнитъ наши частныя иcлѣдованія по каждой группѣ животныхъ, то онъ увидитъ, какъ произвольно было бы признавать тотъ или другой изъ этихъ импульсовъ за исключительный источникъ актовъ нравственности въ зоологическомъ мірѣ. Каждый изъ нихъ способствуетъ зарожденію начала моральной жизни пропорціонально различнымъ степенямъ органическаго развитія данныхъ видовъ. Такъ, симпатія не только не исключаетъ отношеній, вытекающихъ изъ необходимости, но, благодаря этимъ послѣднимъ, вслѣдствіе половыхъ сношеній, начинаетъ еще укрѣпляться въ видахъ, способныхъ къ болѣе или менѣе отчетливымъ и прочнымъ представленіямъ. Та же симпатія украшаетъ своими благородными аттрибутами животное семейство и служитъ основой сообщества или—даже вѣрнѣе—создаетъ его. Но она не исключаетъ также и вмѣшательства интереса, скрѣпляющаго связи, которыхъ онъ одинъ, безъ сомнѣнія, не могъ бы сформировать. Опытъ, обнаружившій выгоды, порождаемыя общественной жизнью, долженъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, оказаться ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, и если даже оба эти явленія—что весьма возможно—совершались одновременно, то и въ этомъ случаѣ представленіе полезности есть представленіе слишкомъ отвлеченное, и поэтому едва ли способное оказывать прочное вліяніе на дѣятельность такихъ непосредственныхъ существъ, какъ животныя; необходимо присоединить къ сознанію полезности еще симпатію—чувство болѣе глубокое и импульсивное, силу, дѣйствующую гораздо конкретнѣе, и слѣдовательно, постояннѣе, въ особенности тамъ, гдѣ еще невозможна обыкновенная работа мысли. Единственныя ассоціаціи, построенныя на господствующей основѣ интереса, по всей вѣроятности, тѣ, о которыхъ мы говорили въ началѣ этой книги, и которыя были названы нами случайными, потому что онѣ никогда не составляются изъ индивидовъ одного и того же вида: такъ напримѣръ, отношенія муравьевъ къ тлямъ, и вcѣ вообще явленія мутуализма опредѣляются ничѣмъ инымъ, какъ интере-

сомъ. Но можно замѣтить, что эти ассоціаціи всего чаще бывают временными, частными, неполными и что тамъ, гдѣ симпатія невозможна,—тамъ, гдѣ она не является самоотверженной подругой строгаго утилитарнаго разсчета, —сотрудничество почти всегда превращается въ эксплуатацію и наиболѣе сильный постоянно кончаетъ тѣмъ, что подчиняетъ себѣ слабаго, злоупотребляя при этомъ своею властью. Такъ совершалось даже у человѣка прирученіе животныхъ, слишкомъ далеко отстоящихъ отъ него, чтобъ онъ могъ быть связанъ съ ними чувствомъ симпатіи. Не будемъ забывать, что до сихъ поръ мутуализмъ представлялся намъ, какъ форма сотрудничества, слѣдующая непосредственно за смягченными формами жизненной конкурренціи — безвреднымъ паразитизмомъ и комменсализмомъ. Въ сущности же всякая связь, къ которой симпатія не примѣшиваетъ своей теплоты, есть скрытый антагонизмъ. Итакъ, не уменьшая нисколько роли другихъ факторовъ, мы не можемъ въ то же время отказать симпатіи въ первомъ мѣстѣ между агентами общественности и благотворнаго дѣйствія у животныхъ. Правда, симпатія пріятна; но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ она была выгодна; иначе пришлось бы сказать, что добродѣтель вознаграждаетъ человѣка за его потери тѣмъ удовлетвореніемъ, которое она ему доставляетъ, что́ было бы явнымъ абсурдомъ. Конечно, она полезна: безъ нея не могло бы существовать никакое общество и не была бы обезпечена ни одна изъ тѣхъ многочисленныхъ и важныхъ выгодъ, которыя соціальная жизнь приноситъ его членамъ; но это не мѣшаетъ животнымъ, способнымъ къ симпатіи, часто практиковать ее совершенно независимо отъ какого бы то ни было разсчета *личной* выгоды, такъ какъ изъ примѣровъ, приведенныхъ въ нашей книгѣ, ясно видно, что самые важнѣйшіе изъ актовъ, вызываемыхъ симпатіей, выгодны не для того, кто ихъ совершаетъ, а для того, кто составляетъ ихъ объектъ, и что онѣ нерѣдко сопровождаются для перваго изъ нихъ затратой усилій, страданіемъ или опасностью. Если бы идеи обмѣна и утилитарнаго разсчета могли входить въ сознаніе общественныхъ птицъ и млекопитающихъ, то мы имѣли бы основаніе приписывать имъ надежду на взаимныя услуги со сто-

роны своихъ сотоварищей въ награду за совершенныя ими жертвы. Но извѣстно, что эта идея о солидарности и будущихъ гадательныхъ выгодахъ значительно выше ихъ умственныхъ способностей, да и кромѣ того она не находила бы никакого приложенія въ семействѣ, гдѣ попеченія родителей о потомствѣ вполнѣ безкорыстны, такъ какъ молодые его члены, сдѣлавшись взрослыми, расходятся въ разныя стороны. Неумѣстно было бы также отыскивать здѣсь преслѣдованіе общественной пользы, такъ какъ симпатическіе инстинкты большинства животныхъ пріобрѣтены въ виду будущей пользы или особаго прогресса, и общественныя животныя не имѣютъ никакого представленія о томъ, какое употребленіе для расы сдѣлаетъ изъ нихъ природа въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Здѣсь можно повторить замѣчаніе, которое такъ часто дѣлалось относительно преждевременнаго появленія способностей или органовъ, объяснявшихся подборомъ. Когда эти инстинкты начинаютъ развиваться въ данномъ видѣ, они такъ слабы, что не могутъ приносить никакой ощутительной пользы, а иногда случайно даже вредятъ ему. Итакъ, можно, кажется, признать, что если не во всѣхъ актахъ общественныхъ животныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ самоотверженности высшихъ позвоночныхъ *симпатія дѣйствуетъ для самой себя и возвышается до того, что обыкновенно называютъ самоотреченіемъ*.

Наконецъ, необходимо замѣтить, что въ то время, когда этотъ безкорыстный двигатель тяготѣетъ надъ субъектомъ, онъ имѣетъ характеръ такого императивнаго импульса, такой неотразимой необходимости, которымъ весьма трудно сопротивляться для субъекта. Симпатія сдѣлалась прирожденной привычкой, инстинктивной склонностью. Дѣйствующій подъ ея вліяніемъ субъектъ не въ состояніи подвергнуть ее оцѣнкѣ—она въ извѣстномъ смыслѣ абсолютна. И тѣмъ не менѣе это не чисто механическій импульсъ, такъ какъ онъ, хотя и смутно, но все-таки сознается, причемъ его противоположность съ эгоистическими вожделѣніями чувствуется болѣе или менѣе отчетливо. Итакъ, *чувство взаимнаго обязательства управляющее дѣятельностью животныхъ, направленной къ*

созиданію общества, въ своей существенной формѣ выражается симпатіей или безкорыстными, въ нѣкоторой степени сознательными, хотя неанализированными побужденіями, причемъ эти послѣднія, заявляя о своихъ требованіяхъ тономъ власти, но не доводя ее до принужденія, оставляютъ животному слабую долю независимости его дѣйствій. Если мы согласимся съ этимъ, то трудно будетъ подыскать болѣе подходящее слово для квалифицированія такихъ дѣйствій, чѣмъ *нравственная дѣятельность*, по крайней мѣрѣ, если не будетъ вполнѣ доказано, что для нея не существуетъ никакихъ степеней, и что она встрѣчается вездѣ, гдѣ ее можно наблюдать только такой, какой мы ее видимъ въ сознаніи новѣйшаго философа, или же ее совсѣмъ нѣтъ.

Разсмотрѣніе этихъ актовъ по содержанію дастъ намъ возможность окончательно выяснить ихъ природу. Каковы они и куда направляются? Прежде всего они заставляютъ животное цѣнить жизнь подобнаго себѣ существа другаго пола, съ которымъ оно желаетъ вступить въ связь или только-что совокупилось. Впрочемъ самки пауковъ еще не возвысились до этой ступени, такъ какъ онѣ пожираютъ своего самца. Здѣсь разрушительные инстинкты подавляютъ нравственные. Совершенно обратныя явленія представляетъ почти весь классъ насѣкомыхъ. Однако пчелы-работницы убиваютъ самцовъ. Но этотъ актъ, полезный для общества, имѣетъ характеръ какъ бы нѣкотораго долга. Въ число общественныхъ обязанностей входитъ не одно только мягкосердечіе—бываютъ такія обстоятельства, при которыхъ даже между людьми считается за подвигъ низверженіе извѣстной кучки паразитовъ. Начиная съ этого момента (момента совокупленія), взаимное уваженіе самца и самки постепенно возрастаетъ; мы уже показали, что оно превращается въ любовь и ведетъ супруговъ не только къ обмѣну обоюдныхъ услугъ, но дѣлаетъ ихъ вѣрными другъ другу и способными къ безусловному самоотверженію. Супружеская вѣрность составляетъ для изслѣдователя одно изъ самыхъ интересныхъ проявленій животной дѣятельности, такъ какъ она соприкасается съ нравственностью: нѣтъ сомнѣнія, что у нѣкоторыхъ видовъ птицъ она бо-

рется съ противоположными желаніями и то подчиняется имъ, то беретъ надъ ними верхъ. Но, какъ мы видѣли, эти обязанности столь высокаго порядка, что нѣкоторые люди совсѣмъ не подозрѣваютъ объ ихъ существованіи и наблюдаются только тамъ, гдѣ ежегодное семейство достигаетъ наивысшей доступной для него степени развитія, т. е. у самыхъ смышленыхъ птицъ. Итакъ, супружескія добродѣтели проявляются во всемъ своемъ совершенствѣ только тамъ, гдѣ достаточно уже сильны родительскія привязанности. Въ началѣ только одна мать сознаетъ, что ее связываютъ съ потомствомъ извѣстнаго рода обязательства. Отецъ, въ особенности у млекопитающихъ, остается еще безучастнымъ и даже враждебнымъ къ своимъ молодымъ потомкамъ: онъ ихъ пожираетъ, если мать не съумѣетъ охранить ихъ отъ его прожорливости. Однако же въ нѣкоторыхъ группахъ отецъ играетъ роль самой преданной матери и не знаетъ для себя болѣе пріятной заботы, чѣмъ воспитаніе птенцовъ. Только у птицъ самецъ и самка одинаково проникаются сознаніемъ однихъ и тѣхъ же обязанностей и совмѣстно работаютъ, какъ надъ постройкой гнѣзда, такъ и надъ воспитаніемъ своего потомства. Эти общія обязанности распадаются на множество частныхъ, каковы, напримѣръ, постройки, насиживаніе, отыскиваніе пищи, надзоръ и часто весьма опасная защита. Всякій видѣлъ мучительное колебаніе ласточки или другой птичьей самки, у которой отнимаютъ ея птенцовъ и которая съ одной стороны боится за себя, а съ другой чувствуетъ, что она должна, насколько можетъ, помочь имъ. Мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, до какой степени доходитъ самоотверженность птицъ ради ихъ потомства. Слѣдующій случай, разсказанный Шомбургомъ (Бремъ, I, стр. 114), говоритъ достаточно краснорѣчиво въ пользу материнской преданности высшихъ млекопитающихъ. Онъ имѣетъ ту особенность, что тутъ мы видимъ борьбу эгоистическихъ инстинктовъ съ побужденіями симпатіи и полную побѣду послѣднихъ надъ первыми. «Мнѣ пришлось, говоритъ авторъ, быть свидѣтелемъ трогательнаго проявленія материнской любви при подобныхъ же обстоятельствахъ. Я уже подходилъ къ лодкѣ, когда послышался съ дерева надъ моей головой жалобный крикъ молодой

обезьяны, оставленной впопыхахъ ея матерью, обращенной въ бѣгство. Одинъ изъ находившихся при мнѣ индѣйцевъ полѣзъ за дѣтенышемъ. Но когда тотъ увидѣлъ чуждую ему фигуру дикаря, то сталъ издавать усиленные крики, на которые ему тотчасъ же отвѣчала мать, вернувшаяся за своимъ ребенкомъ. Дѣтенышъ испустилъ новый, совершенно особый крикъ, который также немедленно нашелъ себѣ отзвукъ въ груди матери. Въ это мгновеніе ее ранили, и она опять обратилась въ бѣгство, но крики малютки скоро заставили ее вернуться вновь. Послѣдовалъ второй выстрѣлъ, но онъ не попалъ въ нее, и она, превозмогая себя, вскочила на сукъ, гдѣ сидѣлъ ея дѣтенышъ, и быстро помѣстила малютку къ себѣ на спину. Самоотверженная мать стала уже было уходить съ нимъ, какъ вдругъ, не смотря на мою защиту, раздался третій выстрѣлъ, имѣвшій смертельный исходъ. Въ послѣдней конвульсивной агоніи она еще сжимала своими руками дорогое дѣтище и, упавши на землю, пыталась его спасти». Если воспитаніе какъ бы совмѣщаетъ въ себѣ всѣ обязанности родителей, то повиновеніе и довѣріе составляютъ долгъ дѣтей. Мы видимъ, что, напримѣръ, у кошекъ, невыполненіе этого долга строго карается родителями. Не менѣе рѣдки отеческія или материнскія наказанія также у медвѣдей *) и обезьянъ. Отсюда ясно видно, что, по понятіямъ родителей, дѣтеныши должны считать себя какъ бы обязанными передъ ними. Въ сообществахъ обязанности подчиненныхъ индивидовъ сходны съ обязанностями дѣтенышей въ семействѣ, а роль вожака аналогична съ ролью родителей: одни знаютъ, что слѣдуетъ повиноваться, другой прилагаетъ всѣ свои старанія къ управленію стадомъ. Но всѣ они связаны между собой узами симпатіи и преданности, симпатіи, побуждающей ихъ къ взаимно-

*) Однажды, когда медвѣжата дрались между собой, мать, выведенная изъ терпѣнія ихъ своенравіемъ, угостила ихъ такимъ сильнымъ ударомъ лапы, что они тотчасъ же разошлись. Если она недовольна своими дѣтенышами, то рычитъ и бьетъ ихъ; они не обороняются отъ нея, даже если бы она была слабѣе ихъ (Leuret et Gratiolet, томъ I, стр. 433). Смотри въ цитированномъ уже сочиненіи Анкетиля разсказъ объ урокѣ плаванія, каторый давала самка слона своему дѣтенышу, наказывая его при этомъ за упорство и сопротивленіе (т. II, стр. 106).

му уваженію и преданности, заставляющей ихъ — и впереди другихъ вожака — идти на смерть для спасенія своей общины. Вообще всѣ животныя, даже хищныя, живущія по большей части совершенно уединенно, любятъ встрѣчать свой образъ и подобіе въ собратахъ одного съ ними вида, но только въ небрачное время и при томъ условіи, чтобъ они не посягали на присвоенный имъ районъ охоты. Дѣйствительно, очень многія животныя признаютъ собственность и знаютъ, какія обязательства налагаетъ на нихъ ея пріобрѣтеніе и защита. Вообще условныя границы дѣленія мѣстности и пищевые запасы, собираемые нѣкоторыми животными, считаются неприкосновенными со стороны ближайшихъ индивидовъ одного и того же вида, наравнѣ съ гнѣздомъ.

Правда, тамъ и сямъ иногда воруются матеріалы, дѣлаются попытки набѣговъ на занятыя мѣстности; но разъ постройка окончилась, владѣніе опредѣлилось—силы и вожделѣнія приходятъ въ равновѣсіе: каждый мирно владѣетъ своимъ, уважая въ то же время права другаго.

Итакъ, сначала уваженіе, потомъ взаимная преданность супруговъ, прочность и постоянство ихъ привязанностей, воспитаніе дѣтенышей, трудъ, бережливость, мужество, послушаніе слабаго, попеченія сильнаго, наконецъ, всеобщая готовность къ жертвамъ, т. е. отреченіе отъ личнаго *я* ради блага коллективной личности—вотъ существенныя черты добродѣтелей, къ которымъ животное призывается соціальной жизнью и которыя оно дѣйствительно практикуетъ подъ давленіемъ внушаемыхъ ею чувствъ, иногда даже само того не вѣдая. Эти нравственныя качества сообщаютъ ему нѣкоторое достоинство и составляютъ не пустое украшеніе, а необходимыя условія существованія самыхъ обществъ вездѣ, гдѣ только они появляются, необходимыя настолько, что если бы они прекратились, или сдѣлались невозможными, то вмѣстѣ съ ними тотчасъ же исчезли бы не только общества, но и расы.

ПЕРВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ то время, когда наша книга уже печаталась, Карро выпустилъ свой превосходный переводъ *«Философіи исторіи во Франціи и Германіи»* Роберта Флинта. Это двухтомное сочиненіе по библіографіи предмета и точному анализу многочисленныхъ теорій о жизни человѣчества, высказывавшихся во Франціи и Германіи, стоитъ значительно выше нашего введенія. Но такъ какъ Робертъ Флинтъ смотритъ на предметъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ мы, и такъ какъ, сверхъ того, вслѣдствіе множества утомительныхъ подробностей и отрывочнаго изложенія, неизбѣжныхъ въ такомъ полномъ трактатѣ, онъ могъ лишь съ трудомъ показать развитіе соціальной науки во всемъ ея послѣдовательномъ цѣломъ, то намъ кажется, что нашъ опытъ не будетъ излишнимъ и послѣ выхода вышеупомянутой книги. Въ общемъ, обширныя, развитыя и точно изложенныя изслѣдованія англійскаго автора подтверждаютъ наши краткія указанія; но есть однако же одинъ пунктъ, относительно котораго нашъ очеркъ представляетъ (мы это знали) нѣкоторый пробѣлъ. Я хочу сказать о соціальной философіи Краузе (1781—1832), самостоятельномъ ученикѣ Шеллинга. Нужно полагать, что этотъ общественный философъ не игралъ такой важной роли, какъ думаетъ Флинтъ, потому что Шефле не говоритъ о немъ въ своемъ «Введеніи». Безъ сомнѣнія, распространенію философіи Краузе много мѣшала темнота его языка, которая доходила до того, что даже самые образованные нѣмцы разбирали эти хлябп не лучше санскрита или древнихъ арабскихъ рукописей. Но она все болѣе и болѣе распространяется въ настоящее время и пропа-

гандируется знаменитыми послѣдователями Краузе, каковы Аренсъ, профессоръ философія и политическихъ наукъ въ Лейпцигѣ, читавшій когда-то свой курсъ въ Парижѣ (1836—38), пражскій профессоръ Леонарди (Leonhardi) и ученики, которыхъ оставилъ Юліо Сансъ дель-Ріо въ мадридскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ ее почти втеченіе двадцати лѣтъ (кончилъ въ 1868 г.). Краузе пытается построить философію исторіи на апріорныхъ началахъ, подобно Шеллингу и Гегелю, и выводитъ свою теорію общественнаго организма изъ туманной метафизики, сильно пропитанной монистическимъ характеромъ. Но въ то время какъ претенціозныя повѣствованія Руссо о происхожденіи цивилизаціи являются совершенно произвольнымъ вымысломъ, не менѣе претенціозныя апріорныя построенія Краузе, такъ же какъ это мы видѣли у Гегеля, напротивъ, нерѣдко представляютъ собой весьма удачныя наведенія, построенныя на основаніи историческихъ обобщеній. Міръ воспроизводитъ божественную жизнь и организованъ какъ во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ и въ цѣломъ. Общества образуютъ «органическія цѣлыя», т. е. живыя существа. Мы приводимъ здѣсь два мѣста изъ Роберта Флинта, которыя достаточно покажутъ, сколько смутнаго и химерическаго въ идеяхъ нѣмецкаго философа, не смотря на вѣрный принципъ, служившій ихъ основаніемъ.

«Краузе представляетъ намъ человѣчество наполняющимъ своей жизнью все пространство и всѣ времена (toute la durée). Оно состоитъ изъ безконечной цѣпи индивидуальныхъ душъ, число которыхъ не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено, причемъ каждая изъ нихъ должна достигнуть своей истинной раціональной судьбы. Въ каждый данный моментъ оно вполнѣ осуществляетъ свою природу, но только изъ того матеріала, какой имъ усвоенъ въ этотъ моментъ. Человѣчество, по ученію Краузе, есть обширное общество, относительно котораго весь земной человѣческій родъ не болѣе, какъ одинъ его членъ, живущій въ невѣдомыхъ для него сношеніяхъ съ высшими обществами (?) *). Каждый индивидъ имѣетъ назначеніе реализировать по своему (à sa façon) общую

*) Эспинасъ самъ ставитъ здѣсь въ скобкахъ вопросительный знакъ.

цѣльную идею человѣка. Всякій есть цѣль въ самомъ себѣ, и всѣ по существу равны между собой. Однако же индивидъ не можетъ вступить въ обладаніе своимъ истиннымъ *я* и выполнить свое назначеніе иначе, какъ посредствомъ ассоціаціи и общенія съ себѣ подобными.—Съ другой стороны, все общество человѣческаго рода должно разсматриваться какъ одинъ большой индивидъ, а каждое болѣе ограниченное общество—какъ индивидъ малый или меньшій. Цѣль этихъ обществъ, нравственныхъ коллективныхъ личностей, состоитъ въ томъ, чтобъ развивать, разработывать (культивировать) всѣ элементы человѣческой природы и осуществлять въ гармоническомъ порядкѣ всѣ вѣянія человѣческой жизни. Человѣчество вселенной, а слѣдовательно, въ частности, и земное должны становиться все лучше и лучше организованными и пріобрѣтать болѣе и болѣе ясное сознаніе объ ихъ соціальномъ единствѣ. Въ концѣ концовъ всѣ народы земнаго шара свяжутся между собой тѣсными узами ассоціаціи и федераціи.

«Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ разбору и описанію внутренняго организма общества. Общество состоитъ изъ обществъ же, но болѣе органиченныхъ; ассоціація—изъ ассоціацій. Существуетъ два главнѣйшихъ рода ассоціацій—однѣ, имѣющія въ виду общія цѣли, и другія, имѣющія цѣли спеціальныя, а такъ какъ эти послѣднія могутъ дѣлится на два класса, то можно сказать, что ассоціаціи бываютъ трехъ родовъ. Семейство, кружокъ друзей, группа жителей какой-нибудь страны, даже самая раса принадлежатъ къ первой категоріи—ихъ цѣль состоитъ лишь въ томъ, чтобъ помогать индивиду въ выполненіи его назначенія. Такимъ образомъ, есть множество болѣе и болѣе широкихъ и общихъ сферъ, гдѣ входящіе въ нихъ индивиды принадлежатъ имъ, такъ сказать, всѣми способностями своего существа, причемъ ихъ сотрудничество имѣетъ въ виду не только какую-нибудь спеціальную опредѣленную цѣль, но всѣ высшія цѣли жизни. Есть другой классъ ассоціацій, которыя существуютъ исключительно для выполненія извѣстныхъ отраслей дѣятельности, необходимыхъ для человѣка, напр. воспитаніе, наука, искусство. Наконецъ, есть или долженъ быть еще третій родъ ассоціацій, отвѣчающихъ всѣмъ существеннымъ фазамъ человѣческой жизни,

всѣмъ различнымъ цѣлямъ нашей природы: правосудіе (юстиція), нравственность, красота и религія. Эти три категоріи ассоціацій не просто соприкасаются между собой на аренѣ жизни: иначе міровой порядокъ представлялъ бы собой зрѣлище безвыходной мѣшанины. Такъ, ассоціаціи перваго рода, образуя собой послѣдовательныя ступени въ развитіи коллективнаго человѣчества, не только находятся между собой во взаимной связи, но еще включаютъ въ себя ассоціаціи другихъ родовъ, причемъ всѣ вмѣстѣ связываются нитями втораго порядка и координируются въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку и къ высшей цѣли человѣчества въ видахъ обезпеченія гармоническаго развитія жизни. Краузе заканчиваетъ эту часть своего труда изложеніемъ своихъ взглядовъ на двѣ большихъ ассоціаціи, которыя имѣютъ своимъ предметомъ правосудіе и религію, а именно Государство и Церковь (Rechtbund и Gottinnigkeitbund) (стр. 236).

«Краузе прозрѣвалъ, что между жизнью и исторіей, какъ между наукой той и другой, существуетъ самая тѣсная связь. Онъ видѣлъ и нѣсколько разъ опредѣленно высказывался, что теорія исторіи, въ большей своей части, должна обниматься общей теоріей жизни и что философія исторіи должна воздвигаться на широкомъ основаніи всеобщей біологіи (allgemeine Biotik). Популяризовать эту идею было суждено современному философу, но онъ не охватилъ ее болѣе широкимъ и энергичнымъ образомъ и не лучше чувствовалъ всю ея важность. Краузе видѣлъ столько же ясно и также усиленно повторялъ, какъ и Спенсеръ, что прогрессъ жизни и прогрессъ общества—параллельные и даже тождественные процессы и что страницы исторіи въ большей своей части должны оставаться неразъясненными и непонятными до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ ключъ отъ природы и законовъ жизни. По моему мнѣнію, Спенсеръ не внесъ въ идею жизни ничего такого, чего не было бы у Краузе. Невозможно сомнѣваться, что этотъ послѣдній между общими законами жизни, которые предполагаетъ философія исторіи, считалъ тѣ истины, на которыхъ всего болѣе настаивалъ Спенсеръ, напр., что развитіе всякой жизни требуетъ ряда *послѣдовательныхъ* измѣненій и множества измѣненій одновременныхъ или *сосуще-*

ствующихъ, что это развитіе совершается съ одной стороны путемъ процессовъ дѣленія или дифференцировки, ведущихъ отъ простаго къ сложному и съ другой—путемъ процессовъ комбинированія или интегрировки, приводящихъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, и что, наконецъ, существуетъ извѣстное соотношеніе, которое непрерывно устанавливается между внутренними состояніями или способностями живаго существа и окружающей его средой. Правда, что Краузе безпорядочно перемѣшалъ эти истины съ другими и даже съ заблужденіями и чистыми фантазіями, такъ что едва ли можно сказать, чтобъ онъ далъ въ защиту ихъ доказательства, достойныя этого имени; между тѣмъ какъ Спенсеръ сдѣлалъ это съ замѣчательной точностью: онъ ихъ провѣрилъ и подтвердилъ многочисленными примѣрами, свидѣтельствующими о его обширной научной эрудиціи» (стр. 248).

Не смотря на всѣ похвалы, расточаемыя по поводу общаго направленія Краузе и Спенсера, Флинтъ однако же отвергаетъ всякую аналогію между организмомъ и обществомъ *) и его ученіе относительно общественнаго сознанія скорѣе есть ученіе номиналиста, чѣмъ реалиста.

---

*) Не безъинтересно по этому вопросу прочитать *Programme de Sociologie ou d'Histoire naturelle des sociétés*, изданную въ 1872 году Гаэтаномъ Делонэ (Paris, Hurtau, galeries d'Odéon; 32 стр.). Мысль, что «Соціологія есть только Біологія обществъ», изложена въ этой брошюрѣ хотя и кратко, но со строгостью дедуктивнаго метода: авторъ ея также опередилъ Соціологію Спенсера; но доказательства не могли найти себѣ мѣста въ его эскизѣ. Гаэтанъ Делонэ принадлежитъ къ той группѣ ученыхъ, которые составили соціологическое общество подъ предсѣдательствомъ Литтрэ (см. въ *Revue positive* программу Соціологіи, представленную этому обществу его президентомъ).

ВТОРОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ*).

ТЕОРІЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЕЙ.

А) Индивидуальности морфологическія.

§ 213.

Словомъ *индивидъ* обозначали сначала органическое единство, до котораго доходитъ растительный или животный видъ на высшей ступени своего развитія. Создавая это слово, имѣли въ виду главнымъ образомъ высшихъ животныхъ и человѣка; отсюда и самое выраженіе *individuum*, недѣлимое. Но какъ только захотѣли распространить это обозначеніе на всю совокупность органическаго міра, нужно было тотчасъ же исключить недѣлимость изъ понятія индивида. Воспроизведеніе дѣленіемъ, столь обыкновенное у одноклѣточныхъ организмовъ и существующее также у кишечнополостныхъ (Coelenterata), иглокожихъ и червей, затѣмъ, тотъ фактъ, что многія животныя могутъ безнаказанно втеченіе всей своей жизни подвергаться многочисленнымъ дѣленіямъ и, наконецъ, опыты трансплантаціи, удающіеся даже надъ самыми высшими животными (напр., перенесеніе кости одного животнаго въ тѣло другаго и пр.)—вотъ основанія, которыя требуютъ измѣненія понятія объ индивидуальности.

Успѣхи морфологіи показали самымъ несомнѣннымъ образомъ, что конечная форма, которой достигаетъ растительный или живот-

*) Приводимый здѣсь отрывокъ взятъ нами изъ «*Руководства зоологіи*» Іегера.

ный видъ послѣ различныхъ фазъ своего развитія, имѣетъ далеко не одинаковое морфологическое значеніе. Если мы назовемъ *индивидомъ* въ *морфологическомъ* смыслѣ конечную форму высшихъ животныхъ, то мы должны будемъ признать за такую конечную форму собраніе индивидовъ или *общество* у многихъ кишечнополотныхъ (Coelenterata и Protenterata). Это отсутствіе морфологическаго соотвѣтствія между конечными формами животныхъ и растеній вынуждаетъ насъ къ выбору морфологическаго обозначенія болѣе высшаго порядка, охватывающаго за разъ всѣ окончательныя формы—индивидовъ или ихъ собраній. Геккель для этого предложилъ слово *біонтъ* (форма жизни).

Если бы мы пожелали этотъ опытъ классификаціи продолжать далѣе, то встрѣтили бы непреодолимыя затрудненія со стороны единства органической природы—фактъ, не имѣющій для натуралиста-мыслителя ничего прискорбнаго, такъ какъ принципъ единства природы несравненно важнѣе систематики. Зоологи и ботаники, одни за другими, старались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пролить нѣкоторый свѣтъ на эту классификацію. Самая послѣдняя попытка въ этомъ направленіи, сдѣланная Геккелемъ, значительно расширила наши знанія. Я могу однако же принять ее только отчасти. Самый характеръ моего труда, представляющаго собою учебникъ, обязываетъ меня изложить просто свои взгляды, не входя въ оспариваніе и исправленіе мнѣній Геккеля; къ тому же я расхожусь съ нимъ въ весьма немногомъ.

Затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ: *формы жизни* выражаются не только въ агломератахъ, которые мы называемъ собраніемъ индивидовъ, но также и во всѣхъ другихъ возможныхъ агломератахъ (клѣточки, ткани и т. д.) Итакъ, мы должны сначала установить различіе между *сложными* индивидами и индивидами *соединенными*.

Терминъ *собраніе индивидовъ* слѣдуетъ сохранить:

1) За собраніями, которыя образуются путемъ развѣтвленія (loi de ramification) и у которыхъ составныя части, достигая *одинаковой степени развитія*, имѣютъ и одинаковое *морфологическое* значеніе. Это замѣчаніе позволяетъ намъ достаточно

отчетливо отграничить ихъ отъ животныхъ, состоящихъ изъ органовъ, возникшихъ путемъ почкованія, такъ какъ у этихъ послѣднихъ тѣло представляетъ болѣе высшую степень развитія, чѣмъ органы. Однако же мы не должны скрывать, что разности въ организаціи могутъ проходить всѣ возможныя степени, такъ что на практикѣ всегда *должны* встрѣчаться сомнительные случаи, когда изслѣдователь рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ индивидомъ, состоящимъ изъ многихъ органовъ, или съ колоніей индивидовъ, состоящей изъ ствола и вторичныхъ индивидовъ.

2) Для собраній органическихъ единицъ, расположенныхъ въ линейномъ порядкѣ, у которыхъ составныя части обладаютъ также одинаковой степенью развитія, и гдѣ, кромѣ того, замѣчается цвѣтковое расположеніе,—обстоятельство, указывающее на то, что союзъ этотъ временной и легко допускаетъ раздѣленіе составныхъ частей. Натурально, что здѣсь также встрѣчаются сомнительные случаи, когда трудно рѣшить, что́ находится передъ вашими глазами,—цѣпь ли индивидовъ, или одинъ индивидъ, состоящій изъ метамеръ. Но существованіе такихъ затруднительныхъ случаевъ вытекаетъ изъ единства органической природы.

Мы можемъ противупоставить этому собранію индивидовъ уединенный морфологическій индивидъ, для котораго я сохраняю выраженіе *индивидъ*, будетъ ли онъ составлять часть ряда индивидовъ, или остается независимымъ. Вотъ его характеристика: всѣ существенныя части, изъ которыхъ онъ состоитъ, расположены концентрически. Части, не удовлетворяющія этому условію, имѣютъ не одинаковую степень развитія. Степень эта можетъ измѣняться въ широкихъ границахъ, а такъ какъ она постепенно повышается, включая въ себя все болѣе и болѣе высокія морфологическія единицы, то мы должны прибавить нѣсколько словъ для того, чтобъ связать эти понятія о морфологическомъ индивидѣ съ другими, изучавшимися нами прежде, морфологическими единицами.

Индивидомъ можетъ быть:

1°. *Цитода* (напр. Корненожки). Многія корненожки представляютъ собой собраніе индивидовъ.

2°. *Клѣточка*: всѣ одноклѣточные организмы (Unicellulata, напр., амебы).

3°. *Комплексъ клѣточекъ*. Отсюда начинается удивительное разнообразіе, смотря по числу, порядку и роду соединенія клѣточекъ. Въ особенности оно велико въ растительномъ царствѣ. У животныхъ довольно будетъ сопоставить между собой неправильные комплексы клѣточекъ (разсматриваемые, какъ собранія индивидовъ) съ комплексами клѣтокъ, расположенныхъ слоями, которые подымаются на высоту индивидовъ.

4°. Новое усложненіе приводитъ насъ къ собраніямъ послойныхъ клѣточныхъ комплексовъ; эти собранія могутъ получать такой характеръ, что совокупность ихъ будетъ въ одномъ случасобраніемъ индивидовъ, въ другомъ же—единымъ индивидомъ. Въ послѣднемъ случаѣ каждый такимъ образомъ изолированный индивидъ называется *сегментомъ*. Геккель для обозначенія двухъ родовъ собраній клѣточныхъ комплексовъ употребляетъ слово *особь* (persona). Онъ называетъ *кустарными особями* комплексы сборныхъ индивидовъ въ отличіе отъ *собственно особей*, имѣющихъ значеніе простыхъ индивидовъ. Я не могу принять этихъ обозначеній, потому что слово *особь*, по моему мнѣнію, прилагается только къ собраніямъ, имѣющимъ характеръ индивидовъ, т. е. къ животнымъ, тѣло которыхъ имѣетъ послойную членистую структуру. Послѣ этихъ прелиминарныхъ объясненій и оговорокъ, мы можемъ приступить теперь къ изученію различныхъ формъ собраній индивидовъ.

§ 214.

Собранія индивидовъ, называемыя также *колоніями индивидовъ*, образуются путемъ слѣдующихъ генетическихъ процессовъ:

1) *Боковымъ почкованіемъ* (bourgeonnement latéral), т. е. тѣмъ же самымъ процессомъ, который даетъ начало какой-либо группѣ органовъ. Это объясняетъ, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно найти разницу между органомъ и индивидуальностью колоніи. Колоніи, образующіяся путемъ боковаго поч-

кованія, представляютъ *первичный* индивидъ и индивиды *вторичные*. Первичный индивидъ составляетъ то, что называется главнымъ стволомъ (осью) колоніи, вторичные же индивиды даютъ второстепенные или дополнительные стволы и *вѣтви*. Вслѣдствіе повторяющагося боковаго почкованія получаются вѣтви 1-го, 2-го, 3-го порядка и т. д. Въ этомъ случаѣ необходимо присвоить особое названіе вѣтвямъ *послѣдняго* порядка, именуя ихъ *концевыми* или *верхушечными* индивидами. Если всѣ такіе концевыя индивидуальности имѣютъ одинаковую форму, то колонія называется одноформенной или *мономорфической*; если же, напротивъ, форма ихъ различна, то ее считаютъ многоформенной или *полиморфической*.

Этотъ полиморфизмъ можетъ проявляться въ трехъ различныхъ видахъ:

a) Въ различной высотѣ организаціи концевыхъ индивидуальностей: такъ, например̀ъ, у однихъ изъ нихъ пищевая полость открывается наружу верхушечнымъ ртомъ; у другихъ же этого нѣтъ. Или, еще лучше, одинъ индивидъ можетъ обладать такимъ органомъ, который отсутствуетъ у другихъ индивидовъ того же вида.

b) Въ простомъ различіи формъ: напримѣръ, одинъ индивидъ цилиндрическій, другой листовидный.

c) Самое поражающее различіе происходитъ въ томъ случаѣ, когда одна часть концевыхъ индивидуальностей составляетъ *комплексъ*, а другая остается въ формѣ простыхъ индивидовъ. Самый извѣстный примѣръ подобнаго явленія можно наблюдать на явнобрачныхъ растеніяхъ, у которыхъ концевая индивидуальность—листъ—путемъ агрегаціи образуетъ сложную индивидуальность болѣе высшаго порядка—цвѣтокъ. Тотъ же самый процессъ представляютъ намъ двѣ группы животныхъ (гидроиды и трубчатники).

d) Гидромедузы, гдѣ у многихъ видовъ концевыя индивидуальности (обыкновенно по четыре или по восьми), расположенныя кружкомъ, простаются своими краями и образуютъ чашечку. Индивидъ, находящійся въ центрѣ, остается свободнымъ и играетъ въ морфологическомъ и физіологическомъ отношеніи такую же роль, какъ пестикъ и завязь въ растеніи. Эта сложная форма изъ кон-

цевыхъ индивидовъ, этотъ кружокъ животныхъ индивидовъ вполнѣ заслуживаетъ названіе *цвѣтка*.

Такой животный цвѣтокъ представляетъ тѣ же характерныя свойства, какъ и растительные цвѣты—существуютъ цвѣты половые и безполые. Эти послѣдніе состоятъ единственно изъ чашечки половаго ценральнаго индивида. Они расположены (тамъ, гдѣ они чаще встрѣчаются, напр., у многихъ трубчатниковъ) возлѣ плодоносныхъ цвѣтовъ, въ одной и той же колоніи, и называются, вслѣдствіе своего отправленія, *плавательными колокольчиками*. Между половыми животными цвѣтками встрѣчаются такіе, у которыхъ чашечка чрезвычайно развита, и такіе, у которыхъ она очень мала и даже совсѣмъ отсутствуетъ. У этихъ послѣднихъ половой центральный индивидъ вообще остается также мало развитымъ (безъ пищевой полости и рта). Первые же, съ весьма развитой чашечкой, напротивъ, обладаютъ организаціей, незамѣчаемой у растеній: половой индивидъ снабженъ верхушечнымъ ртомъ и такимъ образомъ развитъ выше, чѣмъ индивиды чашечки. Затѣмъ цвѣтокъ отдѣляется отъ колоніи, и такъ какъ онъ можетъ питаться самъ по себѣ, то растетъ и живетъ самостоятельно—онъ дѣлается *біонтомъ*. Эти животные автономные цвѣтки были извѣстны задолго до того, когда натуралисты могли уяснить себѣ ихъ образованіе и разсматривались, какъ явленія такъ называемаго чередованія поколѣній. Въ эмбріологическомъ отдѣлѣ настоящей книги мы увидимъ, что этотъ старинный взглядъ долженъ быть видоизмѣненъ; здѣсь же только замѣтимъ, что прежде чѣмъ создалась истинная теорія этихъ независимыхъ цвѣтковъ, ихъ называли *медузами*; но теперь ихъ слѣдуетъ именовать *Медузоидными почками*, и я предложилъ для процесса, дающаго имъ начало, терминъ *антогенезиса* (цвѣторожденія).

Мнѣ кажется, что антогенезисъ существуетъ и у другихъ животныхъ, относительно размноженія которыхъ до сихъ поръ прибѣгали къ объясненіямъ совершенно иного характера. Я хочу сказать объ Иглокожихъ, у которыхъ окончательная половая форма распускается (bourgeonne) на личинкѣ. Эта личинка имѣетъ всѣ свойства самой древней формы кишечно-полостныхъ (*protenterata*)

и относительно иглокожаго, которое распускается на ней, играетъ рѣшительно такую же роль, какъ колоніи гидроидовъ относительно медузъ, съ той лишь разницей, что личинка иглокожаго представляетъ собой не колонію, а индивидъ, потому что она производитъ только одинъ цвѣтокъ, (бываютъ, можетъ быть, исключенія, у нѣкоторыхъ морскихъ звѣздъ). Наконецъ, по общему порядку, послѣ образованія иглокожаго, личинка погибаетъ даже тогда, когда это послѣднее еще не отдѣлилось отъ нея, потому что иглокожее, внутри котораго путемъ почкованія образуется перигастрій *) проходитъ черезъ кожный слой личинки и ко всему этому усвоиваетъ себѣ ея желудокъ, отнимая отъ нея такимъ образомъ всякую возможность дальнѣйшаго существованія. Одинъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ морскихъ звѣздъ личинка продолжаетъ жить послѣ отдѣленія отъ нея иглокожаго, уже доказываетъ, что мы вправѣ установить параллель между возникновеніемъ этихъ животныхъ и образованіемъ медузоидныхъ почекъ; эта параллель оправдывается еще тѣмъ сходствомъ, которое существуетъ между морфологическимъ строеніемъ медузы и иглокожаго. Оба они состоятъ изъ кружковъ индивидовъ, съ той только разницей, что у иглокожихъ нѣтъ центральнаго индивида, а одна лишь чашечка, состоящая сплошь изъ половыхъ индивидовъ. Однако же это разница умаляется сама собой, если обратить вниманіе на змiехвостокъ (родъ морской звѣзды) и морскихъ лилій, у которыхъ замѣчается такая рѣзкая противоположность между центральнымъ дискомъ и периферическими лучами,—противоположность, столь же рельефная въ половомъ отношеніи, какъ и у медузъ, ибо что-нибудь одно изъ двухъ: или встрѣчается половой центральный индивидъ и безполая чашечка (змiехвосты, большая часть медузъ), или, наоборотъ (морскія лиліи). Нельзя отрицать также и того, что есть иглокожія, которыя появляются на свѣтъ прямо изъ яйца, не проходя черезъ промежуточныя личиночныя формы, такъ какъ тотъ же самый фактъ былъ замѣченъ и у нѣкоторыхъ

*) Продуктъ внутренняго почкованія личинки, обростающій ея желудокъ и часть кишки и преобразующійся въ иглокожаго.

медузъ. Фактъ этотъ объясняется слѣдующимъ образомъ: на одной изъ двухъ оконечностей ряда мы имѣемъ *біонтовъ*, у которыхъ колонія (или, говоря болѣе конкретно, личинка) значительно преобладаетъ надъ цвѣткомъ, остающимся безъ чашечки. Затѣмъ начинается возрастающее преобладаніе цвѣтка надъ колоніей или личинкой до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя не обратится въ простой быстро преходящій зародышъ, который до такой степени вырождается въ общемъ процессѣ индивидуальнаго развитія, что, наконецъ, теряется всякая возможность уловить его слѣды.

Какъ бы то ни было, но этотъ способъ воззрѣнія на иглокожихъ находитъ поддержку еще въ томъ фактѣ, что морфологическое сходство между иглокожими и медузами, получившее столь давно свое выраженіе въ систематикѣ, можетъ быть приведено къ одной общей морфологической причинѣ, антогенезису, и что такимъ образомъ удовлетворяется одно изъ существенныхъ научныхъ требованій. Существенная разница, которая продолжаетъ еще оставаться между этими двумя группами, состоитъ въ томъ, что у медузъ колонія и цвѣты устроены по кишечно-полостному типу, между тѣмъ какъ у иглокожихъ личинка и плодъ снабжены пищеварительнымъ каналомъ; кромѣ того, индивидуальности медузы не состоятъ изъ метамеръ, и потому имѣютъ значеніе сегмента; напротивъ, у иглокожихъ они расчлененныя, что́ даетъ имъ характеръ особи.

§ 215.

2° Образованіе колоніи можетъ происходить еще путемъ *неполнаго поперечнаго дѣленія* (цѣпная колонія), т. е. путемъ того самаго процесса, который производитъ метамеры; отсюда слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ метамерой или съ индивидуальностью колоній. Такимъ примѣромъ могутъ служить ленточныя глисты. Если въ данномъ случаѣ слѣдуетъ высказаться за цѣпь индивидовъ, то прежде всего потому, что эти животныя и въ цѣломъ, и въ частяхъ составлены одинаковымъ образомъ; затѣмъ, когда они отдѣляются въ видѣ проглоттидъ, эти членики ведутъ еще нѣсколько времени самостоя-

тельную жизнь настоящихъ *біонтовъ*; наконецъ, существуетъ нѣкоторая противоположность между проглоттидами и первичной индивидуальностью (головой), которая составляетъ исходную точку образованія цѣпи и пунктъ, гдѣ эта цѣпь растетъ. Можно указать на многихъ червей, представляющихъ собой цѣпныя колоніи съ ясно разграниченными звѣньями (члениками) и даже колоніи въ видѣ особей, т. е. съ неясно раздѣленными члениками, каковы напримѣръ, кольчецы, у которыхъ наростаніе новыхъ члениковъ всегда происходитъ между старыми и сопровождается раздѣленіемъ цѣпи сегментовъ, составляющихъ особь, на двѣ части: одна изъ нихъ—передняя, пополняется образованіемъ концевыхъ сегментовъ; другая, задняя,—формировкой головныхъ. Въ этомъ случаѣ обѣ особи бываютъ соединены между собой такимъ образомъ, что головка одной прилегаетъ къ клоакѣ другой. Часто насчитываютъ по 3, 4 и даже по 5 особей, соединенныхъ подобнымъ образомъ. Однако же колоніи, образовавшіяся такимъ путемъ, не прочны и составляющія ихъ особи позднѣе вполнѣ отдѣляются другъ отъ друга.

То же самое бываетъ и съ цѣпями индивидовъ, представляющихъ переходную ступень развитія покрытоглазыхъ медузъ (медузы, глаза которыхъ спрятаны въ углубленіяхъ «зонтика»). Первый индивидъ, прикрѣпленный къ какому-либо подводному предмету и имѣющій полипообразную форму, даетъ начало прогрессивному образованію метамеръ, идущему отъ ротоваго полюса къ концевому. Метамеры занимаютъ относительно раздѣляющихъ ихъ углубленій такую значительную площадь сѣченія, что они образуютъ собой цѣпь бахромчатыхъ дисковъ, среднія точки которыхъ соединены между собой лишь весьма тонкимъ сердцевиннымъ слоемъ вещества. Наконецъ, метамеры отдѣляются одни за другими и становятся половыми *біонтами* или медузами. Этотъ процессъ образованія *біонтовъ* называется *стробилизаціей*.

Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что такъ называемыя *цѣпи* сальпъ не есть цѣпныя колоніи, образованныя поперечнымъ дѣленіемъ, п. ч. онѣ происходятъ путемъ боковаго почкованія на яичникѣ, на который слѣдуетъ смотрѣть, какъ на органъ материнской индивидуальности: или этотъ яичникъ, заполненный вторичными

индивидуальностями, остается соединеннымъ съ материнскимъ индивидомъ для образованія одной и той же колоніи (Doliolum), или же отдѣляется отъ него, и цѣпь составляется изъ этого органа, образователя зародышей, и вторичныхъ индивидовъ.

§ 216.

3° Наконецъ, образованіе колоніи можетъ происходить путемъ *неполнаго продольнаго дѣленія*, т. е. посредствомъ того самаго процесса, который даетъ начало парамерамъ. Однако же смѣшеніе съ парамерами тутъ невозможно: въ самомъ дѣлѣ, въ упонимаемомъ нами третьемъ случаѣ дѣленіе всегда происходитъ половинчатое—индивидъ дѣлится на двѣ части; между тѣмъ какъ при образованіи парамеръ, напротивъ, всегда бываетъ нѣсколько плоскостей спайности, которыя перекрещиваются между собой. Форма неполнаго продольнаго дѣленія въ томъ случаѣ, когда индивиды соединены между собой только основною частью, извѣстна подъ именемъ *бифуркаціи* (раздвоеніе); если же двѣ индивидуальности во время своей жизни соединены всей продольной частью, какъ напр. мадрепоры, то она называется *фасціаціей*. Между этими двумя формами существуетъ множество переходовъ. Фасціація производитъ вѣерообразныя колоніи или полусферическія (когда она имѣетъ мѣсто по нѣсколькимъ направленіямъ). Бифуркація производитъ древовидныя колоніи, которыя отличаются отъ такихъ же колоній, производимыхъ боковымъ почкованіемъ, тѣмъ, что между ихъ первичными, вторичными и верхушечными индивидуальностями нѣтъ никакой разницы—всѣ онѣ одинаковы.

B) Теорія біологическихъ индивидуальностей.

§ 217.

Біологическія индивидуальности составляются изъ морфологическихъ (біонтовъ) и отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что ассоціація не морфологическая, а біологическая. Однако же, какъ мы увидимъ позднѣе, вполнѣ точной границы между ними не су-

ществуетъ. Генетическіе процессы, путемъ которыхъ возникаютъ біологическія индивидуальности, извѣстны подъ именемъ воспроизведенія и будутъ изслѣдованы нами въ той части нашей книги, которая трактуетъ о размноженіи животныхъ.

§ 218.

Первичная біологическая индивидуальность есть *пара*. Она наблюдается только у раздѣльнополыхъ животныхъ; у животныхъ же двуполыхъ эта индивидуальность смѣшивается съ морфологической индивидуальностью (біонтъ). То же самое встрѣчается въ колоніяхъ и цѣпяхъ (chaines) индивидовъ, у которыхъ колонія двуполая; но тождественность прекращается въ тѣхъ случаяхъ, когда колоніи раздѣльнополыя.

Съ біологической точки зрѣнія можно различать:

1° По продолжительности:

а) Временная пара: это случай, когда два раздѣльнополыхъ индивида имѣютъ совмѣстныя отношенія только во время совокупленія; эти отношенія имѣютъ своей цѣлью единственно сохраненіе вида и никакъ не индивида.

в) Брачная пара: два индивида живутъ вмѣстѣ впродолженіе всего своего существованія, причемъ цѣль ихъ соединенія всего чаще состоитъ не только въ сохраненіи вида, но и въ обезпеченіи индивида.

2° По числу соединяющихся индивидовъ:

а) Моногамическая пара, состоящая изъ одной самки и одного самца.

в) Полигамическая пара: одинъ изъ половъ представляется группой нѣсколькихъ индивидовъ. Наиболѣе частый случай такой пары представляется въ совокупленіи нѣсколькихъ самокъ съ однимъ самцомъ, причемъ сожитіе бываетъ продолжительнымъ, напримѣръ, у куръ. Въ обратномъ же случаѣ, когда число самцовъ превосходитъ количество самокъ (большинство рыбъ и амфибій), союзъ всего чаще бываетъ временный и имѣетъ цѣлью исключительно совокупленіе (скопища лягушекъ во время любовнаго сезона).

3° Съ морфологической точки зрѣнія дѣленіе принимаетъ слѣдующій видъ:

a) *Одноформенная пара*, въ которой два пола различаются между собой только воспроизводительнымъ аппаратомъ, т. е. первичными половыми признаками.

e) *Разноформенная пара*, въ которой индивиды двухъ половъ разнятся другъ отъ друга еще другими особенностями (вторичные половые признаки). Эти послѣдніе имѣютъ весьма разнообразный характеръ и относятся какъ къ различію въ формѣ, цвѣтѣ, присутствію спеціальныхъ органовъ (гребни, шпоры, оленьи рога), такъ и къ разному строенію извѣстныхъ органовъ, различію въ величинѣ и даже, въ крайнихъ случаяхъ, къ различной степени развитія. Часто одинъ изъ половъ можетъ стоять въ этомъ послѣднемъ отношеніи значительно ниже другаго. Наиболѣе значительная разница между полами въ разноформенной парѣ можетъ выражаться въ двухъ слѣдующихъ видахъ:

1) Одинъ изъ половъ — и кажется исключительно женскій — можетъ представляться въ двухъ и даже трехъ различныхъ формахъ, изъ которыхъ часто одна (наиболѣе рѣдкая изъ двухъ) отличается отъ самца вторичными половыми признаками. Этотъ случай, наблюдавшійся до сихъ поръ преимущественно у бабочекъ, получилъ названіе полиморфизма или диморфизма половъ.

2) Подобный же случай наблюдается, когда къ двумъ поламъ, вступающимъ между собой въ сношенія для совокупленія, присоединяется еще третья средняя форма кормилицъ, на которыхъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на предковъ пары. Въ самомъ дѣлѣ, кормилица производитъ потомство безъ совокупленія — и притомъ часто послѣ нѣсколькихъ поколѣній кормилокъ, напр., тли и дафніи (водяныя блохи). Біологическая индивидуальность можетъ дѣлаться еще болѣе сложной, когда представляются двѣ формы кормилицъ — первичная и вторичная, какъ напримѣръ, у сосальщиковъ. Наблюдали даже случаи существованія трехъ родовъ кормилицъ.

§ 219.

Вторичной біологической индивидуальностью является *семей-*

ство. Оно образуется изъ соединенія *біонтовъ*, которые вступаютъ между собой въ генетическія отношенія, дѣлаясь одни — родителями, другіе—потомствомъ. Мы будемъ различать:

1° *Семейство безглавное* (безъ вождя), въ которомъ всѣ индивиды находятся между собой въ координированныхъ отношеніяхъ: это именно то, что мы называемъ *стаей*—форма ассоціаціи, чрезвычайно распространенная у низшихъ животныхъ и даже у тѣхъ, которыя обладаютъ весьма развитой организаціей (воро́ны, водяныя птицы). Краббы, моллюски, многокоробочники (polycistina) образуютъ въ моряхъ такія скопища, что имъ, вслѣдствіе ихъ протяженія на нѣсколько миль, даютъ названіе животныхъ *рифовъ* (устричныя банки, коралловые рифы; Желтое или Китайское море обязано своимъ цвѣтомъ ничему иному, какъ многокоробочникамъ). Эти рифы состоятъ то изъ одного вида животныхъ, то изъ многихъ видовъ. Послѣдніе изъ нихъ называются *сборными стаями*. Необходимо замѣтить, что стаи многихъ насѣкомыхъ—шпанскія мухи, саранча—не образуются изъ разныхъ поколѣній: входящіе въ ихъ составъ индивиды имѣютъ одно общее происхожденіе и всѣ одного и того же возраста.

2° *Семейство съ главой* (орда, народъ, община, сожительство), гдѣ во главѣ общества стоитъ тотъ или другой вожакъ, въ отношеніи къ которому всѣ другіе члены стоятъ въ подчиненномъ положеніи. Такимъ главой банды почти всегда бываетъ самецъ (патріархія) и болѣе рѣдко, напр. у гусей—самка (матріархія). Въ семействахъ съ главой, которыя образуются и сохраняются только втеченіе одного поколѣнія и которыя состоятъ только изъ родителей и ихъ дѣтей (куропатки), главой является одинъ изъ родителей. Въ болѣе долговѣчныхъ семействахъ того же рода (журавли, дикіе гуси, слоны и т. д.), включащія въ себѣ нѣсколько поколѣній, глава избирается частью по старшинству лѣтъ, частью же по способностямъ, выказаннымъ при вожденіи стада.

§ 220.

Третичная біологическая индивидуальность, образующаяся при посредствѣ вторичной, т. е. семейства, это—*государство*. Су-

щественную его черту составляетъ раздѣленіе труда внутри общества, что́ часто влечетъ за собой также морфологическія различія. Каждая рабочая спеціальность носитъ названіе *ремесла*. Этотъ родъ біологической индивидуальности встрѣчается только у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (термиты, муравьи, пчелы) и человѣка.

Въ образованіи государствъ рѣзко выдаются два характеристическіе случая:

а) Государство образуется вслѣдствіе численнаго возрастанія семейства путемъ размноженія; это—*родовое государство*. Самая низшая форма такихъ государствъ—половое государство; самая высшая, встрѣчающаяся только у человѣка,—національное государство.

в) Государство можетъ также образоваться вслѣдствіе совмѣстнаго сотрудничества индивидовъ, неимѣющихъ между собой никакихъ отношеній близкаго родства и даже представляющихъ болѣе или менѣе значительныя особенности. Этотъ родъ государства встрѣчается только между людьми и носитъ названіе международнаго государства или агрегаціи (Соединенные Штаты, Швейцарія).

Родовыя государства—самыя естественныя, такъ какъ тамъ регулирующій принципъ всякой организаціи—подчиненіе—существуетъ уже вслѣдствіе одного присутствія предковъ различныхъ степеней. Что касается агрегаціонныхъ государствъ, то здѣсь организація складывается гораздо труднѣе, такъ какъ ихъ составныя части являются вначалѣ просто координированными, и принципъ старшинства въ нихъ остается безъ всякаго дѣйствія. По своему развитію, агрегаціонныя государства представляютъ слѣдующія стадіи:

а) *Государство двустороннее* или *партикулярное* (Америка). Оно характеризуется могуществомъ извнѣ и борьбою внутри.

в) *Олигархія* или аристократическое господство, представляемое сначала *денежной аристократіей*, а затѣмъ, путемъ наслѣдія, переходящее въ родовую аристократію, называемую *патриціатомъ* (классическія республики, Швейцарія).

. . . .

§ 221.

Въ противоположеніи съ предыдущимъ и значительно выше его стоитъ *родовое государство*, образованное изъ семействъ съ главой, всѣ члены, которыхъ связаны между собой узами кровнаго родства. Мы уже встрѣчаемъ эту форму государства у животныхъ и можетъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ представляемыя ею стадіи развитія:

1° *Половое государство*. Оно включаетъ въ себѣ два рода дѣятельности: дѣятельность *воспроизводителей* или индивидовъ, имѣющіе полъ, и дѣятельность *работниковъ* или индивидовъ безполыхъ. Первая изъ нихъ способствуетъ сохраненію вида, вторая—сохраненію индивида. Это государство представляетъ слѣдующія разновидности: *а*) дѣятельность воспроизводителя пріобрѣтаетъ первостепенное преобладающее значеніе въ государствѣ, причемъ работники находятся въ зависимыхъ отношеніяхъ къ этимъ спеціалистамъ совокупленія (множество муравьевъ, шмели и пр.). Разновидность эта быстро переходитъ въ другую, прямо ей противуположную, гдѣ *в*) работники достигаютъ *по существу* преобладанія въ общинѣ, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ, что господинъ дѣлается рабомъ своихъ слугъ.

Другія особенности происходятъ: *а*) изъ различныхъ отношеній между полами внутри общества. Такъ, въ немъ можетъ быть или одна только самка и много самцовъ (матріархія: пчелы, осы, шершни), или же оба пола—какъ тотъ, такъ и другой въ большомъ количествѣ.—*в*) изъ усиленной дифференцированной дѣятельности рабочихъ, которые могутъ дѣлиться на *солдатъ* и *кормителей*. Эта форма государства, называемая *военнымъ государствомъ*, встрѣчается, внѣ человѣческихъ обществъ, у муравьевъ и термитовъ.

2° *Невольничье* или *рабовладѣльческое государство* представляетъ собой вторичную болѣе высокую форму родоваго государства и послѣдствіе военнаго, присоединяющаго къ себѣ путемъ разбойническаго насилія извѣстное число индивидовъ, которые не имѣютъ съ нимъ никакихъ близкихъ родственныхъ связей и ста-

вятся имъ не въ равноправныя отношенія, какъ въ аггрегаціонныхъ государствахъ, а въ зависимыя (повелители и рабы). Эта форма государства, внѣ человѣческихъ обществъ, встрѣчается у многихъ муравьевъ. Лучше другихъ извѣстны рабовладѣльческія государства рыжеватыхъ и красныхъ муравьевъ (Formica rufescens и F. sanguinea). Вначалѣ, въ средѣ господствующаго класса существуетъ два рода индивидовъ—имѣющіе полъ и безполые, но эти послѣдніе скоро изчезаютъ, и тогда картина мѣняется: всѣ владыки обладаютъ половыми органами, причемъ однако случается, что они, какъ въ половомъ государствѣ, попадаютъ въ нѣкорую зависимость отъ своихъ рабовъ (Древній Римъ и рабовладѣльческія государства многихъ муравьевъ).

3° *Пропріетерное государство* составляетъ непосредственное продолженіе предыдущаго. Тогда какъ рабство есть присоединеніе индивидовъ, способныхъ вступать съ своими владыками въ половыя сношенія, собственность есть присвоеніе животныхъ видовъ, съ которыми подобныя сношенія невозможны: покореніе животныхъ, прирученіе ихъ и разведеніе домашняго скота приводитъ къ *пастушескимъ государствамъ*, культура растеній—къ *земледѣльческимъ*. Касательно отношеній между пропріетерными и рабовладѣльческими государствами, необходимо замѣтить, что тутъ представляется одно изъ двухъ: они могутъ обладать исключительно либо рабами, либо скотомъ, или же одновременно и тѣмъ, и другимъ. Внѣ человѣческихъ обществъ, такое государство мы находимъ у многихъ муравьевъ. Ихъ домашними животными бываютъ преимущественно тли и нѣкоторые виды жесткокрылыхъ (булавоусъ).

Можно различать въ данномъ случаѣ собственно домашнихъ животныхъ отъ нахлѣбниковъ, которые только терпимы; постороннія насѣкомыя, живущія въ муравейникахъ (Myrmecophilus), и принадлежатъ по большой части къ жесткокрылымъ. Эти послѣднія пробавляются остатками и отбросами своихъ патроновъ и такимъ образомъ способствуютъ поддержанію чистоты въ ихъ жилищахъ—отношенія между ними и общественными животными пріобрѣтаютъ характеръ большей или меньшей дружественности. Не-

давно у нѣкоторыхъ южно-американскихъ муравьевъ найдены *земледѣльческія государства*, подобно тому, какъ они нерѣдко встрѣчаются у человѣка. Эти государства разводятъ съ большимъ тщаніемъ одинъ сортъ травы, употребляемой ими въ пищу: они правильно сѣютъ зерна и собираютъ ихъ въ запасъ, причемъ извѣстнымъ образомъ обрабатываютъ свои поля.

Мы перечислили различныя формы государствъ, представляемыхъ животными. Дальнѣйшее развитіе государственныхъ организмовъ совершается только въ человѣческихъ обществахъ, и потому выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Скажемъ однако же, что наивысшая государственная ступень, какой можетъ достигать общество, есть конституціонная монархія. Форма эта складывается только въ національный періодъ жизни *родовыхъ государствъ*. Что касается агрегацій, то они могутъ приводить къ сравнительно низшимъ формамъ (республика, федерація, деспотизмъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СЛУЧАЙНЫЯ АССОЦІАЦІИ ИЛИ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ЖИВОТНЫМИ РАЗНЫХЪ ВИДОВЪ.

Паразиты, нахлѣбники, мутуалисты.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ФУНКЦІЯ ПИТАНІЯ.

НОРМАЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ЖИВОТНЫМИ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ВИДА.

Инфузоріи, животнорастенія, оболочники, черви.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВОСПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ.

ГЛАВА I.

Семейство: брачное общество.

ГЛАВА II.

Материнское семейное общество: семейство у насѣкомыхъ.

ГЛАВА III.

Отческое семейное общество: семейство у рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЗАИМНАЯ ЖИЗНЬ.

Сообщество.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Исторія открытія Америки. Соч. Ламе-Флери. Книга для чтенія дѣтей средняго и старшаго возраста. 228 стр. **Цѣна 50 к.**

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1879 г. 141 стр. Цѣна 60 к.

Нашъ Другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. 10-е иллюстрированное изданіе. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Учебникъ этотъ, разошедшійся въ 200 тысячахъ эксемпл., одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народнаго Просв., Духовно-учебнымъ Комитетомъ, Главнымъ Комитетомъ по образованію войскъ и Военно-Ученымъ Комитетомъ. Съ нынѣшняго учебнаго года «НАШЪ ДРУГЪ» появляется въ переработанномъ и вполнѣ преобразованномъ видѣ. Онъ распадается на двѣ книги — ученическую и учительскую: «НАШЪ ДРУГЪ» и РУКОВОДСТВО КЪ «НАШЕМУ ДРУГУ». Первая изъ нихъ, стоющая 65 к., состоитъ исключительно изъ прежнихъ пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ 120 статей для чтенія и хрестоматіи, дополненной образцами нашихъ лучшихъ прозаиковъ. Эта книга снабжена **110 художественно исполненными рисунками** въ текстѣ не только изъ области реальныхъ знаній, но и эстетическаго характера, а также портретами многихъ достопамятныхъ людей (Петра I, Екатерины II, Александра II, Пушкина, Гоголя, Крылова, Уатта, Фультона, Дженнера и др.). Что касается РУКОВОДСТВА КЪ «НАШЕМУ ДРУГУ» (книга для учителей), то оно составляетъ томъ въ 190 страницъ самой убористой печати, въ который отнесены всѣ бесѣды и диктовки, задачи и прочія упражненія, прежде помѣщавшіяся въ книгѣ для чтенія, а теперь выдѣленныя изъ нея и значительно дополненныя въ новой переработкѣ. Въ этомъ «Руководствѣ» помѣщены также дополненія по географіи, исторіи и статистикѣ къ статьямъ «Нашего Друга» съ историко-географическимъ описаніемъ 10 городовъ Россіи, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ историческомъ порядкѣ отъ Новгорода до Тифлиса. На каждые 100 экземпляровъ «Нашего Друга» прилагается **безплатно** по 4 экз. «Руководства». Въ отдѣльной же продажѣ его цѣна 50 коп.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинахъ) Ф. Павленкова. 10 листовъ. **Цѣна 1 р.**

На каждой изъ 200 находящихся въ этомъ изданіи картинокъ или задачъ допущено какое-нибудь отступленіе отъ дѣйствительности, которое предлагается найти ребенку; причемъ, рѣшая задачу, онъ, по возможности, долженъ объяснить, почему на самомъ дѣлѣ не бываетъ или не можетъ быть того, что представляетъ рисунокъ (напр. взрослый человѣкъ подрубаетъ сукъ, на которомъ самъ сидитъ; рѣшетомъ черпаютъ воду; слѣпой съ фонаремъ; горѣніе металлическихъ вещей; тѣни отъ высокихъ деревьевъ короче, чѣмъ отъ низкихъ и т. п.) и какъ представленное на картинкѣ должно быть въ дѣйствительности. «Наглядныя Несообразности» назначаются какъ для семьи, такъ и для школы. Онѣ могутъ послужить небезполезнымъ матеріаломъ для развитія въ дѣтяхъ наблюдательности, вниманія, соображенія, словоохотливости и отчасти критическаго отношенія къ окружающей обстановкѣ. Къ изданію этому прилагается особая книжка—«Объясненіе къ Наглядн. Несообразностямъ», стоющая **5 коп.**

Жизнь Робинзона. Составилъ Н. Блиновъ. Спб. 1879 г. 362 стр. съ 125 картинками въ текстѣ. **Цѣна 1 р. 30 коп.** Въ папковомъ переплетѣ—**1 р. 50 коп.** Въ переплетѣ съ золотыми тисненіями **1 р. 75 коп.** Авторъ «Жизни Робинзона» желалъ своей книгой отвѣтить въ общедоступной формѣ на старый, но вѣчно юный вопросъ: «Какія вожделѣнія должны составлять цѣль жизни современнаго человѣка, или, говоря иначе, куда должны направляться струи личнаго наслажденія отдѣльныхъ единицъ, чтобъ изъ ихъ сліянія получился обширный водоемъ общественнаго счастья»?

Сердце и мозгъ. Льюиса. (Популярно-физіологическое объясненіе душевныхъ волненій). Второе изданіе. Цѣна 15 коп.

Популярная химія. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 48 рисунками въ текстѣ. Цѣна 30 коп.

Полный курсъ физики А. Гано. Переводъ съ 18-го французскаго изданія Ф. Павленкова и В. Черкасова. Цѣна 3 р. 50 к. Спб. 1882 г. 4-е дополн. изданіе. Къ книгѣ, состоящей изъ 1000 страницъ самой убористой печати, приложено 1122 политипажа, раскрашенный рисунокъ пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній, заново составленный обзоръ метеорологическихъ явленій и краткій очеркъ популярной химіи. Курсъ этотъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просв., какъ пособіе для средн. учебн. заведеній.

Единство физическихъ силъ. Опытъ естественно-научной философіи А. Секки. Переводъ съ французскаго Ф. Павленкова. Цѣна 2 руб. 50 к. Спб. 1880 г. 2-е значительно дополненное изданіе, съ 63 гравюрами въ текстѣ, портретомъ автора и приложеніемъ публичной лекціи Тиндалля: «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ».

Популярная физика А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова. Спб. 1882 года. 500 стр. и 400 рис. 3-е изд. значительно дополненное. Рекомендована Учен. Комитетомъ IV Отдѣленія, какъ «отличное пособіе для учителей и ученицъ въ институтахъ и гимназіяхъ». **Цѣна 2 руб.**

Земская служба. Бесѣды гласнаго-крестьянина Акима Простоты. Составилъ Н. Блиновъ. Спб. 1881 г. 180 стр. Книга эта состоитъ изъ 12 разсказовъ, которые, въ легкой повѣствовательной формѣ, знакомятъ читателя со всѣми главнѣйшими основами нашего земскаго самоуправленія. **Цѣна 50 коп.**

Сельская общественная служба. Бесѣды сельскаго старосты Акима Простоты. Составилъ Н. Блиновъ. Спб. 1882 г. 180 стр. **Цѣна 50 коп.**

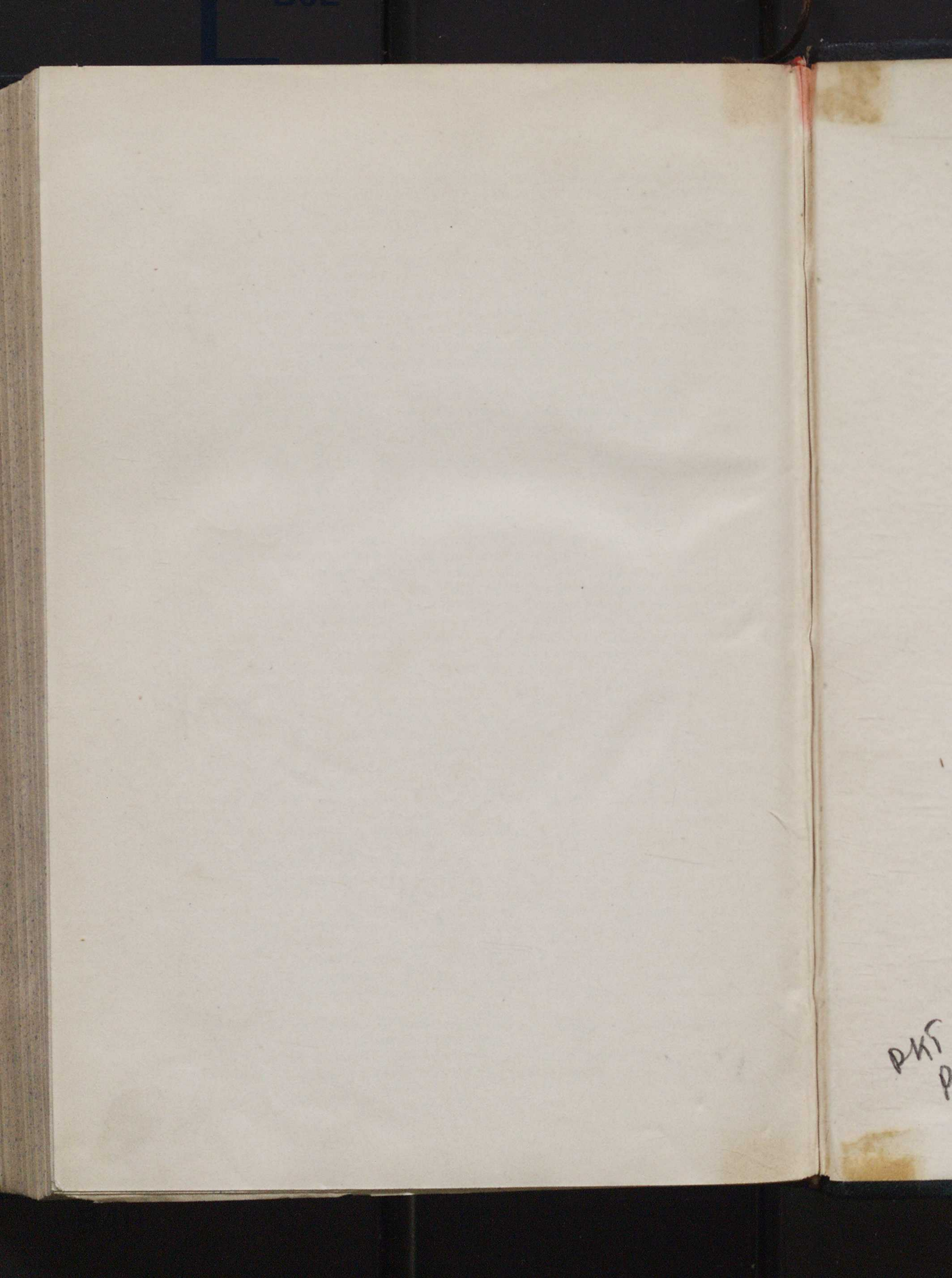
Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Ф. Гольцендорфа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго. (Изданіе Ф. Павленкова). Содержаніе: I. Общественное мнѣніе, какъ предметъ научнаго изслѣдованія.—II. Общественное мнѣніе въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка.—III. Общественное мнѣніе въ новое время. — IV. Понятіе общественнаго мнѣнія, выясняемое его противоположностями.—V. Предметъ и содержаніе общественнаго мнѣнія.—VI. Процессъ образованія общественнаго мнѣнія. — VII. Общественное мнѣніе и печать.—VIII. Задачи государства по отношенію къ общественному мнѣнію. Спб. 1881 г. 140 стр. въ 8 д. **Цѣна 75 к.**

Мученики науки. Г. Тиссандье. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 34 гравюрами и 20 портретами въ текстѣ. **Цѣна 2 р. 50 к.** Спб. 1880 г. 360 стр. на веленевой гласированной бумагѣ. Содержаніе: Вмѣсто введенія. Герои труда и мученики научнаго прогресса. — Завоеваніе земнаго шара.—Изслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы. — Открытіе системы міра.—Научный методъ. — Книгопечатаніе. — Творцы наукъ. — Промышленность и машины.—Пароходы и желѣзныя дороги.—Врачи. — Наука и отечество.—Трудовая армія науки.

Телефонъ, микрофонъ и фонографъ. Дю-Монселя. Спб. 1880 г. 324 стр. съ 74 рисунками въ текстѣ. Перевели со 2-го французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Содержаніе: Краткія историческія свѣдѣнія.—Музыкальные телефоны.—Говорные телефоны. — Изложеніе главныхъ началъ, на которыхъ основанъ телефонъ Белля.—Обыкновенное устройство телефоновъ Белля.—Различныя системы телефоновъ. — Телефоны съ гальваническими элементами — Видоизмѣненія, встрѣчающіяся въ устройствѣ телефоновъ Белля.—Различные опыты, произведенные надъ телефономъ. — Микрофонъ. — Примѣненіе микрофона.—Вліяніе внѣшнихъ причинъ на телефонныя передачи. — Устройство телефонной почты.—Призывной и увѣдомительный звонокъ. — Примѣненіе телефона.—Фонографъ.—Американская говорящая машина Фабера. — Прибавленіе. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція Баркера. Перв. съ франц. Ф. Павленкова. **Цѣна 10 к.**

Русская тля за границей. Двадцать семь очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ соотечественниковъ-фланеровъ въ Парижѣ и Италіи. **Цѣна 1 р. 50 к.**

2014141697